

NIION 2003-0059
MOSURED 77/27-003

ISSN 2073-0454 (Print)
ISSN 2782-5698 (Online)

ВЕСТНИК

Московского университета МВД России

Рекомендован Перечнем ВАК при Министерстве науки
и высшего образования Российской Федерации

Журнал включен
в Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ)

2
2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Е. Н. Бегалиев,

доктор юридических наук, профессор, почетный работник образования РК (Республика Казахстан)

С. А. Боголюбов,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Г. А. Василевич,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)

К. К. Гасанов,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел РФ

В. И. Елинский,

доктор юридических наук, профессор, почетный сотрудник Следственного комитета РФ

А. Е. Епифанов,

доктор юридических наук, профессор

С. С. Жевлакович,

кандидат социологических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы РФ

О. В. Зиборов

доктор юридических наук, профессор

И. А. Калининченко,

кандидат педагогических наук

О. Г. Карпович,

доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

В. Л. Кубышко,

заместитель Министра внутренних дел РФ, кандидат педагогических наук

С. С. Майлян,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

А. Л. Миронов,

кандидат юридических наук, доцент

Н. В. Румянцев,

доктор юридических наук

Д. Субошич,

кандидат юридических наук, профессор (Республика Сербия)

В. Ю. Федорович,

кандидат юридических наук, доцент

Ю. А. Цыпкин,

доктор экономических наук, профессор

Б. С. Эбзеев,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, судья Конституционного суда РФ (в отставке)

Н. Д. Эриашвили,

кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доктор экономических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, лауреат премии Правительства РФ в области образования

E. N. Begaliev,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of the RK (Republic of Kazakhstan)

S. A. Bogolyubov,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of Russia

G. A. Vasilevich,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)

K. K. Gasanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Employee of the internal affairs bodies of Russia

V. I. Elinskiy,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Employee of Investigate Committee of Russia

A. E. Epifanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

S. S. Zhevlakovich,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Honored Worker of Higher School of Russia

O. V. Ziborov

Doctor of Legal Sciences, Professor

I. A. Kalinichenko,

Candidate of Pedagogical Sciences

O. G. Karpovich,

Doctor of Legal Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor, Honored Scientist of Russia

V. L. Kubyshko,

Deputy Minister of Internal Affairs of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences

S. S. Mailyan,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russia

A. L. Mironov,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

N. V. Rumyantsev,

Doctor of Legal Sciences

D. Subošić,

PhD, Professor (Republic of Serbia)

V. Yu. Fedorovich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Yu. A. Tsypkin,

Doctor of Economic Sciences, Professor

B. S. Ebzeev,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of Russia, Honored Lawyer of Russia, Judge of the Constitutional Court of Russia (Retired)

N. D. Eriashvili,

Candidate of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of Russia, Winner of an Award of the Government of Russia in the Field of Science and Technology, Winner of an Award of the Government of Russia in the field of Education

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

EDITORIAL COUNCIL

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

С. В. Алексеев,
доктор юридических наук, профессор, почетный
работник высшего профессионального образования РФ,
заслуженный юрист РФ

Ю. М. Антонян,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

А. В. Барков,
доктор юридических наук, профессор

А. Р. Белкин,
доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН

Е. В. Богданов,
доктор юридических наук, профессор

С. А. Боголюбов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Г. А. Василевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)

А. А. Власов,
доктор юридических наук, профессор

Т. М. Гандилов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

М. М. Дикажев,
доктор юридических наук, доцент

В. В. Долинская,
доктор юридических наук, профессор

А. В. Ендольцева,
доктор юридических наук, профессор

Л. Г. Ефимова,
доктор юридических наук, профессор

О. Д. Жук,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ

С. М. Зырянов,
доктор юридических наук, профессор

С. В. Иванцов,
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД России

О. Ю. Ильина,
доктор юридических наук, профессор

Н. Г. Кадников,
доктор юридических наук, профессор, почетный
работник высшего профессионального образования РФ

Р. А. Каламкьян,
доктор юридических наук, профессор

В. П. Камышанский,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего образования РФ

И. Б. Кардашова,
доктор юридических наук, профессор

LEGAL SCIENCES

S. V. Alekseev,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker
of Higher Professional Education of Russia,
Honored Lawyer of Russia

Yu. M. Antonyan,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

A. V. Barkov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. R. Belkin,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Member of RANS

E. V. Bogdanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S. A. Bogolyubov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

G. A. Vasilevich,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)

A. A. Vlasov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

T. M. Gandilov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

M. M. Dikazhev,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

V. V. Dolinskaya,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. V. Endoltseva,
Doctor of Legal Sciences, Professor

L. G. Efimova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. D. Zhuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Prosecutor of Russia

S. M. Zyryanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S. V. Ivantsov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia

O. Yu. Ilyina,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. G. Kadnikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker
of Higher Professional Education of Russia

R. A. Kalamkaryan,
Doctor of Legal Sciences, Professor

V. P. Kamyshanskiy,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Education of Russia

I. B. Kardashova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

А. И. Клименко,

доктор юридических наук, профессор

Н. А. Колоколов,

доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного Суда РФ (в отставке)

М. В. Костенников,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник органов внутренних дел РФ

А. Н. Кузбагаров,

доктор юридических наук, профессор

Р. А. Курбанов,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

С. Я. Лебедев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Н. Левушкин,

доктор юридических наук, профессор

Н. П. Майлис,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

В. П. Малахов,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. Ф. Медушевская,

доктор юридических наук, доцент

Г. Б. Мирзоев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Н. В. Михайлова,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Р. С. Мулукаев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

Н. Г. Муратова,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Татарстан

С. М. Никитюк,

кандидат юридических наук

С. Л. Никонович,

доктор юридических наук, доцент

Ш. М. Нурадинов,

доктор юридических наук, профессор

А. М. Осавелюк,

доктор юридических наук, профессор

Р. Б. Осокин,

доктор юридических наук, профессор

А. С. Прудников,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

К. Е. Сигалов,

доктор юридических наук, профессор

А. В. Симоненко,

доктор юридических наук, профессор

Д. П. Стригунова,

доктор юридических наук, доцент

A. I. Klimenko,

Doctor of Legal Sciences, Professor

N. A. Kolokolov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Judge of Supreme Court of Russia (Resigned)

M. V. Kostennikov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Employee of the internal affairs bodies of Russia

A. N. Kuzbagarov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

R. A. Kurbanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia, Honored Scientist of Russia

S. Ya. Lebedev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. N. Levushkin,

Doctor of Legal Sciences, Professor

N. P. Maylis,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer
of Russia, Honored Worker of Science of Russia

V. P. Malakhov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

N. F. Medushevskaya,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

G. B. Mirzoev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. V. Mikhaylova,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

R. S. Mulukaev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

N. G. Muratova,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan

S. M. Nikityuk,

Candidate of Legal Sciences

S. L. Nikonovich,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

S. M. Nuradinov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

A. M. Osavelyuk,

Doctor of Legal Sciences, Professor

R. B. Osokin,

Doctor of Legal Sciences, Professor

A. S. Prudnikov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

K. E. Sigalov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

A. V. Simonenko,

Doctor of Legal Sciences, Professor

D. P. Strigunova,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

Л. В. Туманова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Е. Н. Хазов,
доктор юридических наук, профессор

О. В. Химичева,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы России

Л. А. Чеговадзе,
доктор юридических наук, профессор

Н. М. Чепурнова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. П. Шергин,
доктор юридических наук,
заслуженный деятель науки РФ

Б. С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

А. Б. Янишевский,
доктор юридических наук

L. V. Tumanova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

E. N. Khazov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. V. Khimicheva,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

L. A. Chegovadze,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. M. Chepurnova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. P. Shergin,
Doctor of Legal Sciences,
Honored Worker of Science of Russia

B. S. Ebzeev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (retired)

A. B. Yanishevskiy,
Doctor of Legal Sciences

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т. А. Агапова,
доктор экономических наук, профессор

Ю. Т. Ахвледиани,
доктор экономических наук, профессор

В. И. Бобошко,
доктор экономических наук, профессор

Р. П. Бульга,
доктор экономических наук, профессор

Л. П. Дашков,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Д. В. Дианов,
доктор экономических наук, профессор

А. Ф. Дятлова,
доктор экономических наук, профессор

Р. В. Илюхина,
доктор экономических наук, профессор

В. Г. Когденко,
доктор экономических наук, профессор

Е. Н. Колесникова,
доктор экономических наук, доцент

М. А. Комаров,
доктор экономических наук, профессор

Е. И. Кузнецова,
доктор экономических наук, профессор

Н. П. Купрещенко,
доктор экономических наук, профессор

А. Н. Литвиненко,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ

И. А. Майбуров,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

ECONOMIC SCIENCES

T. A. Agapova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Yu. T. Akhvlediani,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. I. Boboshko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. P. Bulyga,
Doctor of Economic Sciences, Professor

L. P. Dashkov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

D. V. Dianov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. F. Dyatlova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. V. Ilyuhina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. G. Kogdenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. N. Kolesnikova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

M. A. Komarov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. I. Kuznetsova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

N. P. Kupreshchenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. N. Litvinenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia

I. A. Mayburov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

В. Б. Мантусов,

доктор экономических наук, профессор

В. С. Осипов,

доктор экономических наук, профессор

Г. Б. Поляк,

доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

С. Г. Симагина,

доктор экономических наук, профессор

А. Е. Суглобов,

доктор экономических наук, профессор, заслуженный
экономист РФ, заслуженный деятель науки РФ

Н. В. Цхададзе,

доктор экономических наук, профессор

V. B. Mantusov,

Doctor of Economic Sciences, Professor

V. S. Osipov,

Doctor of Economic Sciences, Professor

G. B. Polyak,

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

S. G. Simagina,

Doctor of Economic Sciences, Professor

A. E. Suglobov,

Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored
Economist of Russia, Honored Scientist of Russia

N. V. Tskhadadze,

Doctor of Economic Sciences, Professor

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

В. С. Агапов,

доктор психологических наук, профессор

И. В. Грошев,

доктор психологических наук, доктор экономических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

В. Ф. Енгальчев,

доктор психологических наук, профессор

А. Г. Караяни,

доктор психологических наук, профессор, заслуженный
деятель науки РФ, лауреат Государственной премии РФ
им. Маршала Советского Союза Г. К. Жукова

В. М. Крук,

доктор психологических наук, профессор

Л. Н. Костина,

доктор психологических наук, профессор

И. Б. Лебедев,

доктор психологических наук, профессор

В. Л. Ситников,

доктор психологических наук, профессор

А. Н. Сухов,

доктор психологических наук, профессор

С. Н. Федотов,

доктор психологических наук, профессор

В. Л. Цветков,

доктор психологических наук, профессор

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

V. S. Agapov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

I. V. Groshev,

Doctor of Psychological Sciences, Doctor of Economic Sciences,
Professor, Honored Worker of Science of Russia

V. F. Engalychev,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

A. G. Karayani,

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honored Worker
of Science of Russia, Laureate of the State Prize of Russia
named after Marshal of the Soviet Union G. K. Zhukov

V. M. Kruk,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

L. N. Kostina,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

I. B. Lebedev,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

V. L. Sitnikov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

A. N. Sukhov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

S. N. Fedotov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

V. L. Tsvetkov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

С. Р. Аблеев,

доктор философских наук, доцент

В. Ю. Бельский,

доктор философских наук, профессор

В. А. Волох,

доктор политических наук, профессор,
почетный работник ФМС России

А. Л. Золкин,

доктор философских наук, доцент

А. Д. Иоселиани,

доктор философских наук, профессор

S. R. Ableev,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

V. Yu. Belsky,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor

V. A. Volokh,

Doctor of Political Science, Professor,
Honorary Employee of the FMS of Russia

A. L. Zolkin,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

A. D. Ioseliani,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Научный редактор,
ответственный за издание,
лауреат премии
Правительства РФ
в области науки и техники,
лауреат премии
Правительства РФ
в области образования,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор, почетный работник
сферы образования РФ
Н. Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 (499) 740-68-30

РЕДАКЦИЯ:

Врио главного редактора
М. А. Вяхирева

Старший редактор
В. С. Клементьева

Номер подготовили:
Л. С. Антоненко,
А. И. Антошина

При участии:
М. И. Никитин

Дизайн и верстка:
О. А. Головлева

Журнал зарегистрирован
Министерством Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций

Свидетельство
о регистрации № 77-14723

Индекс по каталогу Агентства
«Урал-Пресс Округ» — 84629

Подписано в печать 19.04.2024
Цена договорная

Адрес редакции:
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12
Тел. 8 (499) 789-67-35
E-mail:
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
<https://vk.com/mosumvd.official>

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

Содержание № 2 • 2024

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Теоретико-исторические правовые науки
Публично-правовые (государственно-правовые) науки
Частноправовые (цивилистические) науки
Уголовно-правовые науки
Международно-правовые науки

АХМЕДОВ Р. М. Регламентация виртуального пространства и противодействие киберпреступности в США	12
БАТЮКОВА В. Е. Некоторые причины развития молодежного экстремизма в России	16
ВАСИЛЕНКО Г. Н. Декларирование в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд	21
ГОНОВ А. М. Правоохранительная политика в условиях реализации новой «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»	25
ГРИНЕВА А. В. О трансформации семейного правоотношения при расторжении брака родителей: к вопросу о балансе интересов субъектов правоотношения по воспитанию ребенка	30
ДОЛГОВ С. Г. Развитие мер, направленных на пресечение картелей в условиях цифровизации экономики	37
ЕГОРОВ С. А., ЗИНЧЕНКО Е. Ю. Изменение основ государственного строя в свете поправок к Конституции Российской Федерации	44
ЖУРАВЛЕВ В. В. Соотношение убеждения и принуждения в административно-правовой доктрине	49
КАРДАШЕВСКАЯ М. В. Тактические особенности проведения следственных и иных процессуальных действий с участием несовершеннолетних по уголовным делам о преступлениях против мира и безопасности человечества	54
КИКОТЬ-ГЛУХОДЕДОВА Т. В. Роль конституционного судопроизводства в обеспечении прав, свобод и обязанностей человека и гражданина	64
КОЛОТУШКИН С. М. Специфика проведения комплексных экспертиз в зоне вооруженного конфликта	68
КОМАХИН Б. Н. Особенности обеспечения безопасности информационной инфраструктуры Российской Федерации в условиях нестабильных международных отношений	72
КРАСНЕНКОВА Е. В. Квалификация за особо активную роль в преступлении	77
КУКСИН И. Н., СЕЛИХОВ Н. В. Цивилизационная демократия: выживание России в современных условиях	80

• Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.
Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

• При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Московского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

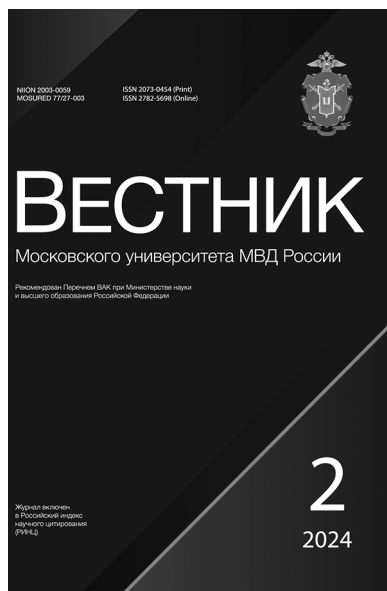
• В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60x84 1/8.
Печать офсетная.
Тираж 1500 экз.
(1-й завод — 300).

Заказ № 164

**Московский университет
МВД России
имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12**

КУРБАНОВ Р. А. Частноправовое регулирование и природа инструментов наследственного планирования (завещания): традиции и инновации	86
КУРСАЕВ А. В. Конкуренция насильственных форм хищения и принуждения к совершению сделки	93
КУТУЕВ Э. К., СОЛОВЬЕВ А. Г. О некоторых вопросах применения мер пресечения в отношении несовершеннолетних	98
ЛЯХОВ Е. Г. К истории контртеррористического взаимодействия правоохранительных элементов национально-правовых (внутригосударственных) и международно-правовой систем по поддержанию миропорядка (на примере международно-правовых акций правоохранительных органов СССР)	105
МАЛАХОВ В. П. Методология постижения природы права	112
МИХАЙЛОВА Е. В. Криминологическая характеристика рецидивной преступности в России	119
НЕФЁДОВ Д. В. Организационно-правовые аспекты деятельности правоохранительной, судебной и уголовно-исполнительной систем в Государстве Бруней-Даруссалам	125
НИКИТИНА И. Э. Общие характеристики эксперта в разных странах	129
НУРАДИНОВ Ш. М., НЕЧАЙ С. Л. Совершенствование института временного убежища в современных геополитических условиях	132
ОКСАМЫТНЫЙ В. В. Правовая ценность алармизма как пограничной формы юридически значимого поведения	137
ОПАЛЕВА А. А. Юридическая конструкция права на свободу и личную неприкосновенность	143
ПОРВАТОВА Л. В., ЕФРЕМЕНКО Д. О. Историческая обусловленность коррупции в российском государстве	147
ПРУДНИКОВ А. С. О некоторых формах организованного набора и привлечения иностранных граждан для трудовой деятельности в Российской Федерации	153
ПРУДНИКОВА Т. А. Особенности административно-правового регулирования миграционного учета в Российской Федерации на современном этапе	158
РУЗАКОВА О. А., ДЕМКИНА А. В. Перспективы правового регулирования в законодательстве Российской Федерации незарегистрированного в установленном порядке брачного отношения	162
ТКАЧЕВ В. Н. Очередное реформирование законодательства о несостоятельности (банкротстве) повысит эффективность правосудия при рассмотрении данной категории дел?	169
ТОКАРЕВА Е. В., БОНДАРЕНКО Р. В. Отдельные аспекты определения границ комплексного подхода и пределов компетентности эксперта при исследовании отдельных видов судебных экспертиз	175
ТОМИЛИНА Е. Е., ЗУБАЧ А. В. Практико-ориентированный подход в подготовке юристов (на примере разработки проекта в рамках юридического образования)	179
ФОМИНА Е. Е., ДАДАБАЕВ В. К. Анализ особенностей видеоматериала при идентификации индивида на видео по характеристикам цикла шага	183
ХАРЛАМОВ С. О. Генезис прав человека в отечественной правовой доктрине: теоретический и конституционно-правовой анализ	192

Каждый номер журнала содержит научные публикации членов профессорско-преподавательского состава Университета, адъюнктов, аспирантов, авторов из других образовательных учреждений. Для публикации в журнале представляют свои научные статьи также сотрудники различных подразделений органов внутренних дел, иных правоохранительных органов, судьи, прокурорские работники, нотариусы, члены государственных и муниципальных органов власти. Данные статьи отличаются большим объемом эмпирического материала, который может быть эффективно использован в ходе дальнейших научных исследований, в учебном процессе, а также в ходе правоприменительной практики, что придает журналу прикладной характер.

Решением ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации журнал «Вестник Московского университета МВД России» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Подписной индекс Агентства
«Урал-Пресс Округ» 84629,
или на сайте Научной
электронной библиотеки:
<http://elibrary.ru>

ЧЕПУРНОВА Н. М. Принципы правового государства через призму обязанностей личности, общества и государства	197
ШАОВ И. К. Инкорпорация Кавказских государств в состав Российской империи: проблема перехода в статус провинции	202
ШАРОВ Д. В. Масштабирование института уведомления о подозрении на предварительное следствие: за и против	209
ШУЛЬГА М. В. Правосознание и информация: теоретико-правовой подход	213

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

*Региональная и отраслевая экономика
Финансы*

АРАБЯН К. К. Образование аудиторов в условиях новых вызовов	217
БУЗДАЛИНА О. Б. Теоретические аспекты государственного развития туристической сферы в современных условиях	222
ДЯТЛОВА А. Ф., СВИРИНА М. В. Технологии искусственного интеллекта в сфере экономической безопасности	227
ЕСАУЛКОВА Т. С. Развитие системы вознаграждения негосударственных пенсионных фондов	233
КОЛЕСНИКОВА Е. Н. Влияние правового статуса цифровых валют на определение предмета исследования в судебной бухгалтерской экспертизе и ее алгоритмизация	239
РУБАН-ЛАЗАРЕВА Н. В. Риски фактического получателя доходов	246
ШМАНЕВ С. В. Санкции как стимул развития национальной экономики	250

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Общая психология, психология личности, история психологии

АБЛЕЕВ С. Р. Идеология национализма: политическая психология и правовая реальность	258
ГОНЧАРОВА Н. А. Личностные свойства в оценке и прогнозе психологического благополучия курсантов	264
СВЕТЛАКОВА Е. В. Особенности эмоциональной саморегуляции в деятельности сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации	269
СЕРОВ В. И. Психология потери. Саногенез, адаптогенез, патогенез в пограничном психическом состоянии и коррекция потерь в экстремальных условиях у кандидатов в сотрудники силовых ведомств	273
СОЛОВЬЕВА С. В. Этическое регулирование деятельности полицейского: теоретико-аналитический аспект	280
СУХОВ А. Н. Социально-психологическая этнология: прикладной аспект	294

БЕЖЕНЦЕВ А. А., ИГОШИН Н. А. Информационная сфера государственного управления: дефиниция, цель, задачи, функции и общеправовые вопросы	301

FOUNDER:

Moscow University
of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian
Federation

117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

*Scientific editor, responsible
for the publication, the Winner
of the Award of the Government
of the Russian Federation in the
field of science and technics,
the Winner of the Award
of the Government
of the Russian Federation
in the field of education,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Candidate of Historical
Sciences, Professor, Honorary
Worker of Education of Russia*

N. D. Eriashvili

E-mail: nodari@unity-dana.ru
Tel. 8 (499) 740-68-30

EDITORIAL STAFF:

Acting editor-in-chief
M. A. Vyakhireva

Senior editor
V. S. Klementieva

This issue has been prepared by:
L. S. Antonenko,
A. I. Antoshina

With participation of:
M. I. Nikitin

Design and layout:
O. A. Golovleva

The journal is registered
by Ministry for Press,
Broadcasting and Mass
Communications
of the Russian Federation

The certificate of registration
№ 77-14723

Zip Code at the List of the Agency
«Ural-Press Okrug» — 84629

It is sent for the press 19.04.2024
Contractual price

Editorial Staff address:
117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12
Tel. 8 (499) 789-67-35
E-mail:
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
https://vk.com/mosumvd.official

BULLETIN

OF THE MOSCOW UNIVERSITY OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Contents № 2 • 2024

JURISPRUDENCE

Theoretical and historical legal sciences

Public law (state law) sciences

Private law (civilistic) sciences

Criminal law sciences

International law sciences

AKHMEDOV R. M. Regulation of virtual space and countering cybercrime in the United States	12
BATYUKOVA V. E. Some reasons for the development of youth extremism in Russia	16
VASILENKO G. N. Declaration in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs.	21
GONOV A. M. Law enforcement policy in the context of the implementation of the new «National Security Strategy of the Russian Federation».	25
GRINEVA A. V. Transformation of family legal relations upon divorce of parents: on the issue of balancing the interests of the subjects of legal relations in raising a child	30
DOLGOV S. G. Development of measures aimed at suppressing cartels in the context of digitalization of the economy	37
EGOROV S. A., ZINCHENKO E. YU. Changing the foundations of the state system in the light of amendments to the Constitution of the Russian Federation.	44
ZHURAVLEV V. V. Correlation of persuasion and coercion in administrative-legal doctrine	49
KARDASHEVSKAYA M. V. Tactical features of conducting investigative and other procedural actions involving minors in criminal cases of crimes against the peace and security of mankind	54
KIKOT'-GLUKHODEDOVA T. V. The role of constitutional court proceedings in ensuring the rights, freedoms and duties of man and citizen.	64
KOLOTUSHKIN S. M. The specifics of conducting complex examinations in the zone of armed conflict	68
KOMAKHIN B. N. Features of ensuring the security of the information infrastructure of the Russian Federation in conditions of unstable international relations	72
KRASNENKOVA E. V. Qualification for a particularly active role in a crime.	77
KUKSIN I. N., SELIKHOV N. V. Civilizational democracy: Russia's survival in modern conditions	80

- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials of the Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia the reference to the journal is obligatory.

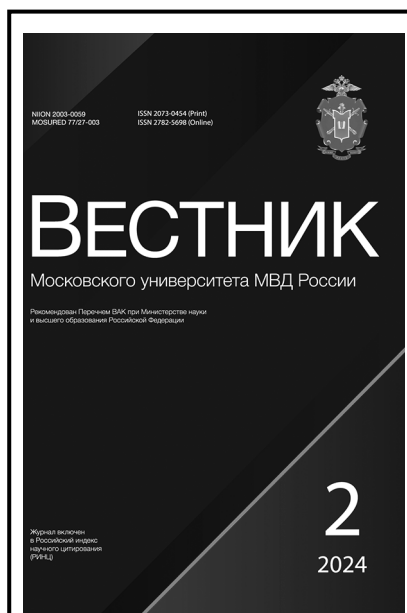
- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60x84 1/8.
Offset printing
Circulation 1500 copies
(1st batch — 300)

Order № 164

Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs
of Russian Federation
named after V.Ya. Kikot'
117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12

KURBANOV R. A. Private law regulation and the nature of inheritance planning instruments (wills): traditions and innovations	86
KURSAEV A. V. Competition of violent forms of embezzlement and coercion to commit a transaction	93
KUTUEV E. K., SOLOVYOV A. G. On some issues of the application of preventive measures against minors	98
LYAKHOV E. G. On the history of counter-terrorism interaction of law enforcement elements of national legal (domestic) and international legal systems to maintain world order (on the example of international legal actions of law enforcement agencies of the USSR)	105
MALAKHOV V. P. Methodology of understanding the nature of law	112
MIKHAYLOVA E. V. Criminological characteristics of recidivism in Russia	119
NEFEDOV D. V. Organizational and legal aspects of the law enforcement, judicial and penal systems in the State of Brunei Darussalam	125
NIKITINA I. E. General characteristics of the expert in different countries	129
NURADINOV SH. M., NECHAY S. L. Improving the institution of temporary asylum in modern geopolitical conditions	132
OKSAMYTNYI V. V. Legal value of alarmism as a border area of legally relevant behavior	137
OPALEVA A. A. The legal structure of the right to freedom and personal integrity	143
PORVATOVA L. V., EFREMENKO D. O. Historical conditionality of corruption in the Russian state	147
PRUDNIKOV A. S. On some forms of organized recruitment and attraction of foreign citizens for work in the Russian Federation	153
PRUDNIKOVA T. A. Features of administrative and legal regulation of migration registration in the Russian Federation at the present stage	158
RUZAKOVA O. A., DEMKINA A. V. Prospects for legal regulation in the legislation of the Russian Federation of unregistered marital relations in the established order	162
TKACHEV V. N. Will the next reform of the insolvency (bankruptcy) legislation increase the effectiveness of justice in considering this category of cases?	169
TOKAREVA E. V., BONDARENKO R. V. Some aspects of defining the boundaries of an integrated approach and the limits of an expert's competence in the study of certain types of forensic examinations	175
TOMILINA E. E., ZUBACH A. V. Practice-oriented approach in the training of lawyers (on the example of project development in the framework of legal education)	179
FOMINA E. E., DADABAEV V. K. Analysis of the features of the video material when identifying an individual in the video according to the characteristics of the step cycle	183
KHARLAMOV S. O. The genesis of human rights in the Russian legal doctrine: theoretical and constitutional legal analysis.	192

Each issue of the journal contains scientific publications of members of the faculty of the University, adjuncts, graduate students, authors from other educational institutions. Employees from various departments of the internal affairs agencies and other law enforcement agencies, judges, prosecutors, notaries, members of state and municipal authorities also submit their research articles for publication in the journal. These articles are distinguished by a large amount of empirical material that can be effectively used in the course of further scientific research, in the educational process, and also in the course of law-enforcement practice, which gives the journal an applied character.

By the decision of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, the journal «Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia» is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of sciences, for the degree of doctor of sciences should be published.

Zip Code at the List
of the Agency «Ural-Press
Okrug» 84629,
or on the website Scientific
electronic library:
<http://elibrary.ru>

CHEPURNOVA N. M. Principles of the rule of law through the prism of the duties of the individual, society and the state	197
SHAOV I. K. Incorporation of the Caucasian states into the Russian Empire: the problem of transition to province status	202
SHAROV D. V. Scaling up the institution of notification of suspicion of a preliminary investigation: pros and cons	209
SHULGA M. V. Legal awareness and information: a theoretical and legal approach	213

ECONOMIC SCIENCE

Regional and sectoral economics
Finance

ARABYAN K. K. Education of auditors in the face of new challenges.	217
BUZDALINA O. B. Theoretical aspects of state development tourism sector in modern conditions	222
DYATLOVA A. F., SVIRINA M. V. Artificial intelligence technologies in the field of economic security	227
ESAULKOVA T. S. Development of the remuneration system of non-state pension funds	233
KOLESNIKOVA E. N. The influence of the legal status of digital currencies on the definition of the subject of research in forensic accounting expertise and its algorithmization	239
RUBAN-LAZAREVA N. V. Risks of the actual recipient of income	246
SHMANEV S. V. Sanctions as a stimulus for national economic development	250

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

General psychology, personality psychology, history of psychology

ABLEEV S. R. The ideology of nationalism: political psychology and legal reality	258
GONCHAROVA N. A. Personal properties in the assessment and forecast of psychological well-being of cadets	264
SVETLAKOVA E. V. Features of emotional self-regulation in the activities of employees of internal affairs bodies of the Russian Federation.	269
SEROV V. I. Psychology of loss. Sanogenesis, adaptogenesis, pathogenesis in a borderline mental state and correction of losses in extreme conditions of candidates for law enforcement officers	273
SOLOVYOVA S. V. Ethical regulation of police activities: theoretical and analytical aspect.	280
SUKHOV A. N. Social and psychological ethnology: an applied aspect	294

BEZHENTSEV A. A., IGOSHIN N. A. Information sphere of public administration: definition, purpose, tasks, functions and general legal issues	301

Научная статья
УДК 340.149
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-12-15>
EDN: <https://elibrary.ru/ckjwrm>

NIJON: 2003-0059-2/24-988
MOSURED: 77/27-003-2024-02-187

Регламентация виртуального пространства и противодействие киберпреступности в США

Руслан Маратович Ахмедов

Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия, ahmedov@list.ru

Аннотация. Рассматриваются некоторые проблемные аспекты регламентации виртуального пространства в США и опыт противодействия государственных органов власти киберправонарушениям.

Ключевые слова: киберправонарушение, киберпреступление, виртуальная реальность, государство, противодействие, США

Для цитирования: Ахмедов Р. М. Регламентация виртуального пространства и противодействие киберпреступности в США // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 12–15. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-12-15>. EDN: CKJWRM.

Original article

Regulation of virtual space and countering cybercrime in the United States

Ruslan M. Akhmedov

Moscow Financial and Industrial University «Synergy», Moscow, Russia, ahmedov@list.ru

Abstract. Some problematic aspects of the regulation of virtual space in the United States and the experience of state authorities in dealing with cybercrime offenses are considered.

Keywords: cyber-infringement, cybercrime, virtual reality, state, counteraction, USA

For citation: Akhmedov R. M. Regulation of virtual space and countering cybercrime in the United States. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):12–15. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-12-15>. EDN: CKJWRM.

Проблема противодействия киберпреступности в США — один из ключевых аспектов формирования современной государственной политики в вопросах обеспечения национальной безопасности. На это указывает статистика. Так, согласно отчету Федерального бюро расследований (FBI) в 2020 г. в США зарегистрировано 791 790 заявлений на правонарушения, имеющие признаки составов киберпреступления [1]. Поэтому не случайно то, что в США действует множество различных государственных организаций и учреждений, которые в качестве основной цели своей деятельности обозначили борьбу с киберпреступностью. Наиболее важными, наделенными широкими полномочиями, среди них являются: Федеральное бюро расследований (FBI), Национальное управление по информационной безопасности (NIST), Киберкомандование США (US Cybercom) [2].

Начальный этап подготовки страны к противодействию в будущем киберправонарушениям был осуществлен в США в конце XX столетия, тогда, когда компьютерные технологии стали интегрироваться в бытовую среду. Так, в 1986 г. принят нормативно-правовой акт под названием Computer Fraud and Abuse Act, который впервые установил уголовно-

правовую ответственность за незаконный доступ к компьютерным системам, взлом паролей и другие преступления, связанные с использованием компьютеров. В дальнейшем меры юридической ответственности за киберправонарушения только усиливались. Эти меры получили свое юридическое воплощение в следующих документах: Electronic Communications Privacy Act, Children's Online Privacy Protection Act, Cyber Intelligence Sharing and Protection Act и др.

Параллельно была организована работа по формированию кадрового потенциала, способного квалифицированно бороться с киберпреступностью. Для этого Правительство США организовало и профинансировало работу специализированных учебных центров, таких как: National Cyber-Forensics and Training Alliance; Cyber Crime Unit. Произошел качественный рост требований к средствам технической защиты национальных информационных систем. Начата работа по созданию межгосударственного координационного центра по противодействию киберпреступлениям на планетарном уровне. Примером тому — созданный в Гааге киберполицейский центр.

Впервые публично о наличии киберугрозы в США официальные власти заявили после терактов

© Ахмедов Р. М., 2024

11 сентября 2001 г., что сформировало потребность пересмотреть вопросы по обеспечению национальной безопасности объектов критически важной инфраструктуры. В итоге в 2003 г. была подготовлена и опубликована в США «Национальная стратегия защиты киберпространства» [3], которая фактически закрепила структурную функциональную деятельность государственных агентств, федеральных министерств по противодействию киберправонарушениям. Координационная роль и прямая ответственность за реализацию государственной политики в виртуальном пространстве по обеспечению национальной безопасности была возложена на Министерство внутренней безопасности США (МВБ).

В 2008 г. в США произошел переходный этап в развитии системы государственного противодействия киберправонарушениям, который получил свое формализованное отражение в секретном документе под названием «Всеобъемлющая инициатива кибербезопасности» [4]. Эта инициатива была учреждена президентом США Джорджем У. Бушем в Президентской инициативе 54 по национальной безопасности / Homeland Security Presidential Directive 23 (NSPD-54/HSPD-23) и рассекречена в 2010 г.

В качестве целей в отмеченную инициативу включены: создание передовой линии обороны от сетевых вторжений; защита США от всего спектра угроз с помощью контрразведки и укрепление будущей среды кибербезопасности посредством образования, координации и научных исследований.

Основными направлениями реализации инициативы заявлены:

- ♦ создание или усиление общей ситуационной осведомленности в рамках федерального правительства, а также с других правительственных учреждений и частного сектора;
- ♦ создание или усиление способности быстро реагировать для предотвращения вторжений;
- ♦ усиление возможностей контрразведки;
- ♦ повышение безопасности цепочки поставок ключевых информационных технологий;
- ♦ расширение киберобразования;
- ♦ координация и перенаправление усилий в области исследований и разработок;
- ♦ разработка стратегий сдерживания.

В 2011 г. в США разработана и опубликована «Международная стратегия для киберпространства», целью которой являлось создание единой платформы международного взаимодействия по вопросам киберпространства на основе американских подходов к кибербезопасности [5]. В этой Стратегии в качестве

основных противников США в киберпространстве обозначены — Россия, Китай, Иран, КНДР и международный терроризм. В качестве приоритета в области национальной безопасности в Стратегии отмечены: защита американских граждан, страны и американского образа жизни; содействие процветанию Америки; поддержание мира силой; распространение американского влияния.

В 2016 г. разработана и опубликована «Национальная Стратегия США по развитию искусственного интеллекта» [6]. Этот документ устанавливает ряд целей для исследований искусственного интеллекта, финансируемых из федерального бюджета, как исследований, проводимых в правительстве, так и исследований, финансируемых из федерального бюджета, проводимых вне правительства, например, в научных кругах. Конечной целью этих исследований является получение новых знаний и технологий искусственного интеллекта, которые обеспечат ряд выгод для американского общества, сводя к минимуму отрицательные воздействия. Для достижения отмеченной цели в стратегическом плане исследований и разработок искусственного интеллекта определены семь стратегических приоритетов для исследования искусственного интеллекта, финансируемых из средств государственного казначейства.

В противодействии усиливавшимся кибератакам и росту числа совершаемых киберпреступлений Конгресс США в 2019 г. на законодательном уровне подготовил и принял закон о защите личных данных граждан. Созданы федеральные агентства по борьбе с киберпреступностью, такие как Киберкоманда Вооруженных Сил США и Национальный центр по кибербезопасности и коммуникациям (NCCIC).

Таким образом, на законодательном уровне в США сформированы основные регуляторы деятельности человека и защиты государственных интересов США в виртуальном пространстве с использованием цифровых технологий посредством информационно-телекоммуникационных сетей. Все правотворческие инициативы Конгресса США в области регламентации виртуального пространства, искусственного интеллекта, противодействия киберправонарушениям сориентированы, прежде всего, на укрепление могущества, усиление влияния и продвижение интересов США на международной арене.

Однако, несмотря на действующие правовые регуляторы в области применения цифровых технологий/инструментов в виртуальном пространстве, деятельность органов государственной власти, подразделений крупных корпораций, институтов граждан

ского общества, в США проблема роста совершаемых киберпреступлений остается актуальной. Характерно также и то, что среди распространенных видов правонарушений в США являются ставшие «традиционными» виды киберпреступлений, а именно: фишинг; кибербулинг, мошенничество с цифровой валютой, криптоджекинг, скрапинг сайтов и др. Так, по статистическим данным только в 2020 г. оказались похищенными/скомпрометированными данные на более чем 25 млн граждан США в результате кибератак хакеров, тактика которых не изменилась: применение вирусного программного обеспечения, цель которого похитить персональные данные либо установить шпионскую программу по сбору конфиденциальной информации, посредством проникновения вируса на персональный компьютер и прогрузки его в программном обеспечении через присоединенную информационно-телекоммуникационную сеть.

Стремясь мониторить состояние защиты национальной безопасности от кибератак, в США ведется работа по формированию единого рейтинга состояния кибербезопасности критических секторов экономики, в том числе в сравнении с другими государствами мира. Так, согласно данным Международного института изучения стратегических проблем (International Institute for Strategic Studies, IISS), которые ежегодно публикуют Индекс кибербезопасности [7], в 2021 г. США заняли первое место в осуществлении национальной кибербезопасности. Следом идут Великобритания, Швеция, Австралия и Канада. Это указывает на то, что официальные власти США заинтересованы поддерживать на глобальном рынке стратегических экономических инициатив статус сверхдержавы, способной противостоять любым внутренним и внешним нападениям и угрозам на национальную безопасность, в том числе и в виртуальной реальности.

В то же время, несмотря на то, что США представляются в качестве одной из самых защищенных стран в мире, киберпреступность в американском обществе продолжает расти, особенно в экономической сфере деятельности. Так, по данным статистики примерно 90 % крупных корпораций в США сталкиваются с хакерскими атаками ежедневно. Результатами кибератак являются финансовые потери для экономики США, которые составляют более 100 млрд долл. ежегодно [8]. Это указывает на то, что проблема обеспечения кибербезопасности для США является и по настоящее время темой номер один при обеспечении защиты национальных интересов.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно отметить, что правительство США в настоя-

щее время предпринимает широкий комплекс мер для противодействия набирающей «силу» глобальной киберпреступности. Эта деятельность включает в себя разработку и опубликование правовых регуляторов; подготовку специализированных кадровых специалистов для борьбы с киберправонарушителями; совершенствование технических средств защиты национальных информационно-телекоммуникационных сетей и цифровых ресурсов; установление межгосударственного сотрудничества с другими странами мира, но с одним исключением: продвижение гегемонии интересов США.

Список источников

1. Горцев К. В. Киберпреступность: проблемы и способы борьбы // Право и образование. 2018. Т. 6. С. 32–37.
2. Быков А. В. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2016. № 4. С. 126–132.
3. The National strategy to Secure Cyberspace. February 2003 // URL://https://www.cisa.gov/sites/default/files/publications/cyberspace_strategy.pdf.
4. Всеобъемлющая национальная инициатива по кибербезопасности // URL://https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.11e54008-64c36d6a-d5b4c2a6-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Comprehensive_National_Cybersecurity_Initiative.
5. International strategy for cyberspace. Prosperity, Security, and Openness in a Networked World // URL://https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1690529917&tld=ru&lang=en&name=international_strategy_for_cyberspace.pdf&text=Международная%20стратегия%20для%20киберпространства&url=https%3A%2F%2Fobamawhitehouse.archives.gov%2Fsites%2Fdefault%2Ffiles%2Frss_viewer%2Finternational_strategy_for_cyberspace.pdf&lr=10740&mime=pdf&l10n=ru&sign=92a831eb9b24639e53e00e8fcf1c4aa5&keyno=0&nosw=1&serpParams=tm%3Dinternational_strategy_for_cyberspace.pdf.
6. The National Artificial Intelligence Research and Development Strategic Plan. National Science and Technology Council Networking and Information Technology Research and Development Subcommittee. October 2016 // URL://https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/whitehouse_files/microsites/ostp/NSTC/national_ai_rd_strategic_plan.pdf.
7. Киселева Е. В. Борьба с киберпреступностью: правовые аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 64–68.

8. Дмитриев Д. И. Киберпреступность в России: современное состояние и проблемы борьбы // Проблемы правовой науки. 2018. Т. 1. С. 162–171.

References

1. Gortsev K. V. Cybercrime : problems and methods of struggle // Law and education. 2018. Vol. 6. P. 32–37.
2. Bykov A. V. International cooperation in the fight against cybercrime // Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics. 2016. № 4. P. 126–132.
3. The National strategy to Secure Cyberspace. February 2003 // URL://https://www.cisa.gov/sites/default/files/publications/cyberspace_strategy.pdf.
4. Comprehensive National Cybersecurity Initiative // URL://https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.11e54008-64c36d6a-d5b4c2a6-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Comprehensive_National_Cybersecurity_Initiative.
5. International strategy for cyberspace. Prosperity, Security, and Openness in a Networked World // URL://https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1690529917&tld=ru&lang=en&name=international_strategy_for_cyberspace.pdf&text=Международная%20стратегия%20для%20киберпространства&url=https%3A%2F%2Fobamawhitehouse.archives.gov%2Fsites%2Fdefault%2Ffiles%2Frss_viewer%2Finternational_strategy_for_cyberspace.pdf&lr=10740&mime=pdf&l10n=ru&sign=92a831eb9b24639e53e00e8fcf1c4aa5&keyno=0&nosw=1&serpParams=tm%3Dinternational_strategy_for_cyberspace.pdf.
6. The National Artificial Intelligence Research and Development Strategic Plan. National Science and Technology Council Networking and Information Technology Research and Development Subcommittee. October 2016. // URL://https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/whitehouse_files/microsites/ostp/NSTC/national_ai_rd_strategic_plan.pdf.
7. Kiseleva E. V. Fight against cybercrime: legal aspects // Bulletin of Kemerovo State University. 2017. № 4. P. 64–68.
8. Dmitriev D. I. Cybercrime in Russia: the current state and problems of struggle // Problems of legal science. 2018. Vol. 1. P. 162–171.

Информация об авторе

Р. М. Ахмедов — заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин и цифрового права Московского финансово-промышленного университета «Синергия», кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

R. M. Akhmedov — Head of the Department of State and Legal Disciplines and Digital Law of the Moscow Financial and Industrial University «Synergy», Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 22.09.2023; одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 18.01.2024.
The article was submitted 22.09.2023; approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 18.01.2024.

Библиографический список

1. Ахмедов Д. Р. К вопросу о правовом воздействии на экстремистские формы проявлений в виртуальном пространстве // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2020. № 2 (25). С. 104–106.
2. Ахмедов Р. М. Digital religion и традиционные религиозные ценности. Особенности соотношения (по материалам электронных ресурсов): моногр. М., 2021.
3. Ахмедов Р. М., Эриашвили Н. Д., Ахмедов Д. Р. Digital Religion и традиционные культурно-идеологические модели. Особенности соотношений // Государственная служба и кадры. 2021. № 3. С. 25–29.
4. Ахмедов Р. М. Цифровая модальность государственности. Теоретико-правовой аспект: моногр. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2022.
5. Мануйлова Е. В., Пушкарев В. В. Особенности расследования легализации преступных доходов, с использованием криптовалюты. В сб.: обеспечение экономической безопасности России в современных условиях: сб. науч. ст. 2021. С. 407–410.

Bibliographic list

1. Akhmedov D. R. On the issue of legal impact on extremist forms of manifestations in the virtual space // Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. 2020. № 2 (25). P. 104–106.
2. Akhmedov R. M. Digital religion and traditional religious values. Features of the ratio (based on the materials of electronic resources): monograph. M., 2021.
3. Akhmedov R. M. Eriashvili N. D., Akhmedov D. R. Digital Religion and traditional cultural and ideological models. Features of the ratios // Civil service and personnel. 2021. № 3. P. 25–29.
4. Akhmedov R. M. Digital modality of statehood. Theoretical and legal aspect: monograph. M. : UNITY-DANA : Law and Legislation, 2022.
5. Manuilova E. V., Pushkarev V. V. Features of the investigation of the legalization of criminal proceeds using cryptocurrency. In the collection: Ensuring the economic security of Russia in modern conditions: Collection of scientific articles. 2021. P. 407–410.

Научная статья

УДК 343.3/.7

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-16-20>

EDN: <https://elibrary.ru/cmtzds>

НИОН: 2003-0059-2/24-989

MOSURED: 77/27-003-2024-02-188

Некоторые причины развития молодежного экстремизма в России

Вера Евгеньевна Батюкова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, Batuykova@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются некоторые новые причины развития молодежного экстремизма в России. Предлагаются меры, направленные на противодействие этому явлению. Приводится судебная статистика и примеры судебной практики.

Ключевые слова: экстремизм, молодежь, преступление, причины, условия, судебная статистика, СВО, экстремистская деятельность

Для цитирования: Батюкова В. Е. Некоторые причины развития молодежного экстремизма в России // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 16–20. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-16-20>. EDN: CMTZDS.

Original article

Some reasons for the development of youth extremism in Russia

Vera E. Batuykova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, Batuykova@yandex.ru

Abstract. Some new causes of the development of youth extremism in Russia are considered. Measures aimed at countering this phenomenon are proposed. Judicial statistics and examples of judicial practice are provided.

Keywords: extremism, youth, crime, causes, conditions, judicial statistics, SVO, extremist activity

For citation: Batuykova V. E. Some reasons for the development of youth extremism in Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):16–20. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-16-20>. EDN: CMTZDS.

Изучение темы молодежного экстремизма до настоящего времени остается очень важной и рассматривать ее необходимо с анализа законодательных определений понятий «экстремизм» и «молодежь». Определение экстремистской деятельности содержится в ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее — Закон об экстремистской деятельности) [6]. Определение молодежи содержится в ст. 2 Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» и гласит: «Молодежь, молодые граждане — социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно, имеющих гражданство Российской Федерации» [7].

Проблема молодежного экстремизма в современном обществе стоит достаточно остро. Преступления экстремистской направленности являются одними из наиболее общественно опасных. Их высокая общественная опасность выражается в том, что эк-

стремистские преступления направлены на подрыв конституционных основ Российского государства, на подрыв территориальной целостности, на развитие национальной ненависти и ненависти одних социальных групп к другим; под экстремизмом также понимаются иные общественно-опасные деяния, направленные на нарушение нормальной жизни и функционирования общества. Актуальность темы именно молодежного экстремизма обусловлена большим количеством преступлений данной категории, субъектами которых являются лица, принадлежащие к возрастной группе от 14 до 35 лет. По некоторым данным в Российской Федерации на данный момент на учете числятся 450 молодежных экстремистских организаций, в которых состоят более чем 20 тыс. человек [2]. Данные цифры подтверждают факт того, что молодежный экстремизм — явление не единичное, а вполне распространенное.

Возрастными рамками молодежи охватываются школьники, студенты, люди, не успевшие создать

© Батюкова В. Е., 2024

семью и найти свое жизненное призвание. Молодые люди зачастую находятся в активном поиске своего места, их сознание и мировоззрение находятся в процессе формирования и подлежат изменению под влиянием извне. Ввиду неокрепшего мировоззрения субъектов различным экстремистским сообществам и организациям, а также их представителям удается убеждать и вовлекать молодежь, используя различные каналы и способы агитации [1]. Большинство молодежи не имеет оконченного образования, а только находится в процессе его получения. Отсутствие образования не позволяет лицам в возрасте от 14 до 35 лет правильно анализировать поступающую информацию и строить причинно-следственные связи, ввиду чего некоторые представители данной социальной группы могут не осознавать, что деятельность той или иной организации или их собственные действия могут иметь экстремистскую направленность. Таким образом, учитывая возраст социальной группы молодежи, можно сделать вывод о том, что молодые люди не обладают достаточным жизненным опытом и уровнем образования, из-за чего чаще других социальных групп подвергаются влиянию экстремистских организаций и сообществ.

Существенную часть молодежи составляют школьники и студенты, часто на них не лежит груз ответственности ввиду отсутствия брачных отношений, семейственности и высокого социального положения. Значительное количество свободного времени, отсутствие большого количества ответственности и обязанностей не выступают для некоторых молодых людей, осуществляющих экстремистскую деятельность, сдерживающими факторами. Возможно, данные обстоятельства могут обуславливать популярность именно молодежного экстремизма.

Экстремисты могут объединяться в социальные группы по различным основаниям и признакам. Среди таких оснований — политические взгляды, спортивные интересы, религиозная принадлежность, экономическое положение и национальный признак, подразумевающий неприязнь к представителям определенной нации или народности. Членам экстремистских организаций и сообществ, а также их последователям свойственно деление на тех, кто «за» и тех, кто «против» идей и принципов, установленных в конкретном социальном обществе. Экстремистские сообщества совершают противоправные действия, направленные против тех, кто не является их после-

дователем. Так, по мнению Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова, «чужие» могут стать «врагами» только потому, что они другие. Не важно, живут ли в другом дворе, приехали ли из другого города, имеют ли другую национальность, веру, внешность» [3]. На наш взгляд, принцип жесткого разграничения противников и последователей является одним из наиболее общественно-опасных принципов экстремизма, так как он способен порождать открытую вражду или травлю, противостояние целых социальных групп друг другу. Так, например некоторые ультрарадикальные сообщества фанатов одних крупных спортивных клубов могут противостоять сообществам фанатов других клубов. Ультрарадикальные сообщества нарушают общественный порядок, массовые драки и иные проявления агрессии по признаку принадлежности к определенному спортивному клубу.

Начавшаяся в 2022 г. Специальная Военная Операция (СВО) России на Украине оказала влияние и на социальную обстановку в России и на экстремистские настроения некоторых граждан. В конце июня 2022 г., через четыре месяца после начала СВО, социологи Левада-Центра провели работу, в ходе которой собрали данные об отношении граждан Российской Федерации к СВО. Абитуриенты представляли различные возрастные категории, в том числе, и молодежь. В возрастные рамки молодежи входят две категории: 18–24 лет, а также от 25 до 39 лет. Среди этих категорий результаты опроса получились следующими: «Среди молодых людей в возрасте 18–24 года не поддерживают «действия российских вооруженных сил в Украине» 15 % — «определенно нет», 21 % — «скорее нет»; в категории 25–39 лет таковых соответственно 10 и 15 %» [10]. В опросе указаны данные социальной группы в возрасте от 25 до 39 лет, в то время как молодежью являются лица до 35 лет, но, на наш взгляд, данный факт большого значения не имеет. Как можно заметить, более молодая часть опрошенных настроена более радикально, так как процент тех, кто не поддерживает политику государства в указанном вопросе выше, чем процент тех, кто не поддерживает политику государства в отношении СВО среди старшей группы.

Также, с момента начала СВО активизировались иностранные агенты и иные лица, совершающие деятельность экстремистской направленности и совершающие призывы к такой деятельности. Так,

по данным издания LENTA.RU 10 декабря 2022 г. в российском городе Мариуполе были найдены следы экстремистского движения «Крымская сотня», являющегося подразделением террористической группировки «Правый сектор». Среди таких следов были обнаружены флаги, агитационные печатные материалы, листовки и стикеры с нацистской символикой [9].

Ввиду высокой общественной опасности экстремизма, ответственность за преступления экстремистской направленности имеет широкое законодательное закрепление в праве Российской Федерации. Так, в Уголовном кодексе Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — Уголовный кодекс РФ) содержатся ст. 280, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 282.4. Закон об экстремистской деятельности закрепляет понятия, а также устанавливает ответственность, некоторые нормы о предупреждении и предотвращении экстремизма, регулирует международное сотрудничество в области борьбы экстремизмом.

Пленум Верховного суда Российской Федерации вынес постановление от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (далее — Постановление) [5], разъясняющее особенности применения судами норм Уголовного кодекса РФ о преступлениях экстремистской направленности. Так, согласно Постановлению, при расследовании экстремистских преступлений необходимо брать во внимание способ, место, и иные особенности каждого рассматриваемого деяния. При этом, важно отметить, что преступление, предусмотренное ст. 280 Уголовного кодекса РФ считается оконченным не с момента того, как удалось вовлечь или побудить кого-либо к участию в экстремистской деятельности, а с момента размещения материалов или публичных заявлений экстремистского характера.

Интернет в современном мире имеет большое значение, в частности, для молодежи. Д. В. Руденкин и А. И. Руденкина, проведя исследование, пришли к выводу, что «Интернет оказался для этого поколения российской молодежи нетехническим инструментом для работы с информацией, а скорее полноценной средой обитания» [4]. Можно сделать предположение о том, что и для молодежного экстремизма играет большую роль Интернет. На наш взгляд, это обусловлено тем, что молодое поколение проводит больше времени в интернет-пространстве, нежели старшее

поколение. Молодежь с помощью Интернета читает, общается, познает новое образовательного и развлекательного характера. В Интернете информация распространяется с большой скоростью, а лицу, размещающему информацию в сети, зачастую удается скрыть свою личность. Эти две особенности делают Интернет удобным инструментом для распространения материалов экстремистского характера, к которому легко, порой даже случайно, могут получить доступ представители молодежи.

Распространенность совершений экстремистских преступлений с использованием сети Интернет подтверждается судебной практикой. Так, приговор № 1-310/2020 от 27 июля 2020 г. по делу № 1-310/2020 Киселевского городского суда Кемеровской области [12] был вынесен по делу, в котором подсудимый Антонов Д.В. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 280 УК РФ. Согласно материалам дела, Д. В. Антонов разместил пост в социальной сети, в котором выразил вражду к сотрудникам Федеральной службы исполнения наказаний России (далее — ФСИН России), нецензурно выразился в их адрес и призвал читателей поста к нанесению побоев сотрудникам ФСИН России и совершению иных противоправных действий, направленных против сотрудников. Суд признал Д. В. Антонова виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 280 Уголовного кодекса РФ. Данный приговор демонстрирует, что для того, чтобы деяние квалифицировалось как экстремистское преступление, необходимо, в данном случае возбуждение вражды и осуществление публичного призыва к совершению насильственных действий в отношении социальной группы — сотрудников ФСИН России. Осуществление указанных насильственных действий не является обязательным признаком.

Для полноты изучения молодежного экстремизма считаю важным рассмотреть и судебную статистику. Судебная статистика [8] за 2020 г. говорит о том, что по ч. 2 ст. 280 Уголовного кодекса РФ осуждено было 135 человек, из которых 11 лишены свободы, а 116 приговорены к условному лишению свободы. Из этого можно сделать вывод о том, что по делам о публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности с использованием СМИ и Интернета суды Российской Федерации преимущественно применяют к осужденным условное лишение свободы в качестве меры наказания.

Всего, согласно судебной статистике [8], за 2021 г. по ч. 2 ст. 280 Уголовного кодекса РФ осуждено 242 человека, из которых 20 лишены свободы, 215 приговорены к условному лишению свободы. За 2022 г. по ч. 2 ст. 280 Уголовного кодекса РФ осуждено 264 человека, из них 25 человек были лишены свободы, 225 человек были лишены свободы условно, остальные меры наказания применялись реже указанных. Исходя из приведенной судебной статистики, можно сделать вывод о том, что наблюдается динамика роста числа преступлений экстремистской направленности. За два года количество осужденных за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности с использованием СМИ и Интернета возросло практически вдвое.

Возвращаясь к судебной практике, хочется обратить внимание на преступление, совершенное 24-летним Олегом Денисовым и 22-летней Ириной Кузнецовой. Денисов и Кузнецова осуществили поджог автомобиля сотрудника полиции, на автомобиле была наклеена буква «Z». Граждане получили заказ, согласно которому должны были поджечь указанный автомобиль. За совершение преступления граждане получили 15 тыс. руб. от лица, разместившего заказ. Происходящее преступники снимали на камеру. Денисов и Кузнецова были осуждены пролетарским районным судом города Ростова-на-Дону за преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 167 Уголовного кодекса Российской Федерации [11]. На наш взгляд, автомобиль был сожжен именно потому, что на нем была наклеена буква «Z», являющаяся символом российских войск, участвующих в Специальной Военной Операции на Украине. Таким образом, в деянии прослеживается экстремистский мотив. Поэтому должна быть соответствующая квалификация деяния.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что проблема молодежного экстремизма стоит достаточно остро, наблюдается динамика увеличения числа преступлений экстремистской направленности. Одной из причин увеличения количества преступлений экстремистской направленности являются происки иностранных агентов и противников проведения СВО российскими войсками на Украине.

На наш взгляд, необходимо осуществление следующих мер профилактики молодежного экстремизма:

♦ ликвидация безграмотности молодого поколения в электронной сфере и сети Интернет. Необходимо научить представителей молодого поколения различать достоверную и недостоверную информацию, чтобы они могли обнаруживать экстремистские материалы и не поддаваться агитациям лиц, осуществляющих публичные призывы к экстремистской деятельности;

♦ ужесточение создания страниц и верификации пользователей социальных сетей. Считаем необходимым запрашивать у пользователей, создающих страницы в социальных сетях паспортные данные и адрес места жительства. Так будет легче установить личности тех, кто публикует и распространяет призывы к осуществлению экстремистской деятельности. Это позволит привлечь преступников и правонарушителей к ответственности и заблокировать их страницы в социальных сетях;

♦ еще одним вариантом решения проблемы молодежного экстремизма может являться введение обязательных занятий в учебных заведениях. На таких занятиях школьникам и студентам будут доступным языком разъяснять, что такое экстремизм, какая предусмотрена ответственность за действия экстремистского характера, а также разъяснять цели политики государства и природу происходящих явлений внутри государства и на международной арене.

Список источников

1. Акимов Г. В. К вопросу о противодействии молодежному экстремизму в России // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 221–227.
2. Батюкова В. Е. К вопросу о противодействии молодежному экстремизму в России // Закон и право. 2022. № 2. С. 129–131.
3. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 37–46.
4. Руденкин Д. В., Руденкина А. И. Интернет в социальной реальности современной российской молодежи: тренды и риски // Juvenis scientia. 2019. № 1. С. 43–48.
5. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. 2011. 4 июля.

6. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
7. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 28.
8. Агентство правовой информации. Судебная статистика РФ // URL://<https://stat.api-пресс.пф/stats/ug/t/14/s/17>.
9. Издание LENTA.RU // URL://<https://lenta.ru/news/2022/12/10/melitopol/>
10. Левада-Центр: Конфликт с Украиной: июль 2022 г. // URL://<https://www.levada.ru/2022/08/01/konflikt-s-ukrainoj-iyul-2022-goda/>
11. Новости Прокуратуры Ростовской области от 2 февраля 2023 г. // URL://https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_61/mass-media/news?item=85032227.
12. Приговор № 1-310/2020 от 27 июля 2020 г. по делу № 1-310/2020 // URL://https://sudact.ru/regular/doc/pp9Z2ZHRxjVQ/?page=4&regular-court=&regular-date_from=&regular-case_doc=&regular-lawchun-kinfo=Статья+280.+Публичные+призывы+к+осуществлению+экстремистской+деятельности%28УК+РФ%29&regular-workflow_stage=&regular-date_to=&regular-area=&regular-txt=&_1682962518478&regular-judge=.
3. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Youth extremism. The essence and features of the manifestation // Sociological research. 2008. № 5. P. 37–46.
4. Rudenkin D. V., Rudenkina A. I. The Internet in the social reality of modern Russian youth: trends and risks // Juvenis scientia. 2019. № 1. P. 43–48.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 11 dated June 28, 2011 «On judicial practice in criminal cases of extremist crimes» // Rossiyskaya Gazeta. 2011. July 4th.
6. Federal Law № 114-FZ of July 25, 2002 «On Countering Extremist Activities» // CL RF. 2002. No. 30. Art. 3031.
7. Federal Law № 489-FZ of December 30, 2020 «On Youth Policy in the Russian Federation» // CL RF. 2021 No. 1 (Part I). Art. 28.
8. Agency of Legal Information. Judicial statistics of the Russian Federation // URL://<https://stat.api-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17>.
9. Publication LENTA.RU // URL://<https://lenta.ru/news/2022/12/10/melitopol/>
10. Levada Center: Conflict with Ukraine: July 2022 // URL://<https://www.levada.ru/2022/08/01/konflikt-s-ukrainoj-iyul-2022-goda/>
11. News from the Prosecutor's Office of the Rostov region dated February 2, 2023 // URL://https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_61/mass-media/news?item=85032227.
12. Verdict № 1-310/2020 of July 27, 2020 in case no. 1-310/2020 // URL://https://sudact.ru/regular/doc/pp9Z2ZHRxjVQ/?page=4&regular-court=&regular-date_from=&regular-case_doc=&regular-lawchun-kinfo=Article+280.+Public+calls+to+execute+extremist+activities%28UK+RF%29&regular-workflow_stage=&regular-date_to=&regular-area=&regular-txt=&_01=1682962518478&regular-judge=.

References

Информация об авторе

В. Е. Батюкова — доцент кафедры международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. E. Batyukova — Associate Professor of the Department of International and Public Law of the Law Faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 31.01.2024; одобрена после рецензирования 22.02.2024; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted 31.01.2024; approved after reviewing 22.02.2024; accepted for publication 29.03.2024.

Научная статья

УДК 342.951

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-21-24>

EDN: <https://elibrary.ru/aouead>

НИОН: 2003-0059-2/24-990
MOSURED: 77/27-003-2024-02-189

Декларирование в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд

Глеб Николаевич Василенко

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, svara1945@gmail.com

Рецензент: профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент **Д. Н. Шурухнова**

Аннотация. Представлена авторская точка зрения на административно-правовую природу декларирования в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и его принадлежность к соответствующему административно-правовому институту.

Ключевые слова: субинститут, административное право, декларирование, контрактная система, добросовестность, декларация, конкуренция

Для цитирования: Василенко Г. Н. Декларирование в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 21–24. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-21-24>. EDN: AOUEAD.

Original article

Declaration in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs

Gleb N. Vasilenko

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, svara1945@gmail.com

Reviewer: Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor **D. N. Shurukhnova**

Abstract. The author's point of view on the administrative-legal nature of declaration in the field of procurement of goods, works, services to ensure state and municipal needs and its belonging to the relevant administrative-legal institute is presented.

Keywords: sub-institute, administrative law, declaration, contract system, good faith, declaration, competition

For citation: Vasilenko G. N. Declaration in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):21–24. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-21-24>. EDN: AOUEAD.

В условиях совершенствования системы государственного управления административно-правовой институт декларирования продолжает формироваться, преодолевая межотраслевые границы. Появившись в пределах таможенного и налогового права, декларирование активно встраивается в существующие системы традиционных средств государственного управления; сохраняя свою уникальность, приобретает универсальный характер.

Нами выявлено 16 субинститутов административно-правового декларирования¹, в рамках некоторых из них выделяются подвиды; например, субинститут декларирования соответствия включает в себя 16 самостоятельных подвидов декларирования, дифференцированных исходя из определения объекта соответствия².

Особое значение для развития декларирования приобрела регламентация принципа добросовестности декларанта и ее стимулирования на уровне феде-

¹ Налоговое декларирование; таможенное декларирование; декларирование пожарной безопасности; декларирование соответствия; декларирование промышленной безопасности; лесное декларирование; антикоррупционное декларирование; инвестиционное декларирование; экологическое декларирование; добровольное декларирование активов и счетов (вкладов) в банках; энергетическое декларирование; декларирование розничной продажи алкогольной продукции; декларирование безопасности гидротехнического сооружения; декларирование объема производства, оборота и (или) использования этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции; проектное декларирование; декларирование в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

² Декларирование соответствия колесных транспортных средств; декларирование соответствия машин и оборудования;

рального законодательства о контроле (надзоре) [2, ст. 8, 44, 45, 48], а также в документах стратегического планирования федеральных органов исполнительной власти. В Плане мероприятий на период 2021–2024 гг. по реализации Стратегии развития таможенной службы РФ до 2030 г. степень добросовестности декларанта рассматривается в качестве одного из условий обеспечения минимизации рисков совершения нарушения таможенных правил; отмечается нацеленность профильного правового регулирования на снижение административной нагрузки на добросовестных и законопослушных участников внешнеэкономической деятельности; повышение точности определения объектов таможенного контроля [3].

Исходя из понимания сущности правового явления, добросовестность декларанта может рассматриваться с позиций теории солидаризма права как исходное («нулевое») значение доверия государства к участникам публичных отношений во имя общего блага. С 2020 г. принципы взаимного доверия государства и общества, а также социальной солидарности нашли отражение в положениях Конституции РФ [1, ст. 75.1], что подтверждает намерения государства продолжить движение в направлении совершенствования правового регулирования партнерских, доверительных отношений в долгосрочной перспективе.

В сложившихся условиях благоприятного развития правовой регламентации соответствующего института метод декларирования применяется в самых различных сферах государственного управления, в том числе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Анализ положений Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в РФ» [2, ст. 8] и Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [4, ст. 8] позволяет констатировать корреляцию содержащихся в них норм-принципов, а именно стимулирования добросовестности декларанта и обеспечения конкуренции соответственно.

Принцип стимулирования добросовестности декларанта реализуется через систему мероприятий, осуществляемых в отношении подконтрольных объектов уполномоченными органами исполнительной власти с учетом декларации, содержащей сведения о самообследовании декларанта.

В свою очередь, принцип обеспечения конкуренции в рамках контрактной системы в сфере закупок направлен на создание равных условий для обеспечения конкуренции между участниками закупок, основанной на соблюдении принципа добросовестной ценовой и неценовой конкуренции между участниками закупок в целях выявления лучших условий поставок товаров, выполнения работ, оказания услуг. Добросовестность участников закупок, в первую очередь тех, которым может быть предоставлено легальное конкурентное преимущество, определяется посредством декларирования.

К категориям участников контрактной системы с конкурентным преимуществом, предоставляющих соответствующие декларации, законодатель относит учреждения или предприятия уголовно-исполнительной системы, организации инвалидов, социально ориентированные некоммерческие организации, субъектов малого предпринимательства.

В качестве критериев определения добросовестности декларанта учитываются количественные и качественные характеристики.

К первой группе можно отнести:

- ♦ численный состав членов общероссийских общественных организаций инвалидов (в том числе созданных как союзы общественных организаций инвалидов) — инвалиды и их законные представители должны составлять не менее чем 80 %;

- ♦ уставный (складочный) капитал организаций должен полностью состоять из вкладов общероссийских общественных организаций инвалидов и среднесписочная численность инвалидов в них по отношению к другим работникам должна составлять не менее чем 50 %, а доля оплаты труда инвалидов в фонде оплаты труда — не менее чем 25 %;

декларирование соответствия низковольтного оборудования; декларирование соответствия продукции, предназначенной для детей и подростков; декларирование соответствия табачной продукции; декларирование соответствия соковой продукции из фруктов и овощей; декларирование соответствия молока и молочной продукции; декларирование соответствия средств индивидуальной защиты; декларирование соответствия масложировой продукции; декларирование соответствия аппаратов, работающих на газообразном топливе; декларирование соответствия пиротехнических изделий; декларирование соответствия пищевой продукции; декларирование соответствия мебели; декларирование соответствия оборудования, работающего под избыточным давлением; декларирование соответствия космической техники; декларирование соответствия средств связи.

♦ при определении поставщиков (подрядчиков, исполнителей) открытыми конкурентными способами, в которых участниками закупок являются только субъекты малого предпринимательства, социально ориентированные некоммерческие организации, начальная (максимальная) цена контракта не должна превышать 20 млн руб.

Ко второй группе, помимо организационно-правовой принадлежности к категории участников контрактной системы с конкурентным преимуществом, можно отнести:

♦ непроведение ликвидации участника закупки — юридического лица;

♦ отсутствие решения арбитражного суда о признании участника закупки — юридического лица или индивидуального предпринимателя несостоятельным (банкротом) и об открытии конкурсного производства;

♦ неприостановление деятельности участника закупки;

♦ отсутствие у участника закупки недоимки по налогам, сборам, задолженности по иным обязательным платежам в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации за прошедший календарный год, размер которых превышает 25 % балансовой стоимости активов участника закупки, по данным бухгалтерской отчетности за последний отчетный период;

♦ отсутствие у участника закупки — физического лица либо у руководителя, членов коллегиального исполнительного органа, лица, исполняющего функции единоличного исполнительного органа, или главного бухгалтера юридического лица — участника закупки судимости за преступления, предусмотренные УК РФ [5, ст. 289, 290, 291, 291.1] (за исключением лиц, у которых такая судимость погашена или снята);

♦ неприменение в отношении участника закупки — физического лица либо у руководителя, членов коллегиального исполнительного органа, лица, исполняющего функции единоличного исполнительного органа, или главного бухгалтера юридического лица — участника закупки наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, которые связаны с поставкой товара, выполнением работы, оказанием услуги, являющихся объектом осуществляемой закупки, и административного наказания в виде дисквалификации;

♦ участником закупки не может быть юридическое лицо, которое в течение двух лет до момента подачи заявки на участие в закупке было привлечено к административной ответственности за совершение правонарушения, предусмотренного КоАП РФ [6, ст. 19.28];

♦ обладание участником закупки исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности, если в связи с исполнением контракта заказчик приобретает права на такие результаты, за исключением случаев заключения контрактов на создание произведений литературы или искусства, исполнения, на финансирование проката или показа национального фильма;

♦ отсутствие обстоятельств, при которых должностное лицо заказчика (руководитель заказчика, член комиссии по осуществлению закупок, руководитель контрактной службы заказчика, контрактный управляющий), его супруг (супруга), близкий родственник по прямой восходящей или нисходящей линии (отец, мать, бабушка, дедушка, сын, дочь, внук, внучка), полнородный или неполнородный (имеющий общих с должностным лицом заказчика отца или мать) брат (сестра), лицо, усыновленное должностным лицом заказчика, либо усыновитель этого должностного лица заказчика является: физическим лицом (в том числе зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя), являющимся участником закупки; руководителем, единоличным исполнительным органом, членом коллегиального исполнительного органа, учредителем, членом коллегиального органа унитарной организации, являющейся участником закупки; единоличным исполнительным органом, членом коллегиального исполнительного органа, членом коллегиального органа управления, выгодоприобретателем корпоративного юридического лица, являющегося участником закупки;

♦ участник закупки не является офшорной компанией, не имеет в составе участников (членов) корпоративного юридического лица или в составе учредителей унитарного юридического лица офшорной компании, а также не имеет офшорных компаний в числе лиц, владеющих напрямую или косвенно (через юридическое лицо или через несколько юридических лиц) более чем 10 % голосующих акций хозяйственного общества либо долей, превышающих 10 % в уставном (складочном) капитале хозяйственного товарищества или общества;

♦ участник закупки не является иностранным агентом;

♦ отсутствие у участника закупки ограничений для участия в закупках, установленных законодательством Российской Федерации.

В заключение отметим, что среди относительно новых юридических образований в отечественном административном праве получил развитие институт декларирования, сформировавшийся в результате применения одноименного метода регулирования, истоки которого обнаруживаются в системе источников таможенного и налогового права. Современное декларирование — это совокупность административно-правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие в связи с уведомлением в нормативно установленном порядке физическими и (или) юридическими лицами, их представителями, уполномоченных органов государственной власти о своих доходах (расходах), доходах (расходах) третьих лиц, о соответствии принадлежащих им денежных средств, вещей, иных материальных объектов или производимых ими товаров, работ или оказываемых услуг, нормативно допустимым качественным и (или) количественным показателям, в целях осуществления внутрихозяйственного и государственного контроля (надзора) в определенных административным законодательством сферах деятельности.

Основу метода декларирования и его уникальность характеризует принцип добросовестности декларанта, который, обладая достаточным для контролирующего субъекта исполнительной власти правосознанием, воспринимается как законопослушный субъект публично-правовых отношений.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Российская газета. 2020. 5 авг.

3. План мероприятий на период 2021–2024 гг. по реализации Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 г. // URL://<https://customs.gov.ru/>

4. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Российская газета. 2013. 12 апр.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. 31 дек.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved in the course of the all-Russian vote on July 1, 2020) // LRS «ConsultantPlus».

2. Federal Law of July 31, 2020, № 248-FZ «On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 2020. August 5.

3. Action Plan for the period of 2021–2024 to implement the Strategy for the Development of the Customs Service of the Russian Federation until 2030 // URL://<https://customs.gov.ru/>

4. Federal Law № 44-FZ dated April 5, 2013 «On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, Services for State and Municipal Needs» // Rossiyskaya Gazeta. 2013. April 12.

5. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, № 63-FZ // CL RF. 1996. № 25. Art. 2954.

6. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001, № 195-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 2001. December 31.

Информация об авторе

Г. Н. Василенко — заместитель начальника кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

G. N. Vasilenko — Deputy Chief of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 22.09.2023; одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 18.01.2024. The article was submitted 22.09.2023; approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 18.01.2024.

Научная статья

УДК 342.59

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-25-29>

EDN: <https://elibrary.ru/aupftt>

ИПОН: 2003-0059-2/24-991

MOSURED: 77/27-003-2024-02-190

Правоохранительная политика в условиях реализации новой «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»

Аскарби Муаедович Гонов^{1,2}

¹ Государственный университет управления, Москва, Россия, ask.gonov@yandex.ru

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация. Проведен краткий анализ новой Стратегии национальной безопасности РФ, принятой в соответствии с Указом Президента РФ 2 июля 2021 г., как важнейшего документа, имеющего стратегические приоритеты, а также определяющего задачи и цели российского государства в сфере национальной безопасности для его устойчивого развития. Рассмотрены вопросы значимости разработки концепции официальной правоохранительной политики, отвечающей современным социальным реалиям, и ее реализации в рамках новых стратегий и вызовов для защиты безопасности государства, обеспечения правопорядка и благополучия человека.

Ключевые слова: защита прав и свобод человека и гражданина, правоохранительная политика, правоохранительная деятельность, стратегия, национальная безопасность, государственная и общественная безопасность, информационная безопасность, экономическая безопасность

Для цитирования: Гонов А. М. Правоохранительная политика в условиях реализации новой «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 25–29. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-25-29>. EDN: AUPFTT.

Original article

Law enforcement policy in the context of the implementation of the new «National Security Strategy of the Russian Federation»

Askarbi M. Gonov^{1,2}

¹ State University of Management, Moscow, Russia, ask.gonov@yandex.ru

² The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract. A brief analysis of the new National Security Strategy of the Russian Federation, adopted in accordance with the Decree of the President of the Russian Federation on July 2, 2021, as the most important document with strategic priorities, as well as defining the tasks and goals of the Russian state in the field of national security for its sustainable development. The issues of significance of the development of the concept of official law enforcement policy that meets modern social realities and its implementation within the framework of new strategies and challenges to protect the security of the state, ensure law and order and human well-being are considered.

Keywords: protection of human and civil rights and freedoms, law enforcement policy, law enforcement, strategy, national security, state and public security, information security, economic security

For citation: Gonov A. M. Law enforcement policy in the context of the implementation of the new «National Security Strategy of the Russian Federation». Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):25–29. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-25-29>. EDN: AUPFTT.

В соответствии со ст. 2 и 45 Конституции Российской Федерации «человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются обязанностью государства; государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется» [1], несмотря на наличие альтернативных возможностей защиты гражданами своих прав и свобод.

Учитывая, что идея о возможности существования общества без преступности является утопией, государство в ближайшей и далекой перспективе должно для сохранения стабильного уровня социального развития обеспечить реализацию своих функций по охране от возникающих угроз общественных отношений. В частности, в условиях сложившейся ситуации в мировой политике Россия вынуждена проводить более активную внешнюю и внутреннюю поли-

© Гонов А. М., 2024

тику по охране как конституционного строя и суверенитета государства, так и по охране прав и свобод человека и гражданина, защите собственности, обеспечению общественного порядка и, безусловно, борьбе с преступностью. При этом следует иметь в виду, что функциональная охранительная деятельность государства делится на правоохранительную, правоприменительную и правотворческую подфункции. Таким образом, «правоохранительная деятельность» является частью более широкого понятия «охранительная деятельность», наряду с правоприменительной и правотворческой деятельностью государства. При этом самым главным результатом правоохранительной деятельности является достижение государством максимально точного и полного выполнения государственными органами, организациями и всеми гражданами установленных предписаний.

Для реализации этих подфункций государство, на наш взгляд, должно вернуться к идее о необходимости разработки «Концепции правоохранительной политики РФ». К этой проблеме относительно недавно обращались ряд ученых-теоретиков в своих научных трудах (А. В. Малько, В. А. Терехин и др.) [2]. Однако эти идеи, к сожалению, остались только на бумаге и не были серьезно обсуждены. Вместе с тем, общеизвестно, что разработка такой Концепции предполагает не только подготовку теоретических идей, но и конкретных программных действий, которые должны опираться на достижения мировой практики и собственный исторический опыт. А если учесть, что в современных условиях такой программно-целевой метод отвечает социальным реалиям и является наиболее эффективным, то он должен помочь в решении поставленных перед государством задач и добиться намеченных целей.

Предлагая вернуться к идее введения понятия «Правоохранительная политика», важно не забывать, что государство, принимая законы, является и самым заинтересованным субъектом, который хочет его исполнения. Поэтому государством создаются специализированные органы, наделенные властными полномочиями, которые должны охранять право от посягательств, нарушений и злоупотреблений. При этом, необходимо четко определить задачи и приоритеты данной политики, иначе работа этих органов, как и самого государства в целом, будет беспорядочной и малоэффективной, и, не исключено, что будет иметь противозаконный характер.

Правоохранители, которые будут обеспечивать реализацию этой правоохранительной политики государства, должны руководствоваться принципом верховенства закона, иначе они будут заняты, скорее всего, удовлетворением своих личных корыстных интересов.

Предлагаемая для реализации идея правоохранительной политики должна быть обсуждена официальными государственными органами с привлечением практических и научных работников, а при согласовании и принятии она могла бы стать одним из направлений общеправовой политики государства.

При этом следует отметить, что вопросам правоохранительной политики в последние годы уделяется невероятно мало внимания, в отличие от правовой политики. Только небольшой ряд ученых обращались к этой теме (А. В. Малько, В. А. Терехин, В. А. Затонский, В. Н. Синюков, М. П. Петров, О. Н. Коржилов, В. В. Нырков, С. Н. Захарцев, Б. Б. Сулейманов) [3; 4], да к тому же в основном это работы написаны 10–15 лет тому назад.

К сожалению, в современной России одним из факторов, угрожающих национальной безопасности России, продолжает оставаться криминальная ситуация. Во многих областях общественных отношений существенно и системно нарушаются права и свободы наших сограждан. В то же время, в нашей юридической науке до сих пор продолжают дискуссии и споры по некоторым базовым категориям, по которым можно было бы достигнуть компромисса для выработки единой согласованной политики. Это такие правовые категории, как правоохранительные органы, правоохранительная система, правоохранительный механизм, правоохранительная деятельность, сфера и субъекты ее осуществления и т. д. Безусловно, такое разногласие идет не на пользу общему государственному делу: выработке согласованной и профессионально подготовленной правоохранительной политики.

В этих условиях, Президент РФ 2 июля 2021 г., руководствуясь положениями Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», который закрепляет необходимость корректировки документа каждые шесть лет, подписал Указ «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

На сегодняшнем этапе развития мировой политики важное значение имеет анализ и ход реализации

этого нормативного акта, так как от него зависит судьба и жизнь целого поколения. В новой Стратегии сохранена преемственность ряда положений предыдущих Стратегий национальной безопасности 2009 и 2015 гг., в частности, в области объединения усилий всех органов власти государства, а также институтов гражданского общества. Такое объединение всех сил и средств государства и общества должно помочь создать максимально благоприятные условия для защиты стратегических национальных интересов РФ.

Предыдущая Стратегия была утверждена 31 декабря 2015 г., поэтому появление новой Стратегии в 2021 г. имеет плановый характер. Некоторые принципы и подходы в данной стратегии имеют элементы новизны, в частности, это касается вопросов защиты российского общества от враждебного информационного воздействия и развития безопасного информационного пространства, а также вопросов, связанных с сохранением природных ресурсов и рациональным природопользованием, адаптацией к изменениям климата и, в целом, охраной окружающей среды. Тем самым, по сравнению с предыдущей Стратегией (шесть), количество национальных интересов в новой увеличилось до восьми. Также важнейшим элементом национальных интересов России в экономической сфере становится необходимость ее развития на новой технологической основе, т. е. на основе проведения цифровизации ключевых экономических процессов.

В новой Стратегии по степени значимости на первый план выдвинута задача «сбережения народа», а не оборона страны как раньше, что говорит о смещении внимания руководства страны на внутренние проблемы, которые в нынешних реалиях несут в себе достаточно серьезную угрозу национальной безопасности. Не случайно в этот раздел был перемещен такой приоритет, как «здравоохранение». Поэтому «сбережение народа» — это многоаспектная задача, которая предполагает необходимость увеличения реальных доходов населения, повышения качества общего образования, а также решение вопросов, связанных с повышением доступности и качества медицинской помощи, стабильной и устойчивой работой системы здравоохранения, повышением рождаемости, увеличением продолжительности жизни и снижением смертности.

В ст. 1 Стратегии заявлено, что «только гармоничное сочетание статуса сильной державы и бла-

гополучия человека обеспечит формирование справедливого общества и процветание России» [5].

Стратегия национальной безопасности состоит из пяти разделов, один из которых, четвертый раздел — «Обеспечение национальной безопасности», имеет прямое отношение к правоохранительной деятельности. В этом разделе более подробно обозначены цели и задачи по таким видам безопасности, как государственная, общественная, экономическая, информационная и экологическая.

При этом, безусловно, очень важным моментом является закрепление в Стратегии в качестве национального приоритета информационной безопасности. Для достижения данной приоритетной цели необходимо будет защитить российское общество, во-первых, от враждебного информационного воздействия со стороны экстремистских и террористических организаций, а, во-вторых, от усилившейся в последние годы пропаганды недружественных государств и спецслужб. Для этого надо перейти к использованию российских информационных технологий и оборудования, обеспечить бесперебойное функционирование критически важной информационной инфраструктуры. Это довольно сложная задача, но выполнимая.

При этом, к сожалению, предусмотренные в пятом разделе Стратегии механизмы реализации носят больше декларативный характер, нежели практическую направленность. В частности, Стратегией предусмотрено, что для осуществления контроля за ее реализацией необходимо провести государственный мониторинг состояния национальной безопасности Российской Федерации. А показатели этого мониторинга, которые практически известны только узкому кругу должностных лиц, устанавливает Президент Российской Федерации, по результатам которого Совет Безопасности РФ один раз в год заслушивает отчет его секретаря «О состоянии безопасности в РФ». Более того, этот отчет заслушивается на закрытом заседании Совета безопасности РФ и в открытом доступе невозможно найти не только сам текст, но даже ее отрывки. К сожалению, данный отчет не публикуется и нет возможности с ним ознакомиться более широкому кругу специалистов. Такое положение приводит к «вольному, искаженному изложению его идей».

Поэтому надо признать, что практических механизмов реализации Стратегии и контроля за ее ис-

полнением недостаточно. В итоге, при сложившейся практике, где недостаточно гласности и прозрачности, чаще всего появляется питательная среда для злоупотреблений и коррупции; более того, такая ситуация может быть использована при принятии незаконных решений, нарушающих или ущемляющих права и законные интересы граждан. В этой связи важно помнить, что обеспечение результативной работы всего механизма защиты национальной безопасности России, в том числе, по линии правоохранительной деятельности невозможно без надежно работающего контроля со стороны общества. Только используя принцип публичности (транспарентности) в деятельности этих органов можно добиться желаемых позитивных результатов.

Реакция российского экспертного сообщества на Стратегию национальной безопасности, в основном, позитивная, при этом они рассматривают Стратегию с разных сторон взвешенно и подвергая анализу как внутренние, так и внешние факторы, которые влияют на состояние национальной безопасности России. Несмотря на это, на наш взгляд, во исполнение положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации должны быть дополнительно приняты некоторые организационные и правовые меры, а также разработаны рекомендации по совершенствованию системы общественного контроля и повышению доверия граждан к судебной и правоохранительной системам Российской Федерации. Очень важно продолжить работу по совершенствованию принципа публичности в деятельности некоторых правоохранительных органов. А для этого необходимо разработать и принять несколько новых правовых актов, которые позволят проводить более эффективный контроль со стороны общества за реализацией Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Тем более, что реализация Стратегии предусматривает возможность «совершенствования системы государственного управления и стратегического планирования в области обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития Российской Федерации (ст. 106)» [5].

Российская правоохранительная система на современном этапе развития может и должна обеспечить выполнение правозащитной функции государства по установлению гармоничных отношений между личностью и властью.

На наш взгляд, из состояния кризиса правоохранительную деятельность государства может вывести профессионально подготовленная правоохранительная политика, которая должна формироваться общими усилиями практиков-профессионалов и ведущих ученых.

Состояние, при котором имеется большое количество планов, не опирающихся на общую правоохранительную основу и разумно распределенные силы и средства, вносит в их действия неразбериху и чаще всего не достигает требуемого результата. Поэтому желательно найти новые подходы, неординарные изменения в правоохранительных структурах, объединить в единое целое все функциональные стратегии правоохранительных субъектов в виде правоохранительной политики и предоставить ей общегосударственный статус. Эта новая правоохранительная политика будет опираться на Стратегию национальной безопасности РФ. При этом должна быть создана новая эффективная система профилактики, предупреждения и раскрытия новых видов преступлений. В совокупности такая стратегия и политика должны будут обеспечить безопасность личности, общества, государства.

Поэтому важное место в решении этого вопроса отводится законодательной политике, которая должна четко определить перечень правоохранительных органов, их статус в системе национальной безопасности, а также более детально разграничить предметы ведения государственных и негосударственных правоохранительных органов и зон их ответственности. Решение этой задачи приведет к значительно лучшей организации борьбы с правонарушениями, осуществления профилактики преступности, прогнозирования вызовов и угроз, а также разработки целевых программ по обеспечению безопасности.

Таким образом, не вызывает никакого сомнения необходимость и значимость разработки концепции официальной правоохранительной политики государства, которая соответствовала бы современным социальным реалиям, а также ее реализация.

В заключение отметим, что очень важным и принципиальным вопросом является то, как будет реализовываться Стратегия национальной безопасности. В российской истории неоднократно были факты принятия важнейших документов государственной политики, которые, к сожалению, не были реализованы и оставались на бумаге. Поэтому перед нашим государством в ближайшие годы стоит очень

серьезная задача по превращению грамотной военно-политической стратегии в успешную политику на стратегических направлениях, в том числе правоохранительную политику. И в этом вопросе государство должно, просто обязано, преуспеть.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Концепция правоохранительной политики в Российской Федерации (проект) / под ред. А. В. Малько. Саратов : Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2012.
3. Малько А. В., Затонский В. А., Коржилов О. Н. Правоохранительная политика России в условиях модернизации (исторический аспект) // История государства и права. № 8.
4. Сулейманов Б. Б. К вопросу о методологических аспектах правоохранительной политики // Проблемы взаимодействия субъектов правоохранительной политики: сб. ст. по мат. всерос. науч.-практ. конф. / под. ред. А. В. Малько, В. А. Терехина. Пенза, 2008. С. 89–93.
5. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской

ской Федерации» // URL://<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/>

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (taking into account the amendments introduced by the laws on amendments to the Constitution of the Russian Federation from December 30, 2008 № 7-FKZ, from February 5, 2014 № 2-FKZ, from March 14, 2020 № 1-FKZ; with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // SPS «ConsultantPlus».
2. The concept of law enforcement policy in the Russian Federation (draft) / ed. by A. V. Malko. Saratov : Publishing house of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education «Saratov State Law Academy», 2012.
3. Malko A. V., Zatonsky V. A., Korzhikov O. N. Law enforcement policy of Russia in the conditions of modernization (historical aspect) // History of State and Law. № 8.
4. Suleymanov B. B. To the question of methodological aspects of law enforcement policy // Problems of interaction of subjects of law enforcement policy: Collection of articles on the materials of the All-Russian scientific-practical conference / edited by A. V. Malko, V. A. Terkhin. Penza, 2008. P. 89–93.
5. Presidential Decree № 400 of July 2, 2021 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // URL://<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/>

Информация об авторе

А. М. Гонов — профессор кафедры публичного права и правового обеспечения управления Института государственного управления и права Государственного университета управления, профессор кафедры основ правоохранительной деятельности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор.

Information about the author

A. M. Gonov — Professor of the Department of Public Law and Legal Support of Governance of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management, Professor of the Department of Law Enforcement Fundamentals of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Historical Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 30.11.2023; одобрена после рецензирования 12.01.2024; принята к публикации 01.03.2024.

The article was submitted 30.11.2023; approved after reviewing 12.01.2024; accepted for publication 01.03.2024.

Научная статья

УДК 347.61/.64

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-30-36>

EDN: <https://elibrary.ru/awtzxe>

NIJON: 2003-0059-2/24-992

MOSURED: 77/27-003-2024-02-191

О трансформации семейного правоотношения при расторжении брака родителей: к вопросу о балансе интересов субъектов правоотношения по воспитанию ребенка

Анна Владимировна Гринева

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия, annagrin@rambler.ru

Аннотация. Представлен новый для науки семейного права взгляд на родительское правоотношение после расторжения брака родителей. Анализируются положения семейного законодательства и материалы правоприменительной практики. Продemonстрирована и доказана специфика семейных правоотношений с участием ребенка, его родителей, один из которых проживает отдельно после расторжения брака, а также иных лиц, являющихся членами семей каждого из родителей после расторжения брака. Подчеркивается особый статус отчима (мачехи) как социальных родителей, основания и формы их участия в правоотношении по воспитанию и содержанию несовершеннолетнего ребенка супруги (супруга), что дает основания для выводов о трансформации семейного правоотношения, существовании нескольких правоотношений между ребенком и его родителями, брак которых расторгнут.

Ключевые слова: родительское правоотношение, отчим (мачеха), семейное правоотношение, интересы ребенка, расторжение брака

Для цитирования: Гринева А. В. О трансформации семейного правоотношения при расторжении брака родителей: к вопросу о балансе интересов субъектов правоотношения по воспитанию ребенка // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 30–36. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-30-36>. EDN: AWTZXE.

Original article

Transformation of family legal relations upon divorce of parents: on the issue of balancing the interests of the subjects of legal relations in raising a child

Anna V. Grineva

South-Western State University, Kursk, Russia, annagrin@rambler.ru

Abstract. A new view of the parental legal relationship after the dissolution of the parents' marriage is presented for the science of family law. The provisions of family legislation and materials of law enforcement practice are analyzed. The specifics of family legal relations involving a child, his parents, one of whom lives separately after the dissolution of marriage, as well as other persons who are family members of each parent after the dissolution of marriage, are demonstrated and proved. The special status of the stepfather (stepmother) is emphasized as social parents, the grounds and forms of their participation in the legal relationship for the upbringing and maintenance of a minor child of a spouse, which gives grounds for conclusions about the transformation of family legal relations, the existence of several legal relations between a child and his parents, whose marriage is dissolved.

Keywords: parental legal relationship, stepfather (stepmother), family legal relationship, interests of the child, divorce

For citation: Grineva A. V. Transformation of family legal relations upon divorce of parents: on the issue of balancing the interests of the subjects of legal relations in raising a child. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):30–36. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-30-36>. EDN: AWTZXE.

Семейные правоотношения имеют уникальную природу, обусловленную различными факторами. В частности, наличие брака и возможное последующее его расторжение определяют существование супружеского правоотношения, а также правоотношений между бывшими супругами; наличие общего ребенка выступает основанием для именованя мужчины и женщины его родителями в пределах родительского правоотношения и т. д. При этом семейное правоотношение может существовать достаточно долго, что сопровождается изменением субъектного состава, содержания соответствующих правоотношений.

На первый взгляд может показаться, что тот или иной вид семейного правоотношения, в том числе и упомянутые нами, ограничены семейно-правовым статусом лица, а соответствующие изменения происходят в рамках взаимоотношений именно данных субъектов. Полагаем необходимым отметить, что семья является не только особым социальным институтом, но и достаточно специфичным объектом правового регулирования, в связи с чем юридические факты, например, расторжение брака, приводят зачастую к трансформации всего семейного правоотношения с участием данных лиц.

© Гринева А. В., 2024

Представители науки семейного права, как правило, расторжение брака соотносят либо с правоотношениями супругов, либо с правоотношениями супругов, являющихся родителями общего несовершеннолетнего ребенка (детей) [5, с. 245]. В то же время, по нашему мнению, следует учитывать, что семейное правоотношение в целом сохраняется между всеми его субъектами, при таких обстоятельствах родительское правоотношение, в частности, утрачивает свою социальную ценность, потому как раздельное проживание родителей ребенка после расторжения брака нивелирует признак общности и единства интересов семьи. Каждый из родителей формально и фактически становится свободным субъектом, способным создать новую семью как ячейку общества при сохранении своего статуса в трансформированном семейном правоотношении.

На наш взгляд, это позволяет утверждать, что при раздельном проживании ребенка с одним из родителей фактически существует не одно, а два самостоятельных правоотношения с участием ребенка и каждого из родителей соответственно. Безусловно, законодатель исходит из сохранения равенства прав и обязанностей родителей, а также полного объема ответственности каждого из родителей за воспитание и содержание ребенка. Однако суть исторически сформировавшегося понимания родительского правоотношения в подобной ситуации утрачивается.

Фактически ребенок состоит в двух семьях как социальном институте, если проживает постоянно с одним из родителей, при этом уклад семьи и условия воспитания ребенка, временного пребывания по месту жительства родителя, проживающего отдельно, а также непосредственное взаимодействие с супругом каждого из родителей, членами семьи нового супруга отца или матери — перечень данных факторов можно продолжать. Речь идет о том, что при раздельном проживании ребенка с одним из родителей, и особенно остро это проявляется при расторжении брака родителей, последние уже не всегда могут в полной мере обеспечить исполнение принципов осуществления родительских прав, предусмотренных семейным законодательством. В частности, ст. 65 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ) предусматривает, что «при осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию. Способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижаю-

щее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей».

Обосновывая заявленный тезис о существовании двух самостоятельных правоотношений по воспитанию ребенка, каждое из которых трансформируется из ранее существовавшего правоотношения между родителями-супругами, позволим себе апеллировать к классике цивилистики. Г. Ф. Шершеневич писал: «Основанием родительской власти является автономия семьи» [7, с. 624]. Конечно же, в современных условиях говорить о родительской власти в том понимании, которое было присуще современникам Г. Ф. Шершеневича, не уместно, но акцент на признаке автономии семьи в контексте исследования родительского правоотношения не может быть не сделан. Кстати, нельзя не подчеркнуть, что понятие «родительская власть» утратило свой правовой формат в первом отечественном Кодексе законов об Актах гражданского состояния, Брачном, Семейном и Опекунском праве, в ст. 153 которого предусматривалось: «Родительские права осуществляются исключительно в интересах детей и при неправомерном их осуществлении суду предоставляется право лишить родителей этих прав» [2, с. 16].

Государство наделяет родителей преимущественным правом перед всеми третьими лицами на обучение и воспитание своих детей, что тоже подчеркивает автономность семейного союза между детьми и родителями, состоящими в браке между собой.

При раздельном проживании ребенка с одним из родителей после расторжения брака между ними субъектный состав соответствующего семейного правоотношения может быть расширен за счет появления таких членов семьи, как отчим и (или) мачеха. Примечательно, и на это неоднократно обращалось внимание в юридической литературе [3], что законодатель не наделяет супруга отца или матери какими-либо правами или обязанностями по воспитанию ребенка супруга. Однако впоследствии, при наступлении нетрудоспособности и нуждаемости, отчим и мачеха, «воспитывавшие и содержавшие своих пасынков или падчериц» и не имеющие возможности получить содержание от своих совершеннолетних трудоспособных детей или от супругов (бывших супругов), могут потребовать выплаты алиментов на свое содержание от пасынков (падчериц). И только в контексте возможного отказа суда в удовлетворении заявленных требований законодатель отмечает условия: воспитание и содержание детей осуществлялось менее пяти лет, а также если соответствующие обя-

занности исполнялись отчимом (мачехой) ненадлежащим образом (ст. 97 СК РФ).

По нашему мнению, весьма широкое распространение так называемого социального родительства как явления при сохранении безразличного в целом отношения к нему со стороны законодателя порождает целый ряд вопросов, представляющих как теоретический, так и практический интерес.

Прежде всего, на основании чего отчим и мачеха принимают (должны принимать) участие в воспитании и содержании ребенка, если другой родитель жив, но всего лишь проживает отдельно от ребенка после расторжения брака?

Не менее значимым видится и установление пределов осуществления прав и обязанностей по воспитанию и содержанию пасынка (падчерицы), а также оснований применения к отчиму (мачехе) мер ответственности, предусмотренных семейным, гражданским, административным и уголовным законодательством.

Неоспоримым является тот факт, что законодатель ни в одной из норм СК РФ не предусматривает ни прямых, ни косвенных ответов на поставленные и другие, производные от них, вопросы. Отчим и мачеха, с одной стороны, не наделяются обязанностями по воспитанию и содержанию несовершеннолетнего ребенка своего супруга, но, с другой стороны, никто и не только не запрещает им осуществлять соответствующие права и обязанности, но и создавать себе тем самым гарантии для возможного получения содержания от детей супруга при наступлении нетрудоспособности и нуждаемости.

Таким образом, при заключении брака каждым из родителей ребенок подвергается (может подвергаться) воспитательному воздействию со стороны более широкого круга лиц, нежели включало в себя родительское правоотношение до расторжения брака родителей. Совместное проживание ребенка с одним из родителей, конечно же, предопределяет перспективу более активного участия в его воспитании супруга именно этого родителя. В то же время, пребывание, в том числе и в течение относительно длительного периода, в семье родителя, проживающего отдельно, не исключает воспитательного воздействия и со стороны супруга данного родителя. Да, согласимся, каждый из родителей, заключив брак (в рамках настоящего исследования мы рассматриваем только такую модель семейных правоотношений), объективно не может предусмотреть иной вариант, как со-

вместное проживание с супругом. При этом родитель, с которым проживает ребенок после развода, находится в более сложном с формальной точки зрения (фактически может сложиться замечательный союз) положении, потому как сосуществуют две семьи, одна из которых основана на кровном родстве, другая сложилась вследствие заключения брака. Ребенок же, находясь в пределах родительского правоотношения, одновременно проживает с лицом, которое имеет правовую связь с его родителем, но для ребенка является абсолютно «юридически чужим».

Не стоит отрицать, что между отчимом (мачехой) и пасынком (падчерицей) могут сложиться весьма позитивные эмоциональные взаимоотношения, основанные на взаимном уважении и доверии. Не исключен и вариант, что второй родитель не будет чинить какие-либо препятствия в осуществлении другим родителем родительских прав, обусловленные фактом заключения брака и необходимостью общения ребенка с супругом (супругой) этого родителя.

Однако отсутствие механизма правового регулирования соответствующих семейных правоотношений определяет как теоретический интерес, так и превентивно практический. Можно ли утверждать, что права и обязанности отчима (мачехи) тождественны правам и обязанностям родителей; возможно ли формирование такой модели семьи, когда мачеха (отчим) выполняет фактически социальную роль родителя ребенка, проживающего отдельно?

Ответ однозначно отрицательный, если мы основываем его на нормах действующего законодательства. В соответствии со ст. 61 СК РФ родители и только родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей (родительские права). Аналогичный подход имеет место и к установлению мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение родительских прав.

Позволим себе предположить перспективу развития такой модели семейного правоотношения. Итак, совместное проживание ребенка с отчимом (мачехой) не исключает усыновление (удочерение) ребенка, как правило, с целью создания полноценной семьи. Примечательно, что для воплощения такого решения супругами, из которых только один является родителем ребенка, законодательством предусмотрены исключения, применение которых существенно упрощает предстоящую процедуру усыновления (удочерения).

Однако заметим, что в п. 2 и 3 ст. 127 СК РФ прослеживается некоторое несоответствие в позиции за-

конодателя. Итак, в п. 2 данной статьи установлено: «при вынесении решения об усыновлении ребенка суд вправе отступить от положений, установленных подп. 6 (в случае, если лицо, желающее усыновить ребенка, проживает с ним в силу уже сложившихся семейных отношений), 7 и 12 п. 1 настоящей статьи, с учетом интересов усыновляемого ребенка и заслуживающих внимания обстоятельств». В п. 3 отмечается: «Положения, установленные подпунктами 7 и 12 пункта 1 настоящей статьи, не распространяются на отчима (мачеху) усыновляемого ребенка».

Прежде всего, обратимся к содержанию упомянутых подпунктов п. 1 ст. 127 СК РФ, вернее, к названным в них требованиям к потенциальным усыновителям: а) в подп. 6 обозначены требования, предъявляемые к состоянию здоровья будущих усыновителей (отсыл к Перечню заболеваний, при наличии которых не допускается усыновление); б) в подп. 7 отмечено условие о наличии у усыновителя дохода, который обеспечивает ребенку прожиточный минимум; в) в подп. 12 указано на необходимость прохождения усыновителем предварительной подготовки (обучения).

Анализ содержания п. 1–3 ст. 127 СК РФ позволяет утверждать, что законодатель не отождествляет «лицо, желающее усыновить ребенка и проживающее с ним в силу уже сложившихся семейных отношений» и отчима (мачеху). Требования, касающиеся обеспечения материального содержания, а также прохождения специального обучения, не распространяются на отчима (мачеху), т. е. этот вопрос решается еще на подготовительной стадии, на этапе сбора необходимых документов и регистрации в качестве кандидата в усыновители.

Однако вопрос о соблюдении требований, предъявляемых к состоянию здоровья потенциального усыновителя, может быть рассмотрен только судом, и именно в этой ситуации обращается внимание на сложившиеся семейные отношения между ребенком и лицом, желающим его усыновить. Кстати, именно состояние здоровья мачехи, намеревающейся усыновить ребенка своего супруга, стало предметом судебного спора и основанием для последующего обращения с жалобой в Конституционный Суд РФ [8].

Согласно п. 2 ст. 128 СК РФ при усыновлении ребенка отчимом или мачехой не требуется соблюдение и условия о разнице в возрасте между усыновителем и усыновляемым ребенком. Считаем возможным применение к процедуре усыновления (удочерения) ребенка отчимом (мачехой) и правила, установлен-

ного в п. 2 ст. 132 СК РФ: если ребенок до подачи потенциальным усыновителем соответствующего заявления проживал в его семье и считает его своим родителем, то усыновление может быть произведено без получения на это согласия ребенка (по общему правилу, усыновление ребенка, который достиг 10-летнего возраста, возможно только с его согласия).

Безусловно, при наличии в живых другого родителя, проживающего отдельно от ребенка, необходимо его согласие. И вот на этом этапе возникает проблема гармонизации частных интересов участников нескольких семейных правоотношений. При надлежащем осуществлении своих родительских прав и обязанностей родителем, проживающим отдельно от ребенка и возражающим против усыновления (удочерения), суд не может вынести решение об усыновлении (удочерении). Очевидно, что родители ребенка должны руководствоваться исключительно интересами ребенка, поскольку иной вариант осуществления родительских прав будет явно противоречить интересам ребенка, которого желает усыновить (удочерить) супруг одного из родителей, которого ребенок считает своим родителем.

Последующее расторжение брака между родителем и отчимом (мачехой), усыновившим (удочерившим) ребенка, не прекращает соответствующего правоотношения по воспитанию и содержанию ребенка, но и не исключает отмены усыновления (удочерения) на основании расторжения брака и фактического прекращения семейных отношений. Как следует из п. 2 ст. 141 СК РФ, усыновление может быть отменено судом по любым основаниям исходя из интересов ребенка и с учетом мнения ребенка.

Было бы несправедливым не указать на позицию Пленума Верховного Суда РФ, который в одном из своих постановлений достаточно ярко продемонстрировал значимость участия лица, не являющегося отцом ребенка, в воспитании несовершеннолетнего. Так, разъясняя нормы об установлении и оспаривании отцовства Пленум ВС РФ указал: «При этом судам следует иметь в виду, что если одновременно с иском об оспаривании отцовства матерью ребенка либо опекуном (попечителем) ребенка не заявлено требования об установлении отцовства в отношении биологического отца ребенка либо такое требование не предъявлено биологическим отцом ребенка, а лицо, записанное в качестве отца ребенка, возражает против удовлетворения иска, в исключительных случаях, в целях наилучшего обеспечения интересов ребенка и исходя из

приоритетной защиты его прав и интересов (ст. 3 Конвенции о правах ребенка, п. 3 ст. 1 СК РФ), а также с учетом конкретных обстоятельств дела (например, длительных семейных отношений, сложившихся между ребенком и лицом, записанным в качестве его отца, устойчивой эмоциональной привязанности ребенка к этому лицу, намерения данного лица продолжать воспитывать этого ребенка и заботиться о нем как о своем собственном ребенке) суд может отказать в удовлетворении иска об оспаривании отцовства» [9].

Согласимся, из п. 29 указанного постановления не следует, что речь идет именно об отчине ребенка, но общий контекст разъяснений Пленума ВС РФ дает все основания это предполагать.

Полагаем необходимым отметить и позицию законодателя, которая, по нашему мнению, тоже демонстрирует возможность учета взаимоотношений отчима и пасынка (падчерицы). Так, в соответствии со п. 3 ст. 59 СК РФ, если женщина родила ребенка, отцовство которого не установлено впоследствии в законном порядке, то орган опеки и попечительства, исходя из интересов ребенка, может разрешить изменить фамилию ребенка на фамилию матери, которую она носит в момент обращения с таким заявлением. Вполне возможно, что это будет фамилия супруга матери, т. е. отчима ребенка, что может повлечь затем возможное именование последнего отцом ребенка при отсутствии на то законных оснований.

Вышеизложенное дает нам основания признать, что так называемое биологическое (кровнородственное) родительство в определенных случаях может быть вполне заменено социальным родством, при котором ребенок имеет кровное родство (биологическая/генетическая связь) только с одним из родителей. Представители науки семейного права уже давно включают в предмет своих исследований социальное родительство как особый институт, акцентируя внимание на его социальных или правовых признаках, либо дают комплексную характеристику. Как верно отмечает Е. Г. Комиссарова, «одна из целей разделения биологического и социального родительства — обратить внимание не только на статику, связанную с происхождением родительства как того порогового определения, за которым начинается осуществление родительских прав, но и на динамику детско-родительских отношений, где достаточно поводов для родительства социального» [4, с. 28].

Нам видится, что осуществление отчимом (мачехой) прав и обязанностей по воспитанию ребенка

своего супруга является одной из моделей социального родительства, имеющей лишь единственную перспективу трансформации в правоотношение — усыновление (удочерение) несовершеннолетнего. Достижение данной перспективы при добросовестном осуществлении другим родителем, проживающим отдельно от ребенка, своих родительских прав и обязанностей, весьма нереально. Однако такой характер взаимоотношений в пределах двух семей как социальных институтов приводит и к формированию двух самостоятельных правоотношений, связанных с воспитанием и содержанием ребенка. Во-первых, это правоотношение между ребенком, с одной стороны, и родителем, с которым он проживает, а также отчимом (мачехой), т. е. супругом (супругой) данного родителя. Во-вторых, это правоотношение между ребенком и родителем, проживающим отдельно, но добросовестно исполняющим свои родительские права. И даже если между родителями существует устная договоренность или же письменное соглашение об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, либо соответствующий порядок установлен в судебном порядке [6, с. 147], в любом случае «социальный родитель», проживающий совместно с ребенком, фактически имеет преимущество в воспитательном воздействии, которое, кстати, может оказаться и негативным, на ребенка.

Вопросы осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка после расторжения брака, с той или иной степенью проявления к ним интереса обсуждаются в юридической литературе. Так, по мнению М. В. Громоздиной, с которым мы не можем согласиться, «родитель, с которым постоянно проживает ребенок, обладает родительскими правами в полном объеме, включая правомочия воспитателя и законного представителя, в отличие от этого, статус родителя, проживающего отдельно, является усеченным» [1, с. 38]. Хотя позже абсолютно справедливо автор отмечает, что «раздельное проживание родителей фактически означает разлучение одного родителя с ребенком, несмотря на то, что родитель, проживающий отдельно от ребенка, не лишается права и возможности осуществлять родительские права».

Может ли родитель, проживающий отдельно от ребенка, заявить и, что не менее значимо, доказать ненадлежащее осуществление своих родительских прав родителем, с которым проживает ребенок, что повлекло за собой нарушение интересов ребенка? До не-

давнего времени это было весьма сложно. Очевидно, мы находимся в начале формирования такого направления в плоскости правоприменения. Большой резонанс вызвало постановление Конституционного Суда РФ, суть которого как раз и отражает обоснованный характер действия одного из родителей ребенка. Итак, гражданин Вильке, проживающий после расторжения брака отдельно от своего 7-летнего сына, установил на его смартфон программное обеспечение (средство родительского контроля), что позволило Вильке не только контролировать место нахождения сына, но и прослушивать аудиозапись событий, происходивших в жилом помещении, где проживает ребенок с матерью и ее родственниками. Достаточно длительной стала история привлечения гражданина Вильке к уголовной ответственности за незаконное соби́рание сведений о частной жизни членов другой семьи, но для нас действия отца ребенка представляют интерес с точки зрения не просто осуществления им своих родительских прав, а совершения действий с целью защиты ребенка от негативного отношения матери, а также обеспечения безопасности ребенка [10].

История гражданина Вильке представляется весьма удачной для подтверждения нашего тезиса о трансформации семейного правоотношения с участием ребенка при расторжении брака его родителями и возможном последующем заключении нового брака каждым из них, либо фактическом создании семейных отношений с другим лицом (лицами). Семья утрачивает признаки своей автономии и единства, каждый из родителей обозначает, как правило, приоритет создания нового супружеского правоотношения или же фактических брачных отношений, что приводит к постепенной (или достаточно быстрой) трансформации родительского правоотношения в два самостоятельных. Установление баланса интересов ребенка и каждого из родителей, брак между которыми расторгнут, ребенка и нового супруга каждого из родителей, каждого из родителей и нового супруга другого родителя представляет собой сложную задачу, решаемую при взаимодействии членов двух семей, к каждой из которых принадлежит один из родителей ребенка.

По нашему мнению, родительское правоотношение, которое существовало до расторжения брака родителей, утрачивает свою сущность и предназначение, поскольку утверждать об осуществлении родительских прав каждым из родителей не в противоречии интересов детей приходится не всегда. Однако налицо

участие отчима (мачехи) в воспитании ребенка, что в будущем может стать основанием для удовлетворения иска нетрудоспособного и нуждающегося «социального родителя», предъявленного к совершеннолетнему трудоспособному пасынку (падчерице).

Таким образом, вышеизложенное позволяет заявить о новом подходе к определению сути правоотношения между ребенком и каждым из родителей при расторжении брака:

♦ во-первых, родительское правоотношение в классическом его понимании при таких обстоятельствах прекращается, потому как воспитание ребенка родителями при совместном проживании, содержание их прав и обязанностей по отношению к ребенку, условия и порядок осуществления родительских прав и исполнения родительских обязанностей совершенно иные;

♦ во-вторых, взаимоотношения между ребенком и его родителями, а также между родителями при раздельном их проживании после расторжения брака регламентируются специальными нормами действующего законодательства или соглашением родителей, заключенным в соответствии с ними, как особый вид семейных правоотношений;

♦ в-третьих, семейные правоотношения с участием ребенка и его родителей, являющихся бывшими супругами, не исключают участия иных субъектов, являющихся членами новой семьи каждого из родителей, фактически принимающих непосредственное участие в воспитании ребенка либо оказывающих влияние на осуществление родительских прав и обязанностей каждым из родителей.

Список источников

1. Громоздина М. В. Правовое значение определения места жительства при раздельном проживании родителей : мат. всерос. науч.-практ. конф. «Ребенок и правосудие». М. : АППП, 2018.
2. Ильина О. Ю. «Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации : моногр. М., 2006.
3. Ильина О. Ю. Невмешательство в дела семьи или обеспечение прав третьих лиц : основания и приоритеты // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 2 (70). С. 23–32.
4. Комиссарова Е. Г. Социальные понятия в науке семейного права (на примере понятия «социальные родители») // Ex iure. 2021. № 4. С. 21–33.
5. Рабец А. М. Влияние брака на правовое положение родителей (нормотворческий опыт Российской

Федерации и стран ближнего зарубежья) // Семья и семейные ценности в РФ : социально-правовой аспект : мат. междунар. науч.-практ. конф. М., 2019.

6. Тарусина Н. Н., Лушников А. М., Лушников М. В. Социальные договоры в праве. М., 2017.

7. Шершеневич Г. Ф. Русское гражданское право. Казань, 1905.

8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июня 2018 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности подпункта 6 пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 2 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью, в связи с жалобой гражданина К. С. и гражданки Р. С.» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2024 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П. О. Вильке» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Gromozdina M. V. Legal significance of determining the place of residence when parents live separately : Materials of the All-Russian scientific-practical conference «Child and Justice». М. : АРПП, 2018.

2. Ilyina O. J. Interests of the child in family law of the Russian Federation : monograph. М., 2006.

3. Ilyina O. J. Non-interference in family affairs or ensuring the rights of third parties : grounds and priorities // Bulletin of Tver State University. Series: Law. 2022. № 2 (70). P. 23–32.

4. Komissarova E. G. Social concepts in the science of family law (using the example of the concept of «social parents») // Ex jure. 2021. № 4. P. 21–33.

5. Rabetz A. M. The influence of marriage on the legal status of parents (the rule-making experience of the Russian Federation and neighboring countries) // Family and family values in the Russian Federation : social and legal aspect : Materials of the International Scientific and Practical Conference. М., 2019.

6. Tarusina N. N., Lushnikov A. M., Lushnikova M. V. Social contracts in law. М., 2017.

7. Shershenevich G. F. Russian civil law. Kazan, 1905.

8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 20, 2018, № 25-П «On the case of verifying the constitutionality of subparagraph 6 of paragraph 1 of Article 127 of the Family Code of the Russian Federation and paragraph 2 of the List of diseases in the presence of which a person cannot adopt (adopt) a child, take him under guardianship (custody), take him into a foster or foster family, in connection with the complaint of citizen K. S. and citizen R. S.» // LRS «ConsultantPlus».

9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 16, 2017 № 16 «On the application of legislation by the courts in considering cases related to the establishment of the origin of children» // LRS «ConsultantPlus».

10. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 18, 2024, № 2-П «On the case of verifying the constitutionality of part one of Article 137 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen P. O. Vilke» // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

А. В. Гринева — доцент кафедры гражданского права Юго-Западного государственного университета, кандидат юридических наук.

Information about the author

A. V. Grineva — Associate Professor of the Department of Civil Law of the South-Western State University, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 07.03.2024; одобрена после рецензирования 29.03.2024; принята к публикации 09.04.2024.

The article was submitted 07.03.2024; approved after reviewing 29.03.2024; accepted for publication 09.04.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-37-43>

EDN: <https://elibrary.ru/bcuptw>

NIION: 2003-0059-2/24-993

MOSURED: 77/27-003-2024-02-192

Развитие мер, направленных на пресечение картелей в условиях цифровизации экономики

Сергей Геннадьевич Долгов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия, dolgov-sg@ranepa.ru

Аннотация. Проанализированы подходы к такому понятию, как «картель»; обозначена одна из главных целей антиконкурентных соглашений; выделены направления противодействия картелям. Акцентируется внимание на том, что картели являются прямым сдерживающим фактором добросовестной конкуренции, а также ограничивающим явлением для реализации предпринимателями своих прав. Продемонстрированы возможности использования искусственного интеллекта в противоправных целях. Показаны возможности ФАС в борьбе с «цифровыми» картелями путем использования возможностей «большого цифрового кота».

Ключевые слова: картель, антиконкурентные соглашения, антимонопольный комплекс, торги, государственные закупки, биржевой рынок, товарный рынок, искусственный интеллект, «большой цифровой кот», «цифровые» картели

Для цитирования: Долгов С. Г. Развитие мер, направленных на пресечение картелей в условиях цифровизации экономики // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 37–43. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-37-43>. EDN: BCUPTW.

Original article

Development of measures aimed at suppressing cartels in the context of digitalization of the economy

Sergey G. Dolgov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia,
dolgov-sg@ranepa.ru

Abstract. The approaches to such a concept as a «cartel» are analyzed; one of the main goals of anti-competitive agreements is identified; the directions of countering cartels are highlighted. Attention is focused on the fact that cartels are a direct deterrent to fair competition, as well as a limiting phenomenon for entrepreneurs to exercise their rights. The possibilities of using artificial intelligence for illegal purposes are demonstrated. The possibilities of the FAS in the fight against «digital» cartels by using the capabilities of the «big digital cat» are shown.

Keywords: cartel, anti-competitive agreements, anti-monopoly complex, bidding, government procurement, stock market, commodity market, artificial intelligence, «big digital cat», «digital» cartels

For citation: Dolgov S. G. Development of measures aimed at suppressing cartels in the context of digitalization of the economy. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):37–43. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-37-43>. EDN: BCUPTW.

В современном экономическом словаре под картелью понимается форма объединения производителей или потребителей, гласное или негласное соглашение группы близких по профилю предприятий, фирм, компаний об объемах производства и продажи, ценах, рынках сбыта [12]. Основной целью такого рода объединений является увеличение прибыли путем устранения, ограничения и регулирова-

ния внутренней конкуренции, а также подавления внешней конкуренции со стороны тех, кто не изъявлял желания участвовать в таком соглашении.

О том, что необходимо предпринимать серьезные шаги по противодействию картелям как на внутреннем, так и на внешнем рынке говорится давно. Почему? Потому что они (картели) являются прямым сдерживающим фактором добросовестной кон-

© Долгов С. Г., 2024

курении. В подтверждение мы можем сослаться на ряд работ ученых, которые занимаются выявлением проблем в сфере конкурентного права.

По мнению М. А. Егоровой, антиконкурентные соглашения являются серьезной угрозой для конкуренции на товарных рынках, это, во-первых. Во-вторых, антиконкурентные соглашения являются одной из форм монополистической деятельности. В-третьих, такие соглашения ведут к монополизации рынка их участниками и устранению иных хозяйствующих субъектов с рынка [7, с. 94].

Хотим обратить внимание на то, что такого рода соглашения заключаются несмотря на то, что законодателем предусмотрены серьезные санкции, вплоть до уголовной ответственности (ст. 178 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ).

Кроме того, ст. 11 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 27 декабря 2018 г.) «О защите конкуренции» (с изм. и доп., вступ. в силу 8 января 2019 г.)¹ (далее — Закон о защите конкуренции) такие действия прямо запрещены.

В свою очередь, А. Ю. Кинев и А. П. Тенишев в статье «Антиконкурентные соглашения и экономическая безопасность Российской Федерации» обращают внимание на то, что антиконкурентные соглашения влияют на здоровье и безопасность национальной экономики [5, с. 17; 6; 1].

Также нельзя обойти вниманием мнение Т. Э. Щерба, который относит антимонопольный комплаенс к эффективному инструменту предупреждения картелей. Он отмечает, что в Российской Федерации создан механизм, который способен противостоять появлению картелей, а также выявлению и пресечению такого рода объединений. В основе такого механизма лежит «цифровизация» системы государственных закупок, которая, как считает автор, значительно увеличивает прозрачность системы закупок для контролирующего органа, что позволяет успешно бороться с картелями. В тоже время, в своих рассуждениях автор приходит к выводу о том, что институт предупреждений и предостережений не работает в отношении картелей и иных антиконкурентных соглашений, более того, никакого предупредительного механизма, так называемого «выстрела в воздух», нет [11, с. 148]. Он считает, что на сегодняшний день к действенным сдерживающим факторам создания картелей следует отнести только возмож-

ность привлечения к административной или уголовной ответственности лиц, причастных к созданию картелей. Для некоторых участников сговора к сдерживающим факторам, по его мнению, можно также отнести репутационные риски, но это скорее касается публичных компаний.

Никто не будет спорить с тем, что картели отрицательно влияют на развитие экономики страны в целом. Руководство Федеральной антимонопольной службы (далее — ФАС) говорит об этой проблеме в последнее время неоднократно. О ценовых сговорах как о сложившейся системе говорится и на расширенном заседании коллегии ведомства, и на «правительственном часе» в Госдуме. Глава ФАС в одном из своих выступлений отметил: «Мы сталкиваемся сегодня со всеобщей картелизацией российской экономики. Мы знаем, как реально сговариваются. ...Это организованные группы»².

Но несмотря на то, что ФАС выявляет картели в различных сферах, их меньше не становится. С чем это связано? На наш взгляд, с отсутствием заявлений о нарушении правил проведения торгов со стороны заинтересованных лиц, например, со стороны заказчика. За исключением случаев, если, конечно, сама ФАС не выявит допущенные нарушения.

В сентябре 2017 г. десятки жалоб были направлены Уполномоченному по правам ребенка А. Кузнецовой. Суть жалоб касалась качества детского питания в садах и школах, а также его доступности. Со слов А. Кузнецовой были выявлены нарушения в количестве порций, в качестве продуктов и в способах приготовления.

Если исходить из общедоступной информации, то из подвергнутых проверке Общероссийским народным фронтом 7528 контрактов на поставку питания в детсады, школы и больницы, только в десяти регионах компании, которые участвовали в картелях и согласованных действиях, выиграли контрактов на сумму более 25 млрд руб.

Глава ФАС приводит следующую статистику: в 2017 г. было возбуждено порядка 220 дел о картелях, из них 80 % касается сговоров. Руководитель ФАС акцентировал внимание на том, что только в Ульяновской области было совершено нарушений почти

¹ В данном виде документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

² Российская газета. 2017. 26 марта.

на 3 млрд руб.³. И, самое главное, на что было обращено внимание, от самих государственных заказчиков в ФАС не поступило ни одной жалобы.

В ст. 47 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 1 мая 2019 г.) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу 12 мая 2019 г.)⁴ отмечается, что в случае нарушения положений гл. 3 «Осуществление закупок», регламентирующих определение поставщика (подрядчика, исполнителя), такое **определение может быть признано недействительным по иску заинтересованного лица** (выд. авт.). Получается, что от картельного сговора выигрывают только предприниматели. Ни дети, ни родители, как в приведенном случае, и ни само государство.

В 2018 г. ФАС возбудила уже более 760 дел о нарушении антимонопольного законодательства, из них почти 390 дел было о картелях. Больше всего антиконкурентных соглашений было выявлено в сфере ремонта и строительства, в том числе автомобильных дорог (29 %), а также в поставках лекарств, продуктов, транспортных услуг и ЖКХ⁵.

Изложенное позволяет нам сделать краткий вывод о том, что в нашей стране картельный сговор можно смело отнести к наиболее опасному виду антиконкурентных соглашений.

К сожалению, он проник во все сферы российской экономики, а также в те сферы, которые имеют стратегическое значение. Это природные запасы, строительная отрасль, медицина, продукты питания и военная сфера.

В подтверждение приведем несколько примеров. В 2015 г. был проведен конкурс на строительство Надымского моста. Мост должен был связать Ямал с другими населенными пунктами. Сумма контракта равнялась 3,4 млрд руб., которая досталась компании ОАО «Мостострой-11». Серьезные вопросы были именно к условиям конкурса, которые сформулированы таким образом, что этим условиям соответствовал один участник. Например, опыт строительства мостов не менее 15 лет, обязательное наличие собственного завода по изготовлению металлоконструкций и еще другие ограничения. Итоги конкурса были аннулированы, так как вмешалась ФАС.

Следующий пример. Был объявлен конкурс в 2015 г. на добычу нефти по конкретному лицензионному участку (Ханты-Мансийский автономный

округ). В качестве условий было выдвинуто требование на поставку добытой нефти на любой нефтеперерабатывающий завод (далее — НПЗ) в регионе проведения. Но по стечению обстоятельств других НПЗ, кроме как у одного участника, в области не оказалось. Не трудно догадаться, для кого были созданы такие условия конкурса.

Можно и третий пример. В Ямало-Ненецком АО есть лицензионный участок недр. И этот участок был выставлен на аукцион для геологического изучения недр, разведки и добычи сырья. Площадь участка равняется 3700 кв. км., запасы газа около 477 млрд куб., прогнозные извлекаемые ресурсы около 167 млрд куб. Условия конкурса были составлены так, чтобы участвовать в нем могли компании, которые имеют мощности по сжижению газа на Ямальском полуострове. Устроитель конкурса, в этом случае, точно знает какая компания отвечает требованиям конкурса, например «НОВАТЭК». А существует ли другая компания, соответствующая условиям конкурса, вопрос другой⁶.

В заключение пример о совершении сговора чиновниками районной администрации. Здесь ситуация другая. Сговор был направлен на то, чтобы не проводить торги. ФАС по Орловской области выявила и признала факт нарушения Закона о защите конкуренции чиновниками районной администрации. Сотрудники дорожного отдела были уличены в сговоре по искусственному дроблению заказов, что позволило им отдать заказ одним и тем же подрядчикам.

Основанием для проведения проверки антимонопольной службой действий районной администрации послужили материалы областной контрольно-счетной палаты. Последняя в ходе осуществления аудита расходования бюджетных средств обратила внимание на дорожные контракты. Результаты проверки показали, что свыше 80 % договоров, связанных с обслуживанием местных дорог, были заключены с единственными поставщиками.

Были обнаружены закупки с признаками искусственного дробления дорог на участки для заключения договоров с суммами до 100 тыс. руб. Своими

³ Российская газета. 2017. 26 сент.

⁴ В данном виде документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ ФАС в СМИ : борьба с картелями пойдет по новой программе // Ведомости. 2019. 28 июня.

⁶ Российская газета. 2017. 26 апр.

действиями дорожный отдел ограничил доступ к участию в торгах других участников, что, безусловно, нарушает Закон о защите конкуренции. Кроме того, закупка у единственного поставщика относится к неконкурентному способу. Такой способ является невыгодным для бюджета, так как конкурс не проводится. Следовательно, между участниками нет конкуренции на снижение цены. А это исключает возможность экономии бюджетных средств⁷.

Были приведены примеры конкурсов, к сожалению, их очень много, с заведомо известным победителем.

Проблема есть и очень серьезная, так как от действий картелей, например в виде сговоров на торгах, причиняется колоссальный ущерб бюджету страны, а также компаниям с государственным участием. Кроме того, нет возможности для участия добросовестных предпринимателей.

Теперь непосредственно о том, какие действия предпринимаются по недопущению появления картелей в последние два года.

Начнем с того, что в декабре 2017 г. состоялась встреча Президента РФ В. В. Путина и руководителя Федеральной антимонопольной службы И. Ю. Артемьева⁸. Речь шла о политике по развитию конкуренции и противодействию картелям на внешних рынках. В частности, и о проекте указа Президента РФ об основных направлениях госполитики по развитию конкуренции.

21 декабря 2017 г. Указ Президента РФ от 21 декабря 2017 г. № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» (далее — Указ № 618)⁹ был принят.

В национальном плане развития конкуренции в Российской Федерации на 2018–2020 гг. (далее — Национальный план развития конкуренции на 2018–2020 гг.), который утвержден Указом № 618 содержится ряд положений, которые направлены на укрепление национальной экономики, дальнейшее развитие конкуренции и недопущение монополистической деятельности.

В Национальном плане развития конкуренции на 2018–2020 гг. определены мероприятия, которые направлены на достижение определенных показателей. Мы выделим только те, которые касаются темы нашего обсуждения, а именно:

а) закупочной деятельности, где органам исполнительной власти федерального уровня, компаниям

с государственным участием и государственным корпорациям при организации закупочной деятельности предписано:

- ♦ считать приоритетным обеспечение недискриминационного доступа поставщиков к закупкам товаров, работ, услуг;

- ♦ обеспечить внедрение показателей, характеризующих эффективность закупок товаров, работ, услуг, в том числе подведомственными организациями;

- б) выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия **ограничивающих конкуренцию соглашений (картелей)** (выд. авт.), которые прямо запрещены антимонопольным законодательством. Для реализации этих действий Министерству внутренних дел Российской Федерации, Следственному комитету Российской Федерации и Федеральной службе безопасности Российской Федерации, в пределах своих полномочий, необходимо обеспечить взаимодействие.

Кроме того, в распоряжении Правительства РФ от 2 сентября 2021 г. № 2424-р (ред. от 21 августа 2023 г.) «Об утверждении Национального плана («дорожной карты») развития конкуренции в Российской Федерации на 2021–2025 годы» отмечается, что решение задач по развитию конкуренции является одним из элементов обеспечения достижения национальных целей¹⁰.

Нельзя не выделить, что среди мероприятий, которые были реализованы в рамках исполнения Национального плана развития конкуренции на 2018–2020 гг., в качестве наиболее значимых, с точки зрения экономического эффекта и положительного влияния на экономику Российской Федерации, можно отметить, что в рамках усиления борьбы с картелями и иными антиконкурентными соглашениями была проведена 18-я сессия Межправительственной группы экспертов по законодательству и политике в области конкуренции ЮНКТАД, по итогам которой был одобрен текст Руководящих принципов и процедур международного сотрудничества в соответствии с Секцией F Комплекса согла-

⁷ Российская газета. 2018. 11 янв.

⁸ Российская газета. 2017. 15 дек.

⁹ Официальный интернет-портал правовой информации // URL://<http://www.pravo.gov.ru>.

¹⁰ В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован на официальном интернет-портале правовой информации // URL://<http://pravo.gov.ru>.

¹¹ Официальный интернет-портал правовой информации // URL://<http://www.pravo.gov.ru>.

сованных на многосторонней основе справедливых принципов и правил для контроля за ограничительной деловой практикой.

Второй, немаловажный документ, как нам представляется, это распоряжение Правительства РФ от 17 июня 2019 г. № 1314-р «Межведомственная программа мер по выявлению и пресечению картелей и иных ограничивающих конкуренцию соглашений на 2019–2023 годы»¹¹ (далее — Программа мер на 2019–2023 гг.). Названным документом утверждена межведомственная программа мер по выявлению и пресечению «картельных сговоров».

Программа мер рассчитана на период с 2019 по 2023 гг. и включает в себя, в частности, следующие направления ее реализации:

а) совершенствование системы государственного воздействия на причины и условия, способствующие совершению правонарушений и преступлений, связанных с заключением ограничивающих конкуренцию соглашений;

б) совершенствование антимонопольного, уголовного, уголовно-процессуального законодательства, законодательства об административных правонарушениях и иных нормативных правовых актов;

в) приведение нормативных и иных актов федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в соответствие с требованиями антимонопольного законодательства Российской Федерации;

г) проведение комплекса мероприятий по выявлению и пресечению правонарушений и преступлений, связанных с заключением ограничивающих конкуренцию соглашений в стратегически важных и социально значимых отраслях экономики;

д) проведение комплекса мероприятий по выявлению и пресечению ограничивающих конкуренцию соглашений и преступлений коррупционной направленности в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в целях обеспечения внутренней и внешней безопасности Российской Федерации.

В целом можно отметить, что Программа мер на 2019–2023 гг. предлагает усилить ответственность за картели — изменить антимонопольное законодательство, Уголовный кодекс, а также КоАП РФ. При этом бороться с крупными, а не мелкими картелями.

Как это будет выглядеть на практике, покажет время. К сожалению, законодательство в обозначенной сфере совершенствуется с серьезным опозданием. Проблемы, которые выявляются в правоприменительной практике в сфере антиконкурентных соглашений, устраняются только за длительный период, а некоторые и вовсе только усугубляются.

В завершение нам бы хотелось обратить внимание еще на одну проблему. Это применение искусственного интеллекта для осуществления картельного сговора. Для начала несколько слов о том, что же понимается под искусственным интеллектом, а также о возможности его использования на торгах с целью устранения конкурентов.

Полемика вокруг искусственного интеллекта (далее — ИИ) не утихает, а скорее наоборот, только усиливается. В связи с этим работ, посвященных применению искусственного интеллекта в разных сферах, таких как юриспруденция [9; 8; 10], государственное управление [3], налоги [2], судопроизводство [4] достаточное количество.

В Национальном стандарте (далее — ГОСТ Р 43.0.5-2009) искусственный интеллект раскрывается как моделируемая (искусственно воспроизводимая) интеллектуальная деятельность мышления человека [14].

Кроме того, ГОСТ Р 43.0.5-2009 содержит следующее понятие, а именно искусственно-интеллектуализированное человекоинформационное взаимодействие, т. е. интеллектуализированное (клиаративно-креативное) взаимодействие человека с информацией, осуществляемое с использованием активизации мышления искусственно имитируемой (машинно-имитируемой) мыслительной деятельностью.

Из определения мы смело можем сделать вывод о том, что все зависит от того, какой алгоритм действий человеком был задан ИИ. Если ИИ используется для получения ответов юридического характера, это одно. Как быть, если возможности ИИ смоделированы таким образом, чтобы ввести в заблуждение организатора торгов? Мы, например, не исключаем возможности использования ИИ для противоправных целей. Всем давно уже известно, что если придумана программа, то с большей вероятностью можно утверждать, что будет придумана

¹¹ Официальный интернет-портал правовой информации // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

другая программа, которая либо сотрет первую программу, или, что более опасно, будет использовать эту программу для получения, искажения, передачи и уничтожения информации.

Необходимо вспомнить о том, что на начальном этапе использования компьютерных программ и речи не шло о каких-то вирусах, которые каким-то образом препятствовали бы работе компьютера. Что потом стало, всем известно.

Последнее, на что хотел бы обратить внимание, это проблема появления так называемых картелей с использованием цифровых технологий или, как нами было отмечено, использование ИИ для автоматической подачи ценовых предложений на электронных аукционах от имени участника аукциона до заданного таким участником предела ценового предложения. Никто не говорит о том, что использование ИИ в этом случае нарушает чьи-либо права.

Дело в другом; происходит использование ИИ в противоправных целях, а именно для реализации антиконкурентных соглашений, это во-первых. Во-вторых, разработка и использование нелегальных аукционных роботов, т. е. программных средств, заведомо созданных для реализации картеля или иного антиконкурентного соглашения на торгах, что, безусловно, нарушает антимонопольное законодательство.

Как одну из серьезных мер, направленных на предотвращение появления картелей с использованием цифровых технологий, является запуск проекта «Большой цифровой кот» [15]. На данный момент специалисты ФАС при помощи названного программного продукта осуществляют обработку данных при определенных фильтрах и критериях, а «цифровой кот» уже будет формировать подборки доказательств.

Список источников

1. Владимирова Е. Д., Воскресенская Я. А. Антиконкурентные соглашения с участием финансовых организаций : проблемы правоприменения // Конкурентное право. 2018. № 2. С. 17–23.
2. Воловик Е. Ясность в умах и налогах. Нужно ли готовиться к приходу искусственного интеллекта // Финансовая газета. 2018. № 13. С. 9–10.
3. Грищенко Г. А. Искусственный интеллект в государственном управлении // Российский юридический журнал. 2018. № 6. С. 27–31.
4. Закиров Р. Ф. Использование современных ИТ-технологий как средство достижения основных задач судопроизводства // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 211–219.
5. Кинев А. Ю., Тенишев А. П. Антиконкурентные соглашения и экономическая безопасность Российской Федерации // Актуальные вопросы современного конкурентного права : сб. науч. тр. / отв. ред. М. А. Егорова. Вып. 1. М. : Юстицинформ, 2017.
6. Кинев А. Ю., Франкевич О. П. Классификация антиконкурентных соглашений при проведении торгов // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 3. С. 8–15.
7. Конкурентное право : учебник / под общ. ред. М. А. Егоровой, А. Ю. Кинева. М. : Юстицинформ, 2018.
8. Морхат П. М. Возможности, особенности и условия применения искусственного интеллекта в юридической практике // Администратор суда. 2018. № 2. С. 8–12.
9. Нагродская В. Б. Новые технологии (блокчейн / искусственный интеллект) на службе права : науч.-метод. пособие / под ред. Л. А. Новоселовой. М. : Проспект, 2019.
10. Никифорова Т. С., Смирнова К. М. Оставят ли роботы юристов без работы? // Закон. 2017. № 11. С. 110–123.
11. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: моногр. / отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М. : Юстицинформ, 2019.
12. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Инфра-М, 2011.
13. Румянцев И. А. Антиконкурентные соглашения и навязывание финансовыми организациями дополнительных услуг // Конкурентное право. 2018. № 2. С. 31–34.
14. ГОСТ Р 43.0.5-2009. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Процессы информационно-обменные в технической деятельности. Общие положения (утв. и введен в действие приказом Ростехрегулирования от 15 декабря 2009 г. № 959-ст). М. : Стандартинформ, 2010.
15. ФАС в СМИ. Андрей Тенишев. За каждым делом из нашей статистики стоят значительно более крупные кейсы, чем раньше // Polpred.com ; антикар-

тельные расследования: основные итоги и планы работы ФАС России на 2019 г. (интервью с А. П. Тенишевым, начальником управления по борьбе с картелями Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации) // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Vladimirova E. D., Voskresenskaya Ya. A. Anticompetitive agreements involving financial organizations : problems of law enforcement // *Competition law*. 2018. № 2. P. 17–23.
2. Volovik E. Clarity in minds and taxes. Is it necessary to prepare for the arrival of artificial intelligence // *Financial Newspaper*. 2018. № 13. P. 9–10.
3. Grishchenko G. A. Artificial intelligence in public administration // *Russian Law Journal*. 2018. № 6. P. 27–31.
4. Zakirov R. F. The use of modern IT technologies as a means of achieving the main objectives of judicial proceedings // *Bulletin of the civil procedure*. 2018. № 1. P. 211–219.
5. Kinev A. Yu., Tenishev A. P. Anticompetitive agreements and economic security of the Russian Federation // *Actual issues of modern competition law : collection of scientific tr. / ed. by M. A. Egorov*. Issue 1. M. : Justicinform, 2017.
6. Kinev A. Yu., Franskevich O. P. Classification of anticompetitive agreements during bidding // *Journal of Entrepreneurial and Corporate Law*. 2017. № 3. P. 8–15.
7. *Competition law : textbook / under the general editorship of M. A. Egorova, A. Yu. Kineva*. M. : Justicinform, 2018.
8. Morkhat P. M. Opportunities, features and conditions for the use of artificial intelligence in legal practice // *Court Administrator*. 2018. № 2. P. 8–12.
9. Nagrodskaya V. B. New technologies (blockchain / artificial intelligence) in the service of law : scientific method. the manual / edited by L. A. Novoselova. M. : Prospect, 2019.
10. Nikiforova T. S., Smirnova K. M. Will robots leave lawyers without work? // *The law*. 2017. No. 11. P. 110–123.
11. Legal regulation of economic relations in modern conditions of digital economy development : monograph / ed. V. A. Vaypan, M. A. Egorova. M. : Justicinform, 2019.
12. Raizberg B. A., Lozovsky L. Sh., Starodubtseva E. B. *Modern Economic dictionary*. 6th ed., reprint. and additional M. : Infra-M, 2011.
13. Rumyantsev I. A. Anti-competitive agreements and the imposition of additional services by financial organizations // *Competition law*. 2018. № 2. P. 31–34.
14. GOST R 43.0.5-2009. The national standard of the Russian Federation. Information support of equipment and operator activities. Information exchange processes in technical activities. General provisions (approved and put into effect by Rostec Regulation Order No. 959-st dated December 15, 2009). M. : Standartinform, 2010.
15. FAS in the media. Andrey Tenishev. Each case from our statistics has significantly larger cases than before // *Polpred.com* ; anti-cartel investigations: the main results and work plans of the FAS of Russia for 2019 (interview with A. P. Tenishev, Head of the Department for Combating Cartels of the Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation) // *LRS «ConsultantPlus»*.

Информация об авторе

С. Г. Долгов — доцент кафедры предпринимательского, трудового и корпоративного права Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

S. G. Dolgov — Associate Professor of the Department of Business, Labor and Corporate Law of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 04.09.2023; одобрена после рецензирования 02.11.2023; принята к публикации 10.01.2024.

The article was submitted 04.09.2023; approved after reviewing 02.11.2023; accepted for publication 10.01.2024.

Научная статья

УДК 342.72/.73

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-44-48>

EDN: <https://elibrary.ru/blssam>

ИПОН: 2003-0059-2/24-994

MOSURED: 77/27-003-2024-02-193

Изменение основ государственного строя в свете поправок к Конституции Российской Федерации

Сергей Алексеевич Егоров¹, Елена Юрьевна Зинченко²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ saegoroff@mail.ru

² elena9998863@yandex.ru

Аннотация. Анализируется проблематика изменения основ конституционного строя в свете поправок к Конституции Российской Федерации в рамках определения концептуальных тенденций публичной власти. Предпринята попытка осмыслить вопросы развития отечественной конституционно-правовой регуляции после 2020 г. Исследуются особенности нового видения предмета науки конституционного права в аспекте конституционных поправок. Уделено внимание принципу неизменности основ государственного строя. Затронут вопрос правового положения личности в сфере конституционного закрепления публичной власти.

Ключевые слова: Конституция, публичная власть, права, свободы и обязанности гражданина, государственный строй, муниципальная власть, органы государства

Для цитирования: Егоров С. А., Зинченко Е. Ю. Изменение основ государственного строя в свете поправок к Конституции Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 44–48. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-44-48>. EDN: BLSSAM.

Original article

Changing the foundations of the state system in the light of amendments to the Constitution of the Russian Federation

Sergei A. Egorov¹, Elena Yu. Zinchenko²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ saegoroff@mail.ru

² elena9998863@yandex.ru

Abstract. The problems of changing the foundations of the constitutional system in the light of amendments to the Constitution of the Russian Federation are analyzed within the framework of determining the conceptual trends of public power. An attempt has been made to comprehend the issues of the development of domestic constitutional and legal regulation after 2020. The features of the new vision of the subject of the science of constitutional law in the aspect of constitutional amendments are investigated. Attention is paid to the principle of immutability of the foundations of the state system. The issue of the legal status of the individual in the sphere of the constitutional consolidation of public power is touched upon.

Keywords: Constitution, public authority, rights, freedoms and duties of a citizen, state system, municipal government, state bodies

For citation: Egorov S. A., Zinchenko E. Yu. Changing the foundations of the state system in the light of amendments to the Constitution of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):44–48. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-44-48>. EDN: BLSSAM.

Введение. Актуальность темы исследования заключается в том, что публичная власть представляет собой специфическое политико-правовое явление и входит в предмет науки конституционного права. В связи с этим конституционные правоотношения в области публичной власти напрямую отсылают нас к проблематике правового статуса личности, так как затрагивают ключевые сферы жизнедеятельности об-

щества и государства в аспекте ограничения прав и свобод человека, очерчивая пределы их реализации [10, с. 321]. Важно подчеркнуть, что в настоящее время осуществляется имплементация поправок к Конституции Российской Федерации, которые изменяют конституционное регулирование, сложившееся в 90-х гг. прошлого столетия. Сам факт того, что идет не революционное, а эволюционное развитие в обла-

© Егоров С. А., Зинченко Е. Ю., 2024

сти конституционных правоотношений, демонстрирует рациональный подход законодателя и бережное отношение к принципу прямого действия Конституции [11, с. 5].

Стоит отметить, что наблюдается изменение концептуальной конфигурации публичной власти через призму нормативного закрепления ее понятия. По сути, можно наблюдать консолидацию государственного управления и местного самоуправления в единую систему органов государства, которые оформляются в целостный механизм публичной власти. Официальное закрепление категории «публичная власть» предполагает сущностную трансформацию конституционно-правовой сферы и, прежде всего, в аспекте очерчивания пределов субъективных прав и свобод личности, ее обязанностей и ответственности государства в рамках обеспечения правового положения человека и гражданина.

Обсуждение. Переосмысление публичной власти в области предмета науки конституционного права еще раз указывают на дискуссионность проблемы. Так, по мнению С. А. Авакьяна, в круг вопросов, изучаемых наукой конституционного права, входят следующие позиции: все политические отношения, структура и сущность органов государства, правовое положение личности, политическая власть [1, с. 32]. В свою очередь, В. Е. Чиркин, в качестве предмета конституционно-правового регулирования, выделяет экономические, политические, идеологические и социальные отношения [9, с. 17–18]. Примечательно, что О. Е. Кутафин, в рамках детерминации предмета конституционно-правовой регуляции, выделяет два основных кластера социальных связей. Первый (основной) оформляется в основных признаках государства — населении, территории и власти. Второй (факультативный) выражается в базовых правоотношениях, которые складываются в сфере взаимодействия личности, общества и государства. По мнению ученого, первое направление выступает в роли неоктроированных, независимых от государственной воли отношений. Второе же, напротив, крайне чувствительно к властным устремлениям, и его основополагающие характеристики напрямую зависят от публичной власти [5, с. 23–26]. По мнению В. И. Червонюка, властные отношения являются основным ядром конституционной регуляции [7, с. 56]. В то же время нельзя не согласиться с Б. С. Эбзеевым, который полагает, что природа конституционно-право-

вого регулирования расположена в русле рациональной организации социальных связей [12, с. 63].

В этой связи можно сделать вывод о том, что конституционно-правовое регулирование опосредует, прежде всего, отношения, складывающиеся по поводу публичной власти в рамках ее взаимодействия со сферой правового положения личности, спектра ее правопритязаний и обязанностей.

Анализируя проблематику неизменности основ государственного строя, необходимо подчеркнуть, что публичная власть — это механизм подчинения своей воле участников правоотношений. Сам политико-правовой феномен публичной власти предполагает возможность управления населением в рамках нормирования прав и обязанностей человека и гражданина. В этой связи можно обратиться к трудам Н. М. Коркунова, который в качестве основных признаков власти выделял возможность принуждения, управления и структуру властного субъекта [4, с. 24].

Важно подчеркнуть, что единственным источником публичной власти выступает многонациональный народ Российской Федерации (ч. 1 ст. 3 Конституции РФ). Это положение подчеркивает императивно-демократический характер властных устремлений органов государства. Конституция РФ также закрепляет положение, которое запрещает злоупотребление властью (ст. 52) [2, с. 27]. При этом конституционно-правовое регулирование опредмечивает право непосредственно распоряжаться властью через органы государственной власти и местного самоуправления (ч. 2 ст. 3).

До внесения поправок в Конституцию имело место нормативное закрепление только двух видов власти — власть народа и государственную власть. Последняя, в соответствии с принципом федерализма, была разделена на власть федерации и ее субъектов. Кроме того, положения ст. 10 предусматривали реализацию демократического принципа разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную ветви. Примечательно, что некоторое время местное самоуправление не воспринималось как публичная власть и нормативно оформлялась сугубо как общественная деятельность граждан. Подобный подход был оспорен в решениях Конституционного Суда РФ, который признал в органах местного самоуправления органы муниципальной власти. Тем не менее, до сих пор в Основном Законе страны муниципальная власть не нашла своего нормативного отражения.

Стоит отметить, что муниципальная власть выступает важнейшим инструментом гарантированности социально-экономических прав человека, так как органы местного самоуправления наиболее близки гражданам в аспекте разрешения местных вопросов.

Ведя речь о концептуальных основах публичной власти, нельзя не вспомнить, что указанная доктрина активно разрабатывалась не только советскими и отечественными дореволюционными учеными, но и зарубежными исследователями. Так, Л. Дюги видел в публичной власти такую власть, которая опосредовала отношения в территориальных коллективах, которые, однако, не оформлялись в государственные органы [3, с. 183–184]. А. А. Югов в рамках современного понимания публичной власти также выделял ее институты и органы. При этом первые реализовывали ее непосредственно, а вторые через представителей [13, с. 4–5].

Основные результаты. По сути, конституционная реформа 2020 г. в купированной форме закрепила систему публичной власти через нормирование государственной, муниципальной, общественной и межгосударственной властей. Безусловно, можно предположить, что публичная власть — это интегративное понятие, закрепленное в ст. 12 Основного Закона, призванное консолидировать органы государственной власти и местного самоуправления в единую систему органов государства. На это указывает и буквальное толкование норм Конституции РФ, базируясь параллельно и на практике Конституционного Суда РФ. Тем не менее, некоторый разлад в указанную концепцию вносит Федеральный закон № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус»» [14]. Так, указанный нормативно-правовой акт закрепляет понятие органов публичной власти, которые реализуют властные функции на федеральной территории «Сириус». При этом в рамках этого закона публичная власть не относится ни к государственной, ни к муниципальной власти.

Вышесказанное демонстрирует некоторые противоречия в области нормативной фиксации такой категории, как «публичная власть». Мало того, при закреплении в аспекте новых конституционных реалий указанного понятия не учтено то, что народ выступает первичным источником власти и вправе осуществлять ее непосредственно [6, с. 18–19]. При этом сама сущность публичной власти как власти народа нуллифицирует саму суть неотъемлемых прав и свобод, так как абсолютно любое право может быть

ограничено государством в соответствии с определенной процедурой либо на основании факта правонарушения. В связи с этим естественные права могут иметь место только в том случае, когда понятие публичная власть и народ не совпадают.

Обращаясь к конституционным поправкам 2020 г. можно сказать, что «обновление» Основного Закона обладало свойствами неполноты и компромисса. Юридически единство публичной власти воплощено лишь частично. На это указывает и то, что конституционно-правовая модель публичной власти не синтезирует систему властных органов и, прежде всего, институты общественной власти. Так, отечественная конституционно-правовая доктрина считает политические партии, профсоюзы, общественные палаты элементами системы публичной власти [8, с. 12–14]. Подобный подход основан на том, что общественная власть обладает ярко выраженными признаками реализации публичных функций. И действительно, признание общественных властных структур органами публичной власти демонстрирует оправданность наличия принципа императивности ограничительного механизма в области прав и свобод человека, а также юридическую оправданность взаимосвязи последних с обязанностями не только государства, но и самой личности.

Заключение. В заключение статьи необходимо отметить, что конституционные поправки 2020 г. выступили катализатором существенных преобразований в сфере конституционно-правового регулирования, инициировав переосмысление категории «публичная власть». Положения Основного Закона нормируют публичную власть как консолидирующую систему властных институтов, закрепляя принцип единства государственных и муниципальных органов. При этом новые конституционные реалии в некоторой степени трансформируют сам предмет науки конституционного права, в основе которого лежат властные отношения. Последние здесь видятся не механизмом противопоставления государства, общества и личности, но цельным комплексом властеотношений, из которого проистекает принцип народовластия. Бесспорно, что в свете новых конституционных реалий осуществляется масштабная имплементация единственного источника власти — многонационального народа, через призму консолидации своих властных полномочий в категории «публичная власть». Сама рациональность Конституции, как ниторативной осно-

вы национального правопорядка, отражается в той синтезирующей правовой основе публичной власти, гарантирующей права и свободы человека и гражданина, социальный консенсус, стабильное и поступательное развитие общества, а также достойную жизнь для всего населения Российской Федерации.

Весь спектр социальных связей, урегулированных конституционным правом, простирается на все важнейшие сферы общественных отношений, демонстрируя его публично-властную сущность. При этом публичная власть выступает в образе механизма, гарантирующего законопослушное поведение и легализующее принуждение и наличие широкого спектра обязанностей человека и гражданина. Доктринальное переосмысление властных отношений в образе единой системы базируется на конституционно-правовой доктрине, обосновывающей консолидирующие функции категории «публичная власть» как прямое продолжение власти многонационального народа страны.

Список источников

1. Авакьян С. А. Конституционное право России : учеб. курс. Т. 1. М. : Норма, 2010.
2. Грошев С. Н., Саудаханов М. В. Концептуальное значение текстов основного закона // Конституция : воплощение ценностей верховенства права, гражданского общества и современного государства : сб. мат. всерос. науч.-практ. конф. (Иркутск, 17 декабря 2021 г.). Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2021. С. 26–28.
3. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М. : Типография т-ва И. Д. Сытина, 1908.
4. Коркунов Н. М. Сравнительный очерк государственного права иностранных держав. Ч. 1. Государство и его элементы. СПб. : Типография М. Меркушева, 1906.
5. Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М. : Юристъ, 2001.
6. Саудаханов М. В. Человек в социально-экономической системе России: моногр. / под ред. Б. С. Эбзеева. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2023.
7. Червонюк В. И. Предмет (предметные области) и нормативная структура конституционного права в современном правовом дискурсе // Государство и право. 2020. № 2. С. 50–68.
8. Чеботарев Г. Н. Конституционно-правовые механизмы формирования единой системы публич-

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ

2-е изд., перераб. и доп. Учебник

Гриф НИИ образования и науки

Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»

Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований

Под ред. Г. А. Гаджиева, Б. С. Эбзеева; под общ. ред.
П. А. Кучеренко, Н. М. Чепурновой, Л. Т. Чихладзе

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ

УЧЕБНИК
Второе издание

Учебник подготовлен с учетом изменений, внесенных в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., а также изменений, внесенных в законодательство Российской Федерации в связи с конституционной реформой.

Дан комплексный анализ основных конституционно-правовых институтов, раскрыта их правовая природа. Рассматриваются наиболее актуальные современные теоретические разработки конституционно-правовой науки и правоприменительной практики.

Исследованы новые для конституционных норм понятия, проанализировано изменение правового статуса органов публичной власти.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция».

ной власти в Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2020. № 6. С. 9–17.

9. Чиркин В. Е. Конституционное право в Российской Федерации: учебник. М. : Юрист, 2011.

10. Эбзеев Б. С. Конституционное право России : учебник. М. : Проспект, 2019.

11. Эбзеев Б. С. Конституция Российской Федерации : прямое действие и условия реализации // Государство и право. 2008. № 7. С. 5–15.

12. Эбзеев Б. С. Предмет конституционного права : историчность содержания и тенденции развития // Государство и право. 2019. № 7. С. 54–67.

13. Югов А. А. Органы публичной власти по законодательству России. Казань : Бук, 2021.

14. Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус» // СЗ РФ. 2020. № 52. Ч. I. Ст. 8583.

References

1. Avakian S.A. Constitutional law of Russia : studies. course. Vol. 1. M. : Norm, 2010.

2. Groshev S. N., Saudakhanov M. V. The conceptual meaning of the texts of the basic law // Constitution: the embodiment of the values of the rule of law, civil society and the modern state : collection of mat. All-Russian Scientific and Practical Conference (Irkutsk, December 17, 2021). Irkutsk : East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. P. 26–28.

3. Dyugi L. Constitutional law. General Theory of the state. M. : I. D. Sytin's Printing House, 1908.

4. Korkunov N. M. Comparative essay of the state law of foreign powers. Part 1. The state and its elements. St. Petersburg : M. Merkushev Printing House, 1906.

5. Kutafin O. E. The subject of constitutional law. M. : Jurist, 2001.

6. Saudakhanov M. V. Man in the socio-economic system of Russia: monograph. / edited by B. S. Ebzееv. M. : UNITY-DANA, 2023.

7. Chervonyuk V. I. The subject (subject areas) and the normative structure of constitutional law in modern legal discourse // State and Law. 2020. № 2. P. 50–68.

8. Chebotarev G. N. Constitutional and legal mechanisms for the formation of a unified system of public authority in the Russian Federation // Russian Law Journal. 2020. № 6. P. 9–17.

9. Chirkin V. E. Constitutional law in the Russian Federation : textbook. M. : Jurist, 2011.

10. Ebzееv B. S. Constitutional law of Russia : textbook. M. : Prospect, 2019.

11. Ebzееv B. S. The Constitution of the Russian Federation : direct action and conditions of implementation // State and law. 2008. № 7. P. 5–15.

12. Ebzееv B. S. The subject of constitutional law : historicity of content and development trends // State and law. 2019. № 7. P. 54–67.

13. Yugov A. A. Public authorities under the legislation of Russia. Kazan : Buk, 2021.

14. Federal Law № 437-FZ dated December 22, 2020 «On the Federal territory of Sirius» // CL RF. 2020. № 52. Part I. Art. 8583.

Информация об авторах

С. А. Егоров — заместитель начальника кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Е. Ю. Зинченко — профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, профессор.

Information about the authors

S. A. Egorov — Deputy Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

E. Yu. Zinchenko — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.12.2023; одобрена после рецензирования 05.02.2024; принята к публикации 18.03.2024.

The article was submitted 26.12.2023; approved after reviewing 05.02.2024; accepted for publication 18.03.2024.

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-49-53>

EDN: <https://elibrary.ru/bsrfcv>

ИПОН: 2003-0059-2/24-995

MOSURED: 77/27-003-2024-02-194

Соотношение убеждения и принуждения в административно-правовой доктрине

Владимир Вячеславович Журавлев

Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань, Россия,

vz15111982@gmail.com

Аннотация. Проводится анализ места убеждения и принуждения в современной административно-правовой доктрине. Рассматривается ряд подходов исследователей проблем государственного управления к определению их роли, места и приоритета в использовании органами власти. Изучение приведенных научных концепций и взглядов позволило сделать вывод о том, что убеждение является преобладающим средством регулирования внешнеорганизационных управленческих правоотношений. Эффективность его применения ограничена рядом факторов: наличием у объекта управленческого воздействия ранее сложившихся нравственных принципов, состоянием внутренней и внешней систем, авторитетом источника властных указаний, преобладанием личных интересов над интересами общества и государства. В свою очередь, принуждение служит одним из приоритетных инструментов поддержания служебной дисциплины и правопорядка во внутриорганизационной деятельности органов государственной власти, их должностных лиц.

Ключевые слова: административно-правовая доктрина, государственное управление, убеждение, принуждение

Для цитирования: Журавлев В. В. Соотношение убеждения и принуждения в административно-правовой доктрине // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 49–53. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-49-53>. EDN: BSRFCV.

Original article

Correlation of persuasion and coercion in administrative-legal doctrine

Vladimir V. Zhuravlev

Ryazan Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot',

Ryazan', Russia, vz15111982@gmail.com

Abstract. The analysis of the place of persuasion and coercion in modern administrative and legal doctrine is carried out. A number of approaches by researchers of public administration problems to determining their role, place and priority in the use of authorities are considered. The study of the above scientific concepts and views allowed us to conclude that persuasion is the prevailing means of regulating external organizational management relations. The effectiveness of its application is limited by a number of factors: the presence of previously established moral principles in the object of managerial influence, the state of internal and external systems, the authority of the source of power instructions, the predominance of personal interests over the interests of society and the state. In turn, coercion serves as one of the priority tools for maintaining official discipline and law and order in the internal organizational activities of public authorities and their officials.

Keywords: administrative and legal doctrine, public administration, persuasion, coercion

For citation: Zhuravlev V. V. Correlation of persuasion and coercion in administrative-legal doctrine. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):49–53. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-49-53>. EDN: BSRFCV.

Трудно не согласиться с утверждением о том, что многие отношения, возникающие и происходящие в обществе, независимо от уровня его развития, нуждаются в регулировании, установлении определенных правил и границ дозволенного и не дозволенного поведения для их участников. Новые вызовы, возникающие перед людьми, нередко требуют выработки оперативных управленческих решений, пред-

назначенных для краткосрочного использования, стабилизации складывающейся обстановки. Их последующее осмысление позволяет выработать устойчивую временную концепцию долгосрочного регулирования общественных отношений.

Важность для социума тех или иных процессов определяет динамику и вектор их развития, формы и способы разрешения возникающих противоречий и

© Журавлев В. В., 2024

неопределенностей. Наиболее остро стоящие проблемы требуют выработки конкретных и понятных правил поведения, являющихся обязательными для исполнения всеми участниками таких отношений, которые облакаются в правовую форму. Их невыполнение или сознательное нарушение вызывает негативную реакцию общества и государства, обязывает применить санкции как средство восстановления равновесного состояния конкретной сферы управления. В свою очередь, менее значимые социальные процессы, не нуждающиеся в нормативно-правовом обеспечении на уровне государственного аппарата, регулируются посредством выработки и использования неправовых форм: традиций и обычаев, игнорирование которых вызывает, как правило, только общественное порицание и осуждение отдельных групп, придерживающихся их соблюдения. Несмотря на существенные различия форм, инструменты регулирования общественных отношений сходны, поскольку представляют собой средства осознанного воздействия на волю, сознание и, как следствие, поведение людей в целях склонения их к совершению деяний, находящихся в границах установленной допустимости.

Любая эффективная управленческая деятельность основана на поддержании требуемого баланса публичных и частных интересов. Использование любого из методов связано с необходимостью воздействия на объекты управления с целью «укрощения» личных интересов индивида и приведения их в соответствие с требованиями, установленными государством или социумом.

Следует признать, что на настоящем этапе развития общества и государства все более актуальным становится вопрос повышения эффективности методов правового регулирования. По мнению А. А. Косых, подчеркивающего существенную роль именно психологического воздействия, его решение требует переосмысления существующих инструментов «воздействия права на поведение людей и их взаимоотношения, смещение акцентов от господствующих принудительных регулятивных парадигм, к равновесию с убеждением» [1, с. 3].

Рассматривая соотношение методов управления, отметим, что убеждение в большинстве случаев предполагает наличие согласия индивида и его добровольное желание изменить состояние своего сознания. Нельзя не признать правоту Л. Л. Попова, ко-

торый указывает на то, что «основной целью убеждения является воспитание у граждан внутренней потребности и стойкой привычки правомерного поведения» [2, с. 54]. Такое воздействие на волю и поведение человека может быть осуществлено самыми разными способами, начиная от простого порицания противоправных действий до материального стимулирования и поощрения действий правомерных. Вместе с тем, их эффективность в значительной степени определяется совокупностью ряда факторов.

Во-первых, наличием у человека ранее сложившихся нравственных принципов, выступающих базисом для сознательного приобщения к добровольному соблюдению норм и правил поведения, установленных государством, обычаев и традиций, господствующих в обществе. Именно глубина основополагающих идей, заложенных в сознании человека, определяет потребность и элементный состав средств убеждения, необходимых для развития и закрепления стойкой неприязни индивида к противоправному поведению.

Во-вторых, продуктивность метода убеждения определяется состоянием внутренней и внешней систем, в которых пребывает человек. Еще Платон в своих трудах, посвященных идеальному государству, отмечал, что его создание и жизнеспособность зиждется на повсеместном убеждении граждан и распространении среди них мифа о возможности его построения. Кроме того, ученый отмечал, что «идеальное государство» должно быть закрытым и ограниченным по численности населения, поскольку эффективно контролировать большое государство практически невозможно. Весьма схожей позиции придерживался и один из великих русских мыслителей В. И. Ленин (Ульянов), который, рассуждая о вопросах государственного управления отстаивал мнение о том, что сначала массы во что бы то ни стало надо убедить, а потом принудить [3, с. 54].

Выскажем частное суждение о том, что метод убеждения работает эффективно лишь в идеальных условиях, когда субъект управления создает все необходимое для объекта, т. е. предоставляет все средства для правомерного поведения. Вполне логичным видится призыв к пешеходам переходить проезжую часть только в специально установленных для этого местах. Однако результативность такого убеждения и его влияние на безопасность дорожного движения будет зависеть от наличия пешеходных переходов и

удобства их расположения в структуре элементов уличной дорожной сети. Призыв к отказу от участия в несанкционированных массовых мероприятиях не может быть эффективным в случаях подавления свободы слова и их повсеместного запрета, отсутствия альтернатив, позволяющих реализовать закрепленные в Конституции РФ политические права человека и гражданина.

В-третьих, важной составляющей эффективности воздействия метода убеждения на поведение объекта управления является авторитет источника властных указаний. Нельзя не признать, что в основе добровольного исполнения правовых предписаний лежит уважение подчиняемого к носителю власти и его желание исполнить устанавливаемые требования без необходимости использования средств принуждения. Убеждение, как средство управленческого воздействия, следует рассматривать в системной взаимосвязи между государственными органами и обществом в целом. Это означает, что убеждение может применяться не только государством в отношении граждан, но и гражданами в отношении государства, т. е. объекты и субъекты управления могут меняться. Например, конституционное закрепление политических свобод в нашей стране предоставляет право гражданам собираться мирно и без оружия, в том числе в целях донесения до органов государственной власти, местного самоуправления и их должностных лиц своих требований, убеждая их тем самым совершить какие-либо действия, а равно воздержаться от принятия определенных решений. В рассматриваемом ключе авторитет носителя убеждения будет определять обязательность или необязательность выполнения предлагаемых правил поведения. Так, требования органов государственной власти носят обязательный характер для членов общества. Их игнорирование или сознательное нарушение делает возможным применения мер государственного принуждения. Требования же общества к государству, чаще всего, носят рекомендательный характер. Это объясняется тем, что общество подчинено государству, а его органы и должностные лица, вне зависимости от своего желания быть «убежденными» обществом, обязаны подчиняться требованиям и предписаниям закона. В противном случае они сами станут правонарушителями и подвергнутся принуждению. Исключением из этого, например, служит демократическая передача власти путем про-

ведения выборов, результатом которой является убеждение обществом должностных лиц государства передать свои властные полномочия в силу утраты авторитета или необходимости соблюдения норм права (например, в случаях ограниченного числа сроков исполнения обязанностей в замещаемой должности). Приведенная позиция позволяет согласиться с суждением о том, что «власть как авторитет есть влияние, следующее из признания другими по их собственной воле чье-либо права вводить нормативное установление или отдавать распоряжения и рассчитывать на повиновение» [1, с. 13].

В-четвертых, применение средств убеждения будет приносить заметный результат лишь до тех пор, пока личные интересы объекта управленческого воздействия будут соотноситься с интересами общества и государства, а не превалировать над ними. Так, в интересах общества и государства, безусловно, находятся вопросы обеспечения безопасности дорожного движения для чего приняты Правила дорожного движения (далее — ПДД), регулирующие правоотношения в этой сфере. Так, например, максимальная разрешенная скорость движения транспортного средства в населенном пункте ограничена 60 км/ч, а с учетом наличия ненаказуемого порога может достигать до 80 км/ч. Очевидно, что действия водителя транспортного средства, движущегося со скоростью свыше 60 км/ч, по своей природе де-юре противоправны, поскольку противоречат ПДД, но де-факто не наказуемы, что вполне логично объясняет повсеместную природу такого нарушения и не достаточную эффективность убеждения соблюдать скоростной режим в этой части. Одновременно с этим, возникновение ситуаций, ставящих водителя перед выбором соотношения значимости соблюдения ПДД и их сознательного нарушения в целях достижения личных целей, зачастую приводят к выбору второго варианта. Так, человек, опаздывающий на важное совещание или отправление поезда, вполне допускает возможность умышленного и целенаправленного нарушения ПДД (скоростного режима или правил проезда перекрестка), поскольку для него такие действия соизмеримы с крайней необходимостью. Последствия же отступления от существующих правил рассматриваются и соотносятся с конечным результатом их соблюдения (например, возможность получения незначительного денежного штрафа воспринимается как меньшее зло по сравне-

нию с увольнением из-за опоздания). Возвращение к правомерному поведению может происходить в краткосрочный период, например, при движении транспортного средства в местах нахождения специальных технических средств фиксации административных правонарушений, работающих в автоматическом режиме. Таким образом, метод убеждения прекращает эффективно действовать в тот момент, когда собственные интересы и потребности индивида начинают превалировать над интересами общества и государства, а возвращение к правомерному поведению определяется возрастающей вероятностью пресечения таких действий и назначение юридического наказания.

Наконец, изучение проблематики и соотношения используемых в административно-правовой доктрине методов управления позволяет задать весьма закономерный вопрос: если убеждение является настолько эффективным и действенным, то как объяснить огромное число федеральных (муниципальных) органов исполнительной власти, наделенных широкими контрольно-надзорными полномочиями, а также принудительными средствами поддержания правопорядка? Ответ на него можно найти в социологическом исследовании, проведенном кафедрой государственно-правовых дисциплин Центрального филиала РГУП. Опрошенные респонденты, в том числе сотрудники правоохранительных и судебных органов, на вопрос о доминирующем методе государственного управления в настоящее время выбрали «принуждение» (73 % из более чем 400 опрошенных) [4]. Приведенные статистические данные довольно ярко иллюстрируют существующие расхождения между превалирующей теоретической моделью и реальным состоянием системы государственного управления.

Довольно интересными представляются суждения, изложенные в диссертационном исследовании А. А. Косых, который предлагает использовать понятие «негативно-правового убеждения». По мнению автора, под ним следует понимать активную правоустанавливающую деятельность государства и уполномоченных им лиц по формированию и нормативно-правовому закреплению «негативных стимулов к программируемому социально необходимому поведению в виде потенциальной возможности применения мер государственного принуждения за невыполнение требований правовых норм».

Отличительной особенностью данного вида убеждения является системное информирование участников тех или иных правоотношений о неблагоприятных последствиях игнорирования или сознательного нарушения установленных норм и правил, а также угрозах возможного применения отдельных мер государственного принуждения. Конечной целью использования негативного убеждения является воздействие на волю сознательных и законопослушных граждан как мера, заменяющая применяемое государством насилие в любой его форме. Разница между рассматриваемым понятием и принуждением заключается в конечном результате: за принуждением следует ограничение прав и свобод человека, а в отдельных случаях и юридическое наказание, а за негативным убеждением — нет. Полагая, что именно негативное убеждение является одним из наиболее подходящих инструментов воздействия на сознание и поведение объектов управленческого воздействия.

Оценивая соотношение и эффективность рассмотренных методов государственного управления необходимо кратко остановиться на их выборе в зависимости от формы деятельности органа государственной власти. Выразим мнение, что убеждение наиболее часто используется именно во внешнеорганизационной деятельности государственных служащих и предполагает активное воздействие на сознание людей, не находящихся в состоянии подчиненности, в целях предупреждения совершения деяний, влекущих наступление юридической ответственности. В свою очередь, принуждение в большей степени характерно для внутриорганизационной деятельности органов власти. Это связано с тем, что в основе государственной службы (в первую очередь правоохранительной направленности) лежит необходимость четкого и беспрекословного исполнения приказов и распоряжений руководителей (начальников), соблюдения нормативных правовых актов, регламентирующих оперативно-служебную деятельность.

Приведенные высказывания и доводы исследователей вопросов государственного управления позволяют еще раз обратиться к суждениям Л. Л. Попова, который с сожалением указывает на то, что «убеждение далеко не всегда оказывается достаточным средством воздействия» [2, с. 54]. Ярким подтверждением его слов являются и аналитические данные о том, что в учебной литературе и научно-исследовательской

деятельности организационным и правовым аспектам реализации метода убеждения отводится сравнительно малая роль и место, что убедительно доказывает и позволяет констатировать реальное состояние и соотношение двух основных методов государственной управленческой деятельности [4].

Поддержим мнение А. С. Пучнина, который, отмечая важность познания основ принуждения в праве и его место в современном обществе, указал: «Принуждение как феномен социальной жизни не устраним, и от его роли в формировании правовых, государственных и общественных институтов зависит уровень демократичности, социальной справедливости, гражданской свободы и формального равенства в обществе» [5, с. 3].

В заключение необходимо отметить, что гносеологическое исследование феноменов убеждения и принуждения, прежде всего в методологическом плане, продолжает оставаться достаточно актуальным направлением научной деятельности. Это обусловливается тем, что стремительное развитие общественных отношений, складывающаяся политическая и экономическая конъюнктура, требуют оперативного реагирования, изменения баланса публичных и частных интересов путем оптимизации механизма их применения, повышения эффективности управленческой деятельности органов государственной власти.

Список источников

1. Косых А. А. Убеждение в праве : теория, практика, техника : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015.

2. Попов Л. Л. Убеждение и принуждение : организационно-воспитательные и административно-правовые средства охраны обществ. порядка в деятельности советской милиции. М. : Московский рабочий, 1968.

3. Ленин В. И. Государство и революция. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 43. М. : Издательство политической литературы, 1969.

4. Хатуаев В. У. Об убеждении как основном общем методе реализации государственной власти : состояние и некоторые проблемы совершенствования // Административное право и процесс. 2022. № 1. С. 7–10.

5. Пучнин А. С. Принуждение и право : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2000.

References

1. Kosykh A. A. Conviction in law : theory, practice, technique : abstract. diss. ... candidate of legal sciences. Saratov, 2015.

2. Popov L. L. Persuasion and coercion : organizational, educational and administrative-legal means of protecting societies. order in the activities of the Soviet militia. M. : Moskovsky Rabochy, 1968.

3. Lenin V. I. The State and the Revolution. The complete works. 5th ed., vol. 43. M. : Publishing House of Political Literature, 1969.

4. Khatuaev V. U. On persuasion as the main general method of implementing state power : the state and some problems of improvement // Administrative law and process. 2022. № 1. P. 7–10.

5. Puchnin A. S. Coercion and law : abstract. diss. ... candidate of legal sciences. M., 2000.

Информация об авторе

В. В. Журавлев — старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

V. V. Zhuravlev — Senior Lecturer of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Ryzan Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 04.09.2023; одобрена после рецензирования 08.11.2023; принята к публикации 10.01.2024.

The article was submitted 04.09.2023; approved after reviewing 08.11.2023; accepted for publication 10.01.2024.

Научная статья

УДК 343.985

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-54-63>

EDN: <https://elibrary.ru/fevslb>

NIJON: 2003-0059-2/24-996

MOSURED: 77/27-003-2024-02-195

Тактические особенности проведения следственных и иных процессуальных действий с участием несовершеннолетних по уголовным делам о преступлениях против мира и безопасности человечества

Марина Владимировна Кардашевская

Московская академия Следственного комитета России имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия,

kardashewsky@yandex.ru

Аннотация. Определяются особенности тактики производства процессуальных действий с участием несовершеннолетних по уголовным делам о преступлениях против мира и безопасности человечества. Проведен анализ разработанных в криминалистике тактических приемов производства следственных действий с участием несовершеннолетних, выделены те из них, которые могут по аналогии применяться по уголовным делам о преступлениях против мира и безопасности человечества, а также проведена их адаптация к условиям специальной военной операции. Разработаны новые и модифицированы уже имеющиеся тактические приемы допроса несовершеннолетних потерпевших, свидетелей и обвиняемых, производства с их участием опознания, очной ставки. Обоснована актуальность принятия мер попечения о несовершеннолетних потерпевших и свидетелях, оставшихся без присмотра в результате военных действий. Предлагаемые тактические приемы производства следственных действий с участием несовершеннолетних могут использоваться следователями СК России при расследовании уголовных дел о преступлениях против мира и безопасности человечества.

Ключевые слова: допрос, несовершеннолетние, очная ставка, попечение, предъявление для опознания, преступления против мира и безопасности человечества

Для цитирования: Кардашевская М. В. Тактические особенности проведения следственных и иных процессуальных действий с участием несовершеннолетних по уголовным делам о преступлениях против мира и безопасности человечества // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 54–63. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-54-63>. EDN: FEVSLB.

Original article

Tactical features of conducting investigative and other procedural actions involving minors in criminal cases of crimes against the peace and security of mankind

Marina V. Kardashevskaya

Moscow Academy of the Investigative Committee of Russia named after A.Ya. Sukharev, Moscow, Russia, kardashewsky@yandex.ru

Abstract. The peculiarities of the tactics of procedural actions involving minors in criminal cases of crimes against the peace and security of mankind are determined. The analysis of tactical techniques developed in criminology for the production of investigative actions involving minors is carried out, those of them that can be used by analogy in criminal cases of crimes against the peace and security of mankind are highlighted, and their adaptation to the conditions of a special military operation is carried out. New and modified tactics have been developed for the interrogation of minor victims, witnesses and accused, the production of identification and confrontation with their participation. The urgency of taking care of minor victims and witnesses left unattended as a result of military operations is substantiated. The proposed tactical techniques for conducting investigative actions involving minors can be used by investigators of the IC of Russia in the investigation of criminal cases of crimes against the peace and security of mankind.

Keywords: interrogation, minors, confrontation, custody, presentation for identification, crimes against the peace and security of mankind

For citation: Kardashevskaya M. V. Tactical features of conducting investigative and other procedural actions involving minors in criminal cases of crimes against the peace and security of mankind. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):54–63. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-54-63>. EDN: FEVSLB.

© Кардашевская М. В., 2024

Введение

Безусловно, преступления против мира и безопасности человечества — тягчайшие действия, которые требуют самой жесткой оценки и кары. Люди давным-давно осмыслили ошибочность их совершения, масштабы наносимого в итоге ущерба. Общеизвестно, что в отечественной и зарубежной литературе имеется большое число научных и научно-публицистических трудов, которые посвящены осмыслению злодеяний против мира и безопасности человечества, прежде всего, которые были совершены в период Второй Мировой войны и квалифицированы в качестве таковых в Приговорах Нюрнбергского и Токийского трибуналов. Казалось, что «после ужасов Второй мировой войны... человечество все уяснило и этот кошмар больше не повторится» [1, с. 20]. Однако действия нацистов на Украине, арабо-израильский конфликт показывают, что нацизм не умер. Самое страшное заключается в том, что в сферу совершения данных преступлений вовлекаются несовершеннолетние, чаще всего, жертвы и свидетели указанных преступлений, но в ряде случаев они могут выступать и в качестве лиц, которые их совершают.

Следует отметить, что изначально в юриспруденции не существовало особого правового статуса несовершеннолетнего как лица, с возрастными особенностями, спецификой психофизиологического развития и социально-правового положения. И только в 1864 г. в Уставе уголовного судопроизводства появились первые нормы, касающиеся специального правового статуса несовершеннолетнего. В настоящее время в УПК России содержится достаточное количество нормативных предписаний, регламентирующих особенности проведения следственных и иных процессуальных действий с участием несовершеннолетних. Криминалистикой эти предписания конкретизируются в зависимости от процессуального статуса несовершеннолетнего — потерпевший, свидетель или обвиняемый (подозреваемый).

В ходе ведения специальной военной операции украинские военнослужащие и международные наемники совершают преступления против мира и безопасности человечества, в результате чего страдают дети, некоторые подростки становятся свидетелями преступных действий. При расследовании преступлений в непосредственной близости к военным действиям, на территории населенных пунктов, которые

продолжают обстреливать, производство следственных действий с несовершеннолетними обладает определенной спецификой.

Несовершеннолетние, которые совершают преступления, предусмотренные ст. 354.1 УК РФ, находятся вдалеке от зоны боевых действий, однако предмет их допроса также имеет свои особенности.

Общие правила производства следственных действий с участием подростков по уголовным делам о преступлениях против мира и безопасности человечества

Вначале надлежит установить преступления против мира и безопасности человечества, по которым несовершеннолетние могут выступать в качестве потерпевших, свидетелей и обвиняемых.

1. Потерпевшие по преступлениям, предусмотренным ч. 2 ст. 353 УК РФ, — ведение агрессивной войны. Дети становятся жертвами бомбежек, сбрасывания минных ловушек, получают огнестрельные ранения; ч. 1 ст. 356 УК РФ — жестокое обращение с гражданским населением. Жестокое обращение предполагает причинение физического вреда несовершеннолетнему потерпевшему, захват его в заложники, пытки и проведение биологических экспериментов. «Надлежит заметить, что средства массовой информации России многократно писали про мучения, которым украинские военнослужащие подвергают своих граждан. Причем и международные организации не смогли это умалчивать. В одном из докладов Управления Верховного комиссариата по правам человека ООН сказано о систематически попадающих в адрес Мониторинговой миссии ООН по правам человека на Украине извещений о зверском обращении и страданиях арестованных. Туда же неизменно идут заявления о произвольных и секретных арестах, насильственных исчезновениях лиц, которых подозревают в «сепаратизме» [1, с. 21]. Самое страшное, что идет задержание и пытки лиц моложе 18 лет.

2. Свидетели по преступлениям, предусмотренным ч. 2 ст. 353, ч. 1 ст. 356 УК РФ, а также ст. 356.1 УК РФ (противоправное безвозмездное изъятие чужого имущества гражданского населения, а также находящегося при убитых и раненых); ст. 357 УК РФ (убийство или причинение тяжкого вреда здоровью православных, русских — геноцид. Учитывая, что потерпевшими от геноцида выступают не

отдельные лица, члены указанных групп, а сами названные группы в целом, на уничтожение которых нацелено данное преступление, то несовершеннолетние участники группы могут выступать только в качестве свидетелей).

3. Обвиняемые по преступлениям, предусмотренным ст. 354.1 УК РФ — реабилитация нацизма.

С учетом большой психологической травмы, которую получают дети, став свидетелями совершения преступлений против мира и безопасности человечества, допрашивать их следует только в случае крайней необходимости, когда имеющиеся у них свидетельства нельзя получить от других свидетелей, взрослых лиц.

Производство отдельных следственных действий с участием несовершеннолетних обладает своей спецификой в силу психологических особенностей данной возрастной группы. К ним следует тщательно готовиться для того, чтобы обеспечить их эффективное производство, получить от подростков необходимые для расследования сведения с минимальным травмирующим воздействием (без ущерба для докзывания), защитить их права и законные интересы.

В Указании СК РФ отмечается, что надлежит исключить случаи безосновательного многократного проведения с подростками одних и тех же следственных и процессуальных действий, а также иные организационные упущения и нарушения норм УПК РФ, которые вызывают нужду повторного проведения одних и тех же мероприятий с их участием¹.

Для защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, являющихся несовершеннолетними, к обязательному участию в уголовном деле привлекаются их законные представители. В условиях проведения СВО многие дети оказываются разлученными с их родителями. Нередко допрос несовершеннолетних потерпевших и свидетелей приходится проводить в больничных условиях. Это определяет специфику приглашения законного представителя.

Законным представителем подростка может быть представитель учреждения или организация, на попечении которой он находится (ст. 5 УПК РФ). Поэтому, если ребенок находится в лечебном учреждении, то его законным представителем может выступить лечащий врач. При этом в протоколе допроса обязательно следует отметить, что это представитель больницы (госпиталя и т. п.), на попечении

которой в данный момент находится несовершеннолетний. В постановлении о признании лечащего врача в качестве законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего следует указать, что он представляет интересы подростка временно, только на период его нахождения в лечебном учреждении.

Участие законного представителя в процессуальных действиях с несовершеннолетним — это его право, которым он может воспользоваться, а не обязанность. Поэтому следователь не может «заставить» законного представителя участвовать при допросе. Однако, данное положение закона, чаще всего, нарушают не следователи, а вышестоящие инстанции. Так, прокурор возвратил следователю уголовное дело для производства дополнительного следствия, поскольку при допросе несовершеннолетнего свидетеля не участвовал законный представитель, который по этому поводу не высказал каких-либо жалоб или претензий².

Анализ уголовно-процессуального законодательства показал, что в ходе предварительного расследования у законного представителя есть следующие обязанности:

- 1) обеспечить явку лица, не достигшего возраста 16 лет, если его вызывают через законного представителя;
- 2) удостоверить факт отказа несовершеннолетнего от подписи протокола следственного действия в тех случаях, если он в нем участвовал;
- 3) удостоверить содержание протокола и факт невыполнимости его подписи подростком в силу телесных изъянов либо из-за болезни;
- 4) ознакомиться с материалами уголовного дела, если следователь, дознаватель по окончании предварительного расследования вынес постановление о не предъявлении несовершеннолетнему обвиняемому для ознакомления тех материалов уголовного дела, которые могут оказать на него отрицательное воздействие.

Учитывая большую психологическую травму, которую подростки получают, будучи жертвами или

¹ О мерах по повышению эффективности проведения процессуальных проверок и расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних или несовершеннолетними, а также по профилактике преступлений указанной категории см.: Указание СК РФ от 23 июля 2021 г. № 2/218.

² Архив Подольского городского суда Московской области.

свидетелями преступлений против мира и безопасности человечества, при их допросе, независимо от возраста, желательна присутствие психолога. Однако в условиях СВО это реализовать крайне сложно. Поэтому, при наличии возможности, допрос несовершеннолетних потерпевших и свидетелей следует проводить через некоторое время после события, когда будет возможность оказать подростку психологическую помощь.

Психолог с разрешения следователя может задавать вопросы несовершеннолетнему, а по окончании допроса вправе знакомиться с протоколом допроса и делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей. Данные права следователь разъясняет психологу перед допросом несовершеннолетнего, о чем делается отметка в протоколе.

Роль психолога в процессе допроса близко взаимосвязана с целью и задачей данного следственного действия. Если его цель выражается в определении обстоятельств, подлежащих установлению, а задача — в приобретении глубоких и точных показаний от несовершеннолетнего, то цель участия психолога — способствование цели проведения допроса. Основной задачей участия данного специалиста при производстве указанного следственного действия является содействие следователю в получении полных и верных показаний подростка [9, с. 96]. Значение деятельности психолога состоит в предупреждении либо понижении психотравмирующего влияния совершенного правонарушения и процедуры допроса на несовершеннолетнего путем формирования удобной, благожелательной ситуации, которая обеспечит результативное взаимодействие следователя и подростка; в пресечении и коррекции применяемых следователем тактических приемов, которые могут угрожать психическому здоровью ребенка. Данную функцию психолога можно обозначить как психологическое сопровождение несовершеннолетнего [8, с. 103].

Таким образом, законный представитель и психолог являются обязательными участниками следственных действий с участием несовершеннолетних при расследовании преступлений против мира и безопасности человечества. Роль психолога определяется его специальными знаниями, позволяющими облегчить психологическую боль подростка и установить психологический контакт между следователем и несовершеннолетним.

Особенности производства допросов несовершеннолетних потерпевших и свидетелей по уголовным делам против мира и безопасности человечества

Самым распространенным видом допроса является получение показаний от свидетелей и потерпевших. Объясняется данное обстоятельство тем, что предмет их свидетельств содержит в себе обширный круг обстоятельств по уголовному делу. В тоже время, имеются существенные отличия в допросе данных участников уголовного процесса, обусловленные, в первую очередь, их процессуальным статусом. В результате этого выделяются тактические, психологические и этические особенности их допроса.

При допросе жертвы преступления следователь сможет обрести более полные сведения о событии правонарушения, чем при допросе свидетелей.

Допросу несовершеннолетних потерпевших и свидетелей по уголовным делам против мира и безопасности человечества предшествует стадия подготовки. Если подросток находится в лечебном учреждении, то вначале следует получить справку от лечащего врача о возможности его допроса в зависимости от состояния его здоровья, а также о том, какие ранения он получил, откуда его доставили в госпиталь. Также следует определить, кто будет участвовать в допросе в качестве законного представителя и есть ли возможность пригласить психолога. Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает при производстве допроса несовершеннолетнего потерпевшего использование видеозаписи, поэтому необходимо решить вопрос о том, кто будет ее проводить.

Следователь обязан хорошо знать психологию личности подростков и учитывать ее при избрании тактических приемов производства с ними допросов. Надо учесть физическое и психоэмоциональное состояние ребенка. Это является одним из требований особой профессиональной подготовки всех лиц, которые производят допрос подростка. Так, в Указании СК РФ от 23 июля 2021 г. № 2/218 «О мерах по повышению эффективности проведения процессуальных проверок и расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних или несовершеннолетними, а также по профилактике преступлений, указанной категории» отмечается обязанность руководителей следственных подразделений Следственного комитета отдавать предпочтение при расследовании правона-

рушений, которые совершены в отношении детей, наиболее подготовленным сотрудникам.

По справедливому мнению многих ученых-криминалистов, одним из обстоятельств допроса несовершеннолетнего потерпевшего, которое обеспечивает приобретение полных и верных свидетельств, служит нахождение психологического контакта между допрашиваемым и следователем [2, с. 27]. Найти психологический контакт с подростком — это означает достичь взаимной заинтересованности к ожидаемому общению и, тем самым, обеспечить готовность приобретения криминалистически значимых сведений. Осознание и учет возрастной специфики подростков подсобляют построить тактику общения. Следует признать, что подростки, пострадавшие от преступлений против мира и безопасности человечества, очень быстро взрослеют и установление с ними психологического контакта, как правило, не вызывает затруднений.

Допрос начинается со стадии свободного рассказа, когда следователь просит допрашиваемого рассказать, что именно произошло. При такой форме получения показаний намного меньше искажений информации, чем при ответах на задаваемые следователем вопросы [5, с. 52]. На этой стадии следователь получает информацию о произошедшем. Применяя различные вопросы (уточняющие и детализирующие) после окончания свободного рассказа, следователь получает полные данные об объективных условиях совершения преступления, а также о субъективном восприятии потерпевшим события, что позволит ему в последующем оценить не только полученные показания, но и их взаимосвязь с другими собранными по делу доказательствами, а также составить обвинительное заключение [7, с. 16].

Цель проведения допроса жертвы преступления проявляется в получении исходных сведений как о ней самой, так и о личности правонарушителя.

При допросе потерпевшего будут уместны следующие вопросы:

- 1) его физиологическое состояние во время совершения правонарушения;
- 2) его действия, предшествующие преступлению;
- 3) имеет ли он сведения о преступнике и какие;
- 4) сможет ли он описать приметы правонарушителя;
- 5) что именно произошло: стреляли именно в него, его захватили в заложники, что произошло с

другими людьми, которые находились вместе с ним; попал под обстрел (бомбардировку); наступил на минную ловушку; его пытали или проводили медицинские опыты — кто и как. Обязательно выясняется время и место произошедшего события;

б) что с ним произошло после события: кто его освободил (или он сам смог сбежать), кто оказал ему первую медицинскую помощь, как попал в больницу.

Следовательно, надлежит признать, что верно организованный и компетентно проведенный допрос несовершеннолетнего потерпевшего от преступления против мира и безопасности человечества содействует приобретению наиболее честных и глубоких свидетельств. Данное условие будет содействовать справедливой квалификации преступления, разграничению смежных составов, назначению справедливого наказания.

Несовершеннолетние свидетели преступлений против мира и безопасности человечества, как правило, являются очевидцами совершенного преступления и хорошо запоминают событие, поскольку оно наносит, как уже ранее говорилось, большую психологическую травму. Многие подростки испытывают чувство вины, что не могли помочь своим близким, друзьям. Поэтому вначале допроса их необходимо успокоить, попытаться объяснить, что они ничего не могли сделать, и сейчас самое главное — зафиксировать произошедшее в протоколе, чтобы можно было привлечь к уголовной ответственности виновных.

Учитывая обстановку, в которой сейчас проходит специальная военная операция, может сложиться ситуация, когда несовершеннолетние, ранее проживавшие в Украине, плохо знают русский язык. Для допроса таких подростков следует привлекать иных лиц (это может быть и персонал больницы, и военнослужащие), которые владеют и русским, и украинским языками.

В ходе допроса запрещено задавать наводящие вопросы. Особенно это актуально при допросе несовершеннолетних свидетелей, которые, услышав в вопросе ответ, могут с ним согласиться, даже если это не соответствует действительности.

Также запрещено задавать улавливающие и безнравственные вопросы. Нельзя перебивать подростка или глупо шутить в ходе допроса [4, с. 42].

Ученые — психологи и психиатры — на протяжении длительного периода времени изучают проблемы, которые связаны с длительностью допроса

несовершеннолетних свидетелей и потерпевших. Отчасти плоды этих изысканий нашли отражение в ч. 2 ст. 187, ч. 1 ст. 191 УПК РФ [10, с. 93]. Конкретное время допроса должен определять лечащий врач, в зависимости от физического и психологического состояния здоровья подростка.

Видеозапись допроса следует прослушивать без несовершеннолетнего с тем, чтобы не волновать, не травмировать его лишним раз.

Особенности производства допросов несовершеннолетних обвиняемых по уголовным делам против мира и безопасности человечества

Как ранее отмечалось, несовершеннолетние могут и сами совершать преступления против мира и безопасности человечества, а именно выкладывать на своей страничке в социальных сетях посты как изготовленные самостоятельно, так и скаченные со страницы других лиц, с текстами, оправдывающими нацизм (возвеличивание бандеровцев; сожаление, что нацисты не истребили всех евреев — в связи с современным израильско-палестинским конфликтом, и др.), а также осквернение памятников героям Великой отечественной войны (измазывание краской, приготовление сосисок на Вечном огне), как правило, с видеофиксацией своих действий и выкладыванием этих роликов в Интернете.

В целях нахождения психологического контакта с несовершеннолетним обвиняемым (подозреваемым) следует учитывать особенности его характера. Как правило, подросток, совершивший преступление против мира и безопасности человечества, является общительным, подвижным, и максимальной результативности от его допроса можно достигнуть при формировании обстановки, в которой обнаруживается его инициатива и энергия, активность и лидерство. Нахождение психологического контакта с подобными несовершеннолетними не является проблемой, так как они без затруднений находят общий язык с чужими людьми, адекватно реагируют на благожелательное отношение и неподдельную заинтересованность к их делам и проблемам. В общении с ними следователю надлежит сторониться строгой требовательности. Допрос подобает вести в резвом темпе, чаще давая инициативу самому подозреваемому [6, с. 4].

Следователь должен максимально ответственно отнестись к допросу несовершеннолетнего подозре-

ваемого или обвиняемого по рассматриваемой нами категории дел, начиная с правильной формулировки вопросов, адресованных допрашиваемому, заканчивая изучением условий жизни, воспитания, психического статуса, а также общего самочувствия и состояния здоровья несовершеннолетнего.

Первые объяснения от несовершеннолетнего могут быть получены уже в ходе проверки сообщения о преступлении. Подростка следует опросить в кратчайшие сроки после получения информации о возможном его участии в преступных действиях. При этом опрос должен быть полным, чтобы не допускать неоднократного получения от него объяснений по факту произошедшего различными должностными лицами органа внутренних дел. При получении объяснения у несовершеннолетнего следует руководствоваться положениями ст. 191, 425 и 426 УПК РФ.

Элементами подготовки к допросу несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) являются:

- 1) получение информации о семье подростка, условиях его жизни и воспитания;
- 2) выбор времени допроса;
- 3) установление наиболее оптимального способа вызова на допрос;
- 4) определение, кто будет участвовать в допросе;
- 5) составить план (перечень вопросов и тактических приемов, которые следует использовать);
- 6) определить, кто и как будет использовать технико-криминалистические средства (видеозапись).

Все это позволит провести допрос результативно.

При предъявлении обвинения следователь должен учитывать личностные особенности несовершеннолетнего. Поэтому постановление о привлечении в качестве обвиняемого должно быть написано четким, доступным пониманию языком. Следователь должен сам или с помощью защитника разъяснить:

- 1) сущность используемых юридических терминов;
- 2) смысл отягчающих и смягчающих вину условий;
- 3) роль защитника и педагога на этом этапе следования;
- 4) права подростка.

При допросе подозреваемого (обвиняемого) несовершеннолетнего, совершившего преступление, обязательно нужно выяснить следующие сведения.

1. При распространении сведений, оправдывающих нацизм, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет:

- ♦ откуда он взял информацию, которую он выложил на своей странице в социальных сетях;

- ♦ знал ли он о том, что эта информация не соответствует действительности;

- ♦ пытался ли он провести какие-либо исторические исследования по данному вопросу;

- ♦ если он перепостил чей-то текст, то где (на какой странице) он был расположен, что ему известно об авторе текста;

- ♦ если он является автором текста, то кто ему подсказал идею создания текста, с кем до выкладывания текста и после его опубликования он беседовал по поводу этой информации;

- ♦ знали ли его родители о той информации, которая опубликована на его странице, как часто они проверяют его деятельность в сети Интернет;

- ♦ если ему кто-то передал текст для опубликования, то кто именно (это может быть его школьный преподаватель), что при этом говорил, о чем просил.

2. При осквернении символов воинской славы:

- ♦ когда, с кем и в связи с чем он оказался на месте происшествия?

- ♦ кто предложил совершить преступление (как правило, это групповое преступление)?

- ♦ пути подхода и отхода подозреваемого к месту происшествия?

- ♦ где, когда, по чьей инициативе, и при каких обстоятельствах были совершены преступные действия, их последовательность?

- ♦ кто осуществлял видеозапись преступных действий и выкладывал ее в сеть?

- ♦ при совершении преступления использовал ли подросток какие-либо орудия?

- ♦ знал ли он кому и в связи с чем был поставлен памятник?

- ♦ обсуждали ли подростки до совершения преступления возможность таких действий с кем-либо из взрослых, если да, то с кем конкретно?

В результате допроса подозреваемых (обвиняемых) подростков следователь может получить, в частности, ответы на следующие вопросы:

- ♦ каковы истинные причины совершения преступления против мира и безопасности человечества;

- ♦ на протяжении какого времени подозреваемый (обвиняемый) находился на месте происшествия или сколько времени недостоверные сведения были на его странице в социальной сети;

- ♦ какими условиями, способствовавшими совершению преступления, воспользовался;

- ♦ кто является подстрекателем, организатором или пособником преступления.

Особенности производства иных следственных и процессуальных действий с участием несовершеннолетнего по уголовным делам против мира и безопасности человечества

Предъявление для опознания. Предъявление для опознания несовершеннолетним потерпевшим и свидетелями вещей по уголовным делам против мира и безопасности человечества не имеет какой-либо специфики. Отдельные особенности есть только при опознании лиц.

Во-первых, лица, которые совершили преступление, могли быть убиты в ходе боевых действий или при задержании. Подросткам не следует предъявлять их трупы для опознания. Необходимо сделать качественные фотоснимки лиц, максимально убрав посмертные изменения внешности, и проводить опознание по фотографиям.

Во-вторых, опознание живых лиц следует проводить обязательно в условиях, когда опознаваемый не может видеть и слышать подростка. Это может быть как очное опознание, так и дистанционное. Желательно, чтобы вместе с подростком присутствовал его законный представитель или психолог. Для проведения дистанционного опознания в условиях вооруженного конфликта при возможности следует использовать систему видео-конференц-связи Министерства обороны.

Очная ставка. Основание ее проведения — наличие существенных противоречий в показаниях уже допрошенных лиц [3, с. 20].

При принятии решения о проведении очной ставки с участием несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля) следует предусмотреть возможные негативные последствия для психики подростка, о чем следует проконсультироваться с психологом, уже участвовавшим в деле, или под наблюдением которого ребенок находится в период проведения данного следственного действия. Конечно, проведение очной ставки нежелательно. Ее лучше заменить демонстрацией видеозаписи допроса несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля) в ходе допроса обвиняемого (заочная очная ставка). Однако, если видеозаписи по какой-либо причине нет, то следует

провести предварительную беседу с подростком, целью которой будет:

1) выяснение его отношения к проведению очной ставки, причины его возможного нежелания в ней участвовать (боязнь мести, страх снова увидеть человека, который причинил боль ему и его близким, и т. д.);

2) разъяснение значения данного следственного действия для решения задач уголовного судопроизводства и выяснения действительной роли каждого соучастника в совершенном преступлении;

3) проговорить линию его поведения при очной ставке, т. е. максимально настроить его на участие в ней.

Такую беседу следует проводить непосредственно перед очной ставкой с тем, чтобы у подростка не было времени передумать. Только в тех случаях, когда следователь приходит к выводу, что очное проведение очной ставки может привести к негативным результатам, данное следственное действие следует проводить заочно. В этом случае подростка следует дополнительно допросить именно по поводу его отношения к участию в очной ставке. Данный протокол будет свидетельствовать о том, что следователь планировал производство очной ставки в очном режиме, но не провел ее по независящим от него причинам.

В подготовку очной ставки входит:

1) изучение раньше данных показаний допрошенных лиц;

2) принятие решения о ее производстве с учетом прогноза ее результатов;

3) определение участников очной ставки;

4) составление плана,

5) формулирование вопросов и их последовательности;

6) определение последовательности опроса участников;

7) принятие мер по исключению негативного воздействия одного участника очной ставки на другого;

8) определение, кем и как будут применяться технико-криминалистические средства (видеозапись или видео-конференц-связь).

При планировании заочного проведения очной ставки следователь должен определить, в чем именно заключаются противоречия в показаниях, с тем, чтобы воспроизвести второму участнику очной став-

ки только те фрагменты, которые имеют отношение к предмету очной ставки. Не следует воспроизводить полностью показания несовершеннолетнего, это является тактической ошибкой, позволяющей второму участнику очной ставки получить больше информации по уголовному делу, чем это необходимо в рамках предварительного расследования. Знакомиться с полной фонограммой второй участник очной ставки может только после окончания предварительного расследования при ознакомлении с материалами уголовного дела.

Производство данного следственного действия с участием несовершеннолетнего свидетеля может быть без законного представителя и защитника. На это обращено внимание в определении Верховного Суда РФ от 23 марта 2006 г. № 2010. В определении суда было отмечено, что в соответствии со ст. 191 и 192 УПК РФ не является обязательным присутствие законного представителя и адвоката при допросе свидетеля или проведении очной ставки между свидетелями.

В ходе очной ставки для недопущения негативного воздействия одного участника очной ставки на другого следователь обязан следить за их поведением (тон, интонации голоса, мимика, жесты) и вовремя прекращать такие действия. Если все-таки возникла конфликтная ситуация, то следует прервать производство следственного действия, сделав в протоколе очной ставки запись о причинах ее приостановления или прекращения.

При производстве очной ставки первым допрашивается несовершеннолетний, независимо от его процессуального статуса, а если оба участника являются подростками, то тот, кто, по мнению следователя, дает правдивые показания. При производстве очной ставки заочно следователь вначале должен воспроизвести выбранный фрагмент видеозаписи, а потом задать вопрос второму участнику: «подтверждаете ли вы данные показания?» Ответ фиксируется в протокол производства очной ставки, в котором следователь, еще до ее начала, должен дословно зафиксировать показания несовершеннолетнего с видеофрагмента, указав, что они зафиксированы на видеозапись такого-то числа, в такое-то время. После фиксации показаний второго участника, следователь у него и его защитника выясняет, есть ли у них вопросы к первому участнику. Заданные вопросы также фиксируются в протоколе. Сле-

дователь должен оценить эти вопросы с позиции того, а нет ли на них ответов в показаниях несовершеннолетнего, которые не демонстрировались в ходе очной ставки. Если есть, то необходимо сделать перерыв, найти эти показания, и продолжить очную ставку с их демонстрацией. В случае, если следователь не полно допросил несовершеннолетнего и заданные второй стороной очной ставки вопросы имеют существенное значение для решения задач уголовного судопроизводства, то необходимо дополнительно допросить несовершеннолетнего по заданным вопросам. О целесообразности ознакомления второго участника очной ставки с протоколом дополнительного допроса несовершеннолетнего следователь должен решать сам, в зависимости от степени влияния новых показаний на установление обстоятельств совершенного преступления.

Меры попечения о несовершеннолетних потерпевших и свидетелях, оставшихся без присмотра. В результате совершения преступлений против мира и безопасности человечества многие несовершеннолетние потерпевшие и свидетели остаются без родителей, которых убили, или теряют с ними связь. Следователь, установив этот факт в процессе расследования, должен принять меры по их передаче на попечение близким родственникам, родственникам или другим лицам. Для этого, следует выяснить у подростка, кто из его родных остался в живых, хочет ли он с ним дальше жить, и если хочет, то где это лицо находится. После этого следователь должен связаться с указанным лицом и сообщить о желании подростка, и об отношении к этому данного лица. Если лицо находится в том же населенном пункте, где проходит предварительное расследование, то следователь должен его вызвать к себе и, при положительном решении вопроса, признать данное лицо в качестве законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего с указанием нового местожительства подростка.

Если родственник находится в другом населенном пункте, то следует подростка отправить к нему в сопровождении сотрудника полиции либо военной полиции. Сотрудник, при передаче подростка родственнику, должен получить от него расписку о получении ребенка, в которой следует указать, кто будет осуществлять присмотр за подростком (паспортные данные) и по какому адресу.

В случае отсутствия у несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля) родственников, которые мо-

гут осуществлять за ним присмотр, он помещается в детские или социальные учреждения, о чем в уголовном деле должна иметься соответствующая справка. Руководство учреждения должно быть предупреждено о том, что подросток является свидетелем или потерпевшим по уголовному делу, а, следовательно, обо всех его дальнейших перемещениях должен незамедлительно уведомляться следователь.

Заключение

Расследование преступлений против мира и безопасности человечества, особенно в условиях продолжающихся военных действий, обладает существенной спецификой. Особенно сильно это проявляется, когда участником процесса становится несовершеннолетний. Психологический стресс накладывает свой отпечаток на особенности проведения следственных действий с участием подростков, ставших свидетелями или жертвами страшных, жестоких преступлений. Возникает необходимость решения в процессе расследования вопросов об их дальнейшем местонахождении. В статье рассмотрены возникающие проблемы и определены пути их решения.

Список источников

1. Бастрыкин А. И. Противодействие преступлениям неонацистов на Украине // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2017. № 2. С. 20–23.
2. Боровик О. В. Особенности досудебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних : дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
3. Желтобрюхов С. П. Проверка показаний на месте с участием разоблачаемого лица // Российский судья. 2023. № 1. С. 19–22.
4. Киселев Е. А., Казачек Е. Ю. Некоторые аспекты подготовки к допросу несовершеннолетнего потерпевшего // Российский следователь. 2015. № 11. С. 41–44.
5. Корнакова С. В. Условия эффективности допроса несовершеннолетнего потерпевшего // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2018. № 4 (22). С. 50–60.
6. Королева Е. А. Криминалистическая характеристика личности несовершеннолетнего насильника // Российский следователь. 2020. № 8. С. 3–7.

7. Куемжиева С. А. Допрос свидетелей по делам о преступлениях против семьи и несовершеннолетних // Российский следователь. 2017. № 18. С. 15–18.

8. Лазарева В. А., Демкина М. С. Проблемы развития правовой регламентации деятельности педагога (психолога) в следственных действиях // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 3. С. 101–107.

9. Фомина И. А., Горбачева Е. В. Отдельные аспекты участия педагога и психолога в тактике допроса несовершеннолетнего // Сибирский юридический вестник. 2018. № 3 (82). С. 94–99.

10. Чернова С. С. Допрос несовершеннолетнего потерпевшего: процессуальные аспекты // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 2 (48). С. 92–102.

References

1. Bastrykin A. I. Countering the crimes of neo-fascists in Ukraine // Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2017. № 2. P. 20–23.

2. Borovik O. V. Features of pre-trial proceedings in criminal cases against minors : dissertation ... cand. legal sciences. M., 2006.

3. Zheltobryukhov S. P. Verification of testimony on the spot with the participation of the exposed person // Russian judge. 2023. № 1. P. 19–22.

4. Kiselyov E. A., Kazachek E. Y. Some aspects of preparation for the interrogation of a minor victim // Russian investigator. 2015. № 11. P. 41–44.

5. Kornakova S. V. Conditions for the effectiveness of interrogation of a minor victim // Siberian criminal procedural and criminalistic readings. 2018. № 4 (22). P. 50–60.

6. Koroleva E. A. Criminalistic characteristics of the personality of a minor rapist // Russian investigator. 2020. № 8. P. 3–7.

7. Kuemzhieva S. A. Interrogation of witnesses in cases of crimes against the family and minors // Russian investigator. 2017. № 18. P. 15–18.

8. Lazareva V. A., Demkina M. S. Problems of the development of legal regulation of the activity of a teacher (psychologist) in investigative actions // Legal Bulletin of the Samara University. 2019. Vol. 5. № 3. P. 101–107.

9. Fomina I. A., Gorbacheva E. V. Certain aspects of the participation of a teacher and a psychologist in the tactics of interrogation of a minor // Siberian Legal Bulletin. 2018. № 3 (82). P. 94–99.

10. Chernova S. S. Interrogation of a minor victim: procedural aspects // Legal science and law enforcement practice. 2019. № 2 (48). P. 92–102.

Информация об авторе

М. В. Кардашевская — профессор кафедры предварительного расследования Московской академии Следственного комитета России имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

M. V. Kardashevskaya — Professor of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow Academy of the Investigative Committee of Russia named after A.Ya. Sukharev, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 29.01.2024; одобрена после рецензирования 19.03.2024; принята к публикации 01.04.2024.

The article was submitted 29.01.2024; approved after reviewing 19.03.2024; accepted for publication 01.04.2024.

Научная статья
УДК 342.72/.73
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-64-67>
EDN: <https://elibrary.ru/eufzio>

НИОН: 2003-0059-2/24-997
MOSURED: 77/27-003-2024-02-196

Роль конституционного судопроизводства в обеспечении прав, свобод и обязанностей человека и гражданина

Татьяна Владимировна Кикоть-Глуходедова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Россия, Москва, Kgtv@yandex.ru

Аннотация. Анализируется проблематика конституционного судопроизводства в аспекте гарантированности прав, свобод и обязанностей человека и гражданина. Предпринята попытка обосновать значимость Конституционного суда в рамках реализации базовых элементов правового статуса личности, верховенства Конституции и законности в механизме конституционно-правового регулирования. Исследуются некоторые особенности конституционного судопроизводства как специфической формы правосудия. Рассматривается функциональная диспозитивность Конституционного суда в сфере защиты прав и свобод субъектов конституционных правоотношений.

Ключевые слова: Конституция, права и свободы человека, обязанности гражданина, конституционное правосудие, Конституционный суд, конституционно-процессуальное оформление

Для цитирования: Кикоть-Глуходедова Т. В. Роль конституционного судопроизводства в обеспечении прав, свобод и обязанностей человека и гражданина // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 64–67. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-64-67>. EDN: EUFZIO.

Original article

The role of constitutional court proceedings in ensuring the rights, freedoms and duties of man and citizen

Tatyana V. Kikot'-Glukhodedova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, Kgtv@yandex.ru

Abstract. The problems of constitutional legal proceedings in the aspect of guaranteeing the rights, freedoms and duties of man and citizen are analyzed. An attempt is made to substantiate the significance of the Constitutional Court in the framework of the realization of the basic elements of the legal status of the individual, the supremacy of the Constitution and legality in the mechanism of constitutional and legal regulation. Some peculiarities of constitutional legal proceedings as a specific form of justice are investigated. The functional dispositiveness of the Constitutional Court in the sphere of protection of rights and freedoms of subjects of constitutional legal relations is considered.

Keywords: Constitution, human rights and freedoms, duties of a citizen, constitutional justice, Constitutional Court, constitutional procedural registration

For citation: Kikot'-Glukhodedova T. V. The role of constitutional court proceedings in ensuring the rights, freedoms and duties of man and citizen. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):64–67. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-64-67>. EDN: EUFZIO.

Актуальность темы заключается в том, что конституционное судопроизводство выступает видом юридического процесса, который прямо затрагивает правовой статус личности. В формально-юридической плоскости дефиниция «процесс» выражает определенный спектр процедур, процессуальных актов и процессуально-динамических правоотношений, которые складываются на основе формально-процедурной составляющей. В своей совокупности перечисленные элементы сущностно наполняют юридический процесс, осмысляемый в формально-правовом ракурсе. В этой связи первостепенным значением обладает внешнее выражение деятельности судебных

органов, разрешающих споры о праве. Определенная форма имеет место в любом направлении значимой, с точки зрения права, деятельности. Не является исключением и конституционный контроль, где формально-юридическое выражение гарантирует реализацию прав, свобод и обязанностей не только личности, но и органов публичной власти. Здесь можно согласиться с мнением Г. Кельзена, который полагает, что функция аннулирования нормативно-правового материала не может быть поручена тому субъекту, который выступает его творцом [3].

Следовательно, в целях верного осмысления судопроизводства как правовой категории необходимо

© Кикоть-Глуходедова Т. В., 2024

уяснить правовую природу внешнего выражения юридического процесса. Детерминация последнего выступает не только ключевой особенностью правосудия, но и является предпосылкой к формированию механизма гарантированности прав, свобод и обязанностей человека и гражданина. Понимая юридический процесс как комплексную систему юридически оформленной деятельности субъектов правоотношений, конституционное судопроизводство осмысливается в образе внешнего выражения деятельности судебного органа конституционного контроля в сфере конституционного правосудия, обладающей нормативно установленной формой. Вместе с тем, конституционное правосудие является процессуально оформленными действиями субъектов конституционно-правового регулирования по обеспечению своих интересов, не запрещенных Конституцией, которая, что важно, в упорядоченной форме выражает закономерности организации и функционирования социума и места человека в нем [6, с. 5].

По сути, конституционный процесс выступает элементом системы конституционного правосудия и реализуется институтами конституционного контроля. В дефинитивном плане конституционный процесс проявляется в широком спектре действий, которые опосредуют правоотношения в сфере прав, свобод и обязанностей граждан. При этом каждый компонент конституционного судопроизводства — процедурная и функциональная составляющая, крайне важны, как и сами конституционные правоотношения в целом.

Значимость конституционного процесса в аспекте реализации прав и свобод личности, а также ее обязанностей трудно переоценить [4, с. 141–142]. При этом конституционное судопроизводство обладает набором процессуальных стадий со своей цикличностью и специфической содержательной частью. Конституционный судебный процесс — ни что иное как определенная Конституцией процессуальная форма деятельности Конституционного суда, цель которой заключается в обеспечении прав и законных интересов субъектов конституционных правоотношений [2, с. 27]. Важно то, что в рамках отечественного правопорядка Основной Закон закрепляет функцию конституционного контроля за Конституционным Судом РФ, при этом указанная функция является у органа основной. Указанный орган осуществляет судебную власть самостоятельно и независимо в форме конституционного судопроизводства. Имплемента-

ция конституционного контроля выражается преимущественно через выявление нормативно-правового материала, который противоречит положениям Конституции, а также принятие мер по нуллификации выявленных отклонений [7, с. 570–584].

Осуществление правосудия для судебной власти выступает ее характеризующим признаком, ее имманентной сущностью. Однако, являясь функцией публичной власти, разрешение споров о праве реализуется только судами и в строго определенном нормативном порядке и процессуальной форме.

Опыт государственно-правового строительства демократических стран свидетельствует о том, что процедурная составляющая конституционного судопроизводства является важной гарантией защиты прав и свобод человека, а также реализацией последним своих обязанностей.

Отечественное конституционно-правовое регулирование (ч. 2 ст. 118 Конституции РФ) закрепляет положение о том, что функция правосудия проявляется через деятельность судов по рассмотрению и разрешению споров о праве. При этом запускается многокомпонентный механизм судопроизводства: конституционного, гражданского, арбитражного, административного, уголовного. Компоненты механизма судопроизводства обладают своими специфическими целями; задачами; содержанием; процессуальной составляющей; особым статусом субъектов, принимающих в нем участие.

Конституционный суд, реализуя свою функцию, является частью судебной системы государства и действует в соответствии с демократическими принципами судебного процесса, которые закреплены в рамках текущей конституционно-правовой парадигмы. Функция правосудия, реализуемая в строгих процессуальных рамках, позволяет обеспечить равную защиту прав и полномочий участников процесса, а также справедливость судебного разбирательства.

Ведя речь о процессуальной форме деятельности Конституционного суда, необходимо выделить ту ниторативную основу, на которой зиждется его правовое положение как гаранта прав, свобод и обязанностей субъектов конституционных правоотношений. Строгое соблюдение процедурной составляющей конституционного правосудия не приемлет ни политической целесообразности, ни собственного усмотрения. По сути, значимость решений Конституционного суда заключается в объективности и спра-

ведливости судебного разбирательства, которое гарантирует беспристрастность. Подобный подход позволяет определить конституционное судопроизводство как деятельность Конституционного суда по утверждению верховенства Конституции и гарантированию прав, свобод и обязанностей субъектов конституционных правоотношений [1, с. 24].

Анализируя правовую природу конституционного судопроизводства необходимо подчеркнуть его многоаспектность, которая складывается из нескольких разнородных компонентов, которые отражаются в следующих позициях:

- ♦ участники с особой правосубъектностью;
- ♦ процессуально оформленные действия;
- ♦ процессуальные правоотношения в рамках конституционно-правовой регуляции.

Указанные компоненты составляют формально-определенный механизм конституционного судопроизводства. При этом с технико-юридической стороны последнее представляет собой комплекс однородных процедур и динамику субъектов на них основанную, которые образуют циклическую стадийность конституционного процесса. Кроме того, конституционное судопроизводство, как особая процессуальная форма реализации функции правосудия, обладает спектром следующих специфических признаков:

1) целевое назначение, выраженное в своеобразии разрешаемых дел, формировании специфической конституционной правоприменительной практики, толковании Основного Закона и разрешении споров по поводу применения положений Конституции;

2) особый правовой статус судебного органа, который отражается в особенностях его состава, порядке формирования и характере полномочий;

3) специфика участников, спектр которых крайне широк;

4) особенность процессуальной составляющей, характеризующейся более гибкими процедурами, фактическим отсутствием процессуального принуждения, коллегиальностью состава суда, ограничением сроков рассмотрения дел;

5) юридической силой принимаемого решения, которое окончательное и обжалованию не подлежит;

6) диспозитивность порядка осуществления полномочий и разбирательства, вытекающая из отсутствия специализированного процессуального кодекса;

7) существенно меньший объем процессуальных стадий.

Как видится, Конституционный суд нельзя называть исключительно «судом права» на том лишь основании, что он занимается толкованием Основного Закона, разрешением споров о компетенции органов публичной власти, проверкой соответствия национальной Конституции международному нормативному материалу и других вопросов, затрагивающих сферу правовой статистики. Так, Конституционный суд вправе устанавливать и исследовать фактические обстоятельства, что вытекает из смысла Закона о Конституционном Суде РФ [8]. Последнее, в свою очередь, обеспечивает Конституционный суд возможностью усилить свой потенциал как гаранта реализации прав и свобод субъектов правоотношений, а также обеспечить беспрепятственную реализацию спектра их должностований. В частности, орган конституционного контроля вправе рассматривать конкретные жалобы граждан по вопросам нарушения законом их конституционных прав и свобод. При этом Конституционный Суд РФ свободен от политической конъюнктуры, так как в вышеуказанном законе имеет место нормативный запрет на анализ вопросов сугубо политического характера (ч. 3 ст. 29).

Стоит отметить, что нередко в рамках конституционного судопроизводства не представляется возможным оценить состояние нормативно-правовой регуляции, а также практики правоприменения без учета различных, значимых для разрешения спора обстоятельств. В этой связи конституционный процесс предусматривает участие свидетеля, оглашение значимых для судебного разбирательства документальных материалов и привлечение экспертов [5, с. 64–65].

В заключение статьи необходимо сделать ряд выводов и обобщений. Конституционный контроль, который осуществляется Конституционным судом, в формально-юридической плоскости гарантирует реализацию прав, свобод и обязанностей не только личности, но и органов публичной власти. Ключевой особенностью конституционного правосудия выступает возможность формирования предпосылок к эффективному функционированию механизма гарантированности прав, свобод и обязанностей человека и гражданина. Опыт государственно-правового строительства демократических стран продемонстрировал то, что процедурная составляющая конституционного судопроизводства является важной гарантией защиты прав и свобод человека, а также реализацией последним своих обязанностей. Про-

цессуальная форма деятельности Конституционного суда обладает ниторативной основой, на которой зиждется его правовое положение как гаранта прав, свобод и обязанностей субъектов конституционных правоотношений. Конституционное судопроизводство — это деятельность Конституционного суда по утверждению верховенства Конституции и гарантированию прав, свобод и обязанностей субъектов конституционных правоотношений.

Список источников

1. Боброва Н. А. Конституционный Суд Российской Федерации как субъект конституционной ответственности // *Правоприменение*. 2020. № 4. С. 23–34.
2. Грошев С. Н., Саудаханов М. В. Концептуальное значение текстов основного закона // *Конституция : воплощение ценностей верховенства права, гражданского общества и современного государства: сб. мат. всерос. науч.-практ. конф. (Иркутск, 17 декабря 2021 г.)*. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2021. С. 26–28.
3. Кельзен Г. Судебная гарантия конституции (конституционная юстиция) / пер. с нем. Д. В. Даниленко // *Право и политика*. 2006. № 8. С. 5–14.
4. Саудаханов М. В. Человек в социально-экономической системе России : моногр. / под ред. Б. С. Эбзеева. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2023.
5. Тарибо Е. В. Судебный конституционный нормоконтроль : осмысление российского опыта: моногр. М. : Норма, 2018.
6. Эбзеев Б. С. Конституция Российской Федерации : прямое действие и условия реализации // *Государство и право*. 2008. № 7. С. 5–15.
7. Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации : моногр. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017.

8. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 31 июля 2023 г.) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/

References

1. Bobrova N. A. The Constitutional Court of the Russian Federation as a subject of constitutional responsibility // *Law enforcement*. 2020. № 4. P. 23–34.
2. Groshev S. N., Saudakhanov M. V. The conceptual meaning of the texts of the basic law // *Constitution : the embodiment of the values of the rule of law, civil society and the modern state : collection of mat. All-Russian Scientific and Practical Conference (Irkutsk, December 17, 2021)*. Irkutsk : East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. P. 26–28.
3. Kelzen G. Judicial guarantee of the Constitution (constitutional justice) / translated from German by D. V. Danilenko // *Law and politics*. 2006. № 8. P. 5–14.
4. Saudakhanov M. V. Man in the socio-economic system of Russia : monograph / edited by B. S. Ebzeev. M. : UNITY-DANA, 2023.
5. Taribo E. V. Judicial constitutional norm control : understanding the Russian experience : monograph. M. : Norm, 2018.
6. Ebzeev B. S. The Constitution of the Russian Federation : direct action and conditions of implementation // *State and law*. 2008. № 7. P. 5–15.
7. Ebzeev B. S. Man, people, state in the constitutional system of the Russian Federation: monograph. 2nd ed., reprint. and additional M. : Prospect, 2017.
8. Federal Constitutional Law № 1-FKZ dated July 21, 1994 (ed. July 31, 2023) «On the Constitutional Court of the Russian Federation» // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/

Информация об авторе

Т. В. Кикоть-Глуходедова — профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

T. V. Kikot'-Glukhodedova — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 29.01.2024; одобрена после рецензирования 14.03.2024; принята к публикации 01.04.2024.

The article was submitted 29.01.2024; approved after reviewing 14.03.2024; accepted for publication 01.04.2024.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-68-71>

EDN: <https://elibrary.ru/eralrr>

NIJON: 2003-0059-2/24-998

MOSURED: 77/27-003-2024-02-197

Специфика проведения комплексных экспертиз в зоне вооруженного конфликта

Сергей Михайлович Колотушкин

Российский государственный университет правосудия (РГУП), Москва, Россия, kolotushkinsm@mail.ru

Аннотация. Зона вооруженного конфликта является специфическим районом организации раскрытия и расследования преступлений как общеуголовных, так и преступлений против военной службы. Кроме прочих обстоятельств, эта специфика выражается в особенностях назначения и проведения судебных экспертиз. Как правило, объекты экспертизы не предоставляются в базовые экспертные подразделения, а остаются в военно-следственных органах в зоне вооруженного конфликта. Чаще всего это связано со сложностями их транспортировки и сохранности. Эксперт прибывает в район, где располагаются объекты исследования. Время прибытия эксперта минимизируется до одних – двух суток. При этом эксперт предварительно, еще до выезда с базового экспертного подразделения, согласует со следователем вопросы технико-криминалистического обеспечения, например, места и порядок отстрела оружия для получения сравнительных образцов пуль и гильз, или предоставления геодезического оборудования для определения направлений и дальности артиллерийских обстрелов. Количество прибывающих экспертов минимизируется — один, редко, два эксперта, поэтому в большинстве случаев подбирается эксперт, который самостоятельно может провести комплексную экспертизу. Чаще всего в зоне вооруженного конфликта проводятся взрывотехнические, баллистические и трасологические экспертизы, поэтому при подборе эксперта для выполнения комплексной экспертизы приоритет отдается тому эксперту, кто имеет допуски по вышеуказанным видам экспертиз.

Ключевые слова: эксперт, судебная экспертиза, комплексная экспертиза, зона вооруженного конфликта

Для цитирования: Колотушкин С. М. Специфика проведения комплексных экспертиз в зоне вооруженного конфликта // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 68–71. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-68-71>. EDN: ERALRR.

Original article

The specifics of conducting complex examinations in the zone of armed conflict

Sergey M. Kolotushkin

Russian State University of Justice (RSUP), Moscow, Russia, kolotushkinsm@mail.ru

Abstract. The zone of armed conflict is a specific area for the organization of the disclosure and investigation of crimes, both ordinary and crimes against military service. Among other circumstances, this specificity is expressed in the specifics of the appointment and conduct of forensic examinations. As a rule, the objects of expertise are not provided to the basic expert units, but remain in the military investigative bodies in the zone of armed conflict. Most often this is due to the difficulty of their transportation and safety. The expert arrives in the area where the research objects are located. The expert's arrival time is minimized to one or two days. At the same time, the expert preliminarily, even before leaving the base expert unit, coordinates with the investigator the issues of technical and forensic support, for example, the location and procedure for the control shooting of weapons to obtain comparative samples of bullets and cartridges, or the provision of geodetic equipment to determine the directions and range of artillery attacks. The number of arriving experts is minimized — one, rarely two experts, so in most cases an expert is selected who can independently conduct a comprehensive examination. Most often, explosive, ballistic and tracological examinations are carried out in the zone of armed conflict, therefore, when selecting an expert to perform a comprehensive examination, priority is given to the expert who has permits for the above types of examinations.

Keywords: expert, forensic examination, complex examination, zone of armed conflict

For citation: Kolotushkin S. M. The specifics of conducting complex examinations in the zone of armed conflict. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):68–71. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-68-71>. EDN: ERALRR.

© Колотушкин С. М., 2024

Введение. К сожалению, вооруженные конфликты, в том числе и на границе России, в последние десятилетия стали объективной реальностью. Так называемая зона вооруженного конфликта многогранна, я не буду углубляться в термины и понятия зоны контртеррористической операции, отличительные особенности внутренних вооруженных конфликтов и конфликтов международного характера. Здесь важно подчеркнуть одну общую составляющую — в этой зоне идут боевые действия, пусть разного масштаба, но с применением оружия, нанесением потерь и разрушением военной и гражданской инфраструктуры.

Изложение основного материала. В зоне вооруженного конфликта совершаются как общеуголовные, так и военные преступления. Надо сказать, что это явление не ново; так, в годы Великой отечественной войны в прифронтовой зоне действовали различные правоохранительные органы, начиная с военно-следственных и прокурорских подразделений до органов СМЕРШ. Нарботан определенный опыт и практика в годы Афганской военной кампании и в периоды контртеррористической операции на Северном Кавказе [1].

В тоже время, следует отметить, что расследование подобных преступлений последнего десятилетия имеет специфический характер — это действия органов расследования в новых чрезвычайных обстоятельствах. Это масштабное использование частных военных компаний, мобилизации в действующую армию осужденных лиц, и, в первую очередь, осужденных военнослужащих, использование иностранных наемников и инструкторов, активность националистических организаций, масштабная агентурная сеть, ведущая подрывную деятельность в тылу военных группировок и в глубине территории страны, на сотни километров от линии боевого соприкосновения. Сюда же следует отнести отсутствие языковых барьеров между противоборствующими сторонами.

В подобных условиях в центральном аппарате Следственного комитета России создан штаб по координации работы, связанной с документированием, сбором и фиксацией доказательств совершения военным и политическим руководством Украины, членами националистических батальонов и другими лицами геноцида и иных преступлений против мира и безопасности человечества на тер-

ритории Украины и России для предания виновных лиц суду [2].

В ходе такой деятельности активное участие принимают судебные эксперты, чаще всего это касается отраслей знаний в области судебной медицины, баллистики, взрывотехники, цифровых технологий в сфере коммуникаций, информации и навигации.

Работа экспертов в зоне вооруженного конфликта имеет ярко выраженные особенности.

Во-первых, эксперты не закреплены территориально, а выезжают для проведения экспертиз в те военно-следственные органы, которые ведут расследование на той или иной территории вооруженного конфликта.

Во-вторых, объекты исследования предоставляются эксперту на месте расследования преступления. Это связано, с одной стороны, с массогабаритными параметрами объектов (сбитый вертолет, поврежденный взрывом автобус), а также невозможностью доставки этого объекта в связи с его стационарностью — школа, больница, блок электростанции и т. п., а с другой, — даже если объект исследования транспортабелен, то в зоне вооруженного конфликта его доставка требует решения сложных организационных, технических и правовых вопросов. Правовые вопросы могут затрагивать интересы третьих стран, например, вывоз объекта с территории Приднестровской Молдавской Республики или с Территории Республики Армении, не имеющих общих границ с Россией.

В-третьих, экспертное исследование трупов проводится на территории, где погибли эти люди, и чаще всего будут захоронены. В подобных условиях транспортировка в базовые экспертные органы практически исключена.

В-четвертых, количество экспертов, участвующих в исследовании объектов, как правило, минимизируется. В идеале это один – два эксперта, которых проще доставить на заданную территорию, при этом обеспечить безопасность и условия работы. Доставка эксперта осуществляется воздушным или наземным транспортом, при этом не исключается использование специального транспорта, легендированного под типичные для данного региона перевозки.

В-пятых, время прибытия эксперта к месту проведения экспертизы также минимизируется, на его доставку затрачивается, как правило, менее одних

суток. Это связано с сохранностью объектов исследования. Так, обстрелянные артиллерийским огнем здания, электроподстанции, узлы связи, дороги и другие объекты начинают восстанавливать в кратчайшие сроки.

В-шестых, это техническое оснащение прибывающего эксперта. Во многом это определяется предварительным уяснением задач исследования исходя из имеющихся объектов и их состоянием. Конечно, сравнительный микроскоп или жидкостной хроматограф с собой не возьмешь, но доставить компактные и мобильные комплексы — это реальность. Кроме того, вполне допустимо использовать потенциал специальных технических средств, имеющихся в научных и учебных организациях и расположенных на территориях, прилегающих к зоне вооруженного конфликта. Для этого организуется взаимодействие с подобными учреждениями следственными органами еще до прибытия эксперта.

Кроме того, получив исходную информацию, эксперт может сформулировать задачи следственным органам об организации технико-криминалистического обеспечения к моменту его прибытия, например, подготовка оружия, боеприпасов и пылеулавливателей для получения сравнительных образцов пуль и гильз. Другой пример, это подготовка до прибытия эксперта геодезических инструментов для измерения углов подлета ракеты к объекту и углов разлета осколков ее боевой части.

Как отмечалось выше, на место проведения экспертизы прибывает чаще всего один эксперт. Задача, которую он решает, как правило, носит комплексный характер. Требуется ответить на один, редко — два главных и несколько сопутствующих (факультативных) вопросов. Например, главный вопрос: «Каким боеприпасом был сбит вертолет в зоне действия международных сил?». Факультативные вопросы могут касаться мощности боевой части боеприпаса, сбившего вертолет, марки взрывчатого вещества, тип боевой части — фугасная или осколочная, место попадания боеприпаса в летательный аппарат и другие.

В решении факультативных вопросов понадобится, как минимум, три эксперта — взрывотехник, трасолог и химик. В идеале эту задачу может решить один эксперт, но обладающий компетенциями в трех экспертных специальностях. В противном случае, можно получить ситуацию, когда три привле-

ченных эксперта решат каждый свою задачу в соответствии со своей компетенцией, но общего вывода сделано не будет. Интеграция трех выводов по факультативным вопросам не гарантирует формулирования общего вывода. Парадоксально, но именно так говорится в ч. 2 ст. 201 УПК РФ: «Каждый эксперт, участвовавший в производстве комплексной судебной экспертизы, подписывает ту часть заключения, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность» [3]. Про ответ на главный вопрос (общий вывод) комментария нет. Кто его делает — не ясно.

В ст. 23 ФЗ № 73 «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» констатируется: «Общий вывод делают эксперты, компетентные в оценке полученных результатов и формулировании данного вывода» [4]. Опять возникает коллизия, если эксперты (или один эксперт), производящие комплексную экспертизу, компетентны в оценке полученных результатов исследований другими экспертами, то зачем нужны эти другие эксперты? Если это один эксперт и он компетентен в оценке результатов исследования других экспертов, то он мог бы провести эту экспертизу самостоятельно и единолично.

Эффективность комплексной экспертизы, проводимой одним экспертом, обладающим знаниями в разных специальностях, обусловлена еще одним обстоятельством. Дело в том, что интеграция, выраженная в комплексировании знаний нескольких экспертов, не всегда приводит к получению общего вывода [5]. Каждый эксперт компетентен в своей области знаний и не пересекается со знаниями другого эксперта. Получение общего вывода — это сложный логический процесс со своими правилами мыслительных ситуаций. В отдельных ситуациях выполнение комплексной экспертизы одним экспертом позволяет реализовать правила логики во всевозможных ситуациях, касающихся форм мышления, постановки задач исследований, применения соответствующих методов решения этих задач, оценки полученных результатов и формировании вывода.

При проведении комплексной экспертизы одним экспертом детально прослеживается логика проведения анализа и определения последовательности решения задач из разных областей знаний. Каждая самостоятельно решенная задача по своей

сути автономна, но представляет собой звено во взаимоувязанной цепочке логических умозаключений, которые в итоге приведут к решению главного вопроса комплексной экспертизы.

Результаты и заключение. Таким образом, в зоне вооруженного конфликта в чрезвычайных условиях, при дефиците технико-криминалистических средств и времени, выполнение комплексных экспертиз одним экспертом вполне оправдано.

Список источников

1. Маликов С. В. Расследование преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта : моногр. М. : Компания Спутник, 2004.

2. Распоряжение Председателя Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкина от 1 марта 2022 г. // URL://<https://ru.wikipedia.org/wiki>.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 4 августа 2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12 октября 2023 г.) // URL://<https://www.consultant.ru/>

4. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // URL://<https://www.consultant.ru/>

5. Царенко А. А. Отличительные признаки комплексной экспертизы и комплексного исследования в уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. 2021. № 52 (394). С. 171–173 // URL://<https://moluch.ru/archive/394/87319/>

References

1. Malikov S. V. Investigation of crimes committed by military personnel in areas of armed conflict : monogr. M. : Sputnik Company, 2004.

2. Order of the Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation A. I. Bastrykin dated March 1, 2022 // URL://<https://ru.wikipedia.org/wiki>.

3. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on August 4, 2023) (with amendments and additions, intro. effective from October 12, 2023) // URL://<https://www.consultant.ru/>

4. Federal Law No. 73-FZ of May 31, 2001 (as amended on July 1, 2021) «On State Forensic Expertise in the Russian Federation» // URL://<https://www.consultant.ru/>

5. Tsarenko A. A. Distinctive features of a comprehensive examination and a comprehensive study in criminal proceedings // Young scientist. 2021. No. 52 (394). P. 171–173 // URL://<https://moluch.ru/archive/394/87319/>

Информация об авторе

С. М. Колотушкин — профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия (РГУП), доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

S. M. Kolotushkin — Professor of the Department of Forensic Examinations and Criminalistics of the Russian State University of Justice (RSUP), Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 01.02.2024; одобрена после рецензирования 20.03.2024; принята к публикации 05.04.2024.

The article was submitted 01.02.2024; approved after reviewing 20.03.2024; accepted for publication 05.04.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-72-76>

EDN: <https://elibrary.ru/hmgmxk>

ИПОН: 2003-0059-2/24-999

MOSURED: 77/27-003-2024-02-198

Особенности обеспечения безопасности информационной инфраструктуры Российской Федерации в условиях нестабильных международных отношений

Борис Николаевич Комахин

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, komakhin@yandex.ru

Аннотация. Исследуется комплекс мер обеспечения безопасности информационной инфраструктуры Российской Федерации в условиях активных угроз со стороны недружественных стран. Анализируются различные сферы утечки информации. Рассмотрены современные возможности защиты информации и информационных систем. Раскрываются особенности правового регулирования при использовании искусственного интеллекта в различных сферах. Сформированы положения обеспечения безопасности информационной инфраструктуры.

Ключевые слова: активные угрозы, информационная безопасность, компьютерные технологии, информационная война, санкции, искусственный интеллект, инновационное развитие

Для цитирования: Комахин Б. Н. Особенности обеспечения безопасности информационной инфраструктуры Российской Федерации в условиях нестабильных международных отношений // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 72–76. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-72-76>. EDN: HMGMXK.

Original article

Features of ensuring the security of the information infrastructure of the Russian Federation in conditions of unstable international relations

Boris N. Komakhin

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, komakhin@yandex.ru

Abstract. The complex of measures to ensure the security of the information infrastructure of the Russian Federation in the conditions of active threats from unfriendly countries is studied. Various areas of information leakage are analyzed. Modern possibilities of protection of information and information systems are considered. The peculiarities of legal regulation in the use of artificial intelligence in various spheres are revealed. Provisions for ensuring the security of information infrastructure are formed.

Keywords: active threats, information security, computer technology, information warfare, sanctions, artificial intelligence, innovative development

For citation: Komakhin B. N. Features of ensuring the security of the information infrastructure of the Russian Federation in conditions of unstable international relations. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):72–76. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-72-76>. EDN: HMGMXK.

Сложившаяся в современном мире ситуация, когда коллективный запад во главе с Соединенными Штатами Америки создает активную угрозу террористического характера, угрожающую безопасности людей и государств в различных уголках земного шара, все в большей мере проявляется необходимость защищать не только территориальные границы России, но и информационные ресурсы, а также системы, предназначенные для обеспечения информационной безопасности.

В это же время, обостряющиеся конфликты, столкновение территориальных, политических и экономических интересов стран никак не способствует тому, чтобы государства эффективно и на взаимной основе осуществляли сотрудничество друг с другом в передовых развивающихся направлениях, обменивались необходимой информацией, различными достижениями, новейшими открытиями и показателями.

С внедрением компьютерных технологий во все сферы деятельности государственных органов, служб

© Комахин Б. Н., 2024

(в том числе и правоохранительных), в различные отрасли промышленности, бизнеса, науки и техники, с большим вниманием требует отнестись к Указу Президента РФ от 1 мая 2022 г. № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации».

Следует учитывать, что ежегодно увеличивается утечка всевозможных данных из различных компьютерных информационных систем, финансовых и медицинских организаций, сфер энергетики и науки, сервисов онлайн-продаж, поставщиков логистических услуг, служб доставки еды, промышленных товаров и продажи билетов, утечка информации происходит даже из правоохранительных и государственных органов и силовых структур. И такая тенденция продолжает увеличиваться, так как это становится дополнительным заработком для хакеров и инсайдеров.

Кроме того, все увеличивающаяся санкционная политика западного мира приводит нашу страну к изоляции от новых современных зарубежных технологий в области импортных средств защиты информации, запрет на приобретение и использование иностранных программно-аппаратных комплексов, а также недостаточное количество высококвалифицированных кадров в данной сфере не позволяет своевременно, быстро и в полной мере устранять все угрозы информационной безопасности.

Информация занимает все более важное место в обществе, так как не только появляются новые средства ее сбора, хранения, обработки и распространения, но информация все более активно используется гражданами и организациями. Кроме того, меняется и отношение общества к самой информации. Сегодня информация во многом определяет направления развития всего общества и государства. В связи с этим актуальными являются вопросы обеспечения информационной безопасности.

Неслучайно в настоящее время активно используется термин «информационная война». Стоит отметить, что данное понятие уже достаточно прочно вошло в оборот не только в России и недружественных нам стран, но и в иных государствах. Информационные войны разрушают принятые в международных союзах и организациях нормы и принципы, и в определенной степени диктуют собственные правила игры и развитие международных отношений. Поэтому проблема защиты информации и информа-

ционных систем приобретает все большую актуальность и необходимость комплексного исследования административно-правового регулирования отношений в области обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации на базе современного административного законодательства, с учетом требований новых современных технических средств, организационных и юридических мероприятий, которые могут обеспечить информационную безопасность в современных непростых условиях.

Вопросы обеспечения информационной безопасности в нашей стране регулируют многие нормативные акты, среди которых Конституция Российской Федерации, акты информационного права, административного и уголовного права и пр. В настоящее время соответствующие нормы содержатся в большинстве действующих нормативных актов. Формирование соответствующего законодательства в рассматриваемой сфере является одной из приоритетных задач государства, так как новые угрозы информационной безопасности требуют принятия соответствующих мер. Современные информационные технологии должны внедряться совместно с мерами по обеспечению информационной безопасности, так как только так можно выявить информационные угрозы.

В связи с тем, что в настоящее время информационная среда быстро развивается, государственные органы должны иметь возможность вовремя реагировать на угрозы и принимать необходимые меры для их предотвращения.

Российский законодатель за нарушения требований по обеспечению защиты информации предусмотрел административную и уголовную ответственность для всех субъектов соответствующих правоотношений, т. е. к ответственности могут быть привлечены не только граждане и организации, но и государственные и муниципальные органы власти и подведомственные им учреждения. Дифференциация ответственности осуществляется на основе критерия тяжести причиненного вреда. Также с целью компенсации вреда могут применяться и меры гражданско-правовой ответственности.

Таким образом, если проанализировать нормативные акты, обеспечивающие информационную безопасность, то можно сделать вывод, что на сегодняшний день сформирована достаточно крепкая ос-

нова для последующего обеспечения информационной безопасности России. В результате принятие все новых законов отходит на второй план, а наиболее важной задачей в исследуемой сфере становится увеличение качества существующих законодательных актов.

Следует учитывать, что в настоящее время идет быстрое внедрения компаниями искусственного интеллекта в свою деятельность и, как справедливо отмечает Н. Д. Эриашвили и А. В. Минаков, «искусственный интеллект широко применяют в банковской сфере, на транспорте, в промышленности и в электронной коммерции. Наиболее значимыми технологиями последних лет являются электронная почта, интернет, гаджеты, компьютерное (машинное) зрение, интернет вещей, технологии беспроводной связи, беспилотные автомобили, машинное обучение, виртуальная и дополнительная реальность, облачные вычисления, блокчейн» [1, с. 114], что оказывает весьма сильное влияние на государство и общество, а также на каждого отдельного человека.

Этот процесс уже давно является вполне материальным и обусловленным политическими аспектами и превращается в огромную индустрию с огромным вложением денежных средств. В то же время, значимость обеспечения безопасности информационной инфраструктуры не только большого бизнеса, но и Российской Федерации в целом во всех сферах, где используется искусственный интеллект, все увеличивается. Поэтому требуется адекватное правовое регулирование, с учетом положений закона о защите данных, обучение соответствующих кадров (в том числе научных), разработка антимонопольной политики в данном направлении.

Разработчики систем, обеспечивающих защиту безопасности информационной инфраструктуры, все больше обращают внимание на то, что в современных условиях видеоаналитика и видеонаблюдение являются самыми популярными средствами обеспечения безопасности повседневной жизни жителей больших городов, предприятий и учреждений через установку видеокамер. На улицах, на транспорте, в местах скопления людей и на различных охраняемых объектах с использованием Интернета и обработки полученной информации с помощью искусственного интеллекта.

Формирующаяся политика в данном направлении включает в себя не только наблюдение за про-

исходящими событиями на фиксируемой видеокамерами территории, но и обеспечение вычислительных задач по обнаружению интересующих объектов, их сопровождение с захватом изображений высокой четкости, бесконтактная проверка, обнаруживающая высокую температуру тела и обеспечивающая обнаружение заболевших людей, а также видеофиксация и распознавание в режиме реального времени интересующих компетентные органы событий, обработка полученных данных, резервное копирование и осуществление последующих действий в соответствии с поставленными задачами требует высокой надежности, автоматизированной оптической проверки, необходимой конфиденциальности и недопущения утечки информации к субъектам, которые могут ее использовать в своих противоправных намерениях.

В целях обеспечения безопасности информационной инфраструктуры необходимо учитывать, что современные компьютерные устройства подвержены критической уязвимости по целому ряду использованных продуктов; неточности могут возникать из-за некорректной обработки пользовательских данных, которые считываются из памяти устройства; возможно использование хакерами root-права (доступ к файлам, действиям оперативной системы и ее внутренним функциям) на устройство, воспользовавшись доступом к операционной системе; уязвимость позволяет неавторизованному пользователю удаленно выполнять код на скомпрометированных устройствах и т. д.

Следует согласиться с С. И. Макаренко, что «атакующие информационно-технические воздействия ориентированы на непосредственное воздействие на информацию, системы ее сбора, передачи, хранения, обработки и представления, а также на используемые в этих системах информационные технологии, как правило, с целью снижения уровня информационной безопасности или эффективности функционирования» [2, с. 189].

Чтобы защитить информационную инфраструктуру от возможных несанкционированных проникновений со стороны как хакерских атак, так и внешних воздействий, необходимо внедрение интеллектуальной автоматизации, объединяющей разнообразные высокоразвитые технологии и сервисы для выполнения различных производственных задач, направленные на повышение производительности в сложившихся непростых условиях.

При организации данного направления требуется соединение между использованием возможностей искусственного интеллекта (машиной) и человеком, как решающего фактора при принятии окончательного решения, например, человеко-машинный интерфейс (ЧМИ — это методы и средства обеспечения непосредственного взаимодействия между оператором и технической системой, представляющих возможности оператору управлять этой системой и контролировать ее работу [3, с. 64]), поиск неисправностей в системе обеспечения безопасности, мониторинг и автоматизацию собираемой информации, проверку и наблюдение за окружающей средой, интеграцию разработанного производственного плана, управление складскими запасами, базами данных и приложениями для обработки различных сведений.

Для того, чтобы субъекты, обеспечивающие информационную безопасность как в предпринимательстве, так и в различных государственных сферах, могли функционировать и развиваться, требуются эффективные методы конкуренции на рынках, с учетом развития современных информационных технологий. Именно информационные технологии в настоящее время являются наиболее эффективным средством защиты общества и государства, так как они используются во всех отраслях и сферах. Поэтому в мире происходит постоянное изменение существующих социальных и экономических условий, разрабатываются и внедряются в практику важные научные и технические достижения, к которым нам необходимо своевременно получать доступ в полном объеме, чтобы обеспечить своевременную информационную безопасность всем государственным и коммерческим ресурсам. Как отмечает А. А. Фатьянов, «средства получения необходимой информации из различных источников, подключенных к сети Интернет и передающих сигналы в радиоэфир, показывают экспоненциальный рост своего совершенствования. И в этих условиях важным является не только обозначение круга защищаемой информации, но и выстраивание действенных механизмов защиты этих сведений в различных информационных средах» [4, с. 405].

В настоящее время, считаем необходимым обеспечение безопасности информационной инфраструктуры всех сфер деятельности Российской Федерации определить как стратегический ресурс

общества и государства, так как она позволяет осуществлять эффективный процесс развития без постороннего вмешательства недружеских сил. Она выполняет ведущую роль и стала обязательным важным фактором производства. Обеспечив своевременную и в полном объеме безопасность информационной инфраструктуры и ее инновационное развитие, относящуюся к тем средствам, при помощи которых можно существенно снизить затраты на производство необходимой продукции, товаров и услуг. Стоит отметить, что важность обеспечения безопасности информационной инфраструктуры в настоящее время все повышается, что обуславливается происходящими в мире изменениями как в политической и социальной сферах, так и в экономической деятельности. Субъекты экономической деятельности сейчас могут эффективно функционировать и развиваться только при наличии необходимого обеспечения безопасности информационной инфраструктуры.

Подводя итог изложенному, можно сделать выводы, что на сегодняшний день сформирована достаточно крепкая основа для последующего обеспечения информационной безопасности России. Как уже отмечалось выше, в результате принятия все новых законов наиболее важной задачей в исследуемой сфере становится увеличение качества существующих законодательных актов. В связи с тем, что в настоящее время информационная среда быстро развивается, государственные органы должны иметь возможность вовремя реагировать на угрозы и принимать необходимые меры для их предотвращения.

Обеспечение безопасности информационной инфраструктуры представляет собой создание системы активной защиты всех органов власти, физических и юридических лиц использующих информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления, а также компьютерные сети и сети электросвязи.

Важным способом обеспечения безопасности информационной инфраструктуры в настоящее время является разработка новых российских продуктов, создание самостоятельных платформ, посредством которых передается информация, создание собственных средств связи и программного обеспечения, а также подготовка новых специалистов в сфере информационной безопасности, что в резуль-

тате позволит не только защитить данные, но и снизить зависимость нашей страны от зарубежных государств.

Список источников

1. Эриашвили Н. Д., Минаков А. В. Внедрение цифровых технологий в различные сферы национального хозяйства и формирование глобального цифрового пространства // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 4. С. 112–124.

2. Макаренко С. И. Защита компьютерных сетей и телекоммуникаций : учеб. пособие. СПб : Научные технологии, 2024.

3. Курочкин М. А., Ясинская Ю. В., Пантюхин О. И. Человеко-машинный интерфейс и его применение в системах управления // Неделя науки Санкт-Петербургского государственного морского технического университета. 2021. № 1-1.

4. Фатьянов А. А. Служебная тайна как элемент обеспечения национальной безопасности России // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20. № 4. С. 397–405.

References

1. Eriashvili N. D., Minakov A. V. The introduction of digital technologies in various spheres of the national

economy and the formation of a global digital space // Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2022. № 4. P. 112–124.

2. Makarenko S. I. Protection of computer networks and telecommunications : textbook. St. Petersburg : High-tech Technologies, 2024.

3. Kurochkin M. A., Yasinskaya Yu. V., Pantyukhin O. I. Human-machine interface and its application in control systems // Science Week of St. Petersburg State Maritime Technical University. 2021. № 1-1.

4. Fatyanov A. A. Official secrets as an element of ensuring national security of Russia // Siberian Legal Review. 2023. Vol. 20. № 4. P. 397–405.

Библиографический список

1. Ломанов Е. Н., Комахин Б. Н., Поздняков Е. В. и др. Цифровизация управления : антикоррупционный курс административных и финансовых правоотношений: учеб. пособие // под общ. ред. В. А. Прокошина. М. : Юстиция, 2018.

Bibliographic list

1. Lomanov E. N., Komakhin B. N., Pozdnyakov E. V. and others. Digitalization of management : anti-corruption course of administrative and financial legal relations: studies the manual // under the general editorship of V. A. Prokoshin. M. : Justice, 2018.

Информация об авторе

Б. Н. Комахин — профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации.

Information about the author

B. N. Komakhin — Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 31.01.2024; одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 04.04.2024.

The article was submitted 31.01.2024; approved after reviewing 18.03.2024; accepted for publication 04.04.2024.

Научная статья

УДК 343.7

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-77-79>

EDN: <https://elibrary.ru/hncuyg>

ИИОН: 2003-0059-2/24-000

MOSURED: 77/27-003-2024-02-199

Квалификация за особо активную роль в преступлении

Елена Валерьевна Красненкова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, e9199109@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается сложность квалификации при определении особо активной роли в соучастии. Квалифицирующий признак, предусмотренный в статье особенной части, как организованная группа со ссылкой на распределение ролей «организатор», не нуждается в дополнении этого же признака из общей части УК РФ, а именно п. «г» ч. 1 ст. 63 УК РФ «особо активная роль в совершении преступления», так как уже заурядован в понятие «организатор».

Ключевые слова: преступление, ошибка в квалификации, уголовное право, особо активная роль, организатор

Для цитирования: Красненкова Е. В. Квалификация за особо активную роль в преступлении // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 77–79. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-77-79>. EDN: HNCUYG.

Original article

Qualification for a particularly active role in a crime

Elena V. Krasnenkova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, e9199109@yandex.ru

Abstract. The complexity of qualification in determining a particularly active role in complicity is considered. The qualifying feature provided for in the article of the special part, as an organized group with reference to the distribution of the roles of the «organizer», does not need to be supplemented by the same feature from the general part of the Criminal Code of the Russian Federation, namely paragraph «d» of part 1 of Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation «a particularly active role in the commission of a crime», since it is already the concept of «organizer».

Keywords: crime, error in qualification, criminal law, especially active role, organizer

For citation: Krasnenkova E. V. Qualification for a particularly active role in a crime. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):77–79. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-77-79>. EDN: HNCUYG.

Отягчающие обстоятельства изложены в УК РФ и являются исчерпывающими и расширенному толкованию не подлежат, в отличие от смягчающих. Перечень таких обстоятельств закрепили на законодательном уровне, для выявления всех обстоятельств дела (общественная опасность, характеристика, личность обвиняемого, размер вреда и др.) и как следствие правильное назначение наказания судом для отправления правосудия [1, с. 154]. Понятие активной роли в преступлении учитывается п. «г» ч. 1 ст. 63 УК РФ, где четко прописано как отягчающее обстоятельство. Кроме того, в ч. 2 ст. 63 УК РФ сказано, что если отягчающее обстоятельство учитывается в деянии, предусмотренном особенной частью УК РФ, то повторно суд не должен учитывать такой признак.

В судебной практике, отягчающее обстоятельство в виде особо активной роли обвиняемого встречается не часто, как правило, при наличии квали-

фицирующего признака соучастия в организованной группе. Официальная статистика на предмет отягчающих обстоятельств министерствами и ведомствами не ведется. На следственном и судебном производстве стоит необходимость выявления активной роли лиц, участвующих в преступлении, так как они представляют наибольшую опасность в сравнении с другими участниками. Действия виновного отличается от действий других участников количественными и качественными признаками, например, в создании организованной группы, инициативности, подборе и сплочении участников группы разными способами (от уговоров до насилия), распределении ролей, планировании и другое, т. е. лидер во всех направлениях. В связи с чем важно определить роль каждого участника в группе, могло ли конкретное преступление совершиться без участия (его вклада) указанного лица.

© Красненкова Е. В., 2024

При вынесении решения судом, любоеотягчающее обстоятельство должно мотивировано отражаться в приговоре. При ссылке на особо активную роль виновного, судом указывается конкретика, какие именно действия выражали особо активную роль виновного, что способствовало активности.

При расследовании преступления особо активная роль виновного может быть квалифицирована на любой стадии процесса как обстоятельство, отягчающее наказание, при условии отражения действий лица в объективной стороне преступления и изложения в мотивированном приговоре.

Виновные привлекают к участию в группу лиц, страдающих психическими заболеваниями, которые не могут привлекаться к уголовной ответственности; или лиц, не достигших возраста 14 или 16 лет для привлечения к ответственности (п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ), а также лиц в состоянии опьянения (наркотического, токсического, алкогольного); также виновные квалифицируются как участники с особо активной ролью в совершении общественно-опасного деяния. Несовершеннолетние лица или страдающие психическими расстройствами не могут, в силу своего интеллекта, реально оценивать и осознавать действительность. Привлекающий к участию таких лиц, также осознает и желает их участия в преступлении, тем самым и проявляется активная роль виновного.

В случае совершения совокупности преступлений (идеальной), особо активная роль субъекта преступления может быть учтена только единожды. Участие лица как организатора, где предусмотрена активная роль и инкриминировать вторично как отягчающее обстоятельство недопустимо на основании действующего Уголовного кодекса РФ, согласно ч. 2 ст. 6 УК РФ «никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление».

Так, по приговору Московского областного суда от 23 марта 2022 г., апелляционного определения судебной коллегии по уголовным делам Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 19 июля 2022 г., Е. А. был инкриминирован дважды квалифицирующий признак за одно и то же деяние. Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации [2] приговор в отношении Е. А. был изменен, а именно, исключено отягчающее наказание — особо активная роль в совершении преступления и оставлен без изменений квалифицирующий признак

организованная группа, где виновный Е. А. выполнял роль организатора.

По делу, в инкриминируемых статьях Е. А., не указана квалифицирующим признаком «активная роль», но содеянное квалифицировалось в составе организованной группы, где Е. А., как было установлено судом, являлся организатором. Активная роль является одним из признаков организатора и составляет объективную сторону преступления.

На основании п. 4 ст. 307 УПК РФ описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать мотивы решения всех вопросов, относящихся к назначению уголовного наказания, в том числе обоснование вывода о признании в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, особо активной роли осужденного в совершении преступления.

В указанном примере судебной практики, обстоятельством, отягчающим наказание осужденного, судом признана его особо активная роль по двум статьям: ч. 3 ст. 228 УК РФ и ч. 5 ст. 228.1 УК РФ. В исполнении УПК РФ были приведены мотивы, подтверждающих вывод о его особо активной роли в совершении преступлений, что не исключает его соисполнительства.

Коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ пояснила, что при квалификации содеянного, квалифицирующий признак учитывается только один раз. Квалифицирующий признак, предусмотренный в статье особенной части как организованная группа со ссылкой на распределение ролей, «организатор» не нуждается в дополнении этого же признака из общей части УК РФ, а именно п. «г» ч. 1 ст. 63 УК РФ «особо активная роль в совершении преступления», так как уже зауртован в понятие «организатор».

Во избежание судебных ошибок, суды апеллируют при вынесении решения постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», где степень опасности преступления «...устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии ... особо активная роль в совершении преступления...» [3].

В случае исключения «активной роли» любого участника преступления наступает неотвратимость

изменения наказания, что и было сделано по вышеуказанному решению со стороны Верховного Суда РФ в кассационном определении.

Подводя итог вышесказанному, понятие организатора включает в себя признак особо активной роли, является участником организованной группы, и дополнительной квалификации в видеотягчающего обстоятельства по п. «г» ч. 1 ст. 63 УК РФ не требуется.

Список источников

1. Кузнецов А. П. Обстоятельства, отягчающие наказание // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2019. № 2 (46). С. 153–161.
2. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12 января 2023 г. № 4-УДП22-70-А1 // СПС «КонсультантПлюс».

Информация об авторе

Е. В. Красненкова — доцент Департамента международного и частного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E. V. Krasnenkova — Associate Professor of the Department of International and Private Law of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.09.2023; одобрена после рецензирования 16.11.2023; принята к публикации 10.01.2024.

The article was submitted 20.09.2023; approved after reviewing 16.11.2023; accepted for publication 10.01.2024.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

2-е изд., перераб. и доп.
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Под ред. О. В. Химичевой, О. В. Мичуриной

Курс лекций подготовлен в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования для обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», квалификации «магистр». Цель пособия — выделить наиболее актуальные в теоретическом и практическом плане проблемы, требующие более глубокого изучения в отдельном учебном курсе.

Для слушателей (студентов), адъюнктов (аспирантов) и преподавателей образовательных организаций, осуществляющих обучение по направлениям подготовки (специальностям), входящим в укрупненную группу направлений подготовки (специальностей) «Юриспруденция», а также для всех интересующихся проблемами уголовного судопроизводства.

Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя

Актуальные проблемы уголовно-процессуального права

Второе издание

MOSURED: 77/27-003-2024-02-200

ных традиций и ценностей, пренебрежение интересами масс¹. Как результат: государственный аппарат и гражданское общество превратились в непримиримых антагонистов, а большинство стран западноевропейской культуры столкнулось с открытым недовольством граждан.

В научном мире эта проблема названа *противостоянием государства и общества*, на фоне которого давнее утверждение о политическом представительстве как источнике воли народа утратило теоретическое значение. В общественном сознании понимание государства сузилось до партийно-организованного публичного аппарата, превратившего народ в подвластную голосующую *совокупность* граждан. Единства целей развития и существования *государственности* (отношений между политическим представительством и государственно организованным базисом) не просматривается ни в теории, ни в практике. У каждого элемента государства своя политическая цель. Надстройка занята укреплением и расширением собственной власти, базис пытается утвердить близкие ему ценности и традиции, возмущаясь против чуждых нововведений «сверху».

Однако, как показала история, политический диссонанс не вечен. С изменением структуры общества, системы социальных ценностей и массовых представлений о наиболее справедливых отношениях базиса и надстройки, эволюция государственности неизбежно приведет народы к появлению нового социально-политического строя. Не было случая, чтобы в условиях кризиса надстройка сохранила неизменность своего положения, а базис не добился исторической справедливости. Ему лишь важно понять, в чем состоит эта справедливость в конкретных исторических условиях.

В случае с современной Россией всемирный политический кризис проявился особенно остро, превратившись в *кризис цивилизационный*, который поставил под вопрос само существование нашего государства. С развалом СССР и безапелляционным отказом от социализма руководством России допущена стратегическая ошибка. Отбросив прежние ценности, оно взяло курс на построение либеральной государственности и социума западного типа. В противовес решениям надстройки постсоветское общество, сохранив в недрах массового сознания традиции национального и социального единства, приверженность всеобщим человеческим благам, ценностям и справедливости, Конституцию России образца 1993 г.

так и не приняло. Конституционная модель *либерального государственного капитализма*, искусно спрятанная под запретом официальной идеологии, оказалась чуждой большинству соотечественников. Лишь надстройка российского государства, его партийная система и прослойка сверхобеспеченных граждан с зарубежными активами приняли новые правила. Напротив, советские поколения и российская молодежь не связывают с либеральным капитализмом своего будущего. Большинству людей понятно, что у либерального сообщества нет общей цели бытия, ему чуждо политическое равенство, а вольной и сытой жизни не предвидится. В действительности существование масс свелось к легитимации власти представительной надстройки и обслуживанию интересов предпринимательской касты. Из *общества созидания*, российский народ на западный манер превращен в *общество потребления*.

Неужто потребление стало нашей национальной идеей? Мы больше не строим светлого будущего, не подаем высоконравственных примеров другим народам, мы смиренно стоим в очереди за мифическим счастьем капитализма с «человеческим лицом», надеясь, что «социальное государство» (аппарат представительной власти) вспомнит о потребностях своего народа.

Не вспомнит. В условиях всемирного политико-экономического кризиса и борьбы за жизненные ресурсы Россия выброшена из европейского сообщества потребителей. Разбиты скрижали свободного рынка и прав человека, в клочья порваны культурные связи. Для «цивилизованного мира» российская демократия в одночасье превратилась в туземный автократический острог. С ним нельзя иметь дела добропорядочным народам, он должен быть уничтожен, а недра и территория России разделены.

Ничего удивительного. В этом суть либерального государственного капитализма, той реальности, с которой столкнулась Россия. Безудержная военно-экономическая экспансия, покорение иных культур и народов Западом миром есть его трансцендентная сущность. «Живи и обогащайся за счет других» — таков его истинный лозунг, завернутый в красивые

¹ Авторы придерживаются *социоцентричного* понимания государства, в котором оно выступает высшей формой политической организации общества, объединяющей *представительную надстройку* (систему публичных органов и должностных лиц) и базис (сообщество граждан).

обертки верховенства прав человека, рыночной экономики и партийного представительства. Мы так давно и наивно к ним стремились, что отказались признать очевидное — разрушительный смысл западных установок, с помощью которых европейцы распространяют свое политическое, экономическое и мировоззренческое господство на всех континентах.

Так устроено современное западное общество, принцип его существования — *социальное неравенство как норма бытия людей*. Он просматривается во всем: в преобладании интересов индивида над обществом, в засилье капитала, в исключительно партийной организации публичного аппарата государства, в диктате ценностей надстройкой. В западном обществе надстройка силой власти и закона навязывает народу правила жизни, паразитирует на нем политически, экономически и морально. По тому же лекалу западные народы выстраивают общение с остальным миром. Незатейливая «пищевая цепь», в которой страны, признавшие идеалы либеральной демократии, добровольно отдаются на историческое заклание, неизбежно теряя свою государственность. Нет ни одного примера либерального процветания неевропейских народов, да и сами западноевропейские нации в сложные моменты склонны к политико-экономическому каннибализму. Цивилизационная близость для них не важна. Главное сохранить экономический рост и международную доминанту во всем. Потому либеральный государственный капитализм подобен уличному хулигану, живущему грубой силой, культом денег и циничным обманом. Мозг этого монстра составляют элиты и политическое представительство западных стран, европейские народы суть его тело. С забвением Древнего мира идеи *всемирного господства* принадлежали исключительно западному обществу, будь то ультрамонтанство, социализм или либеральный капитализм [1, с. 47]. Они вылились в крестовые походы, империализм, колониализм и мировые войны. Все народы Земли обязаны мыслить, жить и строить свои государства по западным правилам или ... исчезнуть. Западная цивилизация превратилась в разрушителя традиционных устоев, государств и социальных институтов большинства народов мира. Это непреложный факт.

Наивно думать, что в играх с либеральной демократией России отводилась ведущая роль. Равноправным партнером ее никогда не воспринимали, постоянно получали, критиковали, присылали методички. Фаза «мягкого влияния» завершилась. От российской надстройки

потребовали безоговорочного признания западноевропейского вассалитета, полной политической, экономической и идеологической покорности, готовности принести себя и свой народ в жертву интересам зарубежных элит. Так бы и случилось, если бы многонациональный российский народ не выступил против распушенности социальных меньшинств, дехристианизации, ювенальной юстиции, уничтожения институтов брака и семьи, крайнего политического и экономического неравенства, партийного парламентаризма, идеологического плюрализма и многое другое. Для него собственные традиции, ценности и представления о социальной справедливости оказались важнее западного культа. Российскому народу чужд принцип социальной иерархии, он давно и во всем придерживается совершенно иного правила — принципа *социального равенства*, осуждая всякое возвышение человека над человеком. У нас не принято раболепствовать богатому и завидовать обличенному властью. Куртуазность внутренних отношений — удел представителей надстройки. Между рядовыми гражданами, национальностями и социальными группами отношения в быту строятся линейно, с уважением и учетом взаимных интересов.

Таким образом, в условиях всемирного кризиса жизненные принципы народов Западного мира и России разошлись окончательно. Наше общество оказалось на идеологическом распутье, имея перед собой лишь две дороги. Первая, — отбросить традиционные ценности, признать основой жизни либеральный капитализм и утратить свою национальную идентичность. Вторая дорога ведет нас к цивилизационному обособлению, обновлению государственной надстройки, к социально-политическому строю, обеспечивающему выживание России в агрессивной международной среде. При всей очевидности выбор пути не представляется легким делом. Причины затруднений кроются в следующем.

Во-первых, существующей в России политической надстройке трудно отказаться от *института полновластия*, ее главного завоевания и источника публичных привилегий. Парламентаризм не допускает таких отступлений априори. Для него власть государственного аппарата *неделима* и *вездесуща*, а единственной формой объективации воли народа выступает воля его представителей. Прекратить политическую опеку и признать за базисом право решения всеобщих вопросов, значит лишиться полновластия. В обычных условиях на это надстройка никогда не

пойдет. Другое дело, когда ее вынуждают объективные обстоятельства.

Специфика современной ситуации в том, что Западный мир, насаждая идеалы либеральной демократии, объявил нерукопожатным политическое представительство России. Давно отшатнувшись от своих граждан, оно лишилось «народной почвы», одновременно оказавшись чужим среди европейских «партнеров». Давить на российское общество стало небезопасно, спасая себя, наш народ вступил в открытый конфликт с либеральным миром. Война идет не за сохранение политических партий у руля государства и личную неприкосновенность национальных деятелей и чиновников, не за экономическое господство в мире, прибыли предпринимателей и доходные активы. Российский народ спасает свои ценности и традиции, свое единство, свою цивилизацию, а значит, отстаивает свое будущее. Для него и прежде нелюбимый либеральный капитализм превратился в совершенно ненавистную западную идеологию, с которой он сражается с оружием в руках.

Казалось бы, история расставила верные акценты, российское общество пытается вернуться к своим основам, избавиться от атавизмов либерального государственного капитализма, но его усилия разбиваются о Конституцию. Западная модель представительной (либеральной) демократии продолжает официально действовать, а надстройка по-прежнему охраняет ее силой власти и закона. Конституционная реформа 2020 г. не исправила ситуацию. Коррекция представительных институтов не компенсировала главный недостаток Основного закона России. В нем **нет форм и надежных механизмов непосредственного народовластия**. Референдум так и остался под юридической опекой представительной власти. Российский многонациональный народ как суверенный коллективный правосубъект (источник власти) существует декларативно. **Все** вопросы публичного управления распределены исключительно между законодательными, исполнительными и правоохранительными органами, т. е. внутри политического представительства.

В итоге, в столь трудное время в нашем обществе возник ценностный диссонанс. Народ пытается отстоять свое государство, надстройка и предприниматели остались верны либеральному капитализму. На одной чаше весов лежит будущее наших детей, традиций и ценностей, на другой — неограниченная власть политического представительства и прибыли бизнеса. Все

должны понять: прошлого не вернуть, за границей российских чиновников и капиталы ждут лишь предвзятые международные суды и конфискация. Надстройка должна встать на сторону своего народа, либо ее уничтожат западные конкуренты. Наш народ доказал свой патриотизм на деле. Очередь за надстройкой.

Суть новых отношений народа и политической надстройки России касается становления нового социально-политического строя, новой демократии, основанной на национальной идентичности. Эта *цивилизационная демократия* станет той прочной основой, благодаря которой сохранится российское государство, олицетворенное не в государственном аппарате, но во всем многонациональном народе России. *Российское государство — это его политически единый, публично и властно организованный многонациональный народ, живущий многовековыми традициями и ценностями, историческим пониманием свободы, социальной справедливости и равенства*. В этом Л. С. Мамут был прав абсолютно [2]. Государство не ограничивается политической надстройкой, оно представляет собой высшую форму политической организации общества, из которой исключение его базиса (народа) невозможно ни теоретически, ни практически. Уничтожить российский народ можно лишь одним путем — лишить его *идеологического единства*. Мы выдержим войны, эпидемии и экономические лишения, но не бесконтрольное развитие в нашей стране институтов западного либерализма. Абсолютно свободная личность, вознесенная над обществом, а в этом суть либерального вируса, лишит наш народ идеологической скрепы, превратит его в *совокупность голосующих потребителей*. При таком раскладе России не станет.

Итак, особенность текущего исторического момента заключается в обострении цивилизационного противостояния России и Запада. Такие разлады **всегда** заканчивались кровавыми войнами. Для нас они означали стремление к физическому выживанию, западноевропейскими народами воспринимались очередной попыткой расширить жизненное пространство за сходную цену. Несопоставимые ставки жизни и обогащения.

В этой связи единственным путем сохранения России, ее государственности, является ликвидация либеральной и построение цивилизационной демократии, суть которой заключена в *принципах и формах* современного народовластия. Среди них особо выделяются:

1) *национальная идентичность* цивилизационной демократии, ее обязательная привязка к системе цен-

ностей конкретного государственно организованного народа (нации), его традициям и мировоззренческим установкам о свободе, равенстве и справедливости. Универсальной демократии не существует также как и похожих во всем народов. Соответственно, цивилизационная и либеральная демократии не отождествимы по сфере действия;

2) принцип *равноправия* (взаимного уважения и невмешательства в дела других народов) — краеугольный постулат цивилизационной демократии. Идеологии всемирного масштаба недопустимы, как и политическое менторство надстроек зарубежных государств. *Право народа* на политическую самостоятельность в построении собственной государственности нерушимо;

3) принцип *признания* форм самоопределения (социальной структуры) и способов самоорганизации (управления и самоуправления) других народов. Выбор социального (государственного) строя — *национальная прерогатива*;

4) принцип *прямой политической коммуникации* граждан как закономерный этап развития личных прав. Свобода и равенство во всеобщем масштабе [3] образуют непререкаемый идеал справедливого человеческого общежития. В условиях беспрецедентной свободы информации обсуждение планов развития государственности, текущих управленческих решений и гражданских инициатив преодолело партийные кулуары, обрело массовый характер;

5) *воля большинства граждан* в решении вопросов, касающихся интересов всего народа, является *единственным источником легитимации* законов государства и действий его надстройки (принцип права большинства). Национальные формы прямой демократии конституционно ограничивают полновластие политического представительства;

6) *права и свободы человека* определяются с учетом национальной идентичности народа (традиций, духовных и светских ценностей, культуры) и сложившихся представлений масс о свободе, равенстве и справедливости. Противопоставление прав индивида и большинства граждан не допускается. Общественное мнение (отношение большинства граждан), выраженное в предусмотренных законом формах, — единственный источник провозглашения, публичных гарантий и ограничения правового статуса личности;

7) роль социальных, политических и экономических институтов в жизни государственно организованного народа определяется конституционно. При

этом система государственной организации не должна порождать иерархии в отношениях граждан, надстройки и базиса (принцип *недопустимости социальной иерархии*);

8) основной формой современного народовластия становится *всеобщее гражданское соуправление*, связанное с ограничением полновластного представительства *декретивным правом* народа и обязательной публичной *легитимацией* гражданами управленческих решений, затрагивающие интересы большинства. Данный способ общественной самоорганизации не означает возврата к античной демократии, но в полной мере соответствует запросам масс на *непосредственное участие в управлении государством*. Представительная надстройка, включая публичный аппарат, сохранится как неотъемлемый элемент государства, однако канвой ее деятельности становятся национальные интересы базиса.

Нетрудно заметить, что цивилизационная и либеральная демократия представляются полными антиподами. Национальная идентичность противопоставляется наднациональной универсальности, равноправие — диктату, признание права на существование — стремлению уничтожить, воля большинства — желаниям представительного меньшинства, личные интересы всех — безграничному политическому эгоизму. В конечном итоге, все выливается в мировоззренческую борьбу за право на обустройство человеческого мира. Он должен придерживаться правил равного сосуществования людей или паразитического выживания одних за счет других. На кону стоит выживание *национального государства* как формы политической организации традиционного общества. С либерализмом оно исчезнет. С большинством народов западной культуры это уже случилось, их государственная самостоятельность утрачена полностью. Существовать вне наднациональных объединений они не способны. Любая внутренняя или внешняя проблема вызывает у них потребность в сторонней силе, ради которой они жертвуют остатками национальных интересов. Либеральное общежитие европейских народов лишило их силы и самобытной почвы.

Для России национальное государство осталось высшей цивилизационной ценностью. Как показала история, наш народ успешно создал чуждое либеральному капитализму *совместное многонациональное государство-общежитие*. Его *политическое единство* обеспечивается не вассальным соподчинением, не силой и богатством сюзерена, но мирным сосуществова-

нием людей, стремящихся сохранить сообща свои традиции, ценности и уклады. Российский многонациональный народ — единственный гарант своего будущего, а каждый его представитель есть первичный базовый элемент в системе российского народовластия. Воля каждого гражданина России способна материализоваться исключительно в воле большинства, поэтому *либеральный парламентаризм* явился для нас неудачным приобретением на Западе. Для российского народа он оказался политической сетью, путаясь в которой, мы рискуем растерять силы и утратить волю к жизни. На это, собственно, и рассчитывает наш цивилизационный противник, активно воздействуя на отечественную надстройку, в надежде через нее изменить сознание российского народа.

Всемирный социально-политический и цивилизационный кризис для России закончится лишь при том условии, что в ближайшее время ей удастся разработать собственную модель цивилизационной демократии, определиться с новым государственным строем, поддержанным ее народом. Большинство граждан должно утвердить курс государственного развития, закрепив его в Конституции. На смену либеральному государственному капитализму должен прийти *либертарный государственный социализм*, основанный на историческом праве российского народа самостоятельно определять способ организации своего общества, на его представлениях о свободе, равенстве и справедливости, на воле большинства граждан нашей

страны. *Социализм* из политэкономической категории давно превратился в реальное *политическое единство российского народа*, целью которого является сохранение его многонациональных традиций, всеобщих ценностей и приоритетов развития. В этой связи главной идеей современного социализма в России становится демонтаж представительной демократии западного образца и построение *народно-демократической республики* на основе всеобщего гражданского соуправления. Это единственный способ сохранить нашу государственность, восстановить и укрепить отношения базиса и надстройки, усилить международный авторитет России.

Список источников

1. Шпенглер О. Пруссачество и социализм. М., 2002.
2. Мамут Л. С. Государство как публичновластным образом организованный народ // Журнал российского права. 2000. № 3. С. 88–100.
3. Нерсесянц В. С. Философия права : либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–15.

References

1. Spengler O. Prussianism and Socialism. M., 2002.
2. Mamut L. S. The state as a publicly organized people // Journal of Russian Law. 2000. № 3. P. 88–100.
3. Nersesyants V. S. Philosophy of law : libertarian legal concept // Questions of philosophy. 2002. № 3. P. 3–15.

Информация об авторах

И. Н. Куксин — профессор департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный адвокат России;

Н. В. Селихов — преподаватель Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the authors

I. N. Kuksin — Professor of the Department of Law at the Institute of Economics, Management and Law of the Moscow City Pedagogical University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Lawyer of Russia;

N. V. Selikhov — Lecturer of the Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.01.2024; одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 04.04.2024.
The article was submitted 31.01.2024; approved after reviewing 18.03.2024; accepted for publication 04.04.2024.

Научная статья

УДК 347.6

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-86-92>

EDN: <https://elibrary.ru/gfalhw>

NIJON: 2003-0059-2/24-002

MOSURED: 77/27-003-2024-02-201

Частноправовое регулирование и природа инструментов наследственного планирования (завещания): традиции и инновации

Рашад Афатович Курбанов^{1,2}

¹ Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Москва, Россия

² Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия, mos-ssp@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы правового регулирования наследования по закону, когда может возникать ситуация, в которой наследодатель не выразил явно свою волю относительно перехода его корпоративных прав по наследству. Раскрывается правовая природа инструментов и юридических конструкций, которыми может воспользоваться наследодатель, если он заранее «прогнозирует сценарий» передачи своих активов при уходе из жизни и желает позаботиться о том, чтобы его бизнес продолжил функционировать, а интересы наследников, партнеров по бизнесу, сотрудников корпорации и иных контрагентов были надлежащим образом соблюдены. Определены основные тенденции частноправового регулирования правовых конструкций наследственного планирования, преимущественно на основе предусмотренных законом форм завещательных распоряжений. Сформулированы выводы, основанные на традиционном подходе и инновационном регулировании наследственных отношений.

Ключевые слова: наследственные отношения, завещание, наследственное планирование, исполнение завещания, наследственный фонд, наследники, свобода завещания

Для цитирования: Курбанов Р. А. Частноправовое регулирование и природа инструментов наследственного планирования (завещания): традиции и инновации // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 86–92. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-86-92>. EDN: GFALHW.

Original article

Private law regulation and the nature of inheritance planning instruments (wills): traditions and innovations

Rashad A. Kurbanov^{1,2}

¹ Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

² Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, mos-ssp@mail.ru

Abstract. Considering the issues of legal regulation of inheritance by law, there may be situations in which the testator has not explicitly expressed his will regarding the transfer of his corporate rights by inheritance. The legal nature of the instruments and legal structures that the testator can use is revealed if he «predicts the scenario» of the transfer of his assets in advance when passing away and wants to ensure that his business continues to function, and the interests of heirs, business partners, employees of the corporation and other counterparties are properly respected. The main trends of private law regulation of the legal structures of inheritance planning, mainly on the basis of the forms of testamentary orders provided for by law, are determined. The conclusions based on the traditional approach and innovative regulation of hereditary relations are formulated.

Keywords: inheritance relations, will, inheritance planning, execution of a will, inheritance fund, heirs, freedom of will

For citation: Kurbanov R. A. Private law regulation and the nature of inheritance planning instruments (wills): traditions and innovations. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):86–92. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-86-92>. EDN: GFALHW.

«Наследственные отношения принято определять как совокупность взаимосвязанных отношений, направленных на переход имущества, составляющего наследственную массу, от умершего человека — наследодателя — к его наследникам» [7]. Как известно, наряду с наследованием по закону, существует иная форма реализации наследственных правоотношений, а именно, наследование по завещанию — как правовая форма наследственного правопреемства. Особенности данной конструкции наследования отображены

в гл. 62 ГК РФ. Конечно, завещание является распоряжением на случай смерти наиболее традиционным и общим для всех правовых систем современности, в том числе и для Российской Федерации.

«Развитие правового регулирования цифровых прав в направлении регламентации финансово-инвестиционных вопросов оставляет открытыми вопросы гражданско-правового характера, в том числе наследования; т. е. в контексте наследственного права имеет существенное значение вопрос раскрытия перед

© Курбанов Р. А., 2024

наследниками логинов и паролей от учетных записей наследодателя на платформах, где может иметься цифровое имущество» [6, с. 11].

Завещанием наследодатель лично определяет кому и какое имущество он желает оставить после своей смерти, также с помощью завещательного волеизъявления наследодатель может выразить негативную волю, а именно лишить наследства любого наследника, которому по закону причитается доля в наследстве. Также данное лишение может содержать абстрактный принцип определения круга лиц, лишенных наследства, например, в нем может быть указано, что лишаются наследства все родственники по линии отца или других членов семьи. Конечно, воля завещателя может меняться в течение его жизни, по причине чего законодатель допускает возможность в любой момент отменить завещание или внести в него любые изменения, составить новое завещательное распоряжение.

Полагаем, что основное преимущество именно завещания заключается в том, что наследодатель — участник корпоративных правоотношений при жизни определяет круг наследников, избегая, таким образом, дробления доли и потери бизнеса. Однако стоит учитывать условие, отображенное в ст. 1149 ГК РФ, по которому, вне зависимости от содержания завещания, отдельные категории граждан могут стать наследниками. Это положение об обязательной доле в наследстве. Принципиально законодатель ставит на первое место именно волю завещателя, устанавливая возможность свободного распоряжения своим наследственным имуществом с помощью завещания. Однако, есть категория лиц, которые по ряду формальных признаков не могут материально обеспечить себя самостоятельно и их жизнь, с точки зрения реализации имущественных прав, во многом зависит от наследодателя. В случае его ухода (смерти) и при отсутствии упоминания этих лиц в завещании, они рискуют остаться без средств к существованию. Предвидя подобную ситуацию, законодатель вполне оправданно установил следующую категорию граждан, наделив их правом претендовать на обязательную долю в наследственном имуществе независимо от содержания завещания. Данная категория состоит из несовершеннолетних детей наследодателя (в том числе и nasciturus — лица, зачатого наследодателем при жизни), нетрудоспособных наследников первой очереди (детей, супруга, родителей) и иных лиц, находившихся в качестве иждивенцев умершего на день его смерти. «Несмотря на вещную природу наследственного

права, главной его целью является защита интересов семьи, что подтверждается в общем правиле наследования» [8, с. 32].

Все эти категории лиц наследуют обязательную долю, составляющую не менее половины доли наследства, которая причиталась бы каждому из них, если бы завещания не было и происходило наследование по закону, в результате чего наследодатель не может полностью исключить вероятности дробления принадлежащей ему доли на случай его смерти даже с помощью инструментов наследственного планирования.

На основе анализа норм гражданского законодательства РФ завещание можно определить, с одной стороны, как личное распоряжение дееспособного гражданина по поводу его имущественных прав и обязанностей на случай его смерти, а с другой, — как одностороннюю сделку, создающую права и обязанности после открытия наследства (за исключением совместного завещания супругов).

Завещание квалифицируется как с точки зрения закона, так и цивилистической доктрины в качестве односторонней сделки, к которой применяются, в том числе, правила о недействительности сделок. В соответствии с ГК РФ завещание можно признать недействительным по двум основаниям — ничтожность и оспоримость. Также вышеуказанная статья содержит в себе положения о последствиях недействительности части сделки.

Ничтожность завещания означает его недействительность и возникает при несоблюдении следующих требований закона:

- 1) завещание и его удостоверение должны быть в письменной форме;
- 2) лицо при совершении завещания должно быть дееспособным в полном объеме;
- 3) совершение завещания осуществляется лицом его совершающим лично, исключением является совместное завещание супругов;
- 4) необходимо обязательное присутствие свидетелей (при передаче закрытого завещания).

Завещание можно отнести к оспоримым в случаях несоответствия лица, привлеченного в качестве свидетеля к требованиям, установленным гражданским кодексом.

Постановлением Пленума ВС РФ от 29 мая 2012 г. № 9 завещание признается недействительным при установлении ряда нарушений как относительно порядка составления, так и подписания или нотариального удостоверения завещания. Другим основанием

является наличие в тексте завещания формулировок, которые искажают волеизъявление завещателя. Дополнительно к этому возможно признание завещания недействительным в ситуации, когда в момент составления, подписания или нотариального удостоверения завещания при этом находилось лицо, в чью пользу было составлено данное завещание или составлен завещательный отказ. Это может косвенно свидетельствовать об оказываемом на завещателя давлении со стороны такого лица. В законе данное основание оспоримости завещания отсутствует, но присутствует в определении № 19-КГ13-12 судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда от 4 февраля 2014 г.

Ст. 1126 ГК РФ содержит положение о закрытом завещании. Отличие закрытого завещания от обычного заключается в том, что содержание закрытого завещания известно только составителю. Такое завещание лично составляется завещателем от руки (без использования компьютера или иных технических средств), после чего завещатель ставит подпись под текстом и передает данный документ нотариусу в заклеенном конверте в присутствии двух свидетелей, которые подписывают данный конверт. После чего конверт запечатывается нотариусом, при завещателе и свидетелях в другой конверт (конверт хранения), на котором нотариусом совершается соответствующая удостоверяющая надпись. После чего нотариус выдает завещателю свидетельство о принятии закрытого завещания.

Еще одним риском использования закрытого завещания является то, что если нотариус не участвует в его составлении, не проверяет соответствие волеизъявления наследодателя содержанию составленного текста, не проверяет правовую корректность и соответствие императивным нормам российского права, это может впоследствии создать множество рисков, связанных как с толкованием текста завещания в попытке установить волю наследодателя, так и с его действительностью в случае противоречия содержания завещания положениям действующего законодательства.

Принцип свободы завещания предполагает свободу выражения воли [1, с. 32]. Наследники по завещанию являются его исполнителями, кроме тех случаев, когда исполнение завещания по воле завещателя полностью или в определенной части осуществляется лицом, которое указано в тексте завещания как душеприказчик или исполнитель завещания.

В доктрине интерпретации правовой природы института исполнения завещания условно могут

быть разделены с учетом их вариативности на «представительские», составляющие наиболее распространенный подход, и «непредставительские» [3, с. 32–33; 12; 11; 2].

Наследодатель вправе указать в завещании конкретные полномочия душеприказчика, что позволяет определить круг его прав и обязанностей. Например, завещатель может предусмотреть в качестве обязанности душеприказчика завещания голосование на собраниях общества с ограниченной ответственностью конкретным образом, указанным в завещании. Если завещателем в завещании не определены конкретные полномочия, то в законе закреплён их примерный перечень (п. 2 ст. 1135 ГК РФ).

Однако, в целях минимизации между наследниками рисков возникновения споров, касающихся кандидатуры душеприказчика, а также по вопросу оспаривания действий душеприказчика, лучше составить завещание с указанием конкретных полномочий, в том числе полномочий, касающихся участника хозяйственного общества.

В науке обоснованно обращено внимание на «технический» характер функции исполнителя завещания, что может послужить основой институционализации исполнения завещания в качестве особого вида деятельности, осуществляемой в том числе на профессиональной основе [11, с. 20].

Требует отдельного внимания вопрос о том, что по состоянию на сегодняшний день недостаточно хорошо изучены последствия, когда душеприказчик выходит за пределы своих полномочий ввиду отсутствия судебной практики по таким спорам, так как указание в завещании душеприказчика является редким случаем в сфере правоприменительного наследственного процесса.

В п. 4 ст. 1135 ГК РФ указано, что душеприказчик выступает в качестве доверительного управляющего, в связи с чем он обязан проявлять заботу о наследственной массе, но степень осмотрительности и заботливости душеприказчика в зависимости от возмездности его работы. Исходя из вышеуказанной информации можно сделать вывод, что душеприказчик не будет нести ответственность, если докажет, что им были приняты меры для надлежащего исполнения возложенных на него обязательств. В качестве примера можно назвать случай, когда суд отказал наследникам в отстранении душеприказчика от исполнения завещания, так как не увидел оснований для признания действий исполнителя завещания недобросовестными,

исходя из того, что отсутствуют доказательства, которые свидетельствуют о недобросовестном поведении душеприказчика при исполнении завещания.

В обязанности душеприказчика входит возмещение причиненных наследникам убытков. Вопрос, касающийся личной ответственности самого душеприказчика перед кредиторами наследственной массы является спорным, так как по общему правилу, в случае отсутствия в завещании прямого указания, душеприказчик не осуществляет погашение долгов в отношении кредиторов.

В заключение данного вопроса необходимо подчеркнуть, что на душеприказчика возложена весьма важная роль в наследовании бизнес-активов, ведь с его помощью можно сохранить бизнес и предпринимательский потенциал, предотвратить убытки, связанные с периодом, пока наследники не станут обладателями свидетельств о праве на наследство на долю в уставном капитале общества, с помощью которых они будут допущены к полноценному управлению корпоративными бизнес-активами, но законодательного регулирования, существующего на сегодняшний день, весьма недостаточно для полноценной работы данного субинститута на практике в рамках наследственных правоотношений.

Завещатель вправе обязать любого наследника передать имущество и/или исполнить любую обязанность в отношении третьего лица (отказополучателя).

Правовая природа (сущность) завещательного отказа заключается в возможности передать наследнику любое право, которым обладал сам наследодатель. С помощью завещательного отказа можно конкретнее определить судьбу использования наследуемого имущества, в данном случае доли в Общества с ограниченной ответственностью. Отказ может возлагаться на любых наследников, вне зависимости от оснований наследования. Завещательный отказ отображается в тексте завещания и не переходит по наследству, следовательно, со смертью отказополучателя обязанность исполнять завещательный отказ прекращает свое действие в правовом пространстве.

Например, когда, передав долю в ООО одному из наследников, завещатель возлагает на него обязанность перечислять часть получаемых дивидендов данной фирмы иным лицам, в том числе другим наследникам.

Право лица на получение завещательного отказа действует в течение трех лет со дня открытия наследства, т. е. у легатария есть возможность для извлече-

ния выгоды из завещательного отказа. К примеру, он может систематически получать часть дивидендов общества на протяжении всей своей жизни или в течение срока, указанного в завещании. При этом важно помнить, что он вправе обратиться за исполнением завещательного отказа в течение ограниченного законом срока с момента смерти завещателя.

Завещательный отказ позволяет завещателю возложить на наследников обязанности исключительно имущественного характера в отношении определенного лица.

Наследник может быть освобожден от обязанности исполнения завещательного отказа по причине наступления одного из следующих случаев:

- ♦ в случае смерти легатария при жизни завещателя или в случае смерти легатария в один момент с ним;
- ♦ в случае отказа легатария на получение завещательного отказа в соответствии со ст. 1160 ГК РФ;
- ♦ когда легатарий пропустил трехлетний срок с момента возникновения у него права для получения завещательного отказа;
- ♦ когда легатарий лишен права на получение завещательного отказа в соответствии со ст. 1117 ГК РФ.

Хочется также обратить внимание на такой инструмент наследственного планирования, как наследственный договор.

В ст. 1140.1 ГК РФ раскрыт институт наследственного договора и сущность его исполнения. К данному документу применяются общие правила о завещании, предусмотренные гражданским законодательством.

К числу специфических черт наследственного договора можно отнести следующие особенности, напрямую предусмотренные гражданским законодательством:

- ♦ специфический состав участников (сторонами являются наследодатель и наследник);
- ♦ квалифицированное требование к форме (как и завещание обязательно нотариально удостоверяется);
- ♦ возможность возникновения обязательств у наследника (стороны наследственного договора) во время жизни наследодателя, а не после смерти, как в случае с завещанием;
- ♦ наличие запрета на передачу своих прав и обязанностей сторонами наследственного договора в соответствии с законодательством;
- ♦ законодателем предусмотрена возможность одностороннего отказа от договора. Наследодатель вправе совершить односторонний отказ от наследственного договора в любое момент. Для этого надо

нотариально оформить уведомление об отказе от наследственного договора. В результате одностороннего отказа наследодатель обязан возместить убытки, которые возникли у другой стороны наследственного договора, убытки в связи с исполнением наследственного договора к моменту получения копии уведомления об отказе от наследственного договора. Другие стороны наследственного договора обладают правом совершить односторонний отказ от наследственного договора в порядке, который предусмотрен законом или наследственным договором.

Также представляется целесообразным рассмотреть такие инструменты наследственного планирования в отношении доли ООО, как личный фонд и наследственный фонд. Вышеназванные институты были созданы как альтернатива зарубежным трастам и фондами, которыми как иностранными институтами наследования пользуются участники хозяйственных обществ с целью снижения риска обесценивания наследства в результате затягивания оформленных наследственных прав на данное наследство, а также с целью сохранения и защиты активов. Причем необходимо обратить внимание, что «стратегия научно-технологического развития РФ в качестве задач предусматривает развитие международного научно-технического сотрудничества и международной интеграции путем определения целей и формата взаимодействия с иностранными государствами» [13, с. 122].

Зарубежные исследователи небезосновательно указывают, что ближайшим аналогом наследственного фонда можно считать *Schtiftung* (общественно полезный фонд), который был образован во времена Римской империи и стал прямым родоначальником тех частных фондов, которые имеются сейчас в Германии [15, с. 162]. По юридической направленности решение о создании наследственного фонда является еще одним способом распоряжения имуществом на случай смерти, так как своим волеизъявлением наследодатель или наследодатели (супруги) могут полностью изменить распределение наследственной массы между наследниками по закону и обязательными наследниками.

Возможность создавать наследственные фонды появилась с 1 сентября 2018 г., а личные с 1 марта 2022 г. Ввиду новизны данных институтов для российской правовой системы наследования судебная и нотариальная практика по ним полностью не сформирована. Отношение граждан, в связи с этим, к ним пока настороженное, но, несмотря на это, по состоя-

нию на начало 2024 г. по сведениям ЕГРЮЛ в Российской Федерации зарегистрировано 11 личных фондов и один наследственный фонд.

Создание наследственного фонда актуально, прежде всего, для собственников крупного капитала, число которых, ввиду ускорения социальной дифференциации в России и мире, непрерывно растет, как следует из отчета исследовательского института международного швейцарского банка *Credit Suisse* за 2019 г. [16, с. 31].

Положения, касающиеся такого инструмента наследственного планирования, как личный фонд, в РФ регулируются ст. 123.20-4–123.20-8 ГК РФ; в соответствии с ними личный фонд — это унитарная некоммерческая организация, которая учреждается лично одним гражданином или после его смерти в соответствии с его завещанием (наследственный фонд) нотариусом бессрочно либо на определенный срок, которая осуществляет управление переданным ей данным гражданином имуществом или унаследованным от данного гражданина имуществом в соответствии с утвержденными им условиями управления.

В доктрине обоснованно установлено, что внедрение конструкции личных фондов в современное российское наследственное право стало следствием учета положительного опыта иностранных правопорядков, где десятки, а то и сотни лет успешно функционируют различные виды фондов [4, с. 138–142].

Личный фонд создается по нотариально удостоверенному решению учредителя. Наследственный фонд имеет шанс быть учрежденным нотариусом на основании нотариально-удостоверенного завещания, условия которого предусматривают создание наследственного фонда и содержат в себе решение завещателя об учреждении наследственного фонда, устав фонда, и условия управления наследственным фондом.

Основным отличием личного фонда от наследственного фонда является требование к имуществу, передающемуся личному фонду, а именно то, что стоимость передаваемого имущества должна быть не менее 100 млн руб. В законе не указано об обязательном участии нотариуса в передаче имущества, но данная практика постепенно появляется.

Ликвидация личного фонда осуществляется только по решению суда. В законе нет сведений о том, что личный фонд может быть ликвидирован при жизни его учредителя по его требованию, следовательно, возникает вопрос как быть в случае, если учредитель решит, что данная форма управления имуществом

ему не подходит и захочет вернуть в свою собственность переданное им фонду имущество.

К пробелам в правовом регулировании наследственного фонда необходимо отнести:

♦ годичный срок с момента открытия наследства для учреждения наследственного фонда, что не позволяет наследникам его учредить при обращении к нотариусу для оформления наследственных прав позже данного срока. «Нотариальная деятельность тесно связана с семейными и наследственными правоотношениями» [9];

♦ законом не регулируются случаи когда наследственный фонд, рассматривающийся законом в качестве самостоятельного наследника, может после своего создания отказаться от наследства (например, когда долги наследодателя превышают его активы);

♦ обязанность нотариуса оформить наследственному фонду после его учреждения свидетельство о праве на наследство в срок, который указан в решении об учреждении. Этот срок должен составлять менее шести месяцев (очевидно это коррелирует с общим сроком принятия наследства), в результате чего возникает ситуация, при которой в случае обращения лиц, обладающих правом на обязательную долю, после получения фондом имущества никак не урегулирован порядок возврата данного имущества при недостаточности незавещанной части имущества для удовлетворения права этих лиц. «В настоящее время наметилась прогрессивная тенденция расширения сферы действия нотариата, данное направление развития направлено на обеспечение стабильного, бесконфликтного и законного характера гражданско-правовых, наследственных и семейных отношений» [10, с. 18];

♦ не урегулирован вопрос налогообложения, как в случае, когда при переходе имущества в рамках обычной процедуры наследования наследники не платят налог на наследство, в отличие от доходов выгодоприобретателя и наследственного фонда, которые будут облагаться налогом. Полагаем, что «дальнейшая работа по совершенствованию законодательства в области персональных данных возможна только в синтезе и учете развития других направлений по совершенствованию отечественного законодательства» [5, с. 125].

В науке наследственного права высказано справедливое предположение, что «институты личного и наследственного фондов существенно изменят ситуацию с бизнес-активами в РФ. А устранение коллизий норм гражданского и семейного права, проработка

взаимосвязи наследственного фонда с институтом совместного завещания помогут избежать в будущем множества проблем при функционировании наследственного фонда как юридического лица» [14, с. 87].

На основании вышеизложенного необходимо отметить, что востребованность личных и наследственных фондов по сравнению с иностранными наследственными институтами будет постепенно возрастать в связи с заморозкой активов частных российских лиц, обусловленной введением в отношении РФ ограничительных мер экономического характера.

Список источников

1. Горбунов З. Н. Участие нотариуса в толковании завещания в контексте правового и индивидуального регулирования наследственных отношений // Нотариус. 2023. № 4. С. 31–38.
2. Горбунов З. Н. Правовая природа и механизм исполнения завещания в наследственных правоотношениях // Наследственное право. 2023. № 4. С. 11–17.
3. Гордон А. О. Представительство в гражданском праве. Исследование А. Гордона, присяжного поверенного. СПб : Тип. Шредера, 1879.
4. Крашенинников П. В. Наследственное право (включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания). 4-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2019.
5. Курбанов Р. А., Баланюк Л. Л. Концепция законодательного регулирования оборота цифровых прав: доктринальные основания и перспективы практической реализации // Журнал российского права. 2023. № 6. С. 116–129.
6. Курбанов Р. А., Савина В. С., Гурко А. В. Характеристика правового регулирования цифровых прав в Российской Федерации // ИС. Авторское право и смежные права. 2022. № 8. С. 4–12.
7. Левушкин А. Н., Бабич М. И. Наследование дробных акций : теория и практика применения // Наследственное право. 2018. № 2. С. 10–14.
8. Левушкин А. Н., Митрошина О. В. Место наследственного права в системе отраслей российского права // Нотариус. 2014. № 1. С. 29–32.
9. Левушкин А. Н. Участие нотариуса в наследственных правоотношениях при переходе корпоративных прав и семейного бизнеса по наследству // Наследственное право. 2021. № 1. С. 17–20.
10. Левушкин А. Н. Согласие супруга как вид нотариального акта: теория и практика применения // Нотариус. 2018. № 5. С. 17–21.

11. Маркова Н. О. К вопросу о правовой природе исполнения завещания в аспекте института представительства // *Наследственное право*. 2023. № 4. С. 18–21.

12. Томилов А. Ю. Процессуально-правовой статус душеприказчика (исполнителя завещания) // *Юрист*. 2010. № 7. С. 37–42.

13. Хабриева Т. Я., Курбанов Р. А. Правовые основы и интеграционные тенденции в Каспийском регионе. «Каспийская пятерка»: история и перспективы // *Журнал российского права*. 2021. № 8. С. 118–130.

14. Шестакова Е. С. Проблемы учреждения личного (наследственного) фонда в совместном завещании супругов // *Российский юридический журнал*. 2023. № 4. С. 82–88.

15. Pettinger S. Vermoegenserhaltung und Sicherung der Unternehmensfortfuehrung durch Verfügungen von Todes wegen: Eine Studie der Fruehen Augsburger Neuzeit (diss.). Berlin. Hopf, 2007.

16. Shorrocks A., Davies J., Lluberas R. Global Wealth Report 2019. Research Institute. Zurich, 2019.

References

1. Gorbunov Z. N. Participation of a notary in the interpretation of a will in the context of legal and individual regulation of hereditary relations // *Notary*. 2023. № 4. P. 31–38.

2. Gorbunov Z. N. The legal nature and mechanism of execution of a will in hereditary legal relations // *Inheritance law*. 2023. № 4. P. 11–17.

3. Gordon A. O. Representation in civil law. A study by A. Gordon, a sworn attorney. St. Petersburg : Type. Schroeder, 1879.

4. Krashennnikov P. V. Inheritance law (including inheritance funds, inheritance agreements and joint wills). 4th ed., reprint. and additional M. : Statute, 2019.

5. Kurbanov R. A., Balanyuk L. L. The concept of legislative regulation of the turnover of digital rights: doctrinal foundations and prospects for practical implementation // *Journal of Russian Law*. 2023. № 6. P. 116–129.

6. Kurbanov R. A., Savina V. S., Gurko A. V. Characteristics of legal regulation of digital rights in Russia // *IS. Copyright and related rights*. 2022. № 8. P. 4–12.

7. Levushkin A. N., Babich M. I. Inheritance of fractional shares : theory and practice of application // *Inheritance law*. 2018. № 2. P. 10–14.

8. Levushkin A. N., Mitroshina O. V. The place of inheritance law in the system of branches of Russian law // *Notary*. 2014. № 1. P. 29–32.

9. Levushkin A. N. Participation of a notary in hereditary legal relations during the transition of corporate rights and family business by inheritance // *Inheritance law*. 2021. № 1. P. 17–20.

10. Levushkin A. N. Spouse's consent as a type of notarial act: theory and practice of application // *Notary*. 2018. № 5. P. 17–21.

11. Markova N. O. On the question of the legal nature of the execution of a will in the aspect of the institution of representation // *Inheritance law*. 2023. № 4. P. 18–21.

12. Tomilov A. Yu. The procedural and legal status of the executor (executor of the will) // *Lawyer*. 2010. № 7. P. 37–42.

13. Khabrieva T. Ya., Kurbanov R. A. Legal foundations and integration trends in the Caspian region. The Caspian Five: History and Prospects // *Journal of Russian Law*. 2021. № 8. P. 118–130.

14. Shestakova E. S. Problems of establishing a personal (hereditary) fund in a joint will of spouses // *Russian Law Journal*. 2023. № 4. P. 82–88.

15. Pettinger S. Vermoegenserhaltung und Sicherung der Unternehmensfortfuehrung durch Verfügungen von Todes wegen: Eine Studie der Fruehen Augsburger Neuzeit (diss.). Berlin. Hopf, 2007.

16. Shorrocks A., Davies J., Lluberas R. Global Wealth Report 2019. Research Institute. Zurich, 2019.

Информация об авторе

Р. А. Курбанов — советник директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ.

Information about the author

R. A. Kurbanov — Advisor of the Director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 12.02.2024; одобрена после рецензирования 26.03.2024; принята к публикации 09.04.2024.

The article was submitted 12.02.2024; approved after reviewing 26.03.2024; accepted for publication 09.04.2024.

Научная статья
УДК 343.71
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-93-97>
EDN: <https://elibrary.ru/frtzfp>

НИОН: 2003-0059-2/24-003
МОСУРЕД: 77/27-003-2024-02-202

Конкуренция насильственных форм хищения и принуждения к совершению сделки

Александр Викторович Курсаев

Министерство внутренних дел Российской Федерации, Москва, Россия, kursaev@list.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы отграничения насильственных форм хищения (грабежа, разбоя) от уголовно-наказуемого принуждения к совершению сделки (ст. 179 УК РФ). Анализируется судебная практика квалификации данных преступлений. Отмечается, что предметом сделки могут быть деньги и ценные бумаги. Обращается внимание на временной критерий отграничения грабежа и разбоя от принуждения к совершению сделки.

Ключевые слова: конкуренция уголовно-правовых норм, хищение, грабеж, разбой, принуждение к совершению сделки, насилие

Для цитирования: Курсаев А. В. Конкуренция насильственных форм хищения и принуждения к совершению сделки // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 93–97. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-93-97>. EDN: FRTZFP.

Original article

Competition of violent forms of embezzlement and coercion to commit a transaction

Alexander V. Kursaeв

Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, kursaev@list.ru

Abstract. The problems of distinguishing violent forms of theft (robbery, robbery) from criminally punishable coercion to commit a transaction (Article 179 of the Criminal Code of the Russian Federation) are considered. The judicial practice of the qualification of these crimes is analyzed. It is noted that the subject of the transaction may be money and securities. Attention is drawn to the time criterion for distinguishing robbery and robbery from coercion to commit a transaction.

Keywords: competition of criminal law norms, embezzlement, robbery, robbery, coercion to commit a transaction, violence

For citation: Kursaeв A. V. Competition of violent forms of embezzlement and coercion to commit a transaction. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):93–97. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-93-97>. EDN: FRTZFP.

Одним из важнейших вопросов квалификации преступных деяний является разрешение конкуренции между уголовно-правовыми нормами.

Применительно к составу принуждения к совершению сделки или к отказу от ее совершения (ст. 179 УК РФ) в научной литературе наиболее часто обсуждается вопрос его соотношения с таким смежным составом, как вымогательство (ст. 163 УК РФ) [2; 3; 6, с. 357–360; 9].

В то же время, в отдельных случаях могут возникнуть сложности в отграничении принуждения к совершению сделки и составов насильственных форм хищения.

В частности, принуждение к совершению сделки может совершаться с угрозой применения насилия (ч. 1 ст. 179 УК РФ) или с применением насилия (п. «б» ч. 2 ст. 179 УК РФ).

В свою очередь, для отдельных форм хищения также характерно применение насилия как способа их

совершения. В частности, с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия может совершаться грабеж (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ). Конструктивным признаком разбоя является применение насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения такого насилия.

Ст. 179 УК РФ предусматривает ответственность за принуждение к совершению сделки, не конкретизируя вид сделок по моменту окончания (консенсуальный или реальный договор), в связи с чем она может быть любой. В реальной сделке (договор перевозки грузов, договор доверительного управления имуществом) используется формулировка «передает» и она считается заключенной с момента передачи имущества в соответствии с законом (п. 2 ст. 432 ГК РФ). Некоторые сделки (договор дарения, займа), в зависимости от особенностей их заключения, могут иметь конструкцию как реального, так и консенсуального договора.

© Курсаев А. В., 2024

Однако в случае, если сделка является реальной, могут возникнуть дополнительные сложности относительно того, имеет ли здесь принуждение к совершению сделки или иное преступление, в том числе хищение, совершенное с применением насилия. В качестве примера можно привести следующее дело.

Холмогорским районным судом Архангельской области были квалифицированы по ст. 179 УК РФ действия виновного Х., который с целью понуждения к даче взаймы в долг денег в сумме 3 тыс. руб. у В., осознавая характер своих действий, в присутствии посторонних граждан, применил к В. насилие, не опасное для жизни и здоровья, а именно схватил последнего за ворот верхней одежды, с силой и против воли подвел В. к ванной с горячей водой, с применением силы резко склонил его к горячей воде, от чего В. почувствовал физическую боль и испугался, а Х. потребовал передачи денег, при этом словесно угрожал, а именно говорил, что утопит. После этого В. передал деньги в сумме 3 тыс. руб. свидетелю Гур.

По данному делу суд не посчитал доказанными признаки открытого хищения, указав, что свидетели и в суде, и на предварительном следствии утверждали, что приехали к потерпевшему с целью взять деньги в долг с последующей отдачей, о чем подтвердил и сам потерпевший. Суд, обосновывая вменение именно ст. 179 УК РФ, сослался на то, что деньги потерпевший передал добровольно свидетелю Гур. после принуждения со стороны подсудимого к заключению сделки, поэтому в действиях подсудимого отсутствует корыстный мотив на завладение чужим имуществом. В данном случае предметом принуждения, по мнению суда, выступала сделка в ее гражданско-правовом понятии, тогда как в вымогательстве предметом преступления выступает чужое имущество. Поэтому суд указал, что в действиях подсудимого нет состава преступления, предусмотренного ст. 163 УК РФ, так как при вымогательстве виновный требует безвозмездного совершения действий имущественного характера, преследуя при этом корыстную цель. С учетом изложенного, суд квалифицировал действия подсудимого по данному эпизоду по ч. 1 ст. 179 УК РФ, как принуждение к совершению сделки под угрозой применения насилия при отсутствии признаков вымогательства [8].

При комментировании данного казуса следует отметить, что, безусловно, логика у суда при квалификации данного деяния по ст. 179 УК РФ имеется, поскольку действительно есть требование о передаче

денег в долг (а передача денег в долг — это договор займа в виде реального договора, и он считается заключенным с момента передачи денег), присутствует указание на срок возврата долга (отдать деньги с расчетных), проценты за заем здесь могут не начисляться и это не свидетельствует о его упречности (договор займа в силу законодательной презумпции, закрепленной в абз. 2 п. 4 ст. 809 ГК РФ, будет считаться беспроцентным как заключенный между гражданами на сумму до 200 тыс. руб.), деньги возвращены, что опять же подтверждает реальность сделки.

На примере данного казуса очевидно, что следственные органы не смогли доказать направленность умысла на безвозмездное изъятие имущества и вменили единственно возможную в этих условиях уголовно-правовую норму — ст. 179 УК РФ. На роль ст. 179 УК РФ как «резервной» нормы при недоказанности умысла на хищение обращал внимание еще профессор И. А. Клепицкий [5, с. 950].

Однако, указанный пример актуализировал вопрос о разграничении насильственных корыстных преступлений (грабежа, разбоя, вымогательства — оно тоже может совершаться с применением насилия (п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ)) от принуждения к совершению сделки. Вопрос этот может оказаться весьма сложным.

Разбой — насильственная форма похищения имущества. Вымогательство и принуждение к совершению сделки также могут совершаться путем применения насилия.

Разбой по моменту окончания относится к усеченным составам преступления. Вымогательство же, в силу п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» (далее — постановление Пленума о вымогательстве) [7], окончено с момента, когда предъявлено требование, соединенное с угрозой.

Конструкции ст. 163 и 179 УК РФ по моменту окончания сконструированы в целом одинаково, факт передачи имущества при вымогательстве или факт заключения сделки значения не имеют, достаточно только предъявления требования, соединенного с угрозой, или принуждения к сделке, соединенного с угрозой.

В качестве одного из критериев отграничения вымогательства от грабежа и разбоя Верховный Суд РФ в п. 10 постановления Пленума о вымогательстве предлагает руководствоваться временным критерием:

завладение имуществом при грабеже и разбое происходит одновременно с совершением насильственных действий либо сразу после их совершения, а при вымогательстве умысел виновного направлен на получение требуемого имущества в будущем.

С нашей точки зрения, аналогичный подход применим и при определении момента окончания состава принуждения к совершению сделки.

В противном случае возникнут сложности в квалификации ситуации, когда к прохожему на улице подходит виновный, подносит нож к горлу и требует передачи денег (общеизвестно, что здесь имеет место разбой). Однако в данных обстоятельствах, требуя передачи денег, виновный фактически принуждает заключить сделку — передать деньги по договору займа (и здесь тоже имеет место сделка, только она, как и при принуждении к совершению сделки, является формальной, недействительной, как совершенной под влиянием насилия, угрозы (ст. 179 ГК РФ). Ведь если бы сделка была добровольной, то не было бы ни разбоя, ни вымогательства, ни деяния, предусмотренного ст. 179 УК РФ, а была бы действительная сделка, свидетельствующая о наличии реальных гражданско-правовых отношений.

Конечно, можно сказать, что фраза «дай деньги в долг» (как было в рассматриваемом уголовном деле Холмогорского районного суда) меняет квалификацию на ст. 179 УК РФ и все зависит только от этого и от последующего возврата долга. Данное обстоятельство и является тем критерием, свидетельствующим о реальности заключенной сделки для сторон.

Однако, является ли это суждение правильным? Так, представим себе гипотетический пример, когда виновный подходит к прохожему на улице, подносит нож к горлу, требует передачи денег, а самому потерпевшему говорит: «не волнуйся, деньги я тебе верну». В данном случае вполне можно говорить о заключении сделки в виде договора займа. На этот довод может ссылаться и сторона защиты. Профессор А. И. Бойцов в одной из своих работ прямо писал о том, что в известном смысле принуждение к действиям имущественного характера (в преступлениях против собственности) может выражаться в принуждении к совершению сделки, и это взаимозаменяемые понятия, а различие между ними заключается в наличии/отсутствии иных признаков [4, с. 693].

Поэтому вполне закономерен вопрос о том, как же быть с анализом ситуации, описанной в приговоре Холмогорского районного суда?

Во-первых, нам представляется, что насилие в преступном деянии было направлено на завладение деньгами (фраза «если не отдашь деньги, то утоплю»), а не на подкрепление угрозы при принуждении к совершению сделки. Этот критерий использует и Верховный Суд Российской Федерации в п. 10 постановления Пленума о вымогательстве. Признак этот правильный, весьма важный, хотя в практической деятельности достаточно сложноустановимый.

Во-вторых, диспозиция ст. 179 УК РФ говорит о принуждении к совершению сделки, т. е. между угрозами и сделкой должен быть временной разрыв. Этот удобный для практики критерий использован в п. 10 постановления Пленума о вымогательстве. В приведенном деле разрыв во времени как таковой отсутствует, поскольку в описанной ситуации у потерпевшего потребовали денег в долг, он отказался, и к нему сразу же применили насилие, поместив голову в горячую воду, в результате чего он был вынужден передать деньги. Ссылка на договор займа при указанных обстоятельствах представляется малоубедительной, так как условия займа не конкретизированы, а деньги вернули во время возбуждения уголовного дела (преступное нападение было в январе, деньги вернули в феврале, когда уже было возбуждено уголовное дело, так как потерпевший сразу же обратился с заявлением о совершенном в отношении него преступлении, а в момент возврата денег виновный уже был допрошен в качестве обвиняемого). К сожалению, следствие и суд не выясняли отдельно, в связи с чем был произведен возврат денег и как он соотносится с хронологией расследования уголовного дела и датой выдачи зарплаты: был ли возврат денег следствием намерения действительно вернуть долг или являлся «суррогатом» заглаживания причиненного преступлением вреда уже в ходе раскрытого преступления. При этом следует учитывать, что виновный говорил, что отдаст деньги с расчетных (т. е. в момент выплаты заработной платы), однако вернул их в ходе расследования уголовного дела, а предлог, под который он просил передать деньги (рассчитаться с карточным долгом), являлся надуманным, так как полученные деньги были сразу же потрачены на приобретение алкогольных напитков.

Кроме того, факт возврата долга находится за границами состава преступления по ст. 179 УК РФ, который сконструирован по типу формального, и на квалификацию не влияет. Возврат долга может толь-

ко подтверждать действительность сделки, к которой принуждался потерпевший.

При этом следует принимать во внимание и то, что предметом сделки в ст. 179 УК РФ может быть не только имущество в виде вещи, но и деньги, драгоценности, ценные бумаги, валюта. Так, виновный может принуждать потерпевшего дать деньги в долг, обещая их вернуть с процентами (больше ему просто никто их не дает); принуждает передать драгоценный камень, который виновный отнесет в ломбард, а потом выкупит обратно и вернет потерпевшему; принуждает продать акции по рыночной цене, для того чтобы получить контроль над предприятием.

В частности, судебной практике известны случаи принуждения к продаже ценных бумаг в виде акций [1].

Если проблема разграничения вымогательства и насильственных форм хищения в целом не является столь острой в силу наличия временного критерия для их разграничения, то при отграничении грабежа и разбоя от деяния, закрепленного в ст. 179 УК РФ, такая сложность имеется.

Сделки в отношении денег, ценных бумаг, драгоценностей могут быть построены по механизму реального договора, т. е. совершаться при самом его исполнении. Договор займа — тоже сделка, и к нему также можно принуждать. Вполне возможна ситуация, при которой виновный, совершая разбой, приставил нож к потерпевшему, сказал — давай купюру (1 тыс. руб., 5 тыс. руб. — купюра всегда найдется в кармане), произнес фразу — через месяц верну (а теперь представим, что они знакомы и виновный знает, где проживает потерпевший, а это реальный аргумент защиты, что он действительно собирался вернуть, так как знал, кому отдавать), и вот уже имеет место сделка и принуждение к ее совершению — ст. 179 УК РФ. Договор реальный, считается заключенным при самой передаче денег, сторон тоже две (а в разбое всегда так), и уже разбой искусственно можно трансформировать в принуждение к совершению сделки.

Поэтому, наверное, уголовно-правовая доктрина и правоприменительная практика пришли к выделению временного критерия разграничения между требованием, принуждением и самим фактом передачи денег или иного имущества при вымогательстве и хищении. В противном случае вымогательства в этой части не будет, а наличествуют насильственные формы хищения как наиболее полно описывающие признаки состава совершенного деяния.

Точно также не будет грабежа и разбоя, а останется только принуждение к совершению сделки.

В подтверждение этого суждения можно привести два разных гипотетических примера.

В первом случае виновный заходит к потерпевшему, требует деньги, обещает их вернуть (называя когда, что именно подлежит возврату — только ли сама сумма долга или долг с процентами, что указывает на конкретизацию условий договора займа и реальность его заключения и последующего исполнения), кричит, угрожает, что расскажет нелецеприятные факты о потерпевшем, применит физическую силу, даже в подтверждение своих слов бьет по столу, бросает посуду, толкает, из-за чего потерпевший падает и получает травму, снова продолжает просить дать деньги в долг и, в конце концов, потерпевший соглашается передать деньги. Описанная здесь ситуация охватывается ст. 179 УК РФ, а насилие выступает всего лишь способом подкрепления угрозы. Преступление окончено с момента таких угроз и дожидаться возврата денег для вменения состава принуждения к совершению сделки не требуется.

Договор займа реальный, однако он отделен во времени от самих угроз, потерпевший мог деньги и не передавать, но у преступника всегда есть возможность выдвигать такие угрозы в будущем.

Другая ситуация будет иметь место в том случае, когда виновный подходит и говорит «дай деньги», и когда потерпевший отказывается, — применяет к нему насилие, опасное для жизни и здоровья, погружая головой в горячую воду и прекращая тем самым возможность для него осуществлять процесс дыхания, в результате чего потерпевший сразу же и передает деньги (попробуй здесь не отдай!). В приведенном примере насилие уже не подкрепляет угрозу, так как угрозы переросли в насилие, именно применяя его, преступник надеется получить деньги.

Исходя из этого полагаю, что приговор Холмогорского районного суда Архангельской области представляется упречным, хотя при его вынесении многое зависело от факта доказанности отдельных элементов совершенного деяния и направленности умысла.

При этом анализируемый приговор является единственным случаем в практике, обнаруженным нами, когда предметом сделки были деньги, и это преступление было квалифицировано по ст. 179 УК РФ.

Наша критика заключается в том, что получение денег с применением насилия под обещанием вернуть

их в будущем (устное) стало возможным в практике интерпретировать как сделку. При таком необоснованно широком подходе и приведенные выше примеры разбоя также можно будет квалифицировать по ст. 179 УК РФ. В деле, рассмотренном Холмогорским районным судом Архангельской области, насилие все-таки было направлено на получение денег, в результате чего потерпевший был вынужден сразу же передать деньги.

В связи с этим при отграничении принуждения к совершению сделки от насильственным форм хищения следует принимать во внимание то, подкрепляло ли насилие уже угрозу, либо само являлось способом завладения чужим имуществом.

Список источников

1. Апелляционное постановление Московского городского суда от 14 марта 2022 г. № 10-4207/2022 (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Барышева К. А. К вопросу о критериях разграничения вымогательства и принуждения к совершению сделок // Закон. 2018. № 10. С. 73–79.
3. Батюкова В. Е., Малахова В. Ю. Некоторые проблемы квалификации преступления, предусмотренного статьей 179 УК РФ, и отграничения его от вымогательства (статья 163 УК РФ) // Современное право. 2021. № 6. С. 99–103.
4. Бойцов А. И. Преступления против собственности. СПб., 2002.
5. Клепицкий И. А. Новое экономическое уголовное право. М. : Проспект, 2021.
6. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ). Ч. II. М. : Юрлитинформ, 2022.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве

(статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

8. Приговор Холмогорского районного суда Архангельской области от 12 апреля 2012 г. № 1-31/12. Судебные и нормативные акты РФ // URL://http://sudact.ru.

9. Яни П. С. Вопросы квалификации вымогательства // Законность. 2015. № 11. С. 40–45.

References

1. Appeal decision of the Moscow City Court of March 14, 2022 № 10-4207/2022 (the document was not published) // LRS «ConsultantPlus».
2. Barysheva K. A. On the issue of criteria for distinguishing extortion and coercion to make transactions // Law. 2018. № 10. P. 73–79.
3. Batyukova V. E., Malakhova V. Yu. Some problems of qualifying a crime under Article 179 of the Criminal Code of the Russian Federation and distinguishing it from extortion (Article 163 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Modern law. 2021. № 6. P. 99–103.
4. Fighters A. I. Crimes against property. SPb., 2002.
5. Klepitsky I. A. New economic criminal law. M. : Prospect, 2021.
6. Lopashenko N. A. Crimes in the field of economic activity (Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation). Part II. M. : Yurlitinform, 2022.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation December 17, 2015 № 56 «On judicial practice in cases of extortion (Article 163 of the Criminal Code of the Russian Federation)» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2016. № 2.
8. Verdict of the Kholmogorsky District Court of the Arkhangelsk Region dated April 12, 2012 № 1-31/12. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation // URL://http://sudact.ru.
9. Yani P. S. Questions of extortion qualification // Legality. 2015. № 11. P. 40–45.

Информация об авторе

А. В. Курсаев — главный эксперт-специалист Договорно-правового департамента МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the author

A. V. Kursaeв — Chief Expert-Specialist of the Contract and Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 20.09.2023; одобрена после рецензирования 16.11.2023; принята к публикации 10.01.2024.

The article was submitted 20.09.2023; approved after reviewing 16.11.2023; accepted for publication 10.01.2024.

Научная статья

УДК 343.137.5

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-98-104>

EDN: <https://elibrary.ru/jlpizr>

ИПОН: 2003-0059-2/24-004

MOSURED: 77/27-003-2024-02-203

О некоторых вопросах применения мер пресечения в отношении несовершеннолетних

Эльдар Кяримович Кутуев¹, Александр Георгиевич Соловьев²

¹ Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия, kutuev@inbox.ru

² Оперативно-поисковое бюро МВД России, Москва, Россия, solovevag2507@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены некоторые особенности применения мер пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых). Особое внимание уделено выбору конкретной меры пресечения, исходя из личностных особенностей несовершеннолетнего, а также характера и степени общественной опасности совершенного им деяния. Обосновывается необходимость взаимодействия следователей (дознателей) с психологами в рамках предварительного расследования.

Ключевые слова: мера пресечения, несовершеннолетний, преступление, заключение под стражу, психолог

Для цитирования: Кутуев Э. К., Соловьев А. Г. О некоторых вопросах применения мер пресечения в отношении несовершеннолетних // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 98–104. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-98-104>. EDN: JLPISR.

Original article

On some issues of the application of preventive measures against minors

Eldar K. Kutuev¹, Alexander G. Solovyov²

¹ St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia, kutuev@inbox.ru

² Operational Search Bureau of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, solovevag2507@gmail.com

Abstract. Some features of the application of preventive measures against juvenile suspects (accused) are considered. Special attention is paid to the choice of a specific preventive measure based on the personal characteristics of the minor, as well as the nature and degree of public danger of the act committed by him. The necessity of interaction of investigators (interrogators) with psychologists within the framework of the preliminary investigation is substantiated.

Keywords: preventive measure, minor, crime, detention, psychologist

For citation: Kutuev E. K., Solovyov A. G. On some issues of the application of preventive measures against minors. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):98–104. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-98-104>. EDN: JLPISR.

В настоящее время вопрос воспитания детей регулярно поднимается в политических кругах, а также является предметом дискуссии в российском научном сообществе.

И. М. Ильинский и В. А. Луков, анализируя проект «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации до 2025 года» [1], справедливо заметили, что: «проект отражает стремление российского руководства к преодолению длительного, занявшего около четверти века новейшей российской истории пренебрежения вопросами воспитания, их фактического исключения из функций государственного управления, разрушения системы воспитательной работы учебных заведений всех уровней. Жизнь по-

казала, что это был ошибочный курс» [2, с. 6]. Проблема и пути ее решения были обозначены еще в 2015 г., однако, несмотря на выбранный государством курс, остается актуальной и сегодня.

Ответственность за воспитание несовершеннолетнего в настоящее время, в большей степени, лежит на семье, в которой он проживает. Не можем не согласиться с мнением Т. В. Курагиной, которая считает: «Важнейшей социальной функцией семьи является воспитание гражданина, патриота, будущего семьянина, законопослушного члена общества. Существенное влияние семья оказывает на выбор будущей профессии» [3, с. 75]. К сожалению, данным установкам следуют не все семьи, что впоследствии

© Кутуев Э. К., Соловьев А. Г., 2024

может привести к формированию преступного поведения у несовершеннолетних.

Гл. 50 УПК РФ устанавливает ряд правил, связанных с производством по уголовным делам, фигурантами которых являются несовершеннолетние. Помимо этого, Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1985 г. были приняты «Пекинские правила» — Минимальные стандартные правила отправления правосудия в отношении несовершеннолетних [4]. Данные правила должны учитываться органами предварительного расследования и судами при расследовании уголовных дел рассматриваемой категории.

Р. С. Хисматуллин приводит ряд положений, содержащихся в «Пекинских правилах», исходя из смысла которых можно вполне однозначно определить их направленность: «п. 5.1 «система правосудия в отношении несовершеннолетних направлена в первую очередь на обеспечение благополучия несовершеннолетнего»; п. 14.2 «судебное разбирательство должно отвечать интересам несовершеннолетнего и осуществляться в атмосфере понимания»; подп. «д» п. 17.1 «при рассмотрении дела несовершеннолетнего вопрос о его или ее благополучии должен служить определяющим фактором» [5]. В то же время, ч. 2 ст. 43 УК РФ гласит: «наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений» [6]. Данное законодательное установление применимо и в отношении несовершеннолетних фигурантов уголовных дел, с учетом положений гл. 14 УК РФ и гл. 50 УПК РФ. Полагаем, что соблюдение прав и законных интересов несовершеннолетних имеет важное значение для развития современного российского государства и общества, однако стоит отметить, что в случае совершения ими преступлений, в особенности тяжких и особо тяжких, должна следовать взвешенная и справедливая реакция.

К сожалению, все чаще в СМИ можно встретить шокирующие примеры преступной деятельности несовершеннолетних, поражающие своей жестокостью.

Так, в 2022 г., ученики кадетского класса Чапаевской школы в Хакасии замучили до смерти собаку местной жительницы, снимая происходящее на камеру мобильного телефона [7].

2 декабря 2023 г. подростки убили сверстника на остановке общественного транспорта «Лисиха» на улице Байкальской в Иркутске. По предвари-

тельным данным, смертельный удар был нанесен ножом в область шеи [8].

Весной 2023 г., в Санкт-Петербурге, 16-летний подросток убил 13-летнюю девочку, нанеся ей несколько ударов молотком по голове, а его 15-летняя сообщница снимала происходящее на видео [9].

Данные примеры наглядно демонстрируют проблему, с которой столкнулось современное российское общество. Полагаем, что ее решение должно быть комплексным и не должно представлять собой компромисс. Безусловно, в первую очередь следует уделить большое внимание воспитанию несовершеннолетних в семьях, школах и иных образовательных учреждениях, однако, в ряде случаев, с последствиями недостатка воспитания сталкиваются органы предварительного расследования.

В рамках расследования преступления, совершенного несовершеннолетним, следователю (дознавателю) необходимо обращать внимание на ряд психологических особенностей, характерных для подростков. Я. А. Климова указывает на перечень таких особенностей, среди которых выделяет: «отсутствие ответственности за свои действия; пренебрежение общепризнанными правилами поведения, несоблюдение моральных и правовых норм; обостренное, гипертрофированное чувство независимости, самовыражения; отсутствие жизненных ценностей; агрессивность, чрезмерная жестокость, дерзость, садизм; сильная зависимость от мнения круга общения; ограниченный круг интересов и безразличие к мнению других людей; концентрация на удовлетворении своих потребностей; ложные ценности, восприятие «фейковой» и негативной информации через СМИ и Интернет» [10, с. 111]. Считаем, что анализ личности несовершеннолетнего на предмет наличия у него вышеуказанных черт будет способствовать верному выбору направления хода расследования, а также производства необходимых процессуальных действий.

На этапе предварительного расследования следователь (дознаватель) уполномочен избрать меру пресечения для несовершеннолетнего лица, подозреваемого в совершении преступления, исходя из обстоятельств произошедшего. Часто лицо, потерпевшее от преступления, желает применения для несовершеннолетнего наиболее строгой меры пресечения, что, по его мнению, может повысить вероятность восстановления справедливости.

Однако, стоит отметить, что, несмотря на мнение потерпевшей стороны, решение о необходимости применения конкретной меры пресечения принимает следователь, либо дознаватель, руководствуясь при этом обстоятельствами произошедшего, а также такими аспектами, как интеллектуальная, эмоциональная и духовная зрелость несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого). Изучение этих аспектов возможно в результате личной беседы с подростком, его законными представителями, сверстниками, а также учителями. Согласно ст. 195 и 196, ч. 2 ст. 421 УПК РФ, в случае получения информации о проблемах в психическом развитии несовершеннолетнего, в обязательном порядке должна быть назначена комплексная психолого-психиатрическая экспертиза, по итогам которой будут получены ответы на вопросы о психическом состоянии подростка, его интеллектуальном развитии и взаимосвязи между ними, что в дальнейшем направит ход расследования в верном направлении.

Д. Л. Кокорин и С. В. Мосина обращают внимание на подавленность, либо наоборот — приподнятость настроения несовершеннолетнего преступника, что может негативно повлиять на процесс дачи показаний [11, с. 23]. Эти психологические особенности подростков не должно быть оставлены без внимания следователем (дознавателем) при направлении хода расследования и избрании меры пресечения.

Полагаем, что сотрудничество органов предварительного расследования с квалифицированными психологами при расследовании преступлений, фигурантами которых являются несовершеннолетние, все чаще становится необходимостью. Взаимодействие лица, осуществляющего предварительное расследование, с несовершеннолетним правонарушителем может быть неэффективным ввиду отсутствия достаточного объема знаний и компетенций в области педагогики и психологии, что впоследствии может негативно повлиять на принятие решений в рамках расследования уголовного дела.

Исходя из норм УПК РФ, психолог может являться участником уголовного судопроизводства, выступая как эксперт или специалист, а педагог или педагог-психолог могут быть привлечены к процедуре допроса.

Специальные психологические познания могут быть также использованы в судебно-следственной практике в форме справочно-консультационной дея-

тельности сведущего лица. Суть справочно-консультационной деятельности психолога заключается в информировании лиц, осуществляющих предварительное расследование, а также суда о фактах, теоретических и эмпирических данных в сфере психологии, с обоснованием своего мнения в рамках поставленных вопросов. По запросу следователя (дознавателя), либо суда, психолог оформляет консультативную справку, которую предоставляет в письменной форме. Такая справка приобщается к материалам уголовного дела, а ее содержание может учитываться при вынесении ряда процессуальных решений. Консультативная помощь психолога может принести большую пользу при расследовании уголовных дел, фигурантами которых являются несовершеннолетние, за счет расширения области знаний должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, и суда о: психологии несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых; отдельных психологических состояниях и процессах; мотивах, позициях и поведении подростков. Кроме того, психолог может содействовать в разработке рекомендаций, при решении о назначении судебно-психологической экспертизы, а также оказывать помощь при постановке вопросов эксперту.

В зависимости от обстоятельств совершенного преступления и эмоционально-психологического состояния несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), могут применяться различные меры пресечения, актуальные в каждом конкретно взятом случае.

Чаще всего в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) избирается мера пресечения в виде подписки о невыезде. Для назначения указанной меры пресечения необходимо наличие у подозреваемого (обвиняемого) постоянного, либо временного места жительства, что позволяет следователю (дознавателю) осуществлять контроль за несовершеннолетним посредством вызова в правоохранительные органы в назначенное время, не нарушая его жизненный уклад и, тем самым, не усугубляя психическое состояние. В случае невыполнения подростком требований должностного лица — данная мера пресечения, как правило, заменяется на более строгую.

Наиболее оптимальной, по нашему мнению, является мера пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым. В

данном случае надлежащее поведение несовершеннолетнего, совершившего преступление, должны обеспечивать лица, заслуживающие доверия следователя (дознателя). Такими лицами могут быть родители, опекуны, а также иные лица, имеющие возможность способствовать морально-нравственному воспитанию подростка и осуществлять контроль за его обучением и досугом. В круг обязанностей данных лиц также входит обеспечение явки подростка к должностным лицам, осуществляющим предварительное расследование или в суд. Стоит также отметить, что, назначая данную меру пресечения, следователь (дознатель) не должен иметь сомнений в том, что лицо, которому поручено осуществлять присмотр за несовершеннолетним правонарушителем, не будет всячески усложнять производство по уголовному делу. Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым), в случае его проживания в школе-интернате или детском доме, поручается должностному лицу указанного учреждения.

По нашему мнению, присмотр за несовершеннолетним, исходя из наличия дополнительных гарантий правомерного поведения несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), в большей степени гарантирует наиболее эффективное решение задач уголовного судопроизводства, чем мера пресечения в виде подписки о невыезде.

Мера пресечения в виде заключения под стражу является наиболее строгой из всего перечня. Она, как правило, применяется к несовершеннолетнему в случае совершения им тяжкого или особо тяжкого преступления. Отметим, что, исходя из положений ч. 2 ст. 108 УПК РФ, в исключительных случаях данная мера может быть применена при совершении несовершеннолетним преступления средней тяжести.

П. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» гласит: «Избирая меру пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, суду необходимо руководствоваться требованием ст. 423 УПК РФ об обязательном обсуждении возможности применения альтернативной меры пресечения в виде передачи его под присмотр родителей, опекунов, попечителей или других заслуживающих доверия лиц, а находящегося в специализированном

детском учреждении — под присмотр должностных лиц этого учреждения (ст. 105 УПК РФ)» [12].

Считаем, что заключение под стражу, применяемое к несовершеннолетнему, является крайней и нежелательной мерой, однако, стоит заметить, что в ряде случаев, когда речь идет, например, об убийстве, а результаты проведенной психолого-психиатрической экспертизы свидетельствуют о безоговорочной вменяемости несовершеннолетнего и его устойчивом психическом состоянии — данная мера пресечения будет сопоставима тяжести деяния.

Нередко преступления, совершенные несовершеннолетними, поражают своей расчетливостью и жестокостью, что безусловно, вызывает оправданно жесткую и, в то же время, справедливую реакцию государства.

Так, Весьегонский районный суд Тверской области, рассмотрев в открытом судебном заседании материалы уголовного дела № 1-45/19 в отношении несовершеннолетнего Г., установил, что он совершил преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 105 УК РФ, п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ и ч. 1 ст. 166 УК РФ.

У несовершеннолетнего Г., находившегося в автомашине марки «Lada Vesta», на почве личных неприязненных отношений, в ходе возникшей ссоры с водителем вышеуказанной автомашины Ф. возник преступный умысел на убийство последнего.

С этой целью Г., осознавая фактический характер и общественную опасность своих действий, предвидя наступление общественно опасных последствий в виде смерти Ф., и желая их наступления, действуя по мотиву личных неприязненных отношений, с целью убийства Ф., используя имевшийся у него с собой электрошокер, в качестве оружия, нанес последним Ф. не менее трех ударов в область головы, в результате чего потерпевший покинул салон указанного автомобиля.

Продолжая реализацию задуманного, Г. преследовал за потерпевшим Ф. на улицу, где нанес множественные удары руками и ногами в область головы, шеи и тела Ф. после чего, свернув имевшуюся у него футболку, удерживая ее руками за свободные концы стал сдавливать органы шеи потерпевшего до тех пор, пока Ф. не перестал двигаться.

Достоверно полагая, что потерпевший Ф. мертв, Г., погрузил потерпевшего в багажник автомобиля марки «Lada Vesta», после чего, совершив неправомерное завладение автомобилем, без цели хищения,

проехал на берег реки Кесьма, расположенный около д. Губачево Весьегонского района Тверской области.

Находясь на берегу реки, Г. обнаружив, что потерпевший Ф. пришел в сознание, действуя в продолжение реализации задуманного намерения, направленного на лишение жизни Ф. вооружившись «баллонным» металлическим ключом, используя его в качестве оружия, умышленно нанес последним Ф. не менее трех ударов в область головы, а затем не менее двух ударов кулаком руки в область головы и шеи потерпевшего, в результате чего, потерпевший перестал показывать признаки жизни.

Г., нанося множественные удары руками и ногами, а также баллонным ключом, производя удушение потерпевшего Ф. осознавал общественную опасность своих действий, предвидел неизбежность наступления общественно-опасных последствий в виде смерти потерпевшего, и желал их наступления.

Он же, Г., тайно похитил, находившиеся в вещевом ящике выше указанного автомобиля, принадлежащие потерпевшему Ф., денежные средства в размере 6 тыс. руб., причинив ему значительный материальный ущерб. Похищенными денежными средствами Г. в последующем распорядился по своему личному усмотрению.

В судебном заседании подсудимый Г. вину признал полностью, от дачи показаний отказался.

Из заключения комиссионной амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы ГБУЗ «Областной клинический психоневрологический диспансер» следует, что Г. каким-либо хроническим, временным психическим расстройством, слабоумием, иным болезненным состоянием психики, которое лишало бы его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими в момент совершения деяния, в отношении которого он подозревается, не страдал. В период совершения деяния, в отношении которого он подозревается, Г. не обнаруживал также и признаков какого-либо временного психического расстройства (он был всесторонне правильно ориентирован в окружающей действительности, действия его носили целенаправленный характер, в его поведении отсутствовали признаки галлюцинаторно-бредовой симптоматики или расстроенного сознания), поэтому он мог в тот период в полном мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих дей-

ствий и руководить ими. По своему психическому состоянию Г. мог во время совершения деяния, в отношении которого он подозревается, правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела и давать о них показания, а также самостоятельно осуществлять свое право на защиту.

Руководствуясь ст. 307–309 УПК РФ, суд приговорил: Г. признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 105 УК РФ, п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, ч. 1 ст. 166 УК РФ и назначить наказание по ч. 1 ст. 105 УК РФ в виде лишения свободы сроком на шесть лет, по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ в виде лишения свободы сроком на один год, по ч. 1 ст. 166 УК РФ в виде лишения свободы сроком на один год шесть месяцев. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ путем частичного сложения назначенных наказаний, окончательно назначить Г. наказание в виде лишения свободы сроком на семь лет, с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. Мера пресечения Г. оставить прежнюю — содержание под стражей [13].

Полагаем, что, исходя из характера и тяжести совершенных преступных деяний, избранная мера пресечения и последующее наказание являются полностью оправданными, а смягчение участи лица, совершившего преступление — невозможным.

Мера пресечения в виде домашнего ареста, по нашему мнению, не является достаточно эффективной. Она подразумевает нахождение подозреваемого (обвиняемого) в частичной или полной изоляции в жилище, что не всегда выполнимо, учитывая необходимость посещения несовершеннолетними учебных заведений.

Исходя из сказанного выше, отметим, что должностное лицо, расследующее уголовное дело, фигурантом которого является несовершеннолетний, должно определять вид назначаемой меры пресечения исходя из обстоятельств дела и особенностей личности подозреваемого (обвиняемого). Наиболее действенной, по нашему мнению, является мера пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым ввиду наличия постоянного контроля за ним. Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым не связан с изоляцией от общества, которая может оказать негативное влияние на психику подростка. Однако, мера пресечения в виде заключения под стражу также должна применяться, если того

требуют обстоятельства, несмотря на то, что фигурантом уголовного дела является несовершеннолетнее лицо.

Полагаем, что взаимодействие следователя (дознавателя) с психологом должно осуществляться на обязательной основе при расследовании преступлений, совершаемых несовершеннолетними.

Список источников

1. Стратегии развития воспитания в Российской Федерации до 2025 г. Правительство Российской Федерации // URL://<http://static.government.ru/media/files/f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tEFnyHlBitwN4gB.pdf>.

2. Ильинский И. М., Луков В.А. О стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2015. № 1. С. 5–14.

3. Курагина Т. В. Основы семейного воспитания. Модели отношений в семье. Составные компоненты содержания семейного воспитания // Фундаментальные и прикладные исследования : проблемы и результаты. 2012. № 1. С. 75–79.

4. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила). Организация Объединенных Наций // URL://https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml.

5. Хисматуллин Р. С. Семейные суды по делам несовершеннолетних // Российская юстиция. 2000. № 3. С. 37.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 24 мая 1996 г. № 63-ФЗ (по сост. на 25 декабря 2023 г.) // URL://<http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891>.

7. Школьники-живодеры зверски убили Умку и Бублика и выложили видео в Сеть // URL://<https://www.ntv.ru/novosti/2758170/>

8. «Это кажется шуткой, он придет домой» : в Иркутске подростка спросили «с какого района» и зарезали // URL://<https://www.gazeta.ru/social/2023/12/03/17956417.shtml>.

9. Убийство 13-летней Василисы. Все, что известно к этому часу // URL://<https://www.fontanka.ru/2023/05/03/72272393/>

10. Климова Я. А. Содержание основных структурных элементов криминалистической характеристики преступлений, совершенных несовершенно-

летними // Вестник волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 108–113.

11. Кокорин Д. Л., Мосина С. В. Отдельные аспекты тактики допроса несовершеннолетних // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 2. С. 21–24.

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 28 октября 2021 г.) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // URL://<http://www.consultant.ru/>

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ

3-е изд., перераб. и доп. Учебник. 575 с.
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Под ред. М. В. Мешкова

Предварительное следствие

Учебник

Третье издание

Процессуально-правовая деятельность, составляющая содержание предварительного следствия, рассматривается с учетом соответствующих положений законов и подзаконных актов, современных достижений теории уголовно-процессуального права, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности. Подробно изложены вопросы, касающиеся специфики организации органов предварительного следствия, процессуальной деятельности, взаимодействия органов предварительного следствия с органами дознания, прокуратурой, судом.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности», курсантов вузов системы образования МВД России.

13. Приговор № 1-45/2019 от 14 ноября 2019 г. по делу № 1-45/2019. Весьегонский районный суд (Тверской область). Судебные и нормативные акты РФ // URL://<https://sudact.ru/regular/doc/L16csn19vNV8/>

References

1. Strategies for the development of education in the Russian Federation until 2025 Government of the Russian Federation // URL://<http://static.government.ru/media/files/f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tEFnyHlBitwN4gB.pdf>.
2. Ilyinsky I. M., Lukov V. A. On the strategy for the development of education in the Russian Federation for the period up to 2025 // Scientific works of the Moscow Humanitarian University. 2015. № 1. P. 5–14.
3. Kuragina T. V. Fundamentals of family education. Models of family relationships. The components of the content of family education // Fundamental and applied research : problems and results. 2012. № 1. P. 75–79.
4. The United Nations Standard Minimum Rules for the Administration of Juvenile Justice (the Beijing Rules). United Nations // URL://https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml.
5. Khismatullin R. S. Family courts for minors // Russian Justice. 2000. № 3. P. 37.
6. The Criminal Code of the Russian Federation dated May 24, 1996 № 63-FZ (according to comp. as of December 25, 2023] // URL://<http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&end=102041891>.
7. Schoolchildren-knackers brutally killed Umka and Bublik and posted the video online // URL://<https://www.ntv.ru/novosti/2758170/>
8. «It seems like a joke, he will come home»: in Irkutsk, a teenager was asked «from which district» and stabbed // URL://<https://www.gazeta.ru/social/2023/12/03/17956417.shtml>.
9. The murder of 13-year-old Vasilisa. Everything that is known by this hour // URL://<https://www.fon-tanka.ru/2023/05/03/72272393/>
10. Klimova Ya. A. The content of the main structural elements of the criminalistic characteristics of crimes committed by minors // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 1 (60). P. 108–113.
11. Kokorin D. L., Mosina S. V. Certain aspects of the tactics of interrogation of minors // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 2. P. 21–24.
12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 11, 2011 № 1 (ed. dated October 28, 2021) «On judicial practice of applying legislation regulating the specifics of criminal liability and punishment of minors» // URL://<http://www.consultant.ru/>
13. Verdict № 1-45/2019 dated November 14, 2019 in case № 1-45/2019. Veseyegonsky District Court (Tver region). Judicial and regulatory acts of the Russian Federation // URL://<https://sudact.ru/regular/doc/L16csn19vNV8/>

Информация об авторах

Э. К. Кутуев — заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор юридических наук, профессор, почетный работник в сфере образования Российской Федерации;

А. Г. Соловьев — старший оперуполномоченный по особо важным делам Оперативно-поискового бюро МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the authors

E. K. Kutuev — Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Faculty of Law of the St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker in the Field of Education of the Russian Federation;

A. G. Solovyov — Senior Operative Commissioner for Especially Important Cases of the Operations and Search Bureau of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.02.2024; одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 02.04.2024. The article was submitted 05.02.2024; approved after reviewing 18.03.2024; accepted for publication 02.04.2024.

Научная статья

УДК 341

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-105-111>

EDN: <https://elibrary.ru/ixtdwk>

NIION: 2003-0059-2/24-005

MOSURED: 77/27-003-2024-02-204

К истории контртеррористического взаимодействия правоохранительных элементов национально-правовых (внутригосударственных) и международно-правовой систем по поддержанию миропорядка (на примере международно-правовых акций правоохранительных органов СССР)

Евгений Григорьевич Ляхов^{1,2}

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

² Российская таможенная академия, Московская область, Россия

Аннотация. Рассматриваются важные профессиональные, теоретико-организационные и личностные начала международно-правовой борьбы с терроризмом, где ведущую роль сыграл Станислав Владимирович Бородин и его коллеги по правоохранительным элементам национальной (внутригосударственной) правовой системы СССР в 70–80-е гг. XX в.; определяется роль МВД СССР в создании правовых основ противодействия преступности.

Обозначается вклад, при непосредственном участии С. В. Бородина, Б. А. Викторова совместно с научными сотрудниками и руководителями различных подразделений МВД СССР и МВД союзных республик, в международно-правовую работу центрального аппарата МВД, ставшую в настоящее время одним из основных видов правовой работы в МВД России.

Ключевые слова: терроризм, международно-правовая работа, противодействие терроризму и экстремизму, правовые основы противодействия преступности

Для цитирования: Ляхов Е. Г. К истории контртеррористического взаимодействия правоохранительных элементов национально-правовых (внутригосударственных) и международно-правовой систем по поддержанию миропорядка (на примере международно-правовых акций правоохранительных органов СССР) // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 105–111. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-105-111>. EDN: IXTDWK.

Original article

On the history of counter-terrorism interaction of law enforcement elements of national legal (domestic) and international legal systems to maintain world order (on the example of international legal actions of law enforcement agencies of the USSR)

Evgeny G. Lyakhov^{1,2}

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

² Russian Customs Academy, Moscow Region, Russia

Abstract. Considered important professional, theoretical, organizational and personal principles of the international legal fight against terrorism, where Stanislav Vladimirovich Borodin and his colleagues in law enforcement elements of the national (intra-state) legal system of the USSR in the 70s and 80s of the XX century played a leading role, and defines the role of the Ministry of Internal Affairs of the USSR in creating the legal foundations for combating crime.

The contribution, with the direct participation of S. V. Borodin, B. A. Viktorov, together with researchers and heads of various departments of the Ministry of Internal Affairs of the USSR and the Ministry of Internal Affairs of the Union Republics, to the international legal work of the central office of the Ministry of Internal Affairs, which has now become one of the main types of legal work in the Ministry of Internal Affairs of Russia, is indicated.

Keywords: terrorism, international legal work, counteraction to terrorism and extremism, legal bases of counteraction to crime

For citation: Lyakhov E. G. On the history of counter-terrorism interaction of law enforcement elements of national legal (domestic) and international legal systems to maintain world order (on the example of international legal actions of law enforcement agencies of the USSR). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):105–111. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-105-111>. EDN: IXTDWK.

© Ляхов Е. Г., 2024

Терроризм выступает как угроза безопасности и сотрудничеству субъектов и акторов мирового сообщества: личности, национальным (внутригосударственным) обществам, государствам. Террористический акт, террор, терроризм, международный терроризм [1] — явления и преступные акты не новы для человечества, но в первой четверти XXI в. они заняли лидирующее положение среди иных международных и внутригосударственных преступлений и преступных явлений [2], нередко — как составляющая гибридных войн и инспирированных извне внутригосударственных переворотов.

Составляющие явления «терроризм» и «международный терроризм» — акты насилия, отличаясь громадным разнообразием как по средствам и методам совершения, так и по субъектам и объектам, для Российской Федерации и для многих других стран феномены относительно новые. Эти преступления выходят за рамки общеуголовных деяний, которые, главным образом, покушаются на безопасность и благосостояние личности. Терроризм и международный терроризм, наряду с иными формами организованной преступности, — угрозами государственности, безопасности личности — общества — государства — мирового сообщества [2], воздействуют не только на правопорядок, но и на все стороны и качество жизни народов, государств, национальных и международных регионов. Они — факторы, содействующие созданию синдрома иногда запредельной тревоги в мире.

Российский ученый А. Колесников справедливо констатирует: «если доля населения, пораженная синдромом запредельной тревоги, переходит 70–75 % рубеж, то наступает массовая демотивация активности по большинству ее векторов» [3]. Таково состояние человечества в период мировых войн, ныне «гибридных» и «прокси» неокOLONиальных конфликтов. Терроризм и международный терроризм на Ближнем Востоке, в Европе, на Кавказе и Закавказье, в Центральной Азии (наряду с комплексом социально-экономических, политических и криминальных проблем) являлись и являются факторами, способствующими определённому пессимизму населения этих регионов, а в 20-е гг. XXI в. от Рождества Христова были отмечены покушения на глобальные энергетические и продовольственные логистические системы.

События 11 сентября 2001 г. — нападение на Международный торговый центр в Нью-Йорке —

символ экономического могущества США и всей западной цивилизации и его разрушение [4], «холодная» и «контртеррористические» войны и «цветные (неокOLONиальные) революции» США и отдельных их союзников (прежде всего Великобритании) в Афганистане (при поддержке как действенном, так и молчаливом ряде государств мира и членов НАТО и ЕС,) в Ираке в 2002–2003 гг., в Сирийской Арабской Республике, с 2014 г. — в Украине: как в преступной форме бомбардировок неонацистским правящим режимом этого государства, пришедшим к власти путем государственного переворота, территорий и населения Донецкой и Луганской областей, которые не признали нелегитимную власть и стали независимыми, в 20-е гг. XXI в. они, войдя в состав Российской Федерации, так и включая терроризм как современный неокOLONиальный способ властвования, например, в Европе в форме актов международного терроризма — диверсий на трубопроводах Северный поток I и II в сентябре 2022 г., неоднократно актов терроризма на Крымском мосту.

Терроризм и международный терроризм стали явлением международной и межгосударственной жизни. И контроль над ними: унифицированные объективно-субъектные и акторные отношения личности — общества — цивилизаций — государств — международных сообществ и человечества к понятиям терроризм и международный терроризм, осознанное и грамотное понимание истоков (причин) этих явлений и, наконец, появление национальных и международных контртеррористических структур и систем стали фактом общественной, политической, экономической, финансовой, военной, правовой, культурной жизни, угрожая и подрывая основы современного миропорядка.

Однако иногда противоречиво, но совершенствуются и используются все более адекватно Российской Федерацией и дружественной ей странами (КНР, Индия и др.) индивидуально и коллективно национальные и международные формы и методы противодействия им.

Организация Объединенных Наций преследует и содействует осуществлению следующих целей, формирующих миропорядок. Согласно ст. 1 Устава ООН: «Поддерживает международный мир и безопасность и с этой целью принимает эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или

других нарушений мира и проводит мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира; развивает дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принимает другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира; осуществляет международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии» [5].

Также Всеобщая декларация прав человека (1948 г.) дополняет ст. 28: «Каждый человек имеет право на социальный и международный порядок, при котором права и свободы, изложенные в настоящей Декларации, могут быть полностью осуществлены» [6].

Контртеррористические структуры, противодействующие терроризму, — это орган, органы, системы органов, создаваемые согласно уровню национально-правовых (внутригосударственных) и международных правовых систем и национально-правовым и/или международно-правовым нормам и принципам в рамках и пределах компетенции государственных и международных уполномоченных институтов для противодействия терроризму и/или международному терроризму: контртеррористической деятельности по следующим направлениям:

- 1) определение понятия и сущности терроризма и международного терроризма;
- 2) определение причин и условий, порождающих эти явления;
- 3) определение форм и способов профилактики и предупреждения, пресечения и борьбы с терроризмом и международным терроризмом, а ныне и суверенной и совместной основе социальных и био-природных-технических норм минимизации и ликвидации последствий этих преступлений и преступных явлений.

По сферам деятельности и нормативным основам контртеррористические правоохранительные системы можно разделить на три группы:

- а) национальные (внутригосударственные) — элементы национально-правовых систем и систем национального (внутригосударственного) права;

- б) международные — элементы международно-правовой системы и системы международного права;
- в) комплексные — при создании структур международной уголовной юстиции.

Подчеркнем, что при нынешней структурной расстановке организованных Обществом реальных сил на планете Земле, в первую очередь признанная система государственных институтов, стремящихся обеспечивать всесторонний контроль государства над терроризмом, постоянно совершенствуемая адекватно изменяющимся формам и методам преступной деятельности, способна выполнять сложную задачу обеспечения безопасности в ситуациях угрозы и разнообразия актов терроризма. Добавим, что деятельность конкретного государства в сфере борьбы с терроризмом и международным терроризмом должна быть увязана (как и контртеррористические институты и, особенно, институциональные системы) с аналогичной зарубежной и международной деятельностью, с законной (правомерной) деятельностью иных современных общественных учреждений и институтов, действующих согласно всему спектру норм био-природно-технических и социальных.

В Российской Федерации (как и в других государствах мира) необходимо отметить главные властные институты, которые, в частности, нацелены на контроль над терроризмом и международным терроризмом: уголовная юстиция и все институты обеспечения национальной, региональной и глобальной безопасности, Министерство обороны, Федеральная служба безопасности, Росгвардия, МВД СССР (РФ), с подключением ведомств, борющихся с чрезвычайными ситуациями природно-техногенного характера.

Вместе с тем, мы живем не только в государстве, но и в системе государств, и для налаживания международного (глобального и регионального) контроля над терроризмом и международным терроризмом (как и над другими международными и транснациональными преступлениями государств и индивидов) необходимо учитывать идейно-информационные платформы государств, групп государств международных межправительственных организаций (ММПО), структурных образований международных гражданских сообществ, национальных (внутригосударственных), региональных и глобальных, на которых строится их отношение к явлениям терроризма и международного терроризма, право-

вому и институциональному контролю, а соответственно и практика противодействия, которая должна включать профилактику и предупреждение актов терроризма, пресечение их и борьбу с ними, а также минимизацию и ликвидацию последствий их совершения [7].

Деятельность уполномоченных сотрудников любого правоохранительного национального ведомства на международном уровне как участника международно-правовой борьбы с терроризмом носит как официальный, служебный, так и в качестве эксперта в сложнейших областях противодействия преступности и актам терроризма, в частности, при определении причин и условий, порождающих их.

Расскажем о нескольких важных профессиональных, теоретико-организационных и личностных началах таковой, где ведущую роль сыграл Станислав Владимирович Бородин и его коллеги по правоохранительным элементам национальной (внутригосударственной) правовой системы СССР в 70–80-е гг. XX в.

С. В. Бородин, как один из руководителей ВНИИ МВД СССР и руководитель Академии МВД СССР в 70–90 гг. XX в. сыграл важную роль в становлении эффективного нормотворческого процесса национальных органов, прежде всего МВД СССР, по созданию национальных (внутригосударственных) и международных правовых основ международного сотрудничества по противодействию преступности, особенно профилактике и предупреждению преступлений, борьбе с ними, например, наркобизнесом и терроризмом, защите прав человека, соприкоснувшегося с уголовным правосудием.

Деятельность в этом плане условно разделяется на следующие направления:

- ♦ вклад научно-исследовательских и образовательных учреждений, в частности, системы МВД СССР и РФ:

- а) с научно-теоретической точки зрения;
- б) юридико-догматической;
- в) юридической политики;

- ♦ участие сотрудников МВД России, включая таковых из научно-исследовательских и образовательных учреждений, в создании и деятельности международных органов, вырабатывающих международно-правовые акты противодействия криминальным угрозам безопасности мирового сообщества;

- ♦ международно-правовая работа МВД России.

С. В. Бородин организовывал, поощрял, кадрово укреплял, сам участвовал в деятельности МВД и других правоохранительных органов СССР и субъектов СССР, стран социалистического содружества по указанным направлениям, тем более успешно и эффективно, ибо опирался на достижения советской науки и высокую квалификацию практиков, уделявшим инициативное внимание международному сотрудничеству в борьбе с преступностью.

Подчеркнем, что участие руководящих сотрудников МВД СССР и МВД России в деятельности международных органов и организаций, вырабатывающих и применяющих международно-правовые нормы и принципы противодействия международному терроризму, наркобизнесу и незаконной торговле оружием как угрозам безопасности мирового сообщества, получило нормативно-правовое основание еще в 1967 г., благодаря усилиям тогдашнего заместителя министра внутренних дел генерал-лейтенанта юстиции Бориса Алексеевича Викторова. Президиумом Правительства СССР было принято Постановление о возложении на МВД СССР всех представительских функций на международном уровне по вопросам предупреждения преступности, борьбы с ней и обращения с правонарушителями. Естественно, под контролем МИДа и в сотрудничестве с КГБ СССР и другими правоохранительными органами. Основная цель — изучение и использование применимого в СССР зарубежного и международного опыта противодействия преступности, включая опыт правовой.

В тот период и вплоть до начала 90-х гг. центральное место для СССР и его субъектов в вопросах борьбы с преступностью занимали специальные вспомогательные органы ООН: Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Отделение Секретариата ООН по предупреждению преступности и борьбе с ней и некоторые другие органы. Главным органом был и остается в XXI в. Конгресс, собирающийся один раз в пять лет [8]. Центральное место занимал Комитет, состоявший из 27 экспертов (в личном качестве) — известных специалистов в области уголовного права и криминалистики, который в начале 90-х гг. был преобразован в Межправительственную комиссию по тем же вопросам. Эксперты от СССР — представители МВД СССР и РФ — Б. А. Викторов, С. В. Бородин, Н. А. Кудрявцев (оба руководители Акаде-

мии МВД СССР) и др. внесли свой значительный вклад в разработку и применение норм и принципов организации и деятельности всех направлений международного сотрудничества в борьбе с преступностью и терроризмом.

Вклад МВД СССР в создание правовых основ противодействия преступности был значителен также в связи с тем, что в работе Конгрессов ООН принимали, кроме делегации СССР, делегации от УССР и БССР как полноправных членов ООН. Делегации возглавлялись заместителями министров МВД этих республик [9]. Добавим, что в делегации СССР включались представители правоохранительных органов других советских республик. Сотрудники научно-исследовательских и образовательных учреждений МВД СССР и РФ принимали участие в работе международных общественных организаций, занимающихся вопросами борьбы с терроризмом [10].

При С. В. Бородине, Б. А. Викторове и с их непосредственным участием, совместно с тогдашними научными сотрудниками и руководителями различных подразделений МВД СССР и МВД союзных республик было положено начало международно-правовой работе центрального аппарата МВД, ставшей в настоящее время одним из основных видов правовой работы в МВД РФ [11, с. 222–231].

Как известно и уже указывалось выше, одной из оправдавших себя форм международной борьбы с преступностью является Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовной юстиции. На Конгрессе, состоявшемся в 1980 г. в Каракасе (Венесуэла), в работе которого приняли участие делегации СССР, Белоруссии и Украины, и разыгрались те события политико-правового характера, в которых активное участие принял С. В. Бородин, А. Я. Сухарев — глава делегации СССР на Конгрессе, 1-й заместитель министра юстиции СССР, В. Н. Кудрявцев и др.

Одним из наиболее проблемных, важных и сложных вопросов, которые рассматривались на указанном конгрессе, явился вопрос профилактики преступлений, совершаемых со злоупотреблением экономической властью.

На VI Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, при обсуждении темы «Преступность и злоупотребление властью: правонарушения и правонарушители вне

действия закона?» Венесуэла, Испания, Канада, США, Швейцария и Швеция представили проект резолюции «Предупреждение злоупотреблений властью».

В данном проекте в самом общем виде предлагалось уделять больше внимания законодательной и судебной формам борьбы со злоупотреблениями экономической и политической властью. Одновременно предлагалось разрабатывать на международном, региональном и национальном уровнях более эффективные стратегии такой борьбы. Особо подчеркивалось, что ООН необходимо уделять больше внимания защите развивающихся стран от злоупотреблений властью транснациональными корпорациями.

Резолюция при доработке в конечном итоге получила подчеркнутую антикоррупционную и антимонополистическую направленность. В проекте резолюции, по настоянию развивающихся стран, рекомендовалось «информировать общественность о пагубных последствиях злоупотреблений экономической и политической властью, включая такие злоупотребления, которые совершаются или порождаются в ходе осуществления многонациональными или транснациональными корпорациями своей деятельности». Это дополнение было встречено на VI Конгрессе «в штыхы» многими представителями западных стран, в том числе (и одним из соавторов первоначального проекта рассматриваемой резолюции) — США, глава делегации которой заявил об отзыве их проекта. Однако Венесуэла (один из соавторов проекта и сторона принимавшая Конгресс) и другие развивающиеся страны, поддержанные делегациями СССР, БССР и УССР, другими социалистическими государствами, настояли на ее одобрении в Комитете II, который и принял ее большинством голосов.

Однако такого рода документ требует одобрения пленарного (общего) заседания Конгресса двумя третями голосов присутствующих и участвующих в голосовании представителей государств (только государств; это право не предоставляется иным участникам Конгресса).

Поскольку США и другие государства — инициаторы первоначального проекта резолюции продолжали проводить кампанию по бойкоту проекта резолюции, одобренного Комитетом II, возникла опасность неодобрения резолюции двумя третями голосов государств на заключительном пленарном заседании Конгресса. В связи с этим Венесуэла, Куба,

СССР, УССР и БССР, в строгом соответствии с Регламентом работы Конгресса, использовали процедуру, содержащуюся в Правиле 33 относительно принятия решений Конгрессом по всем вопросам существа: «если Конгресс не примет иного решения», т. е. если Конгресс не решит одобрять то или иное положение Доклада Конгресса или иной документ, типа резолюции, иным большинством голосов, нежели две трети. На пленарном заключительном заседании Конгресса представитель Кубы предложил принять решение согласно Правилу 33 о том, что для принятия проекта резолюции, осуждающей акты противоправной деятельности транснациональных корпораций в развивающихся странах, необходимо простое большинство, а не две трети голосов [12, с. 69]. После обсуждения Конгресс принял это предложение 49 голосами против 25 при трех воздержавшихся. Затем и проект резолюции был одобрен Конгрессом поименным голосованием 45 голосами против 20 при 16 воздержавшихся.

Принятие резолюции явилось победой всех стран, выступающих за установление справедливого и взаимовыгодного международного экономического порядка — центральной части миропорядка, против злоупотребления властью транснациональными корпорациями в развивающихся странах.

В связи с этим прецедентом и уже после окончания работы Конгресса был поднят вопрос об оговорке, содержащейся в Правиле 33: «если конгресс не примет иного решения...». В записке Секретариата ООН, представленной на рассмотрение VI сессии Комитета ООН по предупреждению преступности и борьбе с ней, состоявшейся сразу после VI Конгресса там же, в Венесуэле, предлагалось эту оговорку убрать. Понимая, что в этом случае проблема деления вопросов на процедурные и вопросы существа останется открытой, авторы записки предложили следующий вариант: «В случае возникновения сомнений относительно того, является какой-либо вопрос вопросом процедуры или вопросом существа, Председатель Конгресса принимает постановление по этому вопросу. Протест против этого постановления немедленно ставится на голосование, и постановление Председателя остается в силе, если протест не утверждается большинством присутствующих и участвующих в голосовании представителей».

Предложение Секретариата было направлено на то, чтобы ликвидировать типичную в таких случаях

«процедурную уловку», заключающуюся в проведении решения по существу по облегченной системе голосования как «процедурного решения». На вопрос о том, была бы достигнута эта цель, если бы предложение Секретариата оказалось принятым, следует ответить отрицательно, ибо на практике в любом случае сам вопрос о том, каким большинством голосов (простым или квалифицированным) следует принимать то или иное решение, воспринимается как процедурный и решается простым большинством голосов.

Однако тогда, на заседании Комитета в Венесуэле в 1980 г., в работе которого активное участие приняли члены — делегации СССР С. В. Бородин (член Комитета от Советского Союза) и эксперт Е. Г. Ляхов (Академия МВД СССР) было решено, что едва ли следует упрощать ситуацию и возлагать решение этого важного вопроса на одно лицо, притом избранное на время работы Конгресса, а именно на Председателя Конгресса. Соответственно ст. 33 Регламента Конгресса справедливо не была изменена.

Представляется, что указанные «процедурные» аспекты наглядно показывают, с каким пристальным вниманием изначально относились к экономическому давлению (диктату) транснациональных компаний развивающиеся страны. Это внимание не только не ослабевает, но и возрастает в наши дни.

Яркий пример — события в Украине в первой четверти XXI в. Писатель Фазиль Искандер сказал: «Бизнес без совести — зверинец с открытыми клетками». Точнее не скажешь, видя деятельность некоторых дорвавшихся до государственных постов «бизнесменов» в Украине, да и «работу» там же представителей американских транскорпораций, еще и «прикрытых» (опекаемых) высокими должностными лицами США, НАТО и ЕС.

Список источников

1. Ляхов Е. Г. Проблемы сотрудничества государств в борьбе с международным терроризмом. М. : Международные отношения, 1979.
2. Ляхов Е. Г., Ляхов Д. Е. и др. Международное право и международная уголовная юстиция: взаимодействие по обеспечению безопасного и справедливого миропорядка : моногр. М., 2020.
3. Информационный сборник «Безопасность». 1998. № 11-12.
4. September 11 attacks // Энциклопедия Britannica.

5. Устав Организации Объединенных Наций // Официальный сайт ООН // URL://<https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>.

6. Всеобщая декларация прав человека 1948 г. // Официальный сайт ООН // URL://https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

7. Ляхов Е. Г., Ляхов Д. Е., Алимов А. А. Безопасность государства и Мирового сообщества: теоретико-правовая формула обеспечения в XXI веке : моногр. Челябинск. 2015.

8. Ляхов Е. Г. Международное право : учебник. М., 2016.

9. Бородин С. В., Ляхов Е. Г. Международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью. М. : Международные отношения, 1983.

10. Ляхов Е. Г., Попов А. В. Терроризм: национальный, региональный и глобальный контроль. М. ; Ростов н/Д., 1999.

11. Ляхов Е. Г., Ляхов Д. Е., Алимов А. А. Право безопасности государства и мирового сообщества в III тысячелетии от Рождества Христова. Челябинск, 2014.

12. Ляхов Е. Г., Ляхов Д. Е. Право международной безопасности (противодействие криминальным угрозам государству и мировому сообществу) : учеб. пособие. М. : РИО Российской таможенной академии, 2017.

References

1. Lyakhov E. G. Problems of cooperation between states in the fight against international terrorism. M. : International Relations, 1979.

2. Lyakhov E. G., Lyakhov D. E. et al. International law and international criminal justice : interaction to ensure a safe and just world order : monogr. M., 2020.

3. Information collection «Security». 1998. No. 11-12.

4. September 11 attacks // Encyclopedia Britannica.

5. Charter of the United Nations // Official website of the United Nations // URL://<https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>.

6. The Universal Declaration of Human Rights of 1948 // Official UN website // URL://https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

7. Lyakhov E. G., Lyakhov D. E., Alimov A. A. Security of the state and the world community: a theoretical and legal formula for ensuring in the XXI century: monograph. Chelyabinsk. 2015.

8. Lyakhov E. G. International law : textbook. M., 2016.

9. Borodin S. V., Lyakhov E. G. International cooperation in combating criminal crime. M. : International Relations, 1983.

10. Lyakhov E. G., Popov A.V. Terrorism: national, regional and global control. M. ; Rostov N./D., 1999.

11. Lyakhov E. G., Lyakhov D. E., Alimov A. A. The right to security of the state and the world community in the III millennium after the Birth of Christ. Chelyabinsk, 2014.

12. Lyakhov E. G., Lyakhov D. E. The law of international security (countering criminal threats to the state and the world community) : studies. the manual. M. : RIO of the Russian Customs Academy, 2017.

Информация об авторе

Е. Г. Ляхов — профессор кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, профессор кафедры конституционного и международного права Российской таможенной академии, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, I вице-президент Российской ассоциации международного права.

Information about the author

E. G. Lyakhov — Professor of the Department of Human Rights and International Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Russian Customs Academy, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, I Vice-President of the Russian Association of International Law.

Статья поступила в редакцию 21.01.2024; одобрена после рецензирования 28.01.2024; принята к публикации 03.04.2024.

The article was submitted 21.01.2024; approved after reviewing 28.01.2024; accepted for publication 03.04.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-112-118>

EDN: <https://elibrary.ru/inmslu>

НИОН: 2003-0059-2/24-006

MOSURED: 77/27-003-2024-02-205

Методология постижения природы права

Валерий Петрович Малахов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, valery-malakhov@mail.ru

Аннотация. Постигание природы права — специфический методологический вопрос: это, прежде всего, вопрос не о том, что такое право (в сущности или в явлении), а что такое право как предмет мышления, т. е. отвечать на вопрос о природе права — значит, определять, какого мышления требует ее постижение. Сам по себе познавательный процесс еще не обеспечивает этого постижения (понимания), и потому познавательное, предметно-научное мышление — не тот тип мышления, который ведет к пониманию природы права.

Вопрос о природе права, который в разных модификациях ставится в теории, имеет два смысловых контекста: природа права как его бытие и природа права как то, что характеризует его изначальное состояние (по-иному это звучит как вопрос о происхождении права). Право в первом контексте есть предмет философии права, право во втором контексте есть предмет науки (прежде всего антропологии и истории). Вопрос о природе права на самом деле не является адекватным предметом науки, поэтому он должен решаться, прежде всего, как философский, научное же понимание природы права должно быть своеобразной конкретизацией, содержательной интерпретацией философско-правового понимания. Философия права обращена к природе права в его идее, наука обращена к природе права в его явлении. Научное понимание природы права должно быть в достаточной степени очищено от культурных, исторических, эмпирических наслоений и представлять собой понимание явления права как такового. Но поскольку право как таковое — лишь теоретическая абстракция, постольку его присутствие в юридической науке должно пониматься лишь как концептуальная установка в построении всей правовой теории.

Ключевые слова: методология, право, природа, бытие, мышление права, изначальность, существование, происхождение, явление, сущность

Для цитирования: Малахов В. П. Методология постижения природы права // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 112–118. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-112-118>. EDN: INMSLU.

Original article

Methodology of understanding the nature of law

Valery P. Malakhov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, valery-malakhov@mail.ru

Abstract. Comprehension of the nature of law is a specific methodological question: first of all, it is not a question of what law is (in essence or in phenomenon), but what law is as a subject of thought, i.e. to answer the question about the nature of law means to determine what kind of thinking its comprehension requires. The cognitive process itself does not yet provide this comprehension (understanding), and therefore cognitive, subject-scientific thinking is not the type of thinking that leads to an understanding of the nature of law.

The question of the nature of law, which is raised in theory in various modifications, has two semantic contexts: the nature of law as its being and the nature of law as what characterizes its original state (in another way it sounds like the question of the origin of law). Law in the first context is the subject of the philosophy of law, law in the second context is the subject of science (primarily anthropology and history). The question of the nature of law is actually not an adequate subject of science, therefore it should be solved primarily as a philosophical one, while the scientific understanding of the nature of law should be a kind of concretization, a meaningful interpretation of philosophical and legal understanding. The philosophy of law addresses the nature of law in its idea, science addresses the nature of law in its phenomenon. A scientific understanding of the nature of law should be sufficiently cleansed of cultural, historical, and empirical layers and represent an understanding of the phenomenon of law as such. But since law as such is only a theoretical abstraction, its presence in legal science should be understood only as a conceptual setting in the construction of the entire legal theory.

Keywords: methodology, law, nature, being, thinking of law, primordial, existence, origin, phenomenon, essence

For citation: Malakhov V. P. Methodology of understanding the nature of law. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):112–118. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-112-118>. EDN: INMSLU.

Введение

Вопрос о природе права парадоксален. С одной стороны, ответ на него, как и о природе любого другого феномена, является финальным в его постиже-

нии, должждаемым синтезом накопленного объема знаний, итогом многоаспектного, сложного и максимально детализирующего (содержательного) процесса. Он обозначает тот предел, за который загляды-

© Малахов В. П., 2024

вать уже не имеет познавательного смысла: за ним — пустота, полная неопределенность или предметная неадекватность. С другой стороны, понимание природы права с необходимостью является начальным моментом, не просто интеллектуальным, но ментальным импульсом к познанию. Парадокс именно в этом: природу права нельзя понять, уже не понимая ее.

Сказанное призвано обратить внимание на то, что существует принципиальная разница между научно-познавательным процессом и философско-постижительным актом. В контексте познавательного процесса утверждение о природе того или иного феномена в качестве начального бессмысленно, поскольку, опираясь только на простое постулирование, — а иного при таком подходе быть не может, — произвольность которого в некоторой степени может компенсироваться некоторыми очевидностями, дальнейшее исследование вопроса становится ненужным, а его результаты — тавтологичными. В контексте же постижительного акта без уже имеющегося понимания природы права невозможно организовать познавательный процесс, в том числе, отделить имманентно присущее праву от привносимого в него в историко-культурном процессе.

Познавательная ситуация всегда конкретна, как и ее результат, и всякое обобщение, вплоть до мышления идеи, — это уже не познавательная ситуация, а понимательная (постижительная). В науке субъекту не даны возможности включения в понимание (в философском смысле, конечно), поэтому результат познания всегда поверхностен, фрагментарен, инструментален.

Понимание природы права выстраивается из сложной мозаики составных характеристик, черт, моментов, аспектов и т. п. Но в акте понимания все эти характеристики, однако, растворяются и имеют смысл только для определения понятия права.

Методологическое мышление как мышление природы права

Отвлеченное (доведенное до абстракции) мышление не следует путать с теоретическим. Первое, как правило, фрагментарно, несистемно, второе всегда представляет собой в той или иной степени сконструированную систему идей, положений, позиций. Отвлеченное мышление способно продуцировать очень интересные и плодотворные идеи, но они слу-

чайны и в рамках этого типа мышления редко разворачиваются в совокупность выводных суждений, характерных для теоретического мышления. С позиций сказанного отечественная общеправовая теория — вряд ли теория в точном смысле слова. Элементы системности в ней, несомненно, присутствуют, но на системообразующих идеях и взаимодействиях она все же не базируется, а если эти элементы и есть, то они почти всегда из области идеологии, но не науки или философии.

Что такое методология — вопрос, решаемый, как правило, с точки зрения характеристики его структуры [1, с. 42–56], и элементы этой структуры выбираются с точки зрения того, с какими функциями методология ассоциируется. К функциям методологии можно отнести, как минимум, упорядочение (систематику), концептуализацию (выход на уровень концептов) и ограничение (поскольку всеобъемлющей методологии нет). Понятно, что обращение к вопросу о природе права требует методологии, концептуализирующей исследование. Чаще всего, однако, методология в юридической теории имеет систематизирующую направленность.

Теории, научные или ненаучные, по своему существу и назначению являются методологиями организации содержания мысли о любом предмете, в том числе и о самом мышлении предмета. Их можно представить как методики обобщений, начиная с ближайших, непосредственных и заканчивая предельно масштабными для конкретной теории, мировоззренческими. Степень содержательности теории зависит от уровня обобщения. Конкретные, ближайшие, непосредственные обобщения содержательны, предельные обобщения бессодержательны. Совокупность предельных обобщений формирует и составляет методологическое мышление. Методологическое мышление — чистая, бессодержательная, непредметная конструкция мысли о предмете.

Методологий много, а методологическое мышление одно. Первые со вторым соотносятся как содержание с формой. В методологическом мышлении две имманентные формы, два типа связей элементов мысли о любом предмете — диалектика (как строй идейно-категориального мышления) и логика (как строй понятийного мышления).

Методология адекватна, пока она в приложении к выбранному предмету и поставленной проблеме единственная. Любая методология, даже такие фун-

даментальные, универсальные, как диалектическая и формально-логическая, непосредственно характеризующие природу методологического мышления, позволяет, однако, различить предмет лишь в определенном аспекте. Привлечение к исследованию определенного предмета нескольких методологий, чаще всего связанных лишь с отдельными моментами, сторонами общей проблемы, делает такое исследование лишь внешне цельным, но на самом деле — внутренне мало согласованным. Если отдельные элементы предмета теории раскрываются с помощью разных методологических инструментов, то сложить все это в цельную картину крайне сложно, если вообще возможно. Сочетание методологий (его не следует путать с сочетанием методов) в одном исследовании — свидетельство хаотичности мышления о предмете. В сущности, оно представляет собой произвольное выстраивание мыслительного процесса, в котором простая последовательность в описании и мышлении о предмете (систематизация) предстает как смысловая связанность, некоторое рациональное единство.

Познавательная ситуация всегда конкретна, как и ее результат, всякое обобщение, вплоть до мышления идеи, — это уже не познавательная ситуация, а понятательная. В науке субъекту не даны возможности включения в понимание, поэтому результат познания всегда поверхностен, фрагментарен, инструментален.

Принципиальной установкой в решении проблемы природы права является признание самой этой проблемы по своему существу философской, а не научной, что, конечно, научного описания права в его сущности не исключает. Но только в сущности, а не в природе.

Природа права как предмет мышления

Понимание права есть проявление его природы в правосознании, природа которого имманентна самому праву. Их принципиальная координация должна приниматься как методологический принцип.

Природа того или иного феномена — человека, права, власти и т. д. — скрыта в мысли о нем. Право есть «внутренняя жизнь всего остального, что можно выразить словами» [2, с. 251–252], оно есть смысл всего, что мы относим к размышлению о праве. А поскольку, по убеждению Г. В. Ф. Гегеля, противоречивость разума как «вещи в себе» и есть его при-

рода [3, с. 86], постольку, во-первых, природа права есть «вещь в себе» (в отличие от «вещи для себя» как сущности права и «вещи для нас» как явленности права), а во-вторых, его природа состоит во всем многообразии заложенных в нем противоречий.

Мышление о природе права направлено на понимание права в его универсальности. Универсальность права должна означать его применимость в неопределенно широком диапазоне условий и целей. Но универсальность — вовсе не отмычка от всех дверей, а лишь открытость возможностей сопрягаться с целями самого разного порядка — от ситуативных до стратегических и метафизических.

Право по его природе понимается как должное для действительного права. Но оно, однако, — не совершенное состояние, не предельно отвлеченная мысль, напрочь отлетевшая от действительности, а те рамки, в пределах которых феномен права сохраняет свою качественную определенность и способность адекватно проявляться в действительности. Обнаружить эти рамки и построить рассуждения о праве на пределе этой определенности — и есть задача теории. Но эта рамка в сложившейся общеправовой теории пока не просматривается. Как следствие, действительное право и право в его теоретическом представлении начинают вести «параллельное» существование, и мысленной смычкой между этими «параллелями» остаются только сравнение и аналогия.

«Мышление есть условие мышления» [4, с. 378]. Есть такие вещи, которые сами себе являются условиями. Они безусловны, самодостаточны. Таковы справедливость, свобода, таково и право. Понять право в его природе можно только из самого права (в отличие от сущности). Право есть условие права, т. е. из того, что правом не является, право появиться не может. Право появляется из права и направлено на право, а в видимости, в следствиях направлено уже на все жизненно существенное.

В своей тавтологичности право трансцендентально, т. е. имеет основание в самом себе, а значит может быть только безатрибутивным субъектом суждения обо всем в некотором повороте этого «всего» как правового.

В самообоснованности права его самоценность. Самоценность — атрибут подлинности, и наоборот. Мысль о самоценности права подводит к пределу мышления о праве: право есть право.

Право эффективно, пока самоценно, вне самоценности оно может быть только многозначно действенным. Самоценность права в его действительности выражается в существующем порядке (как традиции, наследии, точке отсчета и опоры).

Право в его бытии

Мысль о природе права — это мысль о праве в его бытии. Пока удерживается мысль о бытии права, право предстает в своей природе. В контексте эмпирического (в том числе социологического) мышления мышление права в его бытии бессодержательно, в контексте философского мышления мышление права в его явлении бессмысленно. Выражать реальность в ее явлениях — значит отражать ее, выражать реальность в ее бытии — значит мыслить ее.

В мысли о природе предмета осуществляется переход к тождеству бытия и мышления предмета. В самом бытии права форма и содержание взаимопоглощаются, сливаются, отождествляются. Понимание права — в мышлении его бытия, т. е. постижении тождества его формы и содержания.

«Есть» означает, во-первых, «существовать», во-вторых, — «принадлежать». В первом случае мы говорим о бытии, во втором случае — о связи. Бытие есть существование права, но не ограниченное его объективностью: бытие права — это принципиально важно — есть его существование в человеке. Предметы объективного мира (в том числе действующее, действительное право) обладают бытием в возможности, оно есть поле возможных проявлений смыслов, приписываемых праву. В своем бытии право обретает содержательную бесконечность, а содержательная бесконечность предмета есть его идея. Идея — бытие предмета мысли. С этого начинается философия как осмысление проблемы предметности идеи. Предметность права не должна мыслиться как способ его бытия; бытие не имеет способов, оно просто бытие.

Бытие есть данность, не имеющая причины (не связанная с причиной, условием), поэтому предмет в его бытии не познается, а созерцается, схватывается. Созерцание, схватывание — непосредственное столкновение с предметом и отождествление с ним. Этот процесс сегодня мало кому доступен, поскольку внесловесного отношения к миру, осмысливания неосмысливаемого к реальности уже не осталось.

Бытие права как процесс есть поток, в котором правовая жизнь предстает как происходящее. Бытие

права как состояние есть замысел права, который просвечивает в любом конкретном действии, отношении, норме, правиле и т. п. Бытие права есть, в таком случае, идея права как реального. Посредством бытия абсолютное обретает свойство реальности. Мысль о бытии — это, в сущности, идея абсолютности, постоянства, незыблемости того, что есть в каждой вещи, в любом процессе. Их бытие соединяет их во всеобъемлющее целое, что и есть право.

Е. В. Тимошина пишет, что в рамках классического понимания право предстает в виде объективно идеального бытия [5, с. 241]. Это так, поскольку бытие вообще чего угодно иным не является: оно всегда идеально и объективно. В отличие от бытия права, существование права реально (поскольку все заключено в форму, связано с ней), но может быть как объективным, так и субъективным. Явление только объективно, и потому правовая теория, обращаясь к вопросу о природе права в его явлении (а другого подхода быть не может), интересуется правом только в его объективности как отделенности от субъекта, противопоставленности ему. Сущность только субъективна, и потому правовая теория, обращаясь к вопросу о природе права в его сущности, превращается в идеологию.

Попытки ряда теоретиков права вписать вопрос о природе права в юридическую теорию осуществляются преимущественно в рамках так называемой постклассической теории права. Вопрос этот, повторим, философский, и юридизировать его вряд ли можно. Если постклассика состоит в том, чтобы переиначивать философские понятия, произвольно наделяя их новыми значениями, то принимать ее не следует. Так, например, есть ученые, которые утверждают, что моментами содержания понятия бытия права являются и гносеология, и аксиология, и методология. Это неадекватное использование понятия бытия (идеи права). За счет такого смещения создается иллюзия смены познавательной парадигмы, но на самом деле осуществляется лишь простое перекрашивание старых теоретических «стен».

Право в его изначальности

Природа любого явления (в том числе и права) есть то, что обусловлено естественным ходом вещей, естественными причинами. Слово «природа» здесь близко по значению понятию природы как того, что отлично от общества. В данном случае речь идет о

праве как явлении (т. е. действительности), об обусловленности его, а не самопричинности, и о естественности как закономерности. Но для понимания природы права этого недостаточно, поскольку оно существует не только в явлении. Если точнее, главным является понимание природы права как того, что не исчерпывается его явленностью и даже сущностью. Но от этого условия юридическая теория отвлекается.

Право в каком-либо первоначальном виде появляется вследствие ряда устойчивых условий жизни, но появляется не в причинной связи, не как необходимое следствие; оно случайно в своей определенности. Природа есть то, что в действительном (действующем, существующем) праве обуславливает все, ему имманентное и адекватное. «На каком бы этапе своего исторического развития ни находилось право, его точка зрения всегда была, есть и будет точкой зрения необходимости» [6, с. 41]. Вернее сказать — точкой зрения целесообразности, соединенной с прочностью и надежностью. Это и есть необходимость в правовом смысле.

В природе все существует или как общее, или как единичное. Общее есть законы процессов, единичное есть вещи, предметы, «участники» процессов. Особенное вносит в мир человек. Особенное позволяет обобщать, строить аналогии, т. е. познавать, а иначе мир сознанию непонятен. Сознание с точки зрения своей сущности и есть отражение мира в его особенностях. Особенное — единственная гносеологическая категория; общее и единичное — онтологические категории.

Право появляется тогда, когда появляются правила, упорядочивающие совместную жизнь людей. Изначально это было естественно и легко, поскольку повседневная жизнь была однообразна как в направлении, так и в форме, она была полна ритуалов, инициаций, процедур, порядков и заклинаний. Но в точном смысле слова право начинает функционировать как самостоятельная сила, когда правила выделяются из повседневной жизни и приобретают отвлеченный (модельный) характер, превращаются из формы, слитой со смыслом деятельности, с ее содержанием и целями, просто в форму, не ограниченную конкретным смыслом, в пригодную для самого разного форму, т. е. в форму многоцелевую. В таком виде она оказывается первичной по отношению к содержанию.

В совокупности первоначальных правил запреты носили явно превосходящий, господствующий характер, даже в сравнении с правилами обязывающего или мотивирующего плана, прежде всего в силу их большей однородности и простоты, ясности. Поэтому право — самый древний институт организации поведения людей. В рамках права общество живет как организация, а вне этих рамок — как организм.

Э. Фромм утверждал: появление человека произошло, в числе прочего, «вследствие утраты природной адаптации принудительного характера» [7, с. 29]. Не следует ли из этого, что право по своей природе и первоначальному воплощению есть форма организации и осуществления принуждения, призванная компенсировать утрату человеком в его социальной жизни природных принудительных механизмов жизнеобеспечения? Утвердительный ответ на данный вопрос в качестве следствия имеет два суждения: 1) право является наиболее целесообразным, соответствующим природе человека и общества образованием; 2) юридическое право, построенное на доминирующей системе принуждения, в наибольшей степени соответствует праву по его природе с точки зрения его изначальности.

Протоправовые свойства жизни «изначальных» людей являются основными условиями образования общества, условиями перехода к общественной жизни. Эти основные свойства выражены в сочетании ситуативности с правилами, обычаями, привычками. Причем, привычки являются в этом сочетании основными. Данное сочетание действует и тогда, когда индивидуальное еще не выделено из общего и, тем более, не противопоставлено ему. При этом следует уточнить, что здесь речь о механизме выделения индивидуального (индивидуного), а не единичного, оригинального, уникального, разового и т. п.

Право древнее (изначальное) и право современное — совершенно разные феномены. Но что их при этом объединяет? Это и есть вопрос о природе права в его научно-познавательном плане. Ответ на этот вопрос выводит на такой уровень абстракции, на котором о действительном праве уже мало что можно сказать. Право в его родовом смысле есть некая предельно общая модель, которую именно вследствие ее абстрактного характера можно обнаружить в любом состоянии, номинируемом в качестве права. Эта абстракция позволяет и восточные формы орга-

низации общественных отношений, и африканские и т. д. рассматривать как право. Однако то право, которое предстает как указанная абстрактная до универсальности модель, на самом деле является таковым лишь в контексте западной (западноевропейской) самоидентификации; право — самоназвание в рамках западной (или западноподобной) культуры.

Полагать, что право зарождается из позитивных действий, деятельности людей в их общественной жизни, вряд ли верно. Во-первых, здесь обнаруживается спутывание генезиса права с генезисом социальных норм вообще. Во-вторых, право, как и все социальные нормы, вырастает, прежде всего, из табу и ритуалов, а не из деятельности. Общественная жизнь лишь в сравнительно развитом состоянии становится более разнообразной и порождает конструктивное право. В любом случае позитивность в праве вторична и не определяет его природы.

«Мы непрерывно создаем общество и действуем так, как будто оно существует как некое множество» [8, с. 77]. Точно так же непрерывно создается право как некое совокупное общественное состояние и право как состояние человека. Но в каком смысле и каким образом создается право? Право не творится в отношениях и деятельности, а является их условием, всегда как бы предшествует им, и оно всегда уже «создано». Поэтому нормотворчество и законотворчество есть лишь проявление права в деятельности. Если признать право творимым в какой-либо момент времени общества, тогда, рано или поздно, мы должны будем признать, что оно было первосотворено, т. е. появилось, не будучи перед этим, появилось из того, чем оно не было. Но из ничего что-то не возникает. И это основной «постулат» обычного мышления права (и мышления самого обычного права).

Природа права одинакова в праве любого конкретного исторического периода и культурного ареала. Поэтому искать ответ на вопрос о природе права в неких первоначальных состояниях бессмысленно. В данном случае на самом деле предметом внимания становится содержание права и его функциональность.

Таким образом, в научно-познавательном плане вопрос о природе права привычно связывается с вопросом о его происхождении (возникновении, формировании). Сам по себе такой вопрос вполне состоятелен, но недостаточен для решения проблемы понимания права. Понимание условий, содержания

и самого процесса происхождения права еще не обеспечивает понимания того, что такое право. Если не так, тогда открывается необъятное поле сплошных и сквозных аналогий, когда что угодно можно сравнить с чем угодно. Из того, в силу (по причине) чего появляется нечто новое — право, мораль и т. п., — нельзя понять, что же при этом появляется.

Заключение

Несмотря на кажущуюся очевидность, между мыслью о природе предмета и содержательным наполнением мысли о предмете нет строгой логической связи. Такая связь — пусть неизбежное, но только допущение, и опирается она на «мистическое или смутно-полумистическое» состояние, в котором «почти неизбежно движется человеческая мысль, стремящаяся постичь природу» [9, с. 23]. Руководящая роль идеи — а природа предмета есть его идея, но не некий итоговый рациональный вывод — не в аксиоматичности, а в способности быть ориентиром, направлением, своеобразной Полярной звездой в акте понимания.

Ни одна теория происхождения права не построена на доказательстве. Все доказательства на деле лишь теоретические предположения, делающие возможным понимание действующего, актуализированного права. Закладывание оснований понимания природы — видимость, а в сущности же все наоборот: именно пониманием природы права реконструируется (конструируется) процесс происхождения.

Список источников

1. Малахов В. П. Философия права. М., 2007.
2. Мамардашвили М. К. Очерки современной европейской философии. М., 2010.
3. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. В 3 т. Т. 1. М., 1970.
4. Мамардашвили М. К. Полный курс лекций. Философия Европы. Психологическая топология пути. М., 2016.
5. Постклассическая онтология права. СПб., 2016.
6. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2007.
7. Фромм Э. Здоровое общество. М., 2019.
8. Современный дискурс-анализ: повестка дня, проблематика, перспективы. Белгород, 2016.
9. Манн Т. Доктор Фаустус. М., 2022.

References

1. Malakhov V. P. Philosophy of Law. M., 2007.
2. Mamardashvili M. K. Essays of modern European philosophy. M., 2010.
3. Hegel G. V. F. Science of logic. In 3 vols. 1. M., 1970.
4. Mamardashvili M. K. A complete course of lectures. The Philosophy of Europe. Psychological topology of the path. M., 2016.
5. Postclassical ontology of law. St. Petersburg., 2016.
6. Maltsev G. V. Social foundations of law. M., 2007.
7. Fromm E. Healthy society. M., 2019.
8. Modern discourse analysis: agenda, problems, prospects. Belgorod, 2016.
9. Mann T. Dr. Faustus. M., 2022.

Библиографический список

1. Архипов С. И. Субъект права. Теоретическое исследование. СПб., 2004.
2. Бауман З. Текучая современность. М., 2008.
3. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. СПб. : Алетейя, 2007.
4. Делез Ж. Лекции о Спинозе. М., 2016.
5. Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1998.
6. Лем С. Сумма технологии. М., 2022.
7. Малахов В. П. Методологическое мышление в познании и понимании права. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2018.
8. Малахов В. П. Философско-правовые интерпретации проблем современной общеправовой теории (сборник статей). М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2021.

9. Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы. М., 2009.

10. Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. М. : Летний сад, 2010.

11. Фромм Э. Здоровое общество. М. : Издательство АСТ, 2019.

12. Юнг К. Г. Архетип и символ. М., 1991.

Bibliographic list

1. Arkhipov S. I. The subject of law. Theoretical research. St. Petersburg, 2004.
2. Bauman Z. Fluid modernity. M., 2008.
3. Bourdieu P. Social space: fields and practices. St. Petersburg : Alethea, 2007.
4. Deleuze J. Lectures on Spinoza. M., 2016.
5. Kistiakovskiy B. A. Philosophy and Sociology of Law. St. Petersburg : Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Institute, 1998.
6. Lem S. Summa technologi. M., 2022.
7. Malakhov V. P. Methodological thinking in the knowledge and understanding of the law. M. : UNITY-DANA : Law and Legislation, 2018.
8. Malakhov V. P. legal Philosophical interpretation of the problems of modern legal theory (collection of articles). M. : UNITY-DANA : Law and Legislation, 2021.
9. Social origins, structural profiles, and current challenges. M., 2009.
10. Philosophy of law in the early twenty-first century through the prism of constitutionalism and constitutional Economics. M. : Summer garden, 2010.
11. Fromm E. Healthy society. M. : AST, 2019.
12. Jung K. G. Archetype and symbol. M., 1991.

Информация об авторе

В. П. Малахов — профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Information about the author

V. P. Malakhov — Professor of the Department of Theory of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 12.02.2024; одобрена после рецензирования 25.03.2024; принята к публикации 08.04.2024.

The article was submitted 12.02.2024; approved after reviewing 25.03.2024; accepted for publication 08.04.2024.

Научная статья

УДК 343.85

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-119-124>

EDN: <https://elibrary.ru/iptydg>

ИПОН: 2003-0059-2/24-007

MOSURED: 77/27-003-2024-02-206

Криминологическая характеристика рецидивной преступности в России

Елена Владимировна Михайлова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, kis-01@mail.ru

Аннотация. Анализируется уровень рецидивной преступности в России, который в последние годы характеризуется высокими показателями, что объясняется возникающими проблемами как на общесоциальном (сложности в экономической, социальной, идеологической и политической сферах общества), так и на социально-психологическом (трудности постпенитенциарной адаптации рецидивистов, особенности их окружения, специфика преступной мотивации) уровнях. Изучение рецидивной преступности, ее детерминант представляется одним из наиболее сложных компонентов криминологических исследований, поскольку от их корректного определения будет зависеть выбор мер профилактической работы и предупреждения повторного совершения преступлений.

Ключевые слова: рецидив, причины рецидивной преступности, осужденный, судимость

Для цитирования: Михайлова Е. В. Криминологическая характеристика рецидивной преступности в России // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 119–124. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-119-124>. EDN: IPTYDG.

Original article

Criminological characteristics of recidivism in Russia

Elena V. Mikhaylova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, kis-01@mail.ru

Abstract. The analyzes the level of recidivism in Russia, which in recent years has been characterized by high rates, which is explained by emerging problems both at the general social (difficulties in the economic, social, ideological and political spheres of society) and at the socio-psychological (difficulties of post-penitentiary adaptation of repeat offenders, the peculiarities of their environment, the specifics of criminal motivation) levels. The study of recidivism and its determinants seems to be one of the most difficult components of criminological research, since the choice of preventive measures and the prevention of re-commission of crimes will depend on their correct definition.

Keywords: recidivism, determinants of recidivism, recidivism rate, convicted person, criminal record

For citation: Mikhaylova E. V. Criminological characteristics of recidivism in Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):119–124. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-119-124>. EDN: IPTYDG.

Рецидивная преступность является одним из наиболее опасных негативных социальных явлений, поскольку измеряется числом преступлений, совершенных лицами, ранее уже совершавшими уголовно наказуемые противоправные деяния. Повторное совершение преступления свидетельствует о стойкой антиобщественной установке лица, нежелании соблюдать нормы законодательства, неуважении и безразличии к интересам других людей. Общественная опасность рецидивной преступности проявляется в ее тесной связи с организованной и профессиональной преступностью, вовлечении в противоправную деятельность молодежи, самодетерминации пре-

ступности, пропаганде антиобщественных взглядов и установок в обществе, снижении правосознания населения и его нравственной деградации.

В последние годы в Российской Федерации фиксируется снижение количества лиц, совершивших преступления повторно. Так, в 2017 г. из общего числа лиц, выявленных за совершение преступления, ранее уже совершали преступления 541,5 тыс. человек, в 2018 г. — 525,4 тыс. человек, в 2019 г. — 504,4 тыс. человек, в 2020 г. — 492,1 тыс. человек, в 2021 г. — 493,8 тыс. человек [1, с. 18], в 2022 г. — 483,6 тыс. человек [2, с. 54]. Однако положительная динамика не подтверждается другими статистическими данными:

© Михайлова Е. В., 2024

удельный вес повторных преступлений в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления, ежегодно увеличивается (с 56 % в 2017 г. до 60,4 % в 2022 г.). Необходимо отметить и следующую негативную тенденцию последних лет: растет число осужденных ранее судимых за совершение преступления (имеющих неснятую или непогашенную судимость): 2017 г. — 231,7 тыс. человек (33,2 % от общего числа

осужденных), 2018 г. — 239,3 тыс. человек (26,4 %), 2019 г. — 230,1 тыс. человек (38,5 %), 2020 г. — 212,1 тыс. человек (39,9 %), 2021 г. — 220,8 тыс. человека (39,1 %) [1, с. 160], 2022 г. — 356,5 тыс. человек (61,6 %) [2, с. 56].

Остается высоким количество лиц, ранее совершивших преступления, признанные рецидивом, в том числе опасным и особо опасным [3] (табл. 1).

Таблица 1

Сведения о лицах, совершивших преступления, признанные рецидивом

Год	Всего лиц, совершивших преступления	В том числе					
		Рецидив		Опасный рецидив		Особо опасный рецидив	
		Количество	Удельный вес, %	Количество	Удельный вес, %	Количество	Удельный вес, %
2020	852 506	118 112	24,5	13 461	2,7	5607	0,7
2021	842 320	114 964	23,3	13 289	2,7	5392	1,1
2022	818 986	111 759	23,1	12 170	2,5	5051	1,1

В научной литературе неоднократно обсуждался вопрос о причинах рецидивной преступности. Одни авторы различают объективные и субъективные факторы рецидива. К объективным обстоятельствам они относят совокупность организационно-правовых, воспитательных и социальных обстоятельств, побудивших лицо к совершению первого, а затем и повторного преступления. Субъективными детерминантами, по их мнению, являются характеристики личности рецидивиста, поскольку преступник становится таковым в силу своей антисоциальной направленности [4, с. 111–112]. Другие исследователи, разделяя причины и условия рецидива на первичные и вторичные, называют первичными те, которые вызвали совершение первого преступления, вторичными — факторы, повлиявшие на рецидив. К числу последних относят обстоятельства, приведшие к неблагоприятному течению постпенитенциарной адаптации, и условия, связанные с различными недостатками в деятельности правоохранительных органов и судов [5, с. 244]. Также авторы, отмечая, что рецидив является частью преступности в целом и находится под влиянием общего причинно-следственного комплекса преступления, различают общие (для всех преступлений) и специальные (для рецидива) причины и условия. «На рецидив в большей или меньшей степени влияют две группы обстоя-

тельств: причины и условия, общие для всех преступлений, и специфические обстоятельства, которые складываются как после совершения преступления, так и после отбытия наказания или заменяющей его меры» [6, с. 195–196].

Полагаем, что для определения факторов, обуславливающих рецидив преступлений, целесообразно воспользоваться подходом, согласно которому изучение особенностей преступного поведения возможно на индивидуальном, социальном и психологическом уровнях. С социальной и психологической точек зрения преступность возникает в малых социальных группах, ставших основой развития личности, совершившей преступление. Рецидив преступности на этом уровне возникает вследствие особенностей окружения, микросреды, воздействующей на мотивацию поведения индивида. Индивидуальный уровень предусматривает следующие причины совершения повторных преступлений: асоциальное поведение индивида, который повторно совершил преступление; сложная с криминальной точки зрения ситуация, заставившая лицо вновь преступить закон.

Необходимо отметить, что в современном российском обществе имеют место проблемы, которые становятся провоцирующими факторами совершения повторных преступлений. Прежде всего, это

экономические, социальные, правовые, организационные и духовно-нравственные факторы. Неэффективность экономических реформ, коррупция, безработица, инфляция, распространение таких фоновых явлений, как наркомания и алкоголизм, социальная стратификация, напряжение в обществе, насаждение потребительского типа поведения — все это в той или иной степени детерминирует рецидивную преступность.

Современное состояние экономики Российской Федерации является крайне нестабильным, что вызвано геополитической обстановкой, санкционными ограничениями со стороны иностранных государств, ухода с российского рынка зарубежных производителей. В этих условиях многие люди столкнулись с проблемой сокращения рабочих мест. Особенно эта проблема коснулась лиц, освободившихся из мест отбывания наказания, которые испытывают существенные трудности при устройстве на работу. Их положение усугубляется перерывом в трудовой деятельности на длительный срок, отсутствием нужных для рынка труда навыков и знаний, нежеланием работодателей принимать на работу бывших заключенных. Отсутствие возможности обеспечить приемлемые жизненные условия подталкивает человека к совершению преступления, в том числе и повторного.

Так, в 2020 г. из 852 506 лиц, совершивших преступление, 544 829 не имели постоянного источника дохода (63,9 %). В 2021 г. это соотношение составило 848 320 и 543 965 человек соответственно (64,1 %), в 2022 г. — 818 986 и 531 267 (64,9 %) [3].

Однако стоит иметь в виду, что не столько безработица обуславливает преступность, сколько преувеличение в составе безработных лиц, для которых криминальная деятельность характеризуется повышенной вероятностью. Это лица, не желающие работать и игнорирующие труд как приемлемую форму жизнедеятельности, а также профессиональные преступники, «зарабатывающие» нелегальными видами деятельности. Кроме того, увеличение объемов рынка теневой занятости и невозможность реализовать свои профессиональные компетенции на легальном рынке труда, несоответствие оплаты труда квалификации специалиста выступает фактором детерминации вовлечения квалифицированных специалистов в профессиональную преступную деятельность.

Правовые факторы детерминации преступности обусловлены недостатками правовой системы государства. К таким недостаткам необходимо отнести: нестабильность и неопределенность законодательства; проблемы уголовно-правовой оценки общественно опасных действий, а также уголовно-процессуального законодательства; неэффективность законов, правовой регламентации деятельности правоохранительных органов и судов, неэффективность исправительного потенциала уголовно-исполнительной системы. Рассматривая проблему детерминации рецидивной преступности, необходимо учитывать роль такого фактора, как «кризис наказания». Данный фактор проявляется в неэффективности уголовного наказания по достижению возложенного на него целей, в том числе цели восстановления социальной справедливости, нарушенной совершенным преступлением, исправления осужденных, а также предупреждения совершения повторных преступлений лицами, освобожденными из мест лишения свободы. В результате проводимой государственной политики, расширяющей возможности применения альтернативных уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества (ограничение свободы, принудительные работы), численность лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, продолжает последовательно снижаться. По состоянию на 1 января 2022 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 465,8 тыс. осужденных, подозреваемых и обвиняемых, что на 54 % меньше, чем в 2010 г. (на 1 января 2010 г. — 864 тыс. человек). В связи с применением таких мер пресечения, как домашний арест и запрет определенных действий, количество лиц, содержащихся в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов, значительно уменьшилось. По состоянию на 1 января 2022 г. их число составляло 110,4 тыс. человек, что на 16 % меньше, чем в 2010 г. (на 1 января 2010 г. — 131,4 тыс. человек) [7].

С одной стороны, использование видов наказания, не связанных с лишением человека свободы и изоляцией от общества, оправдано. Складывающаяся в пенитенциарном учреждении особая «тюремная» среда, формирует в человеке новые ценности, принципы и идеалы. К сожалению, такая среда может кардинально исказить представления человека о смысле жизни, особенно если он погрузился в нее в молодом

возрасте. Избавиться от всего этого «багажа» знаний тем сложнее, чем больше срок, проведенный в местах лишения свободы.

С другой стороны, необоснованно мягкое наказание, рождает в человеке чувство безнаказанности и вседозволенности и не всегда влечет за собой положительные изменения. Так, неуклонно растет количество лиц ранее осужденных, совершивших преступление, не отбыв наказание по предыдущему приговору: в 2017 г. их число составило 96,2 тыс. человек (43 % от общего числа осужденных), в 2018 г. — 103,01 тыс. человек (44,5 %), в 2019 г. — 99,2 тыс. человек (44,7 %), в 2020 г. — 91,1 тыс. человек (44,5 %), в 2021 г. — 99,1 тыс. человек (46,6 %) [1, с. 160].

Остается высоким количество лиц, совершивших преступления в период нахождения под следствием с мерой пресечения, не связанной с арестом, отбывающих наказания, не связанные с лишением свободы, а

также условно-освобожденными от отбывания наказания [3] (табл. 2).

Духовная и моральная сфера в современном обществе значительно искажены. В общественном сознании преобладают материальные ценности, а кризис нравственности усиливает криминогенность поведения людей. На первый план выступают примитивные потребности, которые удовлетворяются согласно личным ценностным ориентирам: вследствие низкого уровня жизни человек идет на преступление, выбирая быстрый и легкий путь решения своих материальных затруднений. Излишняя гуманизация законодательства, в некоторых случаях избавляющая от уголовной ответственности, а также неоправданное смягчение наказания, еще более способствуют деформированию духовной сферы лиц с криминальным прошлым, обладающих низким уровнем правосознания, игнорирующих закон, пренебрегающих им.

Таблица 2

Сведения о лицах, совершивших преступления

Всего лиц, совершивших преступления		2020 г.	2021 г.	2022 г.
		852 506	842 320	818 986
В том числе				
В период нахождения под следствием с мерой пресечения, не связанной с арестом	Количество	4207	4274	4299
	Удельный вес, %	0,5	0,9	0,9
В течение одного года после освобождения	Количество	41 731	39 386	3711
	Удельный вес, %	8,5	8,0	7,7
В период условно-досрочного освобождения	Количество	8094	7137	6049
	Удельный вес, %	1,6	1,4	1,3
В период испытательного срока при условном осуждении	Количество	33 902	35 014	34 991
	Удельный вес, %	6,9	7,1	7,2
В период отсрочки отбывания наказания	Количество	431	453	427
	Удельный вес, %	0,1	0,1	0,1
В период отбывания обязательных работ	Количество	6529	6647	6341
	Удельный вес, %	1,3	1,3	1,3
В период отбывания исправительных работ	Количество	5741	6124	5988
	Удельный вес, %	1,2	1,2	1,2
В период отбывания ограничения свободы	Количество	4246	4271	3779
	Удельный вес, %	0,9	0,9	0,8

Необходимо отметить, что возникают сложности в профилактике рецидивных преступлений, которая предусматривает как контроль за лицами, склонными к противоправной деятельности, так и предоставление государственной поддержки осужденным и содействие их благополучной адаптации после освобождения из мест лишения свободы. В этой ситуации особый профилактический потенциал приобретает Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», который поэтапно будет реализован с 1 января 2024 г. [8]. Задачами пробации являются социальная адаптация и реабилитация, обучение, трудоустройство, правовая и психологическая помощь лицам, отбывающим наказания, не связанные с лишением свободы. В законе устанавливаются конкретные механизмы, направленные на обеспечение безусловного соблюдения социальных прав лиц, находящихся под контролем служб пробации, что является одним из определяющих факторов их судьбы.

Отметим, что в отдельных регионах существует положительный опыт создания социально-реабилитационных центров для бывших осужденных, где оказывается помощь в адаптации к жизни и свободе [9]. Так, с 2018 г. в Вологде функционирует социально-реабилитационный центр Вологодского регионального отделения Российского Красного Креста, где есть все необходимое для людей, освободившихся из мест лишения свободы: спальни для мужчин и женщин, вещевой склад, столовая, учебные классы, мастерские. Бывшим заключенным оказывается помощь в трудоустройстве, поиске жилья, оформлении документов, восстановлении утраченных связей. Статистические данные подтверждают эффективность реализуемых мероприятий: уже в 2019 г. в Вологодской области произошел спад количества преступлений, совершенных лицами, ранее совершившими преступления с 7350 до 6818 (на 7 %). Этот спад произошел преимущественно за счет г. Вологды (снижение на 11 %, с 2035 преступлений в 2018 г. до 1810 — в 2019 г.) [10].

Принимая во внимание особую опасность рецидивной преступности, следует учитывать ключевую роль органов внутренних дел в ее предупреждении, что определяется разнообразием и широтой компетенций, обширным спектром полномочий по осуществлению оперативно-розыскной, административной, уголовно-процессуальной и иных видов деятельности [11, с. 168–169]. При этом сотрудники ОВД

должны активно использовать специальные меры профилактики рецидивной преступности, к которым следует отнести совершенствование правоприменительной деятельности, методик предупреждения и расследования преступлений, сведение к минимуму безнаказанности лиц, их совершивших, участвовать в деятельности государственных органов (федеральных и местного самоуправления) по вторичной социализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Особое внимание сотрудники ОВД должны уделять координации усилий органов уголовно-исполнительной системы и органов местного самоуправления, государственных и общественных органов в социальной реабилитации осужденных, в том числе несовершеннолетних.

Как известно, абсолютное большинство вышедших на свободу рецидивистов возобновляют прежние контакты с криминальной средой, в связи с чем, возникает необходимость установления круга лиц, характеристики, поведение и образ жизни которых представляет превентивный интерес, а также совершенствования профилактического учета и административного надзора органами внутренних дел за их поведением.

Состояние рецидивной преступности всегда показывает, насколько эффективна деятельность государства в сфере борьбы с преступностью и ее последствий. Профилактика рецидивной преступности так же многогранна, как и ее предпосылки. Приоритетное значение имеет общее оздоровление обстановки в стране, успешная реализация экономических реформ, устранение межнациональной напряженности, улучшение нравственно-психологического климата и другие факторы, способные благоприятно воздействовать на криминологическую ситуацию.

Список источников

1. Преступность и правонарушения. Статистический сборник за 2017–2021 гг. ФГКУ ГИАЦ МВД России. М., 2022.
2. Состояние преступности в России за декабрь–январь 2022 г. ФГКУ ГИАЦ МВД России. М., 2023.
3. Сведения о лицах, совершивших преступления. Раздел 6. Ф. 494. Кн. 26. Сборник по России за 2020, 2021, 2022 гг. ФГКУ ГИАЦ МВД России. М., 2023.
4. Артемьев Н. С., Бурчихин А. Н. Причины и условия рецидивной преступности и основные меры ее предупреждения // Вестник ВятГУ. 2015. № 5.

5. Криминология / А. И. Долгова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2010.

6. Криминология : учеб. пособие. 2-е изд. / под ред. В. Н. Бурлакова, Н. М. Кропачева. СПб., 2020.

7. Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» // URL://<https://www.pravo.gov.ru/Document/View/0001202105050004?ysclid=ldflwaib2s135537265>.

8. Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // URL://<https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1606953/>

9. Реестр центров социальной адаптации граждан в субъектах Российской Федерации // URL://<https://54.fsin.gov.ru/upload/territory/Novosibirsk/upload/1Реестр%20центров%20социальной%20адаптации%20граждан%20в%20субъектах%20РФ.pdf>.

10. «Бывшие осужденные — это точно такие же люди» : в Вологде открылся центр для освободившихся из колоний // URL://<https://newsvo.ru/news/117222>.

11. Гринберг С. А. Профессиональная преступность и ее предупреждение // Уголовная политика и культура противодействия преступности : мат. междунар. науч.-практ. конф. (11 сент. 2020 г.) / редкол.: А. Л. Осипенко, К. В. Вишневецкий, В. С. Соловьев и др. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2020.

3. Information about persons who committed crimes. Section 6. F. 494. Book 26. Collection on Russia for 2020, 2021, 2022. FGKU GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia. M., 2023.

4. Artemyev N. S., Burchikhin A. N. Causes and conditions of recidivism and the main measures of its prevention // Bulletin of Vyatka State University. 2015. No. 5.

5. Criminology / A. I. Dolgova. 3rd ed., reprint. and additional M. : Norma : Infra-M, 2010.

6. Criminology : studies. stipend. 2nd ed. / edited by V. N. Burlakov, N. M. Kropachev. St. Petersburg, 2020.

7. Decree of the Government of the Russian Federation dated April 29, 2021 № 1138-r «On approval of the Concept of development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030» // URL://<https://www.pravo.gov.ru/Document/View/0001202105050004?ysclid=ldflwaib2s135537265>.

8. Federal Law № 10-FZ of February 6, 2023 «On Probation in the Russian Federation» // URL://<https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1606953/>

9. Register of centers for social adaptation of citizens in the subjects of the Russian Federation // URL://<https://54.fsin.gov.ru/upload/territory/Novosibirsk/upload/Register%20centers%20social%20adaptation%20citizens%20b%20subjects%20RF.pdf>.

10. «Former convicts are exactly the same people» : a center for those released from colonies has opened in Vologda // URL://<https://newsvo.ru/news/117222>.

11. Grinberg S. A. Professional crime and its prevention // Criminal policy and culture of countering crime : mat. international scientific and practical conference (September 11, 2020) / editorial board: A. L. Osipenko, K. V. Vishnevetsky, V. S. Soloviev et al. Krasnodar : Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020.

References

1. Crime and offenses. Statistical collection for 2017–2021. FGKU GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia. M., 2022.

2. The state of crime in Russia for December–January 2022. FGKU GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia. M., 2023.

Информация об авторе

Е. В. Михайлова — доцент кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

E. V. Mikhaylova — Associate Professor of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 02.02.2024; одобрена после рецензирования 19.03.2024; принята к публикации 05.04.2024.

The article was submitted 02.02.2024; approved after reviewing 19.03.2024; accepted for publication 05.04.2024.

Научная статья

УДК 341.4

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-125-128>

EDN: <https://elibrary.ru/irfeaq>

ИПОН: 2003-0059-2/24-008

MOSURED: 77/27-003-2024-02-207

Организационно-правовые аспекты деятельности правоохранительной, судебной и уголовно-исполнительной систем в Государстве Бруней-Даруссалам

Данил Владимирович Нефёдов

Представительство МИД России в г. Новосибирске, Новосибирск, Россия, nefedov.dan@mail.ru

Аннотация. Приведен общий обзор вопросов, связанных со спецификой функционирования правоохранительной, судебной и уголовно-исполнительной систем в Государстве Бруней-Даруссалам. Рассмотрены особенности соотношения светской и шариатской правовых систем в правоприменительной практике султаната. Даны оценки деятельности пенитенциарной системы Брунея.

Ключевые слова: Бруней-Даруссалам, шариат, уголовно-исполнительная система, законодательство Брунея, султанат

Для цитирования: Нефёдов Д. В. Организационно-правовые аспекты деятельности правоохранительной, судебной и уголовно-исполнительной систем в Государстве Бруней-Даруссалам // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 125–128. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-125-128>. EDN: IRFEAQ.

Original article

Organizational and legal aspects of the law enforcement, judicial and penal systems in the State of Brunei Darussalam

Danil V. Nefedov

Representative Office of the Russian Ministry of Foreign Affairs in Novosibirsk, Novosibirsk, Russia, nefedov.dan@mail.ru

Abstract. A general overview of issues related to the specifics of the functioning of the law enforcement, judicial and penal enforcement systems in the State of Brunei Darussalam is given. The features of the correlation of secular and Sharia legal systems in the law enforcement practice of the sultanate are considered. Assessments of the activities of the Brunei penitentiary system are given.

Keywords: Brunei Darussalam, sharia, penal system, Brunei law, sultanate

For citation: Nefedov D. V. Organizational and legal aspects of the law enforcement, judicial and penal systems in the State of Brunei Darussalam. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):125–128. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-125-128>. EDN: IRFEAQ.

По форме правления Государство Бруней-Даруссалам является абсолютной монархией. Этот аспект во многом определяет тенденции социально-экономического развития общества султаната и оказывает первоочередное влияние на реализацию сложившихся в стране правовых механизмов. При этом важно отметить, что, начиная с 1962 г., в Брунее действует режим чрезвычайного положения, введенный в связи с попыткой государственного переворота и позволяющий главе государства осуществлять единоличное управление страной с незначительным ограничением полномочий.

Законодательство Брунея опирается на двойную правовую систему, основанную на английском об-

щем праве и шариате. Данное обстоятельство обусловливает наличие дополнительных особенностей функционирования правоохранительной, судебной и уголовно-исполнительной систем государства.

Приступая к рассмотрению этих особенностей, важно определить основных акторов, ответственных за исполнение действующих нормативных предписаний в сфере обеспечения стабильного функционирования общественной системы и наделенных правом на применение силы в отношении нарушителей. В Брунее вопросы обеспечения правопорядка, пресечения, выявления и раскрытия правонарушений, проведения следствия и дознания, а также оперативно-розыскной деятельности, возложены на Королевскую

© Нефёдов Д. В., 2024

полицию, Бюро по контролю за оборотом наркотиков и Департамент внутренней безопасности (структуры находятся в ведении канцелярии премьер-министра страны). В отношении преступлений, подпадающих под действие шариатского уголовного кодекса, к работе упомянутых структур привлекаются сотрудники Министерства по делам религии.

Кроме этого, ограниченные правоохранные полномочия в отношении преступлений в сфере трудового и иммиграционного законодательства имеют Департамент труда и Департамент иммиграции и национальной регистрации Министерства внутренних дел. Вооруженные силы являются опорой действующего монарха и также могут выполнять задачи по обеспечению внутренней безопасности.

Вопросы задержания и ареста подробно зафиксированы в соответствующих нормативно-правовых актах султаната. В соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса Брунея для ареста лица, подозреваемого в совершении преступления, сотрудники полиции обязаны получить ордер в суде. Исключения составляют случаи, когда лицо задержано во время совершения преступления или непосредственно после его совершения, а также когда промедление правоохранительных органов может повлечь за собой бегство подозреваемого [1, с. 41].

После ареста полиция имеет право на административное задержание подозреваемого на срок 48 часов, по истечении которого он должен быть доставлен в суд. Отдельно предусмотрено, что в исключительных случаях (например, при наличии оснований полагать, что на задержанного будет оказано давление) полиция может отказать в доступе и после истечения данного срока [1, с. 44].

При этом закон о внутренней безопасности Брунея 1982 г. позволяет властям при выявлении подрывной деятельности и подготовки актов массового насилия арестовывать и заключать под стражу подозреваемых лиц без суда на срок до двух лет. Данный срок может продлеваться неограниченное количество раз, а вопрос о его пролонгации рассматривается независимым совещательным советом, созываемым правительством раз в год [2]. Поскольку само понятие «подрывной деятельности» может достаточно широко толковаться, данное обстоятельство вызывает озабоченности международных институтов, ответственных за контроль над соблюдением прав человека и неоднократно становилось причи-

ной антибрунейской риторики на площадке Совета ООН по правам человека.

Судебная система Брунея подразделяется на светскую и шариатскую. Светская судебная система включает магистратные (мировые) суды, промежуточные суды, высший суд, апелляционный суд и юридическую комиссию тайного совета в Великобритании (рассматривает только гражданские дела). Высший и Апелляционный суды составляют вместе Верховный суд. Параллельно со светскими, действуют шариатские суды и суды кади (вопросы брачных отношений и наследства).

В обеих системах верховные судьи назначаются главой государства. Законодательство Брунея не содержит положений о независимости судов, однако известных случаев вмешательства в их работу со стороны государства не отмечалось [3].

Тема определения правовой системы (шариатское или светское право), в рамках которой будет производиться судебное разбирательство, находится в ведении специального Оценочного комитета, в состав которого входят по одному государственному обвинителю от обеих правовых систем, офицер полиции и сотрудник Министерства по делам религии. В случае разногласий, правом принятия окончательного решения наделяется Генеральный прокурор Брунея. Заседания комитета носят закрытый характер, а основания принятия решений не публикуются [4].

На практике же большинство дел сразу передается на рассмотрение в светский суд, так как тяжбы по шариатскому законодательству крайне требовательны к доказательной базе (признание вины самим обвиняемым, показания нескольких правоверных свидетелей и т. п.).

Светское судебное законодательство предусматривает право на справедливое, своевременное и открытое разбирательство; действует принцип презумпции невиновности. Судебные процессы являются публичными и проводятся судьей или коллегией судей. Подсудимый имеет право на адвоката, однако предоставление бесплатных правозащитных услуг не предусматривается. При отсутствии средств на юридическую защиту, обвиняемые могут самостоятельно представлять свои интересы в суде (в том числе участвовать в перекрестном допросе, вызывать свидетелей, представлять доказательства, не свидетельствовать против себя и не признавать свою вину, а также подавать апелляцию) [1, с. 115, 156]. При необходи-

мости, обвиняемому может быть предоставлен бесплатный переводчик (на малайский или английский язык). Законодательно закреплена возможность освобождения под залог по решению судьи, осуществляющего надзор за делом.

В тоже время, шариатская судебная система не предусматривает право на справедливое судебное разбирательство и возможность оспаривать законность ареста.

В зависимости от тяжести совершенного преступления, судами может быть вынесено решение о наложении штрафа, применении телесных наказаний (наиболее распространена порка ротанговыми палками) и тюремном заключении. Кроме этого, законодательство Брунея предусматривает и высшую меру наказания. Положения о смертной казни отражены в уголовном кодексе, законах о внутренней безопасности, о злоупотреблении наркотиками и об общественном порядке. Высшая мера наказания через повешение может быть назначена за наиболее тяжкие преступления: убийство, террористическую деятельность, похищение людей, незаконный оборот наркотиков. По шариату следующие преступления караются забиванием камнями: прелюбодеяние, содомия, изнасилование, вероотступничество, богохульство и оскорбление ислама [5]. Однако в настоящее время в султанате действует мораторий на смертную казнь.

Вопросы исполнения уголовных наказаний, наложенных на граждан в соответствии с законом, находятся в ведении Департамента тюрем Министерства внутренних дел. На территории султаната расположены три тюрьмы: Penjara Jerudong и Penjara Wanita (округ Бруней-Муара), а также Penjara Magaburong (округ Тутонг). Наиболее распространены преступления, за которые люди отбывают наказания в тюрьмах страны, связаны с воровством и наркотиками.

По данным профильного информационного портала «World Prison Brief», общее количество заключенных в Брунее на 2022 г. (включая лиц, содержащихся под стражей в досудебном порядке) составляет 841 человек. Из них 29 % являются иностранцами, 12 % составляют женщины [6].

Несовершеннолетние правонарушители (до 18 лет) по закону не подлежат тюремному заключению, как правило, их помещают в специальные исправительные центры на срок до шести месяцев.

Осужденные шариатскими судами лица отбывают наказание в тех же пенитенциарных учреждениях и подчиняются тем же правилам, что и лица, осужденные светскими судами, однако содержатся отдельно от остальных заключенных.

По данным докладов профильных международных общественных организаций, условия в тюрьмах Брунея соответствуют принятым в мире стандартам. Заключенные имеют возможность подать жалобу инспектирующему судье, начальнику тюрьмы или дежурному офицеру. Действуют программы социальной и духовной реабилитации. К осужденным применяется прогрессивная система поощрений.

По состоянию на конец 2023 г. в отношениях Российской Федерации с Государством Бруней-Даруссалам отсутствуют договор о правовой помощи, двусторонняя консульская конвенция либо иной документ, регламентирующий порядок предоставления консульского доступа к гражданам, арестованным, заключенным в тюрьму или находящимся под стражей в досудебном порядке. Право на посещение консульским должностным лицом, а также условия такого посещения закреплены в законе о тюрьмах 1978 г. [7]. Полномочным органом, ответственным за согласование доступа к заключенным иностранным гражданам, является Департамент тюрем Министерства внутренних дел. В его компетенцию входит в том числе безотлагательное уведомление дипломатических представительств о факте ареста или заключения под стражу иностранных граждан соответствующих государств.

Подводя итог кратко рассмотрению организационно-правовых аспектов деятельности правоохранительной, судебной и уголовно-исполнительной систем в Государстве Бруней-Даруссалам можно сделать следующие выводы.

1. В султанате параллельно действуют две правовые системы: английское общее право и шариат. Однако, ввиду сложности организации судебного процесса по религиозным предписаниям, преобладающее количество дел рассматривается в светских судах.

2. В законодательстве Брунея отсутствуют положения о независимости судов. С 1962 г. в стране действует режим чрезвычайного положения, значительным образом расширяющий полномочия центральной власти в том числе в отношении организации правоохранительной, уголовно-исполнительной и судебных систем. Действуют рестриктивные законы, в соответствии с которыми лица, подозреваемые в

подготовке или совершении преступлений против государственности, могут быть без суда лишены свободы на срок до двух лет.

3. Условия пребывания заключенных в пенитенциарной системе Брунея соответствует международным стандартам.

4. Учитывая описанные особенности, можно констатировать, что ситуация с деятельностью правоохранительной, судебной и уголовно-исполнительной систем в Брунее остается неоднозначной. С одной стороны, наличие в законодательстве жестких установок и исламских религиозных норм свидетельствует о том, что правовая система султаната служит задачам сохранения абсолютизма; с другой, — правоприменительная практика в султанате указывает на применение компетентными органами Брунея гуманного и относительно мягкого подхода в своей деятельности.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Брунея. 1951. Изд. 2016. // Свод законов Брунея. Разд. 7 // URL://<https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/Electronic/79817/86008/F1707293264/BRN79817%202016.pdf>.
2. Закон о внутренней безопасности. Брунея. 1982. Изд. 2008. Ч. 2. Гл. 1. Ст. 3(a) // Свод законов Брунея. Разд. 133. С. 11 // URL://[https://www.agc.gov.bn/AGC%20Images/LOB/pdf/Internal%20Security%20Act%20\(chapter%20133\).pdf](https://www.agc.gov.bn/AGC%20Images/LOB/pdf/Internal%20Security%20Act%20(chapter%20133).pdf).
3. Блэк А. Независимость, беспристрастность и неподкупность судебной власти в Брунее-Даруссаламе / Х. Ли и Питтерд. Судебные органы Азиатско-Тихоокеанского региона: независимость, беспристрастность и неподкупность // Изд. Кембриджского университета. 2017. С. 57–80.
4. Доклад о свободе вероисповедания в Брунее. 2022 // Государственный департамент США. 2022. С. 4 // URL://<https://www.state.gov/wp-content/uploads/2023/05/Brunei-2022-International-Religious-Freedom-Report.pdf>.
5. Деви С. Международное возмущение дискриминационными законами Брунея // Ланцет. 2019. № 393 (10180). С. 1489.
6. Информационный портал «World prison brief» // URL://https://www.prisonstudies.org/country/brunei-darussalam#further_info_field_female_prisoners.
7. Закон Брунея о тюрьмах. 1978. Изд. 2015. П. 87. Пп. 93–95. П. 100 (3). П. 104. С. 39–43 // URL://[https://www.agc.gov.bn/AGC%20Images/LAWS/ACT_PDF/cap051\(complete\).pdf](https://www.agc.gov.bn/AGC%20Images/LAWS/ACT_PDF/cap051(complete).pdf).

References

1. The Code of Criminal Procedure of Brunei. 1951. Ed. 2016. // Code of Laws of Brunei. Section 7 // URL://<https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/Electronic/79817/86008/F1707293264/BRN79817%202016.pdf>.
2. The Law on Internal Security. Brunei. 1982. Ed. 2008. Part 2. Chapter 1. Article 3(a) // Code of Laws of Brunei. Section 133. P. 11 // URL://[https://www.agc.gov.bn/AGC%20Images/LOB/pdf/Internal%20Security%20Act%20\(chapter%20133\).pdf](https://www.agc.gov.bn/AGC%20Images/LOB/pdf/Internal%20Security%20Act%20(chapter%20133).pdf).
3. Black A. Independence, impartiality and integrity of the judiciary in Brunei Darussalam / H. Lee and Pitard. Judicial authorities of the Asia-Pacific region: Independence, impartiality and integrity // Cambridge University Press. 2017. P. 57–80.
4. Report on religious freedom in Brunei. 2022 // U.S. Department of State. 2022. P. 4 // URL://<https://www.state.gov/wp-content/uploads/2023/05/Brunei-2022-International-Religious-Freedom-Report.pdf>.
5. Devi S. International outrage at Brunei's discriminatory laws // Lancet. 2019. № 393 (10180). P. 1489.
6. Information portal «World prison brief» // URL://https://www.prisonstudies.org/country/brunei-darussalam#further_info_field_female_prisoners.
7. Brunei's Prison Law. 1978. Ed. 2015. P. 87. Pp. 93–95. P. 100 (3). P. 104. P. 39–43 // URL://[https://www.agc.gov.bn/AGC%20Images/LAWS/ACT_PDF/cap051\(complete\).pdf](https://www.agc.gov.bn/AGC%20Images/LAWS/ACT_PDF/cap051(complete).pdf).

Информация об авторе

Д. В. Нефёдов — второй секретарь территориального органа — Представительства МИД России в г. Новосибирске, кандидат социологических наук.

Information about the author

D. V. Nefedov — Second Secretary of the territorial body — Representative Office of the Russian Ministry of Foreign Affairs in Novosibirsk, Candidate of Sociological Sciences.

Статья поступила в редакцию 25.09.2023; одобрена после рецензирования 16.11.2023; принята к публикации 10.01.2024.
The article was submitted 25.09.2023; approved after reviewing 16.11.2023; accepted for publication 10.01.2024.

Научная статья

УДК 343.98

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-129-131>

EDN: <https://elibrary.ru/otrlre>

НИОН: 2003-0059-2/24-009
MOSURED: 77/27-003-2024-02-208

Общие характеристики эксперта в разных странах

Ирина Эдуардовна Никитина^{1,2}

¹ Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва, Россия, irinanikitina23@rambler.ru

² Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Россия

Аннотация. Анализируются основные требования к положению судебного эксперта, принимая во внимание культурные и предметные различия в законодательстве государств.

Ключевые слова: эксперты, профильные эксперты, компетентность, квалификация, опыт, принципиальность

Для цитирования: Никитина И. Э. Общие характеристики эксперта в разных странах // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 129–131. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-129-131>. EDN: OTRLRE.

Original article

General characteristics of the expert in different countries

Irina E. Nikitina^{1,2}

¹ Russian Federal Forensic Center under the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow, Russia, irinanikitina23@rambler.ru

² Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia

Abstract. The main requirements for the position of a forensic expert are analyzed, taking into account cultural and substantive differences in the legislation of states.

Keywords: experts, subject matter experts, competence, qualifications, experience, integrity

For citation: Nikitina I. E. General characteristics of the expert in different countries. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):129–131. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-129-131>. EDN: OTRLRE.

Принимая во внимание различия в национальных законодательствах, а также исторические и культурные составляющие современного общества, подходы к определению эксперта варьируются от страны к стране.

Из обобщающих требований к эксперту выделяются такие, как: заслуживающий доверие (Reliable), добросовестность (Integrity), беспристрастность (Objective), компетентность (Knowledgeable), уполномоченность (Authorised)¹, образованность (Educated), опыт работы (Experienced), мастерство (Skilled), компетентность (Competent), авторитет (Credibility), квалификационные навыки (Qualified), убедительность (Persuasive) [1].

К экспертным исследованиям обобщенные требования выражаются в достоверности и качестве (Quality), релевантности (Relevance), целостности, правдоподобии, использовании научно-подтвержденных методов (Scientific Method), прошедших валидацию (Validated) [1].

Представители каждой экспертной специализации имеют свое мнение по поводу понятия судебного

эксперта. Стандарты существуют не только по экспертным специальностям, но и в целом, что приводит ко множеству определений. Сертифицированная организация гарантирует высокий профессионализм всех членов.

Государственные ведомства назначают экспертов с разными специальностями. Например, Департамент оборонной техники и обеспечения Великобритании (The Defence Equipment and Support department) привлекает экспертов для выполнения технических задач, которые все уникальны. Правовая система любой страны также имеет свое собственное определение эксперта.

Таким образом, дефиниция понятия «судебный эксперт» в основном зависит от предметной эксперт-

¹ Уполномоченные эксперты в какой-либо области, как правило, работают под эгидой сертифицированного международного органа. Например, уполномоченный эксперт по радиационной защите должен получить разрешение от компетентного органа на отдельную область радиационной защиты или более областей радиационной защиты сроком максимум на пять лет.

ной специализации, принадлежности к судебнo-экспертным институтам или ведомствам национального законодательства страны.

На международном уровне в рамках разных организаций даются более общие определения эксперта. Например, в состав членов Академии экспертов Лондона (Academy of Experts) [2] входят эксперты разных областей знаний, которые регулярно заслушиваются в судах и трибуналах.

Члены Академии проходят строгую аккредитацию на основании квалификационных требований в своей профессии: понимание роли и обязанностей эксперта; возможность применить умения на практике. Подход к определению эксперта обобщенный.

Так, экспертом может быть любое лицо, обладающее знаниями или опытом в конкретном деле, области или дисциплине, выходящими за рамки того, что можно ожидать от непрофессионала. Эксперт обязан являться в суд или трибунал и давать беспристрастное мнение по конкретным аспектам спорных вопросов, входящих в его компетенцию [2].

Определение, предложенное в Кембриджском словаре (Dictionary, 2019) определяет эксперта как лицо с высоким уровнем знаний или навыков, относящихся к конкретному предмету или деятельности [3].

Различия в подходах определяются и культурой. В Саудовской Аравии критерии дачи показаний в судах ограничены гендерной принадлежностью. Поскольку свидетели, в том числе и эксперты, должны быть независимыми, то необходимо присутствие двух мусульман мужского пола или одного мусульманина и двух мусульманок. Это связано с верованиями страны, которая в основном исламская. Вера, которая утверждает, что «сфера деятельности женщины — это дом, в котором она является доминирующей фигурой» — и соответствующая сфера человека — «внешний мир» [4].

Таким образом, перед судебными экспертами и иными, вовлеченными в расследование уголовных дел, субъектами стоит задача по нахождению баланса между уважением традиционных и культурных ценностей коренных народов и стремлением к достижению справедливости и выполнению задач уголовного судопроизводства.

Во всех отраслях знаний требуется наличие соответствующей компетенции у эксперта. Компетенция — это фундаментальные навыки, которыми должен обладать эксперт, чтобы эффективно выполнять

свою работу. Она должна быть подтверждена как действующая соответствующими документами. В некоторых странах подтверждение можно получить по итогам работы или по отметкам в журнале непрерывного профессионального развития (CPD). Непрерывное профессиональное развитие — это процесс, выходящий за рамки первоначального обучения, при котором эксперт регистрирует навыки, знания и опыт, которые он приобретает с течением времени. Это может быть нечто формальное, например, посещение семинара или мастер-класса, или работа под чьим-то руководством.

Несмотря на то, что компетентность подтверждена, существует «вторая ступень» проверки, обеспечивающая подлинность, приемлемость и достоверность. Обычно она связана с ежегодным повышением квалификации эксперта или сдачи профессиональных экзаменов. Прохождение и «первой и второй ступени» придают эксперту доверие со стороны государственных органов.

Сама по себе квалификация эксперта не предполагает наличия формального статуса эксперта, который подтверждается письменным документом. В соответствии с Кембриджским словарем (Dictionary, 2019) квалификация — это «официальная запись, подтверждающая, что человек прошел курс обучения или обладает необходимыми навыками или способностями, характеристикой или опытом, который делает его подходящим для конкретной работы или активности» [3].

Данное определение демонстрирует разнообразие квалификаций, предусматривающих общие требования — образование, навыки и опыт работы. В статье «Модель оценки преемственности цифровых доказательств» Альберт Антви-Боасиакко (Albert Antwi-Boasiako) проводит сравнительный анализ понятий «аналитик» и «эксперт», а также требований к квалификации, для их получения. К ним относятся образование, обучение, сертификация и практический опыт [5].

Взаимодействие эксперта с иными лицами осуществляется в рамках системы «заказчик услуг — эксперт» и сопряжена со множеством нравственных проблем, порожденных спецификой целей, содержания, форм, методов и средств деятельности. К общим моральным нормам, выражающим основные нравственные начала у процессуальных субъектов, относятся, в первую очередь, принципиальность, объективность, беспристрастность, самостоятельность и

самокритичность [6, с. 31]. Для достижения должного взаимодействия, основанного на принципах взаиморезуважения, самостоятельности, ответственности, требуется определенный уровень компетентности эксперта, выражающийся в его способности коммуницировать [7].

В книге «Показание эксперта в зале суда» Кеннет Коэн (Kenneth Cohen) приводит дискуссионные положения, которые относит к моральным и этическим качествам судебного эксперта:

- ♦ эксперт должен быть субъективной стороной;
- ♦ возможны последствия от неправомерных действий эксперта;
- ♦ профессиональная халатность;
- ♦ обучение, образование, принадлежность к экспертной организации или опыт работы показывают, что эксперт справится с поставленными задачами;
- ♦ принятие стандартов для экспертной деятельности в рамках соответствующих экспертных объединений [8].

Таким образом, принимая во внимание зарубежный опыт обобщения основных характеристик эксперта, за исключением специализации, можно выделить три аспекта: компетентность, квалификация и моральные, этические принципы.

Список источников

1. Смит К. Эксперт — общие ключевые характеристики. Academia Letters, 2021.
2. Академия экспертов, 2019. Кем является эксперт // URL://<http://www.academyofexperts.org/guidance/users-experts/what-an-expert-witness>.
3. Английский словарь // URL://<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english>.
4. BSA Ахмад Бин Хезем и партнеры, 2019. Судебная система Королевства Саудовская Аравия // URL://<https://bsabh.com/the-judicial-system-of-the-kingdom-of-saudi-arabia/>

Информация об авторе

И. Э. Никитина — главный научный сотрудник Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, профессор кафедры криминалистики и судебной экспертизы Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), доктор юридических наук.

Information about the author

I. E. Nikitina — Chief Researcher of the Russian Federal Forensic Center under the Ministry of Justice of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminalistics and Forensic Expertise of the Law Institute of Russian University of Transport (MIIT), Doctor of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 01.02.2024; одобрена после рецензирования 22.03.2024; принята к публикации 05.04.2024.
The article was submitted 01.02.2024; approved after reviewing 22.03.2024; accepted for publication 05.04.2024.

5. Альберт Антуи-Боасиако. Модель оценки приемлемости цифровых доказательств. In: G. Peterson & S. Sheno, eds. Достижения в области цифровой криминалистики XIII. Нью-Йорк : Springer, 2017. P. 23–38.

6. Майлис Н. П. Моя профессия — судебный эксперт : моногр. М., 2018.

7. Дьяконова О. Г. Формирование психологической компетентности в процессе подготовки судебного эксперта // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 68–74.

8. Коэн К. Экспертное свидетельство и научные показания в зале суда. Boca Raton : CRC Press, 2019.

References

1. Smith K. Expert — general key characteristics. Academia Letters, 2021.
2. Academy of Experts, 2019. Who is the expert // URL://<http://www.academyofexperts.org/guidance/user-s-experts/what-an-expert-witness>.
3. English dictionary // URL://<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english>.
4. BSA Ahmad Bin Hezem and Partners, 2019. The judicial system of the Kingdom of Saudi Arabia // URL://<https://bsabh.com/the-judicial-system-of-the-kingdom-of-saudi-arabia/>
5. Albert Antui-Boasiaco. A model for assessing the acceptability of digital evidence. In: G. Peterson & S. Sheno, eds. Achievements in the field of digital forensics XIII. New York : Springer, 2017. P. 23–38.
6. Mailis N. P. My profession is a forensic expert : monogr. M., 2018.
7. Dyakonova O. G. Formation of psychological competence in the process of training a forensic expert // Bulletin of Economic Security. 2023. № 1. P. 68–74.
8. Cohen K. Expert testimony and scientific testimony in the courtroom. Boca Raton : CRC Press, 2019.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-132-136>

EDN: <https://elibrary.ru/oukvpk>

ИПОН: 2003-0059-2/24-010

MOSURED: 77/27-003-2024-02-209

Совершенствование института временного убежища в современных геополитических условиях

Шамиль Магомедович Нурадинов¹, Сергей Леонидович Нечай²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ office@unity-dana.ru

² s.l.nechay@gmail.com

Аннотация. Анализируются особенности правового регулирования временного убежища в Российской Федерации, его новеллы. Рассматривается нормативное закрепление данного института в России и аналогичных форм вынужденной миграции в Республиках Беларусь и Казахстан. Выделяются проблемные вопросы и предлагаются пути их решения. Обозначаются перспективы дальнейшего развития временного убежища и его совершенствования в современных геополитических условиях.

Ключевые слова: миграция, временное убежище, регулирование миграции, государственная миграционная политика, миграционные процессы, вынужденная миграция

Для цитирования: Нурадинов Ш. М., Нечай С. Л. Совершенствование института временного убежища в современных геополитических условиях // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 132–136. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-132-136>. EDN: OUKVPK.

Original article

Improving the institution of temporary asylum in modern geopolitical conditions

Shamil M. Nuradinov¹, Sergey L. Nechay²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ office@unity-dana.ru

² s.l.nechay@gmail.com

Abstract. The features of the legal regulation of temporary asylum in the Russian Federation and its novelties are analyzed. The article considers the normative consolidation of this institution in Russia and similar forms of forced migration in the Republics of Belarus and Kazakhstan. Problematic issues are highlighted and ways to solve them are proposed. The prospects for further development of the temporary shelter and its improvement in modern geopolitical conditions are outlined.

Keywords: migration, temporary asylum, migration regulation, state migration policy, migration processes, forced migration

For citation: Nuradinov Sh. M., Nechay S. L. Improving the institution of temporary asylum in modern geopolitical conditions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):132–136. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-132-136>. EDN: OUKVPK.

Миграционные правоотношения тесно взаимосвязаны с геополитикой, с правами человека, а также многоаспектным развитием территорий на международном, национальном, региональном и местном уровнях. Геополитические изменения оказывают существенное влияние как непосредственно на миграционные процессы, так и на их правовое регулирование. Институт временного убежища не является исключением.

Современные миграционные процессы в Российской Федерации характеризуются рядом тенденций, которые имеют исторические корни.

Во-первых, это «утечка мозгов», как процесс массовой миграции отличных специалистов, в основном вследствие причин социально-экономического характера. Данная тенденция возникла еще в СССР, но активная акселерация произошла после его распада.

Во-вторых, происходил большой приток мигрантов на территорию России, так как сильно ухудшилось экономическое состояние в государствах, когда-то входивших в Советский Союз.

И, наконец, в-третьих, это поток вынужденных переселенцев и беженцев в Российскую Федерацию,

© Нурадинов Ш. М., Нечай С. Л., 2024

из-за этнических конфликтов в связи с обретением суверенитета в бывших советских республиках, а также геополитической ситуации в современном мире.

Что же насчет истории института временного убежища в России? Становление данного института можно разделить на несколько периодов.

Первый период — это средние века, начиная с XI в. Здесь только формируются предпосылки возникновения института убежища, период его преобразования. Возникают общественные отношения, связанные с предоставлением убежища, которые еще не закрепляются в законе, но регулируются индивидуальными актами. В Древней Руси убежище предоставляло государство и церковь на взаимных интересах. Как и сейчас, тогда убежище представляло из себя процесс получения защиты на территории другого государства, а также право человека на жизнь, свободу, перемещение и вероисповедание.

Второй период — это послереволюционный период, с 1918 г. Здесь институт убежища получает свое первое нормативное правовое закрепление и формируется как демократический, международный и межотраслевой институт. В Декрете ВЦИК от 28 (15) марта 1918 г. «О праве убежища» впервые были провозглашены право убежища и принцип невыдачи.

Третий период — с 1993 г. по настоящее время. На данном этапе право убежища закрепляется в основном законе российского государства и нормативных правовых актах в соответствии с нормами международного права.

Законодательство Российской Федерации в сфере миграции предусматривает три вида защиты в рамках вынужденной миграции: статус беженца, временное и политическое убежище.

Институт временного убежища в российском законодательстве устанавливается Федеральным законом «О беженцах» [1].

Рассмотрим различия предоставления статуса беженца и временного убежища.

Заявления о предоставлении временного убежища должны рассматриваться независимо от их правового статуса. При подаче документов иностранный гражданин собирает необходимый пакет материалов, а также фотографии на каждого члена семьи (если таковые имеются). Если не имеется документов, удостоверяющих личность, то тогда необходима процедура идентификации (установления) личности.

После подачи заявления на статус беженца, ему выдается удостоверение лица, ищущего убежище. Затем проводится процедура взятия отпечатков пальцев и проводится собеседование, в котором иностранный гражданин поясняет, почему он покинул страну своего прежнего пребывания, почему боится возвращаться.

Далее следует этап «по существу», когда органы МВД России в течение пяти дней рассматривают заявление о статусе беженца и принимают решение по нему.

После этого выдается «Свидетельство о рассмотрении ходатайства о предоставлении убежища по существу» либо решение об отказе, в котором будет указано, что далее заявление рассматриваться не будет.

Свидетельство просителя убежища действует три месяца. В течение этого времени должно быть принято решение. В исключительных случаях срок продлевается еще на три месяца.

Данный документ служит документом, удостоверяющим личность, и подтверждает законное пребывание.

После рассмотрения заявления, будет принято решение, после которого иностранного гражданина признают беженцем и выдают ему удостоверение беженца, или же данное лицо получит отказ.

Статус беженца по времени не имеет ограничений, однако лицо, получившее данный статус каждый год обязано обращаться в территориальный орган МВД России по вопросам миграции с целью перерегистрации.

Заявления о предоставлении временного убежища можно подать как до, так и после подачи заявления на получение статуса беженца. Здесь тоже присутствует процедура снятия отпечатка пальцев и собеседования.

Когда заявление иностранного гражданина или лица без гражданства о предоставлении убежища принимается, данному лицу выдается временное свидетельство ищущего убежища, действительное в течение трех месяцев, или свидетельство ищущего убежища, о рассмотрении дела по существу продлевается, если иностранный гражданин или лицо без гражданства ранее подавали заявление о предоставлении статуса беженца. Оба документа служат доказательством законного пребывания в России.

Как только дело будет рассмотрено, то принимается решение о предоставлении временного убе-

жища, либо отклонении. Если решение положительное, то заявителю будет выдано свидетельство о временном убежище, которое также будет документом, удостоверяющим личность.

Таким образом, получение статуса беженца является достаточно сложной и длительной процедурой. Фактически, временное убежище — это «упрощенный» вариант статуса беженца. Существенная особенность временного убежища состоит в том, что, в отличие от статуса беженца, временное убежище выдается всего на один год, с возможностью его продления не позднее чем за 30 дней до окончания срока.

Сам статус временного убежища разрешает легально пребывать на территории РФ.

Формулировка «временного убежища», данная в законе Российской Федерации, может отличаться от дефиниций, закрепленных в международных документах и в законах других государств. Так, например, в некоторых странах СНГ вообще не предусматривается понятие «временное убежище»; вместо этого используется термин «временная защита» или «лицо ищущее убежище».

В Республике Беларусь используются термины «дополнительная защита» и «временная защита» [2]. При этом под термином «дополнительная защита» понимается предоставление защиты гражданину иностранного государства, находящемуся на территории Республики Беларусь, в случае, если этот гражданин не имеет правовых оснований на приобретение статуса беженца, но опасается возвращения в свое государство по причинам, перечисленным в ст. 21 рассматриваемого закона.

Дополнительная защита предоставляется на срок до одного года. В случае сохранения оснований предоставления, ее срок может продлеваться. Указанное положение аналогично правилам предоставления временного убежища на территории России.

Касательно термина «временная защита» следует сказать, что данный статус предоставляется группе иностранных граждан, индивидуальное рассмотрение ходатайств о защите которых не представляется возможным вследствие их массового прибытия. Поэтому возникает необходимость решения вопроса об их допуске и пребывании в Республике Беларусь по основаниям, предусмотренным для предоставления статуса беженца или дополнительной защиты. При этом вопрос о том, на какой именно период будет предоставлена временная защита, определяется Со-

ветом Министров Республики Беларусь. По истечении этого периода, при необходимости, производится рассмотрение вопроса о продлении защиты, но уже в индивидуальном порядке для каждого гражданина/лица без гражданства.

В отличие от российского института временного убежища, белорусское законодательство, регламентирующее вопросы о дополнительной и временной защите, не содержит положения о предоставлении убежища из гуманных побуждений.

В законодательстве Казахстана, в свою очередь, отсутствует понятие «временного убежища» и его аналогов, имеется лишь «переходный», временный статус до получения статуса беженца, именуемый как «лицо, ищущее убежище» [3].

Понятие «лицо, ищущее убежище» — это обозначение статуса лица, которое обратилось за убежищем на территории Казахстана непосредственно до принятия уполномоченным органом решения о присвоении или не присвоении ему статуса беженца.

Также важно подчеркнуть, что из анализируемых государств лишь в российском праве предоставления временного убежища урегулировано отдельным правовым актом — постановлением Правительства РФ от 9 апреля 2001 г. № 274 [4].

В 2014 г. стихийно возник огромный поток массово прибывающих граждан Украины на территорию России. В качестве мер реагирования Российской Федерацией принято решение предоставлять временное убежище гражданам Украины в упрощенном порядке. Временное убежище рассматривалось не в индивидуальном порядке одному лицу, а по групповому принципу. Предоставление временного убежища на территории РФ гражданам Украины и лицам без гражданства, постоянно проживавшим на территории Украины, прибывшим в экстренном массовом порядке на территорию РФ в поисках убежища получило закрепление в отдельном правовом акте.

В связи с проведением Россией специальной военной операции на территории Украины наблюдается значительный рост обращений за убежищем на территории России.

В 2022 г. в ТО МВД России за убежищем обратилось 101 тыс. иностранных граждан и лиц без гражданства (увеличение почти в 21 раз, по сравнению с 2021 г.).

Учитывая, что порядка 98 % всех обратившихся за убежищем приходится на граждан, вынужденно

покинувших территории ДНР, ЛНР и Украины, в целях нормативного совершенствования в Федеральном законе «О беженцах» внесены изменения, которые предусматривают освобождение от обязанности при получении свидетельства о предоставлении временного убежища передавать на хранение в территориальный орган МВД России национальный паспорт и (или) другие документы, удостоверяющие личность.

Кроме того, принято ряд постановлений Правительства Российской Федерации, которыми установлено, что прием и рассмотрение заявлений о предоставлении временного убежища, поступивших от указанной категории граждан, осуществляется в срок, не превышающий трех рабочих дней.

В 2023 г. в связи с упрощением процедуры по приобретению гражданства Российской Федерации для граждан Украины и работы по документированию граждан на новых территориях, количество лиц, обратившихся с заявлением о предоставлении временного убежища уменьшилось в 12 раз (2023 г. — 8245, 2022 г. — 100 682).

Необходимо отметить, что действующий закон о беженцах и предоставлении временного убежища был принят свыше 30 лет назад. С того момента прошло достаточно много времени, а также существенно изменилась геополитическая ситуация.

В настоящее время в рамках реализации государственной миграционной политики и современной геополитической ситуации в мире планируется совершенствование законодательной базы в сфере вынужденной миграции.

Несколько лет назад была начата работа над новым законопроектом, который касается института временного убежища [5]. Основные новеллы данного законопроекта — это сами виды убежища. Та работа, которая проводилась с гражданами Украины, показала, что необходим еще один новый вид убежища. Новый вид убежища — временная защита, которая будет предоставляться по коллективному признаку.

Данный вид убежища будет присваиваться выходцам из одного государства по коллективному признаку и схожими заявлениями для защиты.

Кроме того, новый законопроект предусматривает еще ряд существенных изменений. Например, возможность иностранному гражданину иметь два статуса одновременно. Раньше это было взаимоис-

ключающие институты, т. е., если у иностранного гражданина есть вид на жительство, то он не может иметь статус беженца или иметь временное убежище. Однако, необходимо отметить, что это абсолютно два разных статуса (миграционный и защитный).

Кроме того, в связи с последними событиями и огромным потоком мигрантов из Украины, появились некоторые нюансы, которые не предусматривает законодательство Российской Федерации. Практика показывает, что из-за лояльного отношения к гражданам Украины, почти все из них получают одобрение на получение временного убежища, несмотря на то, что подают заявления зачастую люди судимые, без медицинских документов и даже без документов, удостоверяющих личность.

В этой связи, необходимо ужесточить вопрос касательно рассмотрения и выдачи временного убежища. Также, очень много людей из данного контингента приезжают с корыстными целями. Временное убежище — это разрешительный документ, по которому получают различные социальные преференции.

Некоторые иностранные граждане намеренно остаются в статусе мигранта с временным убежищем, при этом не хотят получать вид на жительство или гражданство, чтобы не терять привилегии, которое дает им временное убежище.

Необходимо также отметить, что некоторые мигранты специально продлевают временное убежище и не получают гражданство Российской Федерации из-за того, что не хотят быть военнообязанными. С учетом вышесказанного, при предоставлении временного убежища, необходимо предусмотреть следующие меры:

- ♦ дополнительный контроль или проверки документов и граждан в целом, которые подают заявления на временное убежище;

- ♦ представляется возможным ввести ограничения на продление срока временного убежища в части пролонгации данного статуса не более двух раз. После чего данное лицо должно урегулировать свой правовой статус;

- ♦ в целях сокращения сроков временного убежища, представляется возможным внести изменения в российское законодательство в части упрощения процедуры получения иного правового статуса на территории Российской Федерации (например, разрешение на временное проживание, вид на жительство, гражданство Российской Федерации) в зависи-

мости от геополитических интересов Российской Федерации. В настоящее время упрощенный порядок предоставления указанных правовых статусов предусмотрен только для граждан Украины.

Таким образом, национальное законодательство в сфере предоставления временного убежища отвечает всем международным стандартам. Говоря о процедуре предоставления временного убежища, отметим, что в правовое регулирование данного института были внесены изменения касаясь определенной категории граждан. Также можно обратиться к проведенному анализу сравнения законодательства стран СНГ и сказать, что происходит совершенствование института убежища аналогично закрепленным нормам в законодательстве других государств. В правовом регулировании института временного убежища существуют некоторые проблемы, но его законодательное и практическое совершенствование продолжается.

Список источников

1. Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах» // Российская газета. 1993. 20 марта.
2. Закон Республики Беларусь от 23 июня 2008 г. № 354-З «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь» // URL://<https://belzakon.net>.
3. Закон Республики Казахстан от 4 декабря 2009 г. № 216-IV «О беженцах» // URL://<https://adilet.zan.kz>.
4. Постановление Правительства РФ от 9 апреля 2001 г. № 274 «О предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 16. Ст. 1603.
5. Проект федерального закона «О предоставлении убежища на территории Российской Федерации» // URL://<https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=124403>.

References

1. Federal Law № 4528-1 of February 19, 1993 «On Refugees» // Rossiyskaya Gazeta. 1993. March 20th.
2. Law of the Republic of Belarus № 354-Z of June 23, 2008 «On granting refugee status, additional and temporary protection to foreign citizens and stateless persons in the Republic of Belarus» // URL://<https://belzakon.net>.
3. Law of the Republic of Kazakhstan dated December 4, 2009 № 216-IV «On refugees» // URL://<https://adilet.zan.kz>.
4. Decree of the Government of the Russian Federation of April 9, 2001 No. 274 «On granting temporary asylum in the territory of the Russian Federation» // CL RF. 2001. № 16. Art. 1603.
5. Draft federal law «On asylum in the territory of the Russian Federation» // URL://<https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=124403>.

Информация об авторах

Ш. М. Нурадинов — профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации;

С. Л. Нечай — доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат исторических наук.

Information about the authors

Sh. M. Nuradinov — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Officer of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation;

S. L. Nechay — Associate Professor of the Department of the Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Historical Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.01.2024; одобрена после рецензирования 29.02.2024; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted 15.01.2024; approved after reviewing 29.02.2024; accepted for publication 29.03.2024.

Научная статья

УДК 340.13

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-137-142>

EDN: <https://elibrary.ru/oznngz>

NIION: 2003-0059-2/24-011

MOSURED: 77/27-003-2024-02-210

Правовая ценность алармизма как пограничной формы юридически значимого поведения

Виталий Васильевич Оксамытный

Московский университет имени А. С. Грибоедова, Москва, Россия, oksvv@list.ru

Аннотация. В рамках общей оценки правового поведения рассматривается проблема так называемой поведенческой триады в праве. В ее структуру, помимо двух противоположных проявлений — правомерного и противоправного, входит также и пограничное. В его рамках раскрывается такая нетипичная форма, как алармистское поведение, пока еще не нашедшее должного уровня исследования в современной теории права. Алармизм рассматривается как деятельность «на грани», деятельность, которая опережает время, рамки и нормативно-ценностные стандарты официального поведения. Подчеркивается, что алармистское поведение представляет собой общественно значимую, позитивную черту социально-правовой характеристики личности.

Ключевые слова: правовая ценность, юридически значимое поведение, правомерное поведение, противоправное поведение, пограничное поведение, алармизм, алармистское поведение

Для цитирования: Оксамытный В. В. Правовая ценность алармизма как пограничной формы юридически значимого поведения // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 137–142. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-137-142>. EDN: OZNNGZ.

Original article

Legal value of alarmism as a border area of legally relevant behavior

Vitaly V. Oksamytnyi

Moscow State University named after A. S. Griboyedov, Moscow, Russia, oksvv@list.ru

Abstract. As part of the general assessment of legal behavior, the problem of the so-called behavioral triad in law is considered. Its structure, in addition to two opposite manifestations — legitimate and illegal, also includes borderline. It reveals such an atypical form as alarmist behavior, which has not yet found the proper level of research in modern legal theory. Alarmism is considered as an activity «on the edge», an activity that is ahead of time, the framework and normative-value standards of official behavior. It is emphasized that alarmist behavior is a socially significant, positive feature of the socio-legal characteristics of a person.

Keywords: legal value, legally relevant behavior, lawful behavior, illegal behavior, borderline behavior, alarmism, alarmist behavior

For citation: Oksamytnyi V. V. Legal value of alarmism as a border area of legally relevant behavior. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):137–142. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-137-142>. EDN: OZNNGZ.

В юридической науке и практике были и остаются неизменные и непререкаемые постулаты. Но право подвижно, и в нем всегда было место ситуациям и проблемам, в том числе связанных с переносом определенных акцентов в понятийно-категориальном аппарате юриспруденции.

Хотелось бы отойти от вопросов, адекватность ответов на которые не подвергается дискуссиям. Ценность в праве охватывает все, что отнесено к правильному, законосообразному или, другими словами, правопослушному поведению. Действующее

право становится реальностью лишь тогда, когда оно воплощается в совокупности правил поведения, превращается в его определяющую доминанту, осуществляясь в поступках субъектов права. Здесь не возникает сомнений, и можно лишь еще раз подтвердить, что приемлемым для права является правомерное поведение, тогда как противоправное — его антиценность.

В то же время, можно привести различные примеры, связанные с переменной в трактовке давно введенных понятий и определений, они были привычны

© Оксамытный В. В., 2024

слуху в одном понимании, однако теперь мы вкладываем в их название совершенно иную интерпретацию.

В частности, правомерное поведение еще в позапрошлом столетии ассоциировалось с *поведением, измеряемым правом*, т. е. охватывало все *юридически значимое поведение*. Со временем такое название переносится лишь на *деяния, соответствующие правовым требованиям*. Общеизвестное ныне закрепление термина «правомерное» за массивом требуемого правовыми нормами поведения, вполне возможно претерпит эволюционные изменения в обозримом будущем. Целесообразным видится и применение иной терминологии, подчеркивающей, в частности, прямую зависимость поведения от закона, должного править в правовом государстве.

Показательным видится в этой связи выделение в правовом поведении двух классических его вариантов — социально полезного (правомерного) и социально вредного (противоправного), которое также проходит через призму меняющейся правовой реальности.

Так, в правовой истории долгое время *дозволенность злоупотребления правом* рассматривалась действующим принципом права. В римском праве сохранялась юридическая презумпция, изложенная Гаем: «*Никто не считается злоумышленником, если он пользуется своим правом*». Но уже во времена Византии *законом Юстиниана* было запрещено собственникам городских участков в Константинополе возводить высокие стены для того, чтобы *лишить других домохозяев морского вида*. Позднее в гражданском праве закрепляется *шикана* — институт недопустимости злоупотребления правом, суть которого: *не следует поощрять действия, совершенные с целью причинить вред другому лицу*. Ныне общепризнанным является отношение к злоупотреблению правом как *особому виду правового поведения*, которое состоит в использовании гражданами своих прав способами, противоречащими назначению права, в результате чего наносится ущерб (вред) личности, обществу и государству.

В рамках исследования правовой ценности юридически значимого поведения заметно обращение к проблеме так называемой *поведенческой триады*, которая, судя уже по названию, шире своих основных противоположностей

В ее структуру логично входит и поведение, которое называют *пограничным* (или *промежуточным*,

переходным, «*юридически нейтральным*» или, если обратиться к зарубежным источникам, *транзитным*). Правильнее определить поведение, которое не вписывается в нормативно-ценностные стандарты и стереотипы так называемого цивилизованного общества, как *нетипичное правовое* [см., в частности, исследования на уровне докторских диссертаций: 4; 9; 10]. Эти поведенческие проявления разнородны, их правовая антиценность для общества далеко не всегда рассматривалась и раскрывается в настоящее время столь однозначно. К ним в настоящее время относят, в частности:

♦ *социально вредное поведение*, осуществляемое в рамках правовых норм (таким рассматривается, например, *злоупотребление правом*, когда субъект, действуя в пределах правовых дозволений, совершает поступки, вступающие в противоречие с социальным назначением права);

♦ *виктимное поведение* как отклоняющееся от правил безопасности жизнедеятельности человека, которое приводит его к повышенной уязвимости как возможно потенциальной жертвы правонарушителя;

♦ *объективно-противоправное невиновное поведение*, в котором отсутствует общественная вредность деяния; к нему относят действие, нарушающее нормы права, но не наносящее при этом вреда (противоправное деяние недееспособного лица и безвиновное действие). Оно не является правонарушением, ибо здесь отсутствует важный признак — общественная вредность (дееспособность субъекта, его вина);

♦ *действия в обход закона* как, в частности, сделки, являющиеся сами по себе не противозаконными, но заведомо направленными к достижению результатов, не допускаемых законом. Такое деяние относят к самостоятельному виду недобросовестного поведения [2, с. 387–396]. В международном частном праве обход закона (*fraude à la loi*) рассматривается ситуацией, «при которой стороны, желая избежать применения неудобной, с их точки зрения, нормы национального права, своими действиями создают фактический состав, при котором право другого государства, содержащее более выгодные для сторон нормы, будет применимым к их правоотношению» [3, с. 127].

♦ *поведение вследствие правовой ошибки* как поведение лица в силу неверного представления о действительном (истинном) юридическом или фактическом характере (свойствах) деяния и его последствий;

♦ *поведение лиц, отбывающих наказание*, когда оно представляет собой разновидность особого правового статуса, в свою очередь, подразделяемого на правовые статусы лиц, отбывающих различные виды наказаний (лишение свободы, исправительные работы и т. д.). В нормах гражданского, трудового, брачно-семейного права имеются положения, ограничивающие права и свободы осужденных граждан;

♦ *посткриминальное поведение*, т. е. непроступное поведение после окончания этапа исполнения решения о совершении деяния до момента возникновения механизма нового преступления, либо до момента его изобличения или добровольного отказа от преступления, или же до того момента, когда субъект перестанет опасаться последствий совершенного им деяния и перестанет задумываться о его последствиях, либо до истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности.

В число нетипичных форм, на наш взгляд, вписывается и *алармистское поведение*, пока еще не нашедшее должного уровня изучения. Отношение к алармизму как социально-правовому явлению также проходило разные фазы внимания, на что уже обращалось автором внимание в ряде предыдущих публикаций, затрагивающих тему нетипичных форм правового поведения [6; 7; 8].

На одной из недавних международных конференций, посвященных рассмотрению факторов близости и различий советского правоведения и современной отечественной теории права, авторское выступление было посвящено категории «правомерность» [5]. Алармизм был затронут в качестве примера в развитии проблемы «пограничных зон» в правовом поведении, но именно это понятие получило наибольшее число вопросов и замечаний. Прослеживается явное недопонимание сути алармистского поведения, мешают определенные шоры, привычные оценки, которые окружают такое явление. Что и послужило стимулом для специального и более подробного анализа затронутого юридического феномена.

Как уже было сказано, не всегда первоначальное название термина определяет его сущность, но зачастую именно остается с ним надолго, нередко (зачастую) препятствует каким-либо изменениям либо уточнениям в сложившемся понимании явления, его современным интерпретациям. Вспомним, например, происхождение и использование таких

мультиаспектных понятий, как *комиссия*, *декларация* или *дуализм* в общей юридической теории, в государственном и отраслях современного права.

В этом отношении «не повезло» алармизму. Его название прочно вошло в понятийный ряд, связывающий термин с *паникой*, *истерическим настроением*, *неоправданной тревогой* и т. п.

Справочные издания, как традиционные, так и электронные, определяли, да и сейчас склоны к выделению алармизма как *неодобрительной склонности к распространению тревожных (чаще необоснованных) слухов и настроений* либо как умонастроение, которое характеризуется упомянутой тревогой.

В психологии алармизм продолжают рассматривать как тревожное или паническое эмоциональное состояние, являющееся негативной реакцией человека или группы людей на положение дел в настоящем и будущие перспективы.

В научной среде алармизмом чаще всего называют течение, которое концентрирует внимание людей на их разрушительном воздействии на природу и экологию.

Однако, в ходу понятия не только «*экологического*», «*парникового*», «*климатического*» «*зеленого*» алармизма; в последнее время проявляют себя и те, кто выводят и обосновывают «*либеральный*», «*антропологический*», «*медицинский*», «*финансовый*» и даже «*интеллектуальный*» алармизм... Так, в средствах массовой информации находим следующие сочетания и заголовки: «Очередной алармизм на тему искусственного интеллекта», «Коронавирус: источники, причины и следствия алармизма», «Алармистские сценарии будущего», «Правительство не нашло повода для алармизма из-за ослабления курса рубля» и т. п.

А собственно алармист трактуется все еще по Далю, который в позапрошлом столетии в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» рассматривал такое лицо, как человека, «который все государственные и народные события гласно и шумно толкует в дурную сторону, пророча беду и тревожа этим общество» [1]. Алармизм — стало быть, это *чрезмерная тревожность*, реакция человека на происходящие вокруг него *негативные события или прогнозы*. Алармисты — это «*всепопальщики*», «*паникеры*» или люди, которым присущ страх перед будущим, они видят лишь трагический сценарий для человечества.

Таким образом, все еще сохраняется отношение к алармисту как лицу, *поднимающему тревогу без достаточных на то оснований*, склонному к панике, распространяющему необоснованные или ложные и вредные слухи, которые вызывают тревожные настроения.

Тем не менее, алармизм упоминается информационным носителем и иных явлений в обществе, в том числе вписывающихся в проблему ценностей в праве. Попробуем сделать еще одну попытку реабилитировать явление, присущее правовой реальности, внести иные точки сопоставления, дать объективную характеристику.

Итак, алармизм традиционно рассматривают как деятельность на грани, деятельность, которая на данном этапе не вписывается в рамки и стандарты официального поведения. Алармизм в историческом аспекте нарушает установленные «правила игры». И, соответственно, получает оценку как «ересь», «протестантизм», «инакомыслие», «вольнодумство», «неофициальная активность», в общем как «отступление от общепринятых границ допустимости».

Но обе противоположные пограничные сферы поведения (правомерная и противоправная) объединяются первоначальным неприятием самой терминологии, положенной в суть таких явлений. Алармизм в современном к нему отношении переживает примерно такие перфомансы: от полного либо частичного непризнания терминологии и до рассмотрения лишь в качестве констатации тревожного состояния его обладателя.

Тем не менее, опыт проводимых в разных странах социально-правовых исследований показывает, что односторонний негативный подход к этому явлению меняется, и перемены явно происходят в позитивную сторону. Алармистское поведение, находясь, по оценке исследователей, на грани позитивного, представляет собой общественно значимую и позитивную черту социально-правовой характеристики личности.

Что имеется в виду? Сторонниками иного, более широкого подхода небезосновательно обращается внимание на то, что само понятие должно выводиться не столько из «*умонастроения, порожденного тревогой*» (как отмечено Далем), но и из понимания действий, определяемых терминами «*волновать*», «*давать сигнал к чему-либо*», «*будить*», «*будоражить*». Побуждать других к общественно необходи-

мой деятельности, которая на начальном этапе не обладает одобрительной оценкой большей части общества и официоза, а тем более не пользуется широкой поддержкой масс.

Небольшой экскурс в отечественную историю. До недавнего времени мы свыкались с ложно понимаемыми социальными приоритетами и ценностями, требовавшими непременно и во всем официозного единомыслия, и парадного, декларированного единства. На практике такой подход создавал особый тип личности, наделенной чертами «патриотического конформизма». Последний основывался на, якобы, безраздельно разделяемыми всеми без исключения единообразии мнений, суждений и действий, на некритическом отношении к государственно-правовым реальностям. Этот тип навязывался всему обществу под видом идеала как четко «знающего свое место», активно одобряющего все решения, постановления и инструкции.

Поощрялась организованная активность, объемы которой приближались к общему количеству взрослого населения, а ее показатели основывались на числе избирателей, единодушно голосовавших за «единый блок коммунистов и беспартийных», а также на огромных цифрах членов массовых организаций, законодательно закрепленных в тексте Конституции СССР, на числе общественных «нагрузок» и поручений у членов трудовых коллективов. Этот вариант социального управления предполагал отсутствие самостоятельности, которая рассматривалась как фактор социально-правовой нестабильности.

Общественная активность, в основе которой лежала самостоятельная гражданская и нравственная позиция, противопоставленная господствующему конформизму и нарушающая «правила игры», рассчитанная на молчаливое большинство, объявлялась в таких условиях прямым следствием «игнорирования общественных интересов», «покушением на свободу всех других членов общества». Инакомыслие как образ мыслей и тип нестандартного поведения было «общественно нежелательным», а потому преследовалось. Что, в свою очередь, было одной из причин собственного нежелания правдиво высказывать свои мысли и убеждения, проявлять искренность, инициативу и неформальную самостоятельность в поступках.

Поведение, подталкиваемое «вольнодумными» побуждениями, с позиций сегодняшнего дня не

может рассматриваться как «необоснованное». Однако его носитель нередко опережает свое время, пытается привлечь внимание окружающих и общества на моменты, явления и проблемы, которые, оказывается, можно решить (или хотя бы постараться это сделать).

Но подобные активные поступки, далеко не всегда одобряемые и поддерживаемые обществом, находятся на грани допустимого и могут выходить за пределы формально дозволенного. Ведь и сама характеристика такого социального явления в современной жизни (как *основанная на мотивированном риске социально полезная деятельность, субъекты которой предполагают (или должны предполагать) возможность наступления за нее неблагоприятных последствий*) не содержит его однозначной поддержки.

А нередко и сами исполнители дают поводы к их неоднозначному оцениванию. Вспомним диссидентов, «отказников», политизированных активистов «движения за права человека» и т. п. В связи с этим, вряд ли, например, стоит выдавать за проявление опережающего поведения поступки тех, кто пытается «волновать» окружающих и общество, по большому счету, лишь в целях саморекламы. Они пытаются выдать такой пиар за особое проявление активности в общественно полезных целях. Примеров тому в современной жизни более чем достаточно.

В силу такой неоднозначности возникают вопросы, которые касаются критериев социальной полезности действий, обоснованности самих мотивов, внешней правомерности поступков. Надеемся, что те, кого такая проблематика интересует, как раз и обратятся к подобным вопросам с большей степенью аргументированности.

Примеры в ту или иную сторону могут быть различными как по содержанию, так и по внешнему оформлению. Но в массе своей такая активность — это *гражданское общество в действии*. Политический, интеллектуальный, нравственный облик человека, его желание и способность к переменам, гражданская позиция все более очевидно становятся решающим условием формирования и развития новой российской государственности, залогом успешного хода преобразований в обществе. И потому столь актуальны сегодня проблемы преодоления социальной апатии, гражданской аморфности, инерции мышления и поведения людей, стимулирования их инициативности и социально-правовой самостоятельности.

Новые социально-политические реалии современной жизни, поворот к гражданскому обществу и задачам формирования правового государства, которые основываются, прежде всего, на свободе усмотрения, свободе выбора поведения в рамках закона, заставляют пересматривать прежние стереотипы государственно-властных структур общения с массами, избавляться от боязни проявления в обществе несанкционированных инициатив.

Обоснованным напрашивается закономерный вывод: «алармисты», во-многом «будоража» окружающих своими поступками, необходимы современному обществу. Поскольку их активность — это опережающее поведение тех, кто, рискуя, ранее других, стал действовать.

Список источников

1. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. М. : АСТ, 2023.
2. Зубарева Д. А. Обход закона : правовая квалификация // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3. С. 387–396.
3. Канашевский В. А. Международное частное право : учебник. М. : Междунар. отношения, 2019.
4. Малиновский А. А. Злоупотребление правом как юридический феномен : дисс. ... докт. юрид. наук. М. : МГИМО, 2009.
5. Оксамытний В. В. Категория «правомерность» в советской и современной отечественной теории права : схожесть и различия в понимании и границах : мат. XVII междунар. науч. конф. «Советская теория права и современное российское правоведение : преемственность и инновации» // Вестник Ивановского госуниверситета. Серия «Естественные и общественные науки». 2023. Вып. 4. С. 72–79.
6. Оксамытний В. В. Поведенческие аспекты в системе оценок механизма правового регулирования // Механизм правового регулирования: история и современность. V Алексеевские чтения. Ч. 1. Екатеринбург : УГЮУ, 2019. С. 63–70.
7. Оксамытний В. В. Проблемы проявления правовой культуры в юридически значимом поведении // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 221–226.
8. Оксамытний В. В. Риски в праве : временные координаты в контексте алармистского поведения // Юридическая техника. Ежегодник. № 13. Риски в законотворчестве, правореализации, юридической

науке: техника формирования и функционирования системы управления. Нижний Новгород : НГА МВД России, 2019. С. 262–265.

9. Степаненко Р. Ф. Общеправовая теория маргинальности : дисс. ... докт. юрид. наук. Казань : К (П) ФУ, 2015.

10. Хужин А. М. Невинное поведение в праве (общетеоретический аспект) : дисс. ... докт. юрид. наук. Нижний Новгород : НГА МВД России, 2013.

References

1. Dal V. I. Explanatory dictionary of the Russian language. M. : AST, 2023.

2. Zubareva D. A. Circumvention of the law : legal qualification // Issues of Russian justice. 2019. No. 3. P. 387–396.

3. Kanashevsky V. A. International private law : textbook. M. : International. relations, 2019.

4. Malinovsky A. A. Abuse of law as a legal phenomenon : diss. ... doct. Jurid. M. : MGIMO, 2009.

5. Oksamytnyi V. V. The category of «legality» in the Soviet and modern domestic theory of law : similarities and differences in understanding and boundaries : mat. XVII International Scientific Conference «Soviet theory of law and modern Russian jurisprudence : continuity

and innovations» // Bulletin of the Ivanovo State University. The series «Natural and Social Sciences». 2023. Issue 4. P. 72–79.

6. Oksamytnyi V. V. Behavioral aspects in the evaluation system of the mechanism of legal regulation // The mechanism of legal regulation: history and modernity. V. Alekseev readings. Part 1. Ekaterinburg : UGYUU, 2019. P. 63–70.

7. Oksamytnyi V. V. Problems of manifestation of legal culture in legally significant behavior // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 6. P. 221–226.

8. Oksamytnyi V. V. Risks in law : time coordinates in the context of alarmist behavior // Legal technique. The yearbook. № 13. Risks in lawmaking, legal realization, and legal science : techniques for the formation and functioning of a management system. Nizhny Novgorod : NGA of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. P. 262–265.

9. Stepanenko R. F. General legal theory of marginality : diss. ... doct. Jurid. sciences. Kazan : K (P) FU, 2015.

10. Khuzhin A. M. Innocent behavior in law (general theoretical aspect): diss. ... doct. Jurid. sciences. Nizhny Novgorod : NGA of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013.

Информация об авторе

В. В. Оксамытный — заведующий кафедрой теории и истории государства и права Московского университета имени А. С. Грибоедова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the author

V. V. Oksamytnyi — Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Moscow State University named after A. S. Griboyedov, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 07.02.2024; одобрена после рецензирования 19.03.2024; принята к публикации 05.04.2024.

The article was submitted 07.02.2024; approved after reviewing 19.03.2024; accepted for publication 05.04.2024.

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-143-146>

EDN: <https://elibrary.ru/ozunhv>

ИДОН: 2003-0059-2/24-012

MOSURED: 77/27-003-2024-02-211

Юридическая конструкция права на свободу и личную неприкосновенность

Алла Анатольевна Опалева

Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия, allaopaleva@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается право на свободу и личную неприкосновенность через призму ее юридической конструкции. Отмечается, что построение данной конструкции осложнено, с одной стороны, неоднозначностью толкования указанного субъективного права, с другой, — возможностью выделения его различных юридических конструкций по нескольким основаниям. Обозначается проблема соответствия юридической конструкции права на свободу и личную неприкосновенность и наполняющей ее системы норм позитивного права.

Ключевые слова: юридическая конструкция, право на свободу и личную неприкосновенность, субъективное право, позитивное право

Для цитирования: Опалева А. А. Юридическая конструкция права на свободу и личную неприкосновенность // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 143–143. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-143-146>. EDN: OZUNHV.

Original article

The legal structure of the right to freedom and personal integrity

Alla A. Opaleva

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia, allaopaleva@yandex.ru

Abstract. The right to freedom and personal inviolability is considered through the prism of its legal structure. It is noted that the construction of this structure is complicated, on the one hand, by the ambiguity of the interpretation of this subjective right, on the other hand, by the possibility of distinguishing its various legal structures on several grounds. The problem of conformity of the legal structure of the right to freedom and personal integrity and the system of norms of positive law that fills it is outlined.

Keywords: legal structure, the right to freedom and personal integrity, subjective law, positive law

For citation: Opaleva A. A. The legal structure of the right to freedom and personal integrity. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):143–146. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-143-146>. EDN: OZUNHV.

Широкое использование в правовых исследованиях формально-юридического метода дало возможность посмотреть на многие правовые явления через призму их юридической конструкции, позволяющей вычлени́ть нормативный каркас, который заполняется позитивным правом.

Юридическая конструкция — гносеологическая категория, инструмент, средство познания правовых явлений. Она представляет собой идеальную модель, отражающую сложное структурное строение урегулированных правом общественных отношений, юридических фактов или их элементов [3, с. 91]. По мнению Н. В. Витрука, юридическая конструкция может быть применена, в частности, к правовому положе-

нию личности. Так, переход от понятия правового положения к понятию состава (юридической конструкции) правового положения — это не обычная смена понятий, а переход от одной формы абстрагирования, отражения к другой посредством модели, когда не просто формулируется понятие явления, а вычлени́ются его структурные, составные части (элементы) и в них конструируется идеальная модель (юридическая конструкция) [2, с. 26–27].

На наш взгляд, данное положение может быть распространено и на составные элементы правового положения личности, каковым является, в частности, право на свободу и личную неприкосновенность. Необходимость обращения к юридической конструк-

© Опалева А. А., 2024

ции данного права личности обусловлена, во-первых, его значимостью в структуре правового положения и, во-вторых, многовариантностью трактовки его содержания, что обуславливает многообразие его юридической конструкции, которая может быть представлена по разным основаниям.

Так, с позиции правомочий, в субъективных правах традиционно выделяют право-требование, право-пользование и право-притязание. На наш взгляд, право на свободу и личную неприкосновенность обладает своей спецификой и его юридическая конструкция в этом отношении может иметь вид единства четырех правомочий личности, включающих в себя:

- 1) возможность быть огражденной от незаконного ограничения физической неприкосновенности, индивидуальной свободы, психической и нравственной неприкосновенности личности (недопустимость такого ограничения);
- 2) возможность беспрепятственно пользоваться свободой от неправомерных посягательств на личную неприкосновенность;
- 3) возможность требовать от других лиц не нарушать ее неприкосновенность;
- 4) возможность прибегать к государственной защите в случае посягательств на ее неприкосновенность [4, с. 68–78].

С позиции объекта неприкосновенности, конструкция права на свободу и личную неприкосновенность в литературе представлена широким спектром мнений. К таковым относят жизнь, здоровье, телесную целостность, свободу от незаконных арестов и задержаний, личную свободу, психическую и нравственную неприкосновенность. Обобщение данных мнений дает возможность сделать вывод, что объектами неприкосновенности в данном случае можно считать физическую неприкосновенность, неприкосновенность индивидуальной свободы и духовную неприкосновенность личности.

Конструкция любого правового явления может быть раскрыта при четком определении его содержания. В этом отношении рассматриваемое право личности получает различное толкование не только в научной литературе, но и в позитивном праве. Поэтому вычленить юридическую конструкцию права на свободу и личную неприкосновенность с позиции содержания весьма затруднительно, поскольку она может варьироваться от узкого толкования, сводя-

щего данное право к недопустимости незаконных арестов, до широкого, фактически отождествляющего его со всей системой личных прав и свобод, от недопустимости незаконного ограничения свободы до недопустимости какого бы то ни было воздействия на человека¹.

Значительный интерес представляет юридическая конструкция данного права личности с позиции его структуры. Его формулировка, казалось бы, дает основание заявлять не об одном праве, а о двух правах: праве на свободу и праве на личную неприкосновенность. На наш взгляд, объединение широкого понятия «свобода» с не менее широким понятием «личная неприкосновенность», как ни парадоксально, приводит к их обоюдному сужению и появлению нового понятия «право на свободу и личную неприкосновенность», которое следует рассматривать как единое понятие, содержание которого ограничивается тем, которое в него вкладывается международным и национальным правом. Если же речь идет о «праве на свободу» и «праве на личную неприкосновенность», то, в этом случае, каждое их названных прав приобретает несколько иное, более широкое, содержание, чем то, которое они имели в едином понятии.

В зависимости от того, какая из представленных юридических конструкций права на свободу и личную неприкосновенность берется за основу, происходит ее наполнение соответствующими нормами позитивного права. Юридические конструкции рассматриваемого права, выделяемые по указанным выше основаниям, позволяют увидеть его с разных сторон и наполнить их нормами позитивного права, хотя и различающимися по своему набору, но не противоречащими друг другу.

Данное видение структуры юридической конструкции права на свободу и личную неприкосновенность не противоречит, на наш взгляд, широко распространенной в научной литературе позиции, согласно которой юридической конструкцией является устойчивый набор элементов, безразличных до определенной степени к своему содержанию. Фактическое же содержание элементов, их наполнение конкретными нормами права может меняться [6, с. 41; 1, с. 143].

¹ Рамки статьи не позволяют дать подробный разбор позиций по вопросу о содержании права на свободу и личную неприкосновенность.

В этом случае содержание права на свободу и личную неприкосновенность является основанием выделения элементов его юридической конструкции, фактическое же наполнение этих элементов конкретными нормами права, действительно, может меняться. Так, например, могут претерпевать изменения нормы уголовного, уголовно-процессуального или административного права, касающиеся ограничения свободы личности. Но это никоим образом не затрагивает само наполнение юридической конструкции данного права личности.

Данное положение действительно в том случае, если содержание права на свободу и личную неприкосновенность в своей юридической конструкции коррелирует с нормами позитивного права. Иначе говоря, юридическая конструкция данного права личности должна выстраивать под себя систему норм позитивного права, раскрывающих его содержание, и наоборот — эта система норм позитивного права требует формирования соответствующей ей юридической конструкции субъективного права.

Юридическая конструкция права на свободу и личную неприкосновенность, являясь его идеальной моделью, объективируется в позитивном праве. В этой связи возникает вопрос: что первично? Либо создание юридической конструкции права на свободу и личную неприкосновенность предопределяет нормы позитивного права, закрепляющие эту конструкцию, либо имеющиеся нормы позитивного права позволяют сформировать юридическую конструкцию права личности. Вопрос о соотношении юридической конструкции и позитивного права важен тем, что его решение позволяет соединить теорию с практикой, идеальное с реальным.

По мнению А. А. Ананьевой, юридические конструкции служат первоосновой (мысленной несущей конструкцией) для построения нормативного материала, на который «крепится» ткань позитивного права, а не нормы права служат основой для крепления конструкций [1, с. 144]. Вместе с тем, она признает, что хотя очень часто юридическая конструкция предшествует позитивному праву, но нередки и противоположные случаи, когда анализ нормативного материала позволяет «вывести» юридическую конструкцию [1, с. 144]. В этом отношении следует согласиться с О. А. Халабуденко в том, что на нормативном уровне юридическую конструкцию не следует отождествлять с фрагментами действительного позитивного права, выводимого из того же права. Юри-

дическая конструкция не следует за нормой права и не предшествует норме права, но позволяет норме права воплотиться в ткани позитивного права, объективироваться в правовом высказывании [5, с. 174]. На наш взгляд, здесь наблюдается двустороннее движение: с одной стороны, юридическая конструкция права на свободу и личную неприкосновенность дает позитивному праву направление развития, помогает увидеть в нем коллизии и пробелы, связанные с данным правом, с другой — позитивное право поставляет юридической конструкции практический материал, являющийся результатом реализации этого права и позволяющий корректировать структуру и взаимосвязи элементов данной конструкции.

Список источников

1. Ананьева А. А. «Юридическая конструкция»: к вопросу об определении понятия // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2016. Т. 26. № 1. С. 141–148.
2. Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М.: Норма, 2008.
3. Данилюк И. А. Правовой статус личности: понятие, юридическая конструкция // Известия Алтайского государственного университета. 2023. № 3. С. 90–93.
4. Опалева А. А. Институт личной неприкосновенности (теоретико-правовые проблемы). М.: Академия управления МВД России, 2008.
5. Халабуденко О. А. Некоторые вопросы методологии права: гражданско-правовые прерогативы и юридические конструкции // Вестник Пермского университета. Сер. Юридические науки. 2013. № 1. С. 174–187.
6. Хизов В. Е. Недопустимость злоупотребления правом как теоретическая конструкция // Юрист. 2013. № 5. С. 41–46.

References

1. Ananyeva A. A. «Legal construction»: on the question of the definition of the concept // Proceedings of the Irkutsk State Academy of Economics. 2016. Vol. 26. № 1. P. 141–148.
2. Vitruk N. V. Fundamentals of the theory of the legal status of personality in a socialist society. M.: Norm, 2008.

3. Danilyuk I. A. The legal status of personality: concept, legal construction // *Proceedings of the Altai State University*. 2023. № 3. P. 90–93.

4. Opaleva A. A. Institute of Personal Integrity (theoretical and legal problems). M. : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008.

5. Halabudenko O. A. Some questions of the methodology of law: civil law prerogatives and legal constructions // *Bulletin of the Perm University. Ser. Legal sciences*. 2013. № 1. P. 174–187.

6. Khizov V. E. Inadmissibility of abuse of law as a theoretical construction // *Lawyer*. 2013. № 5. P. 41–46.

Библиографический список

1. Бурмистрова С. А. Законные интересы, субъективные права и свободы как правовые возможности : соотношение структуры, содержания и реализации // *Государство и право*. 2019. № 3. С. 180–187.

2. Ибрагимова Л. Р. Юридическая конструкция права на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства // *Вестник экономики, права и социологии*. 2018. № 3. С. 87–91.

3. Кротов А. В. Соотношение права на частную жизнь с правами на жизнь, на свободу и личную неприкосновенность // *Современное право*. 2011. № 3. С. 27–33.

4. Певцова Н. С. К вопросу о юридической конструкции права на физическое существование // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: юриспруденция*. 2022. № 1. С. 64–72.

5. Суменков С. Ю. Понятие права на свободу и личную неприкосновенность по Конституции Рос-

сийской Федерации // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2021. № 4. С. 101–110.

6. Цуканов Н. Н., Пономарева В. В., Филиппсон К. Ю. Структура субъективного права : общетеоретическая характеристика // *Алтайский юридический вестник*. 2022. № 1 (37). С. 33–37.

Bibliographic list

1. Burmistrova S. A. Legitimate interests, subjective rights and freedoms as legal possibilities : correlation of structure, content and realization // *State and law*. 2019. № 3. P. 180–187.

2. Ibragimova L. R. The legal structure of the right to freedom of movement, choice of place of stay and residence // *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2018. № 3. P. 87–91.

3. Krotov A. V. Correlation of the right to privacy with the rights to life, freedom and personal inviolability // *Modern Law*. 2011. № 3. P. 27–33.

4. Pevtsova N. S. On the question of the legal construction of the right to physical existence // *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: jurisprudence*. 2022. № 1. P. 64–72.

5. Sumenkov S. Yu. The concept of the right to freedom and personal inviolability according to the Constitution of the Russian Federation // *Izvestia of higher educational institutions. The Volga region. Social sciences*. 2021. № 4. P. 101–110.

6. Tsukanov N. N., Ponomareva V. V., Filipson K. Yu. The structure of subjective law : a general theoretical characteristic // *Altai Legal Bulletin*. 2022. № 1 (37). P. 33–37.

Информация об авторе

А. А. Опалева — профессор кафедры государственного строительства и права Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

A. A. Opaleva — Professor of the Department of State Construction and Law of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 25.12.2023; одобрена после рецензирования 01.02.2024; принята к публикации 27.03.2024.

The article was submitted 25.12.2023; approved after reviewing 01.02.2024; accepted for publication 27.03.2024.

Научная статья

УДК 343.979

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-147-152>

EDN: <https://elibrary.ru/pbmwmf>

NPON: 2003-0059-2/24-013

MOSURED: 77/27-003-2024-02-212

Историческая обусловленность коррупции в российском государстве

Людмила Васильевна Порватова¹, Дарья Олеговна Ефременко²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ 2642450@mail.ru

² darja.o.re-va@rambler.ru

Аннотация. В условиях функционирования современных механизмов государственного управления и действующих правовых запретов вопросы противодействия коррупционному поведению должностных лиц рассматриваются исключительно как негативные проявления, противоречащие легитимным интересам общества и государства. Существующие масштабы проявлений коррупции на сегодняшний день, во многом, находят свое объяснение в природе самого явления. Истоками своего происхождения коррупция в России исходит от вполне легитимной деятельности отдельных властных институтов Древнерусского государства, что не позволяет нормативными регуляторами или деятельностью по контролю полностью искоренить это явление и сегодня. Своевременный мониторинг по различным направлениям государственного управления с учетом знаний о природе коррупционных проявлений позволит выработать наиболее эффективные способы противодействия негативным ее проявлениям.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная политика, власть, должностные преступления, противодействие коррупции

Для цитирования: Порватова Л. В., Ефременко Д. О. Историческая обусловленность коррупции в российском государстве // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 147–152. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-147-152>. EDN: PBMWMF.

Original article

Historical conditionality of corruption in the Russian state

Lyudmila V. Porvatova¹, Daria O. Efremenko²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ 2642450@mail.ru

² darja.o.re-va@rambler.ru

Abstract. In the context of the functioning of modern mechanisms of public administration and current legal prohibitions, the issues of countering corrupt behavior of officials are considered exclusively as negative manifestations that contradict the legitimate interests of society and the state. The existing scale of corruption manifestations today, in many ways, find their explanation in the nature of the phenomenon itself. Corruption in Russia originates from the completely legitimate activities of individual government institutions of the Ancient Russian state, which does not allow regulatory regulators or control activities to completely eradicate this phenomenon today. Timely monitoring in various areas of public administration, taking into account knowledge about the nature of corruption manifestations, will allow us to develop the most effective ways to counteract its negative manifestations.

Keywords: corruption, anti-corruption policy, government, official crimes, anti-corruption

For citation: Porvatova L. V., Efremenko D. O. Historical conditionality of corruption in the Russian state. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):147–152. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-147-152>. EDN: PBMWMF.

Сегодня проблема коррупции является одной из наиболее актуальных и часто обсуждаемых тем не только в России, но и во всем мире. Почти в каждой сфере деятельности можно встретить случаи проявления коррупционного поведения, начиная от работников детского сада, заканчивая коррупционными схемами высших должностных лиц государственных органов. Вопрос законодательного регулирования

противодействия коррупции в современной России является важным направлением деятельности и имеет детальную правовую регламентацию.

В российском обществе основными причинами коррупции являются: низкая оплата труда, ухудшение качества жизни, высокое налогообложение, низкое качество оказываемых государственных услуг. В свою очередь, повышение качества и уровня обес-

© Порватова Л. В., Ефременко Д. О., 2024

печения вышеизложенных причин будет способствовать ликвидации коррупции в России.

История Российского государства по вопросам коррупции, показывает, что коррупция осталась неким пережитком прошлого, но в течение преобразованного законодательства всегда выдерживало проблему постоянной изменчивости коррупции. Сейчас мы наблюдаем тот же этап: рост коррупционных проявлений и реформация законодательства для ее ликвидации.

Рассматривая данную проблематику, стоит отметить, что борьбе с коррупционными проявлениями во всем мире уделяли внимание на разных этапах развития государственности. Например, история шумерского царя Уруинимгина, правившего приблизительно во второй половине XXIV в. до нашей эры. Он разными силами и способами пытался искоренить это злостное проявление в своем царстве путем введения системы жестоких наказаний, но все оказалось тщетно; уровень коррупционных проявлений, конечно же, спал, но полностью искоренить не удалось: «при наиболее благоприятном раскладе удалось предотвратить хотя бы самые опасные ее проявления, но на более мелком уровне, что уже приобрело массовый характер предотвратить уже невозможно» [1, с. 20].

Первым нормативно-правовым актом, в котором шло рассуждение на тему коррупции и борьбы с ней, стал индийский трактат «Архашастра» IV в. до нашей эры. В нем содержится очередной отнюдь не положительный вывод, что: «имущество царя не может быть, хотя бы в малости, не присвоено ведающими этим имуществом» [2, с. 56]. Стоит учесть, что наказание за взятие «взятки» были предусмотрены еще 4 тысячи лет назад Законами Хаммурапи.

Коррупция с древнейших времен — это явление, которое возникает как «оборотная» сторона властных полномочий субъекта. Оно появляется совместно с образованием государства, а возможно и ранее, с зарождением властных институтов [1, с. 24–28]. Учитывается лишь ее негативное влияние на функционирование государственного аппарата.

В современном обществе коррупция эволюционировала, приобрела разнообразные формы; ее проявления можно встретить почти во всех сферах жизнедеятельности человека. Справедливо, что «современная коррупция представляет собой один из элементов социальной реальности для любого без исключения государства» [3].

Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» дает следующее понятие коррупции: «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [3]. Иными словами, исходя из вышеизложенного, можно сказать, что коррупция — это использование в личных целях (для извлечения материальной или иной выгоды) своего должностного положения, что напрямую противоречит интересам общества и государства.

Возникает вопрос, какое значение имела коррупция на отдельных этапах становления государственности, какими смыслами наделялось данное явление, какие действия относились к коррупционным на протяжении всей истории Российского государства. Можно ли рассматривать коррупцию как закономерную возникшую форму системы административного управления?

Еще на начальных этапах зарождения государства в IX–X вв., можно выделить довольно интересное проявление официальной, «легитимной» коррупции, которая была напрямую выражена в институте «кормления». Глава древнерусского государства в особо значимые поселения посылал наместников, при этом, не предусматривая им за их деятельность никакого денежного вознаграждения. Содержание наместников возлагалось на подданство, т. е. именно население за свой счет будет «кормить» выбранного князем наместника.

Чуть позже этот официальный институт перерастает в неофициальное взяточничество, целую круговую поруку среди «откормленных воевод», которые, направляясь в столицу, привозили князю дары, взятые наместником с подведомственного ему населения древнерусского государства. Официально кормление будет отменено в середине XVI в. Иваном IV, но часть исследователей отмечают, что некая «традиция» жить за счет населения прослеживается до сих пор.

Примерно в одно и то же время два памятника русского права говорят нам об одном и том же термине «посул». Этими документами были Псковская Судная грамота [4, с. 26–34] и Двинская уставная грамота [5], изданные приблизительно в 1397 г., где посулом именовалось нелегитимное получение материальной компенсации за осуществление полномочий наместника (князя), обычно в судебной сфере.

В XV в. термин «посул» не прекращает свое существование и встречается в Новгородской Судной грамоте [6, с. 42], в Судебнике Ивана III (1497 г.) [7, с. 112]. Остановившись подробнее на Судебнике, стоит отметить, что ст. 33 запрещается «недельщикам» как брать, так и давать взятку в свою пользу или в пользу другого лица. Данная норма была запрещающей, но пока не предусматривала ответственности за взяточничество.

В XVI–XVII вв. на Руси понятие «почесть» было очень распространено и выражало форму добровольной преданности, выказывание уважения к человеку, удостоенного чести. Уважительное значение «почести» проистекает из русского обычая проявлять благоговение к уважаемым людям, особенно исполняющим властные полномочия. Этот обычай существует в деловой культуре уже много веков [8, с. 76].

На последующих этапах политическая система Российского государства развивалась в направлении централизации, укореняя достаточно разветвленный государственный аппарат. Административно-территориальное деление отражало новую структуру властных институтов. Местная власть была передана в руки губернаторов и волостей, они получили для управления отдельные области (уезды, волости) для выполнения административных и судебных функций. Судебные сборы и часть налогов, которые они взимали с населения, превышали установленные налоговые нормы. «Кормильцы» стремились получать от населения как можно больше материальных благ. Стоит учесть, что орган, который следил непосредственно за выполнением наместником его обязанностей, образовывался не из центральных правительственных чинов, а из таких же воевод, что способствовало низкой эффективности контроля за их деятельностью и увеличивало коррупционные проявления. Государство пыталось ограничить произвол и злоупотребления со стороны местных властей, пытаясь взять как можно больше сфер жизни общества под свой контроль, как «снизу», через избранных

представителей местного населения, так и «сверху», через центральные государственные органы. Однако, поскольку сама система кормления создает благоприятную основу для коррупции, невозможно получить результат только с помощью контроля над этими сферами.

В 1550 г. царь Иван Грозный, на основе Судебника Ивана III издает более актуальный свод законов — Царский Судебник [9, с. 674, 721]. Данный нормативный акт содержал нормы, регламентирующие сферу осуществления судебных функций. Теперь же роль царского суда значительно возросла, а также для привилегированных слоев населения (бояр, дьяков и подьячих) вводилось наказание за дачу или получение взятки. В 1555 г. была упразднена система кормления, но фактически, можно отметить ее существование в различных формах вплоть до XVIII в.

Многие проводимые реформы в определенной степени ограничили власть царя. Не было никаких сомнений в том, что дальнейшая реформация окажет положительное влияние на будущее российского государства, но этого не произошло. Когда Избранная Рада прекратила свое существование, ее высшие должностные лица подверглись репрессиям, а Иван Грозный приступил к опричнине — новому курсу внутренней политики царя, основной целью которого является укрепление авторитарности царской власти.

Так называемое «Смутное время», в начале XVII в., во многом возвратило государство к прежним порядкам. Реформы Избранной Рады в области местного управления были отменены, и на смену вновь пришла ранее существовавшая система «кормления». Теперь же контроль за наместниками был не таким сильным, чем в предшествующий период, что создавало «благоприятную основу» для развития коррупционной деятельности должностных лиц. Распространение коррупции способствовало подрыву доверия к властям, принципам государственного управления и вызвало серьезные социальные проблемы, массовые беспорядки. Ярким примером возможных последствий коррупции в трудные для страны времена является Соляной бунт в Москве в 1648 г.

Реформы государственного аппарата и институтов управления, проведенные Петром I, оказали большое влияние на развитие Российского государства. Фактически, под властью Петра I страна за-

ложила основу для нового типа государства. С проявлением абсолютной власти правителя. Петру I удалось создать аппарат светского государства. В основе государственного управления лежал мощный бюрократический аппарат, характеризующийся комплексной системой контроля и отчетности. В администрировании отчетливо проявлялся полицейский характер, при котором большинство сфер жизнедеятельности общества были строго регламентированы, что способствовало частичному уменьшению коррупционных проявлений в определенных кругах. В частности, Указ Петра Великого «О воспрещении взяток и посулов» предусматривал ответственность за коррупционные преступления вплоть до смертной казни, «лихоимство» преследовалось по закону.

Следует отметить, что сам царь объективно оценивал реальную ситуацию во властных структурах, а также в вопросах оценки моральной стороны характера людей, занимавших многие должности, исключая возможность распространения среди подчиненных казнокрадства. Из-за этого Петр I и учреждает множество контрольных органов, которые создавались параллельно с управленческим аппаратом. К примеру, в 1711 г. в один день были учреждены Сенат и институт фискалов. Основной целью фискалов было наблюдение и сбор сведений о фактах нарушения закона, при этом не вмешиваясь в ход самих действий, доносить единственному должностному лицу, которому они подчинялись — обер-фискалу, докладывающему лично императору о происшествиях.

Петр I в целом структурировал аппарат управления, заменил запутанную систему 44 приказов на четкую систему коллегий — центральных органов отраслевого управления, тем самым повысил эффективность работы государственного механизма и снизил коррумпированность в данных органах.

Екатерина II продолжила борьбу с «лихоимством», упразднив уже навсегда систему «кормлений». Императрица в борьбе со злоупотреблениями должностных лиц уделяла внимание их нравственному облику, а также вернула чиновникам фиксированную заработную плату в бумажной валюте, достойное содержание «к безбедному пропитанию по мере каждого довольного жалованья» [10, с. 19].

В конце XIX в. бумажная валюта начала значительно обесцениваться по сравнению с металлической. Жить на официальные зарплаты становилось все труднее. Единственное, на что недобросовестные

чиновники могли рассчитывать в этом случае, было взяточничество. Во время правления Павла I уровень коррупции значительно вырос. В первую очередь это было связано с недостаточным уровнем материального обеспечения не только должностных лиц, но и в целом снижением уровня дохода всего населения.

Реформы, проводимые Александром I в первые годы его правления, не отменяли те акты, которые были приняты прошлыми правителями. Взяточничество плотно укоренилось во всех сферах жизни общества. При этом вопрос о причинах такого положения во властных структурах и о решении проблемы коррумпированности не стоял на повестке государственных преобразований.

Лишь Николай I решает избавить Российскую империю от таких негативных проявлений в деятельности чиновников. В 1826 г. Николай учреждает Особый комитет и Третье отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, возложив на них задачу по ликвидации коррупции среди должностных лиц, а также контроль за их деятельностью.

Важное значение имело публичное размещение информации о имущественном положении чиновников российской империи во время правления императора Александра II. Это во многом позволило снизить уровень коррупции через страх государственных служащих быть раскрытыми.

XX в. ознаменовался увеличением количества чиновников, кооперативов, увеличением количества земельных сделок, в следствии чего в странах так называемой «первой пятерки», куда входила и Россия, значительно вырос уровень коррупции.

Политика большевиков во время гражданской войны наложила свой отпечаток на совершенствование антикоррупционного настроения в советском обществе. «Военный коммунизм» привел к появлению новой бюрократии, взявшей на себя распределительные функции. Меры сдерживания были ужесточены, но они не ограничили масштабы злоупотреблений со стороны должностных лиц.

В условиях перестройки всех сфер жизни общества, советское государство породило большое количество чиновников, которые должны были контролировать этот процесс. Отдельные должностные лица были наделены исключительными полномочиями, которые часто превосходили их, извлекая из этого значительные выгоды. Хотя изначально боль-

шевики старались избегать массового характера ответственности среди членов партии, в мае 1918 г. Комитету народных комиссаров все же пришлось издать указ о взяточничестве, предусматривавшего пять лет тюрьмы за взяточничество с конфискацией имущества. Согласно Уголовному кодексу РСФСР, смертная казнь за это преступление была предусмотрена еще в 1922 г.

Борьба советского правительства с коррупцией закончилась самим правительством, не принеся ожидаемого результата. Антикоррупционная деятельность советской власти отличалась некоторыми важными особенностями. Прежде всего, не употреблялся сам термин «коррупция» и его использование началось лишь в конце 1980-х гг. В основном нормативно закреплялись такие термины, как «взяточничество» и «злоупотребление властью», «баловать» и др. Можно говорить, что отрицалось не только понятие, но и само явление, что во многом определило несостоятельность борьбы в его проявлениях путем введения частных уголовных наказаний.

Стоит учитывать, что правосознание граждан Советского Союза в большинстве случаев объясняло причины коррупции удивительно наивным и непродуктивным образом. Коррупция в середине 1980-х гг. затронула большую часть чиновников и в какой-то степени была «унаследована» государственной администрацией современной России. Меры сдерживания были ужесточены, но они не ограничили масштабы злоупотреблений со стороны должностных лиц.

Современное состояние коррупции в России характеризуется ее проявлениями в новых сферах государственных и муниципальных услуг, формируются коррупционные сети, проявляется ее институциональный характер. Финансовая сфера, валютные рынки, операции с недвижимостью наиболее подвержены коррупционным проявлениям в секторе экономики. В этой связи, одним из важнейших средств противодействия выступает необходимость системного контроля, направленного не только на предотвращение, но и на выявление причин коррупционного поведения. На законодательном уровне необходимо не только своевременно преобразовать содержание нормативных правовых актов, учитывая проблему постоянной изменчивости коррупции, но и учитывать степень отрицательного ее воздействия на функционирование государственного аппарата и

жизнедеятельность общества в целом. Исторический опыт свидетельствует о преемственности такой борьбы: рост коррупционных проявлений, возникновение новых форм коррупционной деятельности — реформация законодательства как ответная реакция. В современных реалиях внимание должно уделяться также и антикоррупционному просвещению, это как систематической деятельности по формированию антикоррупционного правосознания и важного фактора правомерного поведения личности [12, с. 19]. До населения необходимо доносить актуальную информацию о формах коррупции, имеющих действительно негативное и разрушительное влияние, а также какими способами граждане могут противодействовать ее проявлениям.

Таким образом, подводя итог, стоит отметить, что коррупция как явление в Российском государстве имеет во многом закономерные причины своего возникновения. Оставаясь неким пережитком прошлого, постоянно изменявшиеся способы коррупции, сдерживались на отдельных исторических этапах, за счет государственных преобразований, введения новых форм контроля и законодательной регламентации антикоррупционных механизмов.

Список источников

1. Волчанская А. Н. Юридическая природа возникновения коррупции и исторические аспекты формирования антикоррупционного законодательства в дореволюционной России // История государства и права. 2018. № 3.
2. Кальянов В. И. Артхашастра или наука политики / пер. с санскрита. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1959.
3. URL://<https://www.mos.ru/upload/documents/files/6712/Prezentaciya.pdf>.
4. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // URL://<http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102126657>.
5. Псковская Судная грамота // Хрестоматия по истории государства и права России : учеб. пособие / Сост. Ю. П. Титов. М. : Проспект, 2004.
6. Двинская уставная грамота 1397 г. // URL://<http://музейреформ.рф/node/13622>.
7. Пиджаков А. Ю., Шибанова Э. П., Куликова О. Ю. Источники права Новгородской и Псковской феодальных республик // История государства и права. 2004. № 1.

8. Штамм С. И. Судебник 1497 года : учеб. пособие по истории государства и права СССР. М. : Госюриздат, 1955.

9. Астанин В. В. Борьба с коррупцией в России XVI–XX веков : развитие системного подхода. М. : Российская криминологическая ассоциация, 2003.

10. Судебники 1497 и 1550 гг. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. М. : СПб., 1995.

11. Голованова Е. И. Правовые основы борьбы с коррупцией в России в XVI–XIX вв. : историко-правовое исследование : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

12. Антикоррупционное просвещение в Российской Федерации : науч.-практ. пособие / Д. А. Пашенцев, Ю. В. Трунцевский, А. М. Цирин [и др.] ; отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : ИЗиСП, 2021.

References

1. Volchanskaya A. N. Legal nature of the emergence of corruption and historical aspects of the formation of anti-corruption legislation in pre-revolutionary Russia // History of State and Law. 2018. № 3.

2. Kalyanov V. I. Arthashastra or the science of politics / per. from Sanskrit. M. : Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1959.

3. URL://https://www.mos.ru/upload/documents/files/6712/Prezentaciya.pdf.

4. Federal Law of December 25, 2008 № 273-FZ «On Combating Corruption» // URL://http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102126657.

5. Pskov Judicial Charter // Chrestomathy on the history of the state and law of Russia : textbook / Compiled by Y. P. Titov. M. : Prospect, 2004.

6. Dvinskaya Statute Book of 1397 // URL://http://museumreform.pf/node/13622.

7. Pidzhakov A. Y., Shibanova E. P., Kulikova O. Yu. Sources of law of Novgorod and Pskov feudal republics // History of State and Law. 2004. № 1.

8. Stamm S. I. Judgment of 1497 : textbook on the history of the state and law of the USSR. M. : Gosurizdat, 1955.

9. Astanin V. V. The fight against corruption in Russia XVI–XX centuries : development of the system approach. M. : Russian Criminological Association, 2003.

10. Judeniks of 1497 and 1550 // Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron: In 86 vols. M. : St. Petersburg, 1995.

11. Golovanova E. I. Legal foundations of the fight against corruption in Russia in the XVI–XIX centuries : a historical and legal study : author's diss. ... Candidate of Juridical Sciences. M., 2002.

12. Anti-corruption education in the Russian Federation : scientific and practical manual / D. A. Pashentsev, Yu. V. Truntsevsky, A.M. Tsirin [et al.] ; ed. by T. Ya. Khabrieva. M. : IZiSP, 2021.

Информация об авторах

Л. В. Порватова — старший преподаватель кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

Д. О. Ефременко — старший преподаватель кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

L. V. Porvatova — Senior Lecturer of the Department of History of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

D. O. Efremenko — Senior Lecturer of the Department of History of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.10.2023; одобрена после рецензирования 05.12.2023; принята к публикации 16.01.2024.

The article was submitted 20.10.2023; approved after reviewing 05.12.2023; accepted for publication 16.01.2024.

Научная статья

УДК 342.951

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-153-157>

EDN: <https://elibrary.ru/pebbbo>

NION: 2003-0059-2/24-014

MOSURED: 77/27-003-2024-02-213

О некоторых формах организованного набора и привлечения иностранных граждан для трудовой деятельности в Российской Федерации

Анатолий Семенович Прудников

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, prudi1@rambler.ru

Аннотация. Рассматривается ряд форм организованного набора и привлечения иностранных граждан для трудовой деятельности в Российской Федерации на современном этапе.

Ключевые слова: миграция, набор, организация, труд, форма, гражданин, специалист, деятельность, статус, право, компетенция, квалификация

Для цитирования: Прудников А. С. О некоторых формах организованного набора и привлечения иностранных граждан для трудовой деятельности в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 153–157. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-153-157>. EDN: PEBBBO.

Original article

On some forms of organized recruitment and attraction of foreign citizens for work in the Russian Federation

Anatoly S. Prudnikov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, prudi1@rambler.ru

Abstract. A number of forms of organized recruitment and attraction of foreign citizens for labor activity in the Russian Federation at the present stage are considered.

Keywords: migration, recruitment, organization, work, form, citizen, specialist, activity, status, law, competence, qualification

For citation: Prudnikov A. S. On some forms of organized recruitment and attraction of foreign citizens for work in the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):153–157. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-153-157>. EDN: PEBBBO.

Организованные формы внешней трудовой миграции с учетом потребности российской экономики в иностранной рабочей силе являются реалиями не только сегодняшнего дня.

Так, проблема недостатка трудовых ресурсов в экономике России подчеркивалась в научных трудах в последнее время и, как следствие, стали активно применяться механизмы организованного привлечения иностранной рабочей силы [2].

Основой для интенсификации правовой регламентации организованных форм внешней трудовой миграции в Российской Федерации послужил разработанный по инициативе Совета руководителей уполномоченных органов в сфере миграции государств – участников СНГ международно-правовой документ «Общие принципы и механизмы организованного привлечения трудящихся-мигрантов для осуществления трудовой деятельности в государствах –

участниках Содружества Независимых Государств» от 1 октября 2009 г. [3].

В этом документе определено несколько форм привлечения иностранной трудовой силы:

- ♦ определение необходимой заинтересованности в иностранных работниках и наблюдение замещения вакантных мест, на которые предполагается их привлечение путем организованного набора;
- ♦ рекрутмент иностранных работников необходимой квалификации в стране проживания;
- ♦ мероприятия по организации встречи и возврата в страну проживания, миграционного учета, заключения трудовых договоров, временного обустройства для проживания иностранных работников;
- ♦ проведение мероприятий по мониторингу поиска и найма иностранных работников путем организованного набора [1].

© Прудников А. С., 2024

Для проведения организованного привлечения трудящихся-мигрантов в целях осуществления трудовой деятельности в государствах – участниках СНГ Советом руководителей миграционных органов государств – участников СНГ рекомендовано подписание двусторонних или многосторонних межгосударственных соглашений, которые бы зафиксировали обязанности и ответственность сторон (направляющей стороны и принимающей стороны).

В рамках последующей деятельности по правовому сопровождению миграционных процессов в пределах СНГ Межпарламентской Ассамблеей государств-участников 27 ноября 2015 г. принято Модельное соглашение об организованном наборе граждан для осуществления временной трудовой деятельности на территории СНГ [4]. Данное соглашение сформировало систему взаимодействия сторон с целью обеспечения функционирования системы организованного набора граждан государства одной стороны для осуществления временной трудовой деятельности на территории государства другой стороны.

В соглашении, в том числе, перечислены действия, требуемые для организации подбора и проводимые уполномоченными на то органами, как в государстве стороны, на территории которого будет вестись трудовая деятельность, так и в государстве стороны, на территории которого осуществляется организованный набор граждан этого государства с дальнейшей целью выезда в государство другой стороны для осуществления трудовой деятельности.

Одна из ключевых форм осуществления партнерства парламентов государств – участников СНГ — это модельное законотворчество, которое представляет собой деятельность Межпарламентской Ассамблеи по разработке, принятию и опубликованию модельных законодательных актов, отвечающих целям сближения законодательства и задачам интеграционного развития Содружества [5].

В интересах поддержки выработки скоординированных методов к системному упорядочиванию на территории государства – участника СНГ миграционных потоков, формируемых гражданами государств-участников, гражданами иных государств, лицами без гражданства, пользующимися правом свободного передвижения, т. е. по собственной воле или под воздействием вынуждающих факторов, Межпарламентской Ассамблеей 27 ноября 2015 г. принят Модельный закон о миграции [6].

Модельный закон предполагает заинтересованность двух государств (государства трудоустраивающего и государства отправляющего своих граждан на трудовую деятельность) в совместном сотрудничестве. В том числе и в той части, которая касается совершенствования механизма организованного набора трудящихся-мигрантов в соответствии с международными договорами, участниками которых они и являются.

Параллельно с означенным законом была принята другая редакция Модельного закона о миграции трудовых ресурсов [4]. Новая редакция также включает основополагающие начала согласованной законодательной политики в сфере трудовой миграции на территории СНГ.

Так, этот закон предполагает сотрудничество государств-участников СНГ в целях проведения и совершенствования общих принципов и систем организованного поиска, набора, адаптации, привлечения и использования рабочей силы. В нем же указаны и вопросы взаимного развития государственно-частного партнерства в целях становления национальной и международной (в границах территории СНГ) сферы услуг, предоставляемых работодателям и трудящимся-мигрантам и благоприятствующих становлению между ними и дальнейшему развитию цивилизованных трудовых отношений.

Закон также содержит и информацию по подбору граждан, т.е. вся практика по рекрутменту, а также подготовка и отправка граждан за границу для последующей реализации трудовой функции по найму. Также закон содержит сведения о трудоустройстве трудящихся-мигрантов, которым могут заниматься различные хозяйствующие субъекты.

При этом следует отметить, что характерной особенностью организованной формы осуществления иностранными гражданами права на исполнение трудовой активности, т. е. в принципе выполнение трудовой функции, представляет собой содействие в ней организаций, имеющих специальную направленность и оказывающих в том числе и данные услуги.

Заложенные в вышеуказанных международных документах принципы организованного привлечения трудящихся-мигрантов стали апробироваться в рамках, разрабатываемых по инициативе Российской стороны проектов двусторонних межгосударственных соглашений.

5 апреля 2017 г. подписано Соглашение об организованном наборе и привлечении граждан Республики Узбекистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации [7].

Соглашение стало базовым при работе над аналогичным договором с Республикой Таджикистан [8], которое было заключено 17 апреля 2019 г.

Комплексный характер заключенных соглашений, предусматривающий реализацию компетентными органами государств сторон целого ряда мероприятий как на территории страны исхода, так и в Российской Федерации, потребовал определения их особой институциональной структуры.

Таковыми структурами стали рабочие группы по вопросам реализации соглашений, сформированные с российской стороны под эгидой Роструда и включающие в свой состав представителей заинтересованных федеральных органов исполнительной власти.

Следует отметить, что соглашения предусматривают возможность заключения межведомственных договоров между компетентными органами для обеспечения более эффективного выполнения их положений.

Примером здесь может служить соглашение между Федеральной службой по труду и занятости (Российская Федерация) и Агентством по вопросам внешней трудовой миграции при Министерстве занятости и трудовых отношений Республики Узбекистан об обмене информацией, заключенное в Ташкенте 2 ноября 2017 г. [9].

Соглашением определены общие принципы взаимодействия сторон по обмену информацией, связанной с защитой трудовых прав граждан Республики Узбекистан, и по предмету использования информационно-аналитической системы Общероссийская база вакансий «Работа в России» в свете организованного набора и привлечения граждан Республики Узбекистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации.

Необходимость имплементации заключенных соглашений повлекла за собой издание органами публичной власти Российской Федерации актов, направленных на их реализацию.

Так, Правила функционирования единой цифровой платформы в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России», утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от

13 мая 2022 г. № 867 [10], предусматривают, в частности, создание в рамках федерального сегмента указанной платформы подсистемы «Личный кабинет органа государственной власти иностранного государства, действующего на основании международных договоров Российской Федерации».

Вопросы, связанные с организованным набором, включены в качестве трудовых действий, предусмотренных профессиональным стандартом «Специалист по трудовой миграции», утвержденным приказом Минтруда России от 29 октября 2018 г. № 672н [11].

Руководство по соблюдению обязательных требований трудового законодательства, утвержденного приказом Роструда от 11 ноября 2022 г. № 253 [12], также содержит раздел, касающийся требований к работодателю, в части его обязанностей. Например, в связи с принятием на работу гражданина Узбекистана, приглашенного на работу в порядке организованного набора.

В октябре 2021 г. Правительством Российской Федерации принято решение [13] о реализации пилотного проекта по привлечению граждан Республики Узбекистан.

Сущность данного проекта заключается в рекрутировании граждан Республики Узбекистан организованным порядком в работы в разных сферах, наиболее нуждающихся в трудовой деятельности мигрантов. Так, например, это аграрная и сельскохозяйственная деятельность, различные сферы строительства, а также производство товаров массового потребления.

Государственный проект «Россия — привлекательная для учебы и работы страна» протоколом заочного заседания проектного комитета от 15 декабря 2021 г. № 1 утвердил паспорт этого проекта. В нем учтено «Создание центров доиммиграционной подготовки» в тех государствах, которые являются источником трудовых ресурсов России. Это такие страны ближнего зарубежья, которые наиболее привлекаемы для трудовой деятельности: Республика Узбекистан, Республика Таджикистан, Киргизская Республика.

В заключение следует отметить, что среди многих различных направлений, на сегодняшний момент, отдельным и самостоятельным вектором является взаимовыгодное сотрудничество с рядом зарубежных стран по организованному привлечению иностранных граждан к осуществлению трудовой деятельности на территории Российской Федерации, совершенствованию различных механизмов правового регулирова-

ния в данной сфере, а также выстраивание диалога с зарубежными партнерами в целях привлечения на российский рынок труда востребованной экономикой иностранной рабочей силы и создание саморегулирующих организаций, сотрудничающих с органами государственной власти и органами местного самоуправления в пределах их полномочий для содействия на правовых основах деятельности по подбору и привлечению рабочей силы на имеющиеся вакансии, способствующих реализации государственных целевых программ в сфере внешней трудовой миграции.

Список источников

1. Дутов П. О. Конституционно-правовое регулирование внешней трудовой миграции. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2022.
2. Моисеенко В. М. Международная миграция в России (СССР) в конце XIX – первой трети XX века. Ч. 2. Международная миграция в России в эпоху «Великого кризиса» (1914–1922 гг.) // Демографическое обозрение. 2017. № 1.
3. Решение Совета руководителей миграционных органов государств – участников СНГ от 1 октября 2009 г. «О ходе подготовки международно-правового документа «Общие принципы и механизмы организованного привлечения трудящихся-мигрантов для осуществления трудовой деятельности в государствах – участниках Содружества Независимых Государств» от 1 октября 2009 г. // Международное сотрудничество. Библиотека журнала «Земляки». 2014. № 9 (21). С. 40–44.
4. Модельное соглашение об организованном наборе граждан для осуществления временной трудовой деятельности на территории СНГ, принятое постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 27 ноября 2015 г. № 43-5 // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 2016. № 64 (ч. 1).
5. Постановление от 12 апреля 2018 г. № 14 Совета Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ «Об имплементации норм модельных законодательных актов Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ в законодательствах государств – участников Содружества Независимых Государств» // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 2019. № 69 (ч. 1).
6. Модельный закон о миграции трудовых ресурсов (новая редакция), принятый постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 27 ноября 2015 г. № 43-5 // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 2016. № 64 (ч. 1).
7. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан об организованном наборе и привлечении граждан Республики Узбекистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации от 5 апреля 2017 г. // СПС «КонсультантПлюс».
8. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан об организованном наборе граждан Республики Таджикистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации от 17 апреля 2019 г. // СПС «КонсультантПлюс».
9. Соглашение между Федеральной службой по труду и занятости (Российская Федерация) и Агентством по вопросам внешней трудовой миграции при Министерстве занятости и трудовых отношений Республики Узбекистан об обмене информацией // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Правительства Российской Федерации от 13 мая 2022 г. № 867 «О единой цифровой платформе в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Приказ Минтруда России от 29 октября 2018 г. № 672н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по трудовой миграции» // СПС «КонсультантПлюс».
12. Приказ Роструда от 11 ноября 2022 г. № 253 «Об утверждении Руководства по соблюдению обязательных требований трудового законодательства» // СПС «КонсультантПлюс».
13. Постановление Правительства Российской Федерации от 6 октября 2021 г. № 1694 «О реализации пилотного проекта по привлечению граждан Республики Узбекистан для осуществления временной трудовой деятельности у российских юридических лиц, осуществляющих хозяйственную деятельность в сферах строительства, легкой промышленности и агропромышленного комплекса» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Dutov P. O. Constitutional and legal regulation of external labor migration. M. : UNITY-DANA, 2022.
2. Moiseenko V. M. International migration in Russia (USSR) at the end of the XIX – first third of the XX century. Part 2. International migration in Russia in the era of the «Great Crisis» (1914–1922) // Demographic Review. 2017. No. 1.
3. Decision of the Council of Heads of Migration Authorities of the CIS member States dated October 1, 2009 «On the preparation of an international legal document «General principles and mechanisms for the organized involvement of migrant workers for employment in the member States of the Commonwealth of Independent States» dated October 1, 2009 // International cooperation. The library of the magazine «Countrymen». 2014. No. 9 (21). P. 40–44.
4. Model agreement on the organized recruitment of citizens for temporary employment in the CIS, adopted by Resolution No. 43-5 of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States dated November 27, 2015 // Newsletter. The Interparliamentary Assembly of the Member States of the Commonwealth of Independent States. 2016. No. 64 (part 1).
5. Resolution No. 14 of the Council of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States dated April 12, 2018 «On the implementation of the norms of model legislative acts of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States in the legislations of the member States of the Commonwealth of Independent States» // Information Bulletin. The Interparliamentary Assembly of the Member States of the Commonwealth of Independent States. 2019. No. 69 (part 1).
6. Model Law on Migration of Labor Resources (new edition), adopted by Resolution of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States dated November 27, 2015 No. 43-5 5 // Newsletter. The Interparliamentary Assembly of the Member States of the Commonwealth of Independent States. 2016. No. 64 (part 1).
7. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Uzbekistan on the organized recruitment and involvement of citizens of the Republic of Uzbekistan for temporary employment in the territory of the Russian Federation dated April 5, 2017 // LRS «ConsultantPlus».
8. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Tajikistan on the organized recruitment of citizens of the Republic of Tajikistan for temporary employment in the territory of the Russian Federation dated April 17, 2019 // LRS «ConsultantPlus».
9. Agreement between the Federal Service for Labor and Employment (Russian Federation) and the Agency for External Labor Migration under the Ministry of Employment and Labor Relations of the Republic of Uzbekistan on information exchange // LRS «ConsultantPlus».
10. Decree of the Government of the Russian Federation No. 867 dated May 13, 2022 «On the unified digital platform in the field of employment and labor relations «Work in Russia» // LRS «ConsultantPlus».
11. Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation No. 672n dated October 29, 2018 «On approval of the professional standard «Labor migration Specialist» // LRS «ConsultantPlus».
12. Rostrud Order No. 253 dated November 11, 2022 «On approval of the Guidelines for compliance with mandatory requirements of labor legislation» // LRS «ConsultantPlus».
13. Resolution of the Government of the Russian Federation dated October 6, 2021 No. 1694 «On the implementation of a pilot project to attract citizens of the Republic of Uzbekistan to carry out temporary work for Russian legal entities engaged in economic activities in the fields of construction, light industry and agro-industrial complex» // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

А. С. Прудников — профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России.

Information about the author

A. S. Prudnikov — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russia.

Статья поступила в редакцию 14.01.2024; одобрена после рецензирования 29.02.2024; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted 14.01.2024; approved after reviewing 29.02.2024; accepted for publication 29.03.2024.

Научная статья

УДК 342.951

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-158-161>

EDN: <https://elibrary.ru/prxnng>

ИПОН: 2003-0059-2/24-015

MOSURED: 77/27-003-2024-02-214

Особенности административно-правового регулирования миграционного учета в Российской Федерации на современном этапе

Татьяна Анатольевна Прудникова

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, prudi1@rambler.ru

Аннотация. Раскрывается понятие сущность и особенности административно-правового регулирования миграционного учета иностранных граждан в Российской Федерации.

Ключевые слова: миграция, учет, иностранный гражданин, регистрация, уведомление, прибытие, нахождение, услуга, регулирование, нарушение, постановка

Для цитирования: Прудникова Т. А. Особенности административно-правового регулирования миграционного учета в Российской Федерации на современном этапе // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 158–161. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-158-161>. EDN: PRXNNG.

Original article

Features of administrative and legal regulation of migration registration in the Russian Federation at the present stage

Tatiana A. Prudnikova

Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, prudi1@rambler.ru

Abstract. The concept of the essence and peculiarities of administrative and legal regulation of migration registration of foreign citizens in the Russian Federation are disclosed.

Keywords: migration, accounting, foreign citizen, registration, notification, arrival, finding, service, regulation, violation, staging

For citation: Prudnikova T. A. Features of administrative and legal regulation of migration registration in the Russian Federation at the present stage. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):158–161. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-158-161>. EDN: PRXNNG.

Являясь важной составляющей государственной миграционной политики Российской Федерации, миграционный учет способствует обеспечению прав граждан, а также содействует осуществлению и реализации прав, свобод, законных интересов иностранных граждан и лиц без гражданства, законно пребывающих на территории Российской Федерации.

По данным МВД России на территории России на 2023 г. находилось свыше 6 млн иностранных граждан; при этом анализ миграционной ситуации за данный период показывает ряд факторов и условий, оказывающих негативное влияние на ее состояние и развитие. К ним относятся: увеличение криминальной активности иностранных граждан (рост социальной напряженности и возникновение конфликтов на религиозной почве); динамика увеличения количества незаконно находящихся в стране граждан (рост

составления административных протоколов); сохранение негативных тенденций незаконной миграции (проникновение в страну с измененными установочными данными или с целью последующего транзита в страны Евросоюза) и др.

На современном этапе миграционный учет иностранных граждан в Российской Федерации — одна из востребованных государственных услуг в сфере миграции и форма государственного регулирования миграционных процессов.

Обращаясь к миграционной статистике, доля данной услуги в общем количестве предоставленных государственных услуг в сфере миграции в 2018–2022 гг. составляла около 37 %, а за 2023 г. свыше 47 % [4].

С 1 января 2024 г. МВД России [4] и его территориальные органы обеспечивают предоставление на

© Прудникова Т. А., 2024

территориях новых субъектов Российской Федерации государственных услуг в сфере миграции, в том числе и государственную услугу по миграционному учету, а также реализуют функции органов внутренних дел Российской Федерации в полном объеме.

Федеральным законом от 28 апреля 2023 г. № 156-ФЗ «О внесении изменений в статьи 20 и 22 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [1] расширен перечень оснований, в рамках которых иностранный гражданин или лицо без гражданства вправе самостоятельно уведомить орган миграционного учета о месте своего пребывания.

В содержании данного права предусмотрено несколько форм уведомлений для иностранного гражданина:

- ♦ очное уведомление;
- ♦ самостоятельное уведомление (если иностранный гражданин, прибывший в Российскую Федерацию в порядке, требующем получения визы, фактически проживает в помещении, адрес которого заявлен в ходатайстве о выдаче приглашения на въезд в Российскую Федерацию в качестве предполагаемого места пребывания такого иностранного гражданина, либо при наличии оформленного в письменном виде договора найма жилого помещения);
- ♦ уведомление посредством федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» иностранного гражданина, имеющего личный кабинет в данной системе;
- ♦ уведомление через организации федеральной почтовой связи.

Здесь следует подчеркнуть, что, в отличие от очного обращения иностранного гражданина, возможность направления уведомлений о прибытии иностранного гражданина в место пребывания с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций) упрощает для принимающей стороны соответствующую административную процедуру и предусматривает своевременный сбор информации о прибытии иностранного гражданина.

Но одним из актуальных вопросов в данной сфере является низкая информированность граждан о предусмотренной возможности подачи уведомления посредством Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций).

Если во многих крупных субъектах (Московской области, г. Москве, Санкт-Петербурге и Ленинградской области) наблюдается высокий процент такой формы уведомления, то в Чукотском и Еврейском автономных округах данный механизм не используется.

В ряде субъектов Российской Федерации отмечается высокая доля уведомлений, направляемых через организации федеральной почтовой связи (в более чем 20 субъектах Российской Федерации она превышает среднероссийскую).

Федеральным законом от 27 января 2023 г. № 4-ФЗ (ред. от 4 августа 2023 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] расширен и уточнен перечень сведений, содержащихся в Едином государственном реестре записей актов гражданского состояния и подлежащих передаче в органы миграционного учета. В него включены сведения о:

- ♦ государственной регистрации рождения на территории Российской Федерации иностранного гражданина или иного лица, не приобретающих на момент рождения гражданства Российской Федерации;
- ♦ государственной регистрации смерти в Российской Федерации и перемены имени иностранного гражданина;
- ♦ внесении исправлений или изменений в записи актов о рождении на территории Российской Федерации иностранного гражданина или иного лица, не приобретающих на момент рождения гражданства Российской Федерации, смерти в Российской Федерации;
- ♦ перемене имени иностранного гражданина.

Кроме того, следует отметить, что постановлением Правительства Российской Федерации от 21 октября 2023 г. № 1756 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 15 января 2007 г. № 9» [3] предусмотрено, что при обращении иностранного гражданина в территориальный орган Министерства внутренних дел Российской Федерации в электронной форме к уведомлению о своем прибытии в место пребывания и прибытии в это же место пребывания его детей, не достигших 18-летнего возраста, прилагаются следующие документы: копии всех страниц документов, удостоверяющих личность иностранного гражданина и его детей, не достигших 18-летнего возраста; копия документа, подтверждающего право собственности принимающей стороны на жилое по-

мещение, предоставляемое для фактического проживания (временного пребывания) иностранному гражданину; копии миграционных карт; копии документов, подтверждающих родственные отношения с детьми, не достигшими 18-летнего возраста, с переводом на русский язык.

Следует подчеркнуть, что приказом МВД России от 5 сентября 2023 г. № 655, утверждены форма уведомления об осуществлении трудовой деятельности иностранным гражданином или лицом без гражданства, получившим патент, а также порядок подачи иностранным гражданином или лицом без гражданства, получившим патент, уведомления об осуществлении трудовой деятельности в территориальный орган МВД России (который в течение двух месяцев со дня выдачи патента представляется (направляется) в территориальный орган МВД России на региональном и районном уровнях, выдавший патент). К уведомлению необходимо приложить копию трудового или гражданско-правового договора.

В случае выявления недостоверности указанных в уведомлении сведений, либо нарушения порядка его представления или формы его заполнения, уполномоченное должностное лицо докладывает об этом рапортом начальнику подразделения по вопросам миграции, не позднее суток, следующих за днем окончания проверки для принятия решения по существу.

Следует подчеркнуть, что за 2023 г. увеличились установленные факты фиктивной постановки иностранных граждан на миграционный учет, при этом большинство из них в г. Москве, и в г. Санкт-Петербурге.

Так, обращаясь к анализу судебной практики, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 г. № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» [2] по смыслу ст. 322.2 УК РФ под фиктивной регистрацией понимается фиксация в установленном порядке органами регистрационного (миграционного) учета факта нахождения гражданина на основании представления в эти органы заведомо недостоверных сведений или документов для такой регистрации, либо при отсутствии у данных лиц намерения пребывать (проживать) в этом помещении, либо при отсутствии у собственника или нанимателя жилого помещения

намерения предоставить это жилое помещение для пребывания (проживания) указанных лиц.

При этом следует отметить, что территориальными органами подразделений по вопросам миграции принимаются все необходимые меры по выявлению лиц, не исполнивших обязанность по постановке иностранного гражданина на учет по месту пребывания.

Следует отметить и ряд актуальных вопросов, возникающих в миграционной сфере. Прежде всего, это низкая эффективность уведомлений иностранных граждан об имеющемся ограничении въезда, что не позволяет в полной мере привлекать их к ответственности. Для решения вопросов, возникающих по данной проблеме, необходимо территориальным органам вручать иностранному гражданину уведомление об основаниях ограничения въезда в Российскую Федерацию в день объявления решения суда о назначении ему административного выдворения, в том числе и касаясь тех иностранных граждан, в отношении которых принято решение о депортации и реадмиссии и тех, кого помещают в специализированные учреждения МВД России.

Кроме того, большое значение играет и отсутствие полной и достоверной информации в дактилоскопических учетах, особенно это касается регистрации иностранных граждан, подлежащих высылке. И здесь необходимо максимально задействовать возможности всех информационных систем МВД России для мониторинга принятых в отношении иностранных граждан мер, для контроля за нахождением данной категории лиц на территории страны до выезда и въезда, что повысит эффективность работы территориальных органов МВД России.

Ежедневно сотрудниками территориальных органов МВД России, в ходе оказания государственных услуг, а также мониторинга информационных систем, устанавливаются факты массовой постановки на миграционный учет. Иностранцы граждане, которые стоят на учете по одному адресу, после получения патента встают на миграционный учет по другому адресу. В итоге постановка на миграционный учет используется иностранными лицами только для получения патента, а не фактического проживания по указанному адресу.

Особо эффективно в рамках выявления правонарушений взаимодействие с иными органами исполнительной власти, например взаимодействие с

налоговыми органами на предмет выявления организаций, осуществляющих финансово-хозяйственную деятельность с участием иностранных граждан вне правового поля.

В заключение следует отметить, что миграционный учет позволяет государству более эффективно управлять миграционными процессами и сокращать незаконную миграцию, предоставляет иностранным гражданам и лицам без гражданства в полном объеме реализовывать свои права на территории Российской Федерации. При этом необходимо усилить контроль за исполнением физическими и юридическими лицами обязанностей принимающей стороны в связи с осуществлением миграционного учета, а в случае неисполнения ими своих обязанностей — привлекать их к административной или уголовной ответственности.

Список источников

1. Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 156-ФЗ «О внесении изменений в статьи 20 и 22 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 г. № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и

преступлениях, связанных с незаконной миграцией» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 октября 2023 г. № 1756 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 15 января 2007 г. № 9» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Официальный сайт МВД России // URL://<http://мвд.рф/>

References

1. Federal Law № 156-FZ dated April 28, 2023 «On Amendments to Articles 20 and 22 of the Federal Law «On Migration Registration of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 9, 2020 № 18 «On judicial practice in cases of illegal crossing of the State border of the Russian Federation and crimes related to illegal migration» // LRS «ConsultantPlus».
3. Resolution of the Government of the Russian Federation dated October 21, 2023 № 1756 «On Amendments to the Resolution of the Government of the Russian Federation dated January 15, 2007 No. 9» // LRS «ConsultantPlus».
4. The official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia // URL://<http://мвд.рф/>

Информация об авторе

Т. А. Прудникова — профессор кафедры административного права Московского Университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

T. A. Prudnikova — Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 15.11.2023; одобрена после рецензирования 27.12.2023; принята к публикации 06.02.2024.

The article was submitted 15.11.2023; approved after reviewing 27.12.2023; accepted for publication 06.02.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-162-168>

EDN: <https://elibrary.ru/lhgcbz>

ИПОН: 2003-0059-2/24-016

MOSURED: 77/27-003-2024-02-215

Перспективы правового регулирования в законодательстве Российской Федерации незарегистрированного в установленном порядке брачного отношения

Ольга Александровна Рузакова¹, Алеся Вячеславовна Демкина²

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Россия, olalstep@mail.ru

² Исследовательский центр частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, ale-demkina@yandex.ru

^{1,2} Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация. Рассматривается возможность правового регулирования законодательством Российской Федерации сожительства; приводятся примеры из зарубежного правового регулирования в отношении указанного вопроса. Исследуются возможные правовые проблемы в связи с регулированием фактических брачных отношений. Приводится соотношение понятий «брак», «фактическое состояние в брачных отношениях», «установленный факт состояния в брачных отношениях», «фактические брачные отношения».

Ключевые слова: брак, признание факта состояния в брачных отношениях, фактические брачные отношения, семья, права фактических супругов

Для цитирования: Рузакова О. А., Демкина А. В. Перспективы правового регулирования в законодательстве Российской Федерации незарегистрированного в установленном порядке брачного отношения // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 162–168. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-162-168>. EDN: LHGCBZ.

Original article

Prospects for legal regulation in the legislation of the Russian Federation of unregistered marital relations in the established order

Olga A. Ruzakova¹, Alesya V. Demkina²

¹ Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO), Moscow, Russia, olalstep@mail.ru

² Research Center of the Private Law named after S. S. Alekseev under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia, ale-demkina@yandex.ru

^{1,2} Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The possibility of legal regulation of cohabitation by the legislation of the Russian Federation is considered, examples from foreign legal regulation in relation to this issue are given. Possible legal problems in connection with the regulation of de facto marital relations are being investigated. The correlation of the concepts of «marriage», «actual state in the marital relationship», «established fact of the state in the marital relationship», «actual marital relationship» is given.

Keywords: marriage, recognition fact of state in marital relations, actual marital relations, family, rights of actual spouses

For citation: Ruzakova O. A., Demkina A. V. Prospects for legal regulation in the legislation of the Russian Federation of unregistered marital relations in the established order. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):162–168. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-162-168>. EDN: LHGCBZ.

Действующее семейное законодательство признает брак, заключенный только в органах записи актов гражданского состояния (ст. 1 СК РФ). Однако гражданский брак, сожительство достаточно популярное явление в современной России. По данным Росстата в 2018–2022 гг. доля новых «гражданских

браков составила 43,7 % у мужчин и 38,7 % у женщин от общего количества союзов. Это примерно в четыре раза больше, чем в 2010–2014 гг. (мужчины — 13,2 %, женщины — 9 %)¹. Проблемы как имуще-

¹ URL://<https://dzen.ru/a/ZAGUhpQjRbS6XZG>.

© Рузакова О. А., Демкина А. В., 2024

ственного, так и неимущественного характера фактических супругов неоднократно были предметом обсуждения в литературе, при этом их регулирование осуществляется исключительно нормами гражданского законодательства и не входит в предмет семейного права [6; 5; 4].

Как отмечает Конституционный суд Российской Федерации «правовое регулирование брачных отношений в Российской Федерации осуществляется только государством. В настоящее время закон не признает незарегистрированный брак и не считает браком сожительство мужчины и женщины. Оно не порождает правовых последствий и поэтому не устанавливается судами в качестве факта, имеющего юридическое значение. Исключение сделано лишь для лиц, вступивших в фактические брачные отношения до 8 июля 1944 г., поскольку действовавшие в то время законы признавали равноправными два вида брака — зарегистрированный в органах ЗАГС и фактический брак» [9].

Таким образом, фактическое состояние в брачных отношениях (сожительство) не влечет правовых последствий, которые предусмотрены для зарегистрированного брака, а именно, не возникает совместной собственности, в случае смерти одного из сожителей второй не является наследником по закону и не включается в число наследников первой очереди. Возможное здесь исключение — это признание пережившего сожителя иждивенцем. Но доказать это можно только в судебном порядке. Не может возникнуть алиментных обязательств, предусмотренных СК РФ. Не может возникнуть общих долгов между фактическими супругами. Не действует презумпция отцовства.

В судебной практике не редко встречаются споры, связанные с разрывом таких отношений, когда один из фактических супругов пытается вернуть вложенные им средства в приобретенное одним из фактических супругов в период совместного проживания имущество на свое имя. В суде могут применяться разные способы защиты: взыскание по правилам о неосновательном обогащении, признание права собственности на долю в общем имуществе и раздел имущества. Но в любом случае необходимо будет «запасться» доказательствами внесения личных средств в приобретение другим лицом имущества. Кроме того, бывшим гражданским супругам, которые выбирают иск о неосновательном

обогащении, суды обычно отказывают на основании ч. 4 ст. 1109 ГК РФ². Указанная норма устанавливает правило, что неосновательное обогащение не подлежит возврату, если деньги или иное имущество было предоставлено в отсутствие обязательств, о чем другая сторона знала (в нашем случае истец — фактический супруг).

Необходимо отметить, что в России был период времени, когда фактически брачные отношения признавались государством (с 1 января 1927 г. по 8 июля 1944 г.), и это было связано с конкретными историческими событиями.

Так, ст. 3 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г. (КЗоБСО) устанавливала, что лица, фактически состоящие в брачных отношениях, не зарегистрированных установленным порядком, вправе во всякое время оформить свои отношения путем регистрации, с указанием срока фактической совместной жизни [8].

Это правило утратило силу 16 апреля 1944 г. И уже в Указе Президиума ВС СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» (далее — Указ) было закреплено следующее: «Лица, фактически состоящие в брачных отношениях до издания настоящего Указа, могут оформить свои отношения путем регистрации брака с указанием срока фактической совместной жизни» [11].

Указ дополнил ст. 1 КЗоБСО льготным положением: «Если фактические брачные отношения не могут быть зарегистрированы вследствие смерти или вследствие пропажи без вести на фронте одного из лиц, состоявших в таких отношениях, — другая сторона имеет право обратиться в народный суд с заявлением о признании ее супругом умершего или пропавшего без вести лица на основании ранее действовавшего законодательства (ст. 11 и 12 Кодекса законов о браке, семье и опеке)».

Но уже длительное время законодательство РФ не предоставляет фактическим супругам каких-либо

² См., например, примеры: URL://<https://pravo.ru/story/212763>; URL://https://zakon.ru/blog/2020/07/09/vzglyad_verhovnogo_suda_na_kondikciyu_v_semejnyh_otnosheniyah?ysclid=ls08jpk9xg963503633.

правовых гарантий. По п. 2 ст. 1 СК РФ признается брак, заключенный только в органах записи актов гражданского состояния. Действующий СК РФ не содержит легального определения понятия «брак», его можно попытаться вывести исходя из требований законодателя к условиям вступления в брак. В юридической литературе существует спор не только по поводу определения брака, но и его правовой природы.

Например, К. П. Победоносцев рассматривал брак в юридическом смысле — это «есть соединение мужчины и женщины, освященное общественным сознанием, т. е. получившее юридический характер. Но недостаточно смотреть на брак с одной только юридической стороны: это был бы взгляд односторонний. Брак, без сомнения, заключается по договору: им возбуждается договорное, обязательное отношение, в котором и жена и муж взаимно принимают на себя обязанности; брачный союз производит отношения и по имуществу; но все эти отношения занимают второстепенное место. Сущность брака — в условиях физической и душевной природы человека, а не юридическое только соединение двух волей» [2].

Л. М. Пчелинцева под браком понимает важнейший юридический факт, вызывающий возникновение семейно-правовых связей и представляющий собой свободный и добровольный союз мужчины и женщины, заключаемый в установленном порядке с соблюдением требований закона, направленный на создание семьи [3, с. 85–86].

В упрощенном виде, с точки зрения положений СК РФ, брак — это добровольный союз мужчины и женщины, зарегистрированный при соблюдении определенных условий в органах записи актов гражданского состояния и порождающий взаимные личные неимущественные и имущественные права и обязанности.

Согласно п. 2 ст. 1 Гражданского кодекса РФ, граждане (физические лица) приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Для заключения брака необходимы взаимное добровольное согласие мужчины и женщины, вступающих в брак, и достижение ими брачного возраста (ст. 12 СК РФ). Исходя из изложенного, брак — это обдуманное и свободное действие мужчины и женщины, направленное на возникновение соответствующих правовых последствий, включая совместный ре-

жим имущества супругов и возможность наследования друг за другом. При этом и совместный режим имущества может быть изменен брачным договором, так и порядок наследования — завещанием.

Во всех этих случаях (заключение брака, изменение режима совместного имущества) физические лица совершают осознанные действия, направленные на определенные правовые последствия.

Тем более действующему законодательству РФ неизвестно понятие «фактические брачные отношения» или «фактическое состояние в брачных отношениях». На рассмотрении Государственной Думы в настоящее время находится проект федерального закона № 539969-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Проектом предлагается закрепить схожее с ранее действующим советским законодательством правовое регулирование в интересах членов семьи погибших военнослужащих (и других установленных в законе лиц), если у таких военнослужащих фактически сложились брачные отношения до участия в специальной военной операции, и в связи с их гибелью нет объективной возможности «узаконить» сложившиеся брачные отношения. В связи с чем, переживший фактический супруг оказывается в незащищенном положении.

Как и в советский период, признание супругом предлагается допустить только после смерти одного из фактических супругов. Правовым обоснованием такого решения в данном случае служит невозможность оформления брачного отношения на прошлый период в связи со смертью или исчезновением лица.

Во-первых, обращает на себя внимание терминология законопроекта: «факт нахождения в брачных отношениях», «решение об установлении или о признании факта состояния в брачных отношениях», «лица, фактически состоявшие в брачных отношениях». Понятие «фактические брачные отношения» не используется, как и в отношении брака, не дается какое-либо определение понятийному аппарату. Но при этом в проекте предложено ввести условия, при наличии которых может быть установлен факт нахождения в брачных отношениях, т.е. предлагаются легальные признаки гражданского сожительства, которые позволят суду установить факт нахождения в брачных отношениях при отсутствии государственной регистрации брака.

Факт нахождения в брачных отношениях может быть установлен судом, если мужчина и женщина проживали совместно не менее трех лет или не менее одного года при наличии совместного ребенка и вели общее хозяйство.

Отметим, что ранее действовавшее советское законодательство не содержало критериев для определения факта «фактического состояния в брачных отношениях», этот вопрос был полностью отдан на усмотрение судов. Напомним, что действующее законодательство не устанавливает и легальных признаков брака, зарегистрированного в установленном порядке. И, возможно, не без оснований, поскольку предложенные в литературе признаки брака (ведение общего хозяйства, совместное проживание и т. п.) относительны. Указанные признаки не всегда являются «рабочими» и для официальных браков, поскольку они не всегда присутствуют (супруги могут жить не только в разных городах, но и в разных странах долгое время, «общее хозяйство» практически ведется не всегда, в зарегистрированном браке в брачном договоре может быть предусмотрен раздельный режим несения расходов и т. д.).

Вместе с тем, предлагаемая в законе формулировка «факт нахождения в брачных отношениях может быть установлен судом, если...», может толковаться как некий ориентир, позволяющий судам отталкиваться от конкретных обстоятельств и исходить из конкретных сложившихся семейных отношений между конкретными мужчиной и женщиной. Возможно, для более гибкого правового регулирования в данной норме можно сделать уточнение «в частности», допустив тем самым большее усмотрение суда.

Во-вторых, проектом предлагается порядок для установления факта нахождения в брачных отношениях — судебный в порядке особого производства. В случае, если при рассмотрении заявления об установлении факта состояния в брачных отношениях устанавливается наличие спора о праве, суд выносит определение об оставлении заявления без рассмотрения, а заявитель и другие заинтересованные лица вправе разрешить спор в порядке искового производства.

В-третьих, еще одно условие для применения новых правил — это смерть одного из фактических супругов.

Если одно из лиц, фактически состоявших в брачных отношениях, погибло, признано безвестно отсут-

ствующим или объявлено умершим в связи с участием в специальной военной операции либо в связи с проживанием или временным пребыванием на территориях осуществления специальной военной операции (ст. 23 и 24 Федерального закона от 30 ноября 1994 г. № 52-ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»), другая сторона этих отношений имеет право установить факт состояния в брачных отношениях в суде в порядке особого производства.

Здесь важно отметить, что факт смерти должен быть подтвержден, так же как и установлен судом факт признания безвестно отсутствующим или вынесено решение об объявлении лица умершим; т. е., если только есть обстоятельства, дающие основания полагать, что гражданин пропал без вести, гражданский супруг или супруга, не имеют оснований для обращения в суд с требованием об установлении факта нахождения в брачных отношениях или в суд с требованием о признании фактического супруга безвестно отсутствующим. В этом случае с последним названным требованием в суд могут обратиться родители пропавшего лица или иные заинтересованные лица (в том числе Министерство обороны Российской Федерации). Если факт безвестного отсутствия установлен, то фактическая супруга (супруг), установившие свой статус в суде, смогут обращаться в суд с требованием об объявлении фактического супруга умершим.

В судебном решении об установлении факта нахождения в брачных отношениях будет указываться момент их возникновения.

По предложенным законопроектом правилам установленные в судебном порядке брачные отношения будут являться браком. Еще раз вернемся к терминологии проекта: не используется понятие фактический брак, поскольку проектом не предлагается ввести некую новую правовую сущность, которая по правовым последствиям приравнивается к браку, а является таковым, если это установлено судом. Кроме того, есть смысловое отличие между «фактическим состоянием в брачных отношениях» и «фактическим браком» или «фактическим брачным отношением»; в первом случае опять же речь идет о брачных отношениях, в последнем, о чем-то схожем или приравненном к браку. Поскольку это правовое явление является браком, то на него должны распространяться все требования СК РФ к браку, включая,

брачный возраст, возможность состоять только в одном браке, отсутствие родства и т. д.

Это означает также и следующие правовые последствия: «фактическая» супруга (супруг) будут иметь право быть наследником 1-ой очереди, иметь права на социальные и иные льготы в соответствии с действующим законодательством. Все приобретенное в период таких брачных отношений имущество будет считаться совместной собственностью.

Необходимо отметить, что положениям законопроекта предлагается придать обратную силу, т. е. они будут применяться к установлению факта состояния в брачных отношениях, возникших до дня вступления в силу положений названного законопроекта.

По замыслу авторов законопроекта, принятие законопроекта позволит защитить интересы членов «фактической» семьи военнослужащих, принимавших участие и погибших во время специальной военной операции, обеспечить членам семьи финансовую поддержку от государства [10].

Нельзя не отметить еще одно правовое последствие введения предусмотренных законопроектом правил, связанных с его обратной силой. Это возможность пересмотра уже оформленных наследственных дел, поскольку в данном случае появляется новый наследник, которого установить ранее не было возможности и срок давности здесь, скорее всего, будет течь с момента появления новых правил. Поскольку получается, что фактический супруг должен будет узнать о нарушении своих наследственных прав с момента, когда такая возможность стать наследником у него появится. Какого-либо специального регулирования по этому вопросу проектом не предложено, что предполагает и такое толкование.

Хотелось бы отметить, что институт «фактической семьи» известен многим правовым порядкам.

Например, Норвегия, Франция, Голландия, Швеция, Испания, Венгрия имеют специальное правовое регулирование для отношений незарегистрированного брака. Эквадор, Португалия, Израиль приравнивают фактические брачные отношения по правовым последствиям к официальному зарегистрированному браку.

Например, как указывает И. А. Косарева Швеция стала первым современным государством, законодательно признавшим отношения сожительства, приняв в 1987 г. акт, регулирующий отношения фактического супружества [1]. Сожительство при этом

сильно отличается от брака: партнеры не обязаны материально поддерживать друг друга, совместным имуществом сожителей признается только жилище и предметы домашней обстановки, к числу наследников по закону фактические супруги не относятся, вместе с тем они имеют возможность наследовать по завещанию. Шведское законодательство допускает совместную опеку сожителей над детьми друг друга, но запрещает усыновление (удочерение) парам, не состоящим в браке. Швеция считается лидером по количеству семейных союзов, проживающих вне официальной регистрации отношений (около 30 %).

Во Франции существует четырехступенчатая система регулирования личных отношений: свободный союз (*union libre*), сожительство (*concubinage*), PACS (договор — *Pacte civil de solidarité*) и непосредственно брак³. Каждая ступень отличается количеством предоставляемых прав и обязанностей. При свободном союзе никакого законодательного регулирования не происходит, люди живут вместе, прав и обязанностей по отношению друг к другу не возникают.

В Гражданском кодексе Франции есть гл. II «О сожительстве». Сожительством является фактический союз двух лиц разного или одного и того же пола, живущих вместе, когда такая совместная жизнь носит устойчивый и продолжительный характер (ст. 515-8). Для подтверждения статуса сожительства потребуется судебное решение.

Договором о совместной жизни (в 1999 г. в Гражданский кодекс были внесены изменения, и появился Титул XII «О договоре о совместной жизни и о сожительстве») является договор, заключенный двумя совершеннолетними физическими лицами, разного или одного того же пола, с целью устройства совместной жизни [7].

Указанный договор подлежит государственной регистрации. Перечислены условия его заключения. Под угрозой недействительности, не может быть заключен договор о совместной жизни между:

- 1) родственниками по прямой линии, восходящей и нисходящей, между свойственниками по прямой линии и по боковой линии до третьей степени родства, включительно;
- 2) двумя лицами, из которых, по крайней мере, одно состоит в браке;

³ См. подробнее: *Concubinage en France* // URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Concubinage_en_France.

3) двумя лицами, из которых, по крайней мере, одно уже связано договором о совместной жизни.

Партнеры, заключившие договор о совместной жизни, принимают по отношению друг к другу обязательства вести общую жизнь, оказывать друг другу материальную помощь и взаимную поддержку. Если партнеры не предусмотрят других условий, материальная помощь определяется пропорционально возможностям каждого.

В отношении третьих лиц стороны несут солидарную ответственность по обязательствам, принятым одной из них в связи с нуждами повседневной жизни.

Действующее законодательство Португалии признает за фактическим сожительством юридический статус. Правовые последствия возникают при условии совместного проживания пары не менее двух лет [1]. Закон предоставляет сожительствующим партнерам примерно схожий объем прав, которые имеют супруги, состоящие в зарегистрированном браке.

Фактические отношения по законодательству Ирландии — это отношения, которые отвечают следующим критериям:

- ♦ у партнеров есть взаимное обязательство вести совместную жизнь, исключая всех остальных, похожее на брак или гражданское партнерство на практике, но не по закону;
- ♦ эти отношения искренние и постоянные;
- ♦ партнеры проживают вместе не менее двух лет или не живут отдельно и раздельно на постоянной основе;
- ♦ партнеры не являются родственниками.

Можно привести и примеры из других стран, но в целом практика такова, что многие правовые порядки мира признают за фактическим союзом определенные правовые последствия, они могут быть такими же, как и для зарегистрированного в установленном порядке брака, могут иметь ряд отличий. При этом в каких-то актах даются четкие критерии или требования, при которых соительство (партнерство) имеет юридическое значение, в каких-то содержатся оценочные понятия, свидетельствующие о серьезности, надежности и устойчивости такого союза. В целом можно отметить, что вопрос регламентации фактических брачных отношений, как и любых семейных отношений, является деликатным вопросом, поскольку предусматривает существенное вмешательство государства в сферу личных интересов и

личных взаимоотношений между членами семьи, включая фактических супругов.

Список источников

1. Косарева И. А. Международное, зарубежное и российское право о статусе лиц, состоящих в фактических супружеских отношениях // Семейное и жилищное право. 2009. № 1.
2. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. В 3 т. СПб. : Синодальная типография, 1896.
3. Пчелинцева Л. М. Семейное право России : учебник для вузов. М., 1999.
4. Рузакова О. А. Семейное право : учеб.-практ. пособие. М. : Экзамен, 2003.
5. Семейное право : учебник / под ред. П. В. Крашенинникова. М. : Статут, 2019.
6. Смышляева О. В. Фактические брачные отношения как альтернатива браку в Российской Федерации : теория и практика применения // Семейное и жилищное право. 2019. № 4. С. 23–27.
7. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) от 21 марта 1804 г. (с изм. и доп. по состоянию на 1 сентября 2011 г.) // СПС «Консультант Плюс».
8. Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г. // СПС «КонсультантПлюс».
9. Определение Конституционного Суда РФ от 17 мая 1995 г. № 26-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Иониной Веры Петровны» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Проект федерального закона № 539969-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Указ Президиума ВС СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Kosareva I. A. International, foreign and Russian law on the status of persons in actual marital relations // Family and housing law. 2009. № 1.
2. Pobedonostsev K. P. Course of civil law. In 3 volumes St. Petersburg : Synodal Printing House, 1896.

3. Pchelintseva L. M. Family law of Russia : textbook for universities. M., 1999.
4. Ruzakova O. A. Family law : textbook-practice. manual. M. : Exam, 2003.
5. Family law : textbook / edited by P. V. Krashe-
ninnikov. M. : Statute, 2019.
6. Smyshlyaeva O. V. Actual marital relations as an
alternative to marriage in the Russian Federation: theory
and practice of application // Family and housing law.
2019. № 4. P. 23–27.
7. The French Civil Code (Napoleon's Code) of
March 21, 1804 (with amendments and additions as of
September 1, 2011) // LRS «ConsultantPlus».
8. The Code of Laws on Marriage, Family and Gu-
ardianship of the RSFSR 1926 // LRS «ConsultantPlus».
9. Definition of the Constitutional Court of the Rus-
sian Federation dated May 17, 1995 № 26-О «On refusal
to accept for consideration the complaint of citizen
Ionina Vera Petrovna» // LRS «ConsultantPlus».
10. Draft Federal Law № 539969-8 «On Amend-
ments to the Federal Law «On the Enactment of Part
One of the Civil Code of the Russian Federation» // LRS
«ConsultantPlus».
11. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of
the USSR dated July 8, 1944 «On increasing state assistan-
ce to pregnant women, large and single mothers, strengt-
hening the protection of motherhood and childhood, esta-
blishing the honorary title «Mother Heroine» and the
establishment of the «Order of Maternal Glory» and the
«Medal of Motherhood» // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторах

О. А. Рузакова — профессор Московского государственного института международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

А. В. Демкина — ведущий научный сотрудник Исследовательского центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

O. A. Ruzakova — Professor of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO), Professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor;

A. V. Demkina — Leading Researcher of the Research Center of the Private Law named after S. S. Alekseev under the President of the Russian Federation, Associate Professor of the Finance University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.01.2024; одобрена после рецензирования 29.02.2024; принята к публикации 01.04.2024.

The article was submitted 23.01.2024; approved after reviewing 29.02.2024; accepted for publication 01.04.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-169-174>

EDN: <https://elibrary.ru/lrhgjs>

ИПОН: 2003-0059-2/24-017

MOSURED: 77/27-003-2024-02-216

Очередное реформирование законодательства о несостоятельности (банкротстве) повысит эффективность правосудия при рассмотрении данной категории дел?

Валентин Николаевич Ткачев

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, valentine_t71@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности очередного этапа реформирования законодательства в области несостоятельности (банкротства) на основании положений проекта федерального закона, предложенного Верховным Судом Российской Федерации и разработанного в целях совершенствования процедуры рассмотрения арбитражными судами дел о несостоятельности (банкротстве). Делается акцент на современном состоянии конкурсного законодательства как одного из ключевых регуляторов экономического развития страны, хозяйствующих субъектов и граждан.

Ключевые слова: конкурсное право, несостоятельность, банкротство, процедуры банкротства, экономическая деятельность, арбитражный суд, конкурсное производство, должник, кредиторы, арбитражный управляющий

Для цитирования: Ткачев В. Н. Очередное реформирование законодательства о несостоятельности (банкротстве) повысит эффективность правосудия при рассмотрении данной категории дел? // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 169–174. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-169-174>. EDN: LRHGJS.

Original article

Will the next reform of the insolvency (bankruptcy) legislation increase the effectiveness of justice in considering this category of cases?

Valentin N. Tkachev

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, valentine_t71@mail.ru

Abstract. The features of the next stage of reforming legislation in the field of insolvency (bankruptcy) are considered on the basis of the provisions of the draft federal law proposed by the Supreme Court of the Russian Federation and developed in order to improve the procedure for consideration of insolvency (bankruptcy) cases by arbitration courts. The focus is on the current state of competition legislation as one of the key regulators of the economic development of the country, business entities and citizens.

Keywords: bankruptcy law, insolvency, bankruptcy, bankruptcy procedures, economic activity, arbitration court, bankruptcy proceedings, debtor, creditors, arbitration manager

For citation: Tkachev V. N. Will the next reform of the insolvency (bankruptcy) legislation increase the effectiveness of justice in considering this category of cases? Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):169–174. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-169-174>. EDN: LRHGJS.

Необходимость совершенствования нормативно-правового регулирования конкурсных отношений в современных условиях экономического развития России обуславливается:

1) большим объемом невыполненных обязательств в гражданском обороте юридическими лицами различных организационно-правовых форм и гражданами;

2) распространенной практикой применения всевозможными субъектами, осуществляющими предпринимательскую деятельность и обыкновенными гражданами, с целью невыполнения граждан-

ско-правовых обязательств и возврата полученных кредитов, наказываемым законодательством в административно-правовом и уголовно-правовом порядке преднамеренного и фиктивного банкротства [1, с. 408–426];

3) регулярной ротацией собственников имущественных комплексов особенно в период санкционного давления на российскую экономику и перестройки системы управления различных юридических лиц;

4) высоким уровнем активности в области изменения организационно-правовых форм хозяйствующих субъектов;

© Ткачев В. Н., 2024

5) расширением относительно недавно возникшего бизнеса, направленного на отчуждение юридического лица, применяя к нему законодательно закрепленные конкурсные процедуры и механизмы антикризисного управления [2, с. 140].

Во множестве причин, которые могут повлечь неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и осуществить обязанность по уплате обязательных платежей, прослеживаются такие как: неисполнение (ненадлежащее исполнение) субъектами гражданских правоотношений обязательств, вытекающих из договора; дефицит оборотных средств; неадекватно высокие проценты при получении заемных средств в рамках кредитных договоров; неспособность кредиторов реально оценивать свои возможности в погашении полученных кредитов и проводить долгосрочный комплексный анализ складывающейся экономической ситуации; производство морально устаревшей, не отвечающей требованиям потребителей и не конкурентоспособной продукции, неэффективная производственно-хозяйственная деятельность, не отвечающая требованиям рыночного спроса; не соответствующие требованиям законодательства и сложившейся корпоративной этике всевозможные злоупотребления наделенными определенными полномочиями представителей органов управления юридических лиц; санкционное давление на российскую экономику недружественных стран, а также введение ими различных ограничений, подкрепленных политическим давлением, целью которых является, невзирая на явную нецелесообразность, прекращение взаимовыгодного экономического партнерства и ликвидация годами выстроенных и производительно работающих экономических отношений, нестабильность внутренней экономической и политической ситуации в стране, а также противоречивость и несовершенство гражданского, налогового, таможенного, иного законодательства и многое другое.

Даже поверхностный анализ экономической ситуации в стране на сегодняшний день позволяет констатировать в реально производящем секторе российской экономики наличие значительного количества юридических лиц, хозяйственная деятельность которых осуществляется в нестабильном режиме, зачастую переводящем их в разряд неконкурентоспособных и убыточных. Как следствие — склады-

вающееся положение в реально производящем секторе российской экономики влечет возникновение угрозы экономической стабильности в стране, постоянству социального и общественного климата, что не может не затрагивать имущественные интересы и гармоничность существования различного уровня предпринимателей и населения страны в целом.

Совершенно очевидно, что предприниматель — участник рынка в реально производящем секторе российской экономики не может быть уверен в своей экономической стабильности при складывающемся невостребованности производимых им товаров, осуществляемых работ и оказываемых услуг, некорректно и не результативно проводимой инвестиционной политике со стороны государства и иных различных инвесторов, особенно в период усиления экономической изоляции России и невразумительного санкционного давления на нее бывших экономических партнеров, а также при наличии кредиторской задолженности, которая влечет за собой возможность признания должника в установленном конкурсном законодательстве порядке несостоятельным (банкротом).

Существует множество мер, которые могут позитивно повлиять на финансовую устойчивость, экономическую состоятельность, конкурентоспособность и гармоничное существование в условиях рыночных отношений субъекта предпринимательской деятельности. К этим мерам можно отнести:

- ♦ моделирование и претворение в жизнь стратегии государства в части экономических преобразований, целью которых является разработка предпосылок для результативного взаимодействия государственных органов и бизнес сообщества в части реализации взаимовыгодных экономических проектов и развитии экономического благосостояния бизнеса и общества в целом;

- ♦ перевод на иной, более комплексно и качественно проработанный уровень нормативно-правовое регулирование деятельности субъектов предпринимательской деятельности, особенно в реально производящем высокотехнологичном секторе экономики страны;

- ♦ повсеместное и качественное внедрение эффективных мер экономического и иного стимулирующего характера, направленных на поддержание и развитие всех эшелонов бизнеса в стране, особенно малых, средних, а также крупных субъектов пред-

принимательства, задействованных в реально производящих передовых высокотехнологичных отраслях экономики;

♦ реальная активизация инновационных процессов и применение различных форм искусственного интеллекта в производящем секторе российской экономики для любых представителей предпринимательского сообщества всех допустимых законодательством организационно-правовых форм.

Можно с уверенностью констатировать, что нормативная база регулирования конкурсных отношений в современной России относится к наиболее динамично развивающемуся правовому кластеру нашего государства. После вступления в силу Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [3] (далее — Закон о банкротстве) и по февраль 2024 г. в него было внесено отдельными законами более 130 достаточно серьезных изменений.

Практическая реализация положений законодательства о банкротстве также находится в постоянной динамике развития, показывающей, что ежегодно количество споров в этой области неуклонно растет. По информации, обнародованной Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, в 2022 г. в рамках дел о несостоятельности (банкротстве) рассмотрено 1 954 876 обособленных споров; за шесть месяцев 2023 г. — 1 211 541 обособленный спор.

Отметим, что большая часть обозначенных обособленных споров относится к рассмотрению требований о включении в реестр (888 077 — в 2022 г. и 548 689 — за шесть месяцев 2023 г.) и вопросов о продлении процедур, применяемых в деле о несостоятельности (банкротстве) (400 294 — в 2022 г. и 256 040 — за шесть месяцев 2023 г.) [4].

Для исправления обозначенной тревожной ситуации с достаточно большим объемом количества споров в области несостоятельности (банкротства) 20 декабря 2023 г. Верховный Суд Российской Федерации внес на рассмотрение в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее — Законопроект). Остановимся на ключевых моментах в области нормативно-правового регулирования конкурсных правоотношений, которые предлагает

Верховный Суд Российской Федерации в своем Законопроекте.

С учетом того, что целью Законопроекта является совершенствование процедуры рассмотрения арбитражными судами дел о несостоятельности (банкротстве) и к его основным задачам относится увеличение эффективности рассматриваемых процедур, а также улучшение качества судебного рассмотрения споров по данной категории дел, предлагаемые Верховным Судом Российской Федерации новеллы затрагивают положения Закона о банкротстве и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — АПК). Рассматриваемые нами изменения в законодательство о банкротстве касаются следующих основных направлений.

1. Упрощение процедур банкротства, связанных с признанием должника несостоятельным по отдельным категориям обособленных споров.

По сложившейся практике процент обжалования по категориям споров в области банкротства совсем невелик (порядка 5 % по спорам о включении в реестр и чуть более 1 % по вопросам увеличения сроков проводимых процедур). Таким образом, можно констатировать, что практически все разрешаемые арбитражными судами вопросы в делах о банкротстве носят фактически бесспорный характер.

Вместе с тем, действующее на сегодняшний день законодательство в области несостоятельности (банкротства) предписывает соблюдение единого порядка рассмотрения дел, являющихся бесспорными, а также тех, где имеют место возражения лиц, задействованных в процедурах банкротства. Как следствие, такое исполнение нормативных предписаний порождает усложнение, бюрократизацию и увеличение затрат на проведение всеобъемливающего судебного процесса: принятие заявления заинтересованного лица с вынесением соответствующего определения, назначение судебного разбирательства и извещение сторон спора о времени и месте судебного разбирательства, а также проведение судебного заседания с вынесением и изготовлением судебного решения в требуемом качестве и объеме, дальнейшая отправка копий судебных актов всем участникам спора о признании должника несостоятельным (банкротом).

Учитывая изложенное и для разрешения патовой ситуации, связанной с рассмотрением дел по банкротству судами, инициатива законодателя включает в себя идеи, предлагающие сконцентрировать внима-

ние суда на тех делах, в которых между сторонами правового конфликта действительно имеется полноценный правовой спор и однозначно требуется участие суда как компетентного юрисдикционного с соответствующими полномочиями государственного органа. Вместе с тем, однозначно влияющие на социальный климат в обществе процедуры банкротства требуют, что разрешение возникающих при их проведении споров может осуществляться только при наличии наделенного особыми полномочиями органа государственной власти в лице арбитражного суда.

Учитывая вышесказанное законодатель предложил изменения в Закон о банкротстве, связанные с расширением применения в арбитражных судах так называемого документального судопроизводства, на основе которого судья при отсутствии возражений участвующих в деле лиц сможет принимать значительную часть судебных актов в деле о несостоятельности (банкротстве) без проведения судебного заседания как такового с изготовлением только резолютивной части определения¹. Как видится, рассматриваемое предложение будет распространяться только на обособленные споры, например, о включении требований заинтересованных лиц в реестр, об освобождении арбитражного управляющего при наличии его заявления от возложенных на него обязанностей, о распределении судебных расходов по делу о несостоятельности (банкротстве) и т. д.

2. Давно назревший пересмотр в большую сторону нижнего порога суммы требований кредиторов, при наличии которой может быть возбуждено дело о несостоятельности (банкротстве) соответствующего юридического лица — должника.

При принятии в 2002 г. Закона о банкротстве в нем были зафиксированы основания для возбуждения дела о несостоятельности (банкротстве) в следующих размерах: 10 тыс. руб. — для физических лиц; 100 тыс. руб. — для юридических лиц; для особых категорий должников — 500 тыс. руб. (указаны в гл. IX Закона о банкротстве, например, градообразующие организации, кредитные организации, сельскохозяйственные организации и т. д.) В то время законодатель вполне обоснованно считал, что пороговое значение возрастало в зависимости от масштабов экономической деятельности должника и его места в решаемых им государственных задачах.

В процессе множества вносимых изменений в Закон о банкротстве ситуация с определенной града-

цией минимальной суммы требований кредиторов, при которой может быть возбуждено дело о банкротстве, кардинально изменилась. На сегодняшний день сумма в 300 тыс. руб.² для несостоятельности (банкротства) юридических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, является меньше суммы (500 тыс. руб.), необходимой для возбуждения дел о несостоятельности (банкротстве) граждан, которые физически не могут выполнять в таком объеме экономическую деятельность, как весомые игроки на рынке предпринимательства, являющиеся юридическими лицами.

Законодатель для устранения указанной диспропорции высказал идею устранения в правовом регулировании указанного недостатка. Для расчета конкретной суммы было предложено взять базовое значение задолженности, которая существовала для особой категорий должников (500 тыс. руб.). С учетом инфляции «набежавшей» с 2002 г. данная сумма была проиндексирована, а полученный итог (около 2,8 млн руб.) был увеличен в большую сторону и стал равняться 3 млн руб. Предполагается, что указанная сумма с учетом возможной инфляции на ближайшее будущее будет актуальной для должников, относящихся к особой категории в течение нескольких лет.

Конечно, изменения коснулись и минимальной суммы требований кредиторов к «обыкновенным» должникам — юридическим лицам. Верховным Судом Российской Федерации предложено установить

¹ Процедура упрощенного производства применялась еще в дореволюционный период, для которой были присущи следующие особенности: в такой процедуре рассматриваются «малые иски» и относительно бесспорные требования, производство является безвызывным, процесс — письменным, установлены особенности для раскрытия доказательств, процессуальные сроки уменьшены, по общему правилу решение выносится в сокращенной форме, пересмотр судебных постановлений также упрощен и ограничен [5].

² Следует отметить, что правило о минимальном пороговом значении размера учитываемого требования нередко остается средством злоупотребления со стороны должников, которые самостоятельно либо за счет третьих лиц частично погашают требования кредиторов так, чтобы оставшаяся часть не могла превысить указанной в законе значения, что препятствует введению процедуры несостоятельности. Применительно к подобным случаям с несколькими кредиторами, совокупность требований которых превышает пороговое значение, подлежат совместному рассмотрению, о чем имеется специальное разъяснение (п. 21 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14 ноября 2018 г.).

минимальное требование к ним в размере 2 млн руб., что также учитывает имеющийся уровень инфляции и при этом устанавливает шаг в 1 млн руб. меньшим, чем для указанной особой категорий должников, но большим, чем для физических лиц. Данное предложение законодателя восстанавливает ранее имеющуюся логику нормативно-правового регулирования и возвращает в целом экономически обоснованную дифференциацию фиксированной суммы задолженности, установленной Законом о банкротстве для различных категорий должников.

Также отметим, что установление обозначенной выше градации суммы задолженности включает в себя и значительно возросшие суммы судебных расходов при проведении процедур банкротства, а также является неким барьером от злоупотреблений аффилированных кредиторов, получающих возможность возбуждать дела о несостоятельности (банкротстве) должника на основании вступившего в законную силу судебного акта по упрощенному или приказному производству. Не секрет, что при рассматриваемой ситуации ими движет идея предложения суду для утверждения кандидатуры «дружественного» им арбитражного управляющего с целью последующего контроля аффилированными кредиторами за делом о банкротстве в разрез требованиям независимых кредиторов.

3. Приведение к единообразию процедуры обжалования определений арбитражных судов в рамках дел о несостоятельности (банкротстве).

На сегодняшний день ст. 61 Закона о банкротстве и ст. 223 АПК предлагают три режима обжалования определений арбитражных судов в рамках дел о несостоятельности (банкротстве), что вызывает некоторые проблемы у соответствующих участников процесса и судей. Разъяснения, касающиеся обжалования судебных актов по делу о несостоятельности (банкротстве), были приведены в п. 35–40 постановления Пленума ВАС РФ от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»³.

Законодатель в обозначенном Законопроекте предусмотрел приведение к единообразию имеющегося порядка обжалования определений, выносимых арбитражными судами в рамках дел о несостоятельности (банкротстве), для чего предложил ввести единый (месячный) срок на апелляционное обжалование всех судебных определений, а также предоставление

возможности обжалования постановления арбитражных судов апелляционной инстанции в кассационном порядке по всем категориям споров в области банкротства (за незначительным исключением).

4. Юридино-технические предложения, затрагивающие точечные преобразования законодательства о несостоятельности (банкротстве).

Верховный Суд Российской Федерации в Законопроекте предлагает также ряд некоторых изменений,

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

4-е изд., перераб. и доп. Учебник. 663 с.
Гриф МО РФ
Гриф УМП «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Эриашвили Н. Д.

Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя

Н.Д. Эриашвили

Финансовое право

Учебник
Четвертое издание

Рассматривается финансовое право в аспекте наиболее актуальных вопросов правового регулирования важнейших институтов этой отрасли права в современный период развития экономики. Учтены изменения и дополнения, внесенные в законодательство России по состоянию на 1 сентября 2016 г.

Основное внимание уделяется правовым основам и принципам финансовой деятельности, правовому регулированию бюджетных отношений и налогообложения. Анализируются правовые основы государственного и муниципального кредита, правовое регулирование банковской деятельности, а также правовые основы денежного обращения.

³ Вестник ВАС РФ. 2012. № 8.

которые связаны с приведением к единообразию подходов к утверждению положения о продаже имущества должника в делах о несостоятельности (банкротстве) — граждан и юридических лиц; переработкой порядка продления процедур конкурсного производства и реализации имущества должника-гражданина; установлением права арбитражного суда на снижение суммы процентов по вознаграждению арбитражного управляющего в случае ее несоответствия объему реально проделанной им работы.

Нет сомнений, что вопросы совершенствования и практического применения положений законодательства о несостоятельности (банкротстве) в целях наведения в конкурсных правоотношениях порядка, затрагивающего экономическую стабильность субъектов предпринимательской деятельности и защиту экономического фундамента Российской Федерации, требуют дальнейшего тщательного анализа и кропотливого нормативного урегулирования. В предложенном материале мы остановились лишь на некоторых аспектах обсуждаемого Законопроекта. Полагаем, что разработанные Верховным Судом Российской Федерации предложения в Закон о банкротстве повлияют на качество и результативность правосудия при рассмотрении арбитражными судами дел о банкротстве юридических и физических лиц, а дальнейшие научные изыскания позволят теоретикам и практикам найти наиболее рациональные решения множества проблем в области несостоятельности (банкротства), стоящих перед государством, предпринимательским сообществом и гражданами — участниками конкурсных правоотношений.

Информация об авторе

В. Н. Ткачев — начальник Службно-правового управления Договорно-правового департамента МВД России, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the author

V. N. Tkachev — Head of the Service and Legal Department of the Contractual Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 24.01.2024; одобрена после рецензирования 29.02.2024; принята к публикации 01.04.2024.

The article was submitted 24.01.2024; approved after reviewing 29.02.2024; accepted for publication 01.04.2024.

Список источников

1. Ткачев В. Н. Конкурсное право: Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) в России. М., 2006.
2. Толкачев А. Н. Российское предпринимательское право. М., 2003.
3. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190; Российская газета. 2023. № 297.
4. Официальный сайт Верховного Суда РФ // URL://<http://www.vsrfr.ru/documents/own/33270/>
5. Солохин А. Е. Упрощенные (ускоренные) процедуры рассмотрения дел в гражданском и арбитражном процессе: история, проблемы, перспективы // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 8. С. 135–157.

References

1. Tkachev V. N. Bankruptcy law: Legal regulation of insolvency (bankruptcy) in Russia. M., 2006.
2. Tolkachev A. N. Russian Business Law. M., 2003.
3. Federal Law No. 127-FZ of October 26, 2002 «On insolvency (bankruptcy)» // CL RF. 2002. No. 43. Art. 4190; Rossiyskaya Gazeta. 2023. No. 297.
4. Official website of the Supreme Court of the Russian Federation // URL://<http://www.vsrfr.ru/documents/own/33270/>
5. Solokhin A. E. Simplified (accelerated) procedures for the consideration of cases in civil and arbitration proceedings: history, problems, prospects // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2015. No. 8. P. 135–157.

Научная статья

УДК 343.98

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-175-178>

EDN: <https://elibrary.ru/lsozjs>

NIION: 2003-0059-2/24-018

MOSURED: 77/27-003-2024-02-217

Отдельные аспекты определения границ комплексного подхода и пределов компетентности эксперта при исследовании отдельных видов судебных экспертиз

Елена Валерьевна Токарева¹, Роза Ватановна Бондаренко²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ ele12327@yandex.ru

² bon_roz@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы определения компетентности эксперта в условиях постоянной трансформации объектов исследования, круга решаемых экспертом задач. Все больше на исследования поступают объекты, требующие комплексного подхода, но назначение комплексных экспертиз неминуемо будет приводить к затягиванию сроков исследования, а, в конечном счете, и расследованию уголовных дел. Более того, эксперт в процессе своей деятельности, повышения квалификации может расширять объем своих знаний, умений и навыков. Ведь в процессе трансформации общества в целом и криминалистической науки в частности нетипичные вопросы исследования в той или иной области постепенно становятся типовыми задачами.

Ключевые слова: эксперт, судебная экспертиза, компетентность эксперта, комплексный подход

Для цитирования: Токарева Е. В., Бондаренко Р. В. Отдельные аспекты определения границ комплексного подхода и пределов компетентности эксперта при исследовании отдельных видов судебных экспертиз // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 175–178. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-175-178>. EDN: LSZOJS.

Original article

Some aspects of defining the boundaries of an integrated approach and the limits of an expert's competence in the study of certain types of forensic examinations

Elena V. Tokareva¹, Rosa V. Bondarenko²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ ele12327@yandex.ru

² bon_roz@mail.ru

Abstract. The issues of determining the competence of an expert in the conditions of constant transformation of research objects, the range of tasks solved by an expert are considered. More and more objects requiring an integrated approach are being received for research, but the appointment of comprehensive examinations will inevitably lead to a delay in the timing of the study, and, ultimately, the investigation of criminal cases. Moreover, an expert can expand the scope of his knowledge, skills and abilities in the course of his activities and professional development. Indeed, in the process of transformation of society as a whole and forensic science in particular, atypical research issues in a particular field are gradually becoming typical tasks.

Keywords: expert, forensic examination, expert competence, integrated approach

For citation: Tokareva E. V., Bondarenko R. V. Some aspects of defining the boundaries of an integrated approach and the limits of an expert's competence in the study of certain types of forensic examinations. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):175–178. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-175-178>. EDN: LSZOJS.

В настоящее время объекты судебных экспертиз претерпевают значительные изменения, меняется круг задач, поставленных перед экспертом, также меняется необходимый набор знаний, умений, навыков, требуемых от эксперта для решения поставлен-

ных перед ним задач. Эксперт — это лицо, обладающее специальными знаниями (теорией, методикой производства экспертизы), которое назначается в соответствии с законодательством Российской Федерации, в целях производства экспертизы и дачи

© Токарева Е. В., Бондаренко Р. В., 2024

заклучения [1]. Согласно законодательству РФ, экспертом может быть назначено лицо, обладающее необходимыми для дачи заключения знаниями, в том числе эксперт должен быть компетентен в той предметной области, по которой назначено проведение экспертного исследования.

Процедура назначения экспертиз, с принятием Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», стала более регламентированной, стало законодательно возможным проведение комиссионных и комплексных экспертиз. Но, все же, ряд вопросов остается неурегулированным, как показывает анализ судебно-экспертной практики и законодательства. В связи с этим, возникают проблемы при назначении и производстве экспертиз, определении пределов компетенции эксперта при производстве традиционных видов судебных экспертиз. Вследствии чего появляются сложности в процессе проверки и оценки заключений экспертов.

Компетентность — это комплекс знаний эксперта в области теории, методики и практики судебной экспертизы определенного рода, вида. Компетенция для эксперта определяется его специальной экспертной подготовкой, уровнем его образования, опытом в решении аналогичных экспертных задач, своим экспертным стажем, личными особенностями и возможностями.

В соответствии с Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», компетентность означает: «определение уровня профессиональной подготовки экспертов и аттестация их на право самостоятельного производства судебной экспертизы осуществляется экспертно-квалификационными комиссиями в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти. Уровень профессиональной подготовки подлежит пересмотру указанными комиссиями каждые пять лет» [2, с. 280].

Компетентность эксперта означает определенную специальную профессиональную подготовленность, соответствующий объем знаний, способность решать вопросы, поставленные перед ним, которые относятся к экспертизе.

Компетенция эксперта подразумевает специализацию по определенному профилю экспертных познаний, владение теорией и методикой экспертизы того или иного рода и вида.

Компетенция подразделяется на два вида: объективная и субъективная. Объективная, т. е. составляет объем знаний, которыми должен владеть эксперт. Субъективная определяется уровнем образования эксперта, специальной экспертной подготовкой, стажем его работы в экспертной деятельности, опытом в решении аналогичных экспертных задач, индивидуальными способностями.

Понятия «компетентность» и «компетенция» эксперта не являются взаимозаменяемыми, однако неразрывно связаны с законной деятельностью эксперта.

С развитием состязательного процесса, который предусматривает расширение возможностей защиты по привлечению специальных знаний, расширяет круг лиц, привлекаемых к даче заключения и проведению экспертиз, что приводит нас к дискуссиям о выборе эксперта для проведения экспертизы и каким критериям и требованиям он должен отвечать.

В ст. 13 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» эти положения сформулированы как квалификационные требования, предъявляемые к должности эксперта в экспертном учреждении: высшее образование, дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности или среднее профессиональное образование в области судебной экспертизы. Для того, чтобы занять эту должность, эксперту надо подтвердить уровень квалификации и пройти аттестацию на право самостоятельного производства судебной экспертизы перед экспертно-квалификационными комиссиями. Этот уровень квалификации подтверждается каждые пять лет.

Однако, в настоящее время практически во всех видах судебных экспертиз наблюдается расширение объема необходимых специальных знаний для решения поставленных перед экспертом задач. По сути, происходит «стирание» межвидовых границ судебных экспертиз, вследствие изменения характера и видов объектов исследования. Необходимости применения комплексности знаний из различных областей для проведения экспертиз.

Так, одним из примеров применения комплексности знаний при производстве традиционных судебных экспертиз является исследование изображения почерковых объектов. Спецификой исследования данного вида объектов является определение способа нанесения изображения и оценка его качества. И если

вторая задача решается в совокупности методов почерковедческого и технико-криминалистического исследования с учетом, как информативности подписи, так и качества изображения, то первая задача напрямую относится к задачам технико-криминалистического исследования документов. Вместе с тем, определение способа выполнения рукописи или подписи, проверка на применение технических средств и приемов при ее выполнении является обязательным этапом любого почерковедческого исследования. Любое почерковедческое исследование требует определенного набора компетенций из области технико-криминалистической экспертизы документов в рамках исследования реквизитов, выполненных пишущими приборами и нанесенных при помощи печатающих устройств.

Мы согласны с точкой зрения Т. В. Аверьяновой, которая отмечала, что экспертное исследование — в первую очередь не формализованное и представляет собой эвристический поиск решения поставленной перед экспертом задачи [2, с. 370].

Единичный случай, по мнению Т. В. Аверьяновой, дает лишь толчок, служит импульсом к поискам и собиранию такого материала, к обнаружению и описанию подобных случаев, в результате чего, по сути, происходит разработка новой программы для решения и данной, и других подобных ей экспертных задач [2, с. 372]. Иными словами, нетипичные задачи, по мере разработки методов и методик их исследования, становятся типичными и впоследствии могут решаться единолично экспертом-предметником.

Таким образом, по мере развития науки судебного почерковедения, появления, наряду с традиционными объектами почерковедческого исследования, специфических объектов происходит расширение необходимого набора компетенций эксперта-почерковеда.

В последнее время все чаще в качестве объектов судебно-почерковедческого исследования стали поступать графические файлы с изображением почерковых объектов. Причем исследование данного вида объектов при соблюдении условий съемки и отсутствии обработки изображения более информативны, на наш взгляд, по сравнению с копиями, полученными репрографическим способом. Такие изображения позволяют проследить нажимные характеристики объекта, с помощью работы в графических редакторах можно выявить факт монтажа, отсут-

вуют искажения, обусловленные качеством копирования. Вместе с тем, появляется необходимость определения качества изображения, определения факта наличия/отсутствия обработки изображения до назначения исследования, а также определение параметров влияния погрешностей съемки на отображение признаков.

В связи с тем, что научное и методическое обоснование порядка работы с цифровыми изображениями находится на этапе формирования, некоторые практикующие эксперты относят задачу по установлению соответствия файла, представленного на исследование, а также принципиальной возможности исследования такого изображения (например, в случае фотофиксации при помощи смартфона) к задачам фототехнической экспертизы. И, следовательно, при предоставлении такого объекта возникает необходимость комплексного исследования.

Таким образом, по мере разработки методики исследования цифровых изображений экспертом-почерковедом, данный вид задачи не требует комплексного подхода (эксперт в ходе данного исследования не должен устанавливать характер вносимых изменений, их причину и последовательность, а только указывать их соответствие параметрам, указанным в протоколе осмотра места происшествия и необходимым по методике).

Однако, необходимо четко разграничивать пределы до которых эксперт по определенному роду (виду) экспертизы может/должен расширять свои компетенции путем самообразования, повышения квалификации и т. д. Ведь не всегда процессуально допустимо применять знания из разных областей знаний для решения определенной задачи. Одним из критериев проверки допустимости экспертного заключения как доказательства по делу является определение компетентности лица, проводившего исследование, а также соблюдение процессуальных требований его производства. Ведь если эксперту при производстве судебной экспертизы необходимы знания из иной, пусть и смежной специальности, то необходимо производить переквалификацию назначенного исследования и определять его как комплексное.

Так, зачастую при производстве технико-криминалистического исследования денежных знаков, с целью определения единого источника происхождения, исследованию подвергаются и способы имитации микроперфорации, а в дальнейшем, при нали-

чии проверяемого объекта, и идентификация конкретного орудия, с помощью которого она была произведена. Однако решение данной конкретной задачи традиционно относится к задачам трасологической экспертизы. Безусловно, эксперт зачастую обладает комплексными знаниями по различным видам традиционных экспертиз и аккредитован на право самостоятельного производства нескольких видов экспертиз. Более того, его объем знаний, опыта позволяет ему оценить происхождение и значимость признаков, исходя из единой природы происхождения судебных экспертиз. Однако у лиц, производящих оценку заключения, адвокатов, может справедливо возникнуть вопрос о выходе эксперта за пределы своей компетенции при производстве именно технико-криминалистической экспертизы документов. В данном случае, на наш взгляд, правильнее было бы говорить о производстве именно комплексной экспертизы.

Таким образом, определение перечня компетенций, которыми эксперт в той или иной области должен обладать, является одной из сложных, но, тем не

менее, требующих решение задач. При этом данный перечень должен быть, с одной стороны, конкретным и понятным как для лиц производящим оценку, так и для самих экспертов, а с другой стороны, должна быть возможность его корректировки в зависимости от специфики постоянно-изменяемых объектов.

Список источников

1. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 8 марта 2015 г.) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета. 2001. 5 июня.
2. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М. : Норма, 2008.

References

1. Federal Law No. 73-FZ of May 31, 2001 (as amended on March 8, 2015) «On State Forensic Expert Activity in the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 2001. June 5th.
2. Averyanova T. V. Forensic examination. The course of general theory. M. : Norma, 2008.

Информация об авторах

Е. В. Токарева — заместитель начальника кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

Р. В. Бондаренко — доцент кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

E. V. Tokareva — Deputy Head of the Department of Forensic Science of the Educational and Scientific Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

R. V. Bondarenko — Associate Professor of the Department of Document Research of the Educational and Scientific Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.10.2023; одобрена после рецензирования 18.12.2023; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 17.10.2023; approved after reviewing 18.12.2023; accepted for publication 30.01.2024.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-179-182>

EDN: <https://elibrary.ru/lvbhmq>

ИПОН: 2003-0059-2/24-019

MOSURED: 77/27-003-2024-02-218

Практико-ориентированный подход в подготовке юристов (на примере разработки проекта в рамках юридического образования)

Елена Евгеньевна Томилина¹, Анатолий Васильевич Зубач²

^{1,2} Государственный университет управления, Москва, Россия

¹ etomilina@mail.ru

² cort91@inbox.ru

Аннотация. Проанализированы задачи практико-ориентированного подхода при выполнении проекта в рамках юридического образования. Сформированы предложения по реализации практико-ориентированного подхода на примере разработки проекта в рамках юридического образования.

Ключевые слова: практико-ориентированное обучение, компетентностный подход, проблемно-поисковые ситуации, краткосрочные проекты, долгосрочные проекты, исследовательский проект, практико-ориентированный (прикладной) проект

Для цитирования: Томилина Е. Е., Зубач А. В. Практико-ориентированный подход в подготовке юристов (на примере разработки проекта в рамках юридического образования) // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 179–182. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-179-182>. EDN: LVBHMQ.

Original article

Practice-oriented approach in the training of lawyers (on the example of project development in the framework of legal education)

Elena E. Tomilina¹, Anatoly V. Zubach²

^{1,2} State University of Management, Moscow, Russia

¹ etomilina@mail.ru

² cort91@inbox.ru

Abstract. The analyzed the tasks of a practice-oriented approach in the implementation of a project within the framework of legal education. Proposals for the implementation of a practice-oriented approach are formed on the example of project development within the framework of legal education.

Keywords: practice-oriented training, competence-based approach, problem-search situations, short-term projects, long-term projects, research project, practice-oriented (applied) project

For citation: Tomilina E. E., Zubach A. V. Practice-oriented approach in the training of lawyers (on the example of project development in the framework of legal education). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):179–182. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-179-182>. EDN: LVBHMQ.

В условиях правового государства возрастает необходимость в подготовке высококвалифицированных кадров юристов, так как именно юристы являются носителями и проводниками правовой культуры.

Современному юристу необходимо владеть компетенциями, которые будут способствовать сохранению и укреплению доверия общества к государству и праву, к представителям юридического сообщества, приумножению материальных и духовных ценностей правовой культуры, обеспечению соблюдения и защиты прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц. Сформировать такие

компетенции помогает широкое применение практико-ориентированного подхода при подготовке юристов.

В 2020 г., после утверждения нового федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция, в Государственном университете управления в рамках образовательной программы «Право и управление» успешно реализуется практико-ориентированное обучение. Проектирование является одним из видов самостоятельной работы студентов в вузе, направ-

© Томилина Е. Е., Зубач А. В., 2024

ленной на интеграцию знаний, полученных при изучении различных дисциплин, предусмотренных учебным планом подготовки юриста.

Целью учебного проекта является совершенствование образовательного процесса по формированию компетенций, необходимых для профессиональной деятельности юриста.

Разработка проектов в рамках юридического образования определяется как вид отдельной, специально организованной деятельности студентов, нацеленной на формирование комплекса знаний, умений и навыков применительно к следующим сферам деятельности юриста:

- ♦ правотворческой;
- ♦ правоприменительной;
- ♦ правоохранительной;
- ♦ юридическо-консультационной.

Например, специалист в области юридического консультирования по налогообложению или по другим вопросам правореализации (по усмотрению студента); юрисконсульт государственных и негосударственных организаций различных форм собственности (по выбору студента); специалист в области различных сфер правоприменительной и правоохранительной деятельности (по выбору студента).

В рамках образовательной программы «Право и управление» реализуются следующие виды проектов:

- ♦ краткосрочные проекты для обучающихся 1–2-х курсов, имеющие исследовательский характер;
- ♦ краткосрочные проекты для обучающихся 3–4-х курсов, имеющие практико-ориентированный (прикладной) характер;
- ♦ долгосрочные проекты (сквозные) для обучающихся 1–4-х курсов, имеющие практико-ориентированный (прикладной) характер.

1. Исследовательский проект в рамках направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» и особенностей образовательной программы «Право и управление» — направлен на сбор и обработку информации по отдельным вопросам правового регулирования, в сфере предпринимательской деятельности, предполагающих разрешение возможных противоречий между фактическим состоянием общественных отношений и их правовым регулированием. В исследовательских проектах, на основе анализа конкретного правового явления, выявляются существующие проблемные аспекты правового регулирования и разра-

батываются научно-обоснованные предложения по их разрешению.

В процессе работы над проектом творческому коллективу рекомендуется определиться с гипотезой исследования на основе изучения закономерностей развития и современного состояния правового регулирования общественных отношений применительно к теме исследования.

Результаты исследования могут быть представлены в форме научной статьи, отчета о научно — исследовательской работе, заявки на участие в гранте и т. д.

2. Практико-ориентированный (прикладной) проект в рамках направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» образовательной программы «Право и управление» — представляет собой специальным образом оформленную детальную разработку определенного проблемного аспекта в области реализации норм материального и процессуального права, нацеленную на достижение позитивного практического значимого результата. Иначе говоря, практико-ориентированный проект обязательно предполагает практический выход, т. е. создание конечного продукта, который может быть использован в практической деятельности юриста.

Данный вид проекта нацелен на будущие профессиональные интересы самих участников проекта или на интересы внешнего заказчика.

Конечным продуктом могут быть:

- ♦ обобщение практики реализации отдельных нормативно-правовых предписаний, регулирующих общественные отношения в сфере предпринимательской деятельности;
 - ♦ разработанные требования к отдельным гражданско-правовым сделкам, сопровождающие тот или иной вид предпринимательской деятельности;
 - ♦ разработанные проекты локальных правовых актов коммерческих и некоммерческих организаций, функционирующих в сфере предпринимательской деятельности;
 - ♦ создание контента в социальных сетях по пропаганде правовых знаний и систематическое участие в его функционировании;
 - ♦ организация и проведение публичных мероприятий по пропаганде правовых знаний среди населения.
- Таким образом, практико-ориентированные проекты в области юриспруденции требуют:
- ♦ четко обозначенного результата деятельности;

- ♦ хорошо продуманной структуры деятельности всех участников проекта с определением функций каждого из них;

- ♦ оформление результатов проектной деятельности, «конечного продукта»;

- ♦ презентации полученных результатов и возможных способов их внедрения в юридической практике.

С точки зрения образовательного процесса, главным результатом выполнения проекта является формирование у студентов комплекса предусмотренных образовательной программой компетенций: универсальных, общепрофессиональных и профессиональных.

Проекты, выполняемые в рамках образовательной программы «Право и управление», связаны с реализацией студентами знаний, умений и навыков, полученных ими при изучении учебных дисциплин, предусмотренных соответствующей образовательной программой. Применение, в рамках проектной деятельности указанных знаний, умений и навыков направлено на формирование конкретных компетенций будущей профессиональной деятельности юриста по юридическому сопровождению деятельности коммерческих и некоммерческих организаций в области предпринимательской деятельности.

В процессе проектной деятельности студентам представляется возможность применить теоретические знания в конкретных областях профессиональной деятельности юриста, связанных с правотворчеством, юридическим консультированием и правоприменением.

Формирование у студентов указанных выше компетенций посредством проектной работы позволит будущим юристам на более высоком качественном уровне осуществлять:

- ♦ квалификацию различных юридических фактов;
- ♦ готовить юридические заключения по вопросам правового сопровождения бизнеса;

- ♦ правильно оформлять результаты своей профессиональной деятельности;

- ♦ представлять интересы граждан и бизнес сообществ по правовым вопросам в государственных и муниципальных органах управления, а также в судах.

Проектирование в рамках образовательной программы «Право и управление» обладает существенными особенностями. Оно предполагает не только большую самостоятельную работу студента по сбору

и обработке информации, но и, наряду со значительными объемами данных, наличие времени и усилий на осмысление полученных результатов и формирование на их основе аналитических заключений. Это требование также входит в состав критериев оценки проекта.

Указанные особенности заключаются в том, что при разработке проекта в области юриспруденции следует учитывать, что юриспруденция — не только юридические знания, но и юридическое образование и юридическая профессия, это определенное профессиональное сообщество.

Разработка проекта в области юриспруденции предполагает два уровня.

Первый — рациональный, включающий в себя научные проблемы, гипотезы, научные теории.

Второй — эмпирический, охватывает юридические факты, события, действия.

Таким образом, первый уровень относится к теоретическому знанию, анализ которого позволяет получить новую достоверную информацию в области юриспруденции применительно к современному состоянию общественных отношений.

Второй уровень носит прикладной характер, который связан с юридической практикой, использованием научной информации по юридической оценке, отдельных юридических фактов.

Важно отметить, что в результате практико-ориентированного подхода у обучающихся возникает «смыслообразующий мотив», сформулированный известным советским психологом А. Н. Леонтьевым, согласно которому: «Деятельность — это действия, которые направлены на достижение цели. Именно деятельность определяет сознание и формирует психику, позволяя проявиться в труде. Деятельность не отвечает на внешние раздражители, а находится под контролем сознания. Положения о том, что деятельность определяет сознание и контролируется им, противоречивы. Но это устраняется за счет тезиса, что сознание и деятельность как единое целое и неотделимы друг от друга»¹. Обучающиеся, видя свои достижения, смело подходят к каждой новой трудности, уверенно, преодолевают ее, приобретают опыт, который поможет им успешно решать последующие более сложные задачи.

¹ А. Н. Леонтьев — исследователь психики, деятельности и сознания // URL://<https://scientificrussia.ru/>

Библиографический список

1. Леонтьев А. Н. Личность, деятельность, сознание. М. : Политиздат, 1975.
2. Колонтаевская И. Ф. Современные формы и методы практико ориентированного обучения юристов // URL://<https://vestnik-muiv.ru/upload/iblock/bfc/bfcfa2b2335f3cb8f9bc409ae5c20819.pdf>.

Bibliographic list

1. Leontiev A. N. Personality, activity, consciousness. M. : Politizdat, 1975.
2. Kolontaevskaya I. F. Modern forms and methods of practice-oriented training of lawyers // URL://<https://vestnik-muiv.ru/upload/iblock/bfc/bfcfa2b2335f3cb8f9bc409ae5c20819.pdf>.

Информация об авторах

Е. Е. Томилина — доцент кафедры частного права Государственного университета управления, кандидат юридических наук;

А. В. Зубач — доцент кафедры частного права Государственного университета управления, кандидат юридических наук.

Information about the authors

E. E. Tomilina — Associate Professor of the Department of Private Law of the State University of Management, Candidate of Legal Sciences;

A. V. Zubach — Associate Professor of the Department of Private Law of the State University of Management, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.09.2023; одобрена после рецензирования 16.11.2023; принята к публикации 10.01.2024.

The article was submitted 20.09.2023; approved after reviewing 16.11.2023; accepted for publication 10.01.2024.

 Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя В.П. Малахов Н.Д. Эриашвили Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории Второе издание	МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ 2-е изд. Монография. 431 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник» Гриф НИИ образования и науки В. П. Малахов, Н. Д. Эриашвили Продemonстрирована неразрывность методологических и мировоззренческих проблем, расширено понятие методологии; теория государства и права получила ряд специфических интерпретаций, выделено одно из наиболее перспективных направлений в развитии общеправовой теории, выработана матрица постановки методологических и мировоззренческих проблем юридической теории на основе органичного сочетания возможностей общеправовой теории и философии права. Рассмотрена проблема типов права, решение которой призвано быть мировоззренческой и методологической основой отраслевых наук. Для преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений юридического профиля, а также всех интересующихся философскими и прикладными проблемами правовой жизни общества и личности.

Научная статья

УДК 343.98:004

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-183-191>

EDN: <https://elibrary.ru/lwjeyf>

НИОН: 2003-0059-2/24-020

MOSURED: 77/27-003-2024-02-219

Анализ особенностей видеоматериала при идентификации индивида на видео по характеристикам цикла шага

Елена Евгеньевна Фомина¹, Владимир Кадырович Дадабаев²

¹ Тверской государственный технический университет, Тверь, Россия, f-elena2008@yandex.ru

² Тверской государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, Тверь, Россия, VKDadabaev@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос идентификации неопознанной личности. Связано, это прежде всего, с внедрением в повседневную жизнь научных достижений в области компьютерных технологий. Именно развитие компьютерных технологий и расширение их возможностей позволяют использовать их в экспертной практике для решения идентификационных задач и экспертных вопросов. Уже сегодня на основании первично проведенных исследований у экспертов существует возможность проводить идентификацию неопознанной личности. Разработка компьютерных технологий не стоит на месте; адаптация технических возможностей в экспертную практику с целью идентификации неопознанной личности не всегда возможна, так как требует тщательного, всестороннего проведения исследований. Данное исследование проводится с применением современных широко адаптированных технологий в повседневную жизнь (смартфоны, видеорегистраторы и видеокамеры). Освещены их возможности для идентификации индивида по характеристикам цикла шага на основании полученных данных — видеозаписей.

Ключевые слова: идентификация неопознанного индивида, признаки походки, цикл шага, видеонаблюдение, видеорегистратор, видеозапись, съемка, оцифровка

Для цитирования: Фомина Е. Е., Дадабаев В. К. Анализ особенностей видеоматериала при идентификации индивида на видео по характеристикам цикла шага // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 183–191. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-183-191>. EDN: LWJEYF.

Original article

Analysis of the features of the video material when identifying an individual in the video according to the characteristics of the step cycle

Elena E. Fomina¹, Vladimir K. Dadabaev²

¹ Tver State Technical University, Tver, Russia, f-elena2008@yandex.ru

² Tver State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Tver, Russia, VKDadabaev@yandex.ru

Abstract. The issue of identification of an unidentified person is being considered. This is primarily due to the introduction of scientific achievements in the field of computer technology into everyday life. It is the development of computer technologies and the expansion of their capabilities that allow them to be used in expert practice to solve identification problems and expert issues. Already today, on the basis of initial research, experts have the opportunity to identify an unidentified person. The development of computer technologies does not stand still; The adaptation of technical capabilities into expert practice in order to identify an unidentified person is not always possible, as it requires careful, comprehensive research. This research is carried out using modern widely adapted technologies in everyday life (smartphones, DVRs and video cameras). Their possibilities for identifying an individual by the characteristics of the step cycle based on the obtained data — video recordings are highlighted.

Keywords: identification of an unidentified individual, gait signs, step cycle, video surveillance, DVR, video recording, filming, digitization

For citation: Fomina E. E., Dadabaev V. K. Analysis of the features of the video material when identifying an individual in the video according to the characteristics of the step cycle. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):183–191. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-183-191>. EDN: LWJEYF.

Введение. В последнее время задача идентификации индивидов на видео по признакам походки вызывает все больший интерес у исследователей [1; 2;

3]. Разрабатываются алгоритмы, программные комплексы и устройства, позволяющие решать задачи отождествления личности по особенностям походки

© Фомина Е. Е., Дадабаев В. К., 2024

[4; 5]. Тем не менее, идентификация по признакам походки не вошла в повседневную практику экспертов-криминалистов и используется только в том случае, когда походка обладает выраженной индивидуальностью.

Сложность идентификации неизвестного индивидуума по его походке заключается в том, что походка характеризуется достаточно большим набором динамических признаков, которые затруднительно однозначно фиксировать независимо от ракурса съемки. Помимо этого, важным моментом является качество видеоматериала и удаленность съемки.

В настоящем исследовании рассматривается этап идентификации, связанный с анализом характеристик цикла шага человека [6]. Цикл шага (ЦШ) является одним из признаков походки, который можно описать количественно.

ЦШ — это время от начала контакта с опорой фиксированной ноги до следующего контакта с опорой этой же ноги.

Цикл шага включает в себя два периода, которые повторяются дважды — период двойной опоры, когда обе ноги находятся в контакте с опорой, и период переноса (или период одиночной опоры) [7] (рис. 1).

Процесс идентификации индивида по характеристикам цикла шага заключается в измерении продолжительности каждого периода как в секундах, так и процентах от цикла шага; исследовании особенностей ходьбы при опоре на левую и правую ногу; дальнейшем сравнении циклограмм шагов нескольких индивидов и формировании заключения о сходстве или различии их цифровых характеристик.

Цель исследования: проанализировать особенности видеоматериала для применения методики идентификации индивида по характеристикам цикла шага.

Материалы и методы исследования. В ходе проводимых исследований нами применялись следующие технические средства, а именно:

а) смартфоны *Xiaomi Mi6 (9 PKQ1.190118.001)* с разрешением 12 МП и частотой 30 кадров в секунду и *iPhone (MJNC3CH/A)* с разрешением 12 МП и частотой 60 кадров в секунду;

♦ видеорегистратор (*VGI*) с разрешением 0,8 МП;

♦ камеры наружного наблюдения (*DH-IPC-HFW2230SP-S-S2*) с разрешением от 2 до 8 МП;

б) видеозаписи ходьбы индивидов по электрической беговой дорожке, произведенные на камеру смартфона (*Xiaomi Mi6*) с разрешением 12 МП и частотой 30 кадров в секунду и на камеру *iPhone* с разрешением 12 МП и частотой 60 кадров в секунду; видеозаписи, произведенные видеорегистратором (*VGI*) с разрешением 0,8 МП; записи с камер наружного наблюдения (*DH-IPC-HFW2230SP-S-S2*) с разрешением от 2 до 8 МП.

Анализ полученных при исследовании видеозаписей осуществлялся с использованием «Программного комплекса для расчета характеристик цикла шага».

Систематическому анализу были подвергнуты все полученные данные, а именно: особенности видеозаписей, произведенные с разного расстояния, при разном разрешении и ракурсе с целью их пригодности для последующей качественной оцифровки показателей цикла шага и формирования рекомендаций для проведения следственных экспериментов. При этом, для оцифровки параметров ЦШ был разработан программный комплекс [5]. Как показала практическая работа по анализу видеоматериала и формированию «Базы данных характеристик цикла шага» [8], для получения достоверных и сопоставимых результатов оцифровки необходимо учитывать ряд особенностей, речь о которых пойдет в настоящей статье.

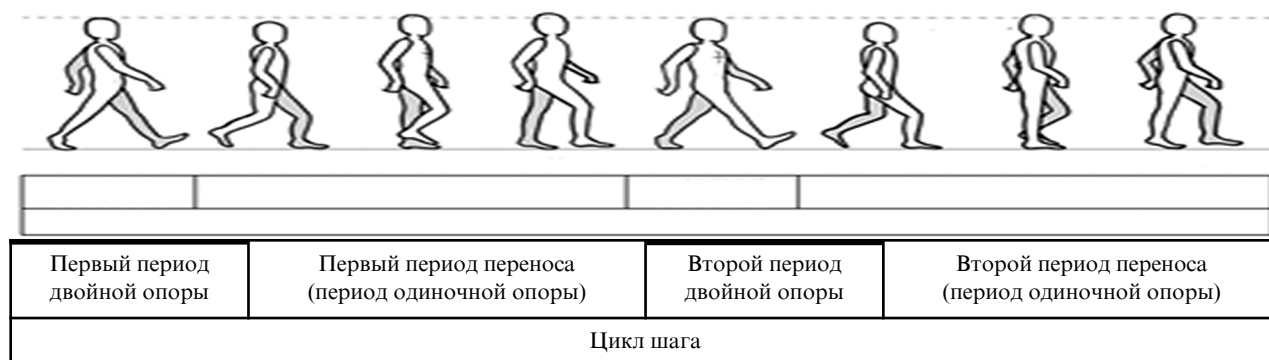

Рис. 1. Периоды цикла шага

Анализ особенностей видеоматериала при оцифровке характеристик цикла шага

Ходьба человека представляет собой «автоматизированный» циклический процесс. Если скорость индивида при движении по определенному участку пути постоянна, то длины соответствующих промежутков цикла шага для последовательных шагов отличаются не более чем на два процента (табл. 1).

Значительное изменение в продолжительности периодов может произойти в случае резкого изменения скорости, связанного с различными причинами: человек оступился, споткнулся о выступающий предмет — препятствие (камень, ступенька, бревно), неровная поверхность. Появление вышеперечисленных аномальных явлений существенно влияет на результат расчета. Для того, чтобы выявить и зафиксировать общие закономерности ходьбы индивида, необходима обязательная оцифровка не одного, а нескольких последовательных шагов. Как правило, по анализу четырех шагов уже можно выявить определенную тенденцию, однако в случае появления аномальных значений количество исследуемых шагов следует увеличить. Так, на рис. 2 представлены изменения характеристик цикла шага индивида для семи последовательных шагов. На четвертом шаге наблюдается значительное изменение общей тенден-

Таблица 1

Расхождения в продолжительности периодов

Различия в длинах периодов последовательных шагов	Процент шагов в базе данных (n = 493 шага)
0 %	10 %
От 0 до 1 %	30 %
От 1 до 2 %	38 %
Более 2 %	22 %

ции, а затем процесс снова стабилизируется. При возникновении таких ситуаций необходим более детальный анализ видеоматериала с целью выяснения причин такой аномалии. В дальнейшем, при усреднении результатов, необходимо исключить этот шаг из анализа, если нарушение ходьбы явилось следствием каких-либо случайных внешних причин.

Важным моментом для идентификационно значимой оцифровки материала является качество произведенной видеофотофиксации. В процессе обработки циклограммы эксперт фиксирует номера кадров, соответствующие началу и окончанию каждого периода. На основе выделенных подпоследовательностей видеок кадров происходит расчет продолжительности каждого периода.

Следует отметить, что при оцифровке цикла шага важное значение имеет четкая визуализация и фикса-

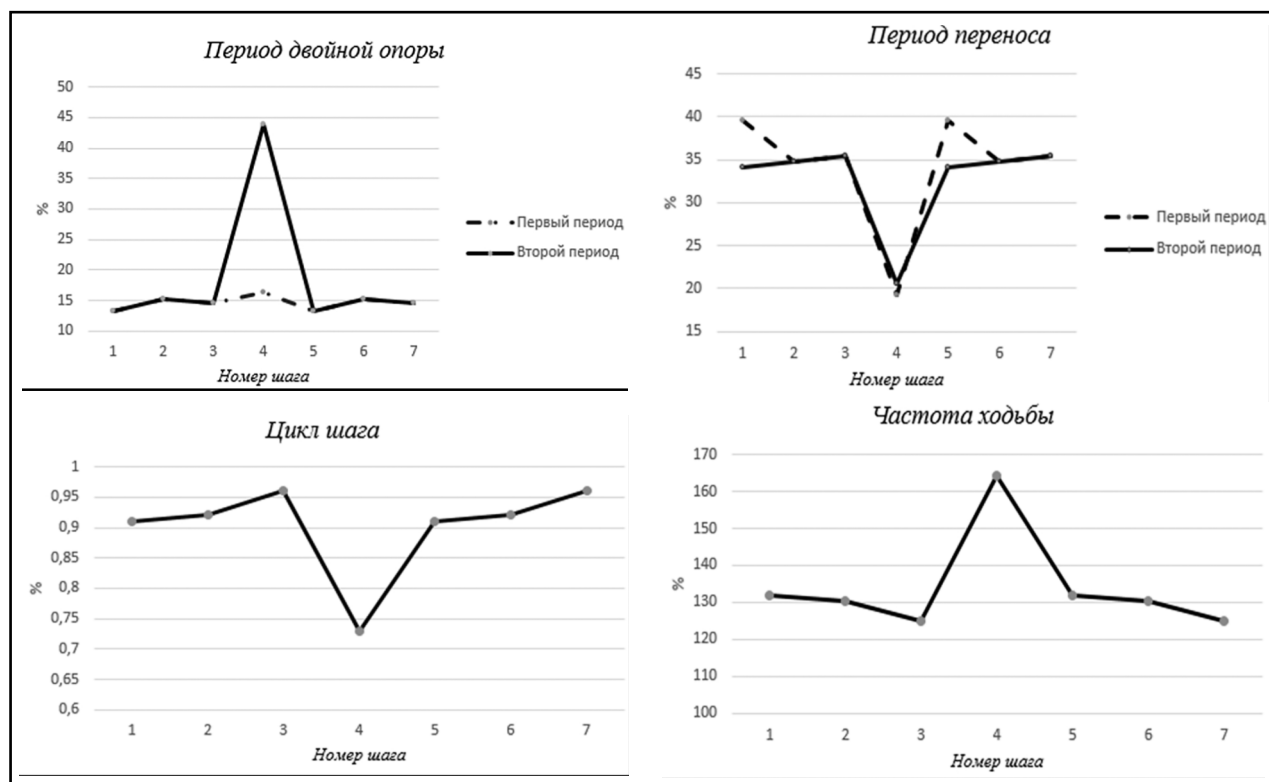

Рис. 2. Нарушение тенденции в значениях характеристик цикла шага

Рис. 3. Моменты перехода между периодами двойной и одиночной опоры

ция момента отрыва носка ноги при переходе от периода двойной опоры к периоду одиночной опоры и четкая визуализация момента опоры на пятку при переходе от одиночной опоры к двойной (рис. 3). В случае обработки качественного видеоматериала фиксация периодов не вызывает затруднений. Вышеизложенное подтверждает факт проведенного нами исследования, в ходе которого одни и те же записи (видеофотофиксации) подвергались обработке разными экспертами. Расхождение полученных результатов составило менее 1 %.

Добавление кадра к периоду опоры или периоду переноса в случае, когда фиксация затруднительна, может привести к некорректной оцифровке параметров. Так, в табл. 2–4 представлены результаты оцифровки одной и той же видеопоследовательности, соответствующей полному циклу шага в случае нечетной визуализации момента контакта с опорой, когда сложно определить кадр начала и окончания периода. В случае смещения пограничных кадров, характеристики разнятся и процесс идентификации может вызвать затруднения.

Таблица 2

Циклограмма (1-й способ оцифровки)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28
Первый период переноса — 0,30 сек (32,1 %)									Первый период двойной опоры — 0,17 сек (17,9 %)					Второй период переноса — 0,30 сек (32,1 %)									Второй период двойной опоры — 0,17 сек (17,9%)				
Цикл шага 0,94 Частота ходьбы 127,6 шагов в минуту (быстрая)																											

Таблица 3

Циклограмма (2-й способ оцифровки)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28
Первый период переноса — 0,33 сек (34,5 %)										Первый период двойной опоры — 0,13 сек (13,8 %)				Второй период переноса — 0,33 сек (34,5 %)										Второй период двойной опоры — 0,17 сек (17,2%)			
Цикл шага 0,97 Частота ходьбы 124,1 шагов в минуту (быстрая)																											

Таблица 4

Циклограмма (3-й способ оцифровки)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28
Первый период переноса — 0,27 сек (28,6 %)								Первый период двойной опоры — 0,20 сек (21,4 %)						Второй период переноса — 0,27 сек (28,4 %)								Второй период двойной опоры — 0,20 сек (21,4 %)					
Цикл шага 0,93 Частота ходьбы 123,7 шагов в минуту (быстрая)																											

Таблица 5

Расхождения в измерениях между циклограммами 1–3 (период одиночной опоры)

Способ оцифровки	Первый период		
	1	2	3
1	0	2,4 %	3,5 %
2		0	5,9 %
3			0

Способ оцифровки	Второй период		
	1	2	3
1	0	2,4 %	3,7 %
2		0	6,4 %
3			0

Таблица 6

Расхождения в измерениях между циклограммами 1–3 (период двойной опоры)

Способ оцифровки	Первый период		
	1	2	3
1	0	4,1 %	3,5 %
2		0	7,6 %
3			0

Способ оцифровки	Второй период		
	1	2	3
1	0	0,7 %	3,5 %
2		0	4,2 %
3			0

Результаты, представленные в табл. 2–4, значительно расходятся в продолжительности периодов цикла шага как в секундах, так и в процентах (табл. 5–6).

Данные расхождения являются достаточно существенными и могут исказить результат идентификации индивидуума.

Причины, которые не позволяли провести идентификацию, по нашему мнению, были следующие.

Во-первых, цвет восприятия объектов видеофотофиксации, а именно, обуви и опоры.

Если видеофотофиксация производилась с достаточным хорошим разрешением (более 8 МП), то идентификация не вызывает каких-либо затруднений. Трудность была в оцифровке записей, на которых отсутствует «контраст» между опорой и обувью. «Контраст» в нашем случае — это цвет обуви и покрытия (пола) по которому движется идентифицируемый.

В ходе проведения экспериментов нами была выявлена сезонная (осенне-зимняя) закономерность, которая вызывала наиболее существенное искажение на видео, не позволяющая произвести идентификацию по циклу шага. В этот период основная масса индивидуумов предпочитала носить черную обувь, которая сливалась с темно-серым тротуаром и (или) кафельной половой плиткой. Поэтому переход между периодами ЦШ отследить было сложно, а порой не возможно (рис. 4). Аналогичная проблема, которая так же не позволяла провести идентификацию, возникла при съемке в темное время суток.

Рис. 4. Отсутствие контраста между опорой и обувью

Поэтому считаем, что в случае проведения следственных экспериментов этот момент нужно учитывать в первую очередь, так как наличие контраста позволяет достаточно точно измерять параметры шагов даже с удаленного расстояния.

Во-вторых, фотовидеофиксация с невысоким разрешением (менее 5 МП).

Ниже представлены кадры видеоматериала, снятые видеорегистратором (VGI) с разрешением 0,8 МП (рис. 5). Данное разрешение не позволяет произвести корректную оцифровку параметров ЦШ и может использоваться только для анализа качественных признаков походки.

На рис 6. представлен кадр съемки видеорегистратора (Digma FreeDrive 505 Mirror Dual) с разрешением 2 МП с расстояния 5 м. Возможна качественная оцифровка в случае контраста обуви и опоры.

Съемка видеорегистратором с разрешением 0,8 МП, расстояние около 3 м

Съемка видеорегистратором с разрешением 0,8 МП, расстояние около 10 м

Рис. 5. Кадры видеорегистратора (0,8 МП)

Съемка видеорегистратором с разрешением 2 МП, расстояние около XX м

Рис. 6. Кадры видеорегистратора (2 МП)

В то же время, фотовидеофиксация, произведенная на мобильный телефон (Xiaomi Mi6) с разрешением 12 МП и частотой 30 кадров в секунду и iPhone

с разрешением 12 МП и частотой 60 кадров в секунду с расстояния 2 м, позволила произвести идентификацию по ЦШ (рис. 7).

Съемка смартфоном с разрешением 12 МП, частота 60 кадров в секунду

Съемка смартфоном с разрешением 12 МП, частота 30 кадров в секунду

Рис. 7. Съемка на смартфон

Разрешение 8 МП

Разрешение 5 МП

Разрешение 2 МП

Рис. 8. Съемка камерой наружного наблюдения

При съемке с частотой 60 кадров в секунду параметры ЦШ фиксируются однозначно. В случае съемки с частотой 30 кадров в секунду возможны проблемы оцифровки при отсутствии контраста между опорой и обувью.

Съемка на камеру наружного наблюдения (DH-IPC-HFW2230SP-S-S2) с разрешением 8,5 и 2МП с расстояния около 15 м представлена на рис. 8. Как показал вычислительный эксперимент, качественная оцифровка ЦШ возможна при разрешении 5–8 МП. Съемка с разрешением 2 МП на удаленном расстоянии позволяет анализировать только качественные особенности походки.

В результате обработки различного видеоматериала нами было установлено, что оптимальной для анализа является видеозапись, сделанная с разрешением от 5 МП на расстоянии до 5 м до объекта.

В-третьих, ракурс съемки (угол под которым производилось фотовидеофиксация). При оценке параметров цикла шага важное значение имеет ракурс съемки. Идеальный вариант для оцифровки характе-

ристик ЦШ — съемка сбоку. В этом случае можно отследить все фазы ЦШ. Качественная оцифровка ЦШ возможна при изменении угла съемки в пределах от -50° до $+50^\circ$. Начиная с 50° фазы ЦШ фиксировать затруднительно, так как не виден четкий момент контакта с опорой ведущей ноги (рис. 9).

Однако, съемка сбоку не позволяет определить положение стоп при ходьбе, которое также входит в перечень идентификационно значимых признаков ЦШ. Положение стоп удобно фиксировать при съемке в профиль или съемке сверху (рис. 10), а при съемке со спины возможна фиксация деформации стопы (рис. 11).

В-четвертых, удаленность съемки. Удаленность съемки также является важным моментом для оцифровки ЦШ. Чем дальше удален объект от точки съемки, тем сложнее эксперту было производить измерения периодов ЦШ. Тем не менее, высокое разрешение и наличие контраста обуви и опоры позволяет в отдельных случаях обрабатывать видеоматериал, на котором съемка велась с достаточно большого расстояния (до 15 м) и идентифицировать по ЦШ.

Съемка сбоку (угол приблизительно 0°)Съемка под углом около -45° Съемка под углом около -80° **Рис. 9. Ракурс съемки**

Рис. 10. Постановка стоп при ходьбе

В результате проведенного экспериментального анализа нами было установлено, что оптимальным является расстояние до 5 м.

Выводы. Анализ характеристик ЦШ является одним из многих пока не совсем изученных этапов идентификации индивида по признакам походки. Для достоверной и объективной оцифровки параметров ЦШ должны выполняться условия, которые необходимо учитывать экспертам при проведении следственных экспериментов.

Соблюдение всех вышеперечисленных критериев (обработка нескольких последовательных шагов; наличие контраста между обувью и опорой; съемка на камеру с разрешением от 5 МП на расстоянии до 5 м; угол съемки от -50° до 50° , дополнительная съемка

анфас и со спины) позволит более объективно и обосновано произвести идентификацию индивида по ЦШ. Проведенные нами предварительные исследования на сегодняшний день являются промежуточными. Более подробные и аргументированные выводы, которые позволят идентифицировать индивида по ЦШ, помимо изложенных в данной статье, будут приведены нами после проведения окончательных всесторонних исследований.

Список источников

1. Лютов В. С., Конушин А. С., Арсеев С. П. Распознавание человека по походке и внешности // Программирование. 2018. № 4. С. 97–106.
2. Sokolova A., Konushin A. Gait recognition based on convolutional neural networks. International archives of the photogrammetry, remote sensing and spatial information sciences — ISPRS Archives. 2017. Т. 42. С. 207–212.
3. Уздяев М. Ю., Яковлев Р. Н., Дударенко Д. М., Жебрун А. Д. Идентификация человека по походке в видеопотоке // Известия Юго-Западного государственного университета. 2020. № 24 (4). С. 57–75.
4. Бурмака А. А., Корневский Н. А., Скрипкина А. А., Емельянов С. Г. Устройство распознавания и идентификации людей по походке. Патент RU 142 351 U1.
5. Фомина Е. Е., Леонов С. В., Косухина О. И. Программный комплекс для расчета характеристик цикла шага. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ от 17 ноября 2022 г. № 2022682014.

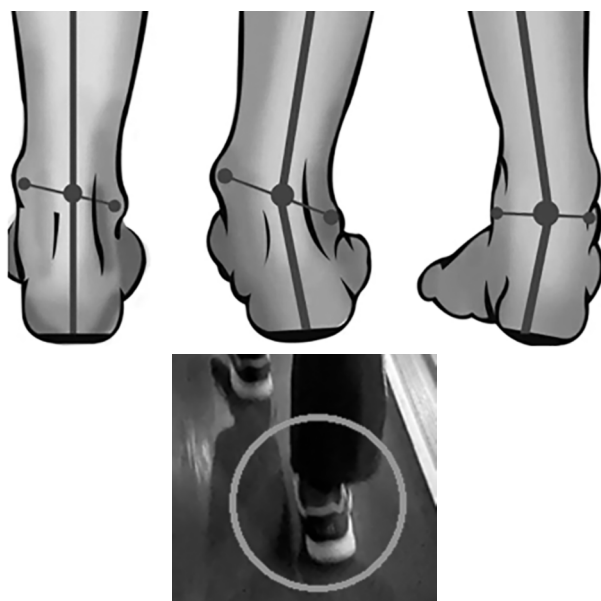

Рис. 11. Деформация стопы

6. Фомина Е. Е., Леонов С. В. Программный комплекс для идентификации личности по характеристикам цикла шага // Программные продукты и системы. 2023. № 2. С. 303–308.

7. Скворцов Д. В. Клинический анализ движений. Анализ походки. Иваново : Стимул, 1996.

8. Косухина О. И., Фомина Е. Е., Леонов С. В. База данных характеристик цикла шага. Свидетельство о государственной регистрации базы данных от 24 ноября 2022 г. № 2022623085.

References

1. Lyutov V. S., Konushin A. S., Arseev S. P. Recognition of a person by gait and appearance // Programming. 2018. № 4. P. 97–106.

2. Sokolova A., Konushin A. Gait recognition based on convolutional neural networks. International archives of the photogrammetry, remote sensing and spatial information sciences — ISPRS Archives. 2017. Vol. 42. P. 207–212.

3. Uzdyayev M. Yu., Yakovlev R. N., Dudarenko D. M., Zhebrun A. D. Identification of a person by gait in a video stream // Izvestiya Southwestern State University. 2020. № 24 (4). P. 57–75.

4. Burmaka A. A., Korenevsky N. A., Skripkina A. A., Yemelyanov S. G. Device for recognizing and identifying people by gait. Patent RU 142 351 U1.

5. Fomina E. E., Leonov S. V., Kosukhina O. I. Software package for calculating the characteristics of the step cycle. Certificate of state registration of a computer program dated November 17, 2022 № 2022682014.

6. Fomina E. E., Leonov S. V. A software package for identification of a person by characteristics of a step cycle // Software products and systems. 2023. № 2. P. 303–308.

7. Skvortsov D. V. Clinical analysis of movements. Gait analysis. Ivanovo : Stimul, 1996.

8. Kosukhina O. I., Fomina E. E., Leonov S. V. Database of characteristics of the step cycle. Certificate of state registration of the database dated November 24, 2022 № 2022623085.

Информация об авторах

Е. Е. Фомина — заведующая кафедрой информатики и прикладной математики Тверского государственного технического университета, кандидат технических наук, доцент;

В. К. Дадабаев — заведующий кафедрой судебной медицины с курсом правоведения Тверского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации, доктор медицинских наук, доцент, отличник здравоохранения РФ.

Information about the authors

E. E. Fomina — Head of the Department of Computer Science and Applied Mathematics of the Tver State Technical University, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor;

V. K. Dadabaev — Head of the Department of Forensic Medicine with a Law Course of the Tver State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Doctor of Medical Sciences, Associate Professor, Excellent Student of Healthcare of the Russian Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.12.2023; одобрена после рецензирования 30.01.2024; принята к публикации 04.03.2024.

The article was submitted 10.12.2023; approved after reviewing 30.01.2024; accepted for publication 04.03.2024.

Научная статья

УДК 342.72/.73

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-192-196>

EDN: <https://elibrary.ru/mewjmk>

ИПОН: 2003-0059-2/24-021

MOSURED: 77/27-003-2024-02-220

Генезис прав человека в отечественной правовой доктрине: теоретический и конституционно-правовой анализ

Сергей Олегович Харламов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва Россия, hardd66@mail.ru

Аннотация. Затронута проблематика концептуального подхода к правам человека в рамках ретроспективного анализа и современного взгляда на указанную доктрину. С помощью диалектического подхода исследуется трансформация взглядов на естественно-правовую концепцию, видоизменявшуюся в результате общественного прогресса. Акцентируется внимание на том особом интересе ученых и философов к проблеме прав человека. Подчеркивается значимость прав, свобод и обязанностей человека и гражданина не только в аспекте национального правового порядка, но и в сфере международного права. Отражается плюрализм мнений по вопросу дефинитивного определения прав человека и потребность в их дальнейшем анализе.

Ключевые слова: Конституция, права и свободы личности, обязанности гражданина, неотчуждаемость субъективных прав, естественно-правовая концепция, национальный правовой порядок

Для цитирования: Харламов С. О. Генезис прав человека в отечественной правовой доктрине: теоретический и конституционно-правовой анализ // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 192–196. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-192-196>. EDN: MEWJMK.

Original article

The genesis of human rights in the Russian legal doctrine: theoretical and constitutional legal analysis

Sergey O. Kharlamov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, hardd66@mail.ru

Abstract. The problems of the conceptual approach to human rights within the framework of a retrospective analysis and a modern view of the specified doctrine are touched upon. With the help of a dialectical approach, the transformation of views on the natural law concept, which has been modified as a result of social progress, is investigated. Attention is focused on the special interest of scientists and philosophers in the problem of human rights. The importance of human and civil rights, freedoms and duties is emphasized not only in the aspect of national law and order, but also in the field of international law. The pluralism of opinions on the issue of the definitive definition of human rights and the need for their further analysis is reflected.

Keywords: Constitution, rights and freedoms of the individual, duties of a citizen, non-differentiation of subjective rights, natural law concept, national legal order

For citation: Kharlamov S. O. The genesis of human rights in the Russian legal doctrine: theoretical and constitutional legal analysis. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):192–196. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-192-196>. EDN: MEWJMK.

Актуальность настоящей статьи заключается в том, что концепция прав человека, начиная с эпохи буржуазных преобразований, притягивала к себе внимание отечественных философов и ученых. По сути, доктрина прав человека выступила итогом столетий научного анализа важнейшей социальной ценности, которая могла в себе объединить не только нравственные, но и правовые позиции. В этой связи естественно-правовая концепция является близкой к

идеальному пониманию сущности прав и свобод личности.

Отечественная правовая доктрина естественных прав и свобод человека развивалась параллельно с воззрениями западноевропейских ученых и философов. Так, по итогам заимствования передовых европейских взглядов на сущность прав и свобод личности в XVIII–XIX столетиях формируется основа русской либеральной идеи, которая сыграла роль кон-

© Харламов С. О., 2024

цептуального ядра российских политических партий, движений и направлений. В качестве философского фундамента подавляющего большинства отечественных дореволюционных либеральных движений выступала естественно-правовая концепция, где личность была представлена в образе абсолютной, императивной категории и высшей ценности общества и государства.

Научные исследования конца XIX — начала XX столетия были представлены воззрениями М. А. Бакунина, П. Б. Струве, Н. А. Бердяева, К. Д. Кавелина, П. Н. Милюкова, Б. А. Кистяковского, Л. И. Петражицкого, Б. Н. Чичерина и др., в рамках которых обосновывалась неоктроированность прав и свобод человека и запрет вторжения публичной власти в личное пространство человека. Большинство либерально настроенных дореволюционных исследователей видели в реализации доктрины естественных прав человека ступень к становлению правового и демократического государства и верховенство права.

Период становления Советского государства сформировал тенденцию нормативной имплементации механизма защиты прав и свобод граждан и предпосылки к появлению комплекса гарантий их неприкосновенности в рамках положений Конституции РСФСР 1918 г. Тем не менее, сам подход советской власти к осмыслению сущности прав и свобод личности отвергал естественно-правовую концепцию, так как коллективный интерес существенно преобладал над интересом личности, а субъективные права обладали ярко выраженным октроированным свойством.

Советский период был ознаменован развитием доктрины прав человека в русле классового антагонизма, концептуальным стержнем которой выступал марксизм-ленинизм. По своей сути советская доктрина прав человека была тесно связана с таким понятием, как «трудящиеся», которым противостоял класс нетрудовых элементов, враждебных идеалам социалистической революции [5, с. 219–220]. В этой связи советские конституции отвергали естественность и неотчуждаемость прав личности, а приоритет отдавался обеспечению социально-экономических и культурных прав. На протяжении всей советской эпохи государственный и коллективный интерес доминировал над интересами отдельной личности, которая не рассматривалась вне общества. При этом само советское общество функционировало в русле

интересов коммунистической партии. По мнению В. Е. Чиркина, советские основные законы не восприняли концепцию нравственно-правовых ценностей в их общечеловеческом значении, так как они не соответствовали классовому подходу, который обосновывался в марксистско-ленинском учении [6, с. 7].

Идеология марксизма-ленинизма, по своей сути, выступала преградой для оптимального развития юридической науки в целом, так как диалектический материализм предполагал превалирование экономики над правом и государством, безосновательно считая их надстроечной категорией. В сущности, конвергенция естественно-правовой концепции и нормативизма, которая сейчас имеет место, в советский период была невозможна [3, с. 22].

До конца 60-х гг. XX столетия советская правовая доктрина находилась в оппозиции к теориям западных ученых, которые широко трактовали права человека. При этом проблематика юридической гарантированности прав и свобод граждан в СССР приобрела особую остроту в конце 80-х — начале 90-х гг. прошлого столетия, с появлением реальных предпосылок итогового оформления их юридических гарантий. Так, демократические реформы в Советском Союзе инициировали пересмотр советской доктрины прав человека.

В этой связи нельзя переоценить вклад в Н. В. Витрука, А. И. Лепешкина, Н. И. Матузова, Ф. М. Рудинского и других советских ученых в развитие доктрины прав человека. Концепция прав человека периода заката советской эпохи обладала специфическими качествами, которые были обусловлены социалистическим строем. Тем не менее, нельзя не отметить глубокую разработку указанной доктрины в рамках классификации прав человека, основных гарантий и способов их обеспечения, как и основных характеристик прав и свобод личности. По сей день исследования поздних советских ученых обладают существенной значимостью, оказывая серьезное влияние на современную отечественную правовую науку в целом и конституционное право в частности.

Крушение советского государства повлекло существенную трансформацию российского общества. Так, если советский правопорядок предполагал доминантность интересов государства, то Конституция Российской Федерации 1993 г. закрепляла права и свободы человека как высшую ценность, а главной задачей государства стала выступать обязанность их

признания, соблюдения и защиты (ст. 2). Российская Конституция 1993 г. закрепляла принципы правового, демократического и федеративного государства. Основным Закон постсоветской России выступил нормативным инструментарием пересмотра советской доктрины прав и свобод, существенное внимание уделив правам и свободам личности, отразив, вместе с тем, и их конституционные обязанности. В частности, в Конституции РФ 1993 г. содержится спектр обязанностей и в том числе должностное о недопустимости нарушения прав и свобод других лиц при реализации прав и свобод человека и гражданина (ч. 3 ст. 17). Тем самым Основным Закон не абсолютизирует противопоставления личности, закрепляя их как созависимую от обязанностей категорию [7, с. 271–272]. В то же время, Основным Закон закрепляет права и свободы человека как целостный феномен, ключевую категорию и высшую ценность.

Конституционные права индивида обладают сложной, многогранной структурой, которая оказывает влияние и на процесс их классификации. Так, с учетом их функциональных направлений принято выделять социальные, экономические, политические, личные, культурные права. Составляя по своему значению целостное концептуальное ядро, права и свободы личности обладают принципиальными характеристиками, формируя правовое положение индивида. Права и свободы, закрепленные в отдельной главе Основного Закона, соответствуют международным стандартам, которые отражены во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г., Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. В частности, в главе второй Конституции РФ на первый план вынесены личные, а затем политические и социально-экономические права и свободы человека.

Безусловно, межгосударственные стандарты и весь массив международных документов, затрагивающих сферу прав и свобод личности, является исключительно важной гарантией их признания, соблюдения и реализации. В этой связи сфера прав и свобод человека составляет одну из основ международного правопорядка. Тем не менее, нельзя согласиться с Н. Н. Липкиной, которая не относит указанную область к исключительному ведению национальных государств [4, с. 180]. По сути, автор отвер-

гает принцип государственного суверенитета, ставя в зависимость национальный правопорядок от международного регулирования. Так, в настоящее время, через ангажированную судебную систему и искажение смысла концепции прав человека, коллективный запад навязывает России свои нетрадиционные ценности и подрывает основы отечественного правопорядка. Стоит добавить, что концепция естественных и неотчуждаемых прав не учитывает в полной мере сферу обязанностей индивида к обществу и то, что любое субъективное право по своей сути ограничено. Юридически не существует неограниченных прав и свобод, так как даже ключевое право человека на жизнь может подлежать полной нуллификации в случае совершения человеком особо тяжкого преступления, посягающего на жизнь другого лица (ст. 59 УК РФ). Представляется, что бесконтрольное расширение прав и свобод личности, постоянное пополнение перечня личных прав граждан может вызвать полный социально-правовой коллапс, выступив причиной дискредитации естественно-правовой доктрины. В качестве примера можно привести нормативное закрепление в некоторых странах запада гендерного многообразия, диспозитивность гендерного выбора для несовершеннолетних, пропаганду нетрадиционной сексуальной ориентации, обратную дискриминацию в расовой и гендерной сфере, русофобию, фактическое право на оскорбление чувств верующих и т. д.

Стоит отметить, что современными российскими исследователями-конституционалистами принята за основу доктрина естественных прав человека. Анализируя проблематику соотношения неотчуждаемых прав с правами личности, большинство авторов видят последние в качестве формально-правового воплощения естественно-правовой концепции в рамках ее практической реализации. При этом ученые полагают, что нормативное закрепление прав человека не охватывает всю сущность естественного права [2, с. 22].

В целом, и это бесспорно, отечественная юридическая наука внесла существенный вклад в теорию прав человека в аспекте их нормативной фиксации, имплементации и защиты. В этой связи необходимо отметить таких российских ученых, как М. В. Баглай, Н. В. Витрук, В. С. Нерсесянц, Б. С. Эбзеев и др.

Нельзя обойти вниманием тот факт, что отечественная правовая доктрина обладает свойством

плюрализма мнений по вопросу дефинитивного определения категории «права человека». В частности, по мнению Л. С. Явича, права человека выступают социальным феноменом, который отражает значимые свойства, черты и качества личности [9, с. 12]. В исследованиях М. В. Баглая правами человека выступают те исходные права, которые не зависят от публичной власти и принадлежат индивиду по факту рождения [1, с. 89]. В этой связи стоит упомянуть мнение Б. С. Эбзеева, который указывает на то, что права человека, хоть и связаны теснейшим образом с естественно-правовой концепцией, но учение о правах человека получило импульс задолго до ее появления, и понимание их сути тесным образом связано с интересами общества и государства, что, в свою очередь, прямо отсылает нас к обязанностям личности [8, с. 26–28]. Можно сделать вывод, что права человека — это правопритязания, которые принадлежат индивиду по факту его рождения и не зависят от публичной власти, но обусловливаются развитием общества, в котором функционирует человек.

Если обобщить сложившийся взгляд на права человека в русле отечественной конституционно-правовой доктрины можно выделить следующие важные позиции:

- ◆ социально-политическая ценность и нормативное закрепление;
- ◆ внутригосударственная сущность;
- ◆ неделимость и взаимозависимость;
- ◆ отсутствие личных цензов;
- ◆ государственные гарантии;
- ◆ невмешательство публичной власти;
- ◆ тесная связь с обязанностями.

В заключение необходимо отметить, что в качестве философского фундамента подавляющего большинства отечественных дореволюционных либеральных движений выступала естественно-правовая концепция, где личность была представлена в образе абсолютной, императивной категории и высшей ценности общества и государства. Идеологический подход советской власти к осмыслению сущности прав и свобод личности отвергал естественно-правовую концепцию, так как коллективный интерес существенно преобладал над интересом личности, а субъективные права обладали ярко выраженным октроированным качеством. Советская доктрина прав человека была тесно связана с таким понятием, как

«трудящиеся», которым противостоял класс нетрудовых элементов, враждебных идеалам социалистической революции. Конституция России 1993 г. выступила нормативным инструментарием пересмотра советской доктрины прав человека, существенное внимание уделив правам и свободам личности, отразив, вместе с тем, и их конституционные обязанности. Концепция естественных и неотчуждаемых прав не учитывает в полной мере сферу обязанностей индивида к обществу и то, что любое субъективное право по своей сути ограничено. В связи с этим бесконтрольное расширение прав и свобод личности, постоянное пополнение перечня личных прав граждан может вызвать тотальный социально-правовой коллапс, выступив причиной дискредитации естественно-правовой доктрины. В дефинитивном аспекте права человека можно определить как правопритязания, которые принадлежат индивиду по факту его рождения и не зависят от публичной власти, но обусловливаются развитием общества, в котором функционирует человек.

Список источников

1. Баглай М. В., Лейбо Ю. И., Энтина Л. М. Конституционное право зарубежных стран / под ред. М. В. Баглая. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2022.
2. Вахрамеева Л. Н. Конституционно-правовой механизм охраны и защиты абсолютных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2021.
3. Грошев С. Н., Саудаханов М. В. Конвергенция естественно-правовой концепции и нормативизма через призму метода историзма // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 21–24.
4. Липкина Н. Н. Международное право прав человека или международное гуманитарное право : к вопросу о наименовании отрасли международного права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 2. С. 179–182.
5. Саудаханов М. В. Человек в социально-экономической системе России : моногр. / под ред. Б. С. Эбзеева. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2023.
6. Чиркин В. Е. Общечеловеческие ценности и современное // Государство и право. 2002. № 2. С. 5–13.
7. Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России : опыт синтетического исследования. М. : Проспект, 2014.

8. Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации : моногр. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017.

9. Явич Л. С. Сущность права. Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1985.

References

1. Baglay M. V., Leibo Yu. I., Entina L. M. Constitutional law of foreign countries / ed. by M. V. Baglay. 5th ed., reprint. and additional M. : Norm : Infra-M, 2022.

2. Vakhrameeva L. N. Constitutional and legal mechanism for the protection and protection of absolute human and civil rights and freedoms in the Russian Federation : diss. ... cand. Jurid. M., 2021.

3. Groshev S. N., Saudakhanov M. V. Convergence of the natural law concept and normativism through the prism of the method of historicism // Bulletin of Economic Security. 2021. № 2. P. 21–24.

4. Lipkina N. N. International human development law or international humanitarian law : to the question of the name of the branch of international law // Bulletin of the Saratov State Academy of Law. 2013. № 2. P. 179–182.

5. Saudakhanov M. V. Man in the socio-economic system of Russia : monograph. / edited by B. S. Ebzeeva. M. : UNITY-DANA, 2023.

6. Chirkin V. E. Universal human values and modern // State and Law. 2002. № 2. P. 5–13.

7. Ebzeev B. S. Constitution, power and freedom in Russia : the experience of synthetic research. M. : Prospect, 2014.

8. Ebzeev B. S. Man, people, state in the constitutional system of the Russian Federation : monograph. 2nd ed., reprint. and additional M. : Prospect, 2017.

9. Yavich L. S. The essence of law. Leningrad : Publishing House of the Leningrad University, 1985.

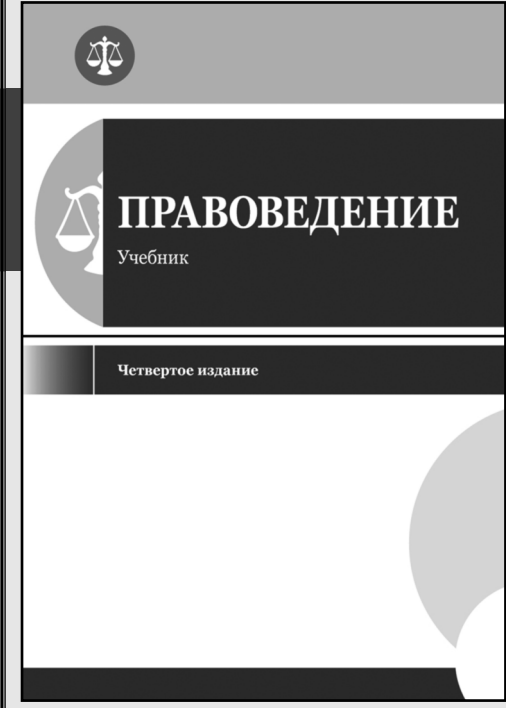
Информация об авторе

С. О. Харламов — начальник кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

S. O. Kharlamov — Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 01.02.2024; одобрена после рецензирования 25.03.2024; принята к публикации 08.04.2024.
The article was submitted 01.02.2024; approved after reviewing 25.03.2024; accepted for publication 08.04.2024.

	ПРАВОВЕДЕНИЕ 4-е изд., перераб. и доп. Учебник. 423 с. Гриф МО РФ Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник» Гриф НИИ образования и науки Под ред. С. С. Маиляна Представлены важнейшие аспекты существования государства и права. Рассмотрены основы наиболее значимых отраслей российского права — конституционного, гражданского, наследственного, семейного, трудового, административного, налогового, земельного, уголовного, международного, конституционного процессуального, гражданского процессуального, арбитражного процессуального, уголовного процессуального, таможенного и экологического. Для обучающихся в высших и средних специальных учебных заведениях неюридического профиля.

Научная статья

УДК 342.72/.73

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-197-201>

EDN: <https://elibrary.ru/mfqyeu>

ИПОН: 2003-0059-2/24-022

MOSURED: 77/27-003-2024-02-221

Принципы правового государства через призму обязанностей личности, общества и государства

Наталья Михайловна Чепурнова^{1,2}

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, chepurnova-nm@ranepa.ru

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

Аннотация. Анализируется проблематика реализации принципов правового государства через призму правового статуса субъектов конституционных правоотношений. Предпринята попытка осмысления специфики построения правового государства в современной России в аспекте гарантированности прав, свобод и обязанностей личности. Проанализирован адаптационный механизм реализации принципов правового государства в рамках отечественного правопорядка. Уделено внимание механизму формирования принципов правового государства в разрезе единой системы средств, процедур и субъектного состава. Затрагивается вопрос реализации комплекса обязанностей личности, общества и публичной власти в правовом государстве.

Ключевые слова: Конституция, права и обязанности, взаимная ответственность личности, общества и государства, принципы правового государства, дискреция субъектов правоотношений, адаптация нормативной регуляции

Для цитирования: Чепурнова Н. М. Принципы правового государства через призму обязанностей личности, общества и государства // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 197–201. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-197-201>. EDN: MFQYEU.

Original article

Principles of the rule of law through the prism of the duties of the individual, society and the state

Natal'ya M. Chepurnova^{1,2}

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, chepurnova-nm@ranepa.ru

² Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The problems of the implementation of the principles of the rule of law are analyzed through the prism of the legal status of subjects of constitutional legal relations. An attempt is made to comprehend the specifics of building a rule of law in modern Russia in terms of guaranteeing the rights, freedoms and duties of an individual. The adaptive mechanism of the implementation of the principles of the rule of law within the framework of the domestic legal order is analyzed. Attention is paid to the mechanism of formation of the principles of the rule of law in the context of a unified system of means, procedures and subject composition. The issue of the implementation of the complex of duties of the individual, society and public authorities in a state governed by the rule of law is touched upon.

Keywords: Constitution, rights and obligations, mutual responsibility of the individual, society and the state, principles of the rule of law, discretion of subjects of legal relations, adaptation of regulatory regulation

For citation: Chepurnova N. M. Principles of the rule of law through the prism of the duties of the individual, society and the state. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):197–201. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-197-201>. EDN: MFQYEU.

Актуальность темы исследования заключается в том, что существенная трансформация общественного и государственного строя национальных государств и их правовых систем, международного правопорядка в целом, на фоне научно-технического и социально-экономического прогресса ини-

цирует необходимость пересмотра целого спектра концепций и доктрин, затрагивающих принципы правового государства в аспекте реализации прав, свобод и обязанностей человека и гражданина. Так, идея правового государства, в разрезе правового статуса личности, ее неотъемлемых прав и свобод,

© Чепурнова Н. М., 2024

разрабатывалась в кардинально иных исторических условиях, в период буржуазно-демократических преобразований? как инструмент противодействия абсолютизму. При этом доктрина правового государства, его принципы телеологически были нацелены на решение принципиально иных вопросов и проблем, чем те, которые имеют место в настоящее время. В этой связи соответствие теоретических доктрин и концепций, а также правоприменительной практики современным реалиям играет важную роль в обеспечении закрепленных Конституцией политико-правовых и социально-экономических основ Российской Федерации. Сама природа конституционно-правовой регуляции должна не разрушать, а упорядочивать общественные отношения, создавать почву не для социальной конфронтации, но обеспечивать стабильность и социальный консенсус [7, с. 63].

Правовое государство, как социально-правовое явление, выступает в образе совокупности признаков, принципов и характеристик, обладающих важным значением в аспекте гарантированности прав, свобод и обязанностей человека, достижений тех задач, которые стоят перед обществом и государством [6, с. 201–207]. Следовательно, правовому государству должна быть присуща политико-правовая гибкость и динамизм для того, чтобы бороться с теми проблемами, которые преобладают в современном мире.

В настоящее время спектр принципов правового государства, обеспечивающий реализацию компонентов правового положения личности, тот инструментарий, позволяющий опосредовать общественные отношения в рамках гарантированности государством прав, свобод и обязанностей человека и гражданина, не просто может, но должен быть пересмотрен с доктринальных позиций применительно к современным, достаточно непростым реалиям российской государственности.

На сегодняшний день в концептуальном плане представляет существенную значимость глубокое осмысление правового государства с позиций его принципов и признаков через призму реализации правового статуса личности. При этом правовое государство, как важнейшая политико-правовая конструкция, оказывает существенное влияние и на феномен публичной власти, которая, в свою очередь, напрямую воздействует на правовое положение

человека, определяя предел правопритязаний властных субъектов и сферу должностований граждан [8, с. 321].

В аспекте анализа признаков правового государства в разрезе правового положения личности необходимо сказать, что здесь имеются в виду те характерные свойства, специфические качества государства, которые оказывают воздействие на реализацию прав, свобод и обязанностей субъектов конституционных правоотношений. Основным признаком правового государства выступает законность и суверенитет. Наличие указанных признаков характеризует государство как правовое. В то же время принципы правового государства выступают в образе основополагающих начал в его функционировании, очерчивая круг субъективных прав и юридических обязанностей личности, общества и государства.

Концепция правового государства выступает достаточно разработанной и популярной доктриной в среде зарубежных и отечественных исследователей. Однако каждый исторический этап эволюции государственности формирует свое собственное видение правового государства, особенно в разрезе его связи с правовым статусом личности, с концепцией естественных и неотъемлемых прав человека [4, с. 113].

Круг современных исследований, посвященных правовому государству, достаточно обширен. Так, многостороннему анализу указанной категории посвящены труды Б. С. Эбзеева [9], М. Н. Марченко [4], В. Д. Зорькина [3], Ф. М. Раянова [5] и др. Тем не менее, при всем многообразии научных изысканий по тематике правового государства не была исследована система средств, процедур и субъектного состава, выступающая инструментом имплементации его принципов в аспекте реализации компонентов правового положения субъектов конституционных правоотношений.

Стоит отметить, что комплекс средств, с помощью которых реализуются принципы правового государства, был отражен в работе Т. Н. Довбуша, дефинитивно определившего его как систему юридических средств, в рамках которой уполномоченные органы государства, а также общественные формирования и сами граждане защищают права и свободы личности, обеспечивая контроль за деятельностью публичной власти [2, с. 5]. Тем не менее, в указанном

определении не фигурирует спектр обязанностей граждан, что в некоторой степени обедняет теоретическое осмысление механизма реализации принципов правового государства.

В настоящее время крайне важен доктринальный анализ, предполагающий формирование модели механизма реализации принципов правового государства применительно к национальному правопорядку. Вместе с тем, представляется важным акцентировать внимание на широком спектре должностований в рамках указанного механизма. При этом они должны осмысляться не только в аспекте обязанностей государства, но и личности. Именно обязанности должны стать точкой отсчета позитивно-активных действий субъектов важнейших правоотношений, так как без их реализации ни один принцип правового государства не претворится в жизнь. Так, к конституционным обязанностям человека и гражданина в рамках отечественного правопорядка относятся следующие важнейшие позиции:

- ◆ соблюдение законодательства (ч. 2 ст. 15);
- ◆ уважение прав и свобод других лиц (ч. 3 ст. 17);
- ◆ забота о детях и нетрудоспособных родителях (ч. 2, 3 ст. 38);
- ◆ получение основного общего образования (ч. 4 ст. 43);
- ◆ забота о памятниках истории и культуры (ч. 3 ст. 44);
- ◆ плата налогов и сборов (ст. 57);
- ◆ охрана природы и окружающей среды (ст. 58);
- ◆ защита Отечества (ст. 59).

В этой связи реализация ключевых принципов правового государства должна осуществляться не просто через призму обеспечения прав и свобод личности, но, прежде всего, в плоскости неуклонной имплементации обязанностей граждан. Стоит отметить, что в правовом государстве Основной Закон обладает принципом прямого действия [10, с. 5].

Важно четко определить понятие механизма претворения в жизнь принципов правового государства, который видится в комплексе того инструментария, который обеспечивает реализацию конституционных обязанностей личности, общества и государства. При этом субъектный состав здесь вытекает из спектра обязанных субъектов конституционных правоотношений. К последним относятся органы государства, общественные организации, а также все население страны, под которым имеются

ввиду граждане, иностранцы (постоянно проживающие на территории государства), апатриды, а также лица с множественным гражданством. Безусловно, отношение гражданства определяет самый максимальный перечень обязанностей именно у граждан государства. Тем не менее, это указывает и на максимально возможный спектр конституционных гарантий и прав, присущих правовому статусу граждан страны.

На сегодняшний день, и это вполне очевидный факт, принципы правового государства нуждаются в определенной адаптации к современным российским реалиям (международное санкционное политико-правовое и экономическое давление, специальная военная операция на Украине, проблемы в сфере миграции, региональный социально-экономический дисбаланс и т. д.). При этом точкой отсчета в аспекте реализации принципов правового государства должны выступать именно те условия, в которых предстоит действовать правоприменителю. В этой связи на некоторых принципах следует сделать особый акцент, другие же подлежат существенной трансформации и даже нормативному купированию [1, с. 26].

В качестве примера можно привести такой принцип правового государства, который реализуется в рамках взаимной ответственности публичной власти и граждан. Здесь со всей отчетливостью проявляется реализация конституционных обязанностей участников правоотношений, которые выступают в образе позитивной ответственности. В этот спектр должностований входит решение задач, стоящих перед государством, оптимальная самореализация человека в социуме, поддержание социального консенсуса и пр.

Можно привести и другой пример, когда органы государства и личность в своей деятельности отталкиваются от принципа самоограничения, купируя дискретность своего функционала. В аспекте самоограничения публичной власти можно сделать акцент на определении его характеристик. В настоящее время эти качества обладают косвенными признаками, так как функционально отсылают нас к принципу законности, который обеспечивает гарантированность прав и свобод человека и гражданина со стороны органов государства. Однако, ограничение дискреции публичной власти не должно выступать как самоцель, оно не может представлять «вещь в себе», так как существует четкая связь

функций государства с разрешением конкретных проблем. Так, непродуманное самоограничение властных субъектов создает условие для нуллификации государственности, угрожая суверенитету страны и безопасности государства. Самоограничение государства особенно опасно в рамках международных отношений, когда на фоне тотального нарушения норм международного права государство старается их соблюдать в ущерб интересам своей национальной безопасности. В этой связи ограничение дискреции государственных институтов должно иметь свои пределы.

В настоящее время элементарное провозглашение принципов правового государства не только бесполезно, но даже опасно для оптимального развития национальной государственности. Сама идея правового государства может быть дискредитирована пустыми, не претворенными в жизнь декларациями. В этой связи концептуальная основа и практика правоприменения должны идти в ногу со временем, ориентируясь на сложившиеся условия. В сущности, должен быть предусмотрен обширный и действенный инструментарий по реализации принципов правового государства, в котором круг обязанных субъектов должен быть четко определен. В связи с этим все большее значение придается взаимодействию конституционной доктрины и практики правоприменения, когда реализация принципов правового государства отталкивается от потребностей политико-правового и социально-экономического развития страны.

В качестве фундаментальной основы функционирования механизмов реализации принципов правовой государственности в рамках отечественного правопорядка должны выступать интересы национальной безопасности, которые можно защитить через всемерную реализацию комплекса обязанностей личности, общества и государства.

В заключение необходимо отметить, что трансформация отечественного правопорядка и государственности не может обойтись без обширной нормативной и правоприменительной адаптации идеи правового государства к современным реалиям. Концептуальная основа правового государства, имплементация его принципов должны соответствовать текущей обстановке. В механизме реализации основополагающих начал правовой государственности важную роль должен играть круг обязанных

субъектов конституционных правоотношений, которыми выступают личность, общество и государство. Более того, сам инструментарий претворения в жизнь идеи правового государства должен обладать определенной гибкостью, постоянно совершенствоваться в целях защиты интересов национальной безопасности и поддержания социальной стабильности.

Список источников

1. Грошев С. Н., Саудаханов М. В. Концептуальное значение текстов основного закона // Конституция : воплощение ценностей верховенства права, гражданского общества и современного государства : сб. мат. всерос. науч.-практ. конф. (Иркутск, 17 декабря 2021 г.). Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2021. С. 26–28.
2. Довбуш Т. Н. Принципы правового государства и механизм их реализации (теоретико-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.
3. Зорькин, В. Д. Конституционно-правовое развитие России. М. : Норма, 2011.
4. Марченко М. Н. Правовое государство и гражданское общество : (теоретико-правовое исследование) : учеб. пособие. М. : Проспект, 2014.
5. Раянов Ф. М. Теория правового государства : проблемы модернизации. Уфа : Гилем, 2010.
6. Саудаханов М. В. Человек в социально-экономической системе России : моногр. / под ред. Б. С. Эбзеева. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2023.
7. Эбзеев Б. С. Предмет конституционного права : историчность содержания и тенденции развития // Государство и право. 2019. № 7. С. 54–67.
8. Эбзеев Б. С. Конституционное право России : учебник. М. : Проспект, 2019.
9. Эбзеев Б. С. Конституция, правовое государство, конституционный суд // Закон и право. 1997.
10. Эбзеев Б. С. Конституция Российской Федерации : прямое действие и условия реализации // Государство и право. 2008. № 7. С. 5–15.

References

1. Groshev S. N., Saudakhanov M. V. The conceptual meaning of the texts of the basic law // Constitution : the embodiment of the values of the rule of law, civil society and the modern state : collection of mat. All-Russian Scientific and Practical Conference (Irkutsk, December

17, 2021). Irkutsk : East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. P. 26–28.

2. Dovbush T. N. Principles of the rule of law and the mechanism of their implementation (theoretical and legal aspect) : abstract. diss. ... cand. Jurid. St. Petersburg, 2005.

3. Zorkin, V. D. Constitutional and legal development of Russia. M. : Norm, 2011.

4. Marchenko M. N. The rule of law and civil society : (theoretical and legal research): studies. handbook. M. : Prospekt, 2014.

5. Rayanov F. M. Theory of the rule of law : problems of modernization. Ufa : Gilem, 2010.

6. Saudakhanov M. V. Man in the socio-economic system of Russia : monograph / edited by B. S. Ebzeev. M. : UNITY-DANA, 2023.

7. Ebzeev B. S. The subject of constitutional law : historicity of content and development trends // State and law. 2019. № 7. P. 54–67.

8. Ebzeev B. S. Constitutional law of Russia : textbook. M. : Prospekt, 2019.

9. Ebzeev B. S. The Constitution, the rule of law, the constitutional court // Law and law. 1997.

10. Ebzeev B. S. The Constitution of the Russian Federation : direct action and conditions of implementation // State and law. 2008. № 7. P. 5–15.

Информация об авторе

Н. М. Чепурнова — профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the author

N. M. Chepurnova — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 01.02.2024; одобрена после рецензирования 25.03.2024; принята к публикации 08.04.2024.

The article was submitted 01.02.2024; approved after reviewing 25.03.2024; accepted for publication 08.04.2024.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп.
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Под ред. А.И. Клименко, М.М. Рассолова;
под общ. ред. В.П. Малахова, В.В. Оксамытного

Исследуются проблемы предмета и методов теории государства и права, новые теоретические аспекты происхождения права и государства, проблемы государственной власти в условиях глобализации, признаки, типология, строение и функции современного государства. Рассматриваются сущность и парадигмы права, новые подходы к формам, правотворчеству и систематизации нормативно-правовых актов, а также вопросы теории правоотношений, реализации, толкования норм права и ответственности в демократическом обществе.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов, всех интересующихся проблемами развития государства и права.

Magister

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Классический учебник
Четвертое издание

Научная статья

УДК 340.115.7

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-202-208>

EDN: <https://elibrary.ru/nehmqk>

NIJON: 2003-0059-2/24-023

MOSURED: 77/27-003-2024-02-222

Инкорпорация Кавказских государств в состав Российской империи: проблема перехода в статус провинции

Ибрагим Капланович Шаов

Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия, shaov@mail.ru

Аннотация. Проблема инкорпорации Кавказа в существующей историографии истории государства и права в России рассматривается как сумма достаточно изолированных эпизодов добровольного присоединения или завоевания. Формулируется положение, согласно которому юридическое измерение инкорпорации состоит не в дихотомии завоевание/добровольность, а в процессе перехода от независимого или автономного состояния к статусу ординарной имперской административной единицы (области, округа). Проблема перехода рассматривается на стыке таких дисциплин, как теория и история права и государства и политическая антропология. Поставленная проблема связана с генезисом самой имперской структуры: ее трансформацией от империи доминирования к территориальной империи. Данный процесс происходил синхронно с усилением самодержавной власти. Перерождение Российской империи в территориальную империю обусловило общую закономерность процессов инкорпорации: внезапный отказ от следования базовому юридическому акту, на основе которого произошло присоединение. Император являлся единственным властным субъектом в политико-правовом поле Российской империи. Ни Багратионы, ни, тем более, северокавказские владельцы не могли позволить себе оспаривать «упразднение» политической субъектности своих территорий. Заключение договора в формате просительных пунктов, подтвержденных императором, сопровождалось принесением присяги на вечное подданство. После принесения присяги, которая полностью лишала политической и правовой субъектности, было невозможно оспаривать переход своего владения в статус провинции.

Ключевые слова: империя доминирования, территориальная империя, самодержавие, присяга на вечное подданство, «просительные пункты», «упразднение» автономии, провинция

Для цитирования: Шаов И. К. Инкорпорация Кавказских государств в состав Российской империи: проблема перехода в статус провинции // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 202–208. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-202-208>. EDN: NEHMQK.

Original article

Incorporation of the Caucasian states into the Russian Empire: the problem of transition to province status

Ibrahim K. Shaov

Adygea State University, Maykop, Russia, shaov@mail.ru

Abstract. The problem of incorporation of the Caucasus in the existing historiography of the history of state and law in Russia is considered as the sum of rather isolated episodes of voluntary annexation or conquest. The position is formulated according to which the legal dimension of incorporation does not consist in the conquest/voluntariness dichotomy, but in the process of transition from an independent or autonomous state to the status of an ordinary imperial administrative unit (region, district). The problem of transition is considered at the junction of such disciplines as theory and history of law and the state and political anthropology. The problem posed is related to the genesis of the imperial structure itself: its transformation from an empire of dominance to a territorial empire. This process took place synchronously with the strengthening of autocratic power. The rebirth of the Russian Empire into a territorial empire determined the general pattern of incorporation processes: the sudden refusal to follow the basic legal act on the basis of which the accession took place. The Emperor was the only powerful subject in the political and legal field of the Russian Empire. Neither Bagrationi, nor, moreover, the North Caucasian owners could afford to challenge the «abolition» of the political subjectivity of their territories. The conclusion of the treaty in the format of petitioning clauses, confirmed by the emperor, was accompanied by the taking of an oath of eternal citizenship. After taking the oath, which completely deprived political and legal subjectivity, it was impossible to dispute the transfer of one's possession to the status of a province.

Keywords: empire of dominance, territorial empire, autocracy, oath of allegiance, «petition points», liquidation of autonomy, province

For citation: Shaov I. K. Incorporation of the Caucasian states into the Russian Empire: the problem of transition to province status. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):202–208. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-202-208>. EDN: NEHMQK.

Проблема инкорпорации Кавказа в существующей историографии рассматривается как сумма достаточно изолированных эпизодов добровольного присоединения или завоевания. Сложились опреде-

ленные штампы, согласно которым грузинские государства тяготели к России и были присоединены мирным образом, а северокавказские княжества и племенные конфедерации — через затяжную Кавказ-

© Шаов И. К., 2024

скую войну. С исторической точки зрения это далеко не так: имели место масштабные и длительные восстания в Картли-Кахетинском царстве (собственно Грузии русских источников того времени), Имеретинском царстве; почти исключительно мирные процессы присоединения и последующего административного обустройства северокавказских территорий: Ингушетии, Осетии, Балкарии.

Это историческое измерение процесса инкорпорации в самом схематичном виде. Но юридическое измерение инкорпорации состоит не в дихотомии завоевание/добровольность, а в процессе перехода от независимого состояния государства (но пребывающего под протекторатом, как это было с Грузией, начиная с 1783 г.), автономного состояния (кабардинские владения, сохранявшие свои политические институты: народное собрание, шариатские и присяжные суды, пост вали — старшего князя) к состоянию ординарной имперской провинции (округа в составе такой провинции). Так, из автономного царства в составе РИ Имеретия превратилась в Кутаисскую область (1811), а Абхазия (из положения автономного княжества) — в Сухумский военный отдел (1864).

Исследователи обычно констатируют это событие как нечто само собой разумеющееся и находящееся в исключительной прерогативе императорской власти. Тем не менее, у проблемы перехода в статус ординарной провинции есть перспектива исследования на стыке таких дисциплин, как теория и история права и государства, и политическая антропология. В этом отношении поставленная проблема оказывается связана с генезисом абсолютистской власти в ее российском изводе (неограниченное самодержавие).

Общая черта исследований присоединения Кавказа состоит в том, что Российская империя воспринимается как некая неизменная сущность, которая реагировала на возникающие проблемы всегда одинаково. Между тем, проблема инкорпорации той или иной территории воспринималась в российском истэблишменте существенно по-разному. Эта различность реакций была обусловлена не только внутри- и внешнеполитическими контекстами, но и политико-правовой эволюцией самой России. Руководитель внешней политики Российской империи граф Н. И. Панин не считал целесообразным и эффективным методом господства физическое расширение империи. Он исходил из концепции доминирования, основанного на заключении выгодных для России союзов. Со-

гласно доктрине Панина, польское государство необходимо было сохранить внешне независимым и иметь его в качестве барьера между Россией и Пруссией. Рубежной датой в переходе империи от «империализма контроля» к «империализму расширения» стал 1783 г., когда правительство Екатерины II отрицало идею «протекции» в отношении Крымского ханства и ликвидировало это государство [1, с. 55].

Переход от доминирования к территориальному принципу организации имперского пространства сопровождался отказом от практики шертования — принесения присяги-шерти и заключения шертного договора. Попытки лидеров степных конфедераций представить дело так, что они готовы к заключению мирного договора, грубо пресекались. Так, чиновник Коллегии иностранных дел заявил казахским биям, что «понеже Российская империя в свете славное государство, и такому славному монарху с вами, яко с степными зверьми, быть в миру неприлично» [2, с. 55]. Вместо шерти, от местных правителей стали требовать принесения присяги на верное подданство, нарушение которой считалось тяжким государственным преступлением.

Политика инкорпорации европейских территорий (Польша, Прибалтика, Финляндия) очень существенно отличалась от той, что применялась в Грузии и на Северном Кавказе. «Правительство Александра I, — отмечает А. Каппелер, — которое можно считать достигнувшем высшей точки в либеральных экспериментах на Западе, в Закавказье безоглядно проводило политику аннексии и интеграции этого региона» [3, с. 154]. По мысли Г. Г. Лисицыной, манифест Александра I к грузинскому народу (12 сентября 1801 г.) стал началом 60-летней эпохи «завоевания» или «присоединения» Кавказа, на протяжении которой российское правительство постоянно находилось перед «проблемой выбора формы административного управления на вновь приобретенных территориях» [4, с. 203]. При этом, как пишет Я. А. Гордин, «унификационная европоцентричная идея, владевшая имперскими верхами, неизменно брала верх над идеей компромисса, учитывающего особость края и народов Кавказа» [5, с. 575].

Инкорпорация Кабарды в состав Российской империи началась с признания территории и населения Большой и Малой Кабарды де-юре независимыми от Османской и Российской империй (по Белградскому договору 1739 г.); констатации определенной суб-

ъектности в 1774 г., когда по Кючук-Кайнарджийскому договору две Кабарды отходили к России (при условии достижения согласия с Крымским ханством). Завершилась эта история полной дезинтеграцией кабардинских образований и исчезновением самого имени Кабарда с административной карты, где в 1870 г. появился Георгиевский округ [6].

Российская империя вплоть до 1917 г. сохраняла в себе черты империи доминирования, что хорошо видно на примере Финляндии и среднеазиатских государств. «Российская экспансия породила исключительно важную проблему: прямое инкорпорирование в российское государство чуждых метрополии территорий, удержать которые в долгой исторической перспективе было невозможно, но при этом раскол с которыми угрожал существованию всего государственного целого» [7, с. 195–196]. Несмотря на это, генеральная линия политической и правовой эволюции Российской империи лежала в русле ее трансформации в территориальную империю. Происходил процесс формирования имперского правящего класса. РИ управлялась не множеством локальных правителей и, тем более, не каким-то исконно русским ядром завоевателей, а именно правящим имперским/российским классом. Таким образом, РИ прошла примерно тот же тип эволюции имперской структуры и государства, что и Римская империя [8, с. 395–397].

Перерождение РИ в территориальную империю обусловило общую закономерность процессов инкорпорации: внезапный отказ от следования базовому юридическому акту, на основе которого произошло присоединение. Формирование юридического статуса российской провинции, которая в своем недавнем прошлом была самостоятельным государством (или де-факто независимым государствомподобным образованием), происходило под воздействием идеологических факторов. Образы всех кавказских и степных политий можно свести к двум идеологическим концептам: 1) «варвар у порога», т. е. нецивилизованный опасный сосед; в этой иерархии «варваров» на самом верху располагалась Османская Турция [9, с. 9]; 2) «терра нуллиус» или ничейная земля [10, с. 144]. В этом отношении российские имперские власти шли в русле европейской колониальной идеологии. «Британские колонисты, — отмечает А. Эткинд, — применяли английские законы к любой земле, которую считали лишенной правовых установлений. Этот принцип империализма назывался *terra nullius*, «ничейной землей». Хотя

по факту люди на земле жили, по закону она считалась необитаемой. Принцип ничейной земли позволял игнорировать все существующие там обычаи, права собственности и порядок наследования» [10, с. 144].

Екатерина II классифицировала черкесов, на территории которых стояла османская Анапа, в качестве людей, не обладающих элементарными правовыми нормами: «И все сии народы по большей части мало упражнясь в хлебопашестве и скотоводстве, имея и хорошие земли и разные другие выгоды, не знающие приличного другого торгу кроме продажи краденых людей, ни ремесла другого кроме делания употребляемого ими оружия, живущия в самых дурных жилищах и шалашах, прозываемых аулах ... переводятся с места на место, не имеют начальства, и никакого понятия о правах, почитая и самое воровство как людей так и прочаго за удалые подвиги и за добродетель, а от того все в бедном состоянии» [11, л. 2]. Характеристики в отношении христианских правителей и их государств были немногим лучше. Так, имеретинские цари Соломон I и Соломон II аттестовались российскими чиновниками как «дикий» и «живущий по образу черкесов» соответственно [12, с. 680; 13, с. 144].

В. В. Трепавлов отмечает, что присоединенные к РИ государства или владения с различным юридическим статусом ждала «общая судьба: постепенное уменьшение самостоятельности, нарастание зависимости от государственной власти и, в конце концов, упразднение» [14, с. 3]. Политика ликвидации вассальных статусов и территорий в составе РИ с абсолютной четкостью выражена Николаем I в 1844 г.: «В царстве другого царства быть не может» (резолуция на доклад министра государственных имуществ П. Д. Киселева о Букеевской Орде) [14, с. 4].

Соответственно, применявшаяся политико-административная стратегия как-бы стирала юридическое поле взаимоотношений имперского центра с национальными окраинами. Не существовало преемственности между тем политико-правовым статусом, который определялся и фиксировался при начальной фазе инкорпорации (протекторат; автономное государство или владение в составе империи; владение или общество с чертами политической субъектности), с тем рядовым или ординарным, провинциальным статусом, который в одностороннем порядке придавался российским самодержцем присоединенной территории. Таким образом, не существовала длительная или исторически протяженная легитимность: ни одно госу-

дарственное образование Кавказа не просуществовало до 70-х гг. XIX в.

Присоединение Кавказа началось с Грузии, правитель которой Ираклий II заключил в 1783 г. с Россией договор о протекторате (Георгиевский трактат). Екатерина II не соблюдала взятых на себя обязательств по защите Картли-Кахетинского царства и допустила его тотальное разорение персами в 1795 г. [15, с. 21]. 22 декабря 1800 г. Павел прервал переговорный процесс, очевидным образом приблизившийся к подписанию нового договора, и издал в одностороннем порядке манифест «О присоединении Грузинского Царства к России» [12, с. 693]. «Сначала Павел одобрил сохранение Грузинского царства в составе Российской империи, — отмечает Л. Х. Райнлэндер, — которым правили бы Георгий и его потомки. Однако после того, как посольство отправилось в Грузию, чтобы передать эту новость, Павел передумал и решил, что монархия должна быть отменена» [16, с. 40–41]. По сути, император исходил исключительно из собственных намерений. «Я хочу, — писал он К. Ф. Кноррингу, — чтобы Грузия была губерния, итак тотчас и поставьте ее в сношение с сенатом, а по духовной части с синодом, не трогая их привилегий. Губернатор пусть будет кто-либо из царской крови, но под вами, и будет шеф гусарского тамошнего нового полка» [17, с. 178].

Манифест Павла интересен еще и в том плане, что он не просто понижал в статусе уже присоединенную территорию (что российский самодержец имел право делать в точном соответствии со своим статусом главного источника законов для своих подданных), а переводил в статус ординарной провинции субъект международно-правовых отношений. Поступок Павла поставил в затруднительное положение его сына и преемника Александра I, который колебался и размышлял над грузинской проблемой несколько месяцев. Но при выработке решения о том, стоит ли продолжать курс своего отца в отношении Грузии, восторжествовал самодержавный подход: «По-патерналистски Александр чувствовал, что все, что он делал, как император, было хорошо для грузинского народа» [16, с. 44–45].

Другой очевидный пример самодержавного подхода также связан с православным населением Кавказа: это образование Кубанской области в феврале 1860 г. Это случилось тогда, когда военное сопротивление черкесов было еще не сломлено и они контро-

лировали большую часть массива Северо-Западного Кавказа. Внутри новой имперской территории растворялись без каких-либо автономных прав не только остатки черкесского населения, но и Черноморское казачье войско, которое по Высочайшей грамоте Екатерины II 1792 г. имело права на Таманский остров и на правобережье Кубани до Усть-Лабинской крепости (редута) [18, с. 27–28, прилож. XXII].

Черноморское казачье войско по предложению А. И. Барятинского было объединено с линейными казаками и переименовано в Кубанское казачье войско. А. И. Барятинский признавался в письме Милютину: «Я почел долгом слить их в одно, по возможности скорее, с прекрасным нашим казачьим русским элементом на Кавказе» [19, с. 322]. Барятинский подчеркивал, что «замкнутость казачьего сословия» у черноморцев, «хранящих предания Запорожской Сечи», «принимает вид национальности и выражается нерасположением к иногородцам» [20, с. 252–253]. «Во всем крае, — писал фельдмаршал в своем отношении к военному министру, — нельзя найти ни одного порядочного дома или усадьбы из прочных материалов... казачьи войска ближе подходят к эпохе первобытного человечества» [20, с. 253]. Как отмечал П. П. Короленко, Барятинский «ненавидел черноморцев, а Евдокимов не любил вообще всех казаков» [19, с. 322]. Последний, приступая к массовому переселению казаков за Кубань, надеялся на «окончательное освобождение этих земель (между Кубанью и Доном — прим. авт.) от присутствия казачьего населения» [19, с. 322]. Н. И. Евдокимов стремился к тому, что казачьи усадьбы будут раскуплены преимущественно иногородними и перейдут в гражданское ведомство, «чего и надо желать для развития края» [19, с. 322]. Как видим, принцип *terra nullius* распространялся не только на сопротивляющихся экспансии черкесов, но и на православное славянское (казачье) население. Данный проект, приобретший уже законную силу, не осуществился только из-за готовности черноморских казаков поднять мятеж [19, с. 349–361].

Растворение черноморского казачества в новом (кубанском) войске и переименование казачьего края в Кубанскую область осуществлялись по указу Александра II, п. 4 которого по решению Правительствующего Сената и министра юстиции предлагалось не печатать в «Сенатских Ведомостях» [21, с. 58]. Этот пункт предоставлял экстраординарные полномочия главнокомандующему Кавказской армией, генерал-

фельдмаршалу Барятинскому «делать все необходимые преобразования и изменения в составе и порядке управления Терской и Кубанской областей и вообще всего Северного Кавказа, распространив силу и действие означенного Высочайшего повеления на подведомственные ему казачьи войска Черноморское и Кавказское линейное» [21, с. 58]. Таким образом, при основании Кубанской области было нарушено универсальное требование полной публикации вступающего в силу закона: в основных государственных законах РИ этот порядок регулировался ст. 57 и 58 [22, с. 15].

Проблема перехода от автономии к провинции в контексте феномена самодержавной власти. Ст. 1 «О существе Верховной Самодержавной власти» Основных законов Российской империи гласила, что «Император Всероссийский есть Монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться его верховной власти не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает» [22, с. 1]. Политико-правовой субъект, обладающий неограниченной властью, с легкостью «упразднял» государственные институты присоединяемых народов.

Преобразование ядра Крымского ханства в Таврическую область, Картли-Кახетинского царства — в Грузинскую область, другие кардинальные политико-юридические преобразования присоединяемых территорий осуществлялись абсолютной властью российских самодержцев. Они оформлялись императорскими манифестами, указами или рескриптами. Во всех случаях эти законодательные акты прямо противоречили ранее принятым обязательствам и договорам. Манифест 1783 г. шел вразрез с русско-крымским Карасубазарским договором 1772 г. и русско-турецким Кючук-Кайнарджийским договором 1774 г. Более того, Екатерина II была тем политическим мыслителем, который впервые сгенерировал концепцию «независимой татарской нации», развитие которой должно было происходить под протекторатом Российской империи. Манифесты 1800 и 1801 гг. (по новому стилю они оба относятся к 1801 г.) о присоединении Грузии шли вразрез с Георгиевским трактатом и самим духом союзничества двух православных народов. Полуторатысячелетняя христианская монархия, пережившая Халифат, султанат Сельджуков, 300-летнее давление Сефевидов и Османов, была решительно «упразднена» волей российских самодержцев.

Император являлся единственным властным субъектом в политическом пространстве Российской империи. Это означало монополию и на правовую субъ-

ектность. Н. М. Карамзин очень хорошо понимал это: «Самодержавие есть палладиум России; целость его необходима для ее счастья» [23, с. 105]. Существование любых других субъектов, отношения которых с императором формировались бы на договорной основе, не допускалось [24, с. 25]. Таким образом, присоединяемая кавказская территория не могла иметь автономного статуса точно также, как не имели его коренные жители метрополии. Н. М. Карамзин предельно отчетливо формулирует: «рабство политическое не совместно с гражданскою вольностью» [23, с. 22].

Р. С. Уортман отмечает у правителей РИ «мышление в категориях монархического мифа, в котором существует только господство монарха и благодарная покорность подданных» [25, с. 26]. Вслед за Г.-Й. Торке и другими признанными исследователями эволюции политического строя романовской России, Р. С. Уортман констатирует отсутствие у «российской администрации правового этоса» [25, с. 12–13]. Исследователь считает, что это состояние стало заметным образом меняться в период правления Николая I, при котором в российских министерствах появились профессиональные юристы, которые признавали приоритет права над институтом самодержавия. Но в целом, «вера в верховенство исполнительной власти и приниженное положение суда» удержались в РИ несмотря на предпринятые в 60-е гг. XIX в. либеральные реформы [25, с. 11]. «Российские императоры, — пишет Р. С. Уортман, — видели свой главный интерес в том, чтобы сохранить во что бы то ни стало право даровать свыше общее благо» [25, с. 25]. Исходя из этого видения себя в окружающем мире, российские императоры не желали «поступиться малой частью самодержавных прерогатив» и были просто не в состоянии «делегировать полномочия даже лояльному первому министру» [25, с. 25]. Соответственно, они не желали поступиться прерогативами и в отношении присоединяемых территорий.

Выводы. Заключение договора в формате «присоединительных пунктов», подтвержденных императором, сопровождалось принесением присяги или «клятвенного обещания» на вечное подданство. В XVIII в. новый подданный через присягу определял себя как «послушного раба», затем эта формулировка была изъята, но суть устанавливаемых взаимоотношений оставалась прежней.

Ни одна система права не в состоянии функционировать, когда в нее помещен такой тотальный моносубъект, как самодержавие Романовых. Ни Багра-

тиони, ни Шервашидзе, ни, тем более, черкесские князья не могли позволить себе оспаривать «упразднение» политической субъектности своих территорий. Они не имели возможности апеллировать к договору о вхождении в Российскую империю («просительным пунктам»), поскольку находились внутри ее политико-правового поля в качестве безсубъектных подданных. Позволялось подавать прошения личного характера, касающиеся фамильной собственности, поместий, жалования и т. п. Так, многолетний владетель Абхазского княжества генерал-лейтенант М. Шервашидзе, совершенно не оспаривая решения Александра II об «упразднении» автономного статуса его княжества (1864), просил позволить ему поселиться рядом — в Мегрелии.

Формирование юридического статуса российской провинции происходило под воздействием колониального концепта *terra nullius* — «ничейной земли». В его рамках императорская власть могла позволить себе не обращать внимания на правовые и государственные институты присоединенной территории.

Список источников

1. Мальгин А. В. Присоединение Крыма к России в конце XVIII в. в свете мотивов имперской экспансии // *История и современность*. 2013. № 1. С. 45–68.
2. Ходарковский М. Степные рубежи России : как создавалась колониальная империя, 1500–1800. М. : Новое литературное обозрение, 2019.
3. Каппелер А. Россия — многонациональная империя. М., 2004.
4. Лисицына Г. Г. «Гражданское управление краем, самое трудное...». Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX — начало XX вв. СПб, 2005. С. 203–236.
5. Гордин Я. Россия на Кавказе : поиски решения // *Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность*. СПб., 2005. С. 555–583.
6. Тютюнина Е. С. Образование Георгиевского округа (1870–1871) // *Архивы и общество*. 2007. № 1. С. 89–96.
7. Абалов А., Иноземцев В. Бесконечная империя : Россия в поисках себя. М. : Альпина Паблицер, 2022.
8. Манн М. Источники социальной власти. Т. 1. История власти от истоков до 1760 года н.э. М., 2018.
9. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М. : Новое литературное обозрение, 2003.
10. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. 5-е изд. М. : Новое литературное обозрение, 2022.
11. Собственноручная заметка императрицы Екатерины II о соседних народах на азиатской границе России // РГАДА. Ф. 10. Кабинет Екатерины II. Оп. 1. Д. 368. Л. 1–2.
12. Нольде Б. Э. История формирования Российской империи. СПб : «Издательство Олега Абышко», 2019.
13. Акты Кавказской археографической комиссии. Т. III. Тифлис, 1869.
14. Трепавлов В. В. «В царстве другого царства быть не может». Вассальные владения в составе России (XVII – начало XX в.) // *Российская история*. 2015. № 3. С. 3–14.
15. Волхонский М. А. Военная политика Российской империи в Закавказье в 1783–1796 гг. // *Военно-исторический журнал*. 2018. № 9. С. 13–21.
16. Rhineland L. H. The Incorporation of the Caucasus Into the Russian Empire: the Case of Georgia, 1801–1854. Columbia University, Ph.D., 1972.
17. Дубровин Н. Ф. Георгий XII последний царь Грузии и присоединение ее к России. СПб. : Типография Д. В. Чичинадзе, 1897. VII.
18. Короленко П. П. Черноморцы. СПб., 1874.
19. Короленко П. П. Переселение казаков за Кубань в 1861 г. с приложением документов и записки полковника Шарапа // *Кубанский сборник*. Т. XVI. Екатеринодар : Типография Кубанского областного правления, 1911. С. 265–575.
20. Венюков М. И. К истории заселения Западного Кавказа, 1861–1863 гг. Материалы и заметки // *Русская старина*. 1878. Кн. VI. С. 249–270.
21. Акты Кавказской археографической комиссии. Т. XII. Ч. 1. Тифлис, 1904.
22. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая I составленный. Изд. 1857 г. Т. I. Ч. I. Основные государственные законы. СПб : Типография Второго отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1857.
23. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. М. : Наука, 1991.
24. Хелли Р. Холопство в России 1450–1725. М. : Академия, 1998.
25. Уортман Р. С. Властители и судии. Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004.

References

1. Malgin A. V. The annexation of Crimea to Russia at the end of the XVIII century. in the light of the motives of imperial expansion // *History and modernity*. 2013. № 1. P. 45–68.
2. Khodarkovsky M. *Steppe frontiers of Russia : how the colonial empire was created, 1500–1800*. M. : New Literary Review, 2019.
3. Kappeler A. *Russia — a multinational empire*. M., 2004.
4. Lisitsyna G. G. «Civil administration of the region, the most difficult...». *The Caucasus and the Russian Empire : projects, ideas, illusions and reality. The beginning of the XIX — the beginning of the XX centuries*. St. Petersburg, 2005. P. 203–236.
5. Gordin Ya. *Russia in the Caucasus : the search for a solution // The Caucasus and the Russian Empire : projects, ideas, illusions and reality*. St. Petersburg, 2005. P. 555–583.
6. Tyutyunina E. S. *Education of the Georgievsky district (1870–1871) // Archives and Society*. 2007. № 1. P. 89–96.
7. Abalov A., Inozemtsev V. *The Endless Empire : Russia in search of itself*. M. : Alpina Publisher, 2022.
8. Mann M. *Sources of social power. Vol. 1. The history of power from its origins to 1760 A.D.* M., 2018.
9. Wolf L. *Inventing Eastern Europe. The map of civilization in the consciousness of the Enlightenment*. M. : New Literary Review, 2003.
10. Etkind A. *Internal colonization. The Imperial experience of Russia*. 5th ed. M. : New Literary Review, 2022.
11. Empress Catherine II's handwritten note on neighboring peoples on the Asian border of Russia // *RGA-DA. F. 10. Cabinet of Catherine II. Op. 1. D. 368. L. 1–2*.
12. Nolde B. E. *The history of the formation of the Russian Empire*. St. Petersburg : Oleg Abyshko Publishing House, 2019.
13. *Acts of the Caucasian Archeographic Commission*. Vol. III. Tiflis, 1869.
14. Trepavlov V. V. «There can be no other kingdom in the kingdom». *Vassal possessions within Russia (XVII – early XX century) // Russian History*. 2015. No. 3. P. 3–14.
15. Volkhonsky M. A. *Military policy of the Russian Empire in Transcaucasia in 1783–1796 // Military Historical Journal*. 2018. № 9. P. 13–21.
16. Rhineland L. H. *The Incorporation of the Caucasus Into the Russian Empire: the Case of Georgia, 1801–1854*. Columbia University, Ph.D., 1972.
17. Dubrovin N. F. *George XII the last tsar of Georgia and its annexation to Russia*. St. Petersburg : Printing House of D. V. Chichinadze, 1897. VII.
18. Korolenko P. P. *Chernomortsy*. SPb., 1874.
19. Korolenko P. P. *The resettlement of Cossacks beyond the Kuban in 1861 with the attachment of documents and notes by Colonel Sharap // Kuban collection*. Vol. XVI. Yekaterinodar : Printing house of the Kuban regional Government, 1911. P. 265–575.
20. Venyukov M. I. *On the history of settlement of the Western Caucasus, 1861–1863. Materials and notes // Russian Antiquity*. 1878. Book VI. P. 249–270.
21. *Acts of the Caucasian Archaeological Commission*. Vol. XII. Part 1. Tiflis, 1904.
22. *The Code of Laws of the Russian Empire, compiled by the order of the Sovereign Emperor Nicholas I*. Ed. 1857, Vol. I. Part I. Basic state laws. St. Petersburg : Printing house of the Second Department of His Imperial Majesty's own Chancellery, 1857.
23. Karamzin N. M. *A note on ancient and new Russia in its political and civil relations*. M. : Nauka, 1991.
24. Helly R. *Servitude in Russia 1450–1725*. M. : Academy, 1998.
25. Wortman R. S. *The Lords and the judges. The development of legal consciousness in Imperial Russia*. M., 2004.

Информация об авторе

И. К. Шаов — доцент кафедры конституционного и административного права Адыгейского государственного университета, кандидат юридических наук.

Information about the author

I. K. Shaov — Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Adygea State University, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 20.09.2023; одобрена после рецензирования 16.11.2023; принята к публикации 10.01.2024.

The article was submitted 20.09.2023; approved after reviewing 16.11.2023; accepted for publication 10.01.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-209-212>

EDN: <https://elibrary.ru/jvtbkc>

НИОН: 2003-0059-2/24-024
MOSURED: 77/27-003-2024-02-223

Масштабирование института уведомления о подозрении на предварительное следствие: за и против

Денис Васильевич Шаров

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, sharovden@gmail.com

Аннотация. Рассматривается предложение о ликвидации института привлечения в качестве обвиняемого и распространении института уведомления о подозрении на предварительное следствие. Делается вывод об отсутствии принципиальных различий между двумя этими процессуальными порядками; замена их друг на друга в лучшем случае приведет к слому классического института привлечения в качестве обвиняемого с почти 150-летней историей, а в худшем — к существенному ущемлению прав лиц, привлекаемых к уголовной ответственности.

Ключевые слова: подозреваемый, уведомление о подозрении, институт уведомления о подозрении, обвиняемый, привлечение в качестве обвиняемого, институт привлечения в качестве обвиняемого

Для цитирования: Шаров Д. В. Масштабирование института уведомления о подозрении на предварительное следствие: за и против // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 209–212. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-209-212>. EDN: JVTBKC.

Original article

Scaling up the institution of notification of suspicion of a preliminary investigation: pros and cons

Denis V. Sharov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, sharovden@gmail.com

Abstract. A proposal is being considered to eliminate the institution of involvement as an accused and to extend the institution of notification of suspicion to the preliminary investigation. It is concluded that there are no fundamental differences between these two procedural procedures, the replacement of which with each other will at best lead to the breakdown of the classical institution of bringing as an accused with almost 150 years of history, and at worst — to a significant infringement of the rights of persons brought to criminal responsibility.

Keywords: suspect, notification of suspicion, institution of notification of suspicion, accused, involvement as an accused, institution of involvement as an accused

For citation: Sharov D. V. Scaling up the institution of notification of suspicion of a preliminary investigation: pros and cons. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):209–212. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-209-212>. EDN: JVTBKC.

На конференции, посвященной 75-летию со дня рождения профессора Б. Я. Гаврилова, состоявшейся 3 ноября 2023 г. в Академии управления МВД России, некоторыми коллегами вновь был поднят вопрос о необходимости существования в уголовном судопроизводстве такого процессуального института, как привлечение в качестве обвиняемого и снова сделан вывод о целесообразности «исключения из действующего уголовно-процессуального законодательства процессуальных правил привлечения лица в качестве обвиняемого» [1, с. 15].

В очередной раз было высказано мнение, что в досудебном производстве обвиняемый — излишний участник уголовного судопроизводства, а лицо в

принципе может находиться в статусе подозреваемого на протяжении всего предварительного следствия.

При этом за некий образец берется производство дознания, где привлечение лица к уголовной ответственности происходит без «классического» предъявления обвинения, а лицо становится обвиняемым только после вынесения в отношении него обвинительного акта.

Как следствие, вновь прозвучало предложение распространить существующие в дознании правила на предварительное следствие.

Речь, прежде всего, идет об относительно новом для отечественного уголовного процесса институте уведомления о подозрении, введенным ФЗ от 6 июня

© Шаров Д. В., 2024

2007 г. № 90-ФЗ применительно к дознанию (ст. 223.1 УПК РФ). Именно данный порядок предполагается в качестве замены традиционному привлечению лица в качестве обвиняемого, якобы для обеспечения повышения эффективности предварительного следствия и сокращения необоснованных расходов государства [2, с. 54].

Однако, если мы приглядимся повнимательнее к этим двум процессуальным институтам, то мы вряд ли сможем найти между ними существенные различия [4, с. 53].

Здесь нет принципиальных отличий по структуре соответствующего процессуального решения (постановления о привлечении в качестве обвиняемого и письменного уведомления о подозрении) или по количеству и объему процессуальных гарантий для обвиняемого и подозреваемого, что, в общем-то, признают и сами авторы данной инициативы, указывая на «фактическое отсутствие в действующем УПК РФ различий в правовом положении подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) и обвиняемого (ст. 47 УПК РФ)...» [1, с. 15]. В целом схож и порядок предъявления обвинения и уведомления о подозрении.

Анализ соответствующих норм показывает, что основанием привлечения в качестве обвиняемого является «наличие достаточных доказательств» (ч. 1 ст. 171 УПК РФ), в то время как основание уведомления о подозрении представляет собой «наличие достаточных данных» (ч. 1 ст. 223.1 УПК РФ). Однако, как справедливо отмечает профессор Л. В. Головкин, «по возбужденному уголовному делу «данные» могут существовать исключительно в доказательственной форме, т. е. «данные» — это и есть доказательства» [3, с. 22].

Подобная же формулировка избрана законодателем при определении основания возбуждения уголовного дела, а именно «наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления» (ч. 2 ст. 140 УПК РФ), однако если в этом случае речь, действительно, во многом идет о наличии именно достаточных данных, а не доказательств (например, протоколы объяснений опрошенных лиц), то применительно к уведомлению о подозрении указанное терминологическое различие оказывается мнимым.

Единственное существенное отличие привлечения в качестве обвиняемого от уведомления о подозрении, на наш взгляд, можно увидеть в том, что лицо становится обвиняемым с момента вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого (п. 1 ч. 1 ст. 47 УПК РФ), в то время как подозреваемым

лицо становится с момента уведомления о подозрении (п. 4 ч. 1 ст. 46 УПК РФ), а по сути, с момента вручения ему копии письменного уведомления о подозрении в совершении преступления и разъяснения его прав, о чем составляется протокол с отметкой о вручении копии уведомления (ч. 1 ст. 223.1 УПК РФ).

Нет необходимости подробно останавливаться на разнице этих двух порядков. Она принципиальна.

Одно дело, когда следователь в тиши кабинета распечатал и подписал постановление о привлечении в качестве обвиняемого, тем самым, наделив лицо статусом обвиняемого, где бы оно в это время не находилось, и совсем другое дело, когда для получения статуса подозреваемого это лицо еще нужно найти и обеспечить его явку в правоохранительный орган.

Какая процедура сложнее? Ответ очевиден.

Самое интересное, что при возможном масштабировании института уведомления о подозрении на предварительное следствие в любом случае сохранится существующий порядок вынесения процессуального документа.

Если даже институт привлечения в качестве обвинения будет заменен на уведомление о подозрении, то совершенно очевидно, что законодатель при наделении лица статусом подозреваемого будет вынужден, оставить порядок именно вынесения уведомления о подозрении, а не его вручения. Иначе в каком статусе следователь будет объявлять в розыск лицо, не явившееся для уведомления о подозрении и скрывшееся от предварительного следствия.

Иными словами, в этом конкретном аспекте существующая процедура привлечения лица в качестве обвиняемого, в силу своей простоты и эффективности, гораздо в большей степени отвечает интересам государства, нежели чем предлагаемая ей на смену.

Кажущаяся процессуальная простота уведомления о подозрении достаточно эфемерна.

Так, например, уголовно-процессуальный закон не предусматривает института изменения и дополнения уведомления о подозрении, однако означает ли это, что в этом нет потребности на практике? Конечно же, нет.

Профессор Л. В. Головкин приводит пример, когда дознаватель сначала уведомляет лицо о подозрении в совершении одного преступления, а именно ч. 1 ст. 159 УК РФ, затем в ходе расследования приходит к выводу, что мошенничество совершенно подозреваемым вместе с неустановленным лицом, а, следовательно, имеется необходимость в его перекавалификации. За неимением аналогов данного ин-

ститута в ст. 223.1 УПК РФ дознаватель выносит «постановление о переквалификации» деяния на ч. 2 ст. 159 УК РФ, которое предъявляет подозреваемому. Иными словами, практика фактически восстановила применительно к дознанию институт изменения и дополнения обвинения, хотя и под новым, «изобретенным» ею наименованием [3, с. 23].

Приведенный выше пример является типичным, такое происходит сплошь и рядом. Даже когда в деле отсутствует подозреваемый, дознаватель при необходимости все равно выносит постановление о переквалификации деяния.

Это пример уже из нашей адвокатской практики, где сначала дело было возбуждено по п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ (умышленно причинение легкого вреда здоровью), а, впоследствии, после проведения судебно-медицинской экспертизы, установившей причинение потерпевшему вреда здоровью средней тяжести, было переквалифицировано на п. «г», «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ (умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью). И в деле появился не предусмотренный уголовно-процессуальным законом, но столь важный для практической деятельности документ под названием «Постановление о квалификации преступления», в котором дознаватель и переквалифицировал данное преступление, используя следующее выражение: «Учитывая все вышеизложенное и проанализировав материалы уголовного дела, дознание приходит к выводу, что в действиях неустановленных лиц отсутствуют признаки состава преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ, однако усматриваются признаки состава преступления предусмотренного п. «г», «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ» [6].

Таким образом, если закон отказывается регулировать объективно существующие общественные отношения, то со временем начинают появляться некие «суррогаты» такого регламентирования, призванные хоть как-то восполнить объективно имеющийся пробел.

Изложенное еще раз подтверждает сделанный выше вывод, об отсутствии принципиальных различий между привлечением лица в качестве обвиняемого и уведомлением подозреваемого о совершенном преступлении. Все это пока касалось только вопроса целесообразности замены института привлечения в качестве обвиняемого на институт уведомления о подозрении, который, даже в случае своего принятия, практически не повлечет за собой существенных отличий ни для лиц, привлекаемых к уголовной ответ-

ственности, ни в общем-то для правоохранительных органов.

Но ведь наряду с ликвидацией процессуальной фигуры обвиняемого, уведомлять лицо о подозрении на предварительном следствии предлагается только по уголовным делам, возбужденным по факту [2, с. 54].

А что делать, если уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица, которое на этом основании уже приобрело статус подозреваемого? Таких дел немало. Например, большинство дел о незаконном обороте наркотических средств возбуждаются именно в отношении конкретного лица. Как быть в этом случае?

В настоящее время ст. 223.1 УПК РФ не предполагает уведомление о подозрении лица, в отношении которого было возбуждено уголовное дело.

Получается, что данное лицо никакой информации о совершенном им преступлении, кроме той, которая содержится в постановлении о возбуждении уголовного дела, не получит до самого конца предварительного следствия, которое может длиться месяцы, а иногда годы.

Что делать в такой ситуации стороне защиты? От чего защищать доверителя?

Все же мы понимаем разницу между постановлением о возбуждении уголовного дела и постановлением о привлечении в качестве обвиняемого, где формулировка обвинения может достигать несколько десятков, а иногда сотен страниц.

Не будет ли в данном случае существенного ущемления законных интересов лица, привлекаемого к уголовной ответственности? С точки зрения стороны защиты ответ однозначен, конечно, будет.

Даже коллеги, которые в принципе готовы рассматривать вопрос замены обвиняемого на подозреваемого, отмечают, что в ходе предварительного следствия главное не то, в каком статусе находится лицо, а то, каким образом обеспечены его права.

Так, профессор А. В. Гриненко полагает, что процессуальная фигура обвиняемого станет излишней только в том случае, если в ходе предварительного следствия подозреваемому будет предъявляться развернутое подозрение, а при установлении новых обстоятельств оно будет подвергаться изменению... Если же подозреваемый останется в том виде, что и сейчас, то права лиц, в отношении которых осуществляется уголовное судопроизводство, будут существенно образом нарушены [5, с. 54].

Подводя итог изложенному, можно сделать следующий вывод.

При предлагаемой коллегами ликвидации института привлечения лица в качестве обвиняемого, влекущей за собой масштабирование института уведомления о подозрении на предварительное следствие, мы в лучшем случае разрушим классический институт с почти 150-летней историей; при этом практически ничего не получив взамен, поскольку в сущностном плане эти два порядка мало чем отличаются друг от друга, различаясь между собой лишь терминологически.

В худшем же случае, если уведомление о подозрении на предварительном следствии будет производиться только по уголовным делам, возбужденным по факту, как это происходит сегодня в дознании, и не затронет дел, возбужденных в отношении конкретного лица, мы получим существенное ущемление прав лиц, привлекаемых к уголовной ответственности.

Нужны ли такие реформы, в которых в принципе отсутствует институциональное содержание, вопрос, конечно, риторический.

Список источников

1. Гаврилов Б. Я. Роль современного уголовного и уголовно-процессуального законодательства в обеспечении конституционных прав и свобод человека и гражданина // Уголовный процесс и криминалистика : правовые основы, теория, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения профессора Б. Я. Гаврилова) : сб. науч. ст. по мат. междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. Ч. 1. М., 2023.
2. Гаврилов Б. Я. Предъявление обвинения в досудебном производстве : есть ли основания к его реорганизации // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4.
3. Головкин Л. В. Институт уведомления о подозрении : мнимые и подлинные смыслы // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2023. № 7.
4. Григорьева Н. В., Прохорова Е. А., Угольников Н. В. Подозреваемый в уголовном судопроизводстве Российской Федерации : фактическое подозрение

или формальные основания? // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3.

5. Гриненко А. В. Современный уголовно-процессуальный закон : достижения и недостатки // Уголовный процесс и криминалистика : правовые основы, теория, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения профессора Б. Я. Гаврилова) : сб. науч. ст. по мат. междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. Ч. 1. М., 2023.

6. Уникальный идентификатор дела 50RS0021-01-2023-002670-23.

References

1. Gavrilov B. Ya. The role of modern criminal and criminal procedure legislation in ensuring the constitutional rights and freedoms of man and citizen // Criminal procedure and criminalistics : legal foundations, theory, practice, didactics (to the 75th anniversary of the birth of Professor B. Ya. Gavrilov) : collection of scientific articles on mat. international. scientific and practical conference. In 2 p. Part 1. M., 2023.
2. Gavrilov B. Ya. Bringing charges in pre-trial proceedings : are there grounds for its reorganization // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 4.
3. Golovko L. V. Institute of notification of suspicion : imaginary and genuine meanings // The laws of Russia. Experience. Analysis. Practice. 2023. № 7.
4. Grigorieva N. V., Prokhorova E. A., Ugolnikov N. V. Suspect in criminal proceedings of the Russian Federation : actual suspicion or formal grounds? // Bulletin of Economic Security. 2022. № 3.
5. Grinenko A. V. Modern criminal procedure law : achievements and shortcomings // Criminal procedure and criminalistics : legal foundations, theory, practice, didactics (to the 75th anniversary of the birth of Professor B. Ya. Gavrilov) : collection of scientific articles on the mat. international scientific and practical conference. In 2 p. Part 1. M., 2023.
6. Unique case identifier 50RS0021-01-2023-002670-23.

Информация об авторе

Д. В. Шаров — доцент кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

D. V. Sharov — Associate Professor of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 25.12.2023; одобрена после рецензирования 30.01.2024; принята к публикации 01.03.2024.
The article was submitted 25.12.2023; approved after reviewing 30.01.2024; accepted for publication 01.03.2024.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-213-216>

EDN: <https://elibrary.ru/rbetob>

НИОН: 2003-0059-2/24-025
MOSURED: 77/27-003-2024-02-224

Правосознание и информация: теоретико-правовой подход

Марина Викторовна Шульга

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, shulhamv@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы правосознания, которое на современном этапе развития имеет достаточно высокое влияние на организацию общественной жизни страны. Делается вывод о том, что основы современной государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан играют важную роль в формировании высокой правовой культуры и правосознания граждан профессионалами (должностными лицами государственной власти и сотрудниками правоохранительных органов, юридическим обществам и общественным объединениям юристов), деятельность которых должна быть модернизирована.

Ключевые слова: правосознание, информация, трансформация правосознания, правовое воспитание, правовая грамотность, профессиональное правосознание, информационная среда

Для цитирования: Шульга М. В. Правосознание и информация: теоретико-правовой подход // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 213–216. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-213-216>. EDN: RBETOB.

Original article

Legal awareness and information: a theoretical and legal approach

Marina V. Shulga

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, shulhamv@yandex.ru

Abstract. Legal awareness at the present stage of development has a fairly high impact on the organization of public life in the country. It is concluded that the foundations of the modern state policy of the Russian Federation in the field of the development of legal literacy and legal awareness of citizens assign an important role in the formation of a high legal culture and legal awareness of citizens by professionals (government officials and law enforcement officers, legal societies and public associations of lawyers), whose activities should be modernized.

Keywords: legal consciousness, information, transformation of legal consciousness, legal education, legal literacy, professional legal consciousness, information environment

For citation: Shulga M. V. Legal awareness and information: a theoretical and legal approach. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):213–216. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-213-216>. EDN: RBETOB.

Основы современной государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан отводят важную роль в формировании высокой правовой культуры и правосознания граждан профессионалами (должностными лицами государственной власти и сотрудниками правоохранительных органов, юридическим обществам и общественным объединениям юристов), деятельность которых должна быть модернизирована. Трансформация правосознания — это альтернативное по своей сути и природе (но не ошибочное и не негативное) социально-правовое явление. Это означает, что трансформация правосознания представляет собой свойство мозга, духовный продукт жизни человека как члена общества.

Но, по сравнению с другими видами правосознания, она иначе отражает правовую реальность, не являясь при этом (в отличие от деформации, которая является негативной, социально опасной) ошибочной.

Одной из важных сфер, воспринявших достижения новых информационно-коммуникационных технологий, стали экономические отношения, непосредственно влияющие на трансформационные процессы правового сознания. В экономике и праве новые технологии получают незамедлительное освоение, предоставляя конкурентные преимущества. Правосознание граждан также меняется с учетом внедрения в нашу жизнь технологий искусственного интеллекта и Интернета. Профессиональное правосознание (как система правовых взглядов, навыков, умений) является основным пределом, ограничивающим усмотрение и объединяющим, скрепляющим его объективное и субъективное начала.

Важно понимать, что трансформация правосознания в информационной среде как антропогенной части пространства, в котором взаимодействуют и самоорганизуются субъекты и объекты информационных процессов, представляет собой такое со-

© Шульга М. В., 2024

стояние правосознания, которое характеризуется наличием у его носителей (как субъектов информационной среды) определенных правовых взглядов, идей и представлений, на формирование которых влияют информационные процессы, внутри которых субъекты находятся. Из этого вытекает, что главным фактором влияния на процессы трансформации у субъекта информационной среды являются составляющие ее информационные процессы, при условии, что субъект обладает правовым сознанием и может их (информационные процессы) воспринимать.

Трансформация правосознания в условиях информационной среды отличается от деформации правосознания, главным образом, тем, что при деформации весьма часто встречаются ситуации (случаи) полного отсутствия правового сознания, вызванные правовой безграмотностью субъекта информационной среды, на которого, соответственно, данная среда имеет слабое воздействие, ввиду неготовности (интеллектуальной, психологической, культурной и пр.) субъекта воспринимать информационные процессы. Как отмечалось ранее, профессиональное правосознание (система правовых взглядов, навыков, умений) является основным пределом, ограничивающим усмотрение и объединяющим, скрепляющим его объективное и субъективное начала. Рассмотрим эти проблемы подробнее.

В данном контексте нельзя не согласиться с О. Е. Яцишиной, усматривающей социальную природу убеждения в профессиональной установке правоприменителя на достижение целей и задач правосудия [7]. В контексте профессиональных пределов можно рассматривать и такие формально-процессуальные ограничения, как рамки возбужденного уголовного дела, пределы доказывания, границы предъявленного обвинения и неотмененные процессуальные решения, принятые ранее по судебному делу.

Сегодня в развитие нашей страны требуется внесение изменений в правовую систему, укрепление законности и поддержания правопорядка, усовершенствование правового образования и улучшение нравственного климата.

Борьба с нигилизмом лежит на всех сотрудниках правоохранительных органов и юридических служб, которые используя свой потенциал, определенный их ролью в реализации права, правоприменении, обеспечении законности и правопорядка, наличием в их распоряжении материалов юридической практики. Сотрудники правоохранительных органов обязаны разъяснять гражданам социальную ценность и преимущества законопослушного поведения [3].

В настоящее время вопросы формирования уровня (и видов) правосознания в информационной среде занимают одно из важных и центральных мест в науке и на практике. Отметим, что системные исследования правового воспитания и правового сознания общества появляются лишь в 60–70-е гг. XX в. Они посвящены методологии изучения понятия, выяснению его сущности, структуры и функций. Общими теоретическими вопросами правовой культуры и правового сознания занимались отечественные исследователи, такие как И. Ф. Рябко, Е. А. Лукашева и др. Не умаляя значимости накопленного теоретического опыта, признавая вклад российских ученых (например, А. Б. Каягина, А. А. Смольякова, Ю. А. Тихомирова и др.) в исследование вопросов правового воспитания граждан, анализ зарубежных и отечественных литературных и научных источников позволяет прийти к выводу о том, что в научной современной разработке аспекты исследуемой проблемы недостаточно отражены [2; 4; 5]. Это выявляет необходимость целостного и полного теоретико-правового исследования.

В юридической науке существуют разные типы правосознания. Например, выделяют государственное, гражданское и правосудное правосознание. Рассмотрим их подробнее.

Как отмечает И. А. Щеглов, нередко в научной литературе высказываются мнения об отсутствии в РФ национально-государственной идеологии и увеличивающемся процессе деидеологизации российских граждан [6, с. 13]. Подобной позиции, по мнению автора, можно возразить. Идеология есть, если есть государство, так как идеология является одним из важнейших признаков государственности. Другой вопрос, — какая идеология существует, и какая должна быть в государстве. Согласимся с мнением, что в современном российском обществе «пока отсутствует национально-государственная идеология, восприятие которой стимулировало бы сохранение и развитие государственно-патриотического сознания» [1, с. 19].

Следует отметить, что в последнее время государственно-патриотическое правосознание в российском обществе начинает постепенно преобладать над обыденным (бытовым) правосознанием, особенно — с учетом изменения геополитических и мировых экономических процессов, необходимости усиливать национальную безопасность на внешнем и внутреннем контурах.

Основную функцию обеспечения законности и правопорядка осуществляют органы внутренних дел Российской Федерации (далее — ОВД), которые должны выступать и выступают как субъекты право-

вого воспитания граждан. Это связано с тем, что сотрудники ОВД (полиции) являются основными субъектами в области пресечения правонарушений и регулирования вопросов по поддержанию правопорядка. При этом современные основы и механизмы правового воспитания граждан органами внутренних дел должны проходить в рамках законных требований Президента страны. Тем самым:

а) должны реализовываться правовые механизмы и необходимость правового воспитания как всего общества, так и отдельных граждан;

б) должны быть учтены особенности правового воспитания граждан органами внутренних дел в зарубежных странах (положительный опыт — взят за образец);

в) как средство предупреждения правонарушений должно выступать правовое воспитание граждан.

Вместе с тем, с учетом рассматриваемой темы и ряда перечисленных факторов, руководители территориальных органов МВД России всех уровней должны повышать эффективность механизмов совершенствования правового воспитания и просвещения граждан отдельными подразделениями и службами ОВД (полиции). Сюда можно включить:

а) организационные формы и способы правового воспитания граждан в системе МВД России;

б) правовую пропаганду и информирование граждан;

в) способы совершенствования правового воспитания граждан отдельными подразделениями полиции и др.

В этой связи отдельно следует остановиться на вопросе правового регулирования правового воспитания и образования граждан, который является в настоящее время актуальным и проблематичным, требующим своевременного, научного и комплексного решения. И с научной точки зрения, в нашем случае, присутствуют также специфические особенности. В связи с чем целесообразно кратко остановиться на данных аспектах.

1. *Методология и методы исследования.* В деятельности по обеспечению законности и правопорядка важное место занимает правовое образование, просвещение, повышение правовой грамотности и правосознания граждан. Также следует обращать внимание на диссертационные исследования по данной проблематике, необходимо учитывать использование современных методологических инструментариев, объединяющих общенаучные, частно-научные и специальные методы исследования, такие как: диалектиче-

ский, исторический, логический, структурно-системный, функциональный и др.

2. *Объект исследования.* Им в данном случае выступают государственные, административно-правовые отношения, возникающие и реализуемые в сфере обеспечения законности, правопорядка и правового воспитания граждан сотрудниками ОВД (прежде всего, полицией).

3. *Предмет исследования.* Предметом исследования должны выступать общественные отношения, возникающие в процессе разработки и реализации мер по повышению уровня правовой культуры и правосознания населения, отдельных социальных групп в области правового воспитания (сознания, правопослушность), в сфере обеспечения законности и правопорядка.

4. *Цели и задачи исследования.* Исходя из актуальности рассматриваемой проблемы, цель состоит в теоретическом и эмпирическом анализе системы правового воспитания граждан, повышении уровня правосознания граждан, обеспечении законности и правопорядка в информационной среде, а также поиск наиболее приемлемых путей совершенствования правосознания, уменьшения в обществе количества граждан с деформированным правовым сознанием.

5. *Нормативная база.* Основой фундаментальных и различных исследования должны служить: Конституция РФ, административное, гражданское и иное законодательство, а также международные нормы, статистика, и практические ситуации (проблемы).

6. *Научная новизна исследования (суждений).* Она должна состоять в том, что на уровне тех или иных исследований правовое регулирование правового воспитания граждан, повышение уровня их правового сознания, в том числе, ОВД (полицией) выступает как средство предупреждения правонарушений. Существуют отдельные научные публикации, в которых данная тема рассматривалась фрагментарно. При этом рассматриваемая нами тема почти не упоминается в ведомственных актах МВД России и его территориальных органов (в том числе, в правительственной Концепции о патриотическом воспитании молодежи). Или же изучались проблемы правового воспитания и предупреждения конфликта, правового воспитания в России и способы его преодоления, но проблемы повышения уровня правосознания в информационной среде посредством обеспечения законности и правопорядка, проблемы регулирования правового воспитания граждан как превентивное средство предупреждения правонарушений не затрагивались отечественными исследователями.

На основании вышеизложенного сделаем следующие выводы.

Во-первых, обеспечение законности и правопорядка выступают важнейшими факторами повышения уровня правосознания в современной информационной среде в Российской Федерации. При этом правовой порядок следует рассматривать как особую форму проявления общественного порядка, характеризующую подчиненность общественных отношений действующим юридическим предписаниям. Поскольку основой для обеспечения законности и правопорядка в информационной среде является государство, целью государственного правового регулирования является стабильность общественных отношений, которые невозможны без высокой правовой культуры и правового сознания граждан.

Во-вторых, трансформация правосознания в условиях информационной среды отличается от деформации правосознания, главным образом, тем, что при деформации весьма часто встречаются ситуации (случаи) полного отсутствия правового сознания, вызванные правовой безграмотностью субъекта информационной среды, на которого, соответственно, данная среда имеет слабое воздействие ввиду неготовности (интеллектуальной, психологической, культурной и пр.) субъекта воспринимать информационные процессы.

Список источников

1. Борисов А. В. Средства массовой коммуникации как источник политической социализации личности военнослужащих : автореф. дисс. ... канд. философ. наук. М., 1999.
2. Каягин А. Б. Государственно-правовая идеология и правовое воспитание : взаимосвязь и взаимообусловленность // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2022. № 4. С. 99–104.
3. Киберпреступность : криминологический, уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и криминалистический анализ / И. Г. Смирнова, К. Н. Евдокимов, О. А. Егерева [и др.]. М., 2016.

Информация об авторе

М. В. Шульга — старший преподаватель Департамента международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the author

M. V. Shulga — Senior Lecturer of the Department of International and Public Law of the Law Faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 10.01.2024; одобрена после рецензирования 29.02.2024; принята к публикации 29.03.2024.
The article was submitted 10.01.2024; approved after reviewing 29.02.2024; accepted for publication 29.03.2024.

4. Смольяков А. А., Гаврилова О. В. Актуальные вопросы правового воспитания на современном этапе развития российского общества // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2021. № 2 (51). С. 15–19.

5. Тихомиров Ю. А. Правовое сознание в условиях социальной динамики // Государство и право. 2020. № 3. С. 37–47.

6. Щеглов И. А. Государственно-патриотическое сознание российских граждан как проблема политической социализации // Гуманитарный вестник. 2013. № 5 (7).

7. Яцишина О. Е. О процессуальной самостоятельности лиц, ведущих досудебное производство по делу // Соотношение досудебного и судебного производства : вопросы права, процесса и криминалистики : мат. межвуз. науч.-практ. конф. Омск, 2006. С. 125–128.

References

1. Borisov A. V. Mass media as a source of political socialization of the personality of military personnel : abstract. diss. ... Candidate of Philosophical Sciences. M., 1999.
2. Kayagin A. B. State-legal ideology and legal education : interrelation and interdependence // Bulletin of the South Ural State University. 2022. № 4. P. 99–104.
3. Cybercrime: criminological, criminal law, criminal procedure and criminalistic analysis / I. G. Smirnova, K. N. Evdokimov, O. A. Egereva [et al.]. M., 2016.
4. Smolyakov A. A., Gavrilova O. V. Topical issues of legal education at the present stage of development of Russian society // Psychological and pedagogical problems of human and society security. 2021. № 2 (51). P. 15–19.
5. Tikhomirov Yu. A. Legal consciousness in the context of social dynamics // State and law. 2020. № 3. P. 37–47.
6. Shcheglov I. A. State-patriotic consciousness of Russian citizens as a problem of political socialization // Humanitarian Bulletin. 2013. № 5 (7).
7. Yatsishina O. E. On the procedural independence of persons conducting pre-trial proceedings in the case // The ratio of pre-trial and judicial proceedings : issues of law, process and criminology : mat. inter-university. scientific and practical conf. Omsk, 2006. P. 125–128.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-217-221>

EDN: <https://elibrary.ru/shzfiu>

НИОН: 2003-0059-2/24-026
MOSURED: 77/27-003-2024-02-225

Образование аудиторов в условиях новых вызовов

Кнарник Карапетовна Арабян

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия, akn@bk.ru

Аннотация. Представлены проблемы аудиторской деятельности, приведшие к острой нехватке аудиторов. Приток новых специалистов в профессию на протяжении последних лет остается критически низким. При этом сама профессия стремительно «стареет». Требуется комплексное и системное переосмысление подготовки и аттестации нового поколения аудиторов в условиях новых вызовов.

Ключевые слова: аудит, образование, аттестат аудитора, повышение квалификации, новое поколение аудиторов, знания и навыки

Для цитирования: Арабян К. К. Образование аудиторов в условиях новых вызовов // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 217–221. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-217-221>. EDN: SHZFIU.

Original article

Education of auditors in the face of new challenges

Knarik K. Arabyan

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation,
Moscow, Russia, akn@bk.ru

Abstract. The problems of auditing activities that led to an acute shortage of auditors are presented. The influx of new specialists into the profession has remained critically low in recent years. At the same time, the profession itself is rapidly «aging». A comprehensive and systematic rethinking of the training and certification of a new generation of auditors in the face of new challenges is required.

Keywords: audit, education, auditor certificate, advanced training, new generation of auditors, knowledge and skills

For citation: Arabyan K. K. Education of auditors in the face of new challenges. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):217–221. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-217-221>. EDN: SHZFIU.

Мир стремительно меняется. Изменения затрагивают все сферы жизни и особенно систему образования. Новую систему образования характеризуют следующие особенности: избыток информации разного качества, лекция трансформируется в диалог между всеми участниками образовательного процесса и в большей степени направлена на способ ориентирования студента в потоке информации, наличие у студента практического опыта, студент часто критически воспринимает информацию (преподаватель эксперт, но его мнение не всегда может быть единственно верным), неявные знания в обучении становятся источником конкурентного преимущества, смещение граней между формами занятий (лекции, семинары и др.), изменение ролей участников образовательного процесса, поиск новых технологий преподавания и контроля.

Эти особенности приводят к изменению ожиданий участников образовательного процесса. Очевидно, что в эпоху непрерывного образования и в условиях новых вызовов, ключевой задачей для образовательного учреждения является предоставление сту-

денту возможности выстроить систему личных знаний, научить использовать полученные знания, а также генерировать новые знания. И в этом важнейшую роль играют информационные технологии.

Важно, чтобы студент в начале своего обучения понимал основы выбранной профессии, чтобы у него постепенно формировались практические навыки, приближенные к реальной жизни. В этом процессе важную роль выполняют преподаватели — наставники и потенциальные работодатели, в связи с чем, подготовка преподавателей нового поколения является стратегически важной задачей для государства.

Если ожидания студента в процессе обучения не оправдываются, то он, как правило, начинает свой профессиональный путь не по специальности. По данным Росстата только 37 % россиян работают по специальности¹. Целесообразным представляется выявление основных причин, которые привели к таким последствиям. Не оправдываются ожидания и потенци-

¹ Российская газета // URL: <https://rg.ru/2018/06/04/tolko-37-procentov-vypusknikov-rabotaiut-po-specialnosti.html>.

ального работодателя. Причем, если обобщить опросы работодателей, среди причин, по которым они часто недовольны уровнем подготовки молодых специалистов, можно отметить как недостаточную практическую, так и теоретическую подготовку. В сложившейся ситуации некорректно перекладывать всю ответственность на образовательные учреждения, поскольку это проблема комплексная и решаться она должна системно с участием государства в части оценки востребованности тех или иных специальностей на рынке труда, мониторинга изменений в экономике и формирования соответствующей государственной политики.

Социально-экономические изменения привели к необходимости изменения системы подготовки специалистов в разных отраслях и сферах деятельности. Одна из ключевых проблем подготовки специалистов в области аудиторской деятельности заключается в отсутствии системного подхода к образованию аудиторов.

В законодательстве определены только общие требования к претендентам на получение квалификационного аттестата аудитора, а в отсутствие стандарта «Образование аудитора» на практике в большей мере обсуждаются вопросы, связанные с аттестацией аудиторов и дальнейшей системой повышения их квалификации. Новая модель квалификационного экзамена для аудиторов меняет подход к структуре экзамена, необоснованно усложнив процесс получения аттестата в условиях сокращающегося рынка аудиторских услуг, при этом вопрос качества подготовки аудиторов нового поколения, отвечающим потребностям общества, остается открытым.

В некоторой степени эта проблема решена с принятием профессионального стандарта «Аудитор», однако действующий механизм аттестации аудиторов вызывает массу нареканий со стороны профессионального сообщества и не обеспечивает притока новых специалистов в отрасль. Реформа аудиторской деятельности, направленная на повышение качества и престижа профессии, не может быть реализована в отсутствие сформированной концепции в области образования аудиторов.

До перехода на единый квалификационный аттестат в России существовало четыре типа квалификационных аттестатов и всего несколько человек обладали всеми типами квалификационных аттестатов, что вполне объяснимо, так как не было потребности в большом количестве аудиторов в специальных отраслях. Аудитор сдавал экзамен только на ту область знаний, которая ему реально была необходима в практической деятельности.

По мнению С. И. Поляковой, в результате внедрения новой системы сдачи экзамена сложилась двойственная ситуация: де-юре установлен единый аттестат аудитора, который дает право осуществлять аудиторскую деятельность во всех отраслях, но де-факто аудитор специализируется, как правило, в одной отрасли. Необходимость в единовременной сдаче экзамена не соответствует сложившейся деловой практике. Внутри аудиторской организации существует специализация аудиторов даже в рамках одной сферы деятельности, и эта практика доказала свою состоятельность.

Нами предлагается пересмотреть как систему подготовки и аттестации, так и повышения квалификации аудиторов. Действующая система подготовки аудиторов представляется очень разрозненной.

Во-первых, отсутствует взаимосвязь между требованиями профессионального стандарта «Аудитор», учебными планами вузов, которые осуществляют подготовку аудиторов и бизнес-сообществом.

Во-вторых, отсутствует связь между системой подготовки аудиторов, аттестацией и повышением квалификации. Система профессиональной переподготовки аудиторов и повышения квалификации в специальных отраслях является недостаточно проработанной.

В-третьих, представляется недостаточно эффективным взаимодействие между единой аттестационной комиссией, саморегулируемыми организациями аудиторов, высшими учебными заведениями, которые осуществляют подготовку будущих аудиторов, и пользователями результатов аудита.

Важно разработать и внедрить ценностно-компетентностный подход непрерывного образования аудиторов. Мы считаем, что система подготовки аудиторов должна быть основана на следующих ценностях: честность; профессионализм; объективность; должная тщательность; профессиональный скептицизм; конфиденциальность; профессиональное поведение; командная работа; ответственность; непрерывное обучение; взаимовыручка; любовь профессии.

Саморегулируемая организация аудиторов (далее — СРОА) уделяет основное внимание контролю качества повышения квалификации аудиторов, в то время как требования к подготовке аудиторов должным образом не определены. Мы считаем важным и необходимым участие СРОА в образовательном процессе на всех этапах обучения аудиторов. Подготовка нового поколения аудиторов является стратегически важной задачей. Образование аудиторов начинается с обучения студентов по специальности «Бухгалтерский учет, анализ и аудит».

Среди особенностей современной системы образования можно выделить развитие двух противоположных процессов: интеграции и индивидуализации. Процессы интеграции и глобализации очевидны, охватывают все мировое образовательное сообщество, включают в себя копирование, тиражирование ресурсов и знаний, что может привести к синергетическому эффекту в краткосрочной перспективе, а далее единственным конкурентным преимуществом будет являться качество, достижение которого возможно только при условии индивидуализации процесса обучения.

Полагаем, что именно те образовательные учреждения, которые в процессе интеграции мирового образования создадут уникальные образовательные программы, ориентированные на потребности экономического развития с учетом интересов всех участников образовательного процесса и общества, будут востребованы в долгосрочной перспективе.

В эпоху непрерывного образования ключевой задачей для образовательного учреждения является предоставление возможности студенту выстроить систему личных знаний, научить использовать полученные знания, а также генерировать новые знания. И в этом важнейшую роль играют информационные технологии. В такой ситуации необходимо перестраиваться именно образовательным учреждениям от системы «передача и ретрансляция информации» к системе «создание и генерирование знаний». Мы предлагаем сформировать новые требования к профессиональным компетенциям преподавательского состава, обучающего специалистов в области аудита. Преподаватель должен быть профессионалом в преподаваемой области, любить свое дело, иметь практический опыт работы в области бухгалтерского учета, финансов, аудиторской деятельности, хорошую деловую репутацию, быть ориентированным на индивидуальное обучение и формирование целей и результатов для студентов, использовать широкий спектр форм и методов преподавания: кейсы, деловые игры, тренинги, мастер-классы, бизнес-игры, лекции, семинары. На наш взгляд, целесообразно ввести элемент наставничества для формирования необходимых навыков и компетенций у будущих аудиторов. Важно привить студенту понимание и значимость выбранной профессии с начала обучения, чтобы у него постепенно формировались практические навыки и любовь к профессии. Если ожидания студента не оправдываются, то он, как правило, испытывает разочарование и меняет сферу профессиональной деятельности. Надо

вести работу по профориентации школьников, чтобы выбор профессии у будущих аудиторов был осознанным. На наш взгляд, требование наличия специального профессионального образования является одним из важнейших условий формирования нового поколения аудиторов. Учитывая тот факт, что аттестат является единым, а требования к аудиторам в специальных областях, таких как банковский аудит, аудит инвестиционных институтов и страховых компаний, имеет свою собственную существенную специфику, система подготовки аудиторов должна быть практико-ориентированной.

Мы обобщили общие профессиональные компетенции специалистов в области аудиторской деятельности:

- ◆ способность понимания бизнес-процессов организации, структуры управления;
- ◆ способность организации и планирования аудиторской проверки;
- ◆ способность управлять и руководить проектом;
- ◆ умение работать с сотрудниками аудируемого лица, применять основные приемы консультирования;
- ◆ способность развить в процессе прохождения программы навыки работы с информацией, аналитических исследований и подготовки документов, принятия решений по результатам аудиторской проверки;
- ◆ владение бизнес-коммуникациями;
- ◆ управление мотивацией и управлением конфликтами;
- ◆ навыки командообразования и работы в команде;
- ◆ владение методологическим обеспечением аудиторских проверок.

К специальным профессиональным компетенциям, которыми должен обладать специалист в области аудиторской деятельности, относятся:

- ◆ владение бухгалтерским учетом как в соответствии с российскими стандартами бухгалтерского учета, так и международными;
- ◆ владение знаниями в области управленческого учета;
- ◆ владение знаниями в области налогов и налогообложения;
- ◆ владение знаниями в области права;
- ◆ умение работать с арбитражной практикой;
- ◆ умение оценивать специфику бизнес-процессов аудируемого лица;
- ◆ умение оценивать эффективность системы внутреннего контроля аудируемого, проводить оценку рисков;

- ♦ умение проводить анализ финансово-хозяйственной деятельности;

- ♦ знание международных стандартов аудита;

- ♦ умение пользоваться программными продуктами по автоматизации учета и ERP системами и современными технологиями, основанными на применении искусственного интеллекта;

- ♦ владение методом принятия управленческих решений при проведении аудиторской проверки.

Мир динамично меняется, что влечет за собой изменения в названиях программ обучения, профилей подготовки. Очевидно, что потребность в качественной информации в условиях роста информационных технологий будет возрастать.

Мы считаем, что необходимо оставить три типа квалификационных аттестатов аудитора:

- 1) аттестат в области общего аудита, который дает право проводить аудиторские проверки в отношении коммерческих (кроме организаций банковской сферы) и некоммерческих организаций, работающих на основе коммерческого плана счетов;

- 2) аттестат в области аудита некоммерческих организаций, ведущих учет на основе бюджетного плана счетов;

- 3) аттестат в области банковского аудита.

Такая классификация аттестатов основана на том, что бухгалтерский учет в России ведется в соответствии с тремя видами плана счетов: коммерческий, банковский и бюджетный.

Области знаний, подлежащие проверке при сдаче экзамена на получение квалификационного аттестата аудитора:

- ♦ бухгалтерский учет, финансовая и прочая отчетность по российским стандартам бухгалтерского учета (с учетом специфики аттестата);

- ♦ международные стандарты учета и аудита;

- ♦ правовые основы экономической деятельности;

- ♦ налоги и налоговое планирование;

- ♦ риск-менеджмент и СВК;

- ♦ этика;

- ♦ основы психологии и логики;

- ♦ теория управления и анализ бизнеса (с учетом специфики аттестата);

- ♦ государственный контроль;

- ♦ теория аудиторской деятельности;

- ♦ аудит: практический кейс (с учетом специфики аттестата).

Требования к претендентам на получение каждого типа аттестата следует прописать в Федеральном Законе «Об аудиторской деятельности» от

30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ. Нами сформулированы правила получения квалификационного аттестата аудитора.

1. Если претендент участвовал в качестве помощника аудитора, стажера, специалиста в аудиторских проверках не менее одного года, практический кейс подлежит перезачету.

2. Претендент, не сдавший отдельные области знаний на экзамене, сохраняет возможность досдачи этих областей знаний в течение одного года.

3. Если претендент имеет один тип квалификационного аттестата, то для получения другого типа аттестата должен будет дополнительно сдать экзамен на определенные области знаний.

Важным в системе непрерывного обучения аудиторов является формирование актуальных программ повышения квалификации аудиторов, отвечающих потребностям бизнеса и экономики.

Нами выделены следующие задачи в части разработки, актуализации и согласования программ повышения квалификации аудиторов.

1. Структурирование программ повышения квалификации с учетом вызовов современной экономики.

2. Составление перечня единых по содержанию, структуре и продолжительности обучения программ повышения квалификации, который является основным источником информации для СРОА и аккредитованных образовательных учреждений при организации обучения аудиторов по программам повышения квалификации.

3. Ежегодное определение приоритетов обучения по программам повышения квалификации аудиторов.

4. Актуализация и разработка новых программ повышения квалификации по актуальным направлениям, в том числе:

- ♦ программы по обзору новых законодательных и иных нормативных правовых актов;

- ♦ программы по актуальным вопросам бухгалтерского учета бухгалтерской (финансовой) отчетности, права, налогообложению, управлению, кризис-менеджменту, финансовому анализу, аудиту, имеющие практическую направленность;

- ♦ специальные программы, содержащие дополнительные знания, в том числе по смежным областям.

Образование аудиторов является одной из ключевых проблем, влияющих на дальнейшее развитие аудиторской деятельности. В настоящее время приток молодых и новых специалистов в отрасль остается критически низким. Это влечет угрозу для аудита как стратегически значимого вида деятельности и инстру-

мента финансовой безопасности государства. Необходимо разработать дорожную карту подготовки аудиторов в условиях новых вызовов. Мы считаем, что подготовка аудиторов должна осуществляться системно, непрерывно, с участием всех заинтересованных институтов и лиц, базироваться на ценностно-компетентностном подходе. Это позволит подготовить аудиторов нового поколения, отвечающих всем требованиям социально-экономического развития государства и общества.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» // СПС КонсультантПлюс.
2. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
3. Приказ Минтруда России от 19 октября 2015 г. № 728н «Об утверждении профессионального стандарта «Аудитор» (зарегистрировано в Минюсте России 23 ноября 2015 г. № 39802).
4. Арабян К. К. Новая образовательная парадигма // Высшее образование сегодня. 2013. № 12. С. 46–51.
5. Арабян К. К. Организация и проведение аудиторской проверки. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2010.
6. Суглобов А. Е., Пименов Д. М. Совершенствование профессиональных требований к аудиту на международном уровне // Международный бухгалтерский учет. 2013. № 10. С. 27–38.
7. Шеремет А. Д., Полякова С. И. Концепция новой программы экзаменов на квалификационный аттестат аудитора // Аудитор. 2014. № 5.
8. Эриашвили Н. Д. Современные требования к квалификации кандидата на должность нотариуса // Закон и право. 2019. № 7. С. 132–136.

9. Clinchamps N. Le controle financier et la LOLF du 1-er aout 2001: vers un desengagement progressif // Revue Francaise de Finances Publiques. № 82, Juin 2003.

10. Christensen Clayton M. The Innovator's Dilemma: When New Technologies Cause Great Firms to Fail. New York City : HarperBusiness, 2011.

Bibliographic list

1. Federal Law № 307-FZ of December 30, 2008 «On Auditing activities» // LRS ConsultantPlus.
2. Federal Law № 273-FZ of December 29, 2012 «On Education in the Russian Federation» // LRS ConsultantPlus.
3. Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated October 19, 2015 № 728n «On approval of the professional standard «Auditor» (registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on 23.11.2015 № 39802).
4. Arabyan K. K. A new educational paradigm // Higher education today. 2013. № 12. P. 46–51.
5. Arabyan K. K. Organization and conduct of an audit. M. : UNITY-DANA, 2010.
6. Suglobov A. E., Pimenov D. M. Improvement of professional audit requirements at the international level // International accounting. 2013. № 10. P. 27–38.
7. Sheremet A. D., Polyakova S. I. The concept of a new exam program for the auditor's qualification certificate // Auditor. 2014. № 5.
8. Eriashvili N. D. Modern requirements for the qualification of a candidate for the position of notary // Law and law. 2019. № 7. P. 132–136.
9. Clinchamps N. Le controle financier et la LOLF du 1-er aout 2001: vers un desengagement progressif // Revue Francaise de Finances Publiques. № 82, Juin 2003.
10. Christensen Clayton M. The Innovator's Dilemma: When New Technologies Cause Great Firms to Fail. New York City : HarperBusiness, 2011.

Информация об авторе

К. К. Арабян — профессор кафедры государственного управления и публичной политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, аудитор.

Information about the author

K. K. Arabyan — Professor of the Department of Public Administration and Public Policy of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Doctor of Economic Sciences, Auditor.

Статья поступила в редакцию 18.01.2024; одобрена после рецензирования 22.02.2024; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted 18.01.2024; approved after reviewing 22.02.2024; accepted for publication 29.03.2024.

Научная статья

УДК 336.1

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-222-226>

EDN: <https://elibrary.ru/snztaw>

ИПОН: 2003-0059-2/24-027

MOSURED: 77/27-003-2024-02-226

Теоретические аспекты государственного развития туристической сферы в современных условиях

Ольга Борисовна Буздалина

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, obb7@rambler.ru

Аннотация. Рассматривается необходимость дальнейшего проведения реформ государственного финансового регулирования с целью совершенствования мер поддержки регионов, разработки необходимых мероприятий, направленных на развитие приоритетных сфер деятельности, выявление наиболее стратегически важных направлений и дальнейшего социально-экономического развития государства. Рассмотрены некоторые теоретические аспекты государственного регулирования развития туризма, что является достаточно актуальным в настоящее время. Исследуются существующие проблемы в эффективном управлении государственными финансами, которые способны обеспечить заинтересованность субъектов Российской Федерации в развитии собственных регионов, высокое качество и уровень жизни населения. Проведен анализ применяемых методов и инструментов, которые используются в последние годы в России и зарубежных странах. Предложено уточнить понятия «качественное управление» и определить портфель инструментов, применяемых в разные периоды экономического цикла. Описание портфеля антикризисных инструментов является направлением дальнейшего исследования.

Ключевые слова: стратегия развития туризма, внутренний и въездной туризм, формирование и продвижение туристского продукта, внутренний и международный туристский рынок, государственное регулирование

Благодарности: статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Для цитирования: Буздалина О. Б. Теоретические аспекты государственного развития туристической сферы в современных условиях // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 222–226. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-222-226>. EDN: SNZTAW.

Original article

Theoretical aspects of state development tourism sector in modern conditions

Olga B. Buzdalina

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, obb7@rambler.ru

Abstract. The necessity of further reforms of state financial regulation to improve measures to support regions, to develop necessary measures aimed at the development of priority areas of activity, to identify the most strategically important directions and further socio-economic development of the state is considered. Some theoretical aspects of state regulation of tourism development are considered, which is quite relevant at present. The existing problems in the effective management of public finances that can ensure the interest of the subjects of the Russian Federation in the development of their own regions, high quality and standard of living of the population are studied. The methods and tools used in recent years in Russia and foreign countries are analyzed. It is proposed to clarify the concept of «quality management» and to define a portfolio of instruments used in different periods of the economic cycle. The description of the portfolio of anti-crisis instruments is the direction of further research.

Keywords: tourism development strategy, domestic and inbound tourism, formation and promotion of tourism product, domestic and international tourism market, state regulation

Acknowledgements: the article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

For citation: Buzdalina O. B. Theoretical aspects of state development tourism sector in modern conditions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):222–226. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-222-226>. EDN: SNZTAW.

Подход к туризму в последние годы изменился и различных сфер. К ним можно отнести обслужива- это не случайно, так как туриндустрия имеет уни- ние и торговлю, транспорт и связь, строительство, кальную структуру и сопряжена с развитием других сельское хозяйство, производство товаров, ориенти-

© Буздалина О. Б., 2024

рованных на массовое потребление. Первоначальные инвестиции в туризм привлекают еще большие инвестиции во вспомогательные и поддерживающие отрасли экономики, такие как гостиницы, рестораны, торговые центры, порты, аэропорты. Таким образом, государственные инвестиции в инфраструктуру оправдают себя и в ближайшее время, и в среднесрочной перспективе.

Следует создавать экономически выгодные условия для привлечения коммерческих инвестиций, например, через государственно-частное партнерство, что позволит перераспределить финансовую нагрузку.

Можно назвать туризм одним из достаточно эффективных инструментов поддержки и стимулирования развития местной, региональной и национальной экономик. Приток туристов приводит к экономическому росту. Кроме того, туризм играет значительную роль в формировании внутреннего валового продукта, создавая дополнительные рабочие места, обеспечивая занятость, а также активизируя внешнеторговый баланс.

Так, по данным Федерального агентства по туризму, вклад туризма в ВВП России составляет более 3 % и в ближайшем будущем может вырасти до 5 % (т. е. составить более 5 трлн руб.). Президентом России поставлена задача о достижении этого показателя. Этому будет способствовать увеличение потоков внутреннего туризма. Одним из проектов круглогодичных курортов является «Пять морей и озеро Байкал». В рамках реализации национального проекта будет создана инфраструктура для туризма во всех национальных парках до 2030 г.

За счет развития новых форм экономической интеграции между государством, туристическим бизнесом и населением страны можно добиться высокой конкурентоспособности на мировом туристическом рынке. Поэтому формирование и создание благоприятных условий для эффективного функционирования туристской сферы является одним из приоритетных направлений государственной политики в ближайшие годы. Сейчас важнейшим инструментом развития туризма являются информационно-коммуникационные технологии. Это может увеличить продажи туристических услуг и доходы бюджетной системы России.

Государственная политика в сфере туризма определяет основные направления и создает условия для

развития туристической индустрии и других отраслей экономики, ориентированных на туристический рынок. Сущность государственного регулирования в сфере туризма раскрывается его целями, инструментами, механизмами внедрения и реализации.

Это позволяет государству получать экономические выгоды от развития туризма в виде налоговых отчислений в бюджет, создания дополнительных рабочих мест, увеличения численности населения, сохранения культурных достопримечательностей и т. д.

Основными задачами для достижения успешного развития туристической сферы являются:

- ♦ использование передового опыта в сфере обслуживания как отечественных, так и зарубежных туристов;
- ♦ развитие конкурентоспособного туристского комплекса в стране;
- ♦ поддержание пропорционального развития отраслей экономики, связанных с туризмом;
- ♦ создание условий для развития элементов туристической инфраструктуры и т. д.

Для достижения задач реализуются мероприятия, которые включают в себя:

- ♦ формирование правовой базы развития туристической отрасли;
- ♦ создание благоприятных условий для развития бизнеса в сфере туризма;
- ♦ содействие инвестиционной деятельности в сфере туристического бизнеса (особенно внутреннего туризма);
- ♦ совершенствование механизмов лицензирования и сертификации туристических услуг;
- ♦ повышение уровня качества и магистральной инфраструктуры, развитие транспортной доступности;
- ♦ увеличение уровня загрузки и снижение влияния фактора сезонности в использовании туристской инфраструктуры;
- ♦ другие мероприятия, изложенные в принятой и реализуемой Стратегии развития в Российской Федерации на период до 2035 г. [2].

В настоящее время существуют разные подходы и методы государственного регулирования, в том числе прямые/административные и косвенные/неадминистративные.

Прямые методы с использованием определенных нормативных правовых актов органов власти и местного самоуправления регулируют разнообразные во-

просы, связанные с привлечением, распределением и перераспределением инвестиций. Инвестиции призваны решить серьезные вопросы, направленные на формирование инфраструктуры в рассматриваемой сфере, на подготовку кадров в туризме, строительство объектов недвижимости, рекламно-информационное обеспечение с целью продвижения национального туристского продукта и оказания услуги.

Иерархию законодательного регулирования можно представить через следующие уровни НПА:

- ♦ 1 уровень — международный;
- ♦ «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.);
- ♦ «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах» (Принят 16 декабря

1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) и др.;

♦ 2 уровень — федеральные нормативные правовые акты;

♦ 3 уровень — муниципальные нормативные правовые акты.

Базовым законом является Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», в ст. 1 которого определены основные понятия, в том числе описан субъект и объект туризма.

Кроме того, анализируя понятия можно выделить следующую классификацию видов туризма (табл. 1).

Таблица 1

Виды туризма в России

№ п/п	Вид туризма	Характеристика
1	Выездной	Туризм лиц, постоянно проживающих в Российской Федерации, в другую страну
2	Внутренний	Туризм в пределах территории Российской Федерации лиц, постоянно проживающих в Российской Федерации
3	Въездной	Туризм в пределах территории Российской Федерации лиц, не проживающих постоянно в Российской Федерации
4	Международный	Туризм выездной или въездной
5	Социальный	Субсидируемый туризм, т. е. полностью или частично осуществляемый за счет бюджетных средств, средств государственных внебюджетных фондов, а также средств работодателей
6	Самостоятельный	Туризм, организуемый туристами самостоятельно

Эта классификация представлена в Федеральном законе; в учебных материалах также выделяют следующие виды, в зависимости от:

- ♦ возрастной категории туризма;
- ♦ уровня интенсивности (постоянный/сезонный туризм);
- ♦ географического положения;
- ♦ средств передвижения;
- ♦ отраслевой принадлежности (спортивный, образовательный, культурно-познавательный, научный, религиозный) и другие виды туризма.

Косвенные методы включают налоговые и неналоговые, в том числе предоставление льгот с целью стимулирования притока инвестиций, требования по норме прибыли и доступность кредитных ресурсов.

Все используемые методы, направленные на повышение эффективности функционирования туризма в России в целом и отдельных субъектах федерации являются методами государственного законодательного и финансового регулирования. Речь идет именно об эффективном управлении с целью предоставления качественного конкурентоспособного туризма.

Под эффективным финансовым менеджментом понимается планирование потребности в ресурсах и финансовом обеспечении, контроль за использованием выделяемых средств. Этот процесс способствует социально-экономическому развитию государства и сближению нашего много национального народа.

В основном законе дана характеристика туристической деятельности и описаны условия прове-

дения туроператорской деятельности. А именно: «В целях защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц осуществление туроператорской деятельности на территории Российской Федерации допускается юридическим лицом при наличии у него договора или договоров страхования гражданской ответственности за неисполнение обязательств по договору о реализации туристского продукта и (или) банковской гарантии или банковских гарантий исполнения обязательств по договору о реализации туристского продукта...» [1].

Обязательными документами, позволяющими проводить туристическую деятельность, являются следующие:

- 1) договор страхования ответственности туроператора;
- 2) банковская гарантия исполнения обязательств туроператора.

И в этой же статье указаны исключения по финансовому обеспечению, что является не совсем уместным в силу участвовавших случаев возникновения каких-либо чрезвычайных ситуаций, влекущих невыполнение или выполнение не в полной мере туристических услуг; т. е. следует уточнить в законе наличие финансового обеспечения у всех туроператоров без исключения.

Финансовое обеспечение должно обеспечивать качественное (точнее надлежащее) исполнение туроператором обязательств по договору о реализации турпродукта (услуги), заключаемое с туристом и имеющим целью заказа получение турпродукта или туристической услуги.

Опыт зарубежных стран является интересным и даже порой полезным для применения той или иной положительной практики. Ниже рассмотрим развитие туризма в Казахстане.

Государственное регулирование туризма — цели правительства в концептуальном отражении роли и места туризма в жизни человека и общества. Основывается на общественном согласии и является приоритетными направлениями развития туризма, регулирования въездного и выездного туризма, разработки местных и государственных программ, правовых, финансовых, кадровая и информационная безопасность [3].

Органом управления и координации является «Комитет индустрии туризма» и национальная компания (акционерное общество «Казах Туризм» яв-

ляется бренд-менеджером страны в сфере туризма и дочерней компанией Министерство культуры и спорта). Применяют разнообразные инструменты, но основным является использование правовых рычагов с целью поддержки туристической инфраструктуры. Созданная семь лет назад национальная компания достаточно успешно продвигает свою страну как пункт путешествия, достигнув показатель 7 % в ВВП при плане в 8 % (в 2025 г.). Это относительно невысокий, но тем не менее достаточный показатель, учитывая среднегодовой прирост и амбиционные настроения в развитии рассматриваемой сферы деятельности экономики.

В целом компании уделяют должное внимание маркетингу и позиционированию своей страны не только на международном уровне, но и внутри страны, активно развивая внутренний туризм согласно «Национальной стратегии развития туризма до 2025 года». Ниже представлены основные методы государственного регулирования развития туризма [3]:

- ♦ обеспечение нормативно-правовой основы для развития предприятий туристической отрасли;
- ♦ разработка и утверждение государственных, региональных программ развития и национальных стратегий;
- ♦ мониторинг и продвижение улучшения качества туристических услуг;
- ♦ разработка и внедрение инструментов для обеспечения безопасности туристов, т. е. создание условий для развития страхования учреждений и повышения их ответственности перед туристами в возникновении непредвиденных обстоятельств; создание условий на медицинское сопровождение туристов с момента прибытия до отправления;
- ♦ обучение профессиональных специалистов для туристического сектора;
- ♦ поддержка инноваций в туризме посредством экономического и финансового инструмента; развитие венчурного бизнеса и предпринимательства в производстве конечной продукции, направленное на удовлетворение потребностей туристов;
- ♦ активное позиционирование на международном уровне через информационно-коммуникационные технологии;
- ♦ льготное налогообложение участвующих туристических компаний в продвижении туристического имиджа;

♦ контроль за соблюдением принципов экологической политики и сохранение в стране культурного и исторического наследия и др.

Сравнивая методы развития туризма в России и других государствах, следует отметить, что намеченные в отечественной стратегии мероприятия действительно относятся к передовым и, несомненно, приведут к высоким показателям в рассматриваемой сфере.

Список источников

1. Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2019 г. № 2129-р «Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Mukanov A. Kh. The main directions of state regulation of the development of tourism in Kazakhstan // Regional economics: theory and practice. 2012. № 27 (258).

References

1. Federal Law No. 132-FZ of November 24, 1996 (as amended on December 25, 2023) «On the basics of

tourist activity in the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

2. Decree of the Government of the Russian Federation dated September 20, 2019 No. 2129-r «Strategy for the development of tourism in the Russian Federation for the period up to 2035» // LRS «ConsultantPlus».

3. Mukanov A. Sh. The main directions of state regulation of tourism development in Kazakhstan // Regional economics: theory and practice. 2012. № 27 (258).

Библиографический список

1. Буздалина О. Б. Совершенствование отдельных подходов государственного управления бюджетными средствами // Аудиторские ведомости. 2023. № 4. С. 59–63.
2. Панкратов В. В., Бондаренко Н. О. Финансирование масштабных инфраструктурных проектов посредством участия государства в капитале обществ // Финансовая жизнь. 2021. № 4. С. 100–102.

Bibliographic list

1. Buzdalina O. B. Improvement of individual approaches to public administration of budgetary funds // Audit statements. 2023. No. 4. P. 59–63.
2. Pankratov V. V., Bondarenko N. O. Financing of large-scale infrastructure projects through state participation in the capital of societies // Financial Life. 2021. No. 4. P. 100–102.

Информация об авторе

О. Б. Буздалина — профессор кафедры общественных финансов Финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

O. B. Buzdalina — Professor of the Department of Public Finance of the Finance Faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 18.01.2024; одобрена после рецензирования 22.02.2024; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted 18.01.2024; approved after reviewing 22.02.2024; accepted for publication 29.03.2024.

Научная статья

УДК 338.054.23

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-227-232>

EDN: <https://elibrary.ru/svrpnd>

ИПОН: 2003-0059-2/24-028

MOSURED: 77/27-003-2024-02-227

Технологии искусственного интеллекта в сфере экономической безопасности

Ангелина Федоровна Дятлова¹, Марина Владимировна Свирина²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ angelina09_63@mail.ru

² svirimarina@yandex.ru

Аннотация. Проводится анализ развития технологий искусственного интеллекта с точки зрения повышения уровня экономической безопасности страны. Рассматриваются возможные варианты использования систем ИИ в экономике с целью повышения ее эффективности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, информационные технологии, экономическая безопасность, экономические преступления, коррупция, правоохранительные органы

Для цитирования: Дятлова А. Ф., Свирина М. В. Технологии искусственного интеллекта в сфере экономической безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 227–232. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-227-232>. EDN: SVRPND.

Original article

Artificial intelligence technologies in the field of economic security

Angelina F. Dyatlova¹, Marina V. Svirina²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ angelina09_63@mail.ru

² svirimarina@yandex.ru

Abstract. The analysis of the development of artificial intelligence technologies from the point of view of increasing the level of economic security of the country is carried out. Possible options for using AI systems in the economy are considered in order to increase its efficiency.

Keywords: artificial intelligence, information technology, economic security, economic crimes, corruption, law enforcement agencies

For citation: Dyatlova A. F., Svirina M. V. Artificial intelligence technologies in the field of economic security. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):227–232. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-227-232>. EDN: SVRPND.

Актуальность исследуемой темы обусловлена современным этапом развития экономической системы любой страны, базирующимся на стремительном развитии информационных технологий. Верхней ступенью на лестнице эволюции информационных технологий является искусственный интеллект (ИИ). На современном этапе экономического развития происходит стремительное развитие технологий, в том числе и информационных. Со временем технологии претерпели значительные изменения, и если когда-то технология подразумевала под собой простой навык, облегчающий труд человека, то в настоящее время технология — это сложный комплекс знаний ноу-хау.

И если раньше, в XX в., интервалы между появлениями новых технологий составляли около десяти лет, то сейчас новые технологии появляются каждый год, а порой счет идет уже на месяцы.

По оценкам аналитической компании GrandView Research, мировой рынок ИИ в настоящее время оценивается в 136,6 млрд долл. и к 2030 г. вырастет до 1,81 трлн долл. [1]. Об этом свидетельствует стремительный взлет компании Nvidia, пополнившая в этом году «клуб триллионеров», в котором состоят Apple (капитализация более 2,7 трлн долл.), Microsoft (более 2,4 трлн долл.), Alphabet (около 1,6 трлн долл.), Amazon (около 1,2 трлн долл.). В конце мая в пред-

© Дятлова А. Ф., Свирина М. В., 2024

ставленной отчетности и целевом прогнозе был отражен 25-кратный рост выручки этой компании. И как следствие, капитализация компании сразу подскочила на 184 млрд долл. Это второй за всю историю фондового рынка такой скачок, который стал возможен только благодаря тому, что все модели GPT-3 были обучены на процессорах Nvidia. Чат-бот ChatGPT набрал популярность после запуска в конце ноября 2022 г., собрав первый миллион пользователей менее чем за неделю [2]. Несмотря на то, что доступ к ChatGPT был открыт только в ноябре 2022 г., многие компании практически сразу гласно или негласно приступили к его внедрению в свои бизнес-процессы. В феврале 2023 г. в сетевом ресурсе ResumeBuilder.com устроили опрос 1000 руководителей предприятий в США и выяснили, что 49 % организаций уже применяют этот чат-бот в работе, а еще 30 % планируют использовать его в ближайшее время.

В России в 2019 г. была разработана и утверждена национальная стратегия развития ИИ [3]. Цель стратегии состоит в том, чтобы обеспечить страну лидирующей позицией в сфере ИИ и применения его технологий в различных отраслях экономики и общественной жизни. В рамках стратегии определены следующие направления и цели.

1. Развитие научно-технического потенциала. Создание и развитие исследовательских центров, лабораторий и научных школ по искусственному интеллекту. Поддержка исследований и разработок в области машинного обучения, нейронных сетей, обработки естественного языка и других аспектов ИИ.

2. Промышленная интеграция ИИ. Развитие и применение технологий ИИ в различных отраслях экономики, включая промышленность, здравоохранение, транспорт, энергетику и другие. Поощрение инноваций и создание технологических платформ для развития и внедрения ИИ.

3. Создание правовой базы. Разработка законодательства и нормативных актов, регулирующих вопросы использования и защиты ИИ. Установление этических принципов и стандартов использования искусственного интеллекта.

4. Развитие человеческого капитала. Обучение и переподготовка специалистов в области ИИ. Поддержка образовательных программ и выпускников, способных работать с новыми технологиями ИИ.

5. Международное сотрудничество. Привлечение международных инвестиций, партнерство и со-

трудничество с зарубежными компаниями и организациями в области искусственного интеллекта.

ИИ в современном информационном обществе становится обычным инструментом для улучшения жизнедеятельности обычных граждан. С помощью высоких технологий выстраиваются безопасные маршруты движения общественного транспорта, разрабатывается их расписание движения на основе анализа большого количества данных, регулируется движение автомобильных потоков («умные» светофоры), которые быстро подстраиваются под изменения транспортной обстановки, что является особенно актуальным в мегаполисах. С помощью электронного «зрения» ИИ непрерывно обрабатываются и анализируются массивы данных с камер видео- и фотофиксации с целью выявления и пресечения административных правонарушений [3, с. 33]. Это позволяет устранить субъективный фактор человека при предотвращении нарушений в сфере безопасности дорожного движения.

Стоит отметить, что технологии ИИ повсеместно внедряются во все сферы повседневной жизни населения, в том числе и в сферу безопасности. Так, например, технологии искусственного интеллекта используются в сфере цифровой безопасности корпорациями («Яндекс, Mail.ru, Ростелеком») и государственными компаниями (например, Сбер) для защиты персональных данных пользователей, что находит свое отражение и в банковской сфере. Например, благодаря биометрической аутентификации, ускорению обнаружения угроз и оперативному реагированию на атаки с помощью защитного программного обеспечения системы ИИ, встроенного в приложения, обеспечивается сохранность личных данных и предотвращаются утечки данных [4, с. 151]. Встроенный ИИ позволяет обрабатывать большее количество информации, оптимизировать обслуживание клиентов банков, управлять рисками при принятии решений о предоставлении кредитных услуг потребителям, сократить ряд издержек [5]. Также ИИ применяется в сфере биометрических данных для идентификации клиентов по различным признакам (голос, почерк, отпечатки пальцев и т. д.) и может оказывать консультативную помощь клиентам в управлении активами, обнаруживать не привычную для обычной жизни клиентов динамику в схемах транзакций, которые могут указывать на мошенничество. В последнее время наиболее распространен-

ными стали мошеннические действия, связанные с хищением биометрических данных. Мошенники звонят по видеосвязи и просят внимательно смотреть на экран, считывая биометрические данные, при этом видеосвязь со стороны звонившего отсутствует.

С развитием технологий способы совершения преступлений значительно развиваются, усложняются и трансформируются, особенно это актуально на примере масштабных кибератак, в том числе на официальные сайты российских органов государственной власти. Злоумышленникам в век современных технологий становится проще совершать преступные деяния, что требует от органов, осуществляющих правоохранительную деятельность, особой бдительности. При этом технологии ИИ позволяют предотвратить кибератаки на банковские системы путем обнаружения любого вида рисков и угроз и быстрого им противодействия [6, с. 31]. А также алгоритмы ИИ применяются в сфере биометрических данных для идентификации клиентов по различным признакам (голос, почерк, отпечатки пальцев и т. д.).

Технологии искусственного интеллекта повсеместно используются и в сфере экономической безопасности. Экономическая безопасность страны характеризует такое состояние экономической системы, при котором она динамично развивается, и эффективно решаются социальные задачи, направленные на повышение уровня жизни и благосостояния граждан.

Помимо обнаружения мошенничества и автоматизации типовых задач, ИИ может лучше человека прогнозировать и оценивать кредитные риски и не только. Вопросы выявления и минимизации рисков и угроз, а также распознавания новых угроз становятся все более актуальными в свете быстрого развития технологий. Организация деятельности по выявлению и минимизации рисков и угроз экономической безопасности подразумевает мониторинг и анализ показателей экономической безопасности регионов с целью выявления рисков и угроз экономической безопасности и их минимизации. Среди анализируемых показателей выделяются: уровень и качество жизни населения региона, уровень безработицы, уровень прожиточного минимума, темп экономического роста (в процентах к предыдущему году), валовой региональный продукт, уровень инвестиционной привлекательности, обеспеченность населения товарами первой необходимости, обеспе-

ченность населения жильем, уровень преступности и др. С помощью алгоритмов ИИ анализ представленных показателей становится актуальным, своевременным и достоверным.

Системы ИИ имеют огромный потенциал для выявления рисков, связанных с экономической безопасностью страны. Используя алгоритмы машинного обучения и анализ данных, системы ИИ могут анализировать большие объемы информации в процессе мониторинга и анализа показателей экономической безопасности регионов и обнаруживать связи, которые не всегда очевидны для человека.

В настоящее время значимыми угрозами экономической безопасности России являются: коррупция, увеличение имущественной дифференциации населения, снижение доходов населения и повышение уровня бедности, деформированность российской экономики, возрастание неравномерности социально-экономического развития регионов.

Помимо выявления рисков, системы ИИ могут быть использованы для разработки стратегий по минимизации выявленных угроз экономической безопасности страны. Например, с помощью алгоритмов машинного обучения ИИ может предлагать меры для снижения рисков, основываясь на анализе исторических данных и сценариев развития. Системы ИИ также могут помочь в разработке прогнозных моделей и стратегий, которые позволят стране предотвратить возможные угрозы и принять предупредительные меры.

О важности массового внедрения ИИ в ближайшие десять лет во все отрасли экономики, социальную сферу и систему государственного управления, говорил президент РФ Владимир Путин на главной дискуссии международной конференции Artificial Intelligence Journey (AIJ), которая прошла в Москве в конце 2022 г. Он отметил, что при внедрении ИИ показатели отдельных отраслей экономики могут вырасти на 20–30 % за десятилетие.

Серьезную проблему экономической безопасности России представляет коррупция, которая мешает развитию экономики страны, а также подрывает веру в справедливость и доверие общества к государственным чиновникам, а также экономические преступления. Развитие технологий ИИ дает новые возможности противодействовать им. «В нашем все более автоматизированном будущем сочетание искусственного интеллекта с наукой откроет больше

возможностей и придаст гибкость действиям против мошенников в борьбе с экономическими преступлениями как на стадии их предотвращения, так и на стадиях их выявления и расследования и, следовательно, повышения уровня экономической безопасности» [7, с. 55].

С помощью анализа ИИ больших массивов данных из разных источников по определенным критериям можно проводить исследования с целью выявления следов преступлений экономической и коррупционной направленности. Для этого требуются алгоритмы выявления следов совершения экономических преступлений и коррупции, которые также может составить ИИ путем выявления закономерностей среди большого количества информации, относящейся к уже выявленным преступлениям экономической и коррупционной направленности, а также может выявлять такие закономерности, которые скрыты для человеческого глаза в силу ограниченности физических возможностей человеческого организма.

Мошеннические схемы в сфере экономической деятельности с целью получения необоснованного дохода совершаются лицами (группой лиц), обладающими определенными качествами (признаками). Проведение с помощью алгоритмов ИИ «биометрии» организаторов преступных сделок, будет способствовать выявлению и предотвращению правонарушений (преступлений) в сфере экономики, что, в свою очередь, благоприятно скажется на уровне экономической безопасности. Однако, необходимо отметить, что ИИ является лишь инструментом для правоохранительных органов, и не может их пока заменить.

Посредством применения технологий ИИ и блокчейна будет повышаться прозрачность и открытость в системе государственного управления, что позволит исключить возможность использования коррупционных схем и повысить доверие граждан к чиновникам. ИИ может быть также использован для прогнозирования возможных случаев коррупции и их предотвращения. Путем анализа данных и использования алгоритмов машинного обучения ИИ может создавать модели прогнозирования, которые способны определить вероятность осуществления коррупционных схем в определенных ситуациях. Это поможет правительству и правоохранительным органам принимать меры заранее и предотвращать возможные случаи коррупции. Такие свойства ИИ, как распозна-

ние схем правонарушений и преступлений в экономической сфере необходимо использовать правоохранительным органам в целях профилактики правонарушений (преступлений) экономического и коррупционного характера и при выявлении следов преступлений экономической направленности, что будет способствовать повышению уровня экономической безопасности.

Правоохранительные органы, используя интеллектуальные технологии, в том числе и решения с использованием ИИ с целью предотвращения правонарушений (преступлений) в сфере экономики, запускают краудсорсинговые приложения для обнаружения правонарушений (преступлений) экономической направленности, что будет способствовать повышению уровня экономической безопасности.

Использование искусственного интеллекта для выявления и расследования преступлений в экономической сфере представляет собой эффективный подход, позволяющий автоматизировать процесс анализа и обработки больших объемов данных. Способы использования ИИ в целях противодействия экономической преступности (рис. 1).

К недостаткам использования алгоритмов ИИ по принятым решениям в выявлении и предотвращении правонарушений (преступлений) экономической направленности можно отнести тот факт, что программы ИИ самостоятельно принимают решения и делают выводы и в случае принятия неправомерного решения из-за сбоя в программе, вопрос остается открытым — кто будет нести ответственность: разработчики программы или правоохранительные органы?

Следовательно, на сегодняшний момент остро встает вопрос о «человеческом» контроле за деятельность программ ИИ. В целях предотвращения отрицательных результатов в использовании программ ИИ, следует регулярно осуществлять контроль посредством соответствующего тестирования.

Со стороны хозяйствующих субъектов ИИ может быть использован для разработки новых продуктов и услуг, повышения их качества, оптимизации производственного процесса и повышения его эффективности. Например, многие компании уже используют машинное обучение и нейронные сети для создания автономных систем, роботов и умных гаджетов, что способствует появлению и развитию новых отраслей экономики. Таким образом, компании, которые ис-

Рис. 1. Способы использования искусственного интеллекта для противодействия экономической преступности

пользуют в своей деятельности ИИ, значительно повышают свои конкурентные преимущества, способствуя развитию экономики страны и повышению уровня жизни населения. А, следовательно, при этом значительно повышается уровень экономической безопасности как самих компаний, так и страны.

В заключение отметим, что сфера использования технологий ИИ обширна и постоянно развивается, фундаментально меняя реальность нашей жизни во всех ее проявлениях. Бурное развитие технологий ИИ ассоциируется как с колоссальными успехами в направлении развития экономики страны, так и с ростом безработицы, так как люди будут терять свои рабочие места из-за роботов и из-за «совершенствования» правонарушений (преступлений) в сфере экономики. Однако, необходимо акцентировать внимание на том, что внедрение технологий ИИ в нашу жизнь

будет создавать новые и улучшать существующие рабочие места, повышать производительность труда, и как следствие, заработную плату, стимулировать экономический рост и повышать уровень жизни и благосостояния всего населения. А, следовательно, способствовать повышению уровня экономической безопасности как на уровне хозяйствующего субъекта, так и всей страны.

Сегодня ИИ стал незаменим в нашей жизни. Всего десять лет назад едва ли какая-либо машина могла надежно распознавать язык или изображения. В настоящий момент машины научились превосходить людей во многих задачах. Например, системы ИИ способны выявить мошеннические схемы списания денег с вашей карты до того, как вы поймете, что потеряли свою карту. ИИ распознает закономерности и оценивает их с точки зрения вашей повседнев-

ной жизни: какой пост в Instagram вы предпочитаете, какая цена на Amazon может вызвать у вас желание что-то купить и т. д. В последние месяцы особенно бурно развивается «генеративный искусственный интеллект» — системы, создающие новые возможности. Мы становимся свидетелями значительных достижений в области развития технологий ИИ, которые впечатляют даже скептиков.

Список источников

1. Дарья Арджентова. Расставить нейросети // URL://<https://plus.rbc.ru/news/638ce67f7a8aa9e27b22f26e>.
2. Вадим Логинов. Инвестиции в искусственный интеллект : бум или скам // URL://<https://www.forbes.ru/mneniya/491804-investicii-v-iskusstvennyj-intellekt-bum-ili-skam>.
3. Калюжный Ю. Н. Технологии искусственного интеллекта в сфере обеспечения безопасности дорожного движения : проблемы и перспективы // Юридические исследования. 2022. № 3. С. 33–41.
4. Афанасьева Д. В. Применение искусственного интеллекта в обеспечении безопасности данных // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. 2020. № 2. С. 151–154.
5. Косоруков А. А. Технологии искусственного интеллекта в современном государственном управлении // Социодинамика. 2019. № 5. С. 43–58.

6. Зорин Г. Е. Искусственный интеллект и его применение в банковской сфере // Вестник Российского университета кооперации. 2020. № 1 (39). С. 31–36.

7. Свирина М. В. Роль искусственного интеллекта в системе обеспечения экономической безопасности страны // Современная наука. 2021. № 6. С. 55–56.

References

1. Daria Argentova. Arrange neural networks // URL://<https://plus.rbc.ru/news/638ce67f7a8aa9e27b22f26e>.
2. Vadim Loginov. Investing in artificial intelligence : boom or scam // URL://<https://www.forbes.ru/mneniya/491804-investicii-v-iskusstvennyj-intellekt-bum-ili-skam>.
3. Kalyuzhny Yu. N. Artificial intelligence technologies in the field of road safety : problems and prospects // Legal research. 2022. № 3. P. 33–41.
4. Afanasyeva D. V. The use of artificial intelligence in ensuring data security // Izvestiya Tula State University. Technical sciences. 2020. № 2. P. 151–154.
5. Kosorukov A. A. Artificial intelligence technologies in modern public administration // Sociodynamics. 2019. № 5. P. 43–58.
6. Zorin G. E. Artificial intelligence and its application in the banking sector // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2020. № 1 (39). P. 31–36.
7. Svirina M. V. The role of artificial intelligence in the system of ensuring the economic security of the country // Modern science. 2021. № 6. P. 55–56.

Информация об авторах

А. Ф. Дятлова — профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор;

М. В. Свирина — доцент кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук.

Information about the authors

A. F. Dyatlova — Professor of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor;

M. V. Svirina — Associate Professor of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.02.2024; одобрена после рецензирования 19.03.2024; принята к публикации 05.04.2024.

The article was submitted 01.02.2024; approved after reviewing 19.03.2024; accepted for publication 05.04.2024.

Научная статья

УДК 369.01:33

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-233-238>

EDN: <https://elibrary.ru/ojhzzd>

ИПОН: 2003-0059-2/24-029

MOSURED: 77/27-003-2024-02-228

Развитие системы вознаграждения негосударственных пенсионных фондов

Татьяна Станиславовна Есаулкова^{1,2}

¹ Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия, tatiana.esaulkova@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-9595-1794

² ООО «Специализированная депозитарная компания «Гарант», Москва, Россия

Аннотация. Рассматриваются основные изменения в системе вознаграждения негосударственных пенсионных фондов (НПФ) в сфере негосударственного пенсионного обеспечения (НПО) и обязательного пенсионного страхования (ОПС), произошедшие с начала 2024 г. Сделан акцент на положительное влияние новой системы вознаграждения как на клиентов фондов, так и на сами НПФ. Используя сравнительный анализ, делаются выводы о различиях прежней системы вознаграждения НПФ и текущей. В заключении описаны перспективы дальнейшего развития системы вознаграждения НПФ в пенсионной отрасли.

Ключевые слова: система вознаграждения негосударственных пенсионных фондов, негосударственное пенсионное обеспечение, обязательное пенсионное страхование, управляющая компания, программа долгосрочных сбережений

Для цитирования: Есаулкова Т. С. Развитие системы вознаграждения негосударственных пенсионных фондов // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 233–238. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-233-238>. EDN: OJHZZD.

Original article

Development of the remuneration system of non-state pension funds

Tatiana S. Esaulkova^{1,2}

¹ Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, tatiana.esaulkova@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-9595-1794

² LLC «Specialized Depository Company «Garant», Moscow, Russia

Abstract. The main changes in the remuneration system of non-state pension funds (NPFs) in the field of non-state pension provision (NGOs) and compulsory pension insurance (OPS) that have occurred since the beginning of 2024 are considered. Emphasis is placed on the positive impact of the new remuneration system on both fund clients and NPFs themselves. Using comparative analysis, conclusions are drawn about the differences between the previous NPF remuneration system and the current one. In conclusion, the prospects for further development of the NPF remuneration system in the pension industry are described.

Keywords: non-state pension funds remuneration system, non-state pension provision, compulsory pension insurance, management company, long-term savings program

For citation: Esaulkova T. S. Development of the remuneration system of non-state pension funds. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):233–238. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-233-238>. EDN: OJHZZD.

С 2024 г., одновременно с запуском нового сберегательного инструмента для граждан Российской Федерации — Программы долгосрочных сбережений (ПДС), негосударственные пенсионные фонды (НПФ) также получили и изменения в отношении своего вознаграждения в сфере негосударственного пенсионного обеспечения (НПО). Эти изменения относятся ко всем новым договорам, заключаемым фондами с вкладчиками, начиная с 1 января 2024 г. По договорам, заключенным до окончания 2023 г., действует прежняя система определения вознаграждения фондов в НПО. В данной статье предложен

обзор основных нововведений. Важно отметить, что вознаграждение НПФ, принявших решение участвовать в ПДС и уже вступивших в эту систему, будет определяться аналогично системе НПО. Поскольку у граждан, имеющих пенсионные накопления в системе обязательного пенсионного страхования (ОПС), имеется возможность перевести накопления из системы ОПС в систему ПДС, в данной публикации произведен сравнительный анализ системы вознаграждения фондов в системе ПДС с действующей системой определения вознаграждения НПФ в системе ОПС.

© Есаулкова Т. С., 2024

**Прежняя система вознаграждения НПФ,
Управляющей компании (УК),
Специализированного депозитария (СД)
и оплаты расходов, связанных
с инвестированием средств в ОПС**

Система вознаграждения НПФ в сфере ОПС, действующая с 2018 г., выглядела следующим образом. Вознаграждение фонда включает в себя постоянную и переменную части вознаграждения¹.

Оплата переменной части вознаграждения фонда (success fee) производится за счет дохода от инвестирования средств пенсионных накоплений и не должна превышать 15 % указанного дохода. Расчет дохода от инвестирования средств пенсионных накоплений для целей расчета переменной части вознаграждения фонд должен осуществлять за отчетный год. Отчетным годом фонда является календарный год с 1 января по 31 декабря включительно. Это вознаграждение выплачивается не чаще одного раза в год.

Оплата постоянной части вознаграждения фонда (management fee) производится в течение года за счет средств пенсионных накоплений и, соответственно, уменьшает размер пенсионных накоплений. При этом отражение такой оплаты и изменение пенсионных накоплений на пенсионных счетах накопительной пенсии застрахованных лиц происходят в рамках расчета результатов инвестирования средств пенсионных накоплений и их отражения на пенсионных счетах застрахованных лиц². Фонд отражает выплату постоянной части вознаграждения в составе расходов по средствам пенсионных накоплений и одновременно показывает начисление дохода в составе собственных средств в сумме постоянной части вознаграждения³.

Размер постоянной части вознаграждения фонда за отчетный год и размер необходимых расходов, непосредственно связанных с инвестированием средств пенсионных накоплений и оплачиваемых из средств пенсионных накоплений, не превышает 0,75 % от средней стоимости чистых активов за отчетный год. Выплата постоянной части вознаграждения фонда производится не чаще одного раза в месяц.

В состав необходимых расходов входят необходимые расходы управляющей компании на инвестирование пенсионных накоплений, определенные договором доверительного управления, оплата гарантийных взносов в ГК АСВ в размере, установленном законодательством, и отчисления в резерв фонда по ОПС в размере, установленном законодательством.

Вознаграждения УК и СД, ставка по которым определяется в рамках договорных отношений, выплачивается по ОПС из собственных средств фонда. Необходимые расходы УК (например, банковская и брокерская комиссии) выплачиваются соответственно за счет средств пенсионных накоплений (ПН). Перечень необходимых расходов, непосредственно связанных с инвестированием средств ПН, устанавливается Договором доверительного управления (ДУ). Необходимые расходы СД по ОПС, перечень которых устанавливается договором со СД, а также договором с управляющей компанией (если это установлено договором СД и УК), выплачиваются за счет собственных средств фонда.

**Прежняя система вознаграждения НПФ,
Управляющей компании (УК),
Специализированного депозитария (СД)
и оплаты расходов, связанных
с размещением пенсионных резервов**

По негосударственному пенсионному обеспечению (НПО) фонды имели право брать исключительно только переменную часть (success fee) — 15 % от полученного ими инвестиционного дохода от размещения средств пенсионных резервов. Это вознаграждение определялось по итогам отчетного года и выплачивалось не чаще одного раза в год.

Вознаграждения УК и СД, ставка по которым определяется в рамках договорных отношений, выплачивается по НПО из средств пенсионных резервов; предельная величина вознаграждений нормативно не установлена.

Необходимые расходы УК (например, банковская и брокерская комиссии) выплачиваются соответственно за счет средств пенсионных резервов (ПР). Перечень необходимых расходов, непосредственно связанных с размещением средств ПР, устанавливается Договором ДУ. Необходимые расходы СД по НПО, перечень которых устанавливается догово-

¹ В соответствии со ст. 36.23 Федерального закона от 7 мая 1998 г. № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах» // СПС «КонсультантПлюс».

² В соответствии с Указанием Банка России от 23 сентября 2016 г. № 4139-У «О порядке расчета результатов инвестирования средств пенсионных накоплений, не включенных в резервы негосударственного пенсионного фонда, для отражения на пенсионном счете накопительной пенсии» // СПС «КонсультантПлюс».

³ В соответствии с п. 35 МСФО 15.

ром с СД, выплачиваются за счет средств пенсионных резервов.

В системе вознаграждения НПФ наличие постоянной части вознаграждения фонда за счет средств пенсионных накоплений объясняется более поздним (по сравнению с НПО) вступлением в действие системы ОПС⁴, а также теми условиями, в которые были поставлены НПФ, участвующие в системе ОПС. Поэтому изменение системы вознаграждения для НПО было всего лишь вопросом времени, в течение которого расходы НПФ значительно увеличились, соответственно снизив доходность.

Новая система вознаграждения НПФ, УК, СД и оплаты расходов в системе ОПС и НПО, формирования долгосрочных сбережений

Обсуждения новой системы вознаграждения НПФ в рамках НПО велись давно. Инициатором выступила Национальная ассоциация НПФ (НАПФ).

Такому продукту, как НПО, было трудно конкурировать с другими финансовыми продуктами на российском рынке. Причиной тому стало снижение рыночных процентных ставок, а значит, и доходности пенсионных фондов и, как следствие, существенное снижение прибыльности, вымывание капиталов и потенциальная экономическая неэффективность отрасли для инвесторов в целом. НАПФ предложила изменить подход к системе вознаграждения НПФ, который бы помог не допустить снижения инвестиционной привлекательности бизнеса, а именно ввести постоянную часть вознаграждения по НПО по аналогии с ОПС.

Банк России совместно с НПФ приступил к разработке новой системы вознаграждения для фондов. В итоге были представлены изменения в систему вознаграждения НПФ как по ОПС, так и по НПО.

В рамках закона⁵ была уменьшена постоянная часть вознаграждения по ОПС для НПФ на 0,25 проц. п. с 0,75 до 0,5 % от аккумулированных фондом пенсионных накоплений. Это вознаграждение выплачивается не чаще одного раза в месяц. При этом уровень переменной части будет составлять 20 % по итогам 2024–2026 гг. и 15 %, начиная с 2027 г. и в последующие годы. Переменная часть вознаграждения выплачивается раз в год.

Согласно закону⁶, размер постоянной части вознаграждения фонда за отчетный год и размер необходимых расходов, непосредственно связанных с

размещением средств ПР и оплачиваемых из средств ПР, не могут превышать 0,6 % от средней совокупной стоимости средств, с 2027 г. — 0,5 %. Данное вознаграждение выплачивается не чаще одного раза в месяц. Плюс НПФ смогут удерживать переменное вознаграждение в размере 20 % от части дохода, которая не превышает индикатор Банка России, и 25 % от части дохода, которая превысит индикатор Банка России. Бенчмарком для определения размера вознаграждения может стать таргетируемая Банком России инфляция. Это вознаграждение выплачивается не чаще одного раза в год. Регулятор в ближайшее время должен дополнительно определить и сам бенчмарк для расчета нового переменного вознаграждения для НПФ.

Идея установления бенчмарка при расчете success fee для НПФ не является новой. Давно прорабатывалась идея, вместо переменной части вознаграждения от абсолютного инвестиционного дохода, ввести вознаграждение от реального дохода, т. е. за вычетом инфляции, которая будет являться базовым обязательством фондов. Однако, возникновение такой связи может оказать негативное влияние на доходность инвестирования и уровень риска инвестиционных стратегий НПФ, а в конечном итоге на финансовую устойчивость фондов и потенциал к дальнейшему развитию всей индустрии.

Вознаграждения УК и СД будут выплачиваться из собственных средств фонда, за исключением договоров НПО, оформленных до 1 января 2024 г., по которым система остается прежней, и вознаграждения будут по-прежнему выплачиваться за счет средств пенсионных резервов. Необходимые расходы УК также будут выплачиваться соответственно за счет средств ПН и пенсионных резервов ПР. Перечень необходимых расходов, непосредственно связанных с инвестированием средств ПН/размещением средств ПР устанавливается Договором ДУ.

Необходимые расходы СД будут оплачиваться за счет собственных средств фонда (в соответствии

⁴ В соответствии с Федеральным Законом от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ В соответствии со ст. 36.23 Федерального закона от 7 мая 1998 г. № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ В соответствии со ст. 35.4 Федерального закона от 7 мая 1998 г. № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах» // СПС «КонсультантПлюс».

с заключенными договорами СД с фондом) за исключением договоров по НПО, оформленных до 1 января 2024 г.

Анализ нововведений (плюсы и минусы) с точки зрения НПФ и их клиентов (вкладчиков)

Изначально при настройке разных возможностей системы вознаграждений НПФ Банк России пытался дополнительно стимулировать фонды, чтобы увеличивать доходность пенсионных активов⁷.

Новые ставки вознаграждения по ОПС дают клиентам возможность получать большую доходность на счета при gross-доходности по портфелю примерно до 4 % годовых. При большей доходности портфеля на счета с новой системой вознаграждения попадает меньше средств, причем разница растет по мере роста доходности. С 2027 г. новая система вознаграждения будет лучше для клиентов НПФ в любом случае.

Также очевидно, что в первые три года в ПДС на счета клиентам будет поступать средств меньше, чем в ОПС (при прежнем или новом подходе и при любой доходности). С 2027 г. примерно с уровня 5,5 % и выше годовых gross-доходности система вознаграждения ПДС менее выгодна для клиента, чем прежняя система вознаграждения ОПС, при доходности ниже 5,5 % годовых. Да, программа предусматривает обязательную безубыточность инвестиций. Безубыточность взносов гарантируется НПФ на периодах от одного года до пяти лет. При этом закон не обязывает НПФ начислять по счету гражданина какую-то фиксированную ставку дохода, гарантий по минимальному доходу не предусмотрено. Таким образом, для клиента новая система вознаграждения ОПС выгоднее ПДС в любом случае. Чтобы сделать ПДС более привлекательным продуктом для клиентов необходимо внести дополнительные изменения в налоговый кодекс. В настоящее время ПДС, как и НПО, облагается налогом на прибыль, что негативно отразится на доходности, которая будет разнесена на счета участников (по ОПС налога на прибыль нет).

В качестве положительных изменений для клиентов НПФ, прежде всего, выделим:

- ♦ приближенность новой системы вознаграждений НПО к системе вознаграждений фондов по ОПС. У фонда теперь отсутствует возможность выплаты больших вознаграждений из средств пенсионных резервов непосредственно УК, каким-либо образом связанными с НПФ;

- ♦ новая система вознаграждений должна привести к снижению комиссий НПФ, что позволит увеличить доходность пенсионных накоплений и резервов;

- ♦ наличие дополнительного переменного вознаграждения по НПО⁸ от части дохода, превышающий индикатор Банка России, не повлияет на сохранность пенсионных вложений. НПФ обязан размещать средства своих клиентов на наилучших доступных условиях, в том числе с точки зрения соотношения риска и доходности. Если у НПФ недостаточно собственных средств для покрытия убытка от инвестирования, тогда включается система государственной гарантии, которая предусматривает возмещение вложенных средств⁹.

Постоянная часть вознаграждения НПФ, по задумке регулятора, должна будет покрывать преимущественно их постоянные издержки, тогда как бонусы и дивиденды НПФ будут формироваться за счет переменной части вознаграждения, взимаемой с части их дохода.

Однако, анализ показателей деятельности НПФ показывает отсутствие зависимости системы вознаграждения НПФ от размера получаемого вознаграждения и в итоге не стимулирует финансовую организацию к повышению доходности инвестирования, на примере инвестирования пенсионных накоплений (табл. 1).

Как можно видеть по данным табл. 1, снижение дохода от инвестирования средств ПН в 2021 г. составило порядка 35 %. Вознаграждение пенсионных фондов (постоянная часть) при этом снизилось на 13 %, а переменное вознаграждение снизилось всего лишь на 29 %, что не совпадает с темпами снижения инвестиционного дохода. В 2020 г. снижение дохода от инвестирования составило порядка 30 % по сравнению с доходами, полученными в 2019 г. Однако вознаграждение НПФ (постоянная часть) при этом практически не сократилось, а вознаграждение УК даже выросло. Переменная часть вознаграждения НПФ сократилась

⁷ «Финансовый рынок: новые задачи в современных условиях». Банк России. Документ для общественного обсуждения, 2022 // URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/139354/financial_market_20220804.pdf.

⁸ Для договоров, оформленных после 1 января 2024 г.

⁹ В соответствии с Федеральным законом от 28 декабря 2022 г. № 555-ФЗ «О гарантировании прав участников негосударственных пенсионных фондов в рамках деятельности по негосударственному пенсионному обеспечению» // СПС «КонсультантПлюс».

Таблица 1

Показатели деятельности НПФ*	2021 г., тыс. руб. ¹⁰	2020 г., тыс. руб. ¹¹	2019 г., тыс. руб. ¹²
Доход, полученный от инвестирования средств ПН	117 299 357,28	179 627 146,80	270 057 856,30
Постоянная часть вознаграждения НПФ	24 912 624,21	28 670 299,30	28 308 623,85
Переменная часть вознаграждения НПФ	18 626 684,89	26 282 073,60	31 328 405,90
Итого вознаграждение НПФ	43 539 309,10	54 952 372,90	59 637 029,75
Вознаграждение УК по ДДУ СПН — постоянная часть	1 482 926,92	5 238 397,70	1 522 366,72
Вознаграждение УК по ДДУ СПН — переменная часть	4 745 422,36	2 860 104,30	8 460 064,28
Итого вознаграждение УК	6 228 349,28	8 098 502,00	9 982 431,00
Доход от инвестирования средств пенсионных накоплений, полученный за отчетный год и распределенный по пенсионным счетам накопительной пенсии	89 828 524,90	139 539 346,30	202 204 297,57

* По данным БР.

порядка 16 %, что также не соответствует уровню снижения инвестиционного дохода.

Очевидно, что только два фактора приводят к росту валовой доходности НПФ — это объем привлеченных средств пенсионных накоплений на одно застрахованное лицо и соотношение полного вознаграждения фонда к размеру пенсионных накоплений данного фонда. Остальные факторы оказывают, скорее, обратное воздействие на валовую доходность НПФ.

Если анализировать положительные изменения для НПФ от введения новой системы вознаграждений, то, прежде всего, можно выделить следующие:

- ♦ вознаграждение может удерживаться в собственные средства НПФ чаще (постоянная часть — не чаще одного раза в месяц), что положительно влияет на финансовую устойчивость фондов;

- ♦ возможность в течение текущего отчетного года покрывать текущие расходы НПФ (в том числе вознаграждение УК и СД);

- ♦ гарантированное получение постоянной части вознаграждения НПФ по всем видам деятельности вне зависимости от наличия дохода от размещения и инвестирования средств;

- ♦ введение постоянного вознаграждения по НПО улучшит финансовую устойчивость фондов, появится возможность отойти от консервативной стратегии при размещении средств ПР, а значит увеличить потенциальную доходность инвестирования;

- ♦ введение дополнительного переменного вознаграждения по НПО от части дохода, превышающий бэнчмарк, будет стимулировать фонды с развитой си-

стемой управления рисками к повышению эффективности управления пенсионными резервами.

Перспективы развития системы вознаграждения НПФ, как элемента пенсионной системы страны

Для повышения доходности деятельности НПФ регулятору необходимо разработать современный механизм стимулирования повышения эффективности деятельности управляющих компаний. В настоящее время регулированию подлежит только вознаграждение самого НПФ.

Порядок начисления вознаграждения УК определяется договором с НПФ, и, таким образом, возникает конфликт интересов застрахованных лиц (вкладчиков и участников при заключении договоров доверительного управления средствами ПР) НПФ, заинтересованных в снижении затрат на доверительное управление активами, и руководством НПФ, заключающим соответствующий договор. Соответственные нормы и ограничения при составлении и заключении такого договора могут быть введены как на государственном уровне через указания Банка России, так и на уровне саморегулирования через разработку Базовых стандартов, регулирующих

¹⁰ Основные показатели деятельности негосударственных пенсионных фондов 2021 г. // URL://https://cbr.ru/finmarket/supervision/sv_coll/ops_npf/2021y/

¹¹ Основные показатели деятельности негосударственных пенсионных фондов 2020 г. // URL://https://cbr.ru/finmarket/supervision/sv_coll/ops_npf/2020y/

¹² Основные показатели деятельности негосударственных пенсионных фондов 2019 г. // URL://https://cbr.ru/finmarket/supervision/sv_coll/ops_npf/2019y/

взаимоотношения НПФ и УК. Устранить полностью несовпадение интересов будущих пенсионеров и учредителей на сегодняшний день не представляется возможным по причине того, что НПФ являются коммерческими организациями. В качестве дополнительных мер для повышения эффективности деятельности НПФ со стороны регулятора потребуется разработка механизма инвестирования «длинных» пенсионных денег в финансовые инструменты, выпущенные непосредственно для НПФ и под гарантии государства, которые будут гарантировать и доходность, и сохранность.

Очевидно, что текущие изменения в системе вознаграждений НПФ положительно оценят, прежде всего, те фонды, которые имеют значительные активы в средствах пенсионных резервов, а также те НПФ, которые смогут привлечь больше клиентов в ПДС в том числе и из других фондов.

По данным Банка России, к середине февраля 2024 г. треть российских негосударственных пенсионных фондов стали операторами программы долгосрочных сбережений. Банк России зарегистрировал правила формирования долгосрочных сбережений (ФДС) 13 фондов (всего в России действует 37 НПФ). По данным регулятора, на 16 февраля 2024 г. более 100 тыс. граждан уже приняли участие в этой программе, в среднем участники программы пополняют счет на 8 тыс. руб. Число участников продолжит расти и, по мнению регулятора, покажет пиковые значения ближе к концу 2024 г., в октябре – ноябре 2024 г. в программу ежемесячно ориентировочно будут вступать 250 тыс. человек. Соответственно, к 2030 г. в ПДС будут задействованы средства не менее 9 млн россиян совокупным объемом свыше 1,2 трлн руб.

Однозначно, что для всех НПФ введение новых правил системы вознаграждений означают необходимость пересмотра инвестиционных стратегий и более тщательного отбора управляющих компаний. Фон-

дам придется работать более эффективно, чтобы обеспечить доходность, которая позволит покрыть расходы и получить прибыль. Новая система вознаграждений должна привести к снижению комиссий НПФ, что, в свою очередь, тоже может увеличить доходность пенсионных накоплений и резервов.

Кроме того, НПФ могут переложить часть рисков инвестирования на клиентов, что может привести к более высокой волатильности доходности. В целом, изменения в системе вознаграждения НПФ являются важным шагом на пути к повышению прозрачности и эффективности пенсионной системы. Однако, чтобы оценить окончательно последствия этих изменений, необходимо время.

Библиографический список

1. Жигас М. Г., Огорелкова Н. В., Реутова И. М. Проблемы формирования вознаграждения негосударственных пенсионных фондов и управляющих компаний при инвестировании пенсионных накоплений // URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/problems-formirovaniya-voznagrazhdeniya-negosudarstvennyh-pensionnyh-fondov-i-upravlyayuschih-kompaniy-pri-investirovanii>.

2. Кто захочет участвовать в программе долгосрочных сбережений // Московский комсомолец. 2024. 9 февр.

Bibliographic list

1. Zhigas M. G., Ogorelkova N. V., Reutova I. M. Problems of formation of remuneration of non-state pension funds and management companies when investing pension savings // URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/problems-formirovaniya-voznagrazhdeniya-negosudarstvennyh-pensionnyh-fondov-i-upravlyayuschih-kompaniy-pri-investirovanii>.

2. Who wants to participate in the long-term savings program // Moskovsky Komsomolets. 2024. February 9.

Информация об авторе

Т. С. Есаулкова — профессор кафедры государственных и муниципальных финансов Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, генеральный директор ООО «Специализированная депозитарная компания «Гарант», доктор экономических наук.

Information about the author

T. S. Esaulkova — Professor of the Department of State and Municipal Finance of the Plekhanov Russian University of Economics, General Director of LLC «Specialized Depository Company «Garant», Doctor of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 01.02.2024; одобрена после рецензирования 19.03.2024; принята к публикации 05.04.2024.
The article was submitted 01.02.2024; approved after reviewing 19.03.2024; accepted for publication 05.04.2024.

Научная статья

УДК 657.6

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-239-245>

EDN: <https://elibrary.ru/vvwmhz>

NIION: 2003-0059-2/24-030

MOSURED: 77/27-003-2024-02-229

Влияние правового статуса цифровых валют на определение предмета исследования в судебной бухгалтерской экспертизе и ее алгоритмизация

Елена Николаевна Колесникова

Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань, Россия,

e.kolesnikova_rfmu@mail.ru

Аннотация. Рассматривается цифровая трансформация и расширение сферы применения цифровых валют в финансово-хозяйственной деятельности экономических субъектов как одна из причин роста экономической преступности. Широкое использование в расчетах активов, отличных от фиатных денежных средств, обуславливает рост преступности общеуголовной направленности и осложняет противодействие ей. Высоко актуальными становятся вопросы формирования наиболее эффективных подходов к доказыванию преступлений, в качестве способа совершения или предмета которых выступают цифровые валюты.

Доказывается значимость производства судебных бухгалтерских экспертиз для установления факта наличия или характера оборота цифровых валют. Научную новизну представляет собой систематизация действующих в судебной практике подходов к интерпретации правового статуса цифровых валют. Приведенные подходы к типизации вопросов, поставленных на разрешение экспертам в судебных бухгалтерских экспертизах операций с цифровыми валютами, а также предлагаемый алгоритм проведения исследования логически увязаны с потребностями правосудия и ранее в научной литературе не рассматривались.

Ключевые слова: цифровая валюта, криптовалюта, судебная бухгалтерская экспертиза, предмет исследования в судебной бухгалтерской экспертизе, экономические преступления, типовые вопросы эксперту, схема исследования операций с цифровыми валютами

Для цитирования: Колесникова Е. Н. Влияние правового статуса цифровых валют на определение предмета исследования в судебной бухгалтерской экспертизе и ее алгоритмизация // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 239–245. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-239-245>. EDN: VVWMHZ.

Original article

The influence of the legal status of digital currencies on the definition of the subject of research in forensic accounting expertise and its algorithmization

Elena N. Kolesnikova

Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot',

Ryazan, Russia, e.kolesnikova_rfmu@mail.ru

Abstract. The article considers the digital transformation and expansion of the scope of digital currencies in the financial and economic activities of economic entities as one of the reasons for the growth of economic crime. The widespread use of assets other than fiat money in settlements leads to an increase in crime of a common criminal nature and complicates countering it. The issues of forming the most effective approaches to proving crimes, the method of commission or the subject of which are digital currencies, are becoming highly relevant.

The importance of conducting forensic accounting examinations to establish the existence or nature of the turnover of digital currencies is proved. The scientific novelty is the systematization of approaches to interpreting the legal status of digital currencies in judicial practice. The above approaches to the typification of issues raised for the permission of experts in forensic accounting examinations of transactions with digital currencies, as well as the proposed algorithm for conducting research, are logically linked to the needs of justice and have not been previously considered in the scientific literature.

Keywords: digital currency, cryptocurrency, forensic accounting expertise, the subject of research in forensic accounting expertise, economic crimes, standard questions to an expert, a scheme for researching transactions with digital currencies

For citation: Kolesnikova E. N. The influence of the legal status of digital currencies on the definition of the subject of research in forensic accounting expertise and its algorithmization. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):239–245. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-239-245>. EDN: VVWMHZ.

© Колесникова Е. Н., 2024

Цифровые валюты, появляясь в финансово-хозяйственной деятельности экономических субъектов, ведущих предпринимательскую деятельность, становятся не только полноценными элементами системы хозяйственного оборота, но и выступают в качестве предмета и, все чаще, способа совершения противоправных деяний. Использование их в целях противоправной деятельности позволяет завуалировать источник происхождения финансовых ресурсов и конечного их владельца, что существенно затрудняет возможность доказывания их использования в рамках того или иного противоправного деяния в экономической сфере.

Это обуславливает потребность производства судебных бухгалтерских экспертиз, направленных на установление фактов и обстоятельств, связанных с движением цифровых валют, их стоимостной оценкой, документальным оформлением.

Производство судебных бухгалтерских экспертиз операций с цифровыми валютами невозможно без их надлежащего нормативного и методического обеспечения, на формирование которого в существенной мере влияет понимание экономической сущности и правового статуса рассматриваемой категории ценностей.

Цифровая валюта относится к категории цифровых финансовых активов, которые, в свою очередь, представляют собой форму цифровых прав [2, с. 31; 4, с. 8].

В российском законодательстве содержание цифровых прав закреплено в ст. 141.1 Гражданского кодекса РФ (ч. I) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. В качестве цифровых прав рассматриваются обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам.

Цифровую валюту Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ определяет как «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких элек-

тронных данных...». Исходя из содержания указанного Закона, можно сделать вывод, что он распространяет свое действие на отдельные виды токенов, попадающих под определение цифровых финансовых активов, стейблкоины, обеспеченные фиатными денежными средствами или товарным эквивалентом, а также необеспеченные криптовалюты.

В научной литературе цифровая валюта рядом авторов признается средством сбережения капитала [2, с. 31; 4, с. 8; 5, с. 12]. В отдельных случаях она может быть идентифицирована как имущество (актив) [1, с. 504].

Правовые аспекты оборота цифровых валют также закреплены Законом № 259-ФЗ. Под обращением цифровой валюты в Российской Федерации понимаются сделки и (или) операции, влекущие переход цифровой валюты от одного обладателя к другому.

Как справедливо замечает Р. А. Корнилович, цифровая валюта (криптовалюта) не может быть принята в качестве оплаты за материальные ценности (а также работы или услуги); в то же время, иные операции с цифровой валютой не запрещены: ее можно продать, обменять или безвозмездно передать [5, с. 13].

Использование цифровых валют в целях осуществления противоправной деятельности обеспечивает сокрытие источника финансовых средств и конечного их собственника, что существенно осложняет возможность деанонимизации данных операций в теневой экономике и обуславливает высочайшую потребность в выработке методологии производства экспертного исследования операций с рассматриваемой категорией ценностей на основании информации бухгалтерского учета.

Статус цифровых валют на территории страны неоднозначен: некоторые судебные акты рассматривают цифровые валюты как имущество хозяйствующих субъектов и объекты гражданских прав, другие же — содержат диаметрально противоположную точку зрения. Обзор решений судебных органов, затрагивающих статус цифровых валют представлен в табл. 1.

Необходимо отметить, что в действующих законодательных актах и нормативных документах, несмотря на наличие ряда оговорок, цифровые валюты все-таки рассматриваются как специфичный вид имущества организации. В частности, цифровая валюта признается имуществом в ст. 2 Федерального закона

Таблица 1

**Обзор решений судебных органов, содержащих интерпретацию статуса цифровых валют
и особенностей их признания [8]**

Акт судебного органа	Интерпретация статуса цифровой валюты
Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 6 июня 2023 г. № Ф04-2427/2023 по делу № А75-14563/2021	Криптовалюта рассматривается в определении суда как вид имущества. Указано, что поведение должника, приобретшего имущество на кредитные денежные средства (в частности, криптовалюту), не может быть признано добросовестным, в соответствии с обстоятельствами дела
Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26 октября 2023 г. № Ф05-25578/2023 по делу № А40-273884/2022	В решении суда акцентировано внимание на том, что в российском законодательстве нормы, регулирующие правовой статус криптовалют, отсутствуют. Отмечено, что так как в отношении криптовалюты не осуществляется централизованное регулирование, то возможно отнести ее к виртуальной валюте. Майнинг криптовалюты не выступает деятельностью, облагаемой НДС, заявление налогоплательщиком к вычету НДС по оборудованию, приобретенному для майнинга является неправомерным
Определение Петроградского районного суда г. Санкт-Петербурга от 30 июня 2020 г. № 1-95/2020	Суд определил, что признать криптовалюту объектом гражданского права не представляется возможным. Данный вид виртуальных денежных средств не подпадает ни под одну из категорий, не является признанным средством платежа на территории РФ, законодателем она отнесена к суррогатам денежных средств
Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 9 августа 2023 г. № 88-14326/2023, 2-2959/2021	В решении судебного органа содержится положение о том, что в условиях отсутствия определенности правового режима криптовалюты, транзакции с ней не обеспечиваются принудительной силой государства. Сделки с виртуальной валютой (криптовалютой) производятся ее собственниками на свой страх и риск. Подтвердить или опровергнуть факт создания криптовалюты стороной хозяйственного спора невозможно и невозможно обязать ее передать
Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 26 сентября 2023 г. по делу № 88-22007/2023	Содержит указание на то, что криптовалюта не предусмотрена ст. 128 ГК РФ в качестве объекта гражданских прав, в том числе не отнесена к безналичным деньгам (ст. 140 ГК РФ), не определена законодательством в качестве средства платежа.
Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 7 сентября 2023 г. по делу № 88-14946/2023	Относит к объектам гражданских прав не только наличные деньги и безналичные денежные средства, но иное имущество, к которому относится, в частности, цифровая валюта, способная выступать в качестве средства платежа и имеющая определенную имущественную ценность и стоимостный эквивалент, который также может быть определен и выражен в деньгах
Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 1 июля 2021 г. по делу № 77-1255/2021, 1-40/2019	Указано, что цифровая валюта (криптовалюта) в решении суда признана предметом хищения. Наличие запрета в РФ на возможность оплачивать товары, работы и услуги цифровой валютой, не свидетельствует об отсутствии у нее признаков имущества. Законодательство РФ не содержит запрета на владение цифровой валютой, она имеет фактическую стоимость
Определение Верховного Суда РФ от 10 августа 2021 г. № 305-ЭС21-14094 по делу № А41-4212/2020	Признано, что перевод биткоинов, пусть даже и согласованный сторонами, не может рассматриваться как перечисление денежных средств в качестве задатка по договору гражданско-правового характера, и норма п. 1 ст. 380 ГК РФ не применима. В силу п. 1 ст. 329 ГК РФ перечисление биткоинов может рассматриваться как иное обеспечение, если это предусмотрено договором, заключенным сторонами

от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и ст. 68 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

Имеется и соответствующая судебная практика. Так, например, в решении Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-12639/2016 содержится указание на обязанность должника предоставить возможность доступа арбитражному управляющему к криптовалютному кошельку, а также требование по составлению акта-приема передачи имущества (биткоинов) с целью включения в конкурсную массу. Это определение оставили без изменения апелляционная и кассационная инстанции.

В соответствии с разъяснениями, даваемыми Министерством финансов России и Федеральной налоговой службой, реализация цифровой валюты (криптовалюты) должна интерпретироваться как реализация имущества; т. е. полученный доход подлежит налогообложению (письма № БС-4-11/10685 от 4 июня 2018 г.; № БС-4-11/22635 от 22 ноября 2018 г.). А так как криптовалюта признается имуществом, то и операции по ее реализации, с формальных позиций, подлежат обложению не только налогами с доходов, но и налогом на добавленную стоимость. Косвенно данная позиция подтверждается письмами Минфина России от 2 сентября 2022 г. № 03-04-05/85586, ФНС России от 16 марта 2021 г. № СД-4-3/3427@. Вместе с тем, нельзя не отметить наличие законопроекта № 1065710-7 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации», исключающего операции по реализации цифровой валюты из налогооблагаемой базы по НДС.

Закрепленная в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» позиция, в соответствии с которой денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретенных в результате совершения преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ, могут выступать в качестве их предмета, повлекла активизацию вынесения ряда обвинительных приговоров по ст. 174 и 174.1 УК РФ. Так, например, данный подход был реализован Рязанским областным судом 25 сентября 2023 г. в приговоре по делу № 2-14/2023.

В решении Санкт-Петербургского городского суда от 8 декабря 2022 г. № 33-8063/2022 по делу № 2-6671/2021 указано, что операции с криптовалютами обладают признаками, свидетельствующими о возможном осуществлении легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма.

Кассационное определение Верховного Суда РФ № 6-УДП23-6-А1 от 8 июня 2023 г. разбирает ситуацию, в которой деньги могут быть получены с помощью серии финансовых операций. Этот процесс включает в себя зачисление денег на контролируемый виртуальный счет, преобразование криптовалюты «биткоин» через различные виртуальные обменные пункты в рубли, перевод средств на банковские счета, принадлежащие другим людям, и снятие наличных через банкоматы. Выводы суда содержат указание на то, что описанный процесс указывает на желание узаконить полученные средства.

Вынесение приговоров по делам, в которых цифровые валюты (в частности, криптовалюты) обуславливают не только способ, но и выступают как предмет преступления, перестают быть единичными. В частности, такой подход содержится в приговоре по делу № 1-762/2017, вынесенному Сургутским городским судом Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в приговоре Октябрьского районного суда г. Тамбова по делу № 1-134/19 и множестве других.

В целом, следует отметить, что при расследовании уголовных дел находит место применение правил об имуществе при использовании криптовалюты.

Помимо экономических преступлений, в ряде случаев, цифровые активы могут использоваться в целях совершения преступлений другой направленности, в том числе коррупционной и общеуголовной [3, с. 1332; 6, с. 64]. В доказывании, как правило, нуждаются следующие обстоятельства:

- 1) установление взаимосвязи криптокошельков, движения средств на них с деятельностью конкретных лиц и хозяйствующих субъектов;
- 2) определение поисковых признаков в части использования цифровых валют в цепочке трансфера средств при совершении противоправного деяния.

И именно это обуславливает потенциальную эффективность реализации специальных экономических (и, в первую очередь, бухгалтерских) познаний для доказывания противоправных деяний с рассматриваемой категорией ценностей. Возникает необхо-

Таблица 2

Основные примеры составов экономических преступлений, связанных с движением цифровых валют, для выявления и документирования которых возможно использование бухгалтерской информации

Статья УК РФ	Краткое описание примерного состава преступления
158 «Кража»	Кража цифровых валют у юридического лица, индивидуального предпринимателя
159 «Мошенничество»	Мошеннические действия, связанные с вовлечением лиц в финансирование криптовалютных пирамид
159.1 «Мошенничество в сфере кредитования»	Мошеннические действия, связанные с получением кредита хозяйствующим субъектом (использование заведомо ложных обеспечительных сведений об имеющихся цифровых валютах)
159.3 «Мошенничество с использованием электронных средств платежа»	Мошеннические действия, связанные с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации и иных технических устройств при перечислении криптовалют («треугольник»)
160 «Присвоение или растрата»	Присвоение или растрата должностными лицами хозяйствующего субъекта или лицами, имеющими к ним доступ, цифровых валют, ставших предметом преступного посяательства
165 «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием»	Несанкционированное присоединение к энергосетям, предоставляющее возможность для неучтенного потребления электроэнергии в целях майнинга криптовалют
172.2 «Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества»	Хищение денежных средств значительного количества лиц путем введения их в заблуждение относительно ведения инвестиционной деятельности, связанной с вложением средств в цифровую валюту
174 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем»	Денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретенные в результате совершения преступлений, предусмотренных данными статьями могут выступать в качестве их предмета
174.1 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления»	
193 «Уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации»	Уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации с выводом их в криптокошельки
195 «Неправомерные действия при банкротстве»	Соккрытие или искажение в той или форме информации о наличии цифровых валют, входящих в конкурсную массу
196 «Преднамеренное банкротство»	
197 «Фиктивное банкротство»	
201 «Злоупотребление полномочиями»	Использование должностным лицом, исполняющим управленческие функции в организации, своих полномочий по распоряжению средствами в цифровой валюте, вопреки ее законным интересам и в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц

димось производства судебных бухгалтерских экспертиз и для определения стоимостной величины цифровых валют, выступающих в качестве способа или предмета совершения таких деяний.

В этой связи, проведение судебных экономических, и прежде всего, бухгалтерских экспертиз, направленных на установление фактов наличия или характера движения средств в цифровой валюте, является весьма актуальным для доказывания широкого спектра противоправных деяний (табл. 2).

Несмотря на многообразие способов и приемов использования цифровых валют в противоправной деятельности, для ее доказывания достаточно установления факта движения указанных виртуальных ценностей за определенный временной интервал. Это обуславливает как в значительной мере типизированные вопросы, ставящиеся перед экспертами, так и достаточно стандартную схему организации самого исследования.

Вопросами, с которыми могут столкнуться эксперты при проведении судебных бухгалтерских экспертиз в целях доказывания противоправных деяний, связанных с использованием цифровых валют, являются следующие:

- ♦ установить наличие у хозяйствующего субъекта цифровых валют в общей совокупности или по их видам;
- ♦ установить числовое (стоимостное) значение остатка цифровой валюты по состоянию на определенную дату;
- ♦ определить сумму оборота (поступления и выбытия) цифровой валюты за определенный период времени, в том числе в разрезе отдельных контрагентов (физических и юридических лиц). Подвидом вопросов, связанных с оборотом рассматриваемой категории ценностей, является установление факта их перевода в оплату (или получения оплаты) за конкретный, поименованный товар (работу или услугу);
- ♦ выявить и описать факты неотражения в бухгалтерском учете хозяйствующих субъектов операций и сделок, связанных с движением цифровых валют.

Для их разрешения необходимо и достаточно придерживаться следующего алгоритма действий при организации проведения исследования документов.

1. На стадии подготовки к проведению исследования:

- ♦ определение достаточности бухгалтерской документации для проведения исследования;

♦ установление потребности в получении дополнительной информации от лиц, назначивших экспертизу.

2. На стадии проведения исследования:

♦ установление на основании требований нормативных правовых документов и учетной политики хозяйствующего субъекта правил формирования в его учетной системе информации о цифровых валютах в соответствии с предметом исследования;

♦ оценка полноценности документов, являющихся объектом исследования, с помощью методов формальной проверки;

♦ подбор и получение справочной информации о движении цифровых валют из открытых публичных источников;

♦ проведение исследования в целях ответа на поставленные вопросы с помощью методов исследования по существу с формированием соответствующих таблиц (графиков), отражающих ход проведения исследования и обеспечивающих, в дальнейшем, доказательность выводов эксперта.

3. На стадии формулирования выводов по результатам исследования:

- ♦ определение суммы ущерба, причиненного противоправным деянием, связанным с оборотом цифровых валют, хозяйствующему субъекту или третьим лицам;
- ♦ определение лиц хозяйствующего субъекта, ответственных за совершение операций и сделок с цифровыми валютами и (или) их учетное оформление;
- ♦ непосредственное формулирование выводов;
- ♦ оформление заключения эксперта.

Таким образом, особенности доказывания противоправных деяний, связанных с наличием и движением цифровых валют, связаны со специфическим характером их использования при совершении преступлений. И именно это обуславливает потенциальную эффективность реализации специальных бухгалтерских познаний для доказывания противоправных деяний с рассматриваемой категорией ценностей. Возникает необходимость производства судебных бухгалтерских экспертиз и для определения стоимостной величины цифровых валют, выступающих в качестве способа или предмета совершения противоправного деяния.

Список источников

1. Бухгалтерский учет : учебник для студентов вузов, обучающихся по экономическим специальностям

стям / А. Ф. Дятлова, Е. Н. Колесникова, В. А. Бородин [и др.]. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2021.

2. Дьяконова М. О. Цифровая экономика : актуальные направления правового регулирования : науч.-практ. пособие. М. : ИЗиСП ; Норма, 2022.

3. Ивличев П. С., Ивличева, Н. А., Морсакова Ю. В. Моделирование угроз интерфейса информационной системе организации // Экономика и предпринимательство. 2022. № 7. С. 1332–1335.

4. Мамаев М. И. Выявление и пресечение преступлений экономической направленности, связанных с использованием криптовалюты : аналитический обзор с предложениями. М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2020.

5. Методология использования данных бухгалтерского учета в целях выявления и документирования противоправных деяний с использованием электронных денег и цифровых валют : метод. рекоменд. / Р. А. Корнилович, Е. Н. Колесникова, С. А. Коноваленко [и др.]. М., 2024.

6. Морсакова Ю. В. Экономико-математические методы. Рязань : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021.

7. Основы судебной экономической экспертизы / А. Ф. Дятлова, Е. Н. Колесникова, Н. П. Майлис [и др.]. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2023.

8. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации // URL:// <http://www.cdep.ru>.

References

1. Accounting : textbook for university students studying in economic specialties / A. F. Dyatlova, E. N. Kolesnikova, V. A. Borodin [et al.]. M. : UNITY-DANA, 2021.

2. Dyakonova M. O. Digital economy : current directions of legal regulation: scientific and practical. manual. M. : IZiSP ; Norm, 2022.

3. Ivlichev P. S., Ivlicheva, N. A., Morsakova Yu. V. Modeling threats to the organization's information system // Economics and entrepreneurship. 2022. № 7. P. 1332–1335.

4. Mamaev M. I. Identification and suppression of economic crimes related to the use of cryptocurrencies: an analytical review with proposals. M. : FGKU «Research Institute of MIA of Russia», 2020.

5. Methodology of using accounting data in order to identify and document illegal acts using electronic money and digital currencies : method. recommendation / R. A. Kornilovich, E. N. Kolesnikova, S. A. Konovlenko [et al.]. M., 2024.

6. Morsakova Yu. V. Economic and mathematical methods. Ryazan : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2021.

7. Fundamentals of forensic economic expertise / A. F. Dyatlova, E. N. Kolesnikova, N. P. Mailis [et al.]. M. : UNITY-DANA, 2023.

8. Official website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation // URL:// <http://www.cdep.ru>.

Информация об авторе

Е. Н. Колесникова — профессор кафедры экономической безопасности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, доцент.

Information about the author

E. N. Kolesnikova — Professor of the Department of Economic Security of the Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 31.01.2024; одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 04.04.2024.

The article was submitted 31.01.2024; approved after reviewing 18.03.2024; accepted for publication 04.04.2024.

Научная статья

УДК 336.2

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-246-249>

EDN: <https://elibrary.ru/vzmjyk>

NION: 2003-0059-2/24-031

MOSURED: 77/27-003-2024-02-230

Риски фактического получателя доходов

Наталья Владимировна Рубан-Лазарева^{1,2}

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, rubanlazareva@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-3110-1539

² Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

Аннотация. Описаны ключевые условия, позволяющие признать лицо фактическим получателем доходов. Приведены действия, применяемые по налогообложению доходов получателей-резидентов при отсутствии и при применении положений международных соглашений. Приведены риски фактического получателя при поступлении доходов.

Ключевые слова: фактический получатель, доходы, налогообложение, международные соглашения, ставки, риски

Для цитирования: Рубан-Лазарева Н. В. Риски фактического получателя доходов // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 246–249. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-246-249>. EDN: VZMJYK.

Original article

Risks of the actual recipient of income

Natalia V. Ruban-Lazareva^{1,2}

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, rubanlazareva@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-3110-1539

² Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Abstract. Describes the key conditions for recognizing a person as an actual recipient of income. The actions applied to taxation of income of resident recipients in the absence and application of provisions of international agreements are given. The risks of a de facto recipient of income are described.

Keywords: actual recipient, income, taxation, international treaties, rates, risks

For citation: Ruban-Lazareva N. V. Risks of the actual recipient of income. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):246–249. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-246-249>. EDN: VZMJYK.

На текущем этапе многоступенчатых трансграничных операций, международного перераспределения активов особую актуальность приобретают риски фактического получателя доходов, признание которых налоговым органом доходами влечет доначисление налогов без льгот, в отличие от принятых международных соглашений. Особую актуальность получили признаки фактического права на доходы как транзитные сделки и экономические присутствия бизнеса [1] и актуальные случаи, возникающие в налоговом консультировании [2]. Формируемая система взглядов, правоприменительной практики на фактического получателя доходов/доходополучателя, направлена на противодействие им уклонений от уплаты налогов [3]. Существующие требования законодательства обязывают российского агента проверять уплату

налогов лицом, имеющим право на доход, с получением подтверждений. Неведение самостоятельно предпринимательской активности и перенаправление доходов по цепочке влияют на оценку деловых целей. Исходя их задач и целей международных соглашений, при соблюдении принципа предотвращения злоупотреблений сущностью договорных положений, предоставление освобождений подставному резиденту недопустимо (письмо ФНС от 28 апреля 2018 г. № СА-4-9/8285@). В ситуации неизвестности фактического получателя доходов, выполнение функции налогового агента по удержанию и уплате налогов с дохода иностранной компании первостепенно.

Фактическим получателем признается лицо, иностранная структура без юрлица при выполнении определенных условий (рис. 1).

© Рубан-Лазарева Н. В., 2024

Ключевые условия
признания лица
фактическим получателем
доходов п. 2 ст. 7 НК РФ

Лицо имеет право самостоятельно пользоваться, распоряжаться доходами, полученными другой организацией (иностранной структурой) в силу: прямого/ косвенного участия; контроля над организацией (иностранной структурой); иных обстоятельств

В его интересах лица иное лицо правомочно распоряжаться полученными доходами

Лицо должно быть непосредственным выгодоприобретателем, т. е. фактически получать выгоду от полученного дохода по каждой отдельной выплате в виде дивидендов, по группе выплат в рамках одного договора: письмо Минфина России от 24 августа 2018 г. № 03-12-12/2/60389

Рис. 1. Ключевые условия признания лица фактическим получателем доходов

При этом иностранное лицо может не признаваться фактическим доходополучателем если выполняются следующие условия (рис. 2).

Указанные условия согласуются с правовой позицией по налогообложению о том, что применять льготы (пониженные ставки, освобождение) по междуна-

Ограниченные полномочия в распоряжении доходами	Ограниченные полномочия в применении налоговых льгот
☐	☐
☐ Осуществляет в отношении дохода посреднические функции в интересах иного лица	☐ Не выполняет никаких иных функций и не принимает на себя никаких рисков при прямой или косвенной выплате доходов
☐ Осуществляет в отношении дохода посреднические функции в интересах иного лица	☐ Иное лицо, получающее доходы, не имеет права на применение льгот по международным соглашениям
☐ Отсутствие контроля, выплачивая доходы иному лицу	☐ Непризнание права распоряжения доходом

Рис. 2. Условия непризнания лица фактическим доходополучателем

родным соглашениям, включая об избежании двойного налогообложения, можно только к доходам фактического получателя (п. 3 ст. 7 НК РФ; п. 4 письма ФНС России от 9 марта 2023 г. № ШЮ-4-13/2691@).

В зависимости от статуса фактического доходополучателя к нему могут применяться следующие практические действия по налогообложению доходов, им полученных (рис. 3).

Фактический получатель дохода — резидент России	• налог удерживать с доходов организации не нужно, если проинформировать налоговый орган о фактическом получателе (подп. 1 п. 4 ст. 7 НК РФ); • при выплатах гражданину налоговый агент удерживает и перечисляет налог (письмо Минфина России от 12 ноября 2021 г. № 03-08-05/91485).
Фактический получатель дохода — нерезидент России и со страной резидентства получателя дохода действует международное соглашение	• применяются международные соглашения со страной резидента — фактического получателя доходов (подп. 2 п. 4 ст. 7 НК РФ, письмо ФНС России от 1 июня 2021 г. № БС-4-11/7571@); • учитывается наличие доходов, фактов декларирования и уплаты налогов с них (письмо ФНС России от 28 апреля 2018 г. № СА-4-9/8285).
Фактический получатель дохода — нерезидент России и со страной резидентства получателя приостановлены международные соглашения	• функции налогового агента выполняются в общем порядке налогообложения (подп. 3 п. 4 ст. 7 НК РФ).

Рис. 3. Действия по налогообложению фактических получателей доходов

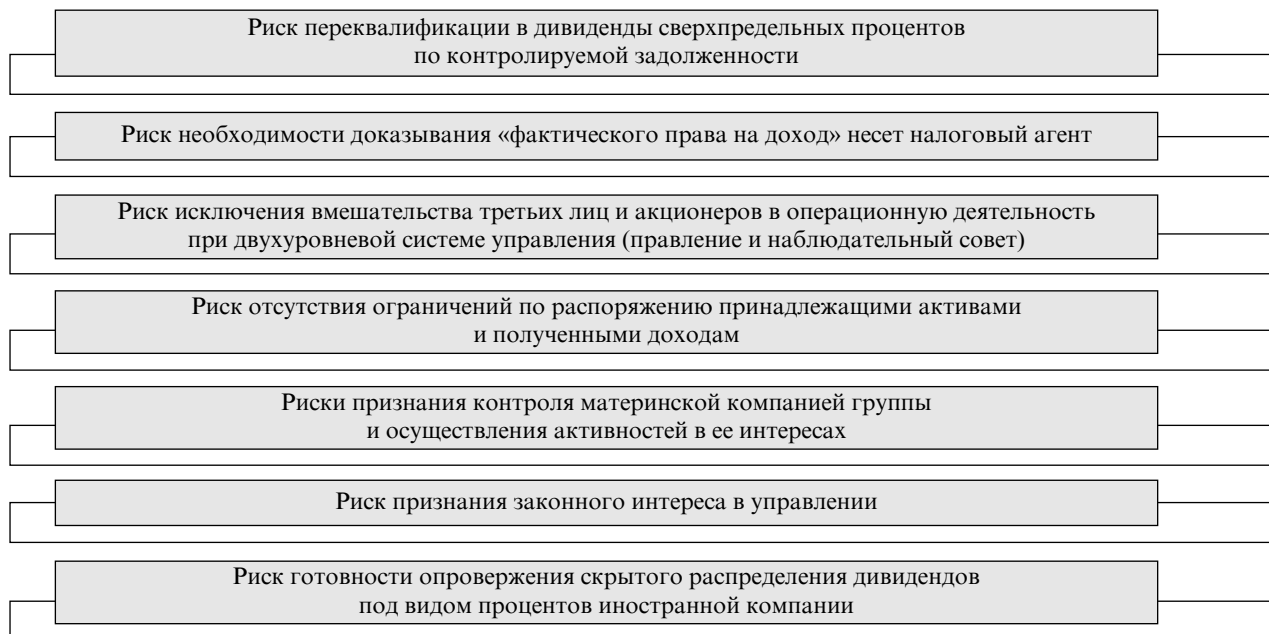

Рис. 4. Риски фактического получателя доходов

Поэтому если фактический получатель не может являться конечным выгодоприобретателем по поступившему на его счет доходу, и со страной, в котором он является резидентом, отсутствует действующее международное соглашение, то к выплаченным доходам в адрес иностранной организации от источников в России не может применяться пониженная 5 % ставка в соответствии с условиями международного соглашения и применяется 15 % ставка (подп. 3 п. 3 ст. 284 НК РФ).

Возможность выбора государства (страны резидентства фактического получателя или страны резидентства посредника) для уплаты налога отсутствует (письмо ФНС от 9 марта 2023 г. № ШЮ-4-13/2691@), что обязывает налогового агента исчислять и погашать обязательства у источника доходных выплат.

Российский налоговый агент при выплате доходов резиденту:

- ♦ из дружественной Беларуси удерживает и перечисляет 15 % налог с дивидендных доходов, что позволяет получателю зачесть удержанный налог в Беларуси в уменьшение обязательств (ст. 20 соглашения с Беларусью);

- ♦ из Швейцарии, с которой приостановлено соглашение (Указ Президента РФ от 8 августа 2023 г. № 585), налог удерживается и перечисляется в налоговое управление не по льготной 5 % ставке, а по 35 % ставке¹. При этом отсутствие умысла в совершении правонарушения не является смягчающим обстоятельством обстоятельством (А56-50604/2022);

- ♦ не вправе применять льготные ставки в отношении доходов роялти, если получатель является технической (транзитно-посреднической) компанией (А40-113102/21-116-700);

- ♦ обязан удержать налог в связи с отсутствием у иностранной организации фактического доходного права при получении процентов по 20 % ставке²;

- ♦ руководствуется режимом предусмотренного конвенцией общего права (А40-133176/22-116-2258);

- ♦ применяет льготы международных соглашений только к действительным резидентам — получателям доходов (А27-25564/2015);

- ♦ игнорирует преференции соглашений при формальном совершении сделок и выводе активов в юрисдикции, без возникновения оснований применения льгот;

- ♦ обязан применить ставку у источника фактического получателя.

Проведенное исследование налоговых требований к фактическому получателю позволяет выделить и сгруппировать следующие характерные им риски (рис. 4).

¹ Налоговая система Швейцарии — налогообложение швейцарских компаний и физлиц: VAT, налог на прибыль и на прирост капитала. Налоговые соглашения Швейцарии // URL://<http://gsl.org/ru/taxes/tax-zones/shveyczariya/>

² Обзор практики применения арбитражными судами положений законодательства о налогах и сборах, связанных с оценкой обоснованности налоговой выгоды, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2023 г. // URL://<https://vsrf.ru/documents/all/33229/>

Таким образом, риски фактического получателя доходов не только влекут доначисление налоговых обязательств, но и свидетельствуют, при их допущении, об уклонительной практике прозрачного и законного налогообложения доходов в деятельности доходополучателей.

Список источников

1. Ахметшин Р. И., Васильев Н. А. Фактическое право на доход: уроки ушедшего года // *Налоговед.* 2022. № 3. С. 24–34.
2. Федорова О. С., Королева М. В. Договоры с иностранными организациями: налогообложение // *Налоги и финансовое право.* 2023. № 6. С. 7–97.
3. Концепция фактического получателя (бенефициарного получателя) дохода призвана противодей-

ствовать определенным методам уклонения от уплаты налогов // *Налоговая политика и практика.* 2021. № 3 (219). С. 4–7.

References

1. Akhmetshin R. I., Vasiliev N. A. The actual right to income: lessons of the past year // *Tax specialist.* 2022. № 3. P. 24–34.
2. Fedorova O. S., Koroleva M. V. Contracts with foreign organizations: taxation // *Taxes and financial law.* 2023. № 6. P. 7–97.
3. The concept of the actual recipient (beneficiary recipient) of income is designed to counteract certain methods of tax evasion // *Tax policy and Practice.* 2021. № 3 (219). P. 4–7.

Информация об авторе

Н. В. Рубан-Лазарева — профессор Департамента налогов и налогового администрирования Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры государственных и муниципальных финансов Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор экономических наук.

Information about the author

N. V. Ruban-Lazareva — Professor of the Department of Taxes and Tax Administration of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of State and Municipal Finance of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 17.01.2024; одобрена после рецензирования 29.02.2024; принята к публикации 29.03.2021.

The article was submitted 17.01.2024; approved after reviewing 29.02.2024; accepted for publication 29.03.2024.

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Учебник.

Гриф НИИ образования и науки
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований
А. В. Минаков

Обобщен теоретический и методологический материал для всестороннего системного представления об истории экономических учений. Учебник состоит из десяти глав, каждая из которых посвящена определенному направлению экономического знания, приобретаемого научным миром на конкретный момент времени, в рамках конкретной исторической эпохи (эпох).

Раскрыты предпосылки, основные концептуальные положения, а также причины потери лидерства среди представителей экономического сообщества каждой конкретной экономической школы, ученого или мыслителя. Рассмотрены ключевые особенности развития российской экономической мысли. Теоретические вопросы иллюстрируются историческим фактологическим материалом, а также примерами из реальной практики экономического развития.

А.В. Минаков

История экономических учений

УЧЕБНИК

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-250-257>

EDN: <https://elibrary.ru/xjzlea>

ИПОН: 2003-0059-2/24-032

MOSURED: 77/27-003-2024-02-231

Санкции как стимул развития национальной экономики

Сергей Владимирович Шманев

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, shmanev_s_v@mail.ru

Аннотация. В период глобальных изменений и растущей неопределенности в мировой политике и экономике, пересмотр стратегий и переориентация экономики на инновационные и наукоемкие отрасли становятся ключевыми факторами обеспечения экономической безопасности. Начавшаяся трансформация устоявшегося мирового порядка и угроза наложения ограничительных мер (санкций) со стороны ведущих государств подчеркивают необходимость развития новых стратегий экономического развития.

Основываясь на понимании уязвимостей, связанных с зависимостью от экспорта сырьевых ресурсов, стратегический поворот в экономике направлен на диверсификацию промышленного производства и инвестиции в наукоемкие отрасли. Это обеспечивает не только снижение уровня зависимости от колебаний на мировых рынках, но и создание устойчивой базы для развития и конкуренции.

Приоритетные направления реформ включают развитие человеческого капитала через инвестиции в образование и здравоохранение, модернизацию инфраструктуры, а также трансформацию промышленности и государственного управления. При этом важным элементом является государственная политика, способствующая развитию конкурентных преимуществ в области науки, технологий и цифровизации экономики.

Ключевые слова: глобализация, цифровизация, факторы экономического роста, человеческий фактор, несырьевой сектор, электроника, инвестиции

Для цитирования: Шманев С. В. Санкции как стимул развития национальной экономики // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 250–257. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-250-257>. EDN: XJZLEA.

Original article

Sanctions as a stimulus for national economic development

Sergey V. Shmanev

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, shmanev_s_v@mail.ru

Abstract. In the period of global changes and growing uncertainty in world politics and the economy, the revision of strategies and reorientation of the economy to innovative and knowledge-intensive industries become the key factors in ensuring economic security. The beginning of the transformation of the established world order and the threat of restrictive measures (sanctions) imposed by the leading states emphasize the need to develop new strategies for economic development.

Based on the understanding of the vulnerabilities associated with dependence on the export of raw materials, the strategic turn in the economy is aimed at diversifying industrial production and investing in knowledge-intensive industries. This ensures not only a reduced dependence on fluctuations in world markets but also the creation of a sustainable base for development and competition.

Priority areas of reform include the development of human capital through investment in education and health care, modernization of infrastructure, as well as transformation of industry and public administration. At the same time, an important element is public policy that promotes the development of competitive advantages in science, technology and digitalization of the economy.

Keywords: globalization, digitalization, economic growth factors, human factor, non-resource sector, electronics, investment

For citation: Shmanev S. V. Sanctions as a stimulus for national economic development. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):250–257. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-250-257>. EDN: XJZLEA.

Процессы глобализации, хотя и способствуют увеличению международных связей, тем не менее обуславливают ряд вызовов и негативных последствий, таких как:

1) ослабление национальной особенности. Глобализация может привести к размыванию нацио-

нальной идентичности и ослаблению роли государственных границ как определителей культурных и социальных групп;

2) увеличение этнических и культурных конфликтов. В условиях глобализации возникают новые формы этнических и культурных конфликтов, вы-

© Шманев С. В., 2024

званные конкуренцией за ресурсы, места работы и власть;

3) увеличение миграции. Глобализация может усилить миграционные потоки, особенно из менее развитых стран в развитые регионы, что может вызывать напряженность в принимающих сторонах и приводить к росту ксенофобии и радикализации;

4) депопуляция и демографические проблемы. Усиление миграции населения по траектории «юг — север» может привести к депопуляции в некоторых регионах и странах, что повлияет на экономику, политику и социальные системы;

5) изменение структуры и содержание мировой экономики и политики. Растущая миграция и депопуляция могут изменить геополитический баланс сил, распределение ресурсов и экономический ландшафт.

Решить названные проблемы позволит комплексный подход, применяемый к разработке и реализации международных политических стратегий, полноценное сотрудничество государств при ведении межкультурного диалога в условиях уважения прав человека. Также при формировании национальных и международных политик необходимо не упускать из вида социальные и экономические аспекты глобализации.

Так, в качестве примера влияния на глобальные социально-экономические и политические процессы можно привести движение Black Lives Matter (BLM), которое поднимает вопросы расового неравенства и дискриминации; по-своему трансформирует общественное сознание. Одновременно, проявляются формы обратной дискриминации, более того, они ложатся в основу различных законодательных актов. Например, утверждены нормативы по обязательному включению представителей меньшинств в киноиндустрию. Все это демонстрирует изменяющиеся социокультурные нормы.

Несомненно, происходящее воздействует на мировую политику и экономику и все больше вмешивается в расстановку и динамику сил, а также влияние различных государств. Формируются новые кластеры притяжения, мы наблюдаем восхождение новых стран, которые в это непростое время способны генерировать инновации и проводить реформы, способные удержать устойчивое движение по выбранному вектору развития, при этом, многие из них ориентируются на свою самобытность, уникальность и особенности.

Следует указать, что стремление к самодостаточности не исключает внешнюю экономическую активность и взаимодействие с мировым сообществом. Оно лишь акцентирует внимание на необходимости развития внутренних ресурсов и возможностей, которые обеспечат устойчивость в условиях изменчивой глобальной конъюнктуры.

В условиях, когда началась трансформация давно сложившегося миропорядка, одновременно при наметившейся тенденции к восстановлению самостоятельности государств после пандемии, а также в результате осознания возможности наложения ограничений (санкций) на любую страну со стороны государств-гегемонов, которые неизбежно ведут к негативным последствиям, переориентация экономики на обрабатывающую промышленность и наукоемкие отрасли становится основополагающим направлением в обеспечении экономической безопасности. Это позволяет сократить зависимость от экспорта сырьевых ресурсов, что делает экономику более устойчивой к внешним воздействиям и колебаниям на мировых рынках.

Можно выделить несколько отраслей экономики, развитие которых будет наиболее явно способствовать реализации этой тенденции и обеспечивать конкурентоспособность в целом:

- ♦ обрабатывающая промышленность;
- ♦ наукоемкие отрасли.

Именно в них наиболее приемлемы и востребованы инновации, а также заметен технологический прогресс. Помимо прочего, здесь можно прогнозировать создание новых рабочих мест, фиксирование повышения производительности труда и качества продукции, что, несомненно, подтолкнет рост национального богатства и приведет к увеличению благосостояния граждан.

Вместе с тем, переориентация экономики требует комплексного подхода и системных изменений во множестве сопряженных сфер: инфраструктуре, образовании, научно-технической политике, правовой базе. Также, следует учитывать, что в большинстве случаев создание условий для инвестиций и инноваций напрямую связано с наличием эффективных механизмов государственной поддержки.

В настоящее время, обозначенные аспекты для России приобретают особое значение, так как наложение санкций на традиционные для нее экспортные товары (нефть и газ) вынуждает российскую эконо-

мику искать альтернативные пути дальнейшего развития. В виду этого, мы наблюдаем ускоренное развитие несырьевого и неэнергетического экспорта и увеличение его оборотов. Так, в 2023 г. был зафиксирован рост на 85 % (до 990 млрд рублей), что подтверждает успешную адаптацию российских компаний и предпринимателей к новым условиям и внутреннюю возможность формировать различные выходы из непростой для страны ситуации [15]. Их деятельность была переориентирована на другие рынки, расширился ассортимент экспортируемых товаров и услуг.

Это значит, что, несмотря на явные угрозы, сложности и вызовы, санкции выступили стимулом для модернизации экономики, сформировав условия необходимости диверсификации деятельности, незамедлительной реализации найденных альтернативных путей роста, при этом простимулировав внедрение инноваций. Однако, в целях дальнейшего развития несырьевого сектора экономики и повышения его конкурентоспособности следует увеличить поддержку и создать стимулы со стороны государства, которое активно предпринимает усилия по перестройке экономической системы России. Так, с 2014 г. реализуется разработанная Правительством долгосрочная стратегия, включая программу импортозамещения и меры Центробанка, которая направлена на обеспечение стабильности финансовой системы.

Усилия по модернизации экономики, как части широкого стратегического плана, показали впечатляющие результаты — удалось сохранить многие производства, были налажены новые, а страна вернулась к уверенному росту [1; 2]. Значения объемов и уровней производств вернулись к досанкционным, и особенно важно отметить, что это коснулось всех без исключения отраслей, т. е. можно констатировать, что Россия нашла возможность справиться с санкциями, и дополнительно раскрыла внутренний потенциал для развития.

В числе выявленных инновационных подходов, позволивших решать возникающие задачи, можно назвать использование для создания аналогов передовых технологий обратного инжиниринга, что подчеркивает стремление нашей страны к самостоятельности и устойчивости при большом числе глобальных вызовов и угроз, а также направленность на укрепление технологического суверенитета и

обеспечение условий для развития опережающих технологий. Данный подход будет способствовать не только получению данных о передовых технологиях и устойчивости в снабжении ими, но и будет стимулировать инновационный рост экономики в целом, что, в свою очередь, позволит сократить зависимость от импорта и укрепить позиции на внешних рынках [6; 13, с. 20; 14].

Решение правительства России о предоставлении грантов на разработку конструкторской документации для комплектующих изделий, имеющих критическое значение и не производимых в стране или выпускаемых в недостаточных количествах, является важным шагом для развития обратного инжиниринга и повышения технологической самостоятельности России.

Увеличение размера поддержки проектов реверс-инжиниринга способствует стимулированию инноваций и развитию технологических решений в стране. Это также способствует укреплению национального производства, сокращению зависимости от импорта важных комплектующих и повышению безопасности в снабжении.

Развитие рынка обратного инжиниринга в России с февраля 2022 г. указывает на стратегическое направление в обеспечении технологической независимости страны и стимулировании инновационной активности в ключевых секторах экономики.

Планируемое повышение доли несырьевого неэнергетического экспорта (ННЭ) в структуре экспорта России свидетельствует о стремлении страны диверсифицировать свой экспортный портфель и снизить зависимость от высокой зависимости от ресурсной экономики.

Запуск крупнейших проектов, предусмотренных в рамках Концепции технологического развития до 2030 г., играет ключевую роль в этом стратегическом направлении. Эти проекты могут включать в себя разработку и производство высокотехнологичных товаров, услуг и комплектующих, которые могут стать конкурентоспособными на мировых рынках.

Увеличение доли несырьевого неэнергетического экспорта поможет развитию новых отраслей экономики, содействуя созданию рабочих мест, привлечению инвестиций и повышению инновационной активности в стране. Это также способствует диверсификации и укреплению экономической устойчивости

ти России в условиях глобальных вызовов и санкционного давления.

Развитие отечественной микроэлектроники является стратегически важным шагом для обеспечения технологического суверенитета и устойчивого экономического роста России в условиях санкций и глобальных вызовов, выступает ключевым элементом программы импортозамещения и диверсификации экономики страны. Это позволит сократить зависимость от импорта высокотехнологичных компонентов, обеспечить независимость в области информационных технологий, кибербезопасности, медицинской диагностики, автоматизации производства и других отраслей [3; 7; 8; 9; 10, с. 63].

Благодаря государственным инвестициям и поддержке национальных проектов, российские компании в области микроэлектроники могут повысить свою конкурентоспособность на мировом рынке, а также усилить свои научные и инженерные кадры [16].

Важно отметить, что развитие микроэлектроники также способствует росту других высокотехнологичных отраслей, таких как робототехника, искусственный интеллект, интернет вещей и другие, что содействует модернизации экономики и повышению ее конкурентоспособности в целом.

Эти четыре федеральных проекта, включенные в национальный проект по развитию микроэлектроники [17], являются ключевыми для достижения стратегических целей по укреплению технологического суверенитета и содействию развитию отечественной экономики в целом.

Рассмотрим каждый из них подробнее.

1. Развитие технологий производства электроники (247,2 млрд руб.) обеспечивает модернизацию производственных технологий в сфере электроники, за счет создания новых инновационных методов производства и улучшения качества производимых изделий.

2. Подготовка кадров (443 млрд руб.) предполагает восполнение интеллектуального и технического потенциала за счет подготовки квалифицированных кадров в области микроэлектроники и смежных отраслей.

3. Развитие инфраструктуры производства гражданской электроники (880,7 млрд руб.) направлено на создание и модернизацию инфраструктуры для производства гражданской электроники.

4. Проведение прикладных исследований и внедрение их результатов (1,174 трлн руб.) ориентировано

на разработку новых технологий и их практическое внедрение в производственную практику, обеспечивая постоянный поток инноваций и улучшений. Проект предполагает увеличение целевого финансирования научных исследований.

В целом, все эти федеральные проекты в совокупности позволяют создать комплексную систему мер, направленных на развитие микроэлектроники в России и реализацию ее ключевой роли в обеспечении технологического суверенитета страны.

Решение Правительства Российской Федерации о выделении 7,5 млрд руб. на поддержку производителей радиоэлектронной продукции в рамках государственной программы «Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности» также рассматривается как способ стимулирования развития данного сектора экономики. Подобные меры позволяют снизить финансовые барьеры и обеспечить доступ к дополнительным источникам финансирования для предприятий.

Кроме выделения плановых целевых инвестиций со стороны государства, в числе мер — субсидирование ставок по кредитам. Это позволяет снизить финансовые издержки для предприятий и сделать инвестиции в развитие производства более доступными, что стимулирует рост объемов производства, помогает провести модернизацию производственных мощностей и активизировать инновационную деятельность.

Предложение Минпромторга о расширении поддержки российских разработчиков электроники важно и в контексте проблем с поставками зарубежных комплектующих.

Увеличение производства электронного оборудования и потребления электронных компонентов на 20 % в 2023 г. в Российской Федерации свидетельствует о положительной динамике развития отрасли. Эта тенденция объясняется несколькими факторами. Среди них:

1) приход частных крупных инвесторов позволил модернизировать и обновить технологическую базу, что повлекло за собой увеличение объемов производств и повышение их эффективности;

2) появление новых фабрик, заводов и фирм [18], производящих электронную продукцию (например, «Телебалт» в Ленинградской области) [19], которые повлияли на вопросы удовлетворения растущего спроса на электронные устройства и компоненты.

В целом, увеличение производства электронного оборудования и компонентов свидетельствует о росте индустрии в России и подтверждает стремление страны к развитию собственного производства в этой ключевой сфере.

В этом же контексте следует рассматривать разработанный до 2030 г. и включенный в национальный проект план по развитию отечественной полупроводниковой индустрии. Основными моментами необходимо выделить, во-первых, обеспечение серийного выпуска по техпроцессу 28 нанометров. Производство передовых и производительных микроконтроллеров и электронных систем очень востребовано в автомобильной, авиационной и космической промышленности. Во-вторых, план предусматривает увеличение дизайн-центров до 300, что расширит условия для создания более сложных полупроводниковых продуктов. Кроме того, предполагаются инвестиции в размере 460 млрд руб. на модернизацию существующих производственных мощностей. В-третьих, уделено внимание освоению производств фотошаблонов, чистых материалов и кремниевых пластин. В-четвертых, отмечена востребованность в разработке программного обеспечения и его оптимизация на процессорах с российскими технологиями.

Каждый из названных шагов в совокупности реализует комплексный подход в противостоянии введенным санкциям и подчеркивает альтернативные варианты, способствующие суверенизации и решению проблем импортозамещения в высокотехнологичных отраслях.

Вообще, концентрация внимания на импортозамещении во всех областях экономической деятельности видится приоритетной на данном этапе модернизации экономики. Поскольку главным трендом во всем мире обозначилась цифровизация, связанные с ней процессы также должны найти свое отражение в разрабатываемых проектах.

Одним из примеров реализации этого видения, например, в области связи и коммуникаций является Национальный проект «Цифровая экономика» [20], в рамках которого разрабатывается и вводится в эксплуатацию глобальная спутниковая система «Сфера» (предыдущее название «Эфир»), призванная конкурировать с зарубежными системами глобальной спутниковой связи, такими как OneWeb и Starlink. Проект «Сфера» является важным шагом в реализа-

ции национальной стратегии цифровизации и импортозамещения в области связи и коммуникаций. Его основная цель состоит в создании глобальной спутниковой системы, которая будет конкурировать с зарубежными аналогами и обеспечивать широкополосный доступ к сети Интернет, бесперебойную сотовую связь и связь с устройствами Интернета вещей (IoT). Следует отметить несколько ключевых моментов этого проекта:

1) проект «Сфера» стимулирует развитие технологий в России, способствуя созданию собственного сегмента в глобальной спутниковой связи;

2) главной выгодой для пользователей будет возможность получить доступ к современным коммуникационным услугам даже в удаленных и труднодоступных районах, что содействует преодолению цифрового неравенства;

3) проект способствует формированию нового, экспортно ориентированного сектора экономики, способного конкурировать на мировом рынке;

4) предоставление широкополосного доступа к Интернету и сотовой связи в любой точке планеты помогает обеспечить дальнейшую информатизацию общества и развитие цифровой экономики.

В целом, проект «Сфера» является также важным элементом стратегии цифровизации России и содействует укреплению технологического суверенитета страны в сфере связи и коммуникаций.

Действительно, разработка и производство космических аппаратов и беспилотных летательных аппаратов являются сложными и технологически передовыми процессами, которые требуют высокого уровня научно-технических знаний и сильной кооперации научных и инженерных команд. При этом развитие космической и авиационной промышленности привлекает инвестиции, способствует созданию новых высокотехнологичных рабочих мест и экономическому росту в регионах, где развернуты соответствующие кластеры, обеспечит дальнейший рост научно-технического прогресса, так как работа над космическими и беспилотными аппаратами напрямую влияет на развитие научных знаний, инженерных технологий и инновационных решений, что повышает технологический уровень отечественных разработок и стимулирует науку и инженерию. Для осуществления разработки и производства космических и беспилотных аппаратов в стране данный проект обусловит более тесное сотрудничество между

научными институтами, инженерными компаниями, государственными учреждениями и промышленными предприятиями. Одновременно, данный проект позволит решить многие народнохозяйственные задачи: космические аппараты и беспилотные летательные аппараты играют важную роль в зондировании территории, исследовании природных ресурсов, контроле за природными явлениями, обеспечении безопасности и выполнении различных научных исследований.

В условиях санкционного давления развитие космической и авиационной промышленности также выступает одним из факторов экономической устойчивости и является элементом научно-технического прогресса Российской Федерации.

Не менее значимым видится работа отечественных организаций и университетов в рамках развития цифровизации. Например, АО «РЖД», АНО «Цифровая экономика», ООО «КуРэйт», МГУ, НИЯУ МИФИ, НИТУ МИСиС [9; 10] участвуют в реализации программы «Цифровая экономика» в части развертывания квантовых сетей [4]. Работа в данном направлении позволила специалистам МФТИ запустить первый в России 12-кубитный квантовый компьютер [21], основанный на сверхпроводниках, проводящих электрический ток без сопротивления и потерь электроэнергии. Его вычислительные элементы произведены из чистого алюминия [22].

Также в рамках цифровизации активно идет создание цифровых платформ, осуществляется переход к экономике данных, что улучшает условия для бизнеса и сохраняет вектор формирования самодостаточной и инновационной экономики.

В подтверждение желания продолжать развитие в данном направлении можно также привести создание предприятий производства высокотехнологичной продукции на территории нашей страны. Так, в целях поддержки отечественных производителей электромобилей E-Neva и Атом был построен новый завод литиевых аккумуляторов. Это является важным шагом для продвижения электромобильной индустрии и внедрения экологически чистых технологий в России. Помимо прочего, строительство завода обеспечивает:

- 1) создание новых рабочих мест;
- 2) способствует развитию инфраструктуры;
- 3) формирует условия для привлечения инвестиций;

4) снижает загрязнение окружающей среды (так как электромобили более экологичны и производят меньше выбросов вредных веществ).

Отсюда можно заключить, что строительство такого завода соответствует стратегическим задачам нашего государства.

В целом, приведенные примеры показывают, что санкционное давление, вместо того, чтобы ослабить, стимулирует развитие отечественной промышленности, особенно высокотехнологичных секторов. Хотя санкции и создают временные трудности, тем не менее, они стимулируют страну к укреплению своей экономики и сокращению зависимости от иностранных поставщиков. Устойчивость и способность к развитию, проявляемые российской промышленностью в условиях санкций, могут послужить примером для других стран, сталкивающихся с подобными вызовами.

Следующими факторами, которые способны повлиять на снижение негативных последствий санкционного давления и способствовать экономической устойчивости, следует назвать факторы в сфере воспроизводства человеческого потенциала, играющие важную роль в обеспечении развития и процветания общества [5; 11; 12, с. 25]. Рассмотрим некоторые из них.

Во-первых, образование. Инвестиции в образование являются ключевым фактором для формирования качественного человеческого капитала. Развитая система образования способствует повышению профессиональных навыков и квалификации населения, что ведет к увеличению производительности труда и конкурентоспособности экономики.

Во-вторых, инвестиции в научные исследования и инновации позволяют стране оставаться впереди в технологическом прогрессе, создавать новые продукты и услуги, а также развивать передовые отрасли.

В-третьих, здравоохранение; здоровое население является одним из важнейших ресурсов для развития экономики. Инвестиции в здравоохранение способствуют снижению медицинских расходов, повышению производительности труда и снижению уровня болезней.

В-четвертых, государственные программы социальной поддержки, такие как пенсии, пособия по безработице, медицинская страховка и др., играют важную роль в поддержании социальной стабильности и благополучия населения.

В-пятых, культура. Именно развитие культурных индустрий способствует формированию нацио-

нальной идентичности, привлечению туристов, а также созданию рабочих мест и развитию креативной экономики.

Таким образом, можно смело констатировать, что в условиях повышенного санкционного давления наша страна имеет (и уже активно реализует) огромный потенциал, и государство наметило множество альтернативных путей преодоления его негативных последствий, и более того, смогло использовать этот непростой этап мирового развития как явный стимул к национальному экономическому росту.

Список источников

1. Федеральный закон Российской Федерации от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (ред. от 28 сентября 2018 г.) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 28 августа 2017 г. № 1030 «О системе управления реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации // URL://<https://digital.gov.ru/ru/events/38738/>
5. Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход / сост., науч. ред. пер., авт. послесл. Р. И. Капелюшников. М. : ГУ ВШЭ, 2003.
6. Вертакова Ю. В., Плахотникова М. А. Современные тенденции трансформации стратегического управления инновационно-промышленными кластерами // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2021. № 1 (47). С. 5–10.
7. Глазьев С. Ю. О глубинных причинах нарастающего хаоса и мерах по преодолению экономического кризиса // URL://<https://glazev.ru/articles/1-mirovoy-krizis/78041-o-glubinnykh-prichinakh-narastajushhego-khaosa-i-merakh-po-preodoleniju-jekonomicheskogo-krizisa>.
8. Гоглев Н. Н., Касаткина Е. В., Мигалин С. А., Муштак О. И. Управление рисками с применением современных технологий искусственного интеллекта и анализа больших данных // Цифровая экономика. 2022. № 2 (18). С. 38–45.
9. Гретченко А. И., Горохова И. В., Гретченко А. А. Формирование цифровой экономики России // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2018. № 3 (99). С. 3–11.
10. Иванов В. В., Малинецкий Г. Г. Цифровая экономика: мифы, реальность, перспектива. М. : Российская академия наук, 2017.
11. Шманев С. В., Рябов К. В. Самоорганизация в социально-экономических системах // Транспортное дело России. 2008. № 2. С. 83–84.
12. Шманев С. В., Егорова Т. Н. Новый институциональный подход к проблемам управления на базе концепции расслоенности экономического пространства // Транспортное дело России. 2012. № 6 (ч. 2).
13. Шманев С. В., Шманева Е. С., Егорова Т. Н. Нелинейные модели циклического развития экономических систем // Транспортное дело России. 2015. № 1 (116).
14. Шманев С. В., Шманева Л. В. Прогноз эффективности альтернативных инновационно-инвестиционных проектов на основе теории нечетких множеств // Транспортное дело России. 2015. № 4 (119). С. 125–127.
15. URL://<https://vz.ru/economy/2023/10/20/1235853.html>.
16. URL://<https://www.kommersant.ru/doc/6428786>.
17. URL://<https://cipr.ru/articles/mikroelektronika-v-rossii-i-mire/>
18. Электронная промышленность (рынок России). 2023 // URL://<https://www.tadviser.ru/index.php>.
19. URL://<https://3dnews.ru/1101519/proizvoditeli-elektroniki-nachali-perenosit-moshchnosti-iz-kalin-ingrada>.
20. URL://<https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/>
21. URL://<https://www.kommersant.ru/doc/3787617>.
22. URL://https://www.cnews.ru/news/top/2024-01-19_uchenye_zapustili_pervyj#:~:text=Специалисты%20

References

1. Federal Law of the Russian Federation № 488-FZ dated December 31, 2014 «On Industrial Policy in the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
2. Decree of the Government of the Russian Federation dated November 17, 2008 № 1662-r (ed. dated

dated September 28, 2018) «On the Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020» (together with the «Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020») // LRS «ConsultantPlus».

3. Resolution of the Government of the Russian Federation № 1030 dated August 28, 2017 «On the Management System for the Implementation of the Digital Economy of the Russian Federation Program» // LRS ConsultantPlus.

4. Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation // URL://<https://digital.gov.ru/ru/events/38738/>

5. Becker G. Human behavior: an economic approach / comp., scientific ed. trans., author. afterword by R. I. Kapelyushnikov. M. : Higher School of Economics, 2003.

6. Vertakova Yu. V., Plakhotnikova M. A. Modern trends in the transformation of strategic management of innovative industrial clusters // Theory and practice of service : economics, social sphere, technology. 2021. № 1 (47). P. 5–10.

7. Glazyev S. Yu. On the underlying causes of the growing chaos and measures to overcome the economic crisis // URL://<https://glazev.ru/articles/1-mirovoy-krizis/78041-o-glubinnikh-prichinakh-narastajushhego-khaosa-i-merakh-po-preodoleniju-jekonomicheskogo-krizisa>.

8. Goglev N. N., Kasatkina E. V., Migalin S. A., Mushtak O. I. Risk management using modern technologies of artificial intelligence and big data analysis // Digital Economy. 2022. № 2 (18). P. 38–45.

9. Gretchenko A. I., Gorokhova I. V., Gretchenko A. A. Formation of the digital economy of Russia //

Bulletin of Plekhanov Russian University of Economics. 2018. № 3 (99). P. 3–11.

10. Ivanov V. V., Malinetsky G. G. Digital economy : myths, reality, perspective. M. : Russian Academy of Sciences, 2017.

11. Shmanev S. V., Ryabov K. V. Self-organization in socio-economic systems // Transport business of Russia. 2008. № 2. P. 83–84.

12. Shmanev S. V., Egorova T. N. A new institutional approach to management problems based on the concept of stratification of economic space // Transport business of Russia. 2012. № 6 (part 2).

13. Shmanev S. V., Shmaneva E. S., Egorova T. N. Nonlinear models of cyclical development of economic systems // Transport business of Russia. 2015. № 1 (116).

14. Shmanev S. V., Shmaneva L. V. Forecast of the effectiveness of alternative innovation and investment projects based on the theory of fuzzy sets // Transport business of Russia. 2015. № 4 (119). P. 125–127.

15. URL://<https://vz.ru/economy/2023/10/20/1235853.html>.

16. URL://<https://www.kommersant.ru/doc/6428786>.

17. URL://<https://cipr.ru/articles/mikroelektronika-v-rossii-i-mire/>

18. Electronic industry (Russian market) 2023 // URL://<https://www.tadviser.ru/index.php>.

19. URL://<https://3dnews.ru/1101519/proizvoditeli-elektroniki-nachali-perenosit-moshchnosti-iz-kalin-ingrada>.

20. URL://<https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/>

21. URL://<https://www.kommersant.ru/doc/3787617>.

22. URL://https://www.cnews.ru/news/top/2024-01-19_uchenye_zapustili_pervyj#:~:text=Specialists%20.

Информация об авторе

С. В. Шманев — заместитель руководителя кафедры экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор.

Information about the author

S. V. Shmanev — Deputy Chief of the Department of Economic Theory of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Economic Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 18.01.2024; одобрена после рецензирования 22.02.2024; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted 18.01.2024; approved after reviewing 22.02.2024; accepted for publication 29.03.2024.

Научная статья

УДК 159

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-258-263>

EDN: <https://elibrary.ru/uiixhk>

NIJON: 2003-0059-2/24-033

MOSURED: 77/27-003-2024-02-232

Идеология национализма: политическая психология и правовая реальность

Сергей Рифатович Аблеев

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, asr028@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются психологические и политические истоки развития идеологии национализма и ее отражение в правовой и социальной реальности XX–XXI вв. Распространение идеологии агрессивного национализма свидетельствует о культурной отсталости и неизжитых социально-психологических аффектах конкретной нации. Мировоззрение национализма следует воспринимать как тяжелую историческую регрессию, которая сопровождается страданиями несчастного народа, лишенного возможности широкого социального взаимодействия, подлинного духовного развития и межкультурного диалога с иными странами и этническими сообществами.

Ключевые слова: национализм, идеология национализма, общество, политическая психология, политическая культура, правовая реальность, правовая культура, экстремизм

Для цитирования: Аблеев С. Р. Идеология национализма: политическая психология и правовая реальность // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 258–263. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-258-263>. EDN: UIIXHK.

Original article

The ideology of nationalism: political psychology and legal reality

Sergey R. Ableev

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, asr028@yandex.ru

Abstract. The psychological and political origins of the development of the ideology of nationalism and its reflection in the legal and social reality of the XX–XXI centuries are considered. The spread of the ideology of aggressive nationalism testifies to the cultural backwardness and unexplored socio-psychological affects of a particular nation. The worldview of nationalism should be perceived as a severe historical regression, which is accompanied by the suffering of an unhappy people deprived of the opportunity for broad social interaction, genuine spiritual development and intercultural dialogue with other countries and ethnic communities.

Keywords: nationalism, ideology of nationalism, society, political psychology, political culture, legal reality, legal culture, extremism

For citation: Ableev S. R. The ideology of nationalism: political psychology and legal reality. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):258–263. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-258-263>. EDN: UIIXHK.

Магистральный вектор развития современного человечества направлен в сторону формирования общего культурного, правового и социально-экономического пространства. В конечном счете, человечество должно преодолеть национальную и политическую разобщенность и от локальных цивилизаций и отдельных государств перейти к единой планетарной цивилизации и интегральному обществу. Однако, сейчас, в силу целого ряда причин, это еще невозможно. Тем не менее, международное взаимодействие и мировая интеграция различных стран и народов совершенно необходимы для выживания человечества, которое по причине своего разобщения рискует не найти действенные решения нарастающих глобальных проблем и дать решительные ответы на исторические вызовы.

В начале XXI столетия процессы так называемой глобализации пошли не в должном направлении и далеко не в интересах всего человечества. В таком

случае обратная, диаметрально противоположная реакция различных государств и народов явилась совершенно закономерным следствием допущенных ошибок. Мы получили нарастающее политическое противостояние, фрагментацию мировой экономики на региональные блоки, государственный экономический протекционизм, всевозможные санкции, барьеры, заградительные пошлины и торговые войны, возвращение к идеологии изоляционизма и национального противостояния.

Политический изоляционизм возрождает средневековые «феодалы княжества», цементирует дефицит политического пространства, стимулирует ксенофобию и межгосударственные войны. Экономический протекционизм рвет ткань формирующегося общего рынка, нарушает логистические связи, препятствует международному разделению труда и глобальному технологическому сотрудничеству. Национализм пресекает широкие культурные и социальные

© Аблеев С. Р., 2024

контакты между этносами, неправомерно возвышает одни и унижает другие, повышает градус ксенофобии, экстремизма и межнациональной вражды.

Таким образом, на современном этапе истории можно отметить два основных препятствия на пути формирования единого планетарного сообщества стран и народов. Первое из них — это *ошибочная стратегия глобализации*, в результате которой сама идея тесного сближения различных национальных сообществ и интеграции государств была скомпрометирована и девальвирована западными бизнес-элитами и непубличными лидерами так называемого американского «глубинного государства». Второе препятствие — это деструктивная *идеология национализма*, имеющая немало различных аспектов и разновидностей: от религиозного и суб-культурного национализма до политического и экономического национализма [1].

Здесь необходимо уточнить, что в отличие от русских философов И. А. Ильина и Н. С. Трубецкого [11], мы вкладываем в понятие «*национализм*» сильный или слабый (в зависимости от контекста) негативный смысл и четко отделяем его от смысловой сути явления, которое можно обозначить как «*национальный патриотизм*» или просто «*патриотизм*». Патриотизм и национализм — это совершенно разные социокультурные явления. Их терминологическое (номинативное) сближение вносит немалую путаницу даже в острые умы философов, тем более в массовое сознание. Подробнее различные сложные типологии и противоречивые трактовки национализма можно посмотреть, например, в работах современных российских исследователей М. Х. Фарукина [12], К. В. Аршина [4], В. С. Бузина [6].

В конце XX — начале XXI столетий волна возрожденного национализма неожиданно захлестнула многие страны. Она явилась следствием серьезных просчетов, которые были допущены элитами, проводившими масштабные социально-политические проекты глобализации и интеграции народов. Это касается не только, например, Европейского Союза, но и постсоветского политического пространства. После крушения СССР во многих бывших советских республиках к власти пришли политические силы, которые на местах так или иначе разыграли карту идеологии этнического, политического или религиозного национализма в ее умеренной или радикальной формах.

Политическая дезинтеграция Советского Союза в значительной мере происходила под флагами на-

ционализма бывших советских республик и освобождения их от власти московских коммунистических вождей. Однако, на самом деле политическое и экономическое разделение единой страны принесло немалые выгоды только узким группам национальных элит, которые за счет обретения независимости от Москвы на некоторое время получили почти бесконтрольный доступ к политическим, финансовым, природным и промышленным ресурсам на местах.

Вместе с тем, результаты деструкции общего государства оказались совершенно не выгодны народным массам этих новых самостоятельных стран, которые вскоре были вынуждены искать работу в России или дальнем зарубежье. В конечном счете, находившиеся у власти кланы и семьи неплохо обогатились. Все остальные, за малым исключением, обеднели или оказались в крайне затруднительном положении. Продавать собственную аграрную продукцию в зарубежные страны бывшим советским республикам оказалось очень непросто. Экономическое разочарование народов Закавказья, Средней Азии и Прибалтики новой социально-политической реальностью, к которой они пришли под знаменами возрожденного национализма, было весьма болезненным и даже обидным.

Так что же представляет собой национализм по своей психологической и экзистенциальной сущности? Это есть идеология национального возрождения или идеология национальной деградации? Оказывается, что в подавляющем большинстве случаев ни о каком прогрессивном возрождении говорить не приходится. Буйный рост национализма, как правило, свидетельствует совершенно о другом: о культурно-исторической отсталости или неизжитых социально-психологических аффектах конкретной нации. Причем ярко выраженный агрессивный или экспансивный национализм есть явный признак культурной ущербности личности и низкого уровня развития духовного сознания нации.

Развитая, исторически успешная, прогрессивная нация, которая имеет существенные достижения в различных сферах культуры и практической жизни, не боится иллюзорной потери своей национальной идентичности от тесного совместного сосуществования с другими народами. История свидетельствует, что, как правило, такие неизжитые страхи одолевают именно те этнические образования, которым либо нечего предъявить на суд мировой истории, либо они отвергают значительную часть своего и близкого по

духу культурного наследия под влиянием той или иной деструктивной идеологии.

Собственной недееспособность в научном, экономическом или технологическом смыслах, а также культурную инфантильность они пытаются иллюзорно восполнить провозглашением формального преимущества по национальной крови и антигуманным унижением других народов лишь на том основании, что они верят в другого бога, имеют другой уклад жизни или другой этнокультурный тип. В свое время, еще Николай Бердяев вполне справедливо подчеркивал отмеченное обстоятельство: националисты проповедуют либо замкнутость, изоляцию, закрытость от других народов и их культур, либо экспансию за счет других народов, их завоевание и подчинение [5].

Государство национального типа даже в Средние века не отличалось социальной и политической устойчивостью. Сейчас мононациональные государственные образования (которых в чистом виде уже почти не осталось) существуют лишь до тех пор, пока им это позволяют другие, т. е. сильные мира сего. Такие сильные государства построены совершенно иначе — по квази-имперскому типу с большей или меньшей степенью федерализации различных территорий и этнических групп.

В таких государствах вовсе не предполагается доминирование одного этноса над другими. Хотя бы потому, что выделение титульного этноса из всего национального многообразия народов большой страны породит межнациональные конфликты и, в конечном счете, разрушит общее политическое пространство. Это объективное обстоятельство белая американская элита смогла осознать еще в прошлом веке. Поэтому во второй половине XX столетия был положен конец расовой сегрегации чернокожего населения США. Американский истеблишмент признал права чернокожих вовсе не из соображений высокого морального гуманизма или братской любви к бывшим рабам, но в силу вполне здравой политической прагматики. Это трудное решение способствовало сохранению гражданского мира и политической стабильности государства.

Любая социальная система, в которой не выдерживается принцип равенства наций или религий, неизбежно обречена на высокую политическую нестабильность. Так, например, ничего вреднее и глупее нормативного запрета русского языка на Украине, после государственного переворота 2014 г., придумать было невозможно [9]. По своей политической недалек-

новидности новые украинские националисты неосторожно взломали черный ящик Пандоры, из которого наружу вырвались силы, неподвластные ни доминирующим политическим партиям, ни службе безопасности, ни национальным карательным батальонам. Неожданная и стремительная потеря части территорий (Крым и Донбасс) с немалым населением явилась лишь закономерным следствием этого крайне неосторожного и непродуманного поступка. В конечном счете именно оголтелый *украинский ультра национализм* привел некогда цветущую республику с огромными ресурсами и возможностями к глубокому социально-экономическому кризису и вооруженному конфликту с братским российским народом [1].

В современных условиях никакая отдельная нация или небольшое государство не способны добиться процветания без тесного взаимодействия или прямой интеграции с другими странами. Более того, такая страна не может рассчитывать и на реальный государственный суверенитет. Она его имеет в том относительном объеме, в каком ей это разрешают крупные геополитические игроки или влиятельные альянсы. В этом смысле ни Украина, ни Латвия, ни Литва, ни Эстония, ни Молдавия, ни Болгария, да и многие другие европейские и азиатские государства в настоящее время никакой реальной политической независимостью и правовой субъектностью не обладают [2].

Настоящий политический и правовой суверенитет теперь становится явлением редким, весьма ценным и крайне дорогим во всех смыслах этого слова. Не каждое государство способно его сейчас отстоять. Многие, некогда самостоятельные, страны променяли его на «стеклянные бусы» заокеанской демократии или торговое покровительство американского политического и финансового бомонда. Стоило ли, например, вполне «самостийным» украинским лидерам в постсоветский период рвать прочные культурные и экономические связи с Москвой для того, чтобы в конечном счете получить позорный политический ошейник из Вашингтона и покорно ожидать экономические подачки от западных финансовых структур?

Стоило ли наиболее влиятельной в политическом смысле и самой экономически мощной европейской державе (ФРГ) отказываться от крайне успешного бизнеса, доверительного партнерства, разумной безопасности и добрососедских отношений с Россией ради сомнительной *«Евро-Атлантической солидарности»*, которая превратила некогда лидирующую Германию в политического вассала США и экономи-

ческого неудачника стагнирующей Европы? Если для некоторых наблюдателей украинский пример потери суверенитета не является показательным, то свежий немецкий кейс, возможно, заставит серьезно задуматься как экспертов, так и лидеров менее влиятельных, но более замкнутых и националистически ориентированных государств, принимающих недальновидные геополитические и неадекватные идеологические решения.

В отличие от ангажированных европейских политических деятелей, многие российские философы и политологи отмеченную проблему рефлексии вполне ясно и объективно. Большинство современных государств на самом деле *«не способны в одиночку обеспечить ни своей безопасности, ни своего процветания перед лицом возможного конфликта»* [8, с. 74]. В действительности они являются так называемыми лимитрофами — незначительными, буферными странами, политически и экономически зависимыми от влиятельной внешней инстанции. В таком случае все это означает, что такие страны *«не могут быть центрами по-настоящему самостоятельной и суверенной воли в глобальных вопросах миропорядка»* [8, с. 74–75].

Таким образом, рассматривая проблему идеологии национализма в контексте грядущей глобализации и интеграции человечества, необходимо сформулировать и подчеркнуть несколько важных соображений общего характера. Первое соображение: нарастающее объединение (интеграция) человечества неизбежно предполагает перенос центра тяжести политической субъектности (суверенитета) от локальных малых и средних государств к континентальным традиционным супер-государствам или политическим агломерациям, содружествам и протекторатам как государственным образованиям относительно нового типа.

Второе соображение: в условиях нарастания политического веса супер-государств и углубляющейся экономической глобализации малые и средние государства все больше будут испытывать проблемы с дефицитом политического суверенитета, а как следствие — трудности с возможностями проводить независимую экономическую и правовую политику. В подобной ситуации находится, разумеется, не только ФРГ, но и почти все другие государства современной Европы как по отдельности, так и в составе всего Европейского Союза.

Третье соображение: государства националистического типа, склонные к культурному, религиозному и политическому изоляционизму, в исторической пер-

спективе окажутся неспособными обеспечивать свою политическую субъектность и стратегическую независимость. Они будут радикально диссонировать процессам глобальной интеграции культур, экономических систем и политических институтов.

В конечном счете такие страны окажутся слабыми, неуспешными и исторически недолговечными. Показательные примеры — это лимитрофные националистические государства на постсоветском пространстве (Украина, Литва, Латвия, Эстония), деградация которых по самым разным аспектам общественной жизни углубляется на наших глазах.

Вероятно, раньше всех скрытую логику глобального исторического процесса почувствовали в начале XX в. российские евразийцы первого поколения. Тут надо отметить, прежде всего, философа-правоведа и идеолога евразийского движения Н. Н. Алексеева. Он совершенно справедливо писал, что историческая эпоха суверенных национальных государств завершается.

Такие страны рано или поздно будут вынуждены примкнуть к более крупным политическим объединениям, которые могут представлять собой нечто вроде *федеративных империй*. Они будут географически распространяться на целые части света или континенты, что позволит им обрести высокую экономическую и демографическую самодостаточность (автаркию). Сто лет назад, по мнению Н. Н. Алексеева, на статус *«федеративной империи»* или *«государства — части света»* могли претендовать всего три политических объединения — Китай, США, Россия-Евразия. В будущем он допускал появление четвертого политического объединения подобного типа — Пан-Европы [3, с. 413–414].

Таким образом, в контексте давно назревшего формирования единого человеческого общества политическая изоляция, идеология национализма и монациональные государства представляют собой пути в темные исторические тупики. Мировоззрение национализма — это тяжелая историческая регрессия, почти всегда сопровождающаяся погружением в пучину страданий несчастного народа, лишенного возможности широкого социального взаимодействия, подлинного духовного развития и межкультурного диалога с иными странами и народами. В идеологическом и культурном смыслах национализм есть движение человеческого духа в далекое архаичное прошлое, когда мировосприятие находилось в тисках родоплеменных и узко этнических категорий и принципов жизни.

Причем ни в теоретическом, ни в практическом смыслах не следует путать *национальность* как есте-

ственное и вполне нормальное социокультурное явление, и *национализм* как его радикально окрашенное идеологическое извращение. Трудно не согласиться по этому поводу с замечанием Николая Бердяева: «*национальность есть культурно-исторический факт*», в то время как *национализм* есть иррациональное «*превращение натурального факта в идола*» [5].

Вместе с тем, необходимо отметить, что идеология радикального национализма, неправомерно возвышающая одну нацию над другими, это не просто некоторый безобидный этнокультурный идол или абстрактный социально-политический миф. Это есть тяжелая *мировоззренческая девиация* или крайне опасный *психоментальный вирус* недостаточно развитого в социокультурном смысле массового сознания и культурно ограниченного личного сознания. За короткий промежуток исторического времени такой «вирус» может поразить основных субъектов общественной жизни, которые становятся его устойчивыми носителями во всех системах социального организма: интеллигентов, элиту, интеллигенцию и народные массы [10].

Там, где вирус национализма получал неограниченное иными идейными концепциями распространение — всегда появлялась обильная кровь, моральная деградация и культурный упадок. Исторических примеров подобного развития событий вполне достаточно: идеология германского нацизма и гитлеровская псевдоарийская националистическая мифология, ультранационализм украинских бандеровцев и их новых последователей, итальянский национализм фашистского типа, националистически окрашенный экстримизм и радикальный фундаментализм в русле различных религиозных традиций и т. д.

В этой связи необходимо отметить, что современный *украинский неонацизм* вырос не только на почве возродившегося *немецкого нацизма* середины XX в., но и на основе радикального *украинского национализма* начала XX в. Этот оголтелый украинский национализм фактически явился основанием *идеологии прото-нацизма*, т. е. стал первым идеологическим клоном, исторически предшествовавшим второму клону агрессивной человеконенавистнической идеологии, т. е. немецкому нацизму последователей Адольфа Гитлера, который появился в социальном пространстве примерно на 30 или 40 лет позже.

Поэтому трудно не согласиться с известным французским журналистом Куртуа Лораном в том, что украинско-галицкие националисты явились в определенном смысле предтечами идеологов нацистских

расовых теорий¹. Так, в частности, еще на рубеже XIX–XX вв. один из лидеров украинских националистов Николай Михновский в своих, так называемых десяти заповедях УНП (Украинской народной партии), провозгласил опасный принцип «*Украина — для украинцев*». Другие же народы, проживающие на украинских землях (москалы, ляхи, венгры, румыны и евреи), как он полагал, это вовсе не братья, но «*враги нашего народа*».

В таком случае, когда современные президенты-марионетки Порошенко и Зеленский проводили политику этнокультурного геноцида как минимум половины населения своей несчастной страны (искореняли русский язык, выжигали русскую культуру и убивали русских), они не изобретали ничего принципиально нового. Это было целенаправленное осуществление старой идеологии крайнего *украинского нацизма*, которая подогревалась, радикализировалась и ловко использовалась в подрывных целях против России американскими и британскими политическими сюзеренами кукольных гетманов новой «незалежной» Украины.

Таким образом, следует еще раз подчеркнуть, что возрождение радикального национализма и неонацизма в современной Европе (Украина, Латвия, Литва, Эстония, Германия и др.) имеет не только культурно-исторические, но и политические причины. Европейские элиты не просто закрывают глаза, но сознательно потакают росту националистических и неонацистских настроений в некоторых лимитрофных государствах на линии цивилизационного разлома между Европой и Российской Евразией. Они опять, как и в прошлые столетия, намерены вырастить зловую силу, политически поддержать любых радикальных экстремистов, лишь бы они выступали против интересов России, нападали на Русский мир и создавали ему непреодолимые проблемы.

Возможно ли излечение общества от вируса национализма? В общем отвлеченном смысле национализм излечивается культурным развитием нации, широким образованием и духовным просвещением личности. Применительно к массовому сознанию отдельного государства на психологическое избавление от аффектов и иллюзий национализма благотворно влияют глубокий экономический кризис, культурный упадок, политическая нестабильность и историческое забвение.

¹ Лоран К. // интернет-проект ИноСми.ру.

Список источников

1. Аблеев С. Р. Евразийская Россия : философские смыслы метаистории и геополитики. М., 2023.
2. Аблеев С. Р., Золкин А. Л., Кузьминская С. И., Марченя П. П. Цивилизационный суверенитет России : проблемы и дискуссии. 2-е изд. перераб. и доп. М., 2018.
3. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 1998.
4. Аршин К. В. Национализм // Философская антропология. 2018. Т. 4. № 1. С. 154–174.
5. Бердяев Н. А. Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи // Философия свободного духа. 1994. С. 347.
6. Бузин В. С. О нации и национализме // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 311–324.
7. Гринин Л. Е. Исторические и геополитические причины социально-политического кризиса на Украине // История и современность. 2015. № 2. С. 3–44.
8. Золкин А. Л. Цивилизационный суверенитет, культурная идентичность и этическая позиция. М., 2021.
9. Кузьминская С. И. Языковой экстремизм как форма радикального национализма // Проблемы патриотического воспитания сотрудников правоохранительных органов и противодействия идеологии неонацизма и экстремизма : всерос. науч.-практ. конф. : сб. науч. тр. / сост. В. В. Плотников. М., 2023.
10. Сушко А. В. «Вирс» национализма // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2016. № 2. С. 47–50.
11. Трубецкой Н. С. Общевразийский национализм // Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. 9.
12. Фарукшин М. Х. Лики национализма // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. Кн. 1. С. 261.

Информация об авторе

С. Р. Аблеев — начальник кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор философских наук, член Российского философского общества.

Information about the author

S. R. Ableev — Head of the Department of Philosophy of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Philosophical Sciences, Member of the Russian Philosophical society.

Статья поступила в редакцию 13.02.2024; одобрена после рецензирования 19.03.2024; принята к публикации 05.04.2024.

The article was submitted 13.02.2024; approved after reviewing 19.03.2024; accepted for publication 05.04.2024.

Научная статья

УДК 159.9.072

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-264-268>

EDN: <https://elibrary.ru/ultxqm>

NION: 2003-0059-2/24-034

MOSURED: 77/27-003-2024-02-233

Личностные свойства в оценке и прогнозе психологического благополучия курсантов

Наталья Андреевна Гончарова

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, goncharova_n@bk.ru

Аннотация. Исследуются проблемы психологического благополучия во взаимосвязи с показателями личностных свойств, выступающих в качестве прогностических факторов при его оценке. Рассмотрены теоретические положения позитивной психологии и предмет исследования благополучия в ее рамках: удовлетворенность, положительные эмоции, вовлеченность и смысл жизни. Анализируются актуальные исследования, приводятся доказательства наличия корреляций между психологическим благополучием и личностными факторами. Рассмотрены результаты эмпирического исследования взаимосвязи психологического благополучия и личностных характеристик курсантов образовательной организации высшего образования МВД России. Цель исследования — анализ личностных характеристик, способствующих психологическому благополучию курсантов и связей между параметрами благополучия и личностными факторами. В ходе исследования подтверждена гипотеза о наличии множественных положительных корреляций между показателями благополучия и личностными свойствами, обеспечивающими возможность прогноза позитивности курсантов и использования ими личностных резервов в достижении благополучия. Совокупность личностных факторов общительности, эмоциональной стабильности, смелости, прямолинейности, практичности и самоконтроля может выступать в качестве прогностических маркеров в оценке состояний благополучия.

Ключевые слова: психологическое благополучие, курсанты, вовлеченность, смысл, личностные факторы, позитивные свойства личности, прогноз, удовлетворенность

Для цитирования: Гончарова Н. А. Личностные свойства в оценке и прогнозе психологического благополучия курсантов // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 264–268. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-264-268>. EDN: ULTXQM.

Original article

Personal properties in the assessment and forecast of psychological well-being of cadets

Natalya A. Goncharova

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia, goncharova_n@bk.ru

Abstract. The problems of psychological well-being are investigated in relation to indicators of personal properties that act as prognostic factors in its assessment. The theoretical provisions of positive psychology and the subject of well-being research within its framework are considered: satisfaction, positive emotions, engagement and the meaning of life. Current research is analyzed, and evidence of correlations between psychological well-being and personal factors is provided. The results of an empirical study of the relationship between psychological well-being and personal characteristics of cadets of an educational organization of higher education of the Ministry of Internal Affairs of Russia are considered. The purpose of the study is to analyze the personal characteristics that contribute to the psychological well-being of cadets and the links between the parameters of well-being and personal factors. The study confirmed the hypothesis of the presence of multiple positive correlations between indicators of well-being and personal properties, providing the possibility of predicting the positivity of cadets and their use of personal reserves in achieving well-being. A combination of personal factors of sociability, emotional stability, courage, straightforwardness, practicality and self-control can act as predictive markers in assessing well-being states.

Keywords: psychological well-being, cadets, involvement, meaning, personal factors, positive personality traits, prognosis, satisfaction

For citation: Goncharova N. A. Personal properties in the assessment and forecast of psychological well-being of cadets. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):264–268. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-264-268>. EDN: ULTXQM.

Психологическое благополучие является важнейшим показателем качества жизни, и субъективные представления человека о нем основываются на оценке не только материального благосостояния и физического здоровья, но и на прогнозе потенциальных

возможностей собственной личности в достижении целей и реализации высших ценностей. Один из основателей позитивной психологии, М. Селигман, считает психологическое благополучие значимым компонентом оптимального жизненного существования,

© Гончарова Н. А., 2024

обеспеченного качествами самоуважения, которые должны быть целью воспитания личности [10; 11]. Основу благополучия, по М. Селигману, составляет удовлетворенность жизнью, а его показателями являются активность в деятельности, осознанность целей, хорошие отношения с людьми, реализация ценностей и достижения. Этому способствуют сильные стороны личности и совокупность личностных психологических качеств позитивной направленности.

Современные исследовательские подходы к анализу феномена психологического благополучия обращены к различным аспектам жизнедеятельности человека, на основе чего сформировалось два типа представлений о его сущности: гедонистическое и эвдемоническое. Гедонистическое благополучие наиболее полно было обосновано в работах Н. Брэдберна, который в его содержании рассматривал удовлетворенность и позитивные эмоции, отражающие субъективное переживание человека [8]. Эвдемоническое благополучие рассмотрено К. Рифф с позиции самореализации личности, актуализации собственных возможностей, раскрытия внутреннего потенциала, который заключен в комплексе личностных психологических особенностей человека [9].

В отечественных исследованиях психологического благополучия было установлено, что показатели психологического благополучия значимо коррелируют со свойствами личности. В исследованиях С. А. Башкатова — это корреляции между «компонентами позитивности, характеристиками темперамента и базовыми свойствами личности». Установлен также факт обусловленности личностного благополучия базовыми свойствами личности [1, с. 11]. В работе Н. Н. Лепешинского выявлены связи благополучия со смелостью личности, спокойствием, самоконтролем, конформизмом [5]. В исследовании Е. С. Ермаковой значимые корреляции отражают связь благополучия с показателями жизнестойкости личности [2]. В исследованиях благополучия лиц студенческого возраста А. М. Рикель с соавторами установили, что переживания состояний благополучия в юношеском возрастном периоде преимущественно связаны с эвдемонистическими факторами и особенностями личности [6]. Связи благополучия студентов с позитивной самооценкой и иными свойствами были выявлены в исследовании Д.С. Корниенко [4].

Таким образом, совокупность личностных факторов может выступать в качестве прогностических

маркеров в оценке состояний благополучия личности и профилактике неблагополучия. Это определило цель нашего исследования, которая заключалась в изучении личностных характеристик, способствующих психологическому благополучию курсантов, обучающихся в образовательной организации высшего образования МВД России. Прогноз позитивности личности и эффективности использования личностных резервов в достижении психологического благополучия осуществлялся в процессе установления связи между параметрами благополучия и личностных факторов. В качестве основной гипотезы выступило предположение о наличии множественных корреляций между показателями благополучия и личностными факторами.

В ходе проверки гипотезы были использованы психодиагностические методики: методика оценки психологического благополучия «Тест психологического благополучия» (в адаптации Т. Д. Шевеленковой, П. П. Фесенко) [7]; методика изучения свойств личности «Многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла (в адаптации Э. С. Чугуновой, А. Н. Капустиной) 16PF/C [3]. Математико-статистические методы исследования: описательные статистики, корреляционный анализ Пирсона. Полученные данные проверены на соответствие нормальному закону распределения, с помощью статистического пакета SPSS Statistics 23.0. Выборку составили курсанты образовательной организации высшего образования МВД России в возрасте от 20 до 22 лет ($N = 152$; $M = 22,1$; $SD = 1,1$).

Результаты исследования показателей психологического благополучия («Тест психологического благополучия» в адаптации Т. Д. Шевеленковой, П. П. Фесенко) позволили выделить группу лиц с высокими его значениями в количестве 82 человек. Между группами с высокими и низкими значениями благополучия выявлены значимые различия (при $p \leq 0,001$) по следующим шкалам: общий показатель благополучия, положительные отношения с другими, автономия, управление окружением, личностный рост, цель в жизни, самопринятие, общий показатель психологического благополучия (рис. 1).

Психологическое благополучие отражено в совокупности представленных на рис. 1 высоких значений, отражающих удовлетворенность отношениями с окружающими, самостоятельность и независимость в принятии решений, способность к самоконтролю, эф-

Примечание: * $p \leq 0,001$

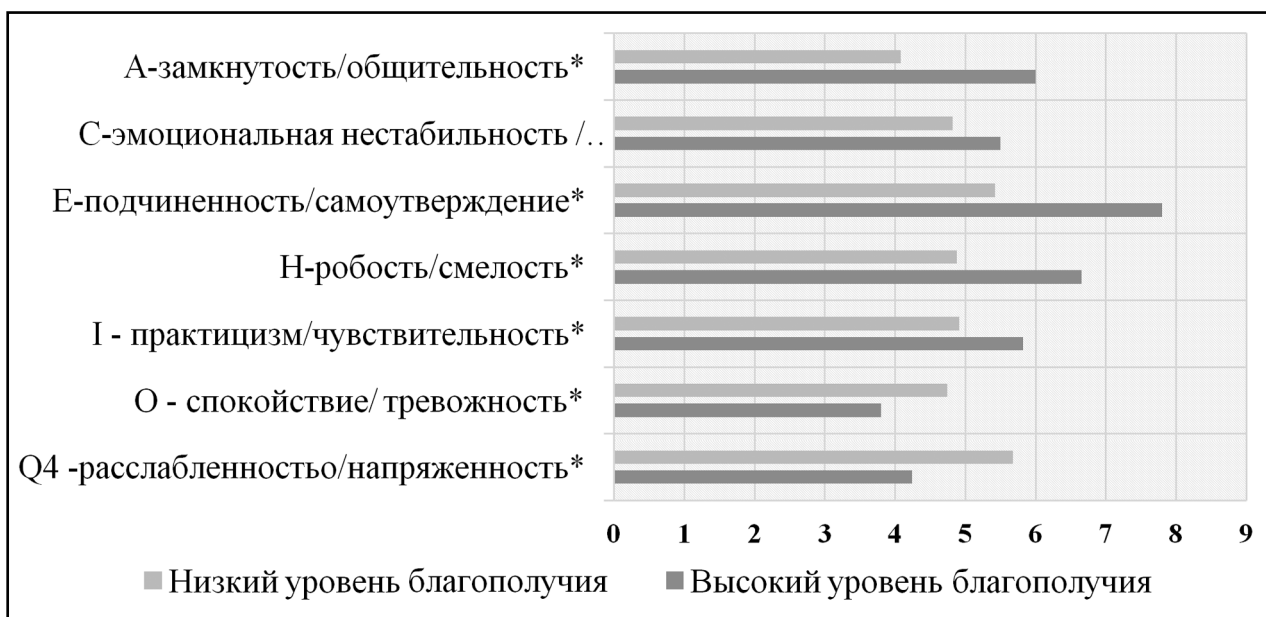
Рис. 1. Сравнение показателей психологического благополучия групп с низким и высоким уровнем благополучия («Тест психологического благополучия»)

фективность в реализации задач деятельности и целей, осознании возможностей личностного развития.

В сравнении показателей свойств личности значимые различия между лицами с высоким и низким уровнем психологического благополучия установлены в значениях шкал: «А — замкнутость/общительность», «С — эмоциональная нестабильность / эмоциональная стабильность», «Е — подчиненность/самоутверждение», «Н — робость/смелость», «І — практицизм/чувствительность», «О — спокойствие/тревожность», «Q4 — расслабленность/напряженность» при $p \leq 0,05$ (рис. 2).

Полученные результаты показывают, что при высоком уровне благополучия (по сравнению с неблагополучием) в профиле личности доминируют свойства общительности и открытости, эмоциональной выдержанности, стремление к самоутверждению, смелость и отзывчивость, уверенность и самонадеянность, энергичность и спокойствие, отсутствие тревожности, удовлетворенность.

Исследование взаимосвязей между показателями психологического благополучия и свойствами личности показало наличие большого количества достоверно значимых корреляций, которые свидетель-

Примечание: * $p \leq 0,05$

Рис. 2. Сравнение показателей свойств личности групп с низким и высоким уровнем благополучия («Многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла»)

ствуют о преимуществах личностных свойств общительности, эмоциональной стабильности, самоутверждения, смелости. Выявлены положительные корреляции фактора «А — Общительность» со следующими показателями психологического благополучия: «Положительные отношения с другими» $r = 0,353$, $p \leq 0,001$; «Управление окружением» $r = 0,257$, $p \leq 0,01$; «Личностный рост» $r = 0,331$, $p \leq 0,001$; «Цель в жизни» $r = 0,227$, $p \leq 0,01$; «Самопринятие» $r = 0,360$, $p \leq 0,001$; «Общий уровень психологического благополучия» $r = 0,303$, $p \leq 0,001$. Положительные и достоверно значимые корреляции при $p \leq 0,001$ установлены между свойствами личности «Эмоциональная стабильность — фактор С», «Смелость — фактор Н», «Высокий самоконтроль — фактор Q3» и практическими всеми показателями психологического благополучия. Отрицательные корреляции установлены между значениями показателей благополучия и личностных факторов «Прямолинейность — фактор N», «Расслабленность» — фактор Q4», «Спокойствие — фактор О». Наибольший вклад в систему корреляций между свойствами личности и психологическим благополучием внесли показатели свойств личности: общительность, эмоциональная стабильность, смелость, прямолинейность, практичность и самоконтроль. Из числа показателей психологического благополучия со свойствами личности более всего связаны «Личностный рост» (10 корреляций из возможных 16), «Цели в жизни», «Позитивные отношения с другими» (9 корреляций из возможных 16), «Самопринятие» (8 корреляций из возможных 16).

Результаты данного исследования во многом согласуются с результатами, полученными С. А. Башкатовым, доказавшим влияние свойств темперамента на психологическое благополучие, а именно — влияние нейротизма на психологическое неблагополучие, общительности и экстраверсии на психологическое благополучие. Установленные нами связи эмоциональной стабильности и психологического благополучия позволяют подтвердить данный эффект и роль базовых свойств личности, рассматриваемых в рамках традиционной психологии, в прогнозе позитивности личности. Подтверждается и влияние на психологическое благополучие именно позитивных качеств личности, отражающих высокий уровень эмоциональных проявлений в общении, личностной зрелости и устойчивости, конструктивности и готовности к сотрудничеству.

Выводы. Психологическое благополучие, как интегральное состояние личности, отражает степень субъективной оценки человеком собственных возможностей и самореализации, и приобретается личностью в процессе вовлеченности в деятельность, переживания при этом положительных эмоций, и обретения личностных смыслов. Основу благополучия составляет внутренняя активность самого субъекта, направленная на реализацию личностного потенциала, формирование позитивных личностных качеств, отличающихся эмоциональной устойчивостью, силой «Я», смелостью, общительностью, принципиальностью.

Значимость формирования психологического благополучия определяется его позитивными последствиями для формирования мотивации и развития личности, воспитательными ресурсами позитивных состояний, возможностями стимулирования конструктивных качеств личности, необходимых для самореализации, самостоятельного выбора жизненных смыслов, становления базовых принципов сотрудничества и взаимодействия, актуализации положительного человеческого потенциала.

Теоретическое и эмпирическое исследование показало, что совокупность личностных факторов общительности, эмоциональной стабильности, смелости, прямолинейности, практичности и самоконтроля может выступать в качестве прогностических маркеров в оценке состояний благополучия личности. Стимуляция позитивных свойств личности в процессе обучения и воспитания будет обеспечивать успешность профилактики неблагополучия и максимальное усиление защитных сил личности, возможности саморазвития, состояния психологической безопасности личности.

Личностные характеристики курсантов, способствующие психологическому благополучию, и установленные множественные взаимосвязи между параметрами благополучия и личностных факторов позволяют прогнозировать позитивность личности исследованных лиц и эффективность использования ими личностных резервов в достижении целей и результатов деятельности. Личностные свойства, обеспечивающие психологическое благополучие, должны найти психологическую поддержку окружающих, культивироваться в процессе включенности субъекта в социальную и учебную деятельность, воспитываться, что необходимо для обретения позитивности, осознанности и стабильности.

Список источников

1. Башкатов С. А. Характеристики темперамента и базовые свойства личности как факторы личностного благополучия // Психология и педагогика : методика и проблемы практического применения. 2013. № 29. С. 7–13.
2. Ермакова Е. С. Психологическое благополучие, жизнестойкость, стрессоустойчивость и тревожность студентов // Вестник психофизиологии. 2023. № 1. С. 93–101.
3. Капустина А. Н. Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла. СПб. : Речь, 2004.
4. Корниенко Д. С. Свойства личности как основа психологического благополучия студентов // Новое слово в науке : перспективы развития. 2014. № 2 (2). С. 135–136.
5. Лепешинский Н. Н. Адаптация опросника «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 3. С. 24–37.
6. Рикель А. М., Туниянц А., Батырова Н. Понятие субъективного благополучия в гедонистическом и эвдемонистическом подходах // Вестник московского университета. 2017. № 2. С. 64–82.
7. Шевеленкова Т. Д., Фесенко Т. П. Психологическое благополучие личности // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95–121.
8. Bradburn N. The Structure of Psychological Well-Being. Hicago : Aldine Pub. Co, 1969. P. 318.
9. Ryff C. D. Psychological Well-Being in Adult Life // Current Directions in Psychological Science. 1995. Vol. 4 (4). P. 99–104.
10. Seligman M., Csikszentmihalyi M. Positive psychology: An introduction // American Psychologist. 2000. Vol. 55. № 1. P. 5–14.
11. Seligman M., Pawelski J. O. Positive psychology: FAQ's // Psychological Inquiry. 2003. № 2. P. 159–163.

Информация об авторе

Н. А. Гончарова — доцент кафедры педагогики и психологии учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук, доцент.

Information about the author

N. A. Goncharova — Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of the Educational and Scientific Complex for the Study of Problems of Personnel Work and Moral and Psychological Support for the Activities of the Internal Affairs Bodies of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

References

1. Bashkatov S. A. Characteristics of the temperament and basic personality characteristics as factors of personality well-being // Psychology and pedagogy : methodology and problems of practical application. 2013. № 29. P. 7–13.
2. Ermakova E. S. The psychological well-being, resiliency, stress tolerance and anxiousness of students // Bulletin of psychophysiology. 2023. № 1. P. 93–101.
3. Kapustina A. N. R. Kettell multifactorial methodology of personality. Saint-Petersburg : Speech, 2004.
4. Kornienko D. S. Personality properties as the basis of psychological well-being of students // New word in science : development prospects. 2014. № 2(2). P. 135–136.
5. Lepeshinsky N. N. Adaptation of the questionnaire «Scales of psychological well-being» K. Riff // Psychological Journal. 2007. Vol. 28. № 3. P. 24–37.
6. Rikel A. M., Tuniyants A., Batyrova N. The concept of subjective well-being in hedonistic and eudaimonistic approaches // Bulletin of the Moscow University. 2017. № 2. P. 64–82.
7. Shevelenkova T. D., Fesenko T. P. Psychological well-being of personality // Psychological diagnostics. 2005. № 3. P. 95–121.
8. Bradburn N. The Structure of Psychological Well-Being. Hicago : Aldine Pub. Co, 1969. P. 318.
9. Ryff C. D. Psychological Well-Being in Adult Life // Current Directions in Psychological Science. 1995. Vol. 4 (4). P. 99–104.
10. Seligman M., Csikszentmihalyi M. Positive psychology: An introduction // American Psychologist. 2000. Vol. 55. № 1. P. 5–14.
11. Seligman M., Pawelski J. O. Positive psychology: FAQ's // Psychological Inquiry. 2003. № 2. P. 159–163.

Статья поступила в редакцию 13.02.2024; одобрена после рецензирования 19.03.2024; принята к публикации 05.04.2024.
The article was submitted 13.02.2024; approved after reviewing 19.03.2024; accepted for publication 05.04.2024.

Научная статья

УДК 1/159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-269-272>

EDN: <https://elibrary.ru/uuijtz>

NIION: 2003-0059-2/24-035
MOSURED: 77/27-003-2024-02-234

Особенности эмоциональной саморегуляции в деятельности сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации

Елена Викторовна Светлакова

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Тюмень, Россия,
Svetlakova22@mail.ru

Аннотация. Рассматривается саморегуляция, ее цель и возможности в профессиональной служебной деятельности сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации. Психическое состояние определяется как целостная характеристика психической деятельности за определенный период. Проанализированы приемы и методы саморегуляции, нацеленные на управление психическими состояниями в деятельности сотрудника органов внутренних дел. Дается понятие психологической саморегуляции как целенаправленной сознательно-управляемой регуляции. Выделены две группы методов психологической саморегуляции: долговременные (слоу-методы) и срочные (экспресс-методы). Описываются психические процессы/свойства/состояния, на которых основываются базовые приемы эмоциональной саморегуляции.

Ключевые слова: эмоциональная саморегуляция, сотрудник органов внутренних дел, психические состояния

Для цитирования: Светлакова Е. В. Особенности эмоциональной саморегуляции в деятельности сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 269–272. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-269-272>. EDN: UUIJ TZ.

Original article

Features of emotional self-regulation in the activities of employees of internal affairs bodies of the Russian Federation

Elena V. Svetlakova

Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Tyumen, Russia,
Svetlakova22@mail.ru

Abstract. Self-regulation, its purpose and possibilities in the professional official activity of an employee of the internal affairs bodies of the Russian Federation are considered. A mental state is defined as an integral characteristic of mental activity over a certain period. The techniques and methods of self-regulation aimed at managing mental states in the activities of an employee of the internal affairs bodies are analyzed. The concept of psychological self-regulation as purposeful consciously controlled regulation is given. Two groups of methods of psychological self-regulation are distinguished: long-term (slow methods) and urgent (express methods). The mental processes/properties/states on which the basic techniques of emotional self-regulation are based are described.

Keywords: emotional self-regulation, internal affairs officer, mental states

For citation: Svetlakova E. V. Features of emotional self-regulation in the activities of employees of internal affairs bodies of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):269–272. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-269-272>. EDN: UUIJ TZ.

Морально-психологическая готовность к выполнению служебных задач зависит не только от особенностей личности сотрудника, которые позволяют ему успешно адаптироваться и ориентироваться в различных, часто сложных условиях службы, но и от степени владения эффективными стратегиями совладания — умения управлять своим эмоциональным состоянием. Необходимость наличия развитых регулятивных механизмов в профессиональной деятельности обусловлена ее спецификой: стрессовым характером большинства профессиональных ситуаций, социальным характером служебной деятельно-

сти (для достижения ее задач нужно контактировать со специфическими категориями граждан). Такие особенности службы проявляются в множестве неопределенных, конфликтных моментов, которые требуют от сотрудника собранности, устойчивости, регулятивных умений — способности сохранять адекватность, разумность, здравость рассудка, спокойствие, уверенность в себе и своих действиях несмотря на провокационное и манипулятивное воздействие со стороны окружающих.

«Саморегуляцию» (лат. *regulare* — приводить в порядок, налаживать) — есть «заранее осознанное и

© Светлакова Е. В., 2024

системно организованное воздействие индивида на свою психику с целью изменения ее характеристик в желаемом направлении» [1, с. 372].

Особенности службы могут провоцировать возникновение негативных эмоциональных состояний, которые затрудняют успешную профессиональную реализацию и ухудшают самочувствие сотрудника, особенно если они преобладают длительное время.

«Психическое состояние» — это целостная характеристика психической деятельности за определенный период времени, показывающая своеобразие протекания психических процессов в зависимости от отражаемых предметов и явлений действительности, предшествующего состояния и свойств личности [2, с. 20].

Приемы и методы саморегуляции направлены на управление психическими состояниями.

«Психологическая саморегуляция» представляет собой целенаправленную сознательно-управляемую регуляцию всесторонней деятельности организма, его процессов, реакций и состояний при помощи средств (методов, приемов) психической активности [1, с. 373].

Такое самоуправление происходит в виде не рефлекторного, а осознанного реагирования на изменяющиеся, негативные явления внутриличностного характера или происходящие в окружающем пространстве. Задачи саморегуляции: «преодоление нервного возбуждения, восстановление мышечной работоспособности, регуляция самочувствия и др., а также мобилизация внутренних ресурсов к предстоящей деятельности».

Теоретической базой в изучении совладающих механизмов (регулятивных умений) выступает концепция К. П. Павлова о взаимосвязи «второй сигнальной системы» с системой рефлекторной регуляции организма, деятельность которой осуществляется неосознанно. С помощью вербальных сигналов возможно сознательное изменение некоторых психических процессов в сторону их гармонизации, приведения в продуктивное состояние: активации или релаксации психики сотрудника, в зависимости от условий и задач деятельности.

Методы саморегуляции (от греч. Methodos — система приемов какой-либо деятельности; способ действия) можно определить как различные группы приемов влияния на свою психоэмоциональную сферу с целью ее гармонизации и оптимизации.

Приемы саморегуляции находят себя в практическом использовании регуляционных методик, поз-

воляющих управлять психофизиологическими процессами организма и благодаря этому менять свое внутреннее состояние.

И те, и другие основываются на процессах самоанализа, сознательного расслабления и фиксации на таких процессах, например, как: тяжесть в теле, пульсация. Так же обычно задействованы такие процессы, как воображение, самовнушение. Во всех случаях наблюдается измененное состояние сознания.

Основные приемы эмоциональной саморегуляции основываются на следующих психических процессах/свойствах/состояниях:

- ♦ активное воображение;
- ♦ концентрация внимания;
- ♦ измененное состояние сознания;
- ♦ нейролингвистическое программирование;
- ♦ управление представлениями, образами, мысленное моделирование;
- ♦ использование релаксационных методик;
- ♦ рефлексирование;
- ♦ самовнушение.

Использование системы регуляционных методик выступает способом профилактики излишней эмоциональной нагрузки, приводящей к психическому перенапряжению, оптимизирует восстановление ресурсного состояния организма сотрудника, положительно влияет на настроение в процессе его служебной деятельности, мобилизует готовность сотрудника, к действиям в сложных или нестандартных ситуациях.

Для эффективной саморегуляции сотруднику необходимо учитывать:

- ♦ ситуативные характеристики происходящих в служебной деятельности событий, например, в момент экстремальной ситуации, когда жизни сотрудника угрожает опасность, не подходят техники, требующие времени, настроения, длительные по выполнению;
- ♦ свои индивидуальные личностные особенности: так, сотрудники, обладающие свойствами холеристического темперамента, больше склонны к эмоциональным срывам, сильнее поддаются провокационному поведению граждан, так же чаще являются инициаторами конфликтов. В связи с психофизиологическими особенностями нервной системы, некоторые методы саморегуляции малоэффективны (медитация, аутогенная тренировка) так как бездействие — мучительно. Между тем, они более других нуждаются в формировании регулятивных умений.

Все методы психологической саморегуляции можно представить в виде двух групп: долговременные и срочные. «Слоу» и «экспресс» Слоу-методы (slow — англ. длительный, долговременный) Экспресс-методы (от лат. *expressus* — усиленный, быстрый) [1, с. 374].

М. А. Чуносков и М. А. Таранин относят «ауто-тренинг, релаксационные, медитативные и дыхательные техники к «слоу»-методам. Они требуют длительного времени, подготовленности, тренировки, мотивации, настроения и особых внешних условий, как и методики нейролингвистического программирования, самогипноза и др.

К группе «экспресс» методов авторы относят «экспресс — дыхательные техники; идеомоторные техники; техники вербальной саморегуляции; техники произвольной мышечной мобилизации и релаксации», которые эффективны в экстремальных ситуациях служебной деятельности, требующих от сотрудника способности собраться, привести себя и других «в чувство», бороться и выживать.

Методы и приемы психологической эмоциональной саморегуляции можно классифицировать не только по условиям применения и времени, требуемому для их реализации, но и по степени необходимой подготовки для их использования.

Так, существуют приемы самоуправления (первая группа), не требующие подготовки и изучения, которые люди используют в повседневной жизни для совладания со стрессом, их можно назвать естественные, например, созерцание пейзажа; водные процедуры или просто контакт с водой, просмотр телепередач или нахождение в социальных сетях, мессенджерах, прослушивание музыки, прогулки, общение с близкими и друзьями, самоуспокаивающие движения (покачивания, постукивание пальцем или ручкой по столу, рисование, прохаживание), самоуспокаивающие, самоубеждающие фразы: «Да что я переживаю, делал же уже это, и в этот раз смогу», физическая нагрузка и т. д.

Ко второй группе приемов можно отнести «специальные, не требующие психологической подготовки», такие как аромотерапия (как вдыхание приятных ароматов, запахов), цветотерапия (как созерцание приятных цветов), арттерапия (любые виды творчества), фитотерапия, дыхательная гимнастика, самомассаж, музыкотерапия (прослушивание специально подобранной музыки, вызывающей нужные состояния), танцевальная терапия (ритмичные движения под музыку) и т. д.

Третья группа представлена не приемами, а методами, требующими в применении соответствующей психологической подготовки, знаний, а иногда и профессионально-психологического сопровождения: методы с использованием визуализации (гештальт-терапия, НЛП), аутогенная тренировка, прогрессивная нервно-мышечная релаксация, метод Х. А. Ключ, систематическая дисенсибилизация, холотропная терапия, методы когнитивной психокоррекции и проч.

Рассматривая классификации методов эмоциональной саморегуляции можно также обозначить следующие.

1. «Временные», включают мобилизующие методы — активирующие ресурсы организма и психики, подготавливающие к сложным и энергетически-затратным видам активности.

2. «Восстанавливающие», полностью восполняют потраченные ресурсы организма во время передышки или полноценного отдыха (прогрессивная нервно-мышечная релаксация, медитативные техники, аутогенная тренировка).

3. «Психофизиологические», техники, предполагающие воздействие на психику через воздействие на тело, например, рефлексотерапия, самомассаж, лечебная физкультура.

Также О. Б. Полякова и Т. И. Бонкало описывают четыре категории методов саморегуляции, отличающиеся воздействием на определенные компоненты психики: «эмоционально-волевые методы (самоисповедь, самоубеждение, самоприказ, самовнушение, самоподкрепление); мотивационные методы (непосредственные методы: прием логического мышления, аутогенная тренировка, самогипноз, библиотерапия); опосредованные методы (медитация); корректирующие методы (самоорганизация, самоутверждение, самодетерминация, самоактуализация» [3, с. 8].

Успешное овладение методами саморегуляции определяется по большей части желанием сотрудника усилить свою стрессоустойчивость, гармонизировать эмоциональное состояние. Для создания мотивации необходимо информировать о негативных последствиях стресса, экстремальных особенностях службы, и отсутствия умений управлять собой в экстремальных ситуациях службы. Следует обратить внимание сотрудников на тот факт, что употребление спиртных напитков и курение дает лишь кратковременный, незначительный, и часто, мнимый эффект эмоционального благополучия. И, несмотря на то, что пере-

численные способы снятия нервно-психического напряжения распространены и считаются легкодоступными, нужно разъяснять и демонстрировать эффективность здоровых, научно-обоснованных и практически апробированных методов, пусть и требующих подготовки, и осознанности в применении. Как показывает опыт применения методик, направленных на обучение эмоциональной саморегуляции в процессе проведения занятий по морально-психологической подготовке, наибольшие трудности сотрудников связаны с освоением таких приемов, как аутогенная тренировка и метод Х. Алиева «Ключ». При этом сотрудники не испытывают затруднений в понимании и применении на практике приемов, связанных с самоуспокоением, самоприказами, проявляют заинтересованность в изучении методов, основывающихся на процессе визуализации. Так же наблюдается проявление защитного механизма по типу «вытеснение психотравмирующей информации» при стрессовых воздействиях.

Обобщая вышесказанное нужно отметить, что в формировании морально-психологической готовности развитие навыков эмоциональной саморегуляции занимает одно из ведущих мест, саморегуляция важна не только для самосовладания в экстремальных ситуациях служебной деятельности, но и для сохранения благоприятного эмоционального состояния сотрудника, независимо от внешних негативных воздействий; развитие регулятивных навыков может выступать как метод профилактики подверженности негативному психологическому воздействию на сотрудника со стороны, например, граждан.

Список источников

1. Чуносков М. А., Таранин М. А. Психологическая саморегуляция как условие успешного выполнения сотрудником органов внутренних дел оперативно-служебных задач // Проблемы современного педагогического образования. Ялта, 2018. С. 371–373.

Информация об авторе

Е. В. Светлакова — старший преподаватель Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, кандидат психологических наук.

Information about the author

E. V. Svetlakova — Senior Lecturer of the Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Psychological Sciences.

Статья поступила в редакцию 21.11.2023; одобрена после рецензирования 10.01.2024; принята к публикации 22.02.2024.
The article was submitted 21.11.2023; approved after reviewing 10.01.2024; accepted for publication 22.02.2024.

2. Левитов Н. Д. О психических состояниях человека. М., 1964.

3. Полякова О. Б., Бонкало Т. И. Основы психической саморегуляции деятельности медицинских работников: учеб.-метод. пособие для обучающихся по направлениям медицинского образования. М., 2021.

References

1. Chunosov M. A., Garanin M. A. Psychological self-regulation as a condition for successful fulfillment by an employee of the internal affairs bodies of operational and official tasks // Problems of modern pedagogical education. Yalta, 2018. P. 371–373.

2. Levitov N. D. On human mental states. M., 1964.

3. Polyakova O. B., Bonkalo T. I. Basics of mental self-regulation of medical workers' activity: ed.-method. manual for students of medical education directions. M., 2021.

Библиографический список

1. Трофимова Т. Д. Психологическое обеспечение развития саморегуляции тревожности у сотрудников ОВД. В сб.: Наука молодых: сб. науч. ст. участников XV всерос. науч.-практ. конф. Арзамас, 2023. С. 317–319.

2. Усманова Э. М. Саморегуляция сотрудников ОВД в экстремальных ситуациях. В сб.: Человек. Общество. Культура. Социализация: мат. XVI междунар. молодежной науч.-практ. конф. 2020. С. 58–61.

Bibliographic list

1. Trofimova T. D. Psychological support for the development of self-regulation of anxiety in police officers. In the col.: Science of the young: collection of scientific articles of the XV All-Russian scientific and practical conference. Arzamas, 2023. P. 317–319.

2. Usmanova E. M. Self-regulation of police officers in extreme situations. In the collection: A man. Society. Culture. Socialization: mat. XVI International. youth Scientific and Practical Conference 2020. P. 58–61.

Научная статья
УДК 159.9:343.83
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-273-279>
EDN: <https://elibrary.ru/tbqhma>

НИОН: 2003-0059-2/24-036
MOSURED: 77/27-003-2024-02-235

Психология потери. Саногенез, адаптогенез, патогенез в пограничном психическом состоянии и коррекция потерь в экстремальных условиях у кандидатов в сотрудники силовых ведомств

Владимир Иванович Серов

Академия Федеральной службы исполнения наказаний России, Рязань, Россия v.i.serov@mail.ru

Аннотация. Представлен анализ данных по Стандартизированному методу исследования личности и адаптивности психики 603 кандидатов на учебу в вуз, который выявил восемь защитных адаптивных реакций. Они распределены по трем самостоятельным состояниям — саногенезу, или нормальному состоянию, у 3,2 % испытуемых с нулевым уровнем дефектов (здоровье поддерживается саморегуляцией); адаптогенезу, или пограничному состоянию, у 93 % испытуемых с защитными адаптивными реакциями второй — седьмой степени (применяется психокоррекция); патогенезу, или патологическому состоянию, у 4,6 % испытуемых с защитной адаптивной реакцией восьмой степени (болезнь купируется психотерапией). Такой подход обладает преемственностью: психолог коррекцией восстанавливает саногенез в адаптогенезе, психиатр психотерапией — патогенез.

Защитные адаптивные реакции второй — седьмой степени — это пограничное состояние психики между здоровьем и болезнью. Оно трудно диагностируется психологами из-за быстрого перехода от здоровья к болезни с малозаметными факторами. Психологической коррекции свойственны в этом пограничном состоянии краткосрочность и 80%-я эффективность.

Увеличение числа болезней в мире и их утяжеление выявляет патогенетическую тенденцию, так как количество здоровых лиц уменьшилось до 4,7 %, что в перспективе предопределяет отделение саногенеза от адаптогенеза и патогенеза с диагностикой и коррекцией его в первую очередь. Первоначально надо экспериментально разрабатывать методы поддержания саногенеза, во вторую очередь — методы его восстановления при патогенезе. Адаптация неравнозначна саногенезу, а составляет лишь один из его принципиально важных фрагментов.

Ключевые слова: саногенез, нормальное состояние, здоровье, адаптогенез, пограничное состояние, патогенез, патологическое состояние, болезнь, защитные адаптивные реакции

Для цитирования: Серов В. И. Психология потери. Саногенез, адаптогенез, патогенез в пограничном психическом состоянии и коррекция потерь в экстремальных условиях у кандидатов в сотрудники силовых ведомств // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 273–279. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-273-279>. EDN: TBQHMA.

Original article

Psychology of loss. Sanogenesis, adaptogenesis, pathogenesis in a borderline mental state and correction of losses in extreme conditions of candidates for law enforcement officers

Vladimir I. Serov

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia v.i.serov@mail.ru

Abstract. The analysis of data on the Standardized Method of personality and mental adaptability research of 603 university applicants is presented, which revealed eight protective adaptive reactions. They are divided into three independent states — sanogenesis, or normal state, in 3.2% of subjects with zero defects (health is maintained by self—regulation); adaptogenesis, or borderline state, in 93% of subjects with protective adaptive reactions of the second to seventh degree (psychocorrection is used); pathogenesis, or pathological condition, in 4.6% of subjects with a protective adaptive reaction of the eighth degree (the disease is stopped by psychotherapy). This approach has continuity: the psychologist restores sanogenesis in adaptogenesis by correction, the psychiatrist restores pathogenesis by psychotherapy.

Second to seventh degree protective adaptive responses are the borderline state of the psyche between health and illness. It is difficult to diagnose by psychologists due to the rapid transition from health to disease with subtle factors. Psychological correction is characterized in this borderline state by short-term and 80 % effectiveness.

The increase in the number of diseases in the world and their aggravation reveals a pathogenetic trend, since the number of healthy persons decreased to 4,7 %, which in the future determines the separation of sanogenesis from adaptogenesis and pathogenesis with its diagnosis and correction in the first place. Initially, it is necessary to develop methods for maintaining sanogenesis experimentally, and secondly, to develop methods for its restoration in pathogenesis. Adaptation is unequal to sanogenesis and is only one of its fundamentally important fragments.

Keywords: sanogenesis, normal state, health, adaptogenesis, borderline state, pathogenesis, pathological state, disease, protective adaptive reactions

For citation: Serov V. I. Psychology of loss. Sanogenesis, adaptogenesis, pathogenesis in a borderline mental state and correction of losses in extreme conditions of candidates for law enforcement officers. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):273–279. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-273-279>. EDN: TBQHMA.

© Серов В. И., 2024

Психология потери или потеря саногенеза (здоровья) личности военнослужащих, сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) в нормальной психической деятельности саногенеза компенсируется преобладанием устойчивости психического гомеостаза над его поражаемостью в экстремальных условиях жизнедеятельности правового поля. При смещении этого равновесия в сторону преобладания поражаемости над устойчивостью гомеостаза возникают сначала психологические защиты в адаптогенезе, а при исчерпании компенсаторных возможностей защит адаптогенеза — патогенез, т. е. происходит переход от здоровья к болезни.

Несмотря на то, что все 603 кандидата на учебу находились в одинаковых условиях внешней среды, при приеме на профессиональную подготовку в высшее учебное заведение, у каждого из них реакции на эту среду, диагностируемую по СМЛ (Л. Н. Собчик, 2000) и шкале психической адаптивности (В. А. Дюк, 1994), проявлялись по-разному.

Выявлено три состояния этих реакций — саногенез, адаптогенез, патогенез. Для их различий предложены восемь защитных адаптивных реакций (ЗАР₁₋₈).

ЗАР₁ — это саногенез с нулевым уровнем дефектов в психике, или идеальное состояние здоровья (здоровье) (Д. Чопра, 1993).

ЗАР₂₋₇ — это адаптогенез с защитными адаптивными реакциями и разной степенью нарушения психики (степень гипоксии и колебания двух взаимовлияющих друг на друга процессов — устойчивости и поражаемости психики в зависимости от внешних и внутренних воздействий).

ЗАР₈ — это уже расстройство психики или патогенез с доминированием поражаемости гомеостаза от гипоксии над устойчивостью к ней во время болезни.

ЗАР₂₋₇ — пограничное состояние психики между здоровьем и болезнью. Это состояние обычно не

выделяется пенитенциарными психологами и другими специалистами, поскольку трудно диагностируется из-за быстроты перехода от здоровья к болезни с малозаметными факторами или признаками. Однако в этом пограничном состоянии наибольшей 80%-й эффективностью с наименьшими затратами времени специалиста обладает психологическая коррекция. При патогенезе и переходе в патологическое состояние (болезнь) приоритетом для диагностики и психологического воздействия является психотерапия, которую проводят клинические психологи по сохранности когнитивных процессов у пациентов, и психиатры по их психотерапии. Клинические психологи определяют сохранность когнитивных процессов (восприятие, внимание, память, мышление и др.), а психиатры — глубину поражения психики и прогноз на ближайшую и дальнейшую перспективу, например, возможность развития аутоагрессии (суицидальные мысли, намерения, поведение) или гетероагрессии (агрессии, направленной на окружающих с возможным применением против своих же сотрудников табельного оружия).

Как видно из табл. 1, ЗАР₁ (здоровье, по шкале адаптивности — 0–5 баллов, 50–55 Т-баллов по СМЛ) — это полная сбалансированность личности, ее нулевой уровень дефектов и основной метод восстановления — саморегуляция (медитация, дыхательная гимнастика, акупрессура — точечный массаж, арикулопунктура).

ЗАР₂ (по шкале адаптивности — 6–11 баллов, 56–60 Т-баллов по СМЛ) — это характерологические особенности индивида (Л. Н. Собчик, 2000), незначительная степень изменения адаптивности; в нашей концепции это лиминальное состояние по Е. Е. Сапоговой (2013) с рекомендацией выполнения профессиональной деятельности во вторую очередь после ЗАР₁, т. е. адаптивность к постоянно меняющимся внешним условиям службы снижена.

Таблица 1

Соотношения защитных адаптивных реакций (ЗАР₁₋₈) с четырьмя группами профессионального психологического отбора (ППО₁₋₄), шкалами адаптивности (А, с. б.), СМЛ (Т-баллы)

ЗАР ₁₋₈	ППО ₁₋₄ и признаки психической дезадаптации (ППДА)	А, сырые баллы	СМЛ, Т-баллы
1	Рекомендован	0–5	50–55
2	Рекомендован во 2-ю очередь	6–11	56–60
3	Рекомендован условно	12–19	61–70
4	ППДА не рекомендован	20–25	71–80
5	ППДА слабо выраженные	26–33	81–85
6	ППДА выраженные	34–40	86–90
7	ППДА сильно выраженные	41–47	91–95
8	Дезадаптация психики	более 48	более 96

ЗАР₃ (по шкале адаптивности — 12–19 баллов, 61–70 Т-баллов по СМЛ) — это акцентуированные черты характера, затруднения социально-психологической адаптации, признаки нервно-психической неустойчивости, значительная степень изменения адаптивности с рекомендацией условной возможности выполнения профессиональной деятельности и необходимости психологического сопровождения. Лица с ЗАР₃ из-за низкой надежности функционирования психики с высокой вероятностью перехода в ЗАР₄, как показала практика, приносят в подразделения, в которых они проходят службу, максимальное количество ошибок в деятельности и происшествий, в число которых входят и суициды.

ЗАР₄ (по шкале адаптивности — 20–25 баллов, 71–80 Т-баллов по СМЛ) — это отсутствие рекомендаций к выполнению профессиональной деятельности из-за трудностей в любом виде деятельности, склонности к асоциальным поступкам, выраженным уровнем нервно-психической неустойчивости.

ЗАР₅ (по шкале адаптивности — 26–33 баллов, 81–85 Т-баллов по СМЛ) имеет слабовыраженные признаки психической дезадаптации (психастения, страх смерти, нарушение сна), высоким уровнем нервно-психической неустойчивости, повышенным вниманием со стороны психолога.

ЗАР₆ (по шкале адаптивности — 34–40 баллов, 86–90 Т-баллов по СМЛ) — выраженные признаки психической дезадаптации (психастения, страх смерти, нарушение сна).

ЗАР₇ (по шкале адаптивности — 41–47 баллов, 91–95 Т-баллов по СМЛ) — сильно выраженные признаки психической дезадаптации (психастения, страх смерти, нарушение сна, флэшбэки¹). При ЗАР₂₋₇ применяется психокоррекция для восстановления потерь и возвращения психики сотрудника УИС в пределы здоровья.

ЗАР₈ (по шкале адаптивности — более 48 баллов, более 96 Т-баллов по СМЛ) — это психическая дезадаптация или группа риска по возникновению психического расстройства (болезни). Она проявляется психастенией, страхом смерти, расстройством сна, ночными кошмарами, флэшбэками, склонностью к суицидам. При ЗАР₈ применяется психотерапия для восстановления доминирования устойчивости психики над ее поражаемостью.

Предполагается, и это требует экспериментальной проверки, что ЗАР₂₋₄ имеют тенденцию приближения к ЗАР₁, обладают обратимостью, преобладанием устойчивости психики над поражаемостью, сме-

щением нервно-психической неустойчивости (НПН) в сторону первой в НПН нервной неустойчивости, а ЗАР₅₋₇ к ЗАР₈, обладают признаками необратимости, где поражаемость доминирует над устойчивостью психики при воздействии внешних и внутренних причин, смещением НПН в сторону второй в НПН психической неустойчивости.

Основной причиной нарушения устойчивости и поражаемости алаптогенеза является развитие гипоксии во всех его проявлениях (В. И. Медведев, 2003) в различных отделах головного мозга. ЗАР₂₋₇ — это факторы или признаки надвигающейся катастрофы в психике в виде психического расстройства.

Достоверность различия групп проверялась V-статистикой Уэлша — сравнение математических ожиданий при неравенстве дисперсий, t-статистикой Стьюдента — сравнение математических ожиданий при равенстве дисперсий, F-статистикой Фишера при однородности дисперсий, M-статистикой Бартлетта при гетероскедастичности дисперсий. Использовались методы многомерного статистического анализа — кластерный, факторный, дискриминантный. Математико-статистическая обработка данных проводилась с использованием электронных таблиц Excel и программы SPSS. Между всеми ЗАР₁₋₈ были получены достоверные различия по всем статистикам от $p \leq 0,05$ до $p \leq 0,001$.

Таблица 2
**Саногенез (ЗАР₁), адаптогенез (ЗАР₂₋₇),
патогенез (ЗАР₈) у 603 кандидатов на учебу
в экстремальных условиях жизнедеятельности**

ЗАР	1	2	3	4	5	6	7	8
n	19	106	90	94	67	102	97	28
%	3,2	18	15	16	11	17	16	4,6

Как видно из табл. 2, количество лиц с саногенезом ЗАР₁ и нулевым уровнем дефектов в психике 19, или 3,2 % от 603 испытуемых, и определяется высокой адаптивностью от 0 до 5 баллов и колебанием шкал СМЛ в пределах от 50 до 55 Т-баллов. Количество лиц с патогенезом ЗАР₈ и максимальным уровнем дефектов 28, или 4,6 % от 603 испытуемых, и психической дезадаптацией более 48 баллов и колебанием шкал более 96 Т-баллов. Диапазон от ЗАР₂

¹ Флэшбэк (от англ. flash — вспышка, озарение; back — назад) — это состояние в психологии, когда психика постоянно воспроизводит «картинки» с травмирующими, негативными воспоминаниями.

до ЗАР₇ составлял 93 %, собственно защитные адаптивные реакции из 556 кандидатов, или 93 % от 603 испытуемых, и определяется различными степенями адаптивности от 6 до 47 баллов и колебанием шкал СМЛ в пределах от 56 до 95 Т-баллов.

По Л. Н. Собчик для профотбора разделение от 50 до 70 Т-баллов проводится по диапазонам 50–55, 56–60, 61–70, 71–80 Т-баллов (ЗАР₁₋₄). Значения 50 Т-баллов, по мнению Л. Н. Собчик (2000), Ф. Б. Березина (1994), И. С. Дорошенко (2001), соответствуют нулевому уровню дефектов или идеальному состоянию здоровья. Нормальными считаются колебания от 25 до 70 Т-баллов. Для завершения классификации Л. Н. Собчик полученные нами экспериментальные данные были разбиты на диапазоны по 5 Т-баллов от 81 до 85, от 86 до 90, от 91 до 95 и свыше 96 Т-баллов для еще четырех защитных адаптивных реакций ЗАР₅₋₉. Это было сделано на основании восьмилетнего опыта проведения профессионального психологического отбора кандидатов на учебу в вуз для того, чтобы отразить весь диапазон пограничного состояния психики.

Американские ученые подвели итоги глобального исследования заболеваемости, включающего в себя данные по 188 странам мира и период с 1990 по 2013 гг. Изучалась распространенность более 300 болезней и более 2300 осложнений, возникающих после болезней. Они установили, что всего 4,3 % жителей нашей планеты полностью здоровы, среди детей младше пяти лет — 36 %, а среди людей старше 80 лет — 0,02 %.

Следовательно, саногенез у 36 % 5-летних и его наличие только у 0,02 % 80-летних определяет тенденцию потери саногенеза с возрастом. Средняя продолжительность жизни в России в 2023 г. составила 73,4 года, достигла уровня 2019 г. в 73,3 %, а к 2030 г. должна достичь более 80 лет. Эти данные о колебании уровня саногенеза за 2019–2024 гг., а также мнения специалистов о том, что биологическая надежность функций человеческого организма составляет 120–140 лет, определяет поиск средств коррекции этой тенденции, прежде всего, психологическими, испытываемыми эти изменения первыми.

Выявленные более низкие показатели саногенеза ЗАР₁ у 3,26 % испытуемых для лиц с идеальным здоровьем отличаются от данных саногенеза ЗАР₁ у 4,3 % населения мира и объясняются молодым возрастом испытуемых — 17–23 года, большей защищенностью головного мозга гемато-энцефалическим барьером по сравнению с телом, а также

психосоматическим или соматопсихическим взаимодействием.

Свыше 96 Т-баллов по СМЛ с ЗАР₈ у 4,6 % испытуемых начинается развитие патологических гипоксических реакций с поражаемостью (болезнь) и их доминирование над реакциями, обуславливающими устойчивость психики в экстремальных условиях жизнедеятельности. Такой подход с выделением защитных адаптивных реакций дает возможность психиатру диагностировать пограничное состояние психики с ЗАР₂₋₇ и применить психологическую коррекцию для восстановления психики в пределы нормы.

Асоциальность поведения взрослых, подростков и детей в пограничных состояниях предполагает наличие явных (46,5 %) и скрытых (41,5 %) акцентуаций характера (К. Леонгард, 1981; А. Е. Личко, 1983). Частота совокупностей явных и скрытых акцентуаций в популяции равна 85,2 %, предболезненных форм среди населения — 89,7 % (С. Б. Семичев, 1987). Эти изменения психики соответствуют ЗАР₂₋₇.

Учитывая данные о том, что всего 4,3 % жителей нашей планеты полностью здоровы и находятся в области саногенеза (ЗАР₁), без 89,7 % лиц, находящихся в пограничном состоянии (ЗАР₂₋₇), на область лиц с патогенезом (болезнью с ЗАР₈) приходится 6 %, что подтверждается полученными экспериментальными данными по ЗАР₈ у 4,6 % испытуемых.

Следовательно, это пограничное психическое состояние (ЗАР₂₋₇, 90 %) с невыраженными нарушениями психики (К. Леонгард, 1981; А. Е. Личко, 1983; С. Б. Семичев, 1987; В. А. Войнов, 2004), граничащее с нормальным состоянием здоровья (ЗАР₁, 5 %) и патологическим состоянием (ЗАР₈, 5 %). Психические состояния личности, смежные между нормой и патологией, здоровьем и болезнью, называются пограничными состояниями, составляя 90 % адаптогенеза (ЗАР₂₋₇), отличное от двух других состояний — саногенеза и патогенеза.

Психология потери. Потери возникают и нарастают, когда человек переходит через три функциональных состояния от нормального (ЗАР₁) через лиминальное (ЗАР₂) входящее в пограничное (ЗАР₂₋₇) и далее к патологическому (ЗАР₈), каждое из которых имеет свою специфику и зависит от трудно поддающихся контролю внутренних факторов, особенно защитных адаптивных реакций личности в пограничном состоянии психики.

Здоровье — болезнь. Всесторонняя научная разработка проблемы саногенеза (здоровье) имеет пер-

востепенное значение (С. М. Павленко, 1968). В двух системах мирового здравоохранения (научной и традиционной) сложилось два подхода к проблеме са-ногенеза.

Саногенез, или здоровье, отражает две основные ветви — медицина ортодоксальная, научная, доказательная Запада и медицина традиционная, натуральная, народная Востока. Первая предпочитает анализ и считает, что причина возникновения и течение болезней состоит в выяснении структурных проявлений (симптомов), и использует нозологический подход, предпочитая воздействовать на причину возникновения заболевания (например, микроорганизмы). Вторая предпочитает синтез, синдромальный принцип и ориентирована на активирование защитных сил организма. Механизмы эффективности традиционной китайской медицины направлены на поддержание са-ногенеза. Об акупунктуре приходится говорить в связи с тем, что испытуемые имеют симптомы психастении, выражающиеся в том, что постоянно испытывают страх смерти, у них нарушен сон, присутствуют флэшбэки, агрессия. Это влияет на механизмы формирования и сохранения здоровья, функциональные резервы, механизмы гомеостаза, обеспечивающие устойчивость, надежность состояния здоровья и, следовательно, психики.

«Ученые Востока, наблюдавшие за развитием болезни, утверждали, что не существует патологических изменений в органах (кроме травматизма), которым не предшествовали бы более или менее функциональные расстройства этих органов; последним, в свою очередь, предшествуют малозаметные психические и эмоциональные изменения состояния в худшую сторону. Эти изменения были первыми предвестниками начала болезни. Акупунктура эффективна на этой стадии развития болезни в том смысле, что способна вылечить практически все» (Ж. С. де Моран, 2013).

Предшествующие малозаметные психические и эмоциональные изменения состояния в худшую сторону позволили выделить такую категорию, как «психология потери». Однако, по мере продвижения болезни к своему развитию и появления в связи с этим материальных повреждений органов, т. е. нарастания потерь, все труднее бывает справиться с заболеванием с помощью акупунктуры. На поздних стадиях развития болезни уже приходится применять сильнодействующие лекарственные средства или прибегать к хирургическому вмешательству. Как отмечено в древних текстах: «Сначала — иглоукалывание, затем — прижигание, в третью очередь — лекарства».

«Китайские тексты упоминают только о двух наиболее легко устанавливаемых и часто встречающихся важных фактах. Первый состоит в том, что не существует какого-либо расстройства любого органа или функции без возбуждения некоторых точек, расположенных в разных частях кожи тела. Второй, установленный древними китайцами и достаточно легко проверяемый на практике факт следующий: всякое воздействие, оказываемое на ставшие чувствительными точки, вызывает возвращение к нормальному функционированию органа или части организма, которые связаны с этими точками. Причем, эта временная или постоянная нормализация функции пропорциональна оказываемому воздействию и нервному состоянию пациента.

Это физиологическое открытие имеет преимущество перед первым фактом в практическом плане, так как позволяет облегчить состояние пациента почти немедленно... Медицина целиком повернулась к проблеме защиты организма от болезней, воздействуя на организм человека, а не на микроорганизмы» (Ж. С. де Моран, 2013).

«Предупреждение болезней — это высшая степень мастерства специалиста. Что значит вылечить? Для китайских целителей это означает просто возвращение самочувствия человека в обычное, нормальное состояние, которое было до болезни, но с приобретением сильного иммунитета как против успешно вылеченного расстройства, так и против тех, которые имеют ту же самую причину» (Ж. С. де Моран, 2013).

Саногенез можно объяснить как механизмы сохранения и поддержания здоровья, поддержания защитных сил организма, активации безусловно защитных механизмов организма по поддержанию здоровья.

«Патогенез — саногенез, это две стороны одной медали, где патогенез означает механизм развития болезни, а саногенез — механизм поддержания здоровья... Возникновение болезни решается в противостоянии двух факторов: «удар — защита» («патогенез — саногенез» или «поражаемость — устойчивость»). В специальной литературе термин «саногенез» фактически подменен понятием «адаптация» к условиям среды обитания» (А. Н. Кокосов, 2009).

Адаптогенез. «Г. Селье определял стресс как состояние, выражающееся синдромом общей адаптации «на чрезвычайный раздражитель». Позднее он ввел понятия об «эустрессе» (стресс, не ведущий к болезни) и «дистрессе» (патогенный стресс при заболевании)» (С. Г. Кривошеков, 1998).

«Адаптация к среде обитания, несомненно, реальное явление, изучать его необходимо, но это не должно заслонять собой понятие саногенеза, ибо адаптация отнюдь не равнозначна ему, а составляет лишь один из его принципиально важных «фрагментов». Приспособительные (адаптационные) реакции — «физиологическая мера» против болезни, они свойственны и здоровому и больному организму» (В. В. Парин, 1997). И. П. Павлов предостерегал от одностороннего взгляда на болезнь: «Вы должны в картине болезни отличать, что в ней есть результат повреждения и что есть результат противодействия организма данному повреждению. Эти две категории явлений спутываются. Дело науки и талантливого врача разделить их и понять, что есть истинная болезнь и что есть физиологическая мера против болезни» (И. П. Павлов, 1951). Неумение применить закон единства и борьбы противоположностей в научном исследовании приводит к одностороннему взгляду на эволюцию организма лишь как на прогрессивный процесс.

«Понятие о саногенезе имеет научное и практическое значение. Научное значение саногенеза в том, что современная фармакотерапия, основу которой составляют синтезированные лекарства, способна моделировать любой натуральный инкрет (гормон и др.). Раннее и длительное применение таких синтезированных лекарств, замещающее натуральные инкреты, является «протезирующей терапией» болезни... Это угнетает механизмы саногенеза и «привязывает» пациента к синтезированному лекарству... Современная лекарственная терапия, по существу, химиотерапия» (А. Н. Кокосов, 2009).

«Практическое значение саногенеза состоит в том, что защитные (саногенетические) проявления со стороны организма специалист однозначно трактует как симптом болезни и назначает соответствующее лекарство, как правило, подавляющее эти защитные (саногенетические) реакции. Однако как отличить защитную реакцию и симптомы болезни, специалистов не учат. В процессе обучения диагностике специалист должен различать «полом» (патогенез) и защитную реакцию на патогенный фактор со стороны организма (саногенез)» (А. Н. Кокосов, 2009).

Рассмотренные алгоритм и методы направлены на решение одной из важных проблем: создание эффективных инструментов диагностики саногенеза, т. е. состояния здоровья сотрудников УИС.

Апробация программы на реальных данных показала, что качество решения по вышеизложенному

алгоритму удовлетворяет требованиям пенитенциарного психолога.

Выводы.

1. Анализ экспериментальных данных по СМИЛ и адаптивности 603 кандидатов на учебу в вуз выявил восемь защитных адаптивных реакций (ЗАР₁₋₈), распределенных по трем самостоятельным состояниям — саногенезу, или нормальному состоянию, у 3,2 % испытуемых с ЗАР₁ (здоровье); адаптогенезу, или пограничному состоянию, у 93% испытуемых с ЗАР₂₋₇; патогенезу, или патологическому состоянию, у 4,6 % испытуемых с ЗАР₈ (болезнь).

2. Саногенез включал в себя одну реакцию ЗАР₁, которая диагностирована у 3,2 % кандидатов на учебу в вуз.

3. Адаптогенез включал в себя шесть реакций: ЗАР₂ с 18 % кандидатов на учебу в вуз, ЗАР₃ — с 15 %, ЗАР₄ — с 16 %, ЗАР₅ — с 11 %, ЗАР₆ — с 17 %, с ЗАР₇ — 16 % кандидатов на учебу в вуз.

4. Патогенез включал в себя одну реакцию ЗАР₈, которая диагностирована у 4,6 % кандидатов на учебу в вуз.

5. ЗАР₂₋₄ обладали обратимостью течения с приближением к невротическому состоянию, ЗАР₅₋₇ — прогрессивностью течения в сторону психотического расстройства.

6. Эффективность психологической коррекции максимальна у лиц с ЗАР₂₋₇, но с постепенным понижением от ЗАР₂ к ЗАР₇.

7. Исходя из тенденции нарастания патогенетической тенденции в мире, в перспективе следует отделять саногенез от адаптации и экспериментально в первую очередь проверять методы поддержания саногенеза и во вторую очередь — его восстановление при патогенезе.

Библиографический список

1. Баевский Р. М., Берсенева А. П. Оценка адаптационных возможностей организма и профилактика развития заболеваний. М., 1997.
2. Войнов В. А. Атлас по патофизиологии: учеб. пособие. М., 2004.
3. Дюк В. А. Компьютерная психодиагностика. СПб. : Братство, 1994.
4. Кривошеков С. Г., Лейтин В. П., Чухрова М. Г. Психофизиологические аспекты незавершенной адаптации. Новосибирск : Наука, 1998.
5. Кокосов А. Н. Болезни медицинского прогресса (о статье Е. Магарилла) // Российский медицинский журнал. 2006. № 6. С. 55–57.

6. Леонгард К. Акцентуированные личности. Ростов н/Д. : Феникс, 2000.
7. Личко А. Е. Типы акцентуаций характера и психопатий у подростков. М., 1999.
8. Медведев В. И. Адаптация. М., 2003.
9. Павленко С. М. Изучение саногенеза — естественный путь дальнейшего развития медицины // Саногенез: мат. конф. М., 1968. С. 63–73.
10. Павлов И. П. Полное собрание сочинений. В 6 т. Т. III. Кн. 2. М.–Л., 1951.
11. Саногенез (О науке и практике врачевания) / под ред. А. Н. Кокосова. СПб., 2009.
12. Сапогова Е. Е. Экзистенциальная психология взрослости. М. : Смысл, 2013.
13. Семичев С. Б. Предболезненные психические расстройства. Л. : Медицина, 1987.
14. Серов В. И. Энергоинформационный подход к рассмотрению трехуровневой структуры типов психологических защит личности в пограничном состоянии // Личность в современных исследованиях, проблемы развития личности: мат. межрегион. науч.-практ. конф. Рязань – М. – Ярославль, 2001. С. 118–121.
15. Собчик Л. Н. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности СМЛ. СПб., 2000.
16. Сулье де Моран Жорж. Китайская акупунктура. В 3 т. Т. 1. М. : Профит Стайл, 2013.
17. Чопра Д. Идеальное здоровье. Саратов, 1993.
18. Абаев Ю. К. Законы и категории диалектики в медицине // URL://http://rep.bsmu.by/bitstream/handle/BSMU/2872/
3. Duke V. A. Computer psychodiagnostics. St. Petersburg : Brotherhood, 1994.
4. Krivoshchekov S. G., Leitin V. P., Chukhrova M. G. Psychophysiological aspects of incomplete adaptation. Novosibirsk : Nauka, 1998.
5. Kokosov A. N. Diseases of medical progress (about the article by E. Magarilla) // Russian. medical journal. 2006. No. 6. P. 55–57.
6. Leonhard K. Accentuated personalities. Rostov n/D. : Phoenix, 2000.
7. Lichko A. E. Types of character accentuations and psychopathies in adolescents. M., 1999.
8. Medvedev V. I. Adaptation. M., 2003.
9. Pavlenko S. M. The study of sanogenesis — the natural way of further development of medicine // Sanogenesis: mat. conf. M., 1968. P. 63–73.
10. Pavlov I. P. Complete works. In 6 vols. Vol. III. Book 2. M.–L., 1951.
11. Sanogenesis (On the science and practice of healing) / edited by A. N. Kokosov. St. Petersburg, 2009.
12. Sapogova E. E. Existential psychology of adulthood. M. : Smysl, 2013.
13. Semichev S. B. Pre-painful mental disorders. L. : Medicine, 1987.
14. Serov V. I. Energy-informational approach to the consideration of the three-level structure of types of psychological defenses of personality in a borderline state // Personality in modern research, problems of personality development: mat. the inter-region. scientific and practical conference. Ryazan – M. – Yaroslavl, 2001. P. 118–121.
15. Sobchik L. N. Standardized multifactorial method of personality research SMIL. St. Petersburg, 2000.
16. Soulier de Morand Georges. Chinese acupuncture. In 3 vols. 1. M. : Profit Style, 2013.
17. Chopra D. Ideal health. Saratov, 1993.
18. Abaev Yu. K. Laws and categories of dialectics in medicine // URL://http://rep.bsmu.by/bitstream/handle/BSMU/2872/

Bibliographic list

1. Baevsky R. M., Berseneva A. P. Assessment of the adaptive capabilities of the body and prevention of disease development. M., 1997.
2. Voynov V. A. Atlas of pathophysiology: textbook. manual. M., 2004.

Информация об авторе

В. И. Серов — доцент кафедры общей и педагогической психологии Академии Федеральной службы исполнения наказаний России, кандидат медицинских наук, доцент.

Information about the author

V. I. Serov — Associate Professor of the Department of General and Pedagogical Psychology of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Medical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.02.2024; одобрена после рецензирования 29.03.2024; принята к публикации 08.04.2024.

The article was submitted 28.02.2024; approved after reviewing 29.03.2024; accepted for publication 08.04.2024.

Научная статья

УДК 159

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-280-293>

EDN: <https://elibrary.ru/tmmshb>

ИПОН: 2003-0059-2/24-037

MOSURED: 77/27-003-2024-02-236

Этическое регулирование деятельности полицейского: теоретико-аналитический аспект

Светлана Владимировна Соловьева^{1,2}

¹ Самарский государственный университет путей сообщения, Самара, Россия, s.solovyova@samgups.ru

² Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Самара, Россия

Аннотация. Ставится проблема этического регулирования профессиональной деятельности полицейского. На основании анализа российских нормативных документов МВД, отечественных и зарубежных научных исследований выделены морально-нравственные дилеммы служения, а также способы их решения путем создания нормативной базы, инфраструктуры разрешения этических конфликтов в подразделениях. Зарубежными учеными были эксплицированы и проанализированы феномены профессиональной деятельности, тесно связанные с ценностными конфликтами служащих (выгорание и потеря смысла, моральная устойчивость в профессионализации, влияние ранга полицейского на моральную рефлексию офицеров, нравственное оправдание деструктивных действий, сокрытие и «код молчания» сотрудников). Показано, что российский опыт предупреждения и продуктивного разрешения морально-нравственных конфликтов ориентирован на рост индекса доверия граждан РФ к деятельности сотрудников МВД, соблюдение регламентов и правил трудового распорядка, создание системы воспитательных мероприятий в структурах органов внутренних дел.

Ключевые слова: этическое регулирование, этический кодекс, моральный конфликт, моральная дилемма, профессия полицейского, служение, воспитание, ценности

Для цитирования: Соловьева С. В. Этическое регулирование деятельности полицейского: теоретико-аналитический аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 280–293. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-280-293>. EDN: TMMSHB.

Original article

Ethical regulation of police activities: theoretical and analytical aspect

Svetlana V. Solovyova^{1,2}

¹ Samara State University of Railway Transport, Samara, Russia, s.solovyova@samgups.ru

² Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev, Samara, Russia

Abstract. The problem of ethical regulation of the professional activity of a police officer is posed. Based on the analysis of Russian normative documents of the Ministry of Internal Affairs, domestic and foreign scientific research, the moral and moral dilemmas of service are highlighted, as well as ways to solve them by creating a regulatory framework, an infrastructure for resolving ethical conflicts in departments. Foreign scientists have explicated and analyzed the phenomena of professional activity closely related to the value conflicts of employees (burnout and loss of meaning, moral stability in professionalization, the influence of the rank of a policeman on the moral reflection of officers, the moral justification of destructive actions, concealment and the «code of silence» of employees). It is shown that the Russian experience of preventing and productively resolving moral conflicts is focused on the growth of the index of confidence of citizens of the Russian Federation in the activities of employees of the Ministry of Internal Affairs, compliance with regulations and rules of labor regulations, the creation of a system of educational measures in the structures of internal affairs bodies.

Keywords: ethical regulation, ethical code, moral conflict, moral dilemma, police profession, service, education, values

For citation: Solovyova S. V. Ethical regulation of police activities: theoretical and analytical aspect. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):280–293. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-280-293>. EDN: TMMSHB.

Введение

Проблемы соотношения права и этики имеют не только богатую историю, но и входят в фокус внимания современных силовых структур, что связано с формированием у сотрудников таких важных профессиональных качеств, как верность долгу, само-

отверженность, добросовестность, предупредительность в отношениях как внутри корпорации, так и за ее пределами.

Этические принципы и нормы служебного поведения оказывают влияние на эффективность правоохранительной деятельности и профессиональное

© Соловьева С. В., 2024

выполнение служебных задач. Этическое регулирование деятельности кадрового состава ОВД представлено в «Кодексе этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» [1]. Кодекс устанавливает стандарт морального поведения сотрудников ОВД, создает условия для формирования деловой репутации сотрудников правоохранительных структур, увеличивает эффективность исполнения служебных функций через освоение этического стандарта и норм этикета [2].

Бытует мнение, что профессиональная деятельность полицейских жестко регламентирована нормативно-правовыми актами, уставами, а значит, и любой служащий будет эффективно выполнять «Кодекс этики и служебного поведения». Очевидно, что подобное мнение не отражает реального положения дел.

Материалы и методы

Целью работы выступает исследование профессиональной этики сотрудников ОВД посредством анализа кодифицировано закрепленных норм и ценностей. Достижению поставленной цели способствует рассмотрение теоретических аспектов, принципов, роли этического регулирования профессиональной деятельности сотрудников ОВД. Материалом анализа выступают: «Кодекс этики и служебного поведения сотрудников ОВД Российской Федерации», профессионально-этический стандарт антикоррупционного поведения сотрудников ОВД.

Объектом исследования является профессиональная этика в сфере правоохранительной деятельности. Предметом выступают кодифицировано закрепленные нормы, ценности и принципы профессиональной этики, рассмотренные на примере деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Методологический инструментарий исследования имеет очевидно теоретический характер и предполагает экспликацию нормативно-ценностного регулирования профессиональной деятельности сотрудников ОВД на основании исследования открытых данных — аналитики нормативных документов, распространенных практик служебного поведения сотрудников органов внутренних дел, результатов социологических исследований. Для осмысления универсальности проблем этического регулирования профессии полицейского дан обзор зарубежных и российский исследований по указанной теме.

Обсуждение

Концептуализация этических проблем сотрудников полиции в зарубежных исследованиях. Зарубежные научные публикации, преимущественно, ориентированы на освещение проблем и нарушений сотрудниками полиции стандартов морального поведения. Обратимся к исследованиям последних лет. В статье «Скомпрометированная совесть: обобщенный обзор моральных травм среди пожарных, фельдшеров и полицейских» через конструкт «моральной травмы» показывается взаимосвязь между моральным стрессом и моральной травмой у сотрудников служб общественной безопасности. В сложных ситуациях, которыми изобилует служба, полицейские должны учитывать соотношение риска и выгоды от своих действий, предпринимать то, что, по их мнению, принесет пользу членам общества или сообществ, прежде чем осуществлять какие-либо действия. Лавируя между позицией «агент правительства» и «социальный миротворец», служащий должен быстро определить правильный баланс между законом и благополучием, признать моральную проблему, вынести адекватное моральное суждение, а потом и действовать. На примере решения моральных дилемм, связанных с применением насилия, а также «организационным предательством» офицеров в иерархической системе управления безопасностью, показано, что к традиционным симптомам травмы (т. е. гипербдительности, избеганию, соматическим жалобам) добавляется борьба офицеров «с духовной эрозией (т. е. потерей отношений с высшей силой или вовлеченностью в духовные практики), негативными изменениями в мировоззрении (т. е. горечью, цинизмом, пресыщенностью) и потерей чувства смысла» [3].

Этическая проблема «зла» занимает центральное место в работе полиции: 58 % из 747 опрошенных респондентов (Канада) заявили, что они сталкивались со злом в формах, к которым 70 % участников чувствовали себя недостаточно подготовленными [4]. Исследователи предлагают разработку сценариев этических тренингов, которые позволили бы военнослужащим «повышать моральное сознание, уверенность и мастерство, а также способность практиковать моральную свободу воли и суждения» [3]. Учитывать полицейского моральной устойчивости — это значит, наращивать его компетентность в сложных ситуациях, нивелировать стресс, конфликт личных и профессиональных ценностей. В статье показано, что моральная

травма в повседневных практиках по обеспечению общественной безопасности разворачивается вокруг четырех тем: ценности, принятие этических решений, организационное предательство и духовность. Ученые выявили, что стержневым элементом в этическом регулировании деятельности канадских полицейских являются личные ценности. В службе они должны найти правильную меру между организационными усилиями (направлены на поощрение институциональных ценностей, кодексов и обязанностей) и индивидуальным самосознанием (которым часто пренебрегают и «расходуют» в институтах) [3].

В фокусе внимания тайваньских ученых оказалось недобросовестное поведение, дисциплина и злоупотребления властью полицейскими. На основании результатов эмпирических исследований предложена прогностическая модель «раннего предупреждения», которая ориентирована на создание мер, влияющих на полицейскую этику: устранение/уменьшение угрозы, ранняя реабилитационная помощь и пр. [5]. Показано, что склонность к морально-этическим конфликтам демонстрируют сотрудники полиции, которые имеют вредные привычки, менее образованы (чем их коллеги), имеют меньшее звание или более молодой возраст, находятся под чрезмерным давлением. Социальный портрет законопослушного полицейского Тайваня: средний возраст 38 лет, имеет более высокое звание, профессиональное образование, не замечен в проблемах с дисциплиной. Чрезмерная нагрузка, с которой сталкиваются работники сферы общественной безопасности, отсутствие справедливого продвижения по службе, невысокая зарплата персонала приводит к нарушениям дисциплины, росту коллективной коррупции и грубым нарушениям полицейской этики как внутри подразделений, так и на внешнем периметре [5].

Для бразильских полицейских признание в форме справедливого продвижения по служебной лестнице выступает самым приоритетным в карьере военнослужащего. Ученые на материале перекрестных количественных методов (выборка из 325 военных полицейских: 53,1 % мужчин; 20 > 51 год) показали, что «отсутствие профессионального признания является основным фактором стресса среди сотрудников военной полиции (медиана = 7,00)», и это больше, чем «риск получения травм или ранений в результате профессиональной деятельности», «работа в выходные дни», «нехватка человеческих ресурсов»,

«чрезмерная бюрократия в полицейской службе» (медиана = 6. 00) [6].

Если моральными проблемами пренебрегают (например, не признают, не обсуждают, не решают), то они могут подорвать личное и профессиональное благополучие. Резервуар устойчивости, создаваемый базовыми ценностями профессиональных практик, может уменьшиться до такой степени, что приведет к усталости, отстраненности и выгоранию служащих. Способность быть морально чувствительным и осознавать ценностные аспекты трудовой деятельности, зависит от личности, культурного происхождения и профессиональной подготовки. Нравственная восприимчивость также является отражением профессиональной и организационной культуры. Это обстоятельство особенно очевидно в профессиях служения.

В настоящее время в органах внутренней безопасности функционирует «стоическая, милитаристская модель», которая необходима для воспитания дисциплины и преданного отношения к служению. Вместе с тем, в этой модели есть проблемы, подобные тем, с которыми приходится сталкиваться на военной службе: «переживание моральных страданий и психологических трудностей долгое время клеймилось как признак слабости и угроза производительности труда» [7]. Моральные конфликты и травмы не рассматриваются как системные в организациях, обеспечивающих общественную безопасность. Это имеет заметные последствия, связанные с утратой доверия, усталости от сострадания, стрессом сотрудников и офицеров. Более того, проблемы замалчивания актов насилия внутри военной среды, отсутствие заметных исследований этой проблемы также очевидны. В частности, американские ученые отмечают, что военнослужащие низкого ранга реже сообщали о большинстве эксцессов «проявляемых различными типами лиц, вызывающих озабоченность», по сравнению с военнослужащими среднего и высокого ранга [8]. Отсутствие такой связи приводит к тому, что большее количество эксцессов замалчивается, хотя ряд угроз производительности и моральному духу подразделений могли бы быть предотвращены.

Одним из важных концептов, вокруг которого выстраивается этическая профессиональная среда в подразделениях полиции, выступает «справедливость» [9]. Эмпирические исследования трудовой деятельности польских полицейских показали, что заметное влияние на вовлеченность в служебную дея-

тельность оказывает поддержка сотрудников со стороны руководителя, установление принципов «организационной справедливости». Организационная справедливость состоит из следующих измерений: распределительная, процессуальная, карательная, интеракционная справедливость (относится к восприятию равенства в отношениях между руководителями и сотрудниками). Если руководство полиции учитывает важность «организационной справедливости», поддерживает офицеров полиции, культивирует приверженность долгу и этическим нормам, то «справедливая и благоприятная рабочая среда» повышает «вовлеченность в работу», защищает «полицейских от выгорания» [9]. Благополучие, этика и устойчивость полицейских неразрывно связаны друг с другом: управленческие инициативы, направленные на изменение одного элемента, неизбежно приводят к трансформациям в остальных. Чем более здоров и благополучен служащий, тем меньше этических ошибок он совершает. В целом, проблема этического лидерства руководителя, возможностей его влияния на подчиненных, влияние надзорных практик на создание этической среды является широко обсуждаемой в менеджменте персонала [11].

Одним из самых чувствительных моментов в определении этичности и достоинства сотрудника органов безопасности выступает проблема насилия и достоинства (своеобразного кодекса чести служащего, особенно офицера). В рутинных профессиональных практиках при деструктивном поведении военных часто запускается механизм «морального оправдания», который предполагает превращение человека в преданного бойца не за счет «изменения личностных структур» в соответствии с моральными нормами, а «путем когнитивного переопределения морали» [12, с. 195; 13; 14]. Оправдание насильственных методов борьбы также приобретает моральную оболочку за счет «отстранения», при котором происходит:

- а) переосмысление самого поведения нарушителя таким образом, чтобы оно не рассматривалось как аморальное;
- б) сведение к минимуму со стороны нарушителя собственной роли в причинении вреда пострадавшим;
- в) отсутствие у нарушителя рефлексии последствий его действий;
- г) обесценивание и обвинение жертв жестокого обращения («они сами виноваты, что пострадали от актов насилия») [12, с. 194].

Таким образом, моральное оправдание деструктивных действий военными и полицейскими имеет не только индивидуальную, психологическую природу, но и тесно связано с работой институтов, запускающих механизмы ухода от социальных санкций за акты этической девальвации / насилия, особенно если они имеют идеологическое значение. Тезис о влиянии институтов, несправедливого, жесткого стиля управления руководителя на неэтичность действий сотрудников обоснованы и в других исследованиях, проведенных с помощью метаналитических методов [15; 16]. Например, тип управления, бюрократическая культура азиатских стран (исследование подготовлено на материале менеджмента Индонезии) показывает, что скромность руководителя не всегда приводит к хорошим результатам для организаций. В отношении азиатского менеджмента персонала силовых структур верно обратное: усиление чувства власти подчиненных, получаемого от скромного поведения руководителя, заставляет сотрудников вести себя деструктивно, неэтично по отношению к своим коллегам [17].

Когда в организации происходит неэтичная практика, ожидается, что высокопоставленные руководители, находящиеся на вершине иерархии, прекратят правонарушения, направят организацию на более благородный путь (допустят «принципиальное инакомыслие»). Ученые показали, что высокое положение в американской иерархии влияет на вероятность участия в *принципиальном инакомыслии* (попытка индивида выразить протест или изменить этически неприемлемые практики). Но по иронии судьбы, занимая более высокую должность, сотрудники с меньшей *вероятностью* выступают против неэтичных практик, по сравнению с теми, кто занимает должности более низкого ранга. Находясь на вершине иерархии, руководители сильнее отождествляют себя с организацией, а идентификация заставляет их рассматривать практику организации как более этичную. В таких обстоятельствах (когда руководитель не видит проблемы в неэтичных действиях организации) «принципиальное инакомыслие» не может выступить эффективным способом прекращения неэтичных практик [18].

Современные концепции организационной культуры и деловой этики конструируются не только на эмпирических исследованиях, но и на ретроспективном разборе событий с использованием исследовательского инструментария социально-гуманитарных наук. Интересно исследование британского ученого,

обращающегося к 27-летнему сокрытию от обществу преступлений полицейских на стадионе «Хиллсборо» [19], где были раздавлены насмерть 96 человек, и более 700 человек получили травмы. Используя подход тематического анализа, ученым определены основные этические проблемы трагедии:

1) вопрос с информаторами (все пытались «спасти мундир», противодействовали обнаружению истинного положения дел из-за страха);

2) сокрытие важной информации;

3) моральное отчуждение субъектов-участников.

Эти проблемы связаны с функционированием устойчивых норм поведения среди полицейских. Автор пишет о том, что в «организационную память» полиции интегрирован ряд норм, способствующих коррупции, среди них: не «доносить» на другого полицейского, не привлекать коллег, если вас поймали за чем-то, не вмешиваться в деятельность других полицейских, не доверять новым людям, не сообщать добровольно информацию о любом событии, которое может быть связано с коллегой. Отсюда «сокрытие» воспринимается полицейскими как норма, само сокрытие также скрывается, и так исполняется базовый «кодекс молчания». При этом ряд исследователей (о которых сказано выше) пришли к выводу, что карьерный рост офицеров не приводит к росту их этической компетенции. Происходит своеобразная подмена. Профессионалы «склонны воспринимать себя с точки зрения компетенций, а не моральных рамок». Тут компетентность входит в противоречие с моральностью, «тем самым создавая этическое слепое пятно» [19].

Таким образом, анализ результатов зарубежных исследований по проблеме влияния этического регулирования на профессиональную деятельность полицейских показал, что нарушение этики включено в рутинные трудовые практики персонала, касается сотрудников на всех ступенях иерархии, организационная культура той или иной страны имеет заметное влияние на набор личных и профессиональных ценностей полицейских. Вместе с тем, как отмечают ученые, обсуждение и решение этических конфликтов как внутри подразделений, так и при взаимодействии полицейских с гражданами, имеет важное значение для повышения качества службой деятельности.

Результаты

Доверие и этичность в деятельности российских полицейских. В федеральных исполнительных струк-

турах, таких как ОВД России, гуманность, нравственность и этичность сотрудников приобретают ключевую позицию. Одним из показателей благополучия профессионально-трудовых отношений выступает такой формализованный показатель, как «индекс доверия». Для изучения общественного мнения о деятельности полиции вышел в свет приказ МВД России от 1 декабря 2016 г. № 777 «Об организации постоянного мониторинга общественного мнения о деятельности полиции» [20]. Эффектом утверждения приказа была аналитическая работа по интерпретации полученных сведений [21; 22], а также исследованием по формированию общественного мнения о работе полиции в разных медиа, включая интернет-ресурсы [23].

Согласно ряду социометрических исследований, проведенных ВЦИОМ в 2020 г., индекс доверия граждан к правоохранительной системе составил 23 единицы [24]. Значения показателя могут располагаться в интервале от -100 до 100, поэтому оценка в 23 единицы является средним результатом. В допандемийный 2018 г. исследования ВЦИОМ об уровне доверия правоохранительным органом показывает, что «о существовании МВД» осведомлены 71 % респондентов (лидер — Следственный Комитет с 77 %). В случае же нарушения гражданских прав в структуру МВД обратятся только 21 % опрошенных граждан (2-е место после прокуратуры — 48 %). Лидерскую позицию МВД занимает в позиции «насильственные преступления против личности (грабеж, изнасилование, избивание, покушение на убийство, нападение и т. д.)», показатель составляет 54 % (май 2018 г.). При нарушении «прав как предпринимателя/юридического лица» в структуры МВД обратятся только 24 % респондентов (лидирует прокуратура с 67 %); в то же время, ведомство имеет первенство в позиции борьбы с «деятельностью преступных сообществ» (50 %) [25, с. 85–90].

Отдельно стоит отметить, что индекс в оценке деятельности полиции в регионах опрошенных респондентов (ответ на вопрос «Как Вы в целом оцениваете работу полиции в Вашем регионе?») показывает, что он вырос с 41 (2009 г.) до 55 (2018 г.). При этом ответ «очень хорошо» рос в интервале от 1 до 5, а «хорошо» от 13 до 36. На закрытый вопрос «доверяете ли Вы сотрудникам полиции Вашего региона или не доверяете?» индексе доверия значительно вырос с 2012 г. (-26) до 2020 г. (23). «Скорее доверяют»,

«определенно доверяют» полиции в 2012 г. — 35 % опрошенных, а в 2020 г. — 58 % [25, с. 91]. Статистические данные убеждают, что вложение в развитие у сотрудников правоохранительных органов стандартов профессиональной этики позволяет увеличить индекс доверия. Соблюдение правил трудового распорядка и служебной дисциплины определяется не только требованиями руководителей и положениями регламентов, но и нравственными установками и общей этичностью служащих.

На эффективность деятельности сотрудников ОВД РФ оказывает влияние большое количество факторов, среди которых значительную, но пока недооцененную, роль играет влияние профессиональной этики на функционирование структурных подразделений МВД. Профессиональная этика оказывает не только прямое влияние на качество исполнения служебных обязанностей, но также помогает в проведении анализа личных качеств кадрового состава и позволяет выявить потенциал сотрудников для дальнейшего карьерного роста. Профессионально-этические правила непосредственно учитываются при формировании оценочных требований к служащим. Этические аспекты несения службы сотрудниками ОВД оказывают влияние на правоохранительную деятельность, помогают разобраться в сложных ситуациях, нередко связанных с риском для жизни [26].

Нормы морали отличаются от других форм социального регулирования отсутствием жесткой регламентации, они дают возможность широкого выбора, контролируются исключительно мерой общественного порицания. В отношении сотрудников ОВД и требований, предъявляемых к ним, условие свободного соблюдения моральных правил здесь недопустимо, поэтому этические нормы приобретают строгий обязательно-распорядительный характер, поддерживаемый административными санкциями за их невыполнение.

Роль профессиональной этики заключается в формировании у сотрудников ОВД следующих категорий:

- 1) этических ценностей и знаний;
- 2) моральных принципов;
- 3) идейных убеждений;
- 4) духовно-нравственных качеств и чувств.

Профессиональная этика также прививает служащим устойчивые и привычные формы поведения, соответствующие нравственным идеалам, которые

приемлемы для осуществления правоохранительной деятельности. Базисом при формировании нравственно-этических установок сотрудников ОВД выступает интериоризация, перенос морально-нравственных принципов и ценностей в убеждения служащих, предопределяющие их поступки и поведение в обыденной жизни [28].

Грамотно выстроенная и тщательно продуманная система воспитательных мероприятий в совокупности с самовоспитанием позволяет достичь высокого уровня развития профессионально-нравственной культуры, морально-психологической подготовки сотрудников ОВД.

Основными задачами при формировании у сотрудников ОВД РФ профессионально-нравственной культуры провозглашаются:

- 1) привитие служащим устойчиво-нравственных качеств;
- 2) совершенствование культуры общения и поведения, обучение этичному взаимодействию с гражданами;
- 3) организация профилактики и нейтрализации грубости, черствости и токсичности в служебных коллективах;
- 4) проведение разъяснительных бесед об уместном применении нравственно-этических норм и принципов в конкретных служебных ситуациях;
- 5) планирование и организация насыщенного культурного досуга и отдыха служащих, а также членов их семей [28].

Мероприятия, осуществляемые в процессе морально-психологической подготовки сотрудников, представлены на рис. 1.

Одним из основных критериев определения того, что служащий является нравственно-воспитанной личностью, выступает строгое и неуклонное следование правилам поведения и соблюдение норм, закрепленных в нормативном документе — «Кодекс этики и служебного поведения сотрудников ОВД». Исследование проблемы этического регулирования деятельности полицейских в РФ необходимым образом включает в себя анализ содержания нормативных документов.

Этические принципы и нравственные ориентиры поведения в деятельности сотрудников органов внутренних дел РФ. Среди российских исследователей исключительный по значению вклад в исследование этического регулирования в сфере государственной служ-

Рис. 1. Мероприятия, проводимые в процессе морально-психологической подготовки сотрудников ОВД РФ

бы в ОВД, исполнения норм судебной и адвокатской деятельности связан с именем Н. Д. Эриашвили. Большой вклад в исследование профессиональной этики и этикета работников МВД внес В. Я. Кикоть. Под научным руководством известных ученых вышли и переиздавались учебники и научные статьи. Важной особенностью этих текстов выступает то, что они имеют нормативный и просветительский смысл, показывают «как должно». В российской науке диссертационных и монографических исследований по заявленной проблеме существует очевидный дефицит, результаты исследований представляются, но, преимущественно, в форме статей.

Фундаментом профессиональной морали устанавливаются такие принципы и категории этики, которые являются нравственной основой определенного вида трудовой деятельности и разделяются представителями профессии. Правоохранительная деятельность не является исключением и поэтому, как и любая другая сфера профессиональной деятельности человека, обладает определенным комплексом этических принципов и нравственных ориентиров. Профес-

сиональная этика сотрудников ОВД РФ выстраивается вокруг категорий: служебное достоинство, верность присяге, профессиональный долг, честь мундира. В России, как и зарубежом, нарушение чести и достоинства сотрудника затрагивает честь всех, кто относится к службе в ОВД (о чем было сказано выше).

Сотрудники ОВД, осознанно принимая Присягу и посвящая свою жизнь выполнению правоохранительных задач и служению Отечеству, выступают защитниками и гарантами таких общественно-приемлемых идеалов, как справедливость, демократизм, законность, гражданственность. Высшим нравственным смыслом профессиональной деятельности служащего ОВД выступает обеспечение защиты жизни, сохранения здоровья, прав и свобод людей, независимо от того являются ли они гражданами Российской Федерации или иностранного государства, а также соблюдение чести и личного достоинства при взаимодействии с ними. Понимая и принимая ответственность за жизнь и судьбу государства, каждый сотрудник ОВД должен достойно следовать нравственным ценностям, которые представлены на рис. 2.

Рис. 2. Основные нравственные ценности сотрудников ОВД

Сотрудники ОВД являются стражами высоких социальных идеалов, среди которых особо выделяется справедливость, законность и правопорядок. Сотрудники ОВД должны соблюдать и правильно применять этические нормы, основанные на нравственных принципах и правилах служебного поведения, в процессе защиты жизни, прав и свобод граждан. Как известно, люди обращаются в ОВД с различными вопросами, при этом каждый второй гражданин приходит, столкнувшись с какой-то неприятностью и бедой. В таких ситуациях сотрудникам ОВД необходимо следовать следующим этическим ценностям:

- 1) вежливость;
- 2) тактичность;
- 3) доброжелательность;
- 4) внимательность.

Совместно с представленными ценностями, сотрудники ОВД должны обладать развитой культурой речи, быть способными управлять своими и чужими эмоциями. Все это содействует установлению конструктивного контакта с различными типами людей.

Итак, декларируемые выше принципы и нормы создают связанную деонтологию, или этическую систему, основанную на понятии долга и следовании сотрудниками установленным правилам.

Другая часть моральных требований систематизируется в процессе накопления правоохранительного опыта и складывания служебных традиций. В обобщенном виде моральные требования, предъявляемые к сотрудникам ОВД, состоят в следующем:

- 1) глубоко понимать и осознавать социальную значимость правоохранительной деятельности, брать на себя ответственность за обеспечение общественной безопасности;
- 2) рационально и разумно применять предоставленные государственным аппаратом полномочия в строгом соответствии с принципам социальной справедливости и объективности;
- 3) проявлять мужественность, бескомпромиссность и самоотверженность при осуществлении должностных обязанностей, стойко следовать принципу непредвзятости в принятии решений;
- 4) заботиться о профессиональной чести, социальном авторитете посредством складывания эталонного поведения как на службе, так и в быту;
- 5) обладать высоким уровнем морально-психологической готовности к осуществлению служебных

задач в экстремальных условиях, связанных с высоким риском для жизни и здоровья;

6) непрерывно совершенствовать профессиональные навыки по выполнению должностных обязанностей, обновлять и развивать знания в сфере правоохранительной этики, учитывать нововведения в правилах служебного этикета, повышать уровень общей культуры, расширять интеллектуальный кругозор, осваивать необходимые для выполнения задач отечественные и зарубежные технологии [29; 30].

Анализ нормативной документации и психолого-педагогической литературы, определяющей основы профессионально-этической культуры, характерной для правоохранительных структур, приводит к выводу о том, что в Кодексе этики и служебного поведения сотрудников ОВД Российской Федерации достаточно полно и четко сформулированы этические правила и нормы поведения, заключающиеся в императивных требованиях:

- 1) взаимоотношения служащего с представителями общественности должны выстраиваться на основе доброжелательности и открытости, внимательности и предупредительности;
- 2) развитие способности прогностического предвидения последствий своих поступков и действий, основанной на осуществлении самоконтроля над поведением, эмоциями;
- 3) проявлять уважение и внимание к старшим по званию или возрасту, первым отдавать воинское приветствие при встрече старшего по возрасту, начальника и женщины;
- 4) при взаимодействии с коллегами проявлять простоту и скромность, выражать радость успехам каждого члена трудового коллектива, оказывать им помощь при исполнении трудных приказов;
- 5) сотрудники должны придерживаться традиционных ценностей, приоритетное внимание уделять семье, создавать атмосферу дружелюбия, искренности, доверия, заботы.

В ходе несения службы сотрудники ОВД должны руководствоваться нравственными обязательствами, которые представлены на рис. 3.

Таким образом, профессиональная этика и культура служебного поведения сотрудников ОВД РФ основывается на бескомпромиссном соблюдении нравственно-этических ценностей и принципов.

Профессионально-нравственное воспитание сотрудников органов внутренних дел РФ. В настоящее

Рис. 3. Нравственные обязательства сотрудников ОВД

время в обществе есть ряд профессий, для которых нравственное воспитание имеет приоритетное значение. Служба в структурах ОВД относится к числу подобных профессий, поэтому для сотрудников правоохранительной деятельности нормы морали, нравственные установки и чувство долга являются профессионально значимыми. Процесс профессионально-нравственного воспитания сотрудников ОВД выступает основополагающим при формировании и активизации морального фактора для успешного исполнения должностных обязанностей.

Профессионально-нравственное воспитание имеет двухсторонний характер. С одной стороны, в процессе его реализации происходит формирование у сотрудников ОВД представлений о нравственных идеалах, об этическом и неэтичном поведении, складывается понимание таких категорий, как «добро» и «зло», «честь» и «достоинство», «долг» и «совесть». С другой стороны, профессионально-нравственное воспитание включает в себя пробуждение у служащих осознанной потребности принимать решения и действовать, исходя из нравственных норм [31].

Первоначальным этапом при реализации процесса профессионально-нравственного воспитания сотрудников ОВД выступает усвоение этических зна-

ний, которые потом должны трансформироваться в личные убеждения. Служащему необходимо осмыслить не только научную обоснованность этических категорий, но их практическую целесообразность и социальную значимость. Для этого организуется широкая разъяснительная работа в правоохранительных коллективах.

Российская система этического регулирования большое внимание уделяет личному примеру и авторитету руководителя. Акцент делается на согласованности между словом и делом со стороны руководства. Считается недопустимым, когда начальник, говорит одно, а делает другое, призывает к тому, что сам не выполняет. Именно поэтому один из основополагающих принципов профессионально-нравственного воспитания служащего — борьба с двойными стандартами: «руководство не должно позволять себе того, что считает непозволительным для подчиненных». Ключевым элементом этического воспитания является моральное принуждение, которое происходит в форме социального осуждения сотрудника со стороны других членов коллектива, командиров и начальников [32].

В системе профессионально-нравственного воспитания сотрудников в структурах ОВД приоритет-

ное значение имеют такие понятия, как «служебный долг», «профессиональная честь», «личное достоинство». По большей части данные понятия выступают критериями самооценки сотрудника. Каждый служащий определяет свои рамки поведения и оценивает конкретный поступок, руководствуясь личными представлениями о профессиональной чести, служебном и государственном долге. Если представляемые в сознании сотрудника результаты определенных решений и действий противоречат сложившимся представлениям о чести, долге, достоинстве, то служащий не позволит себе реализовать данное действие [33].

Исходя из соотношения общественного и личного в сознании и поведении служащих, моральные качества сотрудников ОВД разделяются на три группы. Во-первых, это качества, демонстрирующие отношение сотрудника к обществу, а во-вторых, качества, показывающие отношение к государству — патриотизм, преданность идеалам демократии, гражданственность, гуманизм, национальная гордость. В-третьих, качества, отражающие отношение служащих правоохранительных структур к другим гражданам и к самому себе.

Процесс формирования моральных чувств у сотрудников ОВД охватывает практически весь период служебной деятельности, регулируется рядом нормативных документов и созданием «карт индивидуальной воспитательной работы» [34]. Инфраструктура этического регулирования и менеджмента персонала включает проведение воспитательных мероприятий. Их цель — формирование у работников нравственных привычек, завершающих процесс профессионально-нравственного воспитания сотрудников ОВД. Закрепленными нравственными привычками являются устойчивые нормы, вошедшие в культуру морального поведения, которые проявляются не только на службе, но и в общественной жизни, быту. Нравственные привычки по своему назначению направлены на систематизацию и упрощение деятельности и поведения служащих, оптимизацию коммуникативного процесса, стандартизацию взаимоотношений, что позволяет предвидеть ход действий человека в различных ситуациях. Привычки основываются на нормах нравственности, выступают в виде моральных требований к служащим или являются моральным мотивом их действий [35]. В структурах ОВД применяются разнообразные методы профессионально-нравственного воспитания,

среди них: лекции; беседы; кинолектории; конференции; семинары; «круглые столы»; диспуты.

Для реализации задач по профессиональному и нравственно-этическому воспитанию сотрудники ОВД должны придерживаться следующих принципов:

- 1) антропологического;
- 2) семейного начала;
- 3) народности;
- 4) педагогического примера;
- 5) гуманизма;
- 6) толерантности.

Специфическая деятельность ОВД связана с тем, что сотрудникам, как правило, приходится сталкиваться с негативными событиями и процессами, осуществлять работу в чрезвычайных ситуациях, связанных с морально-психологическим давлением и высокой нагрузкой, что приводит некоторых к профессионально-нравственной деформации. Среди целевых мероприятий, направленных на предотвращение деформации, особое место занимает систематическое нравственное воспитание сотрудников, в процессе которого прививается личная ответственность и любовь к профессии, стремление честно и до конца исполнять служебный долг, не замазав честь мундира [36].

Заключение

Проблема концептуализации опыта и институциональных установлений в процессе этического регулирования профессии полицейского, с одной стороны, имеет давнюю историю, а с другой, — очень современна и непосредственно влияет на качество служебной деятельности сотрудников МВД. В истории европейской мысли идея полиции стала результатом модернизации и рационализации государственного управления через концепцию «общего блага». Исторически европейский полицейский — это идеальный чиновник, провозглашающий «заботу об общем благе», «дружественный к населению» и «лояльный власти» [37, с. 32–33]. В российской управленческой культуре ценности обретали национальный облик и смысл. Как показывает анализ нормативных документов и практик этического регулирования профессионально-трудовой деятельности полицейских, система ценностей представляет поиск меры между безопасностью (полиция защищает государство и граждан от множества угроз) и благополучием (государство как попечение об общем благе гражд-

дан). В пределах роста этической компетентности сотрудников органов внутренних дел, обеспечивающих охрану безопасности, будет способствовать росту благополучия российского общества.

Список источников

1. Приказ МВД России от 26 июня 2020 г. № 460 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» // URL: https://mvd.ru/upload/site121/folder_page/018/338/548/new/Prikaz_MVD_Rossii_ot_26_iyunya_2020_g_N_460_Kodeksa_etiki_i_slu_zhebnogo_povedeniya_sotrudnikov_OVD.pdf.
2. Шалаев В. В. Профессиональная этика сотрудников и деловая репутация органов внутренних дел // Наукосфера. 2021. № 5-1. С. 329–334.
3. Lentz L. M., Smith-MacDonald L., Malloy D., Carleton R. N., Brémault-Phillips S. Compromised Conscience : A Scoping Review of Moral Injury Among Firefighters, Paramedics, and Police Officers // *Front Psychol.* 2021. № 12. P. 639781.
4. Samuel L. Feemster, «Spirituality: The DNA of Law Enforcement Practice» // *FBI Law Enforcement Bulletin.* November 2007. P. 8–17.
5. Liu K-T, Yu R-K, Ma H-Y. Discriminant analysis predicted undisciplined policemen // *Science Progress.* 2021. № 104 (4).
6. Dos Santos, T. B. R., de Souza, E. A., & Alves, F. R. (2023). Lack of professional recognition : main reason for stress in military police // *Revista brasileira de medicina do trabalho : publicacao oficial da Associacao Nacional de Medicina do Trabalho-ANAMT*, 2 0(3), 438–444.
7. Racine E., Cioaba I. M. & Boehlen W. Ethical aspects of the work conditions of public safety personnel: a need for attention and solidarity // *Can J Public Health.* 2023. № 114. P. 502–506.
8. Low E. C., Scalora M. J., Bulling D. J., DeKraai M. B. & Siddoway K. R. Willingness to report in military workplace violence scenarios : Initial findings from the Marine Corps on the impact of rank and relationship to the person of concern // *Journal of Threat Assessment and Management.* 2023.
9. Piotrowski A., Rawat S., & Boe O. (2021). Effects of Organizational Support and Organizational Justice on Police Officers' Work Engagement // *Frontiers in psychology.* 2021. 642155.
10. Mayer D. M., Kuenzi M., Greenbaum R., Bar-des M., & Salvador R. (B.). How low does ethical leadership flow? Test of a trickle-down model // *Organizational Behavior and Human Decision Processes.* 2009. № 108 (1). P. 1–13.
11. Mayer D. M., Nurmohamed S., Trevico L. K., Shapiro D. L. & Schminke M. Encouraging employees to report unethical conduct internally : It takes a village // *Organizational Behavior and Human Decision Processes.* 2013. № 121 (1). P. 89–103.
12. Bandura A. Moral Disengagement in the Perpetration of Inhumanities // *Personality and Social Psychology Review.* 1999. № 3 (3). P. 193–209.
13. Kalshoven K. & Boon C. T. Ethical leadership, employee well-being, and helping: The moderating role of human resource management // *Journal of Personnel Psychology.* 2012. № 11(1). P. 60–68.
14. Naseem, Ayesha and Siddiqui, Danish Ahmed, Is Ethicality Itself a Boundary Condition for Ethicality: The Complementary Role of Employees' Exchange Ideology and Moral Awareness in Restricting the Effect of Ethical Leadership in Reducing Workplace Deviance (December 29, 2020).
15. Liang L. H., Nishioka M., Evans R., Brown D. J., Shen W. & Lian H. Unbalanced, Unfair, Unhappy, or Unable? Theoretical Integration of Multiple Processes Underlying the Leader Mistreatment-Employee CWB Relationship with Meta-Analytic Methods // *Journal of Leadership & Organizational Studies.* 2022. № 29 (1). P. 33–72.
16. Jacobs G., Belschak F. and Hartog, D. (2014). (Un)Ethical Behavior and Performance Appraisal: the Role of Affect, Support, and Organizational Justice // *J. Bus. Ethics.* 2014. № 121. P. 63–76.
17. Hadmar A. S., Hendryadi H., Suratna S. & Karyatun S. Leader Humility, Sense of Power, and Interpersonal Deviance Relationship Model in the Bureaucratic Culture // *Frontiers in sociology.* 2022. № 7. P. 929543.
18. Kennedy J. A., Anderson C. Hierarchical rank and principled dissent: How holding higher rank suppresses objection to unethical practices // *Organizational Behavior and Human Decision Processes.* 2017. Vol. 139. P. 30–49.
19. Montgomery A. (2022). Concerted Collusion: Studying Multiagency Institutional Cover-Up. *Frontiers in psychology*, 13, 847376.
20. Приказ МВД России от 1 декабря 2016 г. № 777 «Об организации постоянного мониторинга общественного мнения о деятельности полиции» // СПС «КонсультантПлюс».

21. Результаты изучения общественного мнения о деятельности полиции в 2017 г. : аналит. мат. / Т. М. Бомотова, Р. В. Черкасов. М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018.

22. Результаты изучения общественного мнения о деятельности полиции в 2020 г. : аналит. мат. / Т. М. Бомотова, С. А. Невский, О. В. Яковлев, А. С. Муковозова. М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2021.

23. Бомотова Т. Н., Жуков П., Ходжич М. Формирование общественного мнения о работе полиции в современных // Казачество. 2020. № 43 (1). С. 9–19.

24. Стражи порядка : мониторинг отношения общества к российской полиции // URL://<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/strazhi-porjadka-monitoring-otnosheniya-obshchestva-k-rossiiskoi-policii>.

25. Расширенная подборка данных ВЦИОМ к тематическому выпуску «Доверие». 2021. № 7 // URL://https://profi.wciom.ru/fileadmin/file/nauka/podborka_rasshirennaya_podborka_dannyh_wciom_022021.pdf.

26. Безручко Е. В., Миллеров Е. В. О современных проблемах профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел : деонтологические и правовые аспекты // Философия права. 2020. № 1 (92).

27. Нормы этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел / А. А. Исаев, Р. М. Янбухтин, П. А. Сухоплюев, М. М. Закомалдин. Уфа : Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022.

28. Янбухтин Р. М. Нравственно-этические основы деятельности сотрудников российской полиции // Научный компонент. 2021. № 2 (10). С. 159–163.

29. Кравец И. П., Камова К. С. Правовая культура сотрудника правоохранительных органов на внутреннем водном транспорте // Вестник Волжской государственной академии водного транспорта. 2013. № 36. С. 196–198.

30. Вызулин Е. А. Этические принципы и нормы деятельности сотрудников органов внутренних дел // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2015. № 4.

31. Кузнецова А. Д. К 35-летию работы в вузе МВД России Нравственное становление личности сотрудника органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 1 (49). С. 232–241.

32. Миронов И. Л. К вопросу о преподавании истории этической мысли в рамках дисциплины «Профессиональная этика и служебный этикет» в образовательных организациях МВД России // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии : мат. 26 всерос. науч.-метод. конф. (Иркутск, 25–26 февраля 2021 г.). Иркутск : Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. С. 238–240.

33. Лабодкая И. Е. Профессионально-нравственное воспитание сотрудников органов внутренних дел : психолого-педагогический аспект: моногр. Руза, 2011.

34. Приказ МВД России от 25 декабря 2020 г. № 900 «Вопросы организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

35. Марченко Г. В. Профессионально-нравственное воспитание сотрудников органов внутренних дел и профилактика коррупции // Профилактика коррупции в органах внутренних дел : нормативно-правовое обеспечение, практическая реализация, пути совершенствования : мат. внутриведом. науч.-практ. конф. / сост. И. А. Сошникова., О. Н. Миронкина. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2020. С. 87–91.

36. Власов А. В. Этические аспекты деятельности служб и подразделений органов внутренних дел // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. № 20. С. 1996–2000.

37. Кильдюшов О. Полиция как наука и политика : о рождении современного порядка из философии и полицейской практики // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 3. С. 9–40.

References

1. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation № 460 dated June 26, 2020 «On Approval of the Code of Ethics and Official Conduct of Employees of Internal Affairs Bodies of the Russian Federation» // URL://https://mvd.ru/upload/site121/folder_page/018/338/548/new/Prikaz_MVD_Rossii_ot_26_iyunya_2020_g_N_460_Kodeksa_etiki_i_sluzhebnogo_povedeniya_sotrudnikov_OVD.pdf.

2. Shalaev V. V. Professional ethics of employees and business reputation of internal affairs bodies // NaukospHERE. 2021. № 5-1. P. 329–334.

3. Lentz L. M., Smith-MacDonald L., Malloy D., Carleton R.N., Brémault-Phillips S. Compromised Conscience : A Scoping Review of Moral Injury Among Firefighters, Paramedics, and Police Officers // *Front Psychol.* 2021. № 12. P. 639781.
4. Samuel L. Feemster Spirituality : The DNA of Law Enforcement Practice» // *FBI Law Enforcement Bulletin.* November 2007. P. 8–17.
5. Liu K-T, Yu R-K, Ma H-Y. Discriminant analysis predicted undisciplined policemen // *Science Progress.* 2021. № 104 (4).
6. Dos Santos, T. B. R., de Souza, E. A., & Alves, F. R. (2023). Lack of professional recognition : main reason for stress in military police // *Revista brasileira de medicina do trabalho : publicacao official da Associacao Nacional de Medicina do Trabalho-ANAMT*, 2 0(3), 438–444.
7. Racine E., Cioaba I. M. & Boehlen W. Ethical aspects of the work conditions of public safety personnel: a need for attention and solidarity // *Can J Public Health.* 2023. № 114. P. 502–506.
8. Low E. C., Scalora M. J., Bulling D. J., DeKraai M. B. & Siddoway K. R. Willingness to report in military workplace violence scenarios : Initial findings from the Marine Corps on the impact of rank and relationship to the person of concern // *Journal of Threat Assessment and Management.* 2023.
9. Piotrowski A., Rawat S., & Boe O. (2021). Effects of Organizational Support and Organizational Justice on Police Officers' Work Engagement // *Frontiers in psychology.* 2021. 642155.
10. Mayer D. M., Kuenzi M., Greenbaum R., Bar-des M., & Salvador R. (B.). How low does ethical leadership flow? Test of a trickle-down model // *Organizational Behavior and Human Decision Processes.* 2009. № 108 (1). P. 1–13.
11. Mayer D. M., Nurmohamed S., Trevico L. K., Shapiro D. L. & Schminke M. Encouraging employees to report unethical conduct internally: It takes a village // *Organizational Behavior and Human Decision Processes.* 2013. № 121 (1). P. 89–103.
12. Bandura A. Moral Disengagement in the Perpetration of Inhumanities // *Personality and Social Psychology Review.* 1999. № 3 (3). P. 193–209.
13. Kalshoven K. & Boon C. T. Ethical leadership, employee well-being, and helping: The moderating role of human resource management // *Journal of Personnel Psychology.* 2012. № 11 (1). P. 60–68.
14. Naseem, Ayesha and Siddiqui, Danish Ahmed, Is Ethicality Itself a Boundary Condition for Ethicality: The Complementary Role of Employees' Exchange Ideology and Moral Awareness in Restricting the Effect of Ethical Leadership in Reducing Workplace Deviance (December 29, 2020).
15. Liang L. H., Nishioka M., Evans R., Brown D. J., Shen W. & Lian H. Unbalanced, Unfair, Unhappy, or Unable? Theoretical Integration of Multiple Processes Underlying the Leader Mistreatment-Employee CWB Relationship with Meta-Analytical Methods // *Journal of Leadership & Organizational Studies.* 2022. № 29 (1). P. 33–72.
16. Jacobs G., Belschak F. and Hartog, D. (2014). (Un)Ethical Behavior and Performance Appraisal: the Role of Affect, Support, and Organizational Justice // *J. Bus. Ethics.* 2014. No. 121. P. 63–76.
17. Hadmar A. S., Hendryadi H., Suratna S. & Karyatun S. Leader Humility, Sense of Power, and Interpersonal Deviance Relationship Model in the Bureaucratic Culture // *Frontiers in sociology.* 2022. № 7. P. 929543.
18. Kennedy J. A., Anderson C. Hierarchical rank and principled dissent: How holding higher rank suppresses objection to unethical practices // *Organizational Behavior and Human Decision Processes.* 2017. Vol. 139. P. 30–49.
19. Montgomery A. (2022). Concerted Collusion: Studying Multiagency Institutional Cover-Up. *Frontiers in psychology*, 13, 847376.
20. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation No. 777 dated December 1, 2016 «On the organization of constant monitoring of public opinion on police activities» // *LRS «ConsultantPlus».*
21. Results of the study of public opinion on the activities of the police in 2017: analytical Mat. / T. M. Bomotova, R. V. Cherkasov. M. : FGKU «Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia», 2018.
22. Results of the study of public opinion on the activities of the police in 2020: analytical mat. / T. M. Bormotova, S. A. Nevsky, O. V. Yakovlev, A. S. Mukovozova. M. : FGKU «Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia», 2021.
23. Bormotova T. N., Zhukov P., Khodzhich M. Formation of public opinion about the work of the police in modern // *Cossacks.* 2020. № 43 (1). P. 9–19.
24. Guardians of order: monitoring the attitude of society towards the Russian police // URL://<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/>

strazhi-porjadka-monitoring-otnosheniya-obshchestva-k-rossiiskoi-policii.

25. An expanded selection of VTSIOM data for the thematic issue «Trust». 2021. № 7 // URL://https://profi.wciom.ru/fileadmin/file/nauka/podborka/rasshirenaya_podborka_dannyh_wciom_022021.pdf.

26. Bezruchko E. V., Millerov E. V. On modern problems of professional ethics of an employee of internal affairs bodies: deontological and legal aspects // *Philosophy of Law*. 2020. № 1 (92).

27. Norms of ethics and official behavior of employees of internal affairs bodies / A. A. Isaev, R. M. Yanbukhtin, P. A. Sukhoplyuyev, M. M. Zakomaldin. Ufa : Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022.

28. Yanbukhtin R. M. Moral and ethical foundations of the activities of Russian police officers // *Scientific component*. 2021. № 2 (10). P. 159–163.

29. Kravets I. P., Kamova K. S. The legal culture of a law enforcement officer in inland waterway transport // *Bulletin of the Volga State Academy of Water Transport*. 2013. № 36. P. 196–198.

30. Vyzulin E. A. Ethical principles and norms of activity of employees of internal affairs bodies // *Bulletin on pedagogy and psychology of Southern Siberia*. 2015. № 4.

31. Kuznetsova A.D. To the 35th anniversary of work at the University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the moral formation of the personality of an employee of internal affairs bodies // *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2011. № 1 (49). P. 232–241.

32. Mironov I. L. On the issue of teaching the history of ethical thought within the framework of the dis-

cipline «Professional ethics and official etiquette» in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // *Personnel training for law enforcement agencies : modern trends and educational technologies: mat. 26 all-Russian scientific method. conf. (Irkutsk, February 25–26, 2021)*. Irkutsk : East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. P. 238–240.

33. Labotskaya I. E. Professional and moral education of employees of internal affairs bodies : psychological and pedagogical aspect : monograph. Ruza, 2011.

34. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation № 900 dated December 25, 2020 «Issues of the organization of moral and psychological support for the activities of internal affairs bodies of the Russian Federation» // *LRS «ConsultantPlus»*.

35. Marchenko G. V. Professional and moral education of employees of internal affairs bodies and prevention of corruption // *Prevention of corruption in internal affairs bodies : normative-legal support, practical implementation, ways of improvement : mat. inside the house. scientific and practical conference / comp. I. A. Soshnikova., O. N. Mironkina*. St. Petersburg : St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2020. P. 87–91.

36. Vlasov A.V. Ethical aspects of the activities of services and departments of internal affairs bodies // *Scientific and methodological electronic journal «Concept»*. 2014. № 20. P. 1996–2000.

37. Kildyushov O. Police as science and politics : on the birth of a modern order from philosophy and police practice // *Sociological Review*. 2013. Vol. 12. № 3. P. 9–40.

Информация об авторе

С. В. Соловьева — заведующая кафедрой философии и истории науки Самарского государственного университета путей сообщения, профессор кафедры управления человеческими ресурсами Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, доктор философских наук, доцент.

Information about the author

S. V. Solovyova — Head of the Department of Philosophy and History Science of the Samara State University of Railway Transport, Professor of the Department of Human Resource Management of the Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 13.02.2024; одобрена после рецензирования 29.03.2024; принята к публикации 08.04.2024.

The article was submitted 13.02.2024; approved after reviewing 29.03.2024; accepted for publication 08.04.2024.

Научная статья

УДК 1/159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-294-300>

EDN: <https://elibrary.ru/tuwouu>

ИПОН: 2003-0059-2/24-038

MOSURED: 77/27-003-2024-02-237

Социально-психологическая этнология: прикладной аспект

Анатолий Николаевич Сухов

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия, a.suhov@365.rsu.edu.ru

Аннотация. Прослеживается история становления этнологии. При этом хронология развития последней восстановлена и представлена объективно. Рассматривается сущность социально-психологического подхода к пониманию социально-психологических явлений в структуре этнических групп. Предмет социально-психологической этнологии включает в себя закономерности возникновения и проявления социально-психологических явлений, а так же практику работы с ними. Анализируются трудности, которые имеют место при исследовании социально-психологических явлений в структуре этнических групп. Поэтому не случайно наиболее важной задачей является создание полноценной теории социально-психологической этнологии. Без этого невозможно вести речь об эффективной работе с этническими группами. Социально-психологическая этнология — потенциальная отрасль социальной психологии. Предстоит еще немало сделать как в теоретическом, так и прикладном плане для ее полного оформления.

Ключевые слова: этническая группа, этнос, нация, технология, теория, консультация, воздействие, структура, социально-психологические явления, культура

Для цитирования: Сухов А. Н. Социально-психологическая этнология: прикладной аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 294–300. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-294-300>. EDN: TUWOUU.

Original article

Social and psychological ethnology: an applied aspect

Anatoly N. Sukhov

Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russia, a.suhov@365.rsu.edu.ru

Abstract. The history of the formation of ethnology is revealed. At the same time, the chronology of the latter's development has been restored and presented objectively. The essence of the socio-psychological approach to understanding socio-psychological phenomena in the structure of ethnic groups is considered. The subject of socio-psychological ethnology includes the patterns of occurrence and manifestation of socio-psychological phenomena, as well as the practice of working with them. It analyzes the difficulties that occur in the analysis of socio-psychological phenomena in the structure of ethnic groups. Therefore, it is no coincidence that the most important task is to create a full-fledged theory of socio-psychological ethnology. Without this, it is impossible to talk about effective work with ethnic groups. Socio-psychological ethnology is a potential branch of social psychology. There is still a lot to be done, both theoretically and practically, for its complete design.

Keywords: ethnic group, ethnos, nation, technology, theory, consultation, impact, structure, socio-psychological phenomena, culture

For citation: Sukhov A. N. Social and psychological ethnology: an applied aspect. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):294–300. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-294-300>. EDN: TUWOUU.

Одним из существенных факторов, влияющих на развитие современного российского общества, является этнопсихологическая проблема.

Она была актуальной всегда. Ее острота варьировалась, но по сути оставалась неизменной.

В условиях войны, конфликтов, санкций и т. д. актуальность этнопсихологической проблемы возрастает. Она используется в качестве совершения «цветных революций», развала той или иной страны [5].

Исследования социально-психологических явлений в этнической сфере имеют давнюю историю.

Но лексика, которую при этом использовали ученые, явно устарела. Имеется в виду такие дефиниции, как национальный характер, темперамент, склад нации и др.

В связи с этим необходимо создание современного понятийного аппарата, позволяющего адекватно отражать и понимать социально-психологическую сущность и природу различных этнических групп.

В настоящее время следует оперировать комплексом современных понятий.

© Сухов А. Н., 2024

Это своеобразный дайджест, «дорожная карта» схематического анализа и на этой основе понимания того, что происходит в различных этнических группах. Данный перечень позволяет не только операционализировать социально-психологические явления в структуре этнических групп, но и целенаправленно построить работу с ними. Пока же имеются лишь фрагментарные данные об этом. Целостной картины нет.

В качестве механизма возникновения и проявления социально-психологических явлений в этносфере выступают этноотношения и этнообщение. Они неофициально регламентированы, атрибутивны и субординационны.

В настоящее время роль этноотношений изменилась; СМИ, социальные сети и т. д. трансформируют, во многом унифицируют этногруппы. Таковы последствия мультикультуры.

Профессиональная деятельность с различными этническими группами осуществляется с помощью социально-психологических технологий на различных уровнях: макро — международном и федеральном; среднем — региональном; микро — организации, семьи, группы в личностных и разных условиях — нормальных, осложненных и экстремальных.

Как известно, к числу массовых социально-психологических технологий работы с различными этническими группами относятся: диагностические; консультационные; интерактивные, т. е. воздействия [1].

Работа с различными этническими группами осуществляется поэтапно. Вначале проводится диагностика, а затем консультирование и воздействие.

Диагностика этнических групп проводится путем использования основных социально-психологических методик. Они детально изложены в следующих публикациях автора: Сухов А. Н., Гераскина М. Г. Социальная психология /под ред. А. Н. Сухова. М., 2017; Социально-психологические технологии работы с различными группами населения /под ред. А. Н. Сухова. М., 2019; Сухов А. Н. Психология социальной работы. М., 2019.

В настоящее время разработана специальная программа стандартного этнопсихологического исследования. Она используется для изучения национально-психологических особенностей представителей той или иной этнической группы на основе

ряда специализированных принципов и набора из 24 стандартизированных (специально адаптированных и модернизированных) методик.

Однако теория и практика выявления, диагностики и анализа этнопсихологических особенностей представителей различных народов и наций с помощью специальных методик еще не сформировалась окончательно. Так называемое стандартное этнопсихологическое исследование не в полной мере соответствует требованиям, предъявляемым к такому роду материалам.

Анализ практики применения диагностических технологий показывает, что в этой области имеют место реальные трудности. Они связаны с различными обстоятельствами.

Диагностика — составная часть информационно-аналитической деятельности в сфере национальной политики и в работе с конкретными этническими группами. При этом теория и практика национальной политики связаны с доктриной национальной безопасности, которая, в свою очередь, определяется национальными ценностями и национальными интересами. История развития национальной политики представлена в различных публикациях.

Современная национальная политика, работа с конкретными этническими группами не возможна без информационно-аналитической деятельности (ИАД), в основе которой лежат сбор, проверка, анализ и переработка информации в целях оптимизации принятия решений.

Важную роль в работе с этническими группами играет социально-психологическое консультирование. Практика известна. Она сложилась. Но иногда публичные выступления на этот счет оставляют желать лучшего.

Требования к этноконсультанту высокие. Понятно, что надо знать психологию представителя той или иной этнической группы. В данном случае общие рекомендации неуместны. Здесь решающую роль играют социально-психологическая компетентность, деликатность, форма обращения и, конечно, авторитет, доверие к этноконсультанту.

К числу массовых социально-психологических технологий работы с различными этническими группами относятся: 1) социально-психологический тренинг; 2) различные виды немедицинской терапии; 3) массовые информационные технологии воздействия с помощью СМИ; 4) технологии социального

образования; 5) технологии социально-правового просвещения; 6) технологии социальной рекламы; 7) технологии социальных сетей; 8) технологии преодоления деформации социальных представлений о ценностях как носителях культуры и межкультурного взаимодействия [1].

В ходе обычной повседневной практики, т. е. работы с этническими группами в штатном режиме применяются все без исключения социально-психологические технологии: и социально-психологический тренинг, и различные виды немедицинской терапии, и массовые информационные для повышения уровня этноидентичности, развития культуры и т. д.

Трудно переоценить конструктивную роль интерактивных технологий в развитии этноидентичности, менталитета, социальных ценностей, культуры. В то же время, они играют большую роль в борьбе с экстремистскими этногруппами.

В работе с этногруппами не менее важное значение имеет проблема, связанная с национальной идеей. Но она носит полемический характер. Одни считают, что она необходима, другие отрицают это.

Между тем опыт успешных стран говорит о том, что без национальной идеи никакая государственность в долгосрочной перспективе не может существовать. Ее наличие устойчиво обнаруживается в истории, начиная с древнейших цивилизаций.

Можно описать несколько функций национальной идеи России:

- ♦ мотивационная (психологически мобилизующая);
- ♦ национально консолидирующая, интегрирующая, объединяющая;
- ♦ социально-поведенчески ориентирующая;
- ♦ ценностно задающая;
- ♦ патриотически формирующая;
- ♦ наполняющая содержанием понятие безопасности;
- ♦ формирующая суть и содержание организации и функционирования национальных систем образования, воспитания, культуры;
- ♦ политико-образующего начала во внутренней и внешней политике;
- ♦ образующего начала в социально-экономической политике;
- ♦ образующего начала в политике пропаганды.

Национальная идея должна дать «смысл жизни» стране, смысл присоединения к этой стране — для

различных народов и различных государств и регионов. Именно поэтому у сотен стран мира национальная идея существует.

В то же время, без наличия подлинно национально-объединяющей идеологии невозможно установление действенного консенсуса и согласия внутри российского общества, что ясно осознается представителями подлинной интеллектуальной элиты современной России.

В XX в. среди политиков и партий наметились тенденции в прагматических целях все чаще отказываться от устойчивой идеологии, т. е. брать на вооружение тактику антиидеологизма.

В настоящее время в Российской Федерации на Конституционном уровне закреплён запрет на государственную и некую общеобязательную идеологию.

Однако, вопрос об идеологии далеко не праздный. Можно спорить о содержании идеологии, но наивно полагать, что какое-либо общество может обойтись без нее.

Идеология позволяет народу ориентироваться в социальном пространстве. Аналогичные оценки представлены и в работах других современных исследователей [4].

На востребованность идеологии, связанной с социал-демократическими взглядами, указывают представители современных аналитических служб.

Выделяют четыре основных «мега-тренда» будущего мира. Один из них — «снижение бедности и увеличение глобальной доли среднего класса — на фоне доступного образования и лучшего здравоохранения ознаменует собой технологический сдвиг в человеческом обществе».

В этом контексте для России важно построение социального государства, общества среднего достатка. Именно это создает реальную платформу для этноидентичности, объединения этнических групп.

Теория и практика развития общества среднего достатка содержатся в статьях и учебном пособии автора: Сухов А. Н. Социальная модернизация. М., 2021 [6].

В связи с этим в качестве идеологии должна выступать теория и практика обеспечения национальных интересов. Именно национальные интересы, т. е. интересы всех больших социальных групп, а не какой-либо одной, должны выступать детерминантой смыслов: национальной идеи, системы социальных ценностей, представлений об успехе, карьере и развитии.

В принципе теория национальных интересов должна и носит во многих странах доктринальный характер. Работа с этническими группами не может выполнять свои функции в отрыве от массовых информационных технологий.

Известно, что большую роль не только в позитивном развитии, но и деформации социальных представлений различных этнических групп играют массовые информационные технологии — СМИ, социальные сети и т. д. Следует заметить, что массовые технологии влияют на содержание социальных представлений, те — на ценности, а они — вновь на СМИ, рождая запрос на тематику, рейтинги передач, статей, обращений, контактов, «лайков», а СМИ, социальные сети — вновь на социальные представления и т. п.

СМИ должны выполнять социализирующую роль. Но это не означает возврата к социалистическому реализму и введения цензуры. СМИ должны заниматься культивированием: здорового образа жизни; социально одобряемых ценностей (ценности труда; семейного счастья) и т. п.

На отдельных каналах телевидения такое практикуется, например, на канале «Культура». Принят закон о защите детей от негативных, вредных ценностей. Но этого явно мало. Коммерциализация культуры, погоня за рейтингами заставляют СМИ получать прибыль на основе удовлетворения не самых высоких потребностей. Здесь свои законы диктует культура потребления.

Но давно известно: не Пушкина надо опускать до народа, а народ поднимать до Пушкина.

Через массовые информационные технологии работа с реальными этническими группами должна выполнять социализирующую, адаптирующую роль, функцию общественной безопасности. Это вовсе не означает возврата к практике «держат и не пушат», а напротив, превращает объектов в субъектов национальной безопасности.

Пропаганда здорового образа жизни, социально одобряемых ценностей, развенчание контркультуры, экстремизма, нацизма можно осуществлять в рамках законов демократического общества. Такой опыт имеется. Но нельзя впадать и в крайность, как в ряде африканских стран, где после соответствующих призывов через СМИ на улицах начали проводить физическую расправу над геями. Русская православная церковь занимает более взвешенную позицию в этом

отношении. Ее призывы не читать отдельные одиозные произведения, пропагандирующие педофилию, воспринимаются как аргументированные суждения. Здесь недопустимы крайности, экстремистские взгляды любого толка. Нельзя доводить до абсурда ход реализации закона о противодействии негативным ценностям. Нужны четкие юридические процедуры; как, в ряде стран суд может отклонить запрет.

При этом заслуживают внимания религиозные технологии. Иначе говоря, в рамках работы с верующими следует иметь в виду и принимать во внимание определенные религиозные технологии.

Исповедь, десять религиозных Заповедей, Заповеди блаженства, описание грехов, Священная книга (Библия и др.) стимулируют табуирование деструктивных решений и действий, т. е. способствуют возникновению конструктивного внутриличностного конфликта. Это очень важно. Это Кодекс поведения.

Свои особенности имеет работа с различными группами мигрантов. Связано это с целым рядом обстоятельств и, прежде всего, трудностями их адаптации.

Процесс адаптации мигрантов к новой культуре включает несколько этапов. Первый характеризуется энтузиазмом и приподнятым настроением, второй — фрустрацией, депрессией и чувством замешательства, переходящим в чувство уверенности и удовлетворения [2].

Степень конфликтности и продолжительности адаптации к новой культуре зависит от социально-психологических характеристик переселенцев и своей и чужой для них культур.

Для изучения адаптации мигрантов применяют следующие методики: тест К. Роджерса и Р. Даймонда (шкала СПА), многоуровневый личностный опросник «Адаптивность», разработанный А. Г. Маклаковым совместно с С. В. Чермяниным, а так же ряд других методик, в том числе тесты по определению толерантности.

Среди основных социальных проблем мигрантов следует выделить следующие: получение статуса беженца (вынужденного переселенца); жилищная проблема; проблема трудоустройства; социальная и психологическая адаптация.

К вышеперечисленным проблемам добавляется множество других: размещение и временное пребывание, получение прописки по месту жительства, правовая неосведомленность и отсутствие информации о том, где можно получить необходимую по-

мощь, устройство детей в школу и детский сад, незнание (плохое знание) языка и культурных особенностей новой территории пребывания, неприятие со стороны местного населения.

В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации «О мерах по оказанию помощи беженцам и вынужденным переселенцам» предусматривается ряд мер по оказанию им содействия: выплата пособия, помощь в трудоустройстве, решение жилищных проблем.

Практическая работа с мигрантами проводится по следующим направлениям:

- 1) социальное направление. Работа осуществляется в контексте с различными ведомствами;
- 2) социально-информационное направление. Работа осуществляется в контакте со СМИ;
- 3) социально-психологическое направление. Работа осуществляется в контакте с органами образования и здравоохранения;
- 4) социально-педагогическое направление. Работа осуществляется в контакте с органами образования, здравоохранения и правопорядка;
- 5) медико-социальное направление со службами здравоохранения;
- 6) социально-правовое направление. Работа осуществляется в контакте с судебными и правоохранительными органами;
- 7) финансовое направление — оказание стартовой помощи (предоставление ссуд);
- 8) социально-экономическое направление;
- 9) материальное направление (работа с общественными организациями);
- 10) социально-трудовое направление (со службами занятости).

Конечно, в реальной жизни спектр услуг, получаемых мигрантами, отличается от приведенного. Главная задача социальных служб при работе с мигрантами — содействие их социальной адаптации, минимизация ее негативных последствий.

Одновременно с государственными структурами, осуществляющими государственную миграционную политику, существуют и негосударственные организации (в виде некоммерческих организаций — фондов, общественных объединений), которые могут оказывать мигрантам социальные услуги.

В настоящее время имеются различные программы, способствующие адаптации к новой культуре. Среди них выделяют просвещение, ориентиро-

вание, инструктаж, тренинг и «культурный ассимилятор».

Цель просвещения — приобретение знаний о культуре, этнической общности и др.

Межкультурный тренинг решает две главные задачи:

- ♦ знакомство с межкультурными различиями;
- ♦ повышение социально-психологической компетентности в сфере культурных различий.

Цель «культурного ассимилятора» — научить человека видеть ситуации с точки зрения членов чужой группы, понимать их картины мира. Поэтому данный метод предлагают называть техникой межкультурной сенситивности.

«Культурные ассимиляторы» состоят из описаний ситуаций (от 37 до 100), в которых взаимодействуют персонажи из двух культур, а также представлены четыре интерпретации поведения персонажей в каждой ситуации.

Проблема межкультурного взаимодействия не сводится к аккультурации, т. е. к культурным изменениям. Реально она существует в виде осложнений в межнациональных отношениях, нарушения идентичности. Дело в том, что основным признаком этнических общностей является культура. Культурные различия между этническими общностями нередко приводят к конфликтам и проявляются в различной степени терпимости к национальным меньшинствам и наоборот. На чужих ошибках следует учиться. Следует всегда иметь в виду, что массовая дезадаптация переселенцев из «горячих точек» привела к возникновению миграционного кризиса в Европе [3].

Что касается работы с экстремистскими и криминальными этническими группами, то она крайне специфична. Это следует подчеркнуть. Дело в следующем: здесь применяются специальные технологии, в том числе информационный контроль, проведение переговоров в случае освобождения заложников, информационно-психологическая война и т. д.

В настоящее время имеет место попытка подмены общественной позитивной активности действиями националистических групп и движений.

С молчаливого согласия такое наблюдается в ряде регионов мира. Однако для нормальных граждан любой страны нацист навсегда останется преступником, а не национальным героем. Нацисты в массовом порядке уничтожали поляков, евреев, рус-

ских, а не боролась яростно с немецкими нацистами за освобождение.

В связи с этим действия по трансформации общественной активности, недовольства граждан в националистическую плоскость должны караться в уголовном порядке. Именно такой оценки, при чем с позиции международных стандартов, заслуживает деятельность тех, кто пытается превратить преступников в национальных героев.

Такое имеет место в некоторых странах бывшего СССР. Происходит это не только с помощью определенных структур, элитарных групп, но и криминальных организаций, которые действуют в своих сугубо экономических целях. В данном случае националистические движения превращаются в орудия контроля над определенными территориями. Как правило, их используют в «темную», играя на урапатриотических чувствах.

Экстремизм — явление международного масштаба.

Слово «экстремизм» образовано от латинского *extremus* — крайний. Националистический экстремизм органически связан с сепаратизмом (фр. *separatisme* — отдельный), т. е. со стремлением к отделению, обособлению. Он направлен на развал многонациональных государств, утверждение господства коренной нации, отражает стремление титульных наций в национальных республиках получить преимущества перед некоренными жителями в политической и социальных сферах. Примеры на этот счет известны. Подобный экстремизм ведет к обострению межнациональных отношений и является источником конфликтов.

За рубежом широкое распространение получила типология экстремизма, в основе которой находятся цели и мотивы насильственных проявлений.

Фашизм является крайней формой политического экстремизма.

Под фашизмом понимается идеология и практика, утверждающие превосходство и исключительность определенной нации или расы и направленные на разжигание национальной нетерпимости, обоснование дискриминации в отношении представителей иных народов; отрицание демократии, установление культа вождя; применение насилия и террора для подавления политических противников и любых форм инакомыслия; оправдание войны как средства решения межгосударственных проблем.

Существуют различные виды криминальных этнических групп.

Так, на «бизнесе с нелегальной миграцией» «миграционная мафия» зарабатывает значительные суммы денег. Большую опасность представляют группировки, сформировавшиеся по признакам этнической принадлежности и землячества и имеющие прочные связи с представителями своих диаспор за рубежом.

Специалисты отмечают наличие у этнических преступных группировок, действующих в России, криминальной специализации.

Что касается криминальной безопасности этнических групп, то она связана с методами разобщения отрицательных и криминальных групп, а так же «развенчанием и самоосуждением» лидеров последних. Таким образом, ясно, что развитие позитивных этнических групп и, в то же время, борьба с криминальными должны стать стратегической задачей. Без этого обеспечение этноидентичности в полной мере не достичь.

С учетом сказанного можно сделать следующий вывод. Социально-психологическая этнология по времени возникновения, а главное — по содержанию, действительно, является отраслью социальной психологии.

Список источников

1. Социальная психология / под ред. А. Н. Сухова. 8-е изд. М., 2017.
2. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 1999.
3. Сухов А. Н., Трыканова С. А. Миграция в Европе и ее последствия. М., 2007.
4. Сухов А. Н. Психология социальной работы. М., 2019.
5. Сухов А. Н. Социальная конфликтология. М., 2021.
6. Сухов А. Н. Социальная модернизация. М., 2021.

References

1. Social psychology / ed. by A. N. Sukhov. 8th ed. M., 2017.
2. Stefanenko T. G. Ethnopsychology. M., 1999.
3. Sukhov A. N., Trykanova S. A. Migration in Europe and its consequences. M., 2007.
4. Sukhov A. N. Psychology of social work. M., 2019.
5. Sukhov A. N. Social conflictology. M., 2021.
6. Sukhov A. N. Social modernization. M., 2021.

Библиографический список

1. Бондарева С. К., Колесов Д. В. Миграция (сущность и явление). М. – Воронеж, 2004.
2. Дмитриев А. В. Миграция: конфликтное измерение. М., 2006.
3. Ефимова О. И. К проблеме адаптации мигрантов в провинции // Провинциальная ментальность России в прошлом и настоящем. Самара, 1994.
4. Кабузан В. М. Русские в мире. СПб., 1996.
5. Крысько В. Г. Этническая психология: учебник для вузов. М., 2024.
6. Мнацаканян М. О. Национализм и глобализм. Национальная жизнь в современном мире. М. : Анкил, 2008.
7. Панарин А. С. Русская культура перед вызовом постмодернизма. М., 2005.
8. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения. М., 2001.
9. Собольников В. В. Юридический механизм управления миграционными процессами в России: учеб. пособие. Новосибирск, 2001.
10. Смит Э. Национализм и модернизм. М., 2004.
11. Сухов А. Н. Социальная психология безопасности: теория и практика. М., 2023.
12. Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. М., 2002.

Bibliographic list

1. Bondareva S. K., Kolesov D. V. Migration (essence and phenomenon). M. – Voronezh, 2004.
2. Dmitriev A. V. Migration: a conflict dimension. M., 2006.
3. Efimova O. I. To the problem of adaptation of migrants in the province // Provincial mentality of Russia in the past and present. Samara, 1994.
4. Kabuzan V. M. Russians in the world. St. Petersburg, 1996.
5. Krysko V. G. Ethnic psychology: textbook for universities. M., 2024.
6. Mnatsakanyan M. O. Nationalism and globalism. National life in the modern world. M. : Ankil, 2008.
7. Panarin A. S. Russian culture before the challenge of postmodernism. M., 2005.
8. Rybakovsky L. L. Migration of the population. M., 2001.
9. Sobolnikov V. V. The legal mechanism for managing migration processes in Russia: studies. stipend. Novosibirsk, 2001.
10. Smith E. Nationalism and modernism. M., 2004.
11. Sukhov A. N. Social psychology of security: theory and practice. M., 2023.
12. Hobsbawm E. The principle of ethnicity and nationalism in modern Europe // Nations and nationalism. M., 2002.

Информация об авторе

А. Н. Сухов — заведующий кафедрой социальной психологии и социальной работы Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, доктор психологических наук, профессор, почетный работник высшего образования.

Information about the author

A. N. Sukhov — Head of the Department of Social Psychology and Social Work of the Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Education.

Статья поступила в редакцию 18.01.2024; одобрена после рецензирования 22.02.2024; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted 18.01.2024; approved after reviewing 22.02.2024; accepted for publication 29.03.2024.

Научная статья

УДК 34:366.636

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-301-306>

EDN: <https://elibrary.ru/yaeeez>

НИОН: 2003-0059-2/24-039

MOSURED: 77/27-003-2024-02-238

Информационная сфера государственного управления: дефиниция, цель, задачи, функции и общеправовые вопросы

Александр Анатольевич Беженцев¹, Николай Алексеевич Игошин²

^{1,2} Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ adovd@mail.ru

² igoshin-na@ranepa.ru

Аннотация. Прогресс инновационных информационных технологий в 50-е гг. XX в. дал старт информационно-технологической революции, плодом которой обнаруживается постепенное развитие новейшего типа общественной формации — *информационного общества*, в котором решающим авторитетом обладают не традиционные материальные факторы производства, а нематериальный фактор — *информация*. Можно с твердостью сказать о том, что информация становится одним из стратегических ресурсов государства и социума, ресурсом общественно-экономического, технологического и культурного наследия России. Авторами изучены дефиниция, цель, общеправовые вопросы, задачи и функции информационной области управления государством.

Ключевые слова: информационное право, государственное управление, информационная сфера, информационное общество, информационные отношения, задачи государственного управления в информационной сфере, функции государственного управления в информационной сфере, правовые аспекты информационной сферы, правовые аспекты информационных отношений

Для цитирования: Беженцев А. А., Игошин Н. А. Информационная сфера государственного управления: дефиниция, цель, задачи, функции и общеправовые вопросы // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 301–306. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-301-306>. EDN: YAEEEZ.

Original article

Information sphere of public administration: definition, purpose, tasks, functions and general legal issues

Alexander A. Bezhentsev¹, Nikolay A. Igoshin²

^{1,2} Northwestern Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹ adovd@mail.ru

² igoshin-na@ranepa.ru

Abstract. Progress of innovative information technologies in the 50s of the twentieth century gave rise to the information technology revolution, the fruit of which reveals the gradual development of the newest type of social formation — the information society, in which the decisive authority is not the traditional material factors of production, but the intangible factor — information. We can firmly say that information is becoming one of the strategic resources of the state and society, a resource of the socio-economic, technological and cultural heritage of Russia. The authors studied the definition, purpose, tasks and functions of the information field of state management.

Keywords: information law, public administration, information sphere, information society, information relations, tasks of public administration in the information sphere, functions of public administration in the information sphere, legal aspects of the information sphere, legal aspects of information relations

For citation: Bezhentsev A. A., Igoshin N. A. Information sphere of public administration: definition, purpose, tasks, functions and general legal issues. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):301–306. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-301-306>. EDN: YAEEEZ.

Государственное управление — это очень сложное явление и поэтому оно является элементом анализа многообразных наук. Философы постигают его

как один из видов управления социумом, характерное формулирование его свойств. Социологов интересует, преимущественно, общественно-классовая

© Беженцев А. А., Игошин Н. А., 2024

природа и коллективная функция государственного управления, их подлинное и конкретное отображение в совместной жизнедеятельности. Экономисты истолковывают большей частью роль государства в экономике, в руководстве социальными процессами, а также государственное управление как характерный вид труда.

Вопросами государственного управления занимается и юридическая наука. Достаточно широко организационно-правовые аспекты государственного управления были освещены в научных трудах Б. П. Курашвили [1], Б. М. Лазарева [2], Г. В. Атаманчука [3]. Вместе с тем, в условиях современных реалий на сегодняшний день, не смотря на наличие исследований [4; 5; 6; 7], не хватает научных изысканий по специфике государственного управления именно в информационной сфере. Это обуславливает необходимость проанализировать общие организационно-правовые аспекты государственного управления в сочетании с его особенностями в информационной сфере и дать на том базисе комплексное определение государственного управления в указанном сегменте.

В обширном значении государственное управление — это совокупность всех обликов деятельности государства (законодательной, исполнительной, судебной), реализовываемых всеми органами государственной власти. Приведем несколько дефиниций, которые соответствуют такому разумению. Так, Г. В. Атаманчук полагает, что государственное управление — это организующая, упорядочивающая деятельность государства, государственное регулирование многообразных социальных взаимоотношений с помощью деятельности всех ветвей власти — законодательной, исполнительной, судебной, их органов, государственных служащих [3, с. 11]. Б. П. Курашвили предполагает, что под этим термином следует уразумевать деятельность комплексного государственного аппарата по урегулированию социальных отношений, по управлению как общественными, так и его непосредственными делами [1, с. 110]. Несмотря на масштабность обширного подхода к дефиниции государственного управления, он получил формирование в произведениях специалистов, которые занимаются вопросами государственного управления в сфере информации.

Отметим, что обширное толкование государственного управления как совокупности всех видов

деятельности государства, т. е. всех форм воплощения в жизнь государственной власти, терпимо на уровне анализа в целом общесоциальной системы управления, который связан с выделением ее сравнительно автономных подсистем.

На более конкретном уровне рассмотрения системы управления государство как интегрированный субъект государственного управления вызывает необходимость уже дифференцированного разбора, т. е. изучения как комплексности государственных органов, между которыми обусловленным образом разделены всевозможные виды деятельности державы. Поэтому именно «узкое» понимание государственного управления должно быть преобладающим в отраслевых государственно-управленческих исследованиях. Учитывая указанное, верным кажется мнение Б. М. Лазарева, что деятельность государства в целом, очевидно, призвана изучать общая теория государства и права и наука государственного (конституционного) права [2, с. 108], а не специализированная административно-правовая наука. Для административного права более характерно узкое толкование государственного управления как подзаконной исполнительно-распорядительной деятельности государства.

Обусловим государственное управление как независимый вид государственной деятельности, носящей подзаконный исполнительно-распорядительный характер, органов (должностных лиц) применительно практическому осуществлению функций и задач государства в процессе урегулирования экономической, общественно-культурной и административно-политической сфер. Подчеркнем, что под государственным управлением надлежит разумеать характерную деятельность государства, обнаруживающуюся в функционировании ряда уполномоченных структур (органов) по материализации исполнительно-распорядительных функций, которые постоянно, планомерно, властно и в рамках нормативных установлений воздействуют на социальную систему с вектором ее оптимизации в корреспонденции с публичными интересами.

Отталкиваясь из этого *узкого истолкования*, под *государственным управлением в информационной сфере* предлагаем, в общем, полагать подзаконную исполнительно-распорядительную деятельность уполномоченных государственных органов, их должностных лиц по претворению функций и задач государ-

ства в сегменте социальных информационных и информационно-инфраструктурных взаимоотношений согласно интересам общества. Потребность конкретизации данного уразумения государственного управления в информационной сфере вызывает необходимость анализа его базовых характеристик.

Законодательным органом государства определяются основные принципы государственной политики в информационной сфере путем принятия соответствующих законов, практическая реализация предписаний, содержащихся в этих актах законодательства, обеспечивается деятельностью целого ряда других уполномоченных государством органов. Поэтому государственное управление как вид деятельности государства по практической реализации законов — это, прежде всего, исполнительная деятельность. Материализация настоящей функции не приемлема без принятия четких управленческих решений и контрольных мероприятий над их осуществлением. Вследствие этого органы государственного управления наделяются полномочиями властного характера, т. е. приобретают от государства право исполнять распорядительную деятельность.

Направленность исполнительно-распорядительной деятельности этих органов на обеспечение реализации норм законов обуславливает ее подзаконный характер. Подзаконность означает, что любые действия органов государственного управления, любые их решения, принимаемые во исполнение законов, должны четко соответствовать соответствующим предписаниям этих законов. Следовательно, именно нормы законов в основном формируют правовую основу государственного управления и определяют пределы его исполнительного направления.

Подзаконность и исполнительно-распорядительный характер государственного управления являются признаками универсальными, поэтому они касаются всех сфер государственного управления:

- а) экономики;
- б) образования;
- в) культуры;
- г) здравоохранения.

Их осмысление нужно для понимания *сущности государственного управления в информационной сфере* но, все же, это не позволяет в полной мере проникнуть в его суть из-за того, что не учитывается специфика особенности именно этой сферы. Поэтому,

для того, чтобы составить более точное представление об особенностях государственного управления в информационной сфере, рассмотрим задачи и функции государства в указанной области, ведь они специфичны именно для этого сегмента.

Само определение *общей цели*, на достижение которой направлено государственное управление, позволяет определить конкретные *задачи*, которые должны быть решены в ходе государственного управления. **Долгосрочной стратегической мишенью государственной информационной политики державы обнаруживается выработка открытого информационного общества на базисе эволюции единого информационного пространства монолитного государства, его интеграция в мировое информационное пространство в контексте национальных особенностей и горизонтов при обеспечении информационной безопасности на внутригосударственном и международном уровнях.**

Из этого следует, что *общей целью государственного управления в информационной сфере* является построение **информационного общества**. Необходимо учитывать и тесное взаимовлияние и взаимообусловленность различных сфер жизнедеятельности общества: экономической, социальной, информационной в процессе цивилизационного развития общества. Это означает, что становление информационного общества, кроме развития собственно сферы информационных и информационно-инфраструктурных отношений, детерминировано в значительной степени и состоянием развития других сфер жизнедеятельности общества: образования, науки, культуры, промышленности, сельского хозяйства, которые выступают как производителями, так и потребителями значительных массивов информации, а затем стимулируют развитие информационной сферы.

Из приведенного следует, что для обеспечения становления информационного общества государство должно воздействовать не только на информационный сегмент, но и прочие сферы отношений социума. Следственно, формирование информационного общества как качественно новейшего цивилизационного периода формирования и эволюции всего общества должно интерпретироваться как коллективная перспективная цель работы державы в комплексе, которая заключается в модификации всего масштаба социальных взаимоотношений, с

ударением на целостное развитие информационных и информационно-инфраструктурных отношений.

В контексте достижения этой общей цели к определению цели государственного управления в информационной сфере следует подходить на основе выявления определяющей потребности человека в условиях становления новой общественной формации. Такой потребностью в условиях развития информационного общества является потребность в информации, ведь, как отмечал А. А. Чернов, на сегодняшний день именно информация становится одним из стратегических ресурсов развития государства и общества, ресурсом социально-экономического, технологического и культурного развития [8, с. 13].

Именно поэтому в условиях информационного общества для обеспечения своих растущих информационных потребностей люди все чаще вступают в информационные отношения, а информационная сфера становится ведущей сферой жизнедеятельности такого общества. Государственное управление как непосредственно организующая и регулирующая деятельность призвано направить эти отношения таким образом, чтобы максимально удовлетворить потребности их участников в информации. Следовательно, целью государственного управления в информационной сфере на современном историческом этапе является обеспечение удовлетворения потребностей личности и общества в целом в информации как стратегическом ресурсе его конструктивной эволюции.

Такая общая цель может быть уточнена путем раскрытия ряда более конкретных *задач государственного управления в информационной сфере*. Учитывая современное состояние развития информационной сферы в нашей державе, к этим задачам следует отнести:

1) достижение значительного уровня развития информационно-телекоммуникационной инфраструктуры на базисе широкомасштабного внедрения информационно телекоммуникационных технологий во все сферы жизнедеятельности социума;

2) дальнейшее развитие отечественных научно-технических и производственных возможностей в данной сфере;

3) эволюцию мощной системы национальных информационных ресурсов как фактора видоизменения державы в социум, прогресс которого основывается на научных познаниях;

4) сотворение рынка информационных продуктов и услуг на ядре равенства всех форм собственности, ручающегося за права умственной собственности на информацию и информационно-телекоммуникационные технологии;

5) гарантирование самостоятельности средств массовой информации и недопущение злоупотребления свободой слова с целью посягательства на моральные и духовные ценности общества, прав и свобод граждан;

6) обеспечение беспрепятственного доступа к информации при содействии высокого уровня информационной безопасности личности, общества, государства;

7) дальнейшая интеграция Российской Федерации в мировое информационное пространство при условии гарантирования ее информационного суверенитета и национальной информационной идентичности.

Основные направления деятельности государства по достижению его целей и задач именуется функциями. Взаимосвязь функций и задач государства состоит в том, что функции государства обусловлены его целью и задачами, стоящими перед ними на том или ином этапе развития, таким образом, *функции государства в информационной сфере — это основные направления деятельности государства, направленные на решение и реализацию его задач в этой сфере с целью удовлетворения информационных потребностей личности и общества в условиях становления и прогресса информационного общества*.

К основным направлениям деятельности государства, т. е. его функциям в информационной сфере отнесем:

1) обеспечение доступа граждан к информации;

2) создание государственных систем и сетей информации;

3) укрепление материально-технических, финансовых, организационных, правовых и научных основ информационной деятельности;

4) обеспечение эффективного использования информации;

5) содействие постоянному обновлению, обогащению и хранению национальных информационных ресурсов;

6) создание общей системы охраны информации;

7) содействие международному сотрудничеству в области информации и гарантирование информационного суверенитета;

8) увеличение разнообразия и количества электронных услуг;

9) развитие научно-технического, инновационного потенциала в области информационно-коммуникационных технологий;

10) использование этих технологий для решения проблем в сферах здравоохранения, науки, культуры, охраны окружающей среды.

Итак, государственное управление в информационной сфере — это деятельность, направленная на достижение общей цели государственного управления в информационной сфере, — построение информационного общества с помощью решения задач и практической реализации функций государства в информационной сфере. Приведенные признаки государственного управления информационной сферой дают основания определить его как урегулированную нормами права целенаправленную, подзаконную деятельность уполномоченных государственных органов, их должностных лиц, отдельных негосударственных образований по осуществлению исполнительно-распорядительных функций, направленных на практическую реализацию государственной политики в сфере информационных и информационно-инфраструктурных отношений.

Список источников

1. Курашвили Б. П. Очерк теории государственного управления / Отв. ред. М. И. Пискотин ; АН СССР, Институт государства и права. М. : Наука, 1987.

2. Лазарев Б. М. Государственное управление на этапе перестройки. М. : Юридическая литература, 1988.

3. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления: курс лекций. М. : Юридическая литература, 1997.

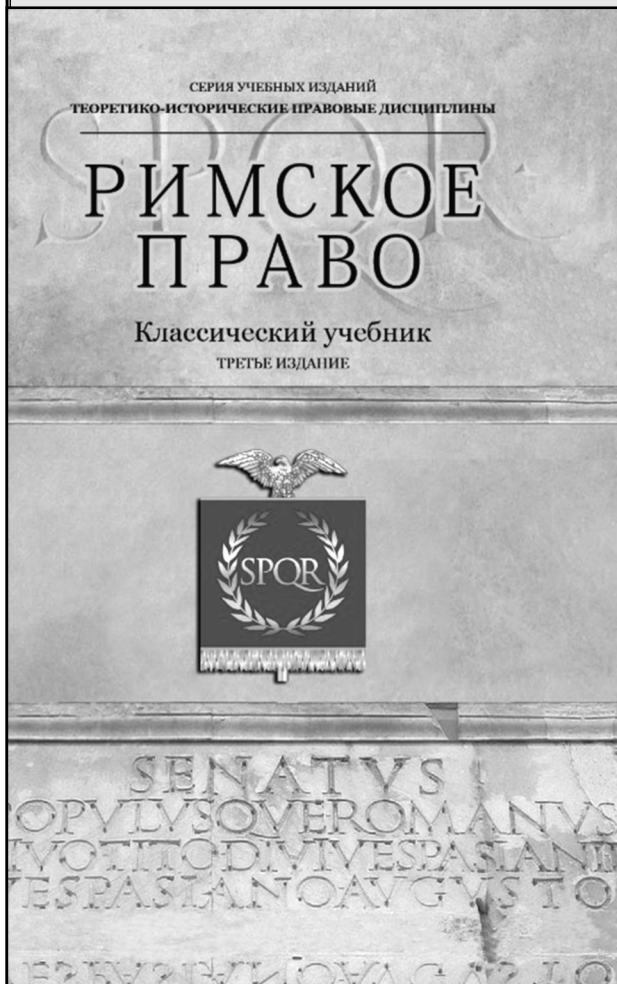
4. Лопатин В. Н. Информационное право: учебник. 3-е изд., изм. и доп. М. : Общество с ограниченной ответственностью «Прспект», 2021.

5. Городов О. А. Информационное право: учебник для бакалавров. 2-е изд. М. : Общество с ограниченной ответственностью «Прспект», 2020.

6. Волков Д. В., Кеклис А. Ю. Информационное право в схемах и определениях: учеб. наглядное пособие. СПб. : Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2023.

РИМСКОЕ ПРАВО

2-е изд., перераб. и доп. Учебник
Гриф УМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
М. М. Рассолов, М. А. Горбунов

В учебник включен материал по всем темам курса «Римское право», дающий представление о системе, источниках и принципах римского права, а также о формах защиты частных прав, правовом положении лиц и об объектах правоотношений в римском обществе. Изложены основные понятия и элементы семейного, вещного, договорного и наследственного права. Приведена подробная классификация обязательств в римском частном праве.

Для студентов бакалавриата, обучающихся по специальности «Юриспруденция», аспирантов и преподавателей, а также для всех интересующихся римским правом.

7. Смоленский М. Б., Алексеева М. В. Информационное право: учебник. М. : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «КноРус», 2021.

8. Чернов А. А. Становление глобального информационного общества: проблемы и перспективы. Дипломатическая академия МИД России. М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2003.

References

1. Kurashvili B. P. An essay on the theory of public administration / Ed. M. I. Piskotin ; Academy of Sciences of the USSR, Institute of State and Law. M. : Nauka, 1987.

2. Lazarev B. M. Public administration at the stage of perestroika. M. : Legal literature, 1988.

3. Atamanchuk G. V. Theory of public administration: a series of lectures M. : Legal literature, 1997.

4. Lopatin V. N. Information law: textbook. 3rd ed., ed. and add. M. : Limited Liability Company «Prospect», 2021.

5. Gorodov O. A. Information law: a textbook for bachelors. 2nd ed. M. : Limited Liability Company «Prospect», 2020.

6. Volkov D. V., Keklis A. Yu. Information law in schemes and definitions: textbook, visual aid. St. Petersburg : St. Petersburg Institute (branch) VGU (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2023.

7. Smolensky M. B., Alekseeva M. V. Information law: textbook. M. : Limited Liability Company «Kno-Rus Publishing House», 2021.

8. Chernov A. A. The formation of the global information society: problems and prospects. Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. M. : Publishing and Trading Corporation Dashkov & Co., 2003.

Информация об авторах

А. А. Беженцев — доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

Н. А. Игошин — доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

A. A. Bezhentsev — Associate Professor of the Department of Law of the Northwestern Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

N. A. Igoshin — Associate Professor of the Department of Law of the Northwestern Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.11.2023; одобрена после рецензирования 10.01.2024; принята к публикации 22.02.2024.

The article was submitted 28.11.2023; approved after reviewing 10.01.2024; accepted for publication 22.02.2024.